

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. С.М. КИРОВА
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
АДМИНИСТРАЦИЯ г. ПСКОВА

1100 – летию г. Пскова посвящается

ПСКОВСКИЙ КРАЙ В ЛИТЕРАТУРЕ

*Допущено Учебно-методическим объединением
по направлениям педагогического образования Министерства образования
Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений.*

ПСКОВ 2003

ББК 83.3(2Рос=Рус)+63.3(2Рос-4Пе)

П 868

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ПГПИ им. С.М.Кирова

Составитель и главный научный редактор:

доктор филологических наук, профессор **Н.Л. Вершинина**

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук **И.В. Мотеюнайте**;

кандидат филологических наук, доцент **А.Г. Разумовская**;

кандидат филологических наук, доцент **Н.В. Цветкова**.

Авторский коллектив: Т.Е. Автухович, А.А. Бологов, В.Н. Бредихина, Н.И. Вершинина, Н.Л. Вершинина, Л.В. Грекова, И.Д. Журавлева, Л.А.Казакова, О.А. Калкин, Е.Г. Киселева, Е.А. Козлова, В.П. Краснопевцев, Н.Г. Лапина, Б.В. Мельгунов, С.Е. Митрофанова, М.Р. Михайлова, И.В.Мотеюнайте, В.М. Мухин, В.И. Охотникова, И.Я. Панченко, И.И.Петрова, И.В. Полковникова, А.Г. Разумовская, В.Г. Степанов, А.В. Филимонов, Н.В.Цветкова.

Рецензенты:

доктор филологических наук, ст. научный сотрудник ИРЛИ РАН

С.А. Фомичев;

заслуженный учитель школы РСФСР **Т.Б. Жукова**;

член редакционной коллегии журнала «Псков» **Е.П. Матвеев**.

П 868 Псковский край в литературе./Под ред. Н.Л. Вершининой.

Псков: ПГПИ, 2003 - 808 с.

Книга «Псковский край в литературе» является первым обобщающим трудом по данной теме. Большинство представленных в ней литературных явлений до сих пор не изучалось филологами и краеведами. Адресуя книгу, прежде всего, псковичам, авторы преследовали цели патриотического воспитания, стремились углубить представление об отечественной культуре, обогатить его региональным компонентом. Систематизированные материалы по псковскому краеведению дополняются методическими рекомендациями учителю, что позволяет использовать книгу как учебное пособие в школе и вузе.

П 868

ISBN 5-87-854-236-6

© Псковский государственный
педагогический институт
им. С.М. Кирова, 2003
(ПГПИ им. С.М.Кирова), 2003

© Авторский коллектив, 2003

ОТ РЕДАКЦИИ

В преддверии 1100-летия г. Пскова кафедра литературы Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова подготовила книгу «Псковский край в литературе». Она является первым в псковском литературном краеведении систематизированным и научно выверенным трудом по истории родного края от древнейших времен до современности.

В первую очередь авторы-составители преследовали патриотические и нравственные цели воспитания молодого поколения на основе любви и уважения к своей малой родине, ее святыням, населяющим ее людям. Но собранный материал настолько нов и объемен, настолько насыщен ранее неизвестными фактами, что ее адресатами могут быть не только учащиеся высшей и средней школы, но и самые широкие круги общественности.

Впервые вводятся в культурный и научный обиход сведения литературно-краеведческого и биографического характера, связанные с Псковским краем, в очерках о Ф. Прокоповиче, Д.И.Фонвизине, Е.А. Болховитинове, П.А. Корсакове, А.А.Ивановском, Р.М. Зотове, М.А. Назимове, А. Дюма, А.В.Дружинине, А.С. Зеленом, М.П. Погодине, А.М.Жемчужникове, К.К. Случевском, А.Г. Достоевской, Ф.Сологубе, поэтах «блоковского круга», И.А.Бунине, холмоковском «узле культуры» и многих других писателях XVIII – XXI вв.. Отдельные разделы посвящены литературной жизни Пскова в военные и послевоенные годы, а также литераторам

современной Псковщины (И.А. Васильеву, Е.П.Нечаеву, И.В.Виноградову, Л.И. Малякову, С.С. Гейченко, Е.А.Маймину, В.Я. Курбатову, А.А. Бологову, С.А. Золотцеву, И.Е. Калинин, И.Я. Панченко и др.). Впервые в исследовательской литературе достаточно полно освещена деятельность Псковской писательской организации.

В целом вниманию читателей предлагается более 80-ти имен и биографий псковских литераторов.

Среди авторов и участников этого коллективного труда – преподаватели кафедры литературы ПГПИ, аспиранты, студенты, учителя, школьники, музейные работники, писатели. Редакционная коллегия выражает благодарность И.В. Авакьян, З.Ф. Игнатъевой, М.А. Кузьменко, В.Н. Финаевой, Л.А.Юсуповой, Е.С. Старшовой, предоставившим авторам материалы по отдельным темам; сотрудникам Отдела краеведческой литературы Псковской областной научной универсальной библиотеки, Отдела редких и рукописных книг Псковского государственного музея-заповедника за содействие в работе.

Книга включает в себя особый раздел «В помощь учителю», где представлены материалы, необходимые учителю-словеснику в учебной, научной и внеклассной работе со школьниками.

Изученность литературы Псковского края до сих пор ограничивалась лишь некоторыми, наиболее заметными фактами, извлеченными из разных исторических периодов. Предлагаемая книга, как надеются ее авторы, восполнит этот пробел, обогатив представления современных читателей о литературной Псковщине.

В то же время они сознают, что охватить весь материал по теме в пределах одной, даже значительной по объёму работы, невозможно. Изучение псковского литературного краеведения не имеет и не будет иметь обозримых границ.

Не должны быть забыты слова Евгения Болховитинова: «Недостаточно образованны те, которые не знают своего родного; не следует пренебрегать малым, без которого великое не может быть совершенно».

ГЛАВА I

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕГО ПСКОВА

о домонте. Местъ рожь и сїи оудни
сїи мѡуспѣѣ. и шхрѣбостіи сїи бѣдо
монте и кѡскаго. и поиде кѡскаго
рѣпѣи о мѣи шѣбѣи бѣи корѣи и пло
дѣи. и пѣи о мѣи. и пѣи о мѣи.

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕГО ПСКОВА

Литература древнего Пскова была органической частью древнерусской литературы. Произведения псковских авторов и произведения на псковскую тематику получили известность не только на Псковской земле, многие из них стали любимым чтением древнерусских книжников далеко за пределами Пскова и сыграли важную роль в развитии древнерусской литературы и становлении русской духовности.

Эстетическое своеобразие древнерусской литературы состоит в особых, отличных от современной литературы, принципах отражения жизни в художественном произведении. В литературе Древней Руси приглушено личностное начало, древнерусские авторы не мыслили о себе высоко, не стремились к самовыражению ни в оценке происходящего, ни в стиле, они писали не столько от лица «я», сколько от лица «мы» и выражали коллективное мнение. Древнерусскому автору свойственно было самоуничижение, что проявляется, в частности, и в такой черте древнерусской литературы, как анонимность: мы не знаем авторов большинства древнерусских литературных памятников, они редко указывали свои имена в написанных ими произведениях. Создавая литературные произведения, древнерусские авторы следовали определенным правилам, определенному литературному этикету, который складывался из представлений о том, как приличествует повествовать о том или ином герое, о том или ином событии. У каждого жанра древнерусской литературы был свой этикет, свои

правила того, как должно вести повествование, с чего начинать и чем заканчивать, в каких выражениях описывать ту или иную ситуацию. Тематика и образный строй древнерусской литературы тесно связаны с историей - национальной и всемирной. В основе литературных произведений Древней Руси лежит исторический факт, реальное событие, древнерусская литература не знает вымышленных героев и вымышленных сюжетов, она повествует об исторически значимых событиях в жизни исторически значимого лица. Бытовая, частная, внеисторическая сторона жизни человека очень редко становилась объектом изображения в произведениях древнерусской литературы. Исторический сюжет, как правило, развивается на фоне сравнений, примеров, аналогий из истории библейской, отечественной и всемирной, что подчеркивает значимость описываемых событий не только для современности, но и с точки зрения вечности. Характеризуя эту особенность древнерусской литературы, Д.С. Лихачев писал: «Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет - мировая история, и эта тема - смысл человеческой жизни». Не случайно одним из ведущих жанров древнерусской литературы была летопись.

Псковские летописи - одно из самых монументальных творений псковских книжников, это богатейший источник по истории Пскова, но одновременно по истории Литвы, Ливонского Ордена, Новгорода и других княжеств и городов Древней Руси. Многие исторические события общерусского значения изложены в псковских летописях с иных позиций, с иными оценками, деталями и подробностями, не известными по другим летописям и источникам. Все это делает псковские летописи ценным историческим памятником, к которому постоянно обращаются не только историки, но и литературоведы, лингвисты, искусствоведы.

Изучение псковских летописей началось в XIX в. В 1848-1851 г. было подготовлено первое издание псковских летописей по всем известным в то время спискам. Их изучение привело ученых к выделению двух самостоятельных летописных

памятников, отличающихся по своим тенденциям, - Псковской Первой летописи и Псковской Второй летописи. В XX в. изучением псковских летописей плодотворно занимался А.Н. Насонов, им были найдены новые списки псковских летописей, их дополнительное исследование позволило ученому выделить не две (как это было сделано при издании в XIX в.), а три редакции псковских летописей, установить основные летописные своды XV-XVI в. А.Н. Насоновым подготовлено научное издание текстов псковских летописей, отличающееся предельной точностью, что является одним из главных условий для дальнейшего изучения псковского летописания. Собственные наблюдения над историей псковского летописания, изложенные в предисловии к изданию псковских летописей и небольшой статье с характерным названием «Из истории псковского летописания», А.Н. Насонов осознавал как начальный этап изучения псковских летописей. Первое специальное исследование по истории псковского летописания появилось в 1975 г. в Висбадене, его автор - западногерманский ученый Г.-Ю. Грабмюллер. Монография Г.Ю. Грабмюллера «Псковские летописи. Исследование о русском областном летописании 13-15 веков» содержит ряд ценных наблюдений над политическими тенденциями и стилистическими особенностями летописных текстов. Изучение летописных текстов XIII-XV в. еще не завершено, осталось много спорных вопросов, предположений, гипотез, которые предстоит обсудить. Изучение псковского летописания XVI-XVII вв. только начинается: определяется сходство и различие летописных текстов этого времени и причины, их вызвавшие, устанавливаются источники, возможные авторы и заказчики. Особый интерес представляют летописные статьи начала XVII в., содержащие ряд уникальных сведений о событиях Смутного времени.

Каковы же основные выводы ученых о развитии летописания в древнем Пскове, в чем они видят значение и своеобразие псковских летописей?

Летописное дело зарождается в Пскове в XIII в., в XIV в. оно принимает регулярный характер, что вызвано ростом духовного самосознания и связано с экономическим подъемом и развитием города, борьбой за политическую независимость от Новгорода - право приглашать собственного князя, самостоятельно решать военные, экономические и политические вопросы. Центром летописания в Пскове на протяжении XIV в. был Троицкий собор, руководили псковским летописанием выборные вечевые власти, в частности, посадники. Псковская летопись XIII-XIV вв. носит по преимуществу деловой, местный характер. Центральное место в летописных текстах XIII-XIV вв. занимают рассказы о сражениях с Ливонским орденом и Литвой, описания «розратий» с Новгородом, записи о строительстве церквей и городских стен, о поставлении князей и посадников, о неурожаях, голоде, эпидемиях («морах»), небесных знамениях и т.д. Сообщения об общерусских событиях в псковских летописях немногочисленны и лаконичны. Даже о таких крупных событиях общерусского значения, как нашествие Батыя в XIII в., псковский летописец записал очень кратко: «Прииде царь Батый на землю Русскую и поима грады. И идоша до Игнача креста и ту воспятишася». Интерес этой краткой заметки в точном указании границы, до которой дошли татары, не делая попыток углубиться в псковские земли. Псковская земля избежала тягот татаро-монгольского нашествия, вероятно, именно поэтому антитатарская тема мало волнует летописца-псковича. Не проявили псковские летописцы особого внимания и к разгрому войск Мамаю в 1380 г., ограничившись кратким замечанием о Куликовской битве: «Бысть похваление поганых татар на землю Русскую, бысть побоище велико, бишася на Рожество святых Богородица, в день субботный до вечера, померкоша, бьющеся. И пособи Бог великому князю Дмитрею, биша на 30 верст гонячися». И только о событиях начала XIV в., избиении татар в Твери, псковский летописец повествует подробно, ибо они имели непосредственные отношения к

Пскову. Во главе антитатарского восстания был тверской князь Александр Михайлович, он более 10 лет княжил в Пскове и оставил в сердцах псковичей добрую память о себе (по словам летописца, он был «совершен умом, целомудр душею»). Когда московский князь Иван Калита, желая сохранить мир с Орду, повелел выдать Александра татарам, то псковичи защищали князя, призывали его не повиноваться князю московскому и не ездить в Орду, говоря: «Изомрем с тобою во едином месте». Александр же не хотел навлекать гнев на псковичей и поехал в Орду, где и был убит вместе с сыном. Подробно о восстании тверичей против татар в начале XIV в. рассказывается в «Повести о Шелкане», псковский летописец освещает эти события по-своему, оценивает их с точки зрения псковских интересов, отдавая дань уважения мужеству и благородству князя Александра.

Основу летописного текста за XIII-XIV вв. составляют краткие погодные записи, точные, конкретные. Например, такие:

В лето 6811.¹ Бысть зима тепла без снега, и бысть хлеб добр велми.

В лето 6815. Бысть псковичем немирье съ владыкою Феоктистом и с новгородцы.

В лето 6818. Заложена бысть церковь святяа Богородица на Горе, камена, при игумене Иеве; и съвершена бысть в лете 6819.

В лето 6822. Изби мраз всяко жито, и бысть дорогость люта, по пяти гривен зобница; и бяше притужно людем велми; бяше же та драгость много время.

В лето 6828. Бысть пожар велик во Пскове от святого Георгия от церкви, погоре все Застенье, а Детинца святаа Троица ублюде в виду.

¹ В Древней Руси летоисчисление велось от сотворения мира, которое согласно средневековым представлениям было за 5508 лет до рождения Иисуса Христа. Чтобы получить привычную для современного человека датировку, нужно из даты от сотворения мира вычесть 5508. Следовательно, «в лето 6811» означает «в год 1303»

На фоне этих кратких записей выделяются описания боевых сражений с ливонскими рыцарями («безбожной латиной») и Литвой, на этом сосредоточено основное внимание летописца в XIV в. Ценность псковских летописных текстов состоит в точности зарисовок военных походов, сражений, осад, набегов и т.д. Летописец имел, по-видимому, современные боевым действиям записи, поэтому он так точен в указании места, времени сражений, перечислении имен участников. Главное, что в этих описаниях множество живых деталей, отражающих непосредственность впечатлений. В летописном художественном тексте нарушается принцип повествования «как должно», непосредственность впечатлений разрушает литературный этикет. Псковский летописец знает и использует формулы, выражения, в которых подобало рассказывать о воинских походах, сражениях, но он находит и свои образы, которые помогают представить происходящее зримо и живо. Так, например, летописец рассказывает о походе в немецкую землю в 1343 г., кратко сообщает о победе псковичей, которые сражались «пять дней и пять ночей, не слазячи с коней», а затем подробно описывает погоню немцев и тяжелое сражение у Нейгаузена. Как и положено, псковичи совершают перед боем молитву, обращаются друг к другу с призывом: «Братья мужи псковичи, не посоромим отець своих и дедов! Кто стар, то отець, а кто млад, то брат! Се же, братья, предлежит нам живот и смерть, потягнем за святую Троицу и за святые церкви, за свое отечество». Моление и обращение с боевым призывом - это этикетные ситуации, и далее в традиционных выражениях автор начинает описание сражения и его результатов: «И бысть бо сеча велика плесковичам с немцы... Овех побиша, а инии прочь побегоша посрамлени. И сташа плесковичи на костех...» «Стояние на костях» (образное выражение, означающее торжество победы и «ображение» поля битвы, погребение убитых) - тоже общее место, этикетная ситуация, так обычно завершаются описания сражений в воинских повестях. В псковской летописи эта этикетная ситуация завершается

лаконичной зарисовкой, позволяющей легко представить происходящее: «А инии псковичи безсонием издурели, и старья и молодые, и тако блудячи по лесу много их погибло, а иные после рати вышли». Приведем еще один пример конкретной детали, включенной в этикетное описание битвы. В 1369 г. псковичи ходили в немецкую землю и взяли один из немецких городов «и пожгоша, а много полона взяша, а немец ових избиша, а инии, в погребех запечатавшеся, подхоша зноом, аки свиния погореша, а псковичи приехаша с множеством полона». В псковских летописях XIV в. вырабатываются свои устойчивые выражения и свои правила описания военных сцен. Враги, как правило, наступают «загордевшеся», «в силе тяжце, без Бога», «с многим замышлением», бегут с поля битвы «посрамлени», «с многим студом и срамом», «не успеха ничто же». Само сражение описывается в самом общем виде (одной из особенностей древнерусской литературы является отсутствие частных и деталей в описании кровавых сражений) - «ових избиша, а инии устремишася на бег», «иссекоша», «а иных изымавше, во Псков приведоша» и т.д. Следует отметить и такую особенность псковских летописей, как любовь к афористической речи, в которой наблюдаются элементы рифмовки («мужи псковичи мечи иссечи», бились « пять дней и пять ночей, не слазючи с коней» и др.).

Основной пласт летописного текста за XIII-XIV вв. составляют погодные записи, которым свойственна простота изложения, краткость, точность и конкретность. В псковских летописях этого времени нет фольклорных преданий и легенд, почти нет и самостоятельных литературных произведений, включенных в состав летописи, можно назвать лишь несколько завершенных в художественном отношении рассказов - описание моровой язвы в 1352 г. и сражений с ливонцами в 1341-1343, 1348 гг.

Псковские летописи на протяжении XV-XVI вв. сохраняют основные черты старшего псковского летописания, но появляются и новые тенденции. В XV в. летописные записи

становятся все более подробными, охватывая события военной, гражданской и церковной жизни Пскова и приобретая постепенно общерусский характер. Расширяется тематика псковских летописей, интерес начинают вызывать события, которые не имеют прямого отношения к Пскову: борьба в Орде, взаимоотношения между русскими князьями, удельные смуты в Русской земле, события в Литве и Новгороде, причем в оценках событий псковские летописи нередко расходятся с новгородскими и московскими летописями. О расширении кругозора псковских летописцев свидетельствует и тот факт, что они обращаются к другим летописным источникам, перерабатывают их и дополняют описание псковской истории известиями из новгородских и общерусских летописей. И сами псковские летописи уже в первой половине XV в. вливаются в общерусское летописание, они стали одним из источников общерусского свода XV в., на основе которого развивалось все последующее русское летописание.

Повествование в псковских летописях в XV-XVI вв. приобретает все более литературный характер. Летописцы XIII-XIV в. были по преимуществу историками, то есть они ценили документальность своих записей, для них самое важное заключалось в исторической точности. События в летописях этого времени, главным образом, фиксировались, но не описывались, за редким исключением, обстоятельно. В XV и XVI в. повествование становится более пространным, события толкуются, оцениваются (иногда очень эмоционально), в них обнажается назидательный смысл, они сравниваются с другими событиями библейской, мировой и русской истории. Меняется и стиль повествования, он становится все более сложным в литературном отношении, появляются разнообразные приемы описания событий, летописцы начинают ориентироваться на определенные литературные образцы. Тексты в псковских летописях XV-XVI вв. осложнены цитатами и параллелями из Священного Писания, Пчелы, произведений отцов церкви, древнерусских литературных произведений («Задонщина»,

«Девгениево деяние», «Поучение» Серапиона, «Моление Даниила Заточника», «Житие Александра Невского» и др.).

Новые стилистические черты ярко проявляются в рассказе 1518 г. об осаде Опочки. О том, что это самостоятельное литературное произведение, свидетельствует необычное для летописной статьи начало: «При самодержце великом князе Василье Ивановиче всеа Русии прииде король польский Жидимонт в Полотеск со многими силами, посла своя многие воеводы великого князя в вотчину во псковскую землю под Опочку под пригород». Далее автор дает пространное перечисление участников битвы, в котором документализм (точное именование участников похода - князь Константин Островский, пан Юрий Радзивил, пан Януш Свищевский и др.) сочетается с литературными деталями: «от цысаря Максимъана, короля Римьского, были люди мудрые, рохмистры, арихтыхтаны (по-видимому, аристофаны), аристотели...» В описании осады Опочки встречаются привычные для псковских летописей формулы («полезоша ко граду со всеми своими замышленми», «отъидоша посрамлени» и др.) и новые приемы повествования. Большую часть описания занимает сравнение осады Опочки Константином Островским с разорением Иерусалима ассирийским царем Сеннахиримом (то есть библейскими событиями), которое очень часто встречается в древнерусских произведениях с воинской тематикой, в частности, оно есть в описании битвы на Неве из «Жития Александра Невского», с которым псковские писатели были хорошо знакомы. Приведем только конечную часть этого сравнения: «Якоже уподобися Островьского прихожению и дружине его Аснахиримлю прихожению на царьский места, з гордостию и похвалою приходиша на государя нашего великого князя вотчину, во Псковскую землю, на град на Опочку, и отъидоша от града посрамлени с великою победою, яко за его безбожие, что хотят разорити святыя церкви, а православное христьянство погубити».

Таким образом, приемы изображения событий и стиль в летописных статьях XV-XVI в. становятся все более разнообразными, сложными. Но не исчезает в псковских летописях любовь к меткому слову. Так, характеризуя деятельность дьяков, присылаемых в Псков, летописец замечает: «И быша дьяки мудры, а земля пуста». Сохраняется склонность к ритмической («А он приеха не по псковской старине, псковичи не зван, а на народ не благ») и рифмованной речи («А местер...много пакости учиниша, и новгородской волости много воеваша, и до Кошкина городка гоняша, муж и жен изсекоша, а иныя в свою землю ведоша, а новгородцы о всем том неберегоша»; «Занеже и сам, сынове, от вас слышу, что сия вещь велика силно и христианству развратно, а Божиим церквам мятно, а иноверным радосто, христиан видяще в таковой живуще слабости»). Нередко используются или обыгрываются в псковских летописях пословицы и поговорки: «не ведуще глава, что язык глаголет»; «Коли де учнут псковичи соколом вороны имать, ино тогда де и мене Черторискаго вспомяните». Но большая часть летописных записей по-прежнему отличается точностью, конкретностью и простотой: «В лето 7025. Паде стены 40 сажен на Крому от Святыя Троицы до костра Снетового над Рыбным торгом, а паде в великий пост. И того лета надела Фрязин Иван ту сорок сажен, а камень возиша священники, а стала сорок сажен великому князю в семьсот рублей, опроче повозу поповского. А псковичи песок носили, решетом сеючи. Тоя же осени делаша псковичи стену в Песках на прудех к Гремячей горе, и песком посыпали; а чаяли литве подо Псков».

Большой интерес как с исторической, так с литературной точки зрения представляют псковские летописные тексты XVII в., еще недостаточно изученные. Среди летописных текстов XVII в. выделяются псковские повести о Смутном времени, в которых авторы-псковичи по-своему оценивают то, что произошло в период Смуты как в Пскове, так и в других русских землях. Псковские повести о Смутном времени отличаются живой и непосредственной реакцией на события начала XVII в.,

самостоятельностью и независимостью суждений о Лжедимитрии и Марине Мнишек, Михаиле Скопине-Шуйском и Иване Заруцком, а также псковских деятелях Смуты, например, о псковском «ложном царе и воре» Матюшке.

Псковские летописи XIII-XVII вв., содержащие богатый и оригинальный материал по истории Пскова, Новгорода, Москвы, Твери и других земель, помогают шире взглянуть на события русской истории, открывают неизвестные ее страницы. Псковские летописные тексты расширяют наши знания о том, как развивались в древнем Пскове представления об эстетических и духовных ценностях, что изменялось в художественных принципах изображения исторических событий.

С летописями тесно связана **«Повесть о Довмонте»**, одно из старейших произведений литературы Древнего Пскова, сохранившееся в рукописных книгах XV-XVIII вв. «Повесть о Довмонте» представляет собой жизнеописание псковского князя Довмонта, который за свое тридцатитрехлетнее княжение в Пскове (1266-1299гг.) одержал ряд крупных побед над Литвой, Ливонским орденом, чуждью. «Повесть о Довмонте» составлена во 2-й четверти XIV в.. Это время, когда закладывались основы псковской историографии, в псковских летописях появляются регулярные записи и обширные историко-литературные рассказы псковского происхождения, что связано с подъемом самосознания псковичей в борьбе за церковную и политическую самостоятельность. «Повесть», в которой княжение Довмонта рассматривается как начало политической независимости от Новгорода, как доказательство его военной самостоятельности и равноправного участия в делах великого князя, отвечала общим настроениям этого времени.

Композиция «Повести о Довмонте» проста, несколько рассказов и лаконичных сообщений о походах Довмонта в литовские и ливонские земли, о победах князя у стен Пскова следуют друг за другом в хронологической последовательности. «Повесть» начинается с сообщения о том, что в 1266 г. литовский

князь Довмонт вместе с дружиной прибежал в Псков, ибо «побились литовцы друг с другом», крестился, получив христианское имя Тимофей, и был посажен псковичами на Псковский стол. Сразу же после этого Довмонт совершил поход в земли литовского князя Герденя, взял в плен его жену и двух детей, на реке Двине произошла битва с литовской погоней, закончившаяся победой псковичей. В 1268 г. Довмонт участвует в походе русских князей на Раковор, а затем самостоятельно идет в Поморье и возвращается с богатой добычей. «И прославилась земля его во всех странах, и страшились все грозы храбрости великого князя Дмитрия (сына Александра Невского, великого князя Владимирского - В.И.), и зятя его Довмонта, и мужей их новгородцев и псковичей», - с гордостью завершает свое сообщение об этом походе автор. Когда ливонцы стали разорять псковские земли, Довмонт выезжает в погоню и на реке Миropовне побеждает врагов. Услышав о мужестве Довмонта, к Пскову идет магистр Ливонского ордена. Довмонт с малою дружиною, «во многой ярости мужества своего» выезжает на битву и обращает ливонцев в бегство. И снова ливонцы приходят на Псковскую землю и разоряют ее, тогда Довмонт, отправившись за ними в погоню, «пленил землю и грады их пожег». 4 марта 1299 г. ливонские рыцари приходят на Псков, разоряют посад, осаждают город. Довмонт в битве у церкви Петра и Павла «на брезе» вновь одерживает победу. Это было последнее сражение Довмонта. Описание деяний Довмонта заканчивается похвалой, в которой автор славит христианские добродетели князя и его воинскую доблесть, уподобляет ратные успехи Довмонта победам великих князей Александра Невского и Дмитрия Александровича. Сообщение о преставлении и погребении Довмонта 20 мая 1299 г. завершается плачем и «жалостью великой» псковичей о любимом князе.

Уже в XIV в. Довмонт почитался псковичами как патрональный святой, защитник и покровитель города, однако его жизнеописание по композиции и стилю не соответствует канонам правильного жития. Отличается от жития и облик

главного героя, в «Повести о Довмонте» воплощен светский идеал князя, в котором нашли отражение псковские представления о «благом» князе: это прежде всего воин, готовый в любую минуту встать на защиту города. Довмонт изображается исключительно в ратных ситуациях, одно сражение следует за другим, и в этой непрерывности вечного боя, в энергичном ритме его жизни главными достоинствами оказываются решительность, горячность, готовность постоять за свою честь и славу и за честь и славу Пскова. В «Повести о Довмонте» ощутимо влияние идеалов и стиля воинских повестей.

В изображении Довмонта много этикетного. Довмонт обращается к дружине с боевым призывом, творит молитву перед боем; дружина уверяет Довмонта в желании «живот свой дати на славу», князь возвращается в Псков со множеством добычи, псковичи с гордостью встречают его. Все это традиционные моменты в изображении князя. Но следование канонам в «Повести» не механическое. Боевой призыв Довмонта, несмотря на его этикетность, неповторим по своему содержанию и мотивам. Довмонт напоминает псковичам об их славе, говорит о тяжести предстоящего сражения, требование преданности себе смягчено напоминанием об общем уделе, духовном и человеческом единстве князя и дружины: «Братья мужи псковичи! Кто стар - тот мне отец, а кто млад - тот брат. Слышал я о мужестве вашем во всех странах, сейчас же, братия, нам предстоит выбрать жизнь или смерть. Братья мужи псковичи, постойм за святую Троицу и за святые церкви, за свое отчество». Другой из этикетных моментов - сборы князя в поход. Общим местом в описании княжеских походов и сражений является указание на малочисленность дружины. В «Повести о Довмонте» оно наполняется конкретным содержанием. В поход на Литву Довмонт отправляется «с тремя девяносто мужей псковичей», в погоню за немцами выезжает «с малою дружиною, в пяти насадах, с шестьюдесятью мужами». Столь же конкретно в «Повести» противопоставление великой силы противника малой

дружины князя. В битве с литовцами на Двине Довмонт «с одним девяносто семьсот победил», в сражении на Мироповне «с шестьюдесятью мужами восемьсот немцев победил, а два насада бежали». Стремление к точности, конкретности является характерным признаком стиля «Повести» и отличает ее от канонических житийных произведений со свойственными им абстрагирующими тенденциями и назидательностью, стиль «Повести о Довмонте» ближе к летописному. С псковскими летописями «Повесть» роднит множество общих формул в описании силы, оснащения и намерений врага, самого хода битвы, любовь к меткой пословичной речи.

Неизвестный автор «Повести о Довмонте» был хорошо знаком с традициями княжеских жизнеописаний. Его литературными образцами были «Житие Александра Невского» Владимирской редакции, «Житие князя Владимира», но главным литературным источником для него стала так называемая Особая редакция «Жития Александра Невского», отличающаяся от остальных житий Александра Невского более светским характером. По мотивам Особой редакции «Жития Александра Невского» составлена заключительная похвала Довмонту, описание битвы с магистром и сообщение о походе в Поморье. Литературные заимствования и параллели должны были подчеркнуть историческое значение деятельности псковского князя, уподобить его ратные успехи победам Александра Невского и его сына Дмитрия, доказать, что «великим князем Александром, и сыном его Дмитрием, и зятем его Довмонтом спасен был Новгород и Псков от нападения поганных немцев».

«Повесть о Довмонте» читалась во всех трех псковских летописях, она вошла в состав общерусского летописного свода первой половины XV в. и многих летописей XV-XVII вв. Существует несколько внелетописных редакций Повести, среди них особо выделяется так называемая Распространенная редакция, составленная в конце XVI-начале XVII вв., она отвечает всем литературным нормам жанра жития, это типичное житие. Рассказы о победах Довмонта сопровождаются в этой

редакции назидательными комментариями и пространными агиографическими характеристиками, поступки Довмонта получают религиозную мотивировку. Если стиль «Повести о Довмонте» XIV в. отличался лаконичностью, сжатостью, простотой, сдержанностью и суровостью, то в Распространенной редакции появляются яркие и зримые картины битв, библейские цитаты и уподобления, зарисовки душевных переживаний героев, многословные характеристики христианских добродетелей князя. Книжная, изысканно-высокая лексика, яркие воинские формулы, сложный, несколько тяжеловатый синтаксис - такие формы приобретает рассказ о Довмонте в Распространенной редакции.

В большом количестве редакций и списков, что свидетельствует об интересе древнерусских читателей к этому произведению, дошло до нас и **Житие Евфросина**. В первой половине XV в. Евфросин основал на реке Толве Елеазаровский Трехсвятительский монастырь, он был автором монастырского устава и нескольких посланий, посвященных церковным обрядовым вопросам. Преставился Евфросин в 1481 г. в возрасте 95 лет; был канонизирован в середине XVI в. В историю русской церкви Евфросин вошел не только как основатель Елеазаровского монастыря на реке Толбе (Толве), но и как защитник сугубой аллилуйи. На протяжении почти двух веков (XV-XVII вв.) велись споры о том, трижды («Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже») или дважды («Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже») нужно возглашать во время служб и молений «Аллилуйя», спор этот имел догматический смысл: троение толковалось как отражение трисоставного единства Бога (Отец, Сын и Святой Дух), двоение воплощало двуединую природу Христа - человека и Бога. Евфросин был сторонником двоения аллилуйи, его авторитетному мнению следовали церковные иерархи в XVI в., а в XVII в., когда официальная церковь признала правильность троения аллилуйи, последователями Евфросина стали старообрядцы. Интерес к «Житию Евфросина» во многом объяснялся этими

догматическими спорами, ни одно из псковских житий не имело такой распространенности, как «Житие Евфросина».

«Житие Евфросина», как и «Повесть о Довмонте», сохранилось в нескольких редакциях, значительно отличающихся друг от друга. Исследователи считают, что первое жизнеописание Евфросина было составлено вскоре после его кончины (1481 г.), не позже 1510 г., поскольку Псков в тексте этого сочинения назван землей свободной, то есть в то время, когда Псков был еще самостоятельной вечевой республикой. В предисловии неизвестный автор ясно говорит о целях своего произведения - открыть тайну сугубой аллилуйи и доказать ее превосходство над трегубой. Полемические цели определили необычную форму его сочинения - автор не соблюдает канонов жития, не описывает биографию Евфросина, подробно излагая лишь историю его споров об аллилуйе с распопом Иовом. Это не столько житие, сколько пространный трактат в защиту двоения аллилуйи, сам автор чаще называет свое произведение не житием, а повестью. В дальнейшем и мы, следуя авторскому именованию, будем называть это произведение «Повестью об аллилуйе». В «Повести об аллилуйе» можно выделить следующие тематические части: 1) предисловие, состоящее из рассуждений автора о догматическом смысле сугубой аллилуйи и современных спорах о ней; 2) повесть о спорах между Евфросином и сторонниками троения - распопом Иовом и его единомышленниками; 3) описание явлений автору Евфросина и его сподвижника Серапиона, понуждающих автора завершить жизнеописание, и Богородицы, раскрывшей автору смысл («тайну») сугубой аллилуйи; 4) описание двух чудес с дьяконом Закхеем; 5) неоконченный список послания Евфросина к духовенству Псковского Троицкого собора; 6) историко-биографические рассказы о сподвижниках Евфросина (Серапионе, Игнатии, Памфиле и др.), его собственной деятельности и истории пустыни (о приходе братии в пустынь, о трудах Евфросина, строительстве церкви, о хождении Евфросина в Царьград и т.д.). Историко-биографические

рассказы не объединены в цельное повествование о жизни и деятельности Евфросина и истории пустыни, они разбросаны, в основном, во 2 и 3 частях «Повести» и являются отступлениями от основной темы. «Повесть об аллилуйе» примечательна как полемическое сочинение, свидетельствующее о не утихающих спорах в новгородско-псковской земле в конце XV - начале XVI в., и как памятник литературы, дающий интересный материал для наблюдений над развитием жанра жития и изображения человека в древнерусской литературе. Центральная тема произведения - правильность сугубой аллилуйи - раскрывается автором не только в отвлеченных богословских рассуждениях, но и в живых примерах: «светоносном» житии и «дивной» кончине Евфросина и неблагочестивой жизни и «злой» смерти гордого умом, «дострочного» философа распопа Иова. Характеристика двух противников более всего интересна в литературном отношении.

Биографических сведений об авторе «Повести об аллилуйе» не сохранилось. Исследователи высказывают разные мнения о времени составления «Повести об аллилуйе», личности автора и целях его произведения. Одни считают автора «Повести об аллилуйе» учеником и последователем Евфросина, монахом Елеазаровского монастыря. Другие полагают, что в конце XV - начале XVI в. игуменом монастыря Памфилом, учеником Евфросина, специально для составления жития преподобного был приглашен писатель, ставший послушным исполнителем воли игумена и братии. Наиболее аргументирована точка зрения историка псковской монастырской жизни Н.И. Серебрянского. Исследователь считает, что автор «Повести об аллилуйе» не был монахом Елеазаровского монастыря: он плохо знаком с историей пустыни, не знает ближайших сподвижников Евфросина. После явления ему во сне Евфросина и Серапиона автор идет к игумену Памфилу и расспрашивает его о том, кто такой Серапион, действительно ли он одним из первых пришел в обитель к Евфросину. Текст «Повести» не дает оснований утверждать, что она была составлена по чьей-то официальной инициативе. В

«Повести» много неясных рассуждений, собственных авторских толкований, расходящихся со взглядами Евфросина, нет ни одной даты и стройно изложенной биографии святого. Этого не должен был допустить игумен Памфил, заинтересованный в составлении подробного жития и правильном изложении взглядов Евфросина и самой сути споров о сугубой аллилуйе. «Повесть об аллилуйе», считает Н.И. Серебрянский, носила неофициальный характер и сохранила следы личных взглядов автора и его интереса к вопросу об аллилуйе, который и привел его в Елеазаровский монастырь. Здесь автором были начерно записаны рассказы Памфила и других монахов, а завершена «Повесть» была уже вне стен обители, возможно, в каком-нибудь новгородском монастыре. Таким образом, Н.И. Серебрянский считает, что автор «Повести об аллилуйе», рассказывающей об одной из самых острых полемических баталий XVI в. в Пскове, не был псковичом. В литературном отношении «Повесть об аллилуйе» одно из интереснейших произведений древнерусской литературы, ее автор был самобытным писателем, его художественный талант проявляется как в богословских рассуждениях, так и в описании сложных человеческих характеров.

Автор «Повести об аллилуйе» не создал канонического жития, эту задачу выполнил в 1547 г. псковский агиограф Василий-Варлаам. Разбросанные в тексте «Повести о аллилуйе» «ово zde, ово инде» биографические сведения Василий разместил в хронологическом порядке и дополнил их общими для житийной литературы местами. Подробнее о творчестве Василия-Варлаама речь пойдет дальше.

Елеазаровский монастырь, созданный Евфросином, в конце XV - первой половине XVI в. играл в духовной и литературной жизни Пскова важную роль. Следует отметить, что Евфросин и сам оставил после себя несколько сочинений. Кроме «Послания к архиепископу Евфимию» и «Послания к духовенству Троицкого собора», Евфросин составил свое краткое жизнеописание, оно является вступлением к монастырскому уставу, написанному им, как считают исследователи, в 50-60-е

гг. XV в. И краткая автобиография, и монастырский устав, определяющий правила жизни в монастыре, свидетельствуют о начитанности Евфросина, умении стройно и ясно излагать мысли. Устав Елеазаровского монастыря, написанный Евфросином, основывается на многочисленных источниках, он затрагивает самые разные вопросы монастырской жизни. «О злате и серебре», «О странноприимстве», «О ястии и питии», «О бане» - так называются отдельные главы устава Евфросина, всего их около тридцати.

Учеником Евфросина был игумен Елеазаровского монастыря Памфил, автор «Послания о праздновании дня Рождества Иоанна Предтечи». Основные биографические сведения о Памфиле, очень скудные, содержатся в «Повести об аллилуйе», автор которой обращался к Памфилу с неясными ему вопросами о жизни Евфросина и истории монастыря. Не установлено и точное время игуменства Памфила, основным датирующим моментом является тот факт, что «Послание» игумена Памфила помещается в Псковской Первой летописи под 1505 г.

«Послание игумена Памфила» - одно из немногих произведений древнерусской литературы, живо и эмоционально рисующее народные обряды в день Ивана Купалы. Это был древний языческий праздник в ночь с 23 на 24 июня, приуроченный к дню высшего солнцестояния, он носил веселый и разгульный характер. В ночь на Ивана Купалу добывали «живой» огонь, жгли костры и прыгали через них, сжигали или топили соломенных кукол, изображавших древних божеств (Купалу, Марену), водили хороводы, собирали травы и цветы, - сорванные в ночь на Ивана Купалу, они считались особо целебными и чудодейственными. С древним языческим праздником совпал один из основных христианских праздников - день Рождества Иоанна Предтечи (Иоанна Крестителя), отмечаемый 24 июня. Купальские игрища противоречили христианским обрядам и морали, церковь пыталась бороться с языческими обычаями и верованиями, но они продолжали жить.

Об этом свидетельствует и «Игумена Елеазаровой пустыни Памфила слово поучительное о дне Иоанна Предтечи к наместнику христолюбивого города Пскова и всему православному христианству» - такой заголовок имеет «Послание Памфила». Возмущенный тем, что день Рождества Иоанна Предтечи все еще проводится в «бесовских игрищах», Памфил пишет в Псков наместнику великого князя и вменяет ему в обязанность искоренять остатки язычества. По мнению Памфила, в этот день люди бесчестят Бога, впадают в неистовство и услаждаются непотребными игрищами: «Зашумит город, и возгремят в нем люди, охваченные беспутством...стучат бубны, поют сопели, гудят струны. Плескание и плясание, тайные знаки головой, непристойные крики и вопли из уст, самые непристойны песни - так угождают бесам жены и девы, и телом вихляют, и скачут, и выплясывают». Описывает Памфил и обычай собирать травы в день Ивана Купалы: «выходят волхвы-мужи и жены-чародейки на луга и болота, в пустоши и дубравы, ища смертной травы и отравного приворотного зелья на пагубу людям и скоту; тогда же копают дикие коренья, чтобы приворожить и свести с ума мужчин». Как человек церковный, Памфил осуждает это веселье с игрищами, плясками и чародейством. Искреннее возмущение Памфила придает описанию купальских игрищ эмоциональность и непосредственность.

Первое «Послание Памфила» не достигло цели: псковские наместники не проявили усердия в борьбе с остатками язычества, и Памфил отправляет в Псков второе послание на ту же тему, позаботившись о том, чтобы оно звучало более убедительно и грозно. В новой редакции «Послания» он почти дословно повторяет описание купальских обрядов, но говоря об ответственности наместников за жизнь и нравы псковичей, о тяжких последствиях и наказании за идолослужение, Памфил обращается к Священному Писанию; примеры и цитаты из Священного Писания придают его словам весомость, обоснованность, торжественность и красноречивость.

Иноком Елеазаровского монастыря был и старец **Филофей**, писатель-публицист, автор посланий, сформулировавший в своих произведениях пророчески-эсхатологическую теорию «Москва-Третий Рим», во многом определившую направление русской церковной и политической жизни не только XVI и XVII в., но и последующих веков. Кроме того, что Филофей был старцем псковского Елеазаровского монастыря, о чем мы узнаем из начальных слов его посланий, никаких биографических сведений о Филофее не сохранилось. Ученые спорят том, что именно принадлежит перу Филофея, какие именно послания были написаны самим елеазаровским старцем, какие принадлежат его последователям. Менее всего вызывает споры принадлежность Филофею посланий псковскому великокняжескому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю Мунехину - «Послание по случаю морового поветрия», «Послание на противящихся Божьей воле», «Послание о неблагоприятных днях и часах» («Послание на звездочетцев»). Только последнее из перечисленных посланий, «Послание о неблагоприятных днях и часах» («Послание на звездочетцев»), его датируют 1523-1524 г., более всего распространенное в рукописной традиции, считается бесспорно написанным самим Филофеем. Некоторые ученые атрибутируют Филофею послания к великим князьям Василию III Ивановичу и Ивану Васильевичу - «Послание о крестном знамении» и «Послание об обидах церкви», имена адресатов в разных списках этих посланий могут меняться или же вообще опускаться.

Послания Филофея посвящены разным проблемам, но в каждом из них с той или иной степенью полноты проявляется теория, получившая в трудах ученых устойчивую формулировку «Москва - Третий Рим». В основе теории «Москва - Третий Рим» лежит идея богоизбранности народов и преемственности царств. Размышляя о путях развития христианской веры, Филофей выделяет в истории христианства несколько периодов, несколько «царств»: эпоха единой христианской веры (римское царство, «Первый Рим»); затем разделение церквей на

католическую и православную, перемещение центра истинно христианской веры в Константинополь («Второй Рим»), столицу Византии; объединение католической и православной церквей на Флорентийском соборе 1439 г. (постановления которого не были признаны на Руси, союз с католиками на Руси был расценен как измена православию), завоевание Константинополя турками в 1453 г. и падение Византии («Второго Рима»). Размышления об истории христианства обостряются в связи с эсхатологическими (предсказание и ожидание конца света) настроениями конца XV - начала XVI вв. Филофей ищет объяснения этим событиям в Священном Писании и его толкованиях и находит аналогию происходящему в пророчествах Даниила о последних временах. Мировая история предстает в пророчествах Даниила как смена одного царства другим; два царства падут, а третье царство, согласно пророчеству Даниила, «вовсеки не разрушится», «будет стоять вечно», после него наступит вечное царство Божие (Библия, Книга пророка Даниила, глава 2). Пророчество Даниила получает в теории Филофея конкретно-историческое истолкование. Первое царство - это римское царство («Первый Рим»), оно пало после того, как единая христианская вера распалась на католическую и православную. Второе царство («Второй Рим») - это византийское царство, оно было побеждено иноверными, ибо перестало быть оплотом истинной христианской веры, согласившись на воссоединение с католиками. Третье и последнее христианское царство, «Третий Рим» - это, по мнению Филофея, российское государство. Так высоко оценивает Филофей предназначение русского государства во всемирно-историческом процессе. Русского православного царя Филофей считает преемником римского и константинопольского владык. В «Послании великому князю Василию об исправлении крестного знамения» Филофей пишет: «Ибо старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова-града, церковные двери внуки агарян секирами и оскордами рассекли.

И вот теперь третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится». Та же идея богоизбранности русского народа и русского царства звучит и в «Послании о неблагоприятных днях и часах» к Мисюрю Мунехину: «Так знай, боголюбец и христолюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книга, и это царство - Российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать». Итак, русское царство- единственное и последнее православное царство во всем мире, оно призвано до конца сохранить в чистоте веру Христову.

Нет ни одного послания, которое было бы целиком посвящено изложению теории «Москва - Третий Рим», она развивается Филофеем в разных посланиях, становясь основой для разрешения актуальных для его времени этических, нравственных, богословских, политических и «научных» проблем.

«Послание царю о крестном знамении» - это наставление царю. Филофей напоминает царю о мировом значении Русской земли - Третьего Рима, царь должен осознать свою высокую миссию правителя единственного православного государства и заботиться о церкви, о чистоте христианских обрядов (в частности, о правильности крестного знамения), о нравственности своих подданных (в послании рисуется картина безнравственной жизни не только в среде мирян, но и в среде духовенства), утешать обиженных, плачущих и рыдающих, переменить «скупость на щедрость и немилосердие на милость». Как и положено древнерусскому писателю, Филофей преисполнен самоуничижения, осмеливаясь поучать царя, он осознает свою дерзость, но не может молчать, вновь напоминая ему о том, что тот должен помнить о своей миссии главы всех христианских народов: «Грешен я и прост во всем и невежда в премудрости, но ведь и бессловесная валаамова ослица

разумного поучала, и скотина пророка наставляла, так и ты не зазри о том, благочестивый царь, что дерзнул я писать твоему величеству. И ныне молю тебя и вновь умоляю: все, что выше я написал, прими Бога ради, ибо все христианские царства сошлись в твоём царстве, после же этого мы ожидаем царства, которому нет конца... И если хорошо урядишь свое царство - будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима».

«Послание о неблагоприятных днях и часах» («Послание о звездочетцах») было написано Филофеем в ответ на просьбу псковского наместника Мисюря Мунехина прокомментировать сочинения известного немецкого астролога и врача Николая Булева, который только что перевел на русский язык книгу «Альманах» с предсказаниями конца света. «Послание о неблагоприятных днях и часах» начинается с традиционного самоуничижения автора, Филофей называет себя «сельским человеком», который учился лишь «буквам», то есть грамоте, «эллинским мудростям не учен, ораторских астрономов не читывал, да и с мудрыми философами в беседе не бывал». В данном случае традиционный мотив наполняется конкретным смыслом, ибо Николай Булев - философ, хорошо обученный «эллинским мудростям». У Филофея свои ценностные ориентиры - Священное Писание и многочисленная христианская литература. В «Послании о звездочетцах» Филофей выступает против астрологии, по его мнению, не звезды («не живые они, а просто невещественного огня суть, в первый день Богом сотворенная»), а Божественный промысел движет миром: «Что касается разрушения царств и стран - не от звезд оно происходит, но от все дающего Бога». Доказывая свою мысль, Филофей рисует поэтическую картину деятельного мироздания, полного разумного созидания. «А о звездном движении, и о солнце, и о луне пусть знает твое величество, что не сами те звезды движутся, ибо бесчувственны, и мертвы, и ничего не видят, ...но ангельскими неведомыми силами... непрестанно они трудятся для человека: те солнце носят, другие луну, иные звезды, те управляют воздухом, ветрами, облаками,

громами, кто от земли воды возносит облаком, и лики земли направляют ангелы на произрастание плодов, на весну и на лето, на осень и зиму». Неустанная деятельность ангелов направлена на благо человека, она пример того, какой деятельной жизнью должен жить и сам человек. «А что касается веры в семь планет, и в двенадцать звезд зодиака, и в прочие звезды, и в плохие часы, и в рождение человека под какой-то звездой, или в час злой, или добрый, определяющий участь, богатство или нищету, порождающий добродетели или пороки, многолетнюю жизнь или быструю смерть, - все то кощунство и басни». Н. Булев был сторонником идеи первенства католического Рима над православием, и эти взгляды сторонника объединения вер также оспаривает Филофей. Как аргумент, доказывающий истинность православия, Филофей излагает свою теорию развития христианства, гибели двух царств - Рима и Византии, причины которой Филофей видит в том, что они отпали от православной христианской веры. «Послание о неблагоприятных днях и часах» заканчивается утверждением богоизбранности Руси, единственной из всех христианских народов сохранившей чистоту веры, и посрамлением тех, кто верит астрологам: «Все христианские царства затоплены неверными, и только одного государя нашего царство одною благодатью Христовой стоит... А звезды, как я и прежде сказал, не помогут ни в чем, не прибавят и не убавят».

Проблемы, которые затронул в своих посланиях Филофей, нашли отклик как у современников, так и у потомков. На основе посланий Филофея возникали новые компиляции (именно поэтому так трудно решить, что именно принадлежит перу самого Филофея), они обрастали рассуждениями, новыми примерами и цитатами, вызывали полемику. Особенности истории текстов посланий еще раз подтверждают умение Филофея в художественной форме сформулировать волнующие идеи своего времени, придать им такую глубину, что его теория оказалась действенной и в последующие века. В создателе теории «Москва - Третий Рим» виден тонкий мыслитель, способный к

широким обобщениям, человек не только начитанный, но и умеющий претворить знания в целостную стройную концепцию.

В конце XV - XVI в. в литературе Древней Руси бурно развивается публицистика. В это время предметом обсуждения становятся самые разные темы - нравственные, богословские, политические, церковные. В посланиях, трактатах, беседах русские авторы рассуждают о том, какой должна быть царская власть, должны ли монастыри иметь право на владения, на каких принципах нужно строить государство, как нужно возглашать во время молений аллилуйя, когда наступит конец света, в чем состоит сущность догмата о Троице и т.д. Кроме Памфила и Филофея, псковичом был и еще один известный писатель и публицист - *Ермолай-Еразм*, автор политических и богословских трактатов, а также нескольких агиографических произведений: - «Повести о Петре и Февронии Муромских», одного из самых популярных произведений древнерусской литературы, и «Повести о рязанском епископе Василии».

О жизни *Ермолая-Еразма* известно немного. Как считают исследователи, в 40-е г. XVI в. Ермолай жил в Пскове, в конце 40-х-начале 50-х гг. оказался в Москве, был протопопом дворцового собора. В 60-е гг. он постригся в монахи под именем Еразма. Расцвет его творчества приходится на московский период его творчества, и тематика его произведений прямого отношения к Пскову не имеет. И все же псковское прошлое сказывается в литературных произведениях Ермолая-Еразма.

Наиболее важным публицистическим произведением Ермолая-Еразма является его трактат, озаглавленный «Благохотящим царям правительница и землемерие» (приблизительный перевод - «Желающим блага царям руководство в землемерии»), условно называемый «Правительница». В «Правительнице» Ермолай-Еразм предлагает царю ряд реформ обустройства Руси с целью улучшить благосостояние его подданных, более всего - крестьян. По мнению Ермолая, царь должен заботиться «не только о вельможах, но и о самых последних. Необходимы вельможи, но

вовсе не трудом своим довольствуются они. Необходимы прежде всего земледельцы: от их трудов хлеб, а от него начало всех благ... И вся земля от царя и до простых людей питается их трудом». Ермолай-Еразм сочувственно относится к крестьянству, которое притесняется и несет бремя непосильных поборов: «А земледельцы постоянно поднимают гнет разных работ: то платя оброк деньгами, то ямские поборы, то еще какие. Те, кто из дармоедов направлены бывают к ним за царскими поборами, и те еще много себе с них берут, кроме назначенного для царя, да и на корм лошадям этих посланных, и на ямские издержки много расходуется денег. Много и других обид земледельцам... Земледельцев мучают из-за денег, которые поступают в царское распоряжение и даются на раздачу для обогащения вельможам и воинам, а не для необходимости». Ермолай-Еразм предлагает взимать с крестьян одну пятую часть урожая, отменив все другие виды денежных поборов (ямские, воинские и т. д.), которые разоряют крестьян и идут на обогащение вельможам. «У всех народов каждый человек отдает своему царю или владыкам часть плодов своей земли: где родится золото и серебро, там золото и серебро и дают, а где во множестве плодится многочисленный скот, там скот и дают, а где водятся дикие звери, там зверей и дают. Здесь, в Русской земле, не родится ни золото, ни серебро, ни многочисленный скот, но Божьим благословением лучше всего родится хлеб на пропитание людям. Так и нужно, чтобы цари и вельможи в дань с земледельца брали пятую часть от их хлеба, как положил Иосиф в Египте». Предлагает Ермолай и более справедливое распределение земель с учетом их состояния (плохие и хорошие земли) и заслуг владельца. Введение такой реформы действительно могло бы облегчить положение земледельцев, которые ныне «в слезах и мучениях из-за недоимок».

Ермолай видит и другую беду, уничтожающую благосостояние и благочестие народа, - корчмы. «Правительница» заканчивается описанием бесчинств, которые совершают люди в пьяном состоянии. По мнению Ермолая, царь

должен уничтожить это зло, ведущее к распутству, смертоубийству: «Но смилуйся, Господи, и вразуми нашего царя уничтожить...всякое хмельное питье. Ведь если в земле нашей не будет пьянства, не будут блудить замужние, не будет и убийств, помимо разбоя... А эта напасть бессмысленно губит и осторожности не знает». Более всего Ермолая-Еразма беспокоит нравственная распущенность в хмельном состоянии, особенно это касается женщин: «А жена сидит уже от хмеля как в обмороке, трезвая твердость пропадает, и приходит ей охота к сатанинской игре, при том что и муж ее распустился и за другими женщинами в мечтах пустился, и взгляды туда и сюда устремляются, и каждый муж чужой жене питье подносит с поцелуем, и тут случается прикосновение руками и сплетение речей потаенных и дьявольские связи. Ведь женщина испытывает стыд, прежде чем однажды не вкусит, когда же вкусит, больше уже не знает стыда и, привыкнув к этому, становится блудницей». Описание картин хмельного веселья и беспутства сделано Ермолаем, вероятнее всего, на основе псковских впечатлений, так как говоря о повсеместном распространении пьянства, Ермолай первым среди городов называет Псков: «Мы же тут видим, что в городе, называемом Псков, и во всех городах русских - корчмы». Естественно предположить, что и описание бедственного положения крестьян было сделано Ермолаем также на основе наблюдений над жизнью псковских земледельцев. Можно сказать, что весь трактат, предлагающий царю пути обустройства Руси, был написан Ермолаем под впечатлением того, что он увидел, будучи еще в Пскове, поскольку, как считают ученые, трактат был отправлен царю в конце 40-х гг. XVI в., то есть сразу после приезда Ермолая из Пскова в Москву.

Гуманистические реформы, предложенные Ермолаем, очень смелые для своего времени, не нашли отклика у царя и вельмож. Более того, в послании к царю («Моление к царю») Ермолай жалуется на враждебное отношение к себе царских вельмож, которое, возможно, и было вызвано его критикой

сильных мира сего, звучащей не только в «Правительнице», но и в других его сочинениях («Главы о увещании утешительном царем, аще хоцещи и велмож», «Поучение к своей душе», «Слово о разсуждении любви и правде и о побеждении вражде и лже»).

Пребывание Ермолая-Еразма в Москве приходится на то время, когда митрополитом Макарием, главой русской церкви, проводилась большая работа по созданию жизнеописаний русских святых, над которыми трудился большой круг писателей. Ермолай-Еразм, по-видимому, входил в Макарьевский кружок книжников, работавших над составлением Великих Четых Миней, огромного сборника, включавшего в себя наиболее «четыи», то есть читаемые, произведения византийской и русской литературы, в основном, это жития. В «Молении к царю» Ермолай пишет, что по благословению митрополита Макария он написал три произведения «от древних», то есть о прошлом, не называя, какие именно. Среди произведений Ермолая-Еразма лишь несколько написаны на историческую тематику, среди них «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и «Повесть о рязанском епископе Василии». Как полагают ученые, по поручению митрополита Макария для Великих Четых Миней Ермолаем-Еразмом могло быть написано именно житие муромских святых.

«Повесть о Петре и Февронии Муромских» стала одним из самых любимых произведений древнерусских читателей. Она рассказывает о жизни двух муромских святых - князя Петра и его жены Февронии, почитавшихся не только на муромской земле, где о князе и княгине было сложено немало легенд; как известно, память Петра и Февронии особо чтит царь Иван Грозный, их гробам он поклонялся и просил о помощи во время Казанского похода. Письменные источники почти ничего не сообщали о муромском князе и его жене, и Ермолай-Еразм обратился к устным преданиям, они оказали на Ермолая-Еразма такое сильное воздействие, что он, высокообразованный писатель, богослов и священник, хорошо знающий жития и

правила их написания, создал произведение, больше похожее на сказку, а не на житие святых. Главной героиней «Повести о Петре и Февронии» стала дочь крестьянина, премудрая дева Феврония, отличавшаяся не только умом, но и благородством, достоинством, верностью. Как видим, Ермолай-Еразм и в этом произведении не изменил своим гуманистическим взглядам, с сочувствием изображая крестьянку Февронию и противопоставляя ее спесивым и завистливым боярам. В Февронии воплощен женский идеал, прямо противоположный тем женщинам, которых изобразил Ермолай, описывая картины «хмельного питья». Феврония скромна, благочестива, трудолюбива, верна своему мужу, без гнева и ропота принимает она все лишения. Но более всего в Февронии восхищает ее ум и мудрость.

Легендарные мотивы и сюжеты о мудрой крестьянке в «Повести о Петре и Февронии» обнаруживают сходство с псковскими легендами о княгине Ольге. В «Повести» имеется рассказ, в котором развивается встречающийся в литературе разных народов мотив «все женщины равны». Петр и Феврония, вынужденные покинуть город, так как бояре не захотели, чтобы княгиней их была крестьянка и повелевала их женами, плыли в ладье по реке. Плывущий на одном судне с Февронией женатый мужчина «посмотрел на княгиню с помыслом». Феврония, заметив его взгляд и угадав его дурные желания, обратилась к нему со словами: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинакова, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?»

В середине XIX в. во время путешествия по Псковской земле П.И. Якушкин сделал запись рассказа о княгине Ольге, в котором будущая княгиня оказалась в сходной ситуации и точно также образумила мужчину, в устном рассказе это князь Всеволод. Приведем эту часть рассказа, записанного П.И. Якушкиным: «С первоначалу жизни, немного попосле, была, как сказано, Ольга крестьянка перевозчицей в Лыбуге. Раз перевозит она князя Всеволода...

- Какой такой князь Всеволод?

- Всеволод да и Всеволод - не знаю... Увидел Всеволод Ольгу и помыслил на Ольгу. А этот князь был женат. Стал тот князь говорить Ольге, а Ольга ему на те его пустые речи ответ: «Князь! Зачерпни рукой справа водицы, испей!» Тот зачерпнул, испил. «Теперь, - говорит Ольга, - теперь, князь, зачерпни слева, испей и этой водицы». Князь зачерпнул и слева водицы, испил. - «Какая же тут разнота: та вода и эта вода?» - спрашивает княгиня Ольга у князя. - «Никакой тут разноты нет, - говорит князь, - все одна вода». - «Так, - говорит Ольга, - что жена твоя, что я, для тебя все равно».

И в XVI в., во времена Ермолая-Еразма, подобные устные рассказы о княгине Ольге бытовали на Псковской земле, они нашли отражение в литературных памятниках того времени. Пространное, очень сложное по композиции и стилю **«Житие княгини Ольги»** читается в **«Степенной книге»** (60-е г. XVI в.), которая представляет собою свод жизнеописаний наиболее известных деятелей русской истории, **«Житие княгини Ольги»** открывает в **«Степенной книге»** пышную портретную галерею русских исторических деятелей. Автор **«Жития княгини Ольги»** (имя его неизвестно, некоторые ученые считают, что оно написано псковским агиографом Василием-Варлаамом, другие - Сильвестром, известным писателем, составителем **«Домостроя»**, учителем Ивана Грозного, есть и другие точки зрения) использовал множество источников, среди них были псковская редакция **«Жития княгини Ольги»** и псковские устные рассказы о княгине Ольге. В главе **«О великом князе Игоре, как**

он сочетался браком с блаженною княгинею Ольгою» есть эпизод, обнаруживающий сходство с устным рассказом о княгине Ольге, записанным П.И. Якушкиным, и «Повестью о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма, однако в «Житии княгини Ольги» он развивается в совершенно ином стилистическом и жанровом ключе.

Начало рассказа о том, как познакомился князь Игорь с Ольгой, своей будущей женой, совпадает с «Повестью о Петре и Февронии» и устным рассказом в самом общем развитии сюжета: мужчина плывет в лодке с женщиной, и в нем вспыхивает страсть. В «Степенной книге» эта общая для всех трех произведений сюжетная схема обрастает иными, чем в «Повести» и устном рассказе, деталями и подробностями. «Когда еще совсем юный Игорь был в псковской земле, - рассказывают некоторые дивное сказание - однажды тешился он охотой и увидел на той стороне реки хорошую добычу; и не мог он перейти на ту сторону реки, потому что не было лодки, и увидел он, что кто-то плывет по реке в лодке, и позвал он лодочника к берегу, и велел перевезти себя за реку. И когда плыли они, взглянул Игорь на гребца того и увидел, что это девица (а это была блаженная Ольга) совсем юная, красивая и отважная. Он никогда ее раньше не видел, и вид ее поразил его (а ведь сказано в Писании: «Похотливые очи зарятся на запретное»). И разгорелась в нем страсть, и обратился он к ней с бесстыдными словами. Она же поняла коварство этих непристойных слов и, пресекая его непристойные речи, не как юная, но как умудренная зрелым умом, сказала, обличая его...» В «Житии княгини Ольги» из «Степенной книги» исчезает наглядный пример «о едином вкусе воды», вместо этого Ольга, обличая намерения князя Игоря, рассуждает «много премудрено о целомудрии»: «Зачем напрасно позоришь себя, о князь, склоняя меня на срам? Зачем, думая о неподобающих вещах, постыдные слова произносишь? Не обольщайся, видя меня, молодую девушку, совсем одну, и не надейся - не возьмешь меня силой. Хоть я и неученая, и очень молодая, и проста нравом, как ты видишь, но я понимаю, что

ты обидеть меня хочешь и говоришь непристойные слова, которых я и слышать не хочу». И далее Ольга говорит, что Игорю нужно уметь побеждать собственное «неразумие», чтобы «праведно управлять державой своей». Игорь удивился зрелому разуму девушки и ее мудрым словам, устыдившись, он в молчании перебрался через реку. Когда же пришло время его женитьбы, он вспомнил «дивную в девицах», ее разумные речи и целомудренный нрав, и «взял ее в жены с подобающей честью». Так автор «Жития княгини Ольги» из «Степенной книги» переработал устное сказание (он сам указывает на устный источник этого рассказа, «якоже нецыи поведаша дивно сказание»; в переводе: «как некоторые рассказали дивное сказание») согласно канонам житийного жанра. Конечно, в устном «дивном сказании» не могло быть ни ссылки на Священное Писание, ни пространной, сложной нравоучительной речи Ольги, составленной в лучших риторических традициях, ни авторских комментариев. Прямыми оценками слов и поступков героини автор «Жития» стремится подчеркнуть идеальные, достойные святой черты Ольги, которая была еще язычницей: «Это первое проявление, благое и достойное удивления, благоразумного юношеского целомудрия блаженной Ольги, еще не знающей Бога и заповедей его не слышавшей». Сравнение «Повести о Петре и Февронии» и «Жития княгини Ольги» показывает принципиально разный подход их авторов к устному источнику: Ермолай-Еразм включает его в свой рассказ почти без изменений, сохраняя живой диалог, простой стиль, наглядные примеры, взятые из обыденной жизни, автор же «Жития княгини Ольги», отталкиваясь от устного источника, существенным образом его перерабатывает, подчиняя канонам жанра жития, требующего высокого стиля и торжественности. Житийные тексты в «Степенной книге», и «Житие княгини Ольги» особенно, отличались исключительной торжественностью и монументальностью, что объясняется официальным, государственным характером памятника. Задачи «Степенной

книги» состояли в том, чтобы прославить и возвеличить «в благочестии просиявших скипетродержателей», представить русскую историю как пышный парад московских государей и их предков, деяния которых составляют «золотую лестницу», уходящую в небо. «Житие княгини Ольги» открывало этот торжественный парад.

Агиографические сочинения Ермолая-Еразма - «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и «Повесть о рязанском епископе Василии» - по-видимому, не удовлетворили митрополита Макария, они не соответствовали литературным принципам Макарьевской литературной школы и стилю официальной литературы этого времени, пышному, многословному, риторическому. «Повесть о Петре и Февронии» не вошла в состав Великих Четьих Миней, многотомного литературного сборника, включавшего рекомендованные церковью и государством к чтению произведения. Сам Ермолай-Еразм попадает в немилость, терпит притеснения от вельмож, о чем жалуется царю, надеясь на его вмешательство. Но царь, по-видимому, не поддержал писателя, и Ермолай-Еразм вынужден был постричься в монахи, отказавшись от участия в политической жизни. В монашестве Ермолай-Еразм не оставил писательскую деятельность, однако произведения «прегрешного Ермолая» этого периода посвящены, в основном, богословским проблемам, особым авторитетом у книжников XVI-XVIII вв. пользовалась его «Книга о Троице», в которой он разрабатывал проблему троичности Божества. В разные периоды жизни Ермолай-Еразм собирал свои произведения в сборники, до нас дошли два таких сборника его сочинений, переписанных рукою Ермолая-Еразма (автографы древнерусских писателей, а тем более целые сборники, переписанные рукою автора, - явление редкое в древнерусской литературе), именно поэтому мы имеем сравнительно полное представление о творчестве этого древнерусского писателя XVI в, жизнь и творчество которого были связаны с Псковом.

Иной была судьба *Василия-Варлаама*, одного из самых известных псковских агиографов XVI в. Большинство своих произведений Василий-Варлаам, как и Ермолай-Еразм, писал по благословению митрополита Макария, и, в отличие от произведений Ермолая-Еразма, они получили официальное одобрение, о чем свидетельствует тот факт, что три написанных Василием-Варлаамом жития - «Житие Александра Невского», «Житие псковского князя Всеволода-Гавриила» и «Житие Евфросина Псковского» - вошли в состав Великих Четых Миней.

Жизнь и творчество Василия-Варлаама тесно связаны с Псковской землей. Точных биографических сведений о нем почти не сохранилось, неизвестно, когда он родился и умер, откуда был родом и когда оказался в Пскове. О некоторых фактах своей жизни он упоминает в написанных им произведениях. Во многих своих сочинениях Василий указывает время их написания, что позволяет достаточно точно определить, в какое время он жил и работал. В «Житии Саввы Крыпецкого» он сообщает о своем пострижении в монахи, анализ текста «Жития Саввы Крыпецкого» позволяет утверждать, что в конце 50-х гг. XVI в. Василий постригся в Крыпецком монастыре с именем Варлаам. Один из книжников, монах Елеазаровского монастыря Феодосий, переписывая в 1575 г. сочинения Василия-Варлаама, добавил в заглавии «Жития новгородского архиепископа Никиты», что его автор Василий-Варлаам был игуменом монастыря Иоанна Богослова. Содержание последних сочинений Василия-Варлаама, и прежде всего чудес Саввы Крыпецкого, привел исследователей к выводу, что в конце своей жизни Василий-Варлаам стал игуменом в псковском монастыре Иоанна Богослова на Мишариной горе, от этого монастыря и доньше сохранилась церковь XVI в.

Псковский агиограф Василий-Варлаам был одним из самых плодовитых писателей Макарьевского круга, он является автором житий псковских святых, которые получили официальное признание и были канонизированы на соборах

1547-1549 гг. (из всех почитаемых псковских святых только Довмонт не был канонизирован) и житий тех святых, которые имели отношение к Пскову. Перечислим произведения, которые бесспорно принадлежат Василию-Варлааму, в их тексте есть прямое указание на то, что они написаны псковским «пресвитером Василием» или же «священноиноком Варлаамом». Первое из известных его произведений - «Житие Евфросина Псковского», оно было написано Василием в 1547 г. на основе «Повести об аллилуйе», Василий переработал ее текст композиционно и стилистически, значительно упростив образный язык автора «Повести об аллилуйе». «Житие Александра Невского», освободителя Пскова, Василий составил до 1552 г. на основе текста древней редакции жития, который он распространил заимствованиями из агиографической литературы; как уже упоминалось, оно было включено в состав Успенских Великих Четий Миней. В состав Царских Великих Четий Миней вошли «Житие» и «Слово на обретение мощей князя Всеволода-Гавриила», следовательно, написаны они были до 1553 г. Приблизительно в 1552-1553 г. Василий начал работу над «Житием Саввы Крыпецкого, первая редакция «Жития Саввы» была завершена им в 1555 г., она заканчивалась описанием 12 чудес. Во всех этих произведениях автор называет себя пресвитером Василием. К «Житию Саввы Крыпецкого» Василий возвращается еще раз в 1559 - 1560 г., дополняя его рассказами о пяти новых чудесах. В описании чуда 1559 г. (последнего, 17, в этом варианте жития) Василий называет себя уже священноиноком Варлаамом, следовательно, между 1555 и 1559 г. он принял постриг.

Священноиноком Варлаамом составлены жития двух новгородских епископов - Нифонта, основателя Спасо-Мирожского монастыря в Пскове, и Никиты. К тому же времени, 1559-1563 г., можно отнести и составление «Жития Исидора Юрьевского», которое, как указывается в заглавии, «списано священноиноком Варлаамом, смиренным мнихом, по благословию пресвященнаго Макария, митрополита

Московского и всеа Руси». Последним произведением с указанием авторства Василия-Варлаама является «Сказание об иконе Знаменье Богородицы Мирожской», написанное им в 1565 г. Кроме житий, Василий-Варлаам написал церковные службы Евфросину, Всеволоду-Гавриилу, Савве Крыпецкому, новгородскому епископу Нифонту, Георгию Болгарскому, замученному турками в 1515 г.

Ученые предполагают, что Василию-Варлааму принадлежат еще несколько произведений, в которых имя автора не названо, авторство устанавливается на основе сопоставлений с произведениями, которые без сомнения были написаны псковским писателем. Доказательства принадлежности этих произведений Василию-Варлааму разной степени убедительности, они все же остаются гипотезой. По мнению ученых, Василий-Варлаам был автором «Похвального слова Алексею, человеку Божию», одной из редакций «Жития Георгия Болгарского», одной из редакций «Жития Иосифа Волоцкого», известного церковного деятеля и публициста XVI в.. Перу Василия-Варлаама приписывают также разные редакции «Жития княгини Ольги». В последнее время появляется все больше доказательств того, что Василий-Варлаам участвовал в составлении «Степенной книги».

Писатель Макарьевского круга, Василий-Варлаам прекрасно освоил и владел канонами житийного жанра и стилем официальной литературы этого времени. Работая над жизнеописанием святого, он не стремился к исторически точному воссозданию его биографии, свою задачу Василий-Варлаам видел в том, чтобы воспроизвести идеальный образ святого, изобразить словесную икону, «сплести похвалу» святому и должным образом, в достойных словах прославить его деяния и чудеса. Многие исследователи признают Василия-Варлаама посредственным писателем, называют его ремесленником, отказывают ему в художественном вкусе, считают его компилятором, который путем определенных риторических приемов и заимствований из других житий (чаще

всего Василий обращается к произведениям Пахомия Логофета, а также Епифания Премудрого) обрабатывал написанные до него тексты согласно эстетическим нормам официальной литературы XVI в., стиль которой Д.С. Лихачев назвал идеализирующим биографизмом. Следование канону, подражание литературным образцам и заимствования из литературных источников в то время не считались признаком бездарности автора, для читателей они служили доказательством его образованности, начитанности, культуры. В Древней Руси ценили «красноглаголанье», умение писать по правилам и выражаться сложно и многоречиво, произведения псковского писателя Василия-Варлаама удовлетворяли этим требованиям.

В списке XVI в. есть «**Житие княгини Ольги**», автором которого, по мнению большинства исследователей, был пскович, в научной литературе оно традиционно называется псковской редакцией «Жития княгини Ольги». Трудно сказать, когда была составлена псковская редакция «Жития княгини Ольги», ясно только, что она была известна уже в XVI в., поскольку стала одним из источников «Жития княгини Ольги» в «Степенной книге». Псковская редакция «Жития княгини Ольги» не получила широкого распространения, ее текст дошел до нас всего лишь в одном списке. Возможно, причины того, что псковское «Житие княгини Ольги» не было востребовано древнерусскими читателями, кроются в его литературных особенностях: «Житие» написано очень просто, оно содержит краткий перечень основных фактов из жизни княгини, известных из летописей и ранних житий. Автор псковского «Жития княгини Ольги» сообщает о замужестве Ольги, которую князь Игорь взял в жены «за многую добродетель и добронравие», о рождении сына Святослава, убийстве Игоря древлянами, но при этом не упоминает о мщении княгини Ольги древлянам, легендарный рассказ о котором читается в летописях. Затем более подробно рассказывается в «Житии» о хождении Ольги в Царьград и крещении. «И пришла святая в Царствующий град и испросила у патриарха святого крещения. Затем царь восхотел

взять святую в жены себе, потому что мудра была и очень красива. И она Божию помощью перемудрила царя и сказала: «Царь, не подобает христианам брать в жены некрещеных». После этого царь с патриархом окрестили святую своими руками во имя Отца и Сына и Святого Духа, и нарекли имя ей Елена. И наставлял ее патриарх в божественном писании. И дала святая патриарху блюдо золотое, украшенное драгоценными камнями и жемчугом, на нужды святому алтарю соборной церкви. И снова царь сказал ей: «Иди за меня, ты уже крещена». Святая же ответила царю: «Не подобает тебе брать меня в жены, потому что породил меня в купели святого крещения». Царь же с патриархом, подумав, решили, что не подобает брать ее в жены, и дали ей царь и патриарх дары многие, и отпустили ее с великою честью в землю Русскую к своему народу».

Этот эпизод доказывает, что автор «Жития» был явно знаком с летописным рассказом о том, как Ольга «переклюкала» (перехитрила) византийского императора, который, пораженный ее красотой, хотел взять русскую княгиню в жены.¹ В «Повести временных лет» рассказывается, что византийский император сказал, обращаясь к Ольге: «Достойна ты царствовать в столице нашей». Ольга поняла тайный смысл его речей и ответила, что не крещена, а если он хочет, чтобы она крестилась, то пусть ее окрестит сам. В летописи подробно описана торжественная церемония крещения Ольги и приведена речь патриарха, обращенная к русской княгине, ставшей христианкой. Торжественная речь патриарха, построенная согласно правилам ораторского искусства, начиналась такими словами: «Благословенна ты в женах русских, ибо возлюбила свет, а тьму оставила. Благословят тебя сыны русские в грядущих поколениях внуков твоих...». После крещения византийский царь пригласил Ольгу к себе и обратился к ней со словами: «Иди за меня, теперь ты уже крещена». На что Ольга ответила, что он стал ее крестным отцом, а христианину не подобает жениться

¹ Не стоит воспринимать этот рассказ как исторически достоверный, это именно легенда, в которой больше вымысла, чем истории.

на своей дочери. И царь, пораженный мудростью Ольги, сказал: «Переключала меня Ольга». В летописном рассказе соединяются два сюжета - сюжет о сватовстве и посрамлении царя и сюжет о крещении Ольги, каждый из сюжетов разрабатывается в своем стилистическом ключе. Сюжет о сватовстве царя выдержан в фольклорных традициях, описание крещения Ольги дано в высоком книжном стиле. В псковском «Житии княгини Ольги» легендарное сказание о сватовстве византийского царя сокращается, мотив посрамления царя Ольгой остается, но язык рассказа становится более литературным, диалог менее живым, исчезает очень сочный глагол «переключала». В летописном рассказе он является главным смысловым аккордом, весь рассказ и был необходим, чтобы в конце его появилось это признание византийского царя - «Переключала меня Ольга». В летописном рассказе есть интрига - сначала не ясно, почему Ольга просит именно царя крестить ее, можно подумать, что Ольга согласна стать его женой. В псковском «Житии княгини Ольги» исчезает эта интригующая недоговоренность, автор сразу же сообщает, что Ольга «упремудрила» (буквально «опередела в мудрости») царя, и читатель уже знает, что все дальнейшие действия Ольги всего лишь хитрость. В псковском «Житии» не столь явно и поражение царя: «подумав» с патриархом, он решил, что действительно не подобает ему брать Ольгу в жены. Сокращается и описание крещения Ольги, от торжественной речи патриарха и похвалы Ольге остается лишь упоминание.

Многочисленные детали свидетельствуют, по мнению ученых, о том, что данное «Житие княгини Ольги» было написано псковским автором. То, что Ольга была родом из Пскова, известно было еще из «Повести временных лет», в статье 903 г. «Повести временных лет» сообщается, что Игорю привели жену родом из Пскова. В псковском «Житии» впервые уточняется, где именно родилась Ольга: «Святая великая княгиня Ольга родилась в Псковской земле, в селе, называемом Выбуты», а далее автор сообщает, что она была «варяжского рода», не из князей, не из вельмож, но из простых людей.

Впервые в псковском «Житии княгини Ольги» появляется и легенда о кресте княгини: уже будучи княгиней, Ольга пришла на место слияния рек Псковы и Великой, «и полюбилось ей это место, и увидела она на том месте три луча божественного света, и поставила крест на месте том (автор добавляет, что крест этот и донныне стоит), и сказала боярам, что на этом месте будет церковь Святой Троицы, и город будет велик и славен». Впоследствии княгиня, как пишется в «Житии», дала много золота «на Плескову реку» на строительство церкви Святой Троицы. Завершается «Житие», как и положено, сообщением о преставлении Ольги и описанием перенесения ее мощей и чудес от ее гробницы. Можно предположить, что основная цель автора псковского «Жития княгини Ольги» и состояла в том, чтобы сообщить подробности псковского происхождения княгини и ее особого покровительства Пскову. Псков в псковской редакции «Жития княгини Ольги» предстает как один из первых христианских русских городов, ибо церковь Святой Троицы появилась в нем ранее церковей в других городах. Совершенно очевиден местный патриотизм автора этой редакции «Жития княгини Ольги», добавившего к ранее записанным легендам о княгине Ольге псковские предания. Рядом с роскошным, пышным, торжественным «Житием княгини Ольги» из «Степенной книги», где одна похвала сменяется другой, а мудрые речи княгини простираются на целые страницы, теряется лаконичный и простой рассказ о княгине Ольге псковского автора. При составлении «Жития» в «Степенной книге» произведение псковского автора было использовано, псковские сюжеты вошли в рассказ о княгине Ольге из «Степенной книги», но в переработанном виде. Современники и потомки предпочли риторическое красноречие «Жития» из «Степенной книги», именно оно чаще всего переписывалось, а значит, и читалось.

К агиографическим жанрам относится и патерик, рассказывающий о святой жизни монахов и истории какой-либо обители. В литературе Древней Руси известно несколько патериков - своеобразных «летописей» монастырской жизни,

древнейшим из них был «Киево-Печерский патерик», ставший литературным образцом для всех последующих произведений этого жанра. Из псковских обителей только Псково-Печерский монастырь имел свою литературно оформленную историю.

Псково-Печерский монастырь, основанный в конце XV в. почти у самой границы с Лифляндией (ныне Эстонией), и в прошлом, и в настоящем - один из крупнейших монастырей России. Для Пскова и Русской земли в XV-XVII вв. Печерский монастырь был и крепостью, охранявшей западные границы, и оплотом православной веры, и духовной обителью, и значительным книжным центром. Псково-Печерские иноки слыли людьми начитанными, знающими, в стенах монастыря велось летописание, в его библиотеке хранились и переписывались уникальные произведения. Так, благодаря псково-печерским книжникам до нас дошло «Слово о погибели Русской земли», в настоящее время известно два списка этого удивительного памятника, воспевающего красоту, величие и славу Руси, и оба списка хранились в библиотеке Псково-Печерского монастыря.

В 20-е гг. XVI в. псково-печерские книжники начинают работать над созданием письменной истории своей обители, в это время была составлена первая редакция **«Повести о Псково-Печерском монастыре»** - монастырский патерик, рассказывающий об открытии пещер, первых подвижниках, строительстве и освящении Успенской церкви, основании монастыря, жизни и деятельности его первых иноков и игуменов. «Повесть о Псково-Печерском монастыре» имеет длительную, сложную, не до конца изученную историю текста. Печерский патерик, начатый в 20-е гг. XVI в., переписывался, редактировался, дополнялся новыми рассказами, особенно интенсивно в конце XVI и первые десятилетия XVII в., постепенно превращаясь в монастырскую летопись, фиксирующую наиболее значительные события из монастырской жизни. Известны имена некоторых авторов и

редакторов, которые создавали новые редакции «Повести о Псково-Печерском монастыре».

В 1531 г. первоначальную редакцию «Повести о Псково-Печерском монастыре» отредактировал *игумен Корнилий*, выдающийся политический и церковный деятель, сыгравший важную роль в истории Псково-Печерского монастыря и истории Пскова. Корнилий стал игуменом Псково-Печерского монастыря в 1529 г., будучи еще молодым человеком 27-28 лет, и возглавлял монастырь 41 год и два месяца. При Корнилие монастырь превращается в один из самых крупных и значительных монастырей на Руси. В годы игуменства Корнилия в монастыре были построены Благовещенская и Никольская церкви, вокруг монастыря была возведена каменная стена с девятью башнями и тремя воротами, превратившая монастырь в настоящую крепость, которая выдержала много осад и приступов, но не была взята. Несколько церквей было построено Корнилием в окрестностях монастыря и в самом Пскове. Существуют разные варианты легенд, связанных со смертью Корнилия. В 1570 г. Корнилий был казнен царем Иваном Грозным, об обстоятельствах и причинах казни знаменитого печерского игумена в письменных источниках нет каких-либо точных сведений. «Повесть о Псково-Печерском монастыре» содержит лишь скупое сообщение о смерти игумена: «от тленного сего жития земным царем был предпослан к небесному царю в вечное жилище». В разных вариантах устных преданий рассказывается, что Корнилий встретил приехавшего в монастырь царя у монастырских врат, разгневанный царь, подозревавший игумена в измене, отсек Корнилию голову, а затем взял его тело на руки и понес к церкви Успения, эта дорога до сих пор называется «кравовой».

Корнилий пользовался большим авторитетом у своих современников, они высоко отзывались о нравственных качествах псковского священноинока. С почтительностью писал о Корнилие князь Андрей Курбский: «Человек святой, великий и прославленный своей добродетелью. Смолоду просиял он монашескими подвигами...». Отмечали современники и

начитанность Корнилия, который «Божественное Писание в конец веши» (знал до конца, то есть полностью).

Корнилий был не только видным политическим и церковным деятелем своего времени, но и литератором. Ученые полагают, что он был автором или редактором Псковской Третьей летописи, составленной в 1567 г. В 1531 г., почти сразу же после того, как он стал игуменом монастыря, Корнилий продолжает работу над монастырской историей и создает новую редакцию «Повести о Псково-Печерском монастыре», она заканчивается авторским послесловием: «Написана же была повесть сия в лето 7039 (1531), при державе государя великого князя Василия Ивановича всея Руси и при архиепископе Великого Новгорода и Пскова владыке Макарии. А писал сию повесть Корнилий, игумен пещеры Сионской, что находится в Пскове, в монастыре Богородичном». Затем Корнилий, используя евангельскую притчу о таланте, зарытом в землю, обращается с благодарностью к человеку, который побудил его описать начало сего святого места: «Приношу тебе и я благодарение, что победил ты мою леность, за которую должен был я наказан быть от Бога, ибо данный мне по возможности моей талант не преумножил и словно похоронил Божии благодеяния. Ныне же, тобою понуждаемый, проповедую о них и передаю их торговцам, чтобы оплодоносили они души верных и чтобы все узнали великую милость Бога, который во все времена проявляет милосердие о роде человеческом, отвращающемся от зла». Задачи своего труда Корнилий видит в достоверном и точном описании начальных событий монастырской истории, ибо о происхождении монастыря и жизни его первого инока ходили разные толки. Он относится критически как к рассказам монастырских старцев, так и к редакции «Повести» 20-х гг., используя только те сведения, которые заслуживали полного доверия, для Корнилия характерна строгость в отборе материала.

«Повесть» Корнилий начинает с пространного вступления, в котором говорит о существовании разных легенд, излагающих

историю открытия пещер «ов сице, а ин инако» (один так, а другой иначе), Корнилий же стремится к «единоречию», хочет устранить «нелепые» противоречия в описании начальной истории монастыря, опираясь на рассказы старых людей и «испытав», что в них «суть истинна и неложна», а также на свои собственные впечатления - «яже слышахом, иная же и видехом». «Повесть» в редакции 20-х гг. начинается с рассказа о Марке, первом старце, который жил некогда на ручье Каменце в пещере, но когда и откуда пришел этот старец, когда скончался и как его звали, было неизвестно. Под именем Марк вписал в монастырское поминание первого печерского старца игумен монастыря Иона, он же указал место его погребения. В 20-е г XVI в., когда было решено переложить мощи Марка в новую гробницу, монахи обнаружили, что гроб его «весь распался», а мощи обросли корнями, «словно войлоком толстым». Предание о первом старце показалось Корнилию недостоверным, и он повелел стереть имя Марка в поминании, а рассказ о нем исключил из «Повести». Это один из примеров строгого отношения Корнилия к устным легендам о начальной истории монастыря.

«Повесть о Псково-Печерском монастыре» в редакции Корнилия отличается от редакции 20-х гг. манерой повествования, ей присуща большая субъективность. Объясняя причины, побудившие его взяться за написание «Повести», рассказывая о жизни монастыря в 20-е гг., рассуждая о случившихся здесь чудесах, Корнилий переходит на повествование от первого лица, описывает свои личные впечатления, вспоминает прошлое, сравнивает, что было «прежде нас и при нас», противопоставляет былую трудную жизнь нынешнему довольству и процветанию. Корнилий вспоминает о том, что раньше в монастыре часто нечего было есть и если появлялись жито и овес, то монахи измельчали их своими руками и пекли хлеб: «Таких хлебов и я застал в том монастыре». Корнилий вспоминает, и как строился новый, уже наземный монастырь, с каким трудом и потом шла работа, как

монахи на своих плечах переносили кельи. Иная манера повествования сказывается и в обилии повторов, уточнений, литературных деталей. Визменениях, которые Корнилий вносит в текст первоначальной редакции «Повести», проявляется стремление подчеркнуть святость пещер, роль Пскова в исторических событиях. Интересно, что все последующие псково-печерские книжники, продолжившие описание истории монастыря, воспользовались не текстом Корнилия, а первоначальной редакцией 20-х гг. Возможно, это было связано с опалой Корнилия, но не исключено, что именно субъективное изложение монастырской истории Корнилием (он мог себе позволить писать от первого лица) стало причиной того, что написанная им «Повесть о Печерском монастыре» не получила столь широкого распространения, как другие редакции «Повести».

Автором редакции «Повести о Псково-Печерском монастыре» конца XVI в. (1583-1587 гг.) был печерский монах *Григорий*. Он дополнил историю монастыря XVI в. новыми легендами (например, легенда об утонувшем старце, тело которого, принесенное в монастырь, перестало смердеть; о наказании болезнью игумена Корнилия, вычеркнувшего имя первого старца Марка в поминании) и фактами, особенно подробно описал деятельность игумена Корнилия, упомянув и о его литературных трудах. В «Повести» в редакции Григория появляются две новые главы, в которых описывается осада Пскова и Печерского монастыря войсками Стефана Батория. Об осаде Пскова Григорий рассказывает со слов игумена Тихона, келаря Арсения и демественника (руководителя церковного хора) Ферапонта, бывших во время осады в Пскове. Повествуя о видении кузнецу Дорофею Богородицы, Григорий ссылается на письменный рассказ «певца Митрофана». Описывая осаду монастыря, Григорий основывался не только на собственных впечатлениях, ибо он был очевидцем и участником обороны монастыря, но использовал и рассказы очевидцев, защитников монастыря и пленных врагов, полностью

процитировал грамоту Я.Замойского, предложившего сдать монастырь и тем самым сохранить свои жизни, и ответ на нее инок Петермуфия, полный достоинства и решимости стоять до конца. Григорий сдержан в оценках героизма псковичей, в традициях древнерусских воинских повестей похвалу мужеству монахов и мирян он вкладывает в уста врагов, которые укоряют самих себя: «Как эту малую крепость, меж гор стоящую и воинов храбрых не имеющую, только монахов и простых людей, крестьян с женами,... не смогли одолеть, но все сражались против невидимого небесного царя воинства». Григорий стремится убедить в святости пещер, в особом покровительстве небесных сил монастырю, что вынуждены признать даже враги. Яснее всего эта мысль воплощена в словах одного из воинов, осаждавших монастырь. Его спросили другие воины: «Пане, у какой крепости ты был?» Он же отвечал: «Стоял у белой крепости Печерской». И снова спросили его: «Взяли ли крепость?» Тот же отвечал: «Как ее взять, если сам Бог изволит там пребывать и Богоматерь». Описание осады монастыря, составленное Григорием под впечатлением достойной победы над неприятелем, представленное в диалогах, речах, рассказах и оценках разных лиц, лишено статичности и сухости, оно получилось динамичным и эмоциональным.

Кроме «Повести о Псково-Печерском монастыре», Григория считают автором и новой редакции **«Жития князя Всеволода-Гавриила»**. Всеволод, в крещении Гавриил, был сыном новгородского князя Мстислава, внуком Владимира Мономаха. Почти вся жизнь Всеволода Мстиславича прошла в Новгороде, здесь он провел детство, учился у отца мудрому правлению, совершил первые походы. После того, как его отец стал великим киевским князем, Всеволод княжил в Новгороде около двадцати лет, он многое сделал для Новгорода, с его именем связано строительство нескольких церквей. Но отношения Всеволода с новгородцами складывались не всегда гладко. После неудачного похода на Суздаль и Ростов в 1135 г. новгородцы изгоняют князя, Всеволод уходит из Новгорода.

Псковичи, напротив, решают пригласить Всеволода к себе на княжение. В 1136 г. Всеволод был торжественно встречен псковичами и оставался в Пскове до своей кончины - 11 февраля 1137 г. Только год княжил Всеволод в Пскове, но оставил благую память о себе, а в городе - заложенный им каменный храм во имя Святой Троицы. Всеволод был первым псковским князем, принятым вопреки воле Новгорода, и первым псковским святым. В 1192 г. были обретены и перенесены в Троицкий храм (Всеволод был погребен в церкви Дмитрия Солунского) мощи князя, здесь они покоятся и доныне. С этого времени начинается почитание Всеволода-Гавриила как псковского святого, общерусское празднование ему было установлено на соборе 1547 г.

Первое полное «Житие Всеволода-Гавриила» было написано в середине XVI в. Василием-Варлаамом, им же написано и «Слово на обретение мощей», оба произведения получили официальное признание, вошли в состав Великих Четых Миней, сохранились в большом количестве списков. «Житие Всеволода-Гавриила» в редакции Василия отличается отвлеченностью, оно составлено на основе традиционных мотивов по правилам житийного этикета. Василий не предпринимал особых исторических разысканий и не затруднял себя анализом сложных взаимоотношений между князьями, между князем и Новгородом. Григорий пытается восполнить информационную скудость «Жития Всеволода-Гавриила» в редакции Василия, погружается в новгородские летописи. По словам самого Григория, он о добродетельном житии Всеволода «от молодых лет и до кончины мало что отыскал в истории новгородской». Убедившись в том, что сведений о Всеволоде не очень много, Григорий извлекает из летописей все, что имеет хотя бы отдаленное отношение к князю, насыщает повествование новыми биографическими и историческими фактами, дает иную трактовку событий. Исторические факты Григорий описывает, следуя летописям как в информации, так и в объяснении причин и следствий событий. С текстом Василия

он обращается свободно, творчески, его перерабатывая и переосмысляя. В своей редакции «Жития Всеволода-Гавриила» Григорий использовал только литературный пласт текста Василия – цитаты из Священного Писания, характеристики, дидактические резюме. Но когда летописи не содержали вообще никаких сведений о событиях, описанных Василием, Григорий опирался на текст Василия, и потому в описании перенесения и обретения мощей Всеволода в 1192 г. заимствований из редакции Василия гораздо больше, ибо о перенесении мощей и чудесах, сопровождавших обретение мощей, не рассказывается в летописях. Однако и в «Слове о явлении мощей» Григорий следует за Василием не механически, он изменяет композицию рассказа, по-иному располагает сюжетные мотивы и т.д. Отталкиваясь от мотива, приема, намеченного у Василия, Григорий развивает его, обнаруживая незаурядные риторические способности.

Биографию Всеволода Григорий начинает издалека, перечисляя всех предков Всеволода, начиная с княгини Ольги, Игоря, Святослава Храброго, Владимира, крестителя Руси, Ярослава Мудрого, более обстоятельно повествуя о деде Владимире Мономахе и отце Мстиславе, подробно излагая легенду о дарах Мономаха. На первый взгляд, это кажется лишним. Но следует вспомнить, что «Житие» Григорий писал в конце XVI-начале XVII в., когда вопросы родословия и престолонаследия переживались необычайно остро. И тот факт, что Всеволод - внук знаменитого Владимира Мономаха, которому были переданы царские регалии («дары Мономаха») от византийского императора, сын справедливого и храброго Мстислава, унаследовавшего киевский престол от своего отца, был для Григория чрезвычайно важен. Происхождение Всеволода многое объясняло в его поведении и образе его правления. По мнению Григория, Всеволод - достойный продолжатель заветов своих предков - Владимира Святославича, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха. Другая причина углубления в историческое прошлое состоит в стремлении

показать, что псковский святой - один из первых русских святых в княжеском роде, что вызывает особую гордость Григория как псковича, святыми «прародителями» Всеволода Григорий называет Ольгу, Владимира Святославича, крестителя Руси, Бориса и Глеба.

Много внимания Григорий уделяет строительной деятельности Всеволода и изложению двух юридических произведений, составление которых атрибутируют Всеволоду, - церковного Устава, определяющего место владыки и владычных органов в новгородской жизни, и Рукописания, посвященного организации купеческой корпорации при церкви Иоанна на Опоках в Новгороде. И это тоже не случайно. Всеволод предстает в «Житии» не как князь-воин, а как мудрый устроитель добрых, основанных на законе отношений между разными людьми, между разными институтами власти, церковными и светскими. И сам князь являет пример того, как нужно поступать по совести и править по закону, отказываясь от власти и славы.

Григорий свободно владеет разными стилевыми манерами. В изложении конкретных фактов Григорий по-летописному лаконичен и прост, особой безыскусностью отличаются рассказы о явлении мощей Всеволода, в них чувствуется устная легендарная основа, мало измененная автором. И в то же время, комментируя и поясняя факты, Григорий вводит в повествование многочисленные исторические и библейские параллели, все пытается оправдать и подтвердить авторитетом Священного Писания. Вступления и заключения, авторские пояснения, многословные похвалы Всеволоду доказывают, что Григорий прекрасно владеет приемами «плетения словес», сложного стиля официальной литературы XVI в. Как пример приведем заключительное молебное обращение к святому, оно сплетено из традиционных мотивов, и в то же время похвала Всеволоду насыщается у Григория историческим содержанием. Григорий прославляет не абстрактного святого, наделяя его приличествующими святому чертами, он отмечает прежде всего

те качества Всеволода, которые он проявил в своей деятельности, - терпение и незлобие, соблюдение законов, правил, завещанных предками: « И вновь, все вместе соединившись, молим тебя, о богоблаженный Божий святой, великий князь Гавриил, твердый алмаз незлобивого терпения, веры непоколебимой столп, церковное основание и украшение, божественных правил отеческих заветов собрание и укрепление, благочестия поборник изрядный, исполнитель верный законов, завещанных предками его, - благочестивой великой княгиней Еленой-Ольгой, и внуком ее, ревнителем апостолов, великим князем Василием-Владимиром, и сыновьями его Ярославом, Борисом и Глебом, и всеми после них бывшими великими князьями. С ними вместе предстоя перед святой Троицей, испроси благочестивому царю нашему победу над супостатами, и здравие, и исцеление благоутишное. Избавляющий от всякой печали, даруй ему благие мысли в сердце его о церкви твоей, о благоденствии всех людей и мирное правление. И продли дни его, и дай видеть сыновей сынов своих, сохрани бояр его в послушании и страхе и вере православной, а воинов его неподкупными во всех землях. Помогай в борьбе с супостатами, наставляй пребывать в целомудрии, и благоразумии, и покорности... Град сей Псков и все грады христианские избави от нахождения иноплемеников, и от всякого наказания и гнева, глада и огня, и междоусобной брани, и всяких наветов и злобы, видимых и невидимых врагов. Защити свыше от всякой скорби и недугов, исцели немощи наши, приходящих к раке мощей твоих, и призывающих всегда имя твое святое, и преклоняющихся, и осеняющих себя крестом, и целующих образ твой пресвятой». И «Повесть о Псково-Печерском монастыре», и «Житие Всеволода-Гавриила» характеризуют Григория как мыслящего писателя, знатока летописей и устных псковских преданий, умело сочетающего в своих агиографических произведениях документальность в описании событий и высокую риторику в авторских комментариях к ним.

Наряду с правильными житиями, созданными образованными книжниками, в древнерусской литературе существовали жития, написанные неискушенными в книжной премудрости авторами. Как правило, они создавались на основе устных рассказов и легенд о святом, живших в народе, и отражали народные представления о святости и идеальном образе святого. Так появлялись народные редакции житий, особенно часто встречающиеся в литературе северных земель. Примером такого народного жития в литературе Древнего Пскова может быть **«Житие Никандра пустынножителя»**.

Преподобный Никандр - псковский подвижник XVI в. (1507?-1581 гг.), основатель Никандровой пустыни, которая находится в нескольких километрах от г. Порхова. Среди болот и лесов Никандр построил небольшую хижину и жил один, редко видя людей и общаясь с ними, монастырь и братия появились на этом месте уже после его смерти. В 1687 г. было освидетельствование мощей Никандра и установлено его общерусское почитание, но как местный святой Никандр почитался и раньше. Преподобный Никандр, считает исследователь псковской монастырской жизни Н.И.Серебрянский, «подвижник замечательный, исключительный не только в истории псковского монашества, но и в истории монашества общерусского». В конце XIV-XV вв. на Руси были основаны многие пустыни, но еще при жизни их основателей они превращались в монастыри, жизнь которых была далеко не отшельнической. Одному из немногих, Никандру удалось полностью осуществить идеал пустынного безмолвия. Он напомнил, пишет Н.И. Серебрянский, «о заветах основателей пустынножития и своею жизнью показал, что даже и высшее их требование уединенного безмолвия не может считаться непосильным подвигом для истинного монаха».

«Житие Никандра» существует в нескольких редакциях конца XVI-XVIII в., они значительно отличаются по композиции, стилю, объему. Первое «Житие Никандра» было составлено в 80-е г. XVI в., вскоре после преставления

преподобного. Оно небогато биографическими сведениями, многие из них, особенно указания точного количества лет разных периодов его жизни, вызывают сомнение и не выдерживают проверки. Отсутствие точных сведений о Никандре объясняется его отшельнической жизнью. Преподобный не имел учеников и сподвижников, которые могли помнить его рассказы о прошлом и с большой долей точности описать его жизнь как в миру, так и в пустыни. Сам Никандр не стремился оставить о себе точных сведений, на вопрос одного из своих духовных детей Петра Есюкова, сколько лет он живет в пустыни, Никандр уклончиво ответил: «Бог весть, чадо». Автор «Жития Никандра» должен был проделать большую работу, чтобы собрать материалы для биографии старца. Рассказы о пребывании Никандра в миру и вне пустыни (в Пскове, Крыпецком монастыре, постриженником которого он был) получились скупыми, схематичными. О жизни Никандра в пустыни автор узнал из рассказов местных жителей - Ивана Долгого, Симеона, Петра Есюкова и др., эти люди приходили к Никандру, ища помощи и духовного умиротворения, они были свидетелями и участниками некоторых событий из жизни Никандра. Незамысловатые истории, записанные с их слов и почти не обработанные литературно, стали основой «Жития», определили особенности его стиля. Сам автор «Жития Никандра» считал, что написал «от многа мало» и просил не бранить его за «неудобренное» повествование. Оно действительно «неудобренное». В «Житии Никандра» нет ни одной литературной или исторической параллели, ни одной цитаты из Священного Писания, стиль жизнеописания близок разговорному, и сам текст нередко превращается в бесхитростный диалог Никандра с теми, кто пришел к нему, ища духовного утешения. В структуре рассказов, их сбивчивости, повторах, недосказанности, незавершенности повествования ощущается их устная природа. В одном из таких рассказов повествуется о том, как Никандр на пути в обитель вынужден был остановиться на ночлег у некоего крестьянина. Было это в

понедельник Сырной недели, в доме крестьянина пировали и предложили Никандру есть и пить, он же отказался. «И тогда стали говорить про святого: «Этот человек зло замышляет против нас, ибо не хочет у нас есть и пить». А у соседа крестьянина разбойники разграбили дом и людей сожгли. И начали сего преподобного старца бить палками по всему телу его и по голове. И молитвами пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии услышан был крик его другими боголюбивыми людьми, и сказали они: «Этот человек не сделал вам никакого зла, за что его бьете, неповинного?» И тогда отпустили его с честью и накормили хлебом. Никандр же, вкусив немного хлеба, пошел в уединенную обитель свою, благодаря и не тая злобы, терпя все Бога ради». В этом рассказе, простом и незамысловатом, много недоговоренного. Неясно, почему Никандр отказывается от еды и питья, предложенного крестьянином, почему потом все же вкушает немного хлеба. Автор не комментирует отказ Никандра, считая, видимо, само собой разумеющимся, что читатели знают о том, что понедельник (кроме среды и пятницы) считают постным днем те христиане, чей образ жизни отличается наибольшей строгостью в соблюдении правил, особенно понедельник Сырной недели, недели накануне Великого поста. В «Житии» не поясняется, что отказываясь от пищи, Никандр нарушает законы гостеприимства, гость, принявший пищу из рук хозяина, оказывает ему таким образом уважение и доверие. Отказ от пищи и вызвал предположение хозяина, что Никандр «зло замышляет», что он из числа разбойников. В описании избиения Никандра нет авторской оценки, автор не обвиняет крестьян в жестокости, ибо в их поступке есть своя правда - Никандр нарушил законы гостеприимства, и тот факт, что Никандр затем вкушает немного хлеба, должен, по-видимому, означать, что Никандр понимает свою оплошность и уступает этикету крестьянской жизни. Первоначальная редакция «Жития» с ее простодушными рассказами о жизни и чудесах Никандра дает

нам счастливую возможность представить, каким сохранился в памяти местных жителей, в народной памяти, облик старца Никандра.

Писатели XVII-XVIII в., составители новых редакций «Жития Никандра», старательно исправляли эти, с их точки зрения, несовершенства текста: восполняли недосказанное, поясняли или исключали неясное, вставляли дидактические комментарии и агиографические характеристики, сокращали и исключали наиболее житейские истории.

Кроме житий святых, о псковских святынях рассказывают и многочисленные повести и сказания о чудотворных иконах, почти все они были написаны в XVI-XVII в. Большинство чудотворных псковских икон прославилось истечением слез, которое, как правило, связывали с определенными историческими событиями: слезы, исходящие от иконы, были знамением тяжелых испытаний. В повестях о знамениях от чудотворных икон описывались обстоятельства, при которых произошло истечение слез, назывались свидетели этого события, повести обычно содержали толкование знамения и молитвенное обращение к святыне. По объему, стилю повести о чудотворных иконах отличались друг друга, они могли быть очень простыми и краткими. Так, например, в XVII в. создается большое число повестей о знамениях от икон, представляющих собой лаконичное описание происшедшего («Повесть о Каменской иконе», «Повесть о знамении от иконы Сергия с Залужья» и др.). Более сложны по своей структуре и стилю «Сказание о Чирской иконе», «Повесть о Мирожской иконе Богоматери», «Воспоминание о знамении от иконы Николы Явленного» и др.

«Сказание о Чирской иконе» вошло в состав Великих Четых Миней, в заглавии называется имя его автора - Филофей. Ученые не исключают возможности, что это тот же самый Филофей, известный публицист и автор теории «Москва-Третий Рим». В «Сказании» краткий и простой рассказ об истечении слез от иконы Богородицы в «веси псковския в Чирсках» и переносе иконы Богородицы в Троицкий собор в 1420 г.

обрамлен пространными вступлением и заключением, в которых автор объясняет, почему и как надлежит праздновать «светлый сей и преславный» праздник, завершается «Сказание» похвалой и молитвенным обращением к Богородице. Лирическое начало, рассуждения автора на богословские темы и славословие в честь Богородицы преобладают в произведении Филофея над эпическим повествованием.

Особое место среди сказаний о чудотворных иконах занимает «Повесть о явлении икон Богоматери на Синичьей горе». Большинство псковских сказаний о чудотворных иконах имело местное распространение, их читали и переписывали главным образом книжники-псковичи. **«Повесть о явлении икон Богоматери на Синичьей горе»** сохранилась в большом количестве редакций и списков XVI-XIX вв., что свидетельствует о неизменном интересе к ней на протяжении долгого времени.

События, о которых рассказывается в «Повести о явлении икон Богоматери на Синичьей горе», происходили в местах, ныне хорошо известных всем, - это Пушкинские Горы, городище Воронич, что рядом с Тригорским, имением друзей А.С. Пушкина. Церковь Успения Святогорского монастыря и могила А.С. Пушкина у ее апсид покоятся на горе, которая раньше называлась Синичьей. Как рассказывается в «Повести», отроку Тимофею в этих местах было несколько явлений икон Богоматери Умиление и Одигитрия, в псковских летописях эти события датируются 1563-1569 гг. На месте явления икон на Синичьей горе сначала построили часовню, а после пожара и чудесного спасения обеих икон по повелению царя Ивана Васильевича был основан Успенский монастырь.

Первая редакция «Повести о явлении икон на Синичьей горе» была составлена приблизительно в 70-е гг. XVI в. Мотивы и сюжетные линии древней «Повести о явлении икон на Синичьей горе» типичны для древнерусских сказаний о явленных иконах, однако их художественное сплетение не производит впечатления механического отвлеченного сочинительства. В «Повести» нет умозрительных рассуждений, толкований, цитат

и примеров из Священного Писания, молитв, только описание действий и событий, и это делает повествование динамичным и занимательным. Литературные вкусы автора первоначальной редакции просты. Он стремится рассказать о событиях живо, убедить в правдоподобии того, о чем пишет, и находит такие детали, которые помогают представить события как некое действие, происходящее перед глазами читателя. Автор приводит множество подробностей из жизни юродивого Тимофея, проявляет интерес к изображению его настроений и психологических состояний, хотя в их описании много этикетного, стремится быть убедительным в изложении чудесных явлений и исцелений.

Первоначальная редакция «Повести» заканчивается сообщением о том, что Иван Васильевич повелел построить на Синичьей горе церковь Успения и быть обители. Редакторы XVII в. (существует несколько редакций XVII в.), оставив почти без изменений текст первоначальной редакции, распространили его нравоучительными наставлениями, дополнили рассказом о дальнейшей судьбе Тимофея, составили описание чудес от икон Умиление и Одигитрия и крестного хода в Псков с этими чудотворными иконами, завершили текст «Повести» молитвой Богородице. В литературном отношении «Повесть о явлении икон на Синичьей горе» в редакциях XVII в. стала более многословной, риторичной, дидактической. В конце XVIII-XIX в. «Повесть» дополняется местными устными преданиями о Тимофее и явлении икон, особое внимание уделяется топографическим преданиям.

Значительные исторические события описывались писателями-псковичами не только в летописях, им посвящены и отдельные литературные произведения, некоторые из них могли включаться и в состав летописи. Наиболее значительные псковские произведения на историческую тему - «Повесть о псковском взятии» и «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков».

Исторической основой «Повести о Псковском взятии» стали события 1510 г., когда в процессе объединения русских земель Псков потерял свою былую самостоятельность и подчинился власти великого князя Московского, было упразднено вече, снят и увезен в Москву вечевой колокол, символ былой воли и независимости, великий князь Василий III назначил в Псков своих наместников и дьяков. При анализе летописных текстов уже упоминалось о том, что события 1510 г. по-разному воспринимались и оценивались современниками. Так, автор или редактор летописной статьи 1510 г. в Псковской Третьей летописи с гневом пишет о коварстве Василия III и его нововведениях в Пскове, сравнивает московского князя с антихристом.

Неизвестный автор «Повести о псковском взятии», которая читается в составе Псковской Первой летописи, а также встречается и вне состава летописи, в отдельных списках, придерживался иных взглядов. Никаких сведений о нем не сохранилось, но ясно, что он был псковичом, очевидцем событий. Его рассказ отличается обстоятельностью, простотой слога, отсутствием словесной вычурности, искренностью тона. «Повесть» лирична, описание событий освещено авторскими эмоциями, они сложны и противоречивы. Автор сожалеет о былой псковской воле и не может без скорби и грусти писать о конце славы псковской. Однако его нельзя считать противником московской власти, он осознает закономерность присоединения Пскова к Москве, считает Псков старинной вотчиной великих князей и вспоминает о том, что псковичи издавна клялись великим князьям быть покорными их воле. Он видит вину и самих псковичей и упрекает их в том, что они настроились «на злые и лихие поклепы и кричание на вече, когда голова не знает, что язык говорит, не умея в своем доме распорядиться, хотели городом управлять». Но и к новой княжеской власти автор относится весьма критически, он не обвиняет самого Василия

Ивановича в тех несправедливых порядках, которые были установлены в Пскове, считая, что «в неправде московской» повинны, в основном, наместники великого князя: «А у наместников, и их тиунов, и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетели на небо, а кривда начала ходить в них; и были немилостивы к псковичам, а псковичи, бедные, не знали правосудия московского».

Описание самых драматических событий исполнено в «Повести о псковском взятии» истинного лиризма и вдохновения, автор умеет передать глубину и силу чувств псковичей и свою собственную взволнованность. Получив известие об аресте псковских послов в Новгороде по повелению великого князя, псковичи почувствовали приближение скорбных перемен: «И нашел на всех страх и трепет, и губы пересохли от скорби: много раз немцы приходили к Пскову, но такой беды и напасти не бывало». Описав, как дьяк Третьяк Долматов изложил на вече требования великого князя упразднить вече и снять вечевой колокол, автор «Повести о псковском взятии» изображает состояние псковичей, настолько потрясенных, что они не могли ему ничего ответить и только плакали: «А псковичи поклонились ему до земли и не могли ничего ему ответить, ибо очи их полны были слез, как молоком грудь матери, и лишь те слез не проливали, кто был неразумен и молод; только ответили ему: «Посол государя, с Божьей помощью, утром, подумав между собой, мы тебе ответим на все». И заплакали тут горько псковичи. Как не выплакали они глаз вместе со слезами, как не разорвалось их сердце!»

Эмоциональной кульминацией «Повести о псковском взятии» стал плач Пскова о своей былой воле и славе. Обращение к библейским образам (многокрылый орел, вырывающий кедры ливанские), риторические приемы (вопросы, восклицания, обращения) придает плачу глубину и торжественность: «О славнейший среди городов - Великий Псков! О чем сетуешь, о

чем плачешь? И отвечал град Псков: «Как мне не сетовать, как мне не плакать! Налетел на меня многокрылый орел, а крылья полны когтей, и вырвал у меня кедровые ливанские». Бог наказал нас за грехи наши - и вот землю нашу опустошили, и город наш разорили, и людей в плен взяли, и торги наши с землею сравняли, а иные навозом конским забросали, а отцов и братьев наших развезли; где не бывали отцы наши, и деды, и прадеды наши, туда увезли отцов, и братьев наших, и друзей, а матерей и сестер наших на поругание отдали». Опустошенный, разоренный, как после вражеского нашествия, город - таков печальный итог событий 1510 г. «Повесть о псковском взятии» продолжает лучшие традиции псковской литературы. Ее стиль характеризуется неторопливостью, обстоятельностью, искренностью тона, отсутствием сухохвостной риторики, пословичной емкостью отдельных выражений («не введуща глава, что язык глаголет», «земля не раступится, а вверх не взлететь» и др.). Автор «Повести о псковском взятии» обнаруживает знание многих произведений древнерусской литературы и органично использует в своем повествовании мотивы и образы из Библии, поучений владимирского епископа Серапиона, призывавшего к покаянию перед лицом постигших Русскую землю бед, «Девгениева деяния», византийского переводного произведения, повествующего о юноше-богатыре Девгении.

Существует и московская «Повесть о псковском взятии», написанная неизвестным автором в 10-е гг. XVI в. Событийная основа московской «Повести» сходна с псковской, однако трактовка событий совершенно иная. Московская «Повесть о псковском взятии» лишена лиризма, стиль московского автора деловит, сухохвост, объективен. Московская «Повесть» основывается на документальных материалах, по всей видимости, автору были известны записанные жалобы князя Репни-Оболенского на псковичей и псковичей на князя, грамоты псковских послов, ответы великого князя, его обращение к

псковичам. При изложении речей и грамот автор использует форму прямой речи, усиливая тем самым впечатление непосредственного цитирования деловых документов. Однако возможно, что воспроизведение речей, грамот - литературно-полемический прием, автор, как бы не вмешиваясь в повествование, говорит языком документов, он хочет казаться объективным и предельно правдивым. В московской «Повести о псковском взятии» события изображаются таким образом, что решения, речи, действия великого князя кажутся единственно возможными и целесообразными в данной ситуации, в изображении же писателя-псковича они выглядят иногда несправедливыми и коварными. Не случайно псковский автор, описывая возвращение псковских послов от великого князя, вкладывает в их уста такое замечание: «Князь великий дар их как подобает принял, а тайных мыслей его никто не знает, что князь задумал против своей вотчины и мужей-псковичей и града Пскова». Иначе изображены в московской «Повести о псковском взятии» и псковичи. Московский автор отмечает отсутствие единства у псковичей: «Тогда во Пскове были мятежи, и обиды, и насилие великое черным и мелким людям от посадников псковских и бояр». Псковский автор сглаживает, затеняет противоречия внутри псковского веча, между посадниками, между черными людьми и посадниками, боярами. Картина социально-политических противоречий в Пскове изображена московским автором, человеком со стороны, более объективно. Существенным образом в изображении московского автора отличается реакция псковичей на происходящее, он ни разу не упоминает о чувствах и настроениях псковичей, они все приказания и решения великого князя принимают как должное, не прекословя и не выражая никаких эмоций. Самые острые моменты для псковичей - речь на вече дьяка Третьяка Долматова, снятие вечевого колокола - в московской «Повести о псковском взятии» описываются очень кратко. Сопоставление с московской

редакцией помогает яснее осознать лиризм псковской «Повести о псковском взятии», понять глубину переживаний автора-псковича.

О героической обороне Пскова в 1581 г., во многом определившей исход Ливонской войны, рассказывает **«Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков»**. Во второй половине XVI в. русское государство вело напряженную войну с Литвой, Польшей, Ливонским орденом, Швецией за выход к Балтийскому морю. В начале Ливонской войны (1558-1583 гг.) русские войска завоевали многие литовские и ливонские города, перелом в ходе войны наступил после того, как объединенное польско-литовское государство возглавил Стефан Баторий. В походах 1579-1581 гг. он отвоевал занятые ранее войсками Ивана Грозного земли и взял многие русские города. Неизвестно, каким был бы исход Ливонской войны, если бы на пути Стефана Батория не встал город Псков. В августе 1581 г. польско-литовская армия осадила город, надеясь на скорую победу. Многочисленной армии Батория, осадившей Псков, противостоял небольшой отряд стрельцов и горожан, мужчин и женщин. Более пяти месяцев длилась осада Пскова, воины Батория совершили тридцать один приступ, но псковичи выстояли и заставили врага признать свое бессилие. Мужество и стойкость псковичей, остановивших под стенами своего города противника, разрушили планы Батория и позволили России достойно, без ощутимых потерь выйти из войны.

«Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» была написана по горячим следам событий в 80-е г. XVI в. жителем города Пскова, иконописцем Василием. Большинство списков «Повести» имеет следующее заключение: «Списана же бысть повесть сия в том же богохранимом граде Пскове от жителя того же града, художеством зграфа, имя же ему есть сие: единица дважды, со едином, пятьдесятница же усугубити дважды, и четверица сугубо, десятирица же трижды и четверица

сугубо, совершает же ся десятирицею, и всех обрящещи письмен семь». Так автор, используя цифровое значение букв, зашифровал свое имя; тайнопись прочитывается следующим образом: $1 \times 2 = 2$, т.е. В; 1, т.е. А; $50 \times 2 \times 2 = 200$, т.е. С; $4 \times 2 = 8$, т.е. И; $10 \times 3 = 30$, т.е. Л; $4 \times 2 = 8$, т.е. И; $10 =$; если сложить все семь букв, то получается Василий. Никаких биографических сведений о Василии, кроме приведенного сообщения о том, что он был иконописцем («художеством зграфа»), не известно, мы можем судить о нем как о писателе только на основании текста «Повести». Непосредственность впечатлений, точность и полнота знаний обо всем, что происходило в Пскове, свидетельствуют, что Василий был очевидцем и участником обороны (хотя он и не пишет об этом прямо), возможно, был близок к И.П. Шуйскому, главному герою обороны, и имел доступ к документам из его канцелярии. Василий передает содержание королевских грамот и листовок, псковских донесений Ивану Грозному, он знает о показаниях пленных, о беседах И.П. Шуйского с царем, располагает сведениями о числе убитых, указывает точные даты основных событий и т.д. Почти все подробности и детали в рассказе Василия об осаде и обороне города находят подтверждение в других источниках этого времени, русских и польских.

Неспешный, торжественный ритм повествования подчеркивает значительность описываемых событий. В «Повести» рассказу об осаде Пскова предшествует описание успешного похода Ивана Грозного 1577 г. из Пскова в южную Ливонию. Это необходимо автору прежде всего для того, чтобы показать коварство ливонцев, нарушивших договор. И в то же время благодаря такому началу создается кольцевая композиция - «Повесть» начинается и завершается описанием торжества русского войска. Воссоздавая цепь исторических событий, Василий пишет затем о походах Стефана Батория 1579-1581 гг., завоевании Полоцка, Сокола, Великих Лук и других русских

городов. Центральное место в «Повести» занимает описание осады Пскова, оно насыщено множеством конкретных деталей. Василий разворачивает перед читателями панораму осажденного города, дает возможность окинуть взором весь Псков, увидеть действия врага, побывать в ставке Батория и на стенах Пскова, среди его защитников. Из событий пятимесячной протяженности Василий отбирает наиболее значительные моменты. Он подробно описывает появление Батория под Псковом, расстановку его войск, первый штурм 8 сентября, рассказывает о неудачной попытке Батория подвести подкопы под стены Пскова, о приступе 28 октября, когда осаждавшие пытались вручную подсечь крепостные стены, о штурме 2 ноября со стороны реки Великой. Василий дает оценку деятельности посла папы римского Антонио Поссевино, иронизирует по поводу отъезда Батория из лагеря, рассказывает о попытке убить Шуйского, подослав ему ларец, наполненный порохом, сообщает о заключении мира и снятии осады.

«Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков» интересна и ценна не только точностью описания исторических событий. Это художественное произведение, и по своим идеям и эстетическим достоинствам «Повесть» относится к числу лучших памятников древнерусской литературы на воинскую тему. Высокие чувства переполняли автора: удивление и преклонение перед героизмом псковичей, бояр и воевод, их мужеством, умом и ратным мастерством, непритворная любовь к родине, родному городу Пскову, прекрасному и величественному. Искренность и глубина патриотизма роднит «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков» с такими воинскими и историческими произведениями, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Сказание о Мамаевом побоище», «Казанская история», эти памятники связаны друг с другом и литературными традициями.

Патриотические чувства автора, осознающего значительность одержанной победы, придают «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков» особую приподнятость. Манера повествования Василия риторична, витиевата. Ему, как и многим писателям второй половины XVI-начала XVII в., свойственна любовь к сложным составным словам («храбропобедный пот», «добропобедные храборники», «мудродруголюбивые советы», «многонеправедный ум», «безбогонадежное умышление», «мертвотрупоядательные псы» и др.), замысловатым образным выражениям («лед таяния отчаянием надежды ни единому во Пскове коснуться», «распалением же сердца и розгордения ради своя неуголимая утробы вред своя лютости горлом и языком наружу изрыгает» и др.), повторам слов с одним корнем («градоемцов градоемное умышление», «окрадообразным образом», «многоумышленный ум» и др.), длинным предложениям с множеством однородных членов, причастных и деепричастных оборотов, что придает стилистическому строю Повести тяжеловатую торжественность. Своеобразная величественность и монументальность формы подчеркивают значительность содержания произведения, посвященного важной для государства победе псковичей. Однако, по словам исследователя В.И. Малышева, сквозь «витиеватость, изысканную шумящую риторику весьма часто пробивается живой русский язык, сочный и образный, с пословицами, поговорками и меткими остротами насчет врага». Так, например, автор иронизирует над решением Стефана Батория покинуть войско, поручив дальнейшее руководство осадой Пскова канцлеру Замойскому: «Где же твой ум, польский король? Где твои безбожные планы, князь великий литовский? Где же твой здравый смысл, Стефан? Думаешь ветрами повелевать, в морской пучине хочешь найти дорогу, высоко парящего орла круги сосчитать? Невозможно тебе против рожна стоять!... О глупость! О неразумие! Голова с ногами советуется, господин рабу своему честь воздает!»

Описание многих эпизодов осады обнаруживает в авторе «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» иконописца. Особое «живописное» видение событий и лиц проявляется у Василия в изображении змееподобного Батория, летящего на Псков в окружении «аспидов, змиев и скорпеев», в рассказе о том, как псковичи, словно ястребы укрывшихся под кустами утят, вытаскивали крюками углубившихся в крепостную стену города «подсекателей» и др. Приведем как пример описание наступления Батория на Псков: «Узнав о том, что близок Псков, он раскрыл свою бездонную пасть, как адскую бездну, и хотел поглотить град Псков. Спешно и радостно, как лютый великий змей из великих пещер, он полетел к Пскову; окруженный чудовищами своими, как искры огненные темным дымом, летел он на Псков; и еще не долетев, уже думал, что град Псков у него в утробе. Аспидов же своих и приближенных змей и скорпионов великий тот литовский король из утробы извергнутыми остатками хвалился насытить. И так все, как змеи на крыльях, летели к Пскову и высокомерием своим, как крылами, повалить его хотели, змеиными своими языками, как жалами, всех живущих в граде Пскове умертвить думали. И уже мнил себя змей победителем над Псковом».

В историческом повествовании конца XVI-XVII вв. начинают намечаться новые тенденции, авторы отходят от теологического объяснения событий, ищут их причины в истории, в столкновении воли и интересов разных личностей, открывают сложность и противоречивость человеческого характера. Автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» традиционен во взглядах на человека и в трактовке событий, его произведение создано в духе идеализирующего биографизма, свойственного официальной литературе XVI в. Василий согласно средневековому мировоззрению объясняет события «попущением Божиим за грехи наши», а не историческими причинами. Традиционно для него существуют

только две краски в изображении человека - черная и белая, что особенно ясно сказывается в противопоставлении Стефана Батория и Ивана Грозного. Польский король горд, самонадеян, высокомерен, он полагается на свой ум и силу войска. «Православный царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси» кроток и смиренен, заботлив и милосерден, это идеальный христианин и правитель. В «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» Иван Грозный окружен ореолом сентиментального благочестия: он надеется на Божью помощь, постоянно молится со слезами. Резко противопоставляет Василий друг другу защитников Пскова и литовских воинов. Псковичи действуют «по благодати Христовой», они «не мнили о себе высоко, не возносились горделиво в сердцах своих, не хвастались надеждами своими», «лед отчаяния и безнадежности не коснулся ни единого в Пскове, огонь же благодати Христовой зажег сердца всех жаждой подвига, вера в благородное дело - умереть за веру христианскую - сделала тела их тверже алмаза». Польско-литовское воинство, «свиные и лютые градоумцы», напротив, хвастливы и заносчивы. Готовясь к первому штурму города, они не сомневаются в победе: «Они же, радостные и самодовольные, сошлись перед королем и сказали ему гордо и хвастливо: «Сейчас, государь король, по милостивой доброте твоей обедаем и пируем у тебя в обозе и сегодня же, государь, просим у тебя ужина в крепости Пскове... Государь, крепость Псков сегодня непременно возьмем на щит, вернее, государь, они сами твоему имени покорятся, не смогут устоять против твоей бесчисленной армии и искусных градоумцев». Радостно, уверенно, дерзко и упорно осаждают враги стены Пскова, их «бесчисленная сила, как поток водный, лилась на стены городские». Псковские защитники, «словно пшеничные колосья, вырванные из земли, погибали за христианскую веру», но крепились и не сдавались. Наравне с мужчинами защищали Псков и женщины. «Забыв о

слабости женской и мужской силы исполнившись», оставшиеся в Пскове женщины одни «с литвою бились и одолевали литву; другие приносили воинам камни, и те камнями били литовцев на стене города и за нею; третьи уставшим воинам, изнемогшим от жажды, приносили воду и горячие их сердца утоляли водою». «Суетное и тщеславное возношение ума» не привело осаждавших к победе, вместо праздничного ужина в Пскове в стане у короля Батория «плач сильный, и крик, и рыдание, и вопли многие, будто весь лагерь пришел в волнение и смятение: пани о панах плачут, мужьях своих, матери с детьми своими прощаются, брат с братом разлучаются. Жестоко поплатились они под Псковом жизнью своей: повелели супругам своим встречать их из Пскова, но за эту похвальбу сами с псковского поля не вернулись, из рва не вышли, и тела их были брошены на съедение псам».

Высокая гражданственность, патриотизм Повести, ее эстетические достоинства, историческая полнота и точность вызвали живой интерес русских людей к этому литературному памятнику. Повесть читали и переписывали, она дошла в большом количестве списков, из нее черпали сведения историки и писатели. Традиции «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков» сказываются во многих произведениях псковской литературы XVII в., в частности, в «Повести о прихождении шведского короля Густава Адольфа на град Псков».

«Повесть о прихождении шведского короля Густава Адольфа на град Псков» посвящена значительному историческому событию - обороне Пскова, осажденного шведскими войсками в августе-октябре 1615 г. «Повесть» была создана под непосредственным впечатлением от описываемых событий, имя ее автора неизвестно. С уверенностью можно утверждать, что он был псковичом, участником обороны города и имел духовное звание.

«Повесть о прихождении шведского короля Густава Адольфа на град Псков» начинается сразу же с описания прихода шведов

и первого сражения у стен Пскова 15 августа, закончившегося пленением шведского полководца Ивера Горна и неудачной попыткой проникнуть в город через ворота у Нижних решеток. Затем автор подробно описывает жесточайший обстрел стен города и приступ 18 августа у Варлаамских ворот и башни, кульминацией «Повести» становится решающее сражение 9 октября. Описание штурмов и защиты города создается под значительным литературным влиянием «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков», что объясняется аналогичностью многих ситуаций осады, восторженным отношением обоих авторов к Пскову и его защитникам, а также сходством понимания событий как значительных и важных не только для истории Пскова, но и для всей Русской земли. Однако стиль «Повести о приходе Густава Адольфа» более сдержан, он не столь изощренно сложен и живописен, как у Василия, автора «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков». Характерной чертой «Повести о приходе Густава Адольфа» является обилие видений, занимающих значительную часть текста (шведы рассказывают о стрельбе «из лба» церкви Варлаама Хутынского, о святых псковских князьях Всеволоде и Довмонте, едущих на конях во вражеском стане, «ужасающая латынь и побивающая»; благочестивый Иоанн накануне битвы 9 октября видит крестный ход из церкви Варлаама Хутынского в Троицкий собор, священников, несущих котел крови и пресветлые венцы; он же рассказывает о видении на небе трех сияющих крестов, закрывающих Псков от врага и др.), в видениях раскрывается идея «богоспасаемости» Пскова, пронизывающая все повествование. «Повесть о приходе Густава Адольфа» не получила такого широкого (известно пять ее списков) распространения, как «Повесть о приходе Стефана Батория», что объясняется, вероятно, не только масштабом события, о котором в ней рассказывается, но и ее литературными особенностями.

Краткий обзор наиболее значительных произведений псковской литературы показал разнообразие жанров

литературы Древнего Пскова - жития, летописи, исторические повести, повести о чудотворных иконах, патерики, публицистические произведения и др. История текстов псковских произведений убеждает, что многие из них имели общерусское значение, что подтверждает, в частности, и факт включения их в многочисленные летописные своды и такие монументальные сборники официального государственного значения, как Великие Четьи Минеи, «Степенная книга». Сочинения псковских авторов, как известных - старец Елеазарова монастыря Филофей, Ермолай-Еразм, Корнилий, Василий-Варлаам и др., так и неизвестных, оставили яркий след в истории литературы Древней Руси.

ГЛАВА II

ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

Краеведческий подход к изучению русской литературы XVIII века тем более уместен, что понятие «провинциальной литературы», сам ее феномен зарождаются именно в «осьмнадцатом столетии», обновляя и обогащая содержательность национальной культуры в целом. Две областные реформы и появление слова «провинция» характеризуют динамику развития и внутригосударственные преобразования, отличающие российскую действительность в петровское время. Но «только во второй половине XVIII века... явилось в провинции значительное число дворян, людей потогдашнему интеллигентных, проводивших тут всю свою жизнь, а не только годы старости после тяжелой службы» - отмечено в специальной работе. Изданный Петром III «Манифест о вольности дворянства» (1762) способствовал зарождению в провинции общественного мнения, общественных потребностей, определивших условия формирования в России «провинциального общества». Время от издания Екатериной II «Учреждения для управления губерний» (1775) до переломного в российской и европейской истории 1789 года (Великая Французская революция) с полным правом считается «золотым веком» русской провинции.

Во второй половине столетия поэзия полна мечтой о возвращении «золотого века», которое мыслится буквально:

Прости, приятное теперь уединенье,
Расстался я с тобой,
В тебе я чувствовал прямое утешенье,
Свободу и покой.

Гражданска суета мой дух не возмущала,
Любезна простота
Селян незлобивых меня там утешала,
И места красота.

Сколь мило слушать то, как птички воспевают
По рощам меж кустов!
Милый, что люди все без злости пребывают;
Там нет клеветников.

Там злоба с завистью меж них не обитает,
И царствует покой.
Едина истина сердцами обладает,
Там век цветет златой.

(А.А.Ржевский. «Станс. Сочинен 1761 года июля 19 дня по выезде из деревни г<осподина> Х<ераскова>).

Исследователь русской провинции В.Козляков рисует выразительную картину изменений в провинциальном обществе эпохи Екатерины II: «Открытие в наместничествах, губерниях, областях и уездах (численность населения в губерниях - от 300-400 тыс. человек, в уездах - от 30-40 тыс. человек. - Н.В.) новых присутственных мест, как правило, сопровождалось строительством специальных административных зданий. Города получали регулярную планировку и переживали строительный бум, обеспеченный постоянными правительственными субсидиями. Дворянство, располагая местом службы в губернских и уездных городах, устраивалось в них надолго, возводя городские каменные усадьбы. Именно тогда были заданы градостроительные тенденции, до сих пор определяющие облик старой части большинства бывших центров екатерининских наместничеств. Менялся не только внешний

облик, но и качество городской жизни. При покровительстве таких просвещенных «наместников», как Я.Е.Сиверс (в Новгороде, Пскове и Твери). М.Н. Кречетников (в Калуге и Туле), А.П. Мельгунов (в Ярославле, Вологде, Архангельске) и некоторых губернаторов (Г.Р.Державин в Тамбове) возникало высшее губернское светское общество, устраивавшее свою жизнь в соответствии с просветительскими идеалами, не чуждое культурных инициатив. Рождение городских театров, частных типографий, провинциальной литературы и журналистики, повсеместное открытие народных училищ и благотворительных учреждений - все это детища «золотого века» провинции».

Характерен, например, портрет рядового - с точки зрения истории - человека того времени А.М. Брянчанинова, замечательного представителя рождающейся провинциальной культуры, созданный М.Н. Муравьевым:

Слиянье светского с невинным житием,
В котором ржавеет под терном праздный шлем
И наслаждения на пажити во хвастье*,
Веселья с важностью взаимное согласие...

(«К А.М. Брянчанинову», 1780)

Самое примечательное в этом портрете то, что «светское» и «невинное» (по всем литературным канонам, противоположное «светскости»), не противопоставляются друг другу, а естественно соединяются. Все возрастающее качество гражданственности, общезначимости «провинциального человека» делает границы разных сфер его жизни проницаемыми, складывающимися в единый образ бытия. Быт («светское житие») и литературность (идиллические «веселость», «невинность») образуют «слиянье», не подлежащее социальным и иным регламентациям. Все это рождает своеобразный тип творчества и в целом поведения, присущий человеку провинции ХУШ века.

Такая неделимость жизни создает возможность для развития главного принципа изучения литературы края,

* Хвастье - хворост, сухие ветки.

близкого эстетическим понятиям столетия: идти **от жизни к образам**. «Простодушный» реализм произведений просветителей, от Кантемира до Фонвизина, способствует развитию этого метода, предоставляя выразительный житейский материал: чем убедительнее он выступал в своей конкретности, тем эффективнее, по мнению писателей, являлись идеальные проекты совершенствования человека и общества, социально-этического и эстетического воспитания, в основе которых лежат реальные факторы.

Определение провинции как «символа жизни вне столиц» вполне соответствует псковской действительности XVIII века. Именно здесь Д.И.Фонвизин лицом к лицу встретил тех, кто, подобно госпоже Простаковой, по-своему толковал «указ... о вольности дворянства»; здесь решалась судьба России в 1812 году, когда в Пскове находился Г.Р. Державин. С Псковом пересекалась жизнь видных русских просветителей петровской и последующих эпох: Феофана Прокоповича, Е.А. Болховитинова (в монашестве – Евгения), А.Т. Болотова, Я.Б. Княжнина. В итоге столетия, который стремились подвести поэты, перешагнувшие в грядущий век, есть доля труда и тех, кто соединял своим духовным подвижничеством Псковский край с историей России в целом:

Успех венчал столетний бег,
Пролег знакомый путь блестящий,
И холод, все досель мертвящий,
На труд подвижника возжег.

(Н.А. Львов. «Новый XIX век в России», 1801).

Псковская и Великолукская провинции были образованы в 1719 году. С 1777 года Псков стал центром Псковского наместничества, переименованного в 1796 году в губернию.

Феофан Прокопович

Феофан Прокопович (1677, по другим данным 1681-1736)

С Псковом соприкоснулась судьба одного из самых известных подвижников петровского времени, одарённого литератора и политического деятеля Феофана Прокоповича. Значение сделанного им велико и многообразно: архиепископ псковский со 2.VI.1718; с 25.VI.1725 - архиепископ новгородский; сподвижник Петра I в проведении реформы, направленной на подчинение церкви государству («Духовный регламент», 1721); философ и богослов, теоретик государства и права («Правда воли монаршей», 1722), инициатор многих просветительских проектов петровской эпохи; видный публицист и церковный оратор, пропагандист идей Петра I в «Словах и речах»; автор трагедокомедии «Владимир» (1705), в которой исторический сюжет о принятии христианства на Руси наполнен современными политическими намёками; поэт, автор многочисленных стихотворений на латинском и русском языках; теоретик, автор эстетических трактатов по поэтике и риторике (1705-1707), заложивших основы русского литературоведения XVIII в.. Разносторонняя деятельность Феофана Прокоповича, «просветителя в рясе» (Н.К. Гудзий), ставит его в центр политической, идеологической и литературной жизни России первой трети XVIII в.

С Псковом связан один из самых драматичных эпизодов в жизни Феофана Прокоповича. Беспристрастные документы сохранили и подробности быта, и перипетии событий, и особенности мышления участников драматичного столкновения, и, наконец, зафиксировали своеобразный стиль и язык их посланий.

Итак, в 1717 г. скончался псковский митрополит Иосиф. Уже в начале 1718 г. оглашается решение Петра I назначить на псковскую кафедру Феофана. Царю-реформатору были нужны верные люди, единомышленники - именно таким человеком зарекомендовал себя еще в Киево-Могилянской академии Феофан. 2 июня 1718 г. он был посвящён в присутствии царя в епископа

псковского, нарвского и изборского, причём, по данным митрополита Евгения (Болховитинова), ему даже было оказано особое отличие: он был посвящен с облачением в саккос, что разрешалось далеко не всем. В 1720 г. он уже архиепископ псковский.

Возглавив псковскую епархию, Феофан остался в Петербурге в качестве помощника и идеолога Петра. Однако связь с Псковом была налажена. В 1719 г. он посетил свою епархию, о чем 10 мая 1720 г. рассказывал в письме к своему киевскому другу Якову Марковичу:

«Был я в Ревеле, в сопровождении архимандрита Петра (судья псковского архиерейского дома. - Т.А.) и отца Михаила... Оттуда, через Ливонию, на пути в Дерпт, я посетил село Альп, чтобы взглянуть на семинарию, которую там содержит барон Нирот, владелец этого и других сел... В школе его четыре учителя и до ста воспитанников, большею частию ливонцы, но есть несколько и русских; я увеличил число их, послав туда трех молодых людей (которые прибыли вместе с родителями из Киева), для изучения греческого, еврейского и латинского языков, так же географии и истории. Отсюда я прибыл в Дерпт. Это был когда-то прекрасный город; но теперь великолепные здания его стоят в развалинах и наводят тоску на путешественников. После того я отправился в раскольничий монастырь в селе, называемом Репина мыза, где живет до 500 мужчин и столько ж, если не больше, женщин. Но с приходом нашим все они разбежались в леса, оставив пустой дом, так что не осталось никого, кому бы мы могли проповедывать. За тем, посетивши Псков и некоторые другие места, возвратился в Нарву, а оттуда в С.Петербург, проехав почти 200 миль».

В том же письме он сообщал адресату о пополнении своей библиотеки, которую Феофан, библиофил и интеллектуал, трепетно собирал всю жизнь:

«После того я услышал, что в псковской оружейной палате хранятся книги, забранные в Дерпте, и тотчас же попросил Императора, чтобы он приказал отдать их мне. Государь приказал, и мне отдано и привезено сюда до двух с половиною тысяч книг».

Псковская епархия была очень бедна, и поэтому Феофан в бытность его псковским епископом постоянно нуждался в деньгах. О причинах столь бедственного положения мы узнаем из письма Феофана Петру I (1723 г.):

«Врученная мне епархия вельми скудна: денег собирается не многое число и по годам неровное, для того, что некия пустоши иногда вода заливают и, по раздаче церковным и домовым служителям, мало что на нужды домашния остается. А в прошлом году писано ко мне из дому архиерейского, что по раздаче осталось денег рубль тридцать алтын и четыре деньги, что я объявлял в Синоде и в Сенате в Москве. А дом я застал весьма нагий и пометеный: что можно знать из взятых в казну государеву денег по смерти покойного блаженныя памяти антецессора моего, Иосифа митрополита. И тако на едино хлебородие некая осталась было надежда, но и того скудно: триста дворов, сказует, на лицо насилу сыщется; мором пустоты много сделалось. И еще чрез несколько лет прежде мене и при мне великий недород был. Еще ж бы сноснейшая скудость была в Пскове: но понеже жить велено в С.Петербурге (что мне благоприятно и радостно есть): то иждивение стало не по доходам: пиво, дрова, иногда даже и сено покупаем; негде скотину держать, некуда лошадей выгнать».

28 января 1725 г. умер Петр, и началась смутная пора дворцовых интриг, борьбы за власть и за влияние при дворе и в Синоде. Феофан был одной из наиболее крупных мишеней, и в этой борьбе его враги в течение нескольких лет разрабатывали «псковский след». Возникло дело об имущественных хищениях в псковском архиерейском доме, которое со временем переросло в обвинение в еретичестве и в которое постепенно втягивалось все больше и больше участников.

Вновь и вновь то в Синоде, то в Верховном Тайном Совете слушалось дело, высвечивая новые детали и ... нравы. Так, летом 1726 г. печерские старцы выслали в Синод вещи арестованного архимандрита Псково-Печерского монастыря Маркелла Родышевского, среди которых оказались епитрахиль и пелена

со споротыми жемчугами. Со слов Маркелла выяснилось, что он спорол жемчуг по приказанию Феофана, а иеродиакон Адам его продал. 29 сентября Феофан подает в Верховный Тайный Совет нечто вроде объяснительной записки, а вкупе с ней - прошение об освобождении его от возмещения стоимости проданного жемчуга: *«Получил я, низжайший, присланный из св. синода указ, в котором, по силе вашего величества указа, из Верховного Тайного Совета в Синод присланного, велено мне, взятый мною из псковской ризницы жемчуг в дом архиерейской псковской возвратить. И понеже видно, что туне гонящим мене напастники мои, дабы мене ко угождению вражды своей, и для некоей погубительной себе пользы (постигнет бо их неизбежный суд Божий), опорочить, донесли о сем коварно утаеая вину дела: того ради низжайший вашего величества раб и богомолец, всепокорнейшим сим моим доношением, обстоятельно ответствую. Прошедшаго 1723 года, когда жалованье синодальным членам было удержано, пришел было я в толь крайнюю скудость, что уже приходило до лишения и дневных пищи. И тогда в великом недоумении мне пребывающу, неких из чина духовного служители мои показали в малом сундучке жемчуг, иной на нитках нанизан, а другой ненизанный, к продаже за настоящую нужду; который жемчуг продать велел я, известен о правилах соборных, церковных вещей продавать за нужду позволяющих. Но понеже продажа оная двести только рублей принесла нам, и теми деньгами содержать дом мой (в котором, кроме церковных и мирских разного чина служителей, не малое было число и сирот, учимых и питаемых) не на долгое время было возможно, того ради принужден был я занять у купца тысящу рублей: и как оные двести рублей, так и занятую тысящу не держал я у себя, но велел издерживать, кому надлежит, на всякие домовые нужды... Еще же от начала Синода на одяние мое и на претпитание (кроме малых неких привозных припасов) ничтоже из дому псковского неиздержано, о чем и в поданных в Верховный Совет ведомостях значится. И тако с барышом заплатил я псковскому дому проданный оный жемчуг».*

Как справедливо отмечал впоследствии И.А. Чистович, автор фундаментальной, хорошо документированной биографии Феофана Прокоповича, «дело было не в деньгах, но в штрафе, в том нравственном унижении, какому его подвергли, заставляя уплачивать деньги».

Последний всплеск «псковского дела» приходится уже на 1730 год. Накануне коронации Анны Иоанновны Иван Носов, другой противник Феофана, дворянин новгородского архиерейского дома, вновь напомнил о псковской истории:

«По истинным моим объявлениям, бывший псковский архиерей, что ныне новгородский же, Феофан, с общаго согласного совета с (бывшим новгородским архиереем) Федосом содержав престол псковского архиерейства, не только тож чинил, но и превосходство во многих преступлениях показал, так что всех онаго злодейств, кроме того, ежелиб он сам пришел в чувство и объявил своим показанием, и следоватъ невозможно... Во время архиерействования своего в Пскове многия святыя церкви и монастыри, для богомерзкаго своего лакомства, псковскому архиерейскому дому приписал, от которых вотчины и всякие доходы отнял и к оному дому присовокупил и священнослужителей отрешил и тем оных безгласных учинил. Ещеж от них церковныя имения, всякую утварь и колокола, отобрав распродал и в непристойныя монашеству роскоши употребил. В оное ж свое архиерействование во Пскове как собранному до него, так и при нем народившемуся хлебу, чинена всегдашняя продажса, а деньги употреблены им в вышесказанную роскошь; и не за долгое время переведения его на новгородское архиерействование, при вышеобъявленном Родышевском, продано хлеба без мала на десять тысяч рублей, и в самое короткое время деньги употреблены в помянутую ж роскошь».

Этот последний раскат грома был уже запоздалым: новая императрица Анна Иоанновна взошла на престол при непосредственном содействе Феофана, и потому никакие свидетельства его врагов не могли изменить ее отношение к нему. В псковской истории была поставлена последняя точка.

Яков Борисович Княжнин

Яков Борисович Княжнин (1742, по другим данным 1740 – 1791)

Среди русских писателей XVIII века видное место занимает драматург Яков Борисович Княжнин, родившийся 3 (14) октября 1742 года в Пскове, в дворянской семье. Отец Якова Борисовича, псковский вице-губернатор, в первой половине века был помощником воеводы полковника Пущина, а позднее занимал должность прокурора в канцелярии строений. В 1760-х годах он переехал в Новгород, но связей с Псковской землей не порывал и нередко наведывался в свои поместья, расположенные в Пусторжевском уезде (ныне эти земли входят в состав Новоржевского и Бежаницкого районов).

Будущий драматург жил и учился в Псковской губернии до 15 лет. Здесь были сделаны его первые шаги в литературе: известно, что писать стихи он начал еще в детстве.

Позже Княжнин переехал в Петербург, где окончил гимназию при Академии наук и начал служебную карьеру, складывавшуюся поначалу блестяще: в 22 года он был адъютантом при дежурных генерал-адъютантах императрицы. Однако в 1773 г. был обвинен в растрате казенных денег, судим, лишен дворянского звания и уволен со службы. Лишь в 1778 г. его простили, и он получил возможность поступить на службу к И.И. Бецкому, главному попечителю просветительских и воспитательных учреждений, у которого и состоял секретарем до самой смерти.

С этого времени начался расцвет литературной деятельности Княжнина, которую можно рассматривать как одно из наиболее ярких проявлений русского просветительского классицизма. Он пишет трагедии, комедии в стихах и прозе, некоторые персонажи которых предвосхищают образы комедий Грибоедова и Гоголя, пишет комические оперы (наиболее известна его комическая опера **«Несчастье от кареты»**, 1779), стихотворения, много переводит: поэмы Вольтера, Марино, трагедии Корнеля, комедии Гольдони и др.

Стоит заметить, что и большинство его драматургических произведений – это вольные переделки чужих пьес; недаром Пушкин назвал Княжнина в «Евгении Онегине» «переимчивым». «Переимчивый Княжнин» заимствовал сценические коллизии и многочисленные детали пьес у западных драматургов – Вольтера, Метастазия, Мольера, Детуша. Однако патриотический пафос его произведений, сюжеты из национальной истории, тираноборческие мотивы позволяют говорить о его творчестве как об оригинальном и вполне русском и объясняют успех его пьес у современников.

Вершиной драматического творчества Княжнина являются его трагедии, среди которых наибольший интерес представляют «Дидона» (1769), не сходившая со сцены более сорока лет, а также «Рослав» (1784) и «**Вадим Новгородский**» (1789), одно из высших достижений русской политической трагедии после А.П.Сумарокова. В трагедиях Княжнина органически переплетаются национальная и политическая темы. Это произведения тираноборческие и патриотические. С особенной силой звучат речи героев об их любви к родине, о ненависти к тирании. В стремлении внушить аудитории возвышенные мысли о свободе автор трагедий прибегает к использованию всевозможных театральных эффектов, сценических декоративно-захватывающих ситуаций, насыщает речи персонажей пышными, громкими словами, афоризмами – часто в ущерб психологическому анализу и реалистической обрисовке характеров и положений. Его трагедии звучат как проповеди горячего патриотизма, свободолюбия и национальной доблести русского народа.

Лучшим произведением Княжнина является трагедия «**Вадим Новгородский**», которая написана, может быть, не без влияния впечатлений от истории древнего Пскова, – некогда столь же свободного, как и Новгород, города. Сюжет ее таков: Вадим, республиканец, тираноненавистник, возвращается после продолжительного отсутствия в Новгород, где за это время республика превратилась в монархию, власть перешла к Рурику.

Не желая мириться с потерей вольности его отечеством, Вадим поднимает восстание; но он побежден и приходит к решению кончить жизнь самоубийством. Умирая, Вадим думает о свободе и, обращаясь к согражданам, говорит:

Для возвращенья вам потерянной свободы
Почто не мог пролить всю кровь мою, народы!

Вместе с Вадимом гибнет его дочь Рамида, влюбленная в Рурика и любимая им. Сюжет осложняется тем, что Вадиму противостоит не тиран, а идеальный монарх, готовый царствовать на благо страны. Более того, сам народ, утомленный распрями, просил Рурика стать во главе государства. И все же принцип монархического правления для Вадима неприемлем:

Самодержавие, повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель,
И невозбранные пути открыв страстям,
Дает свободу быть тиранами царям...

Через два года после смерти Княжнина его наследники отдали «Вадима Новгородского» в печать. Но идея трагедии не могла понравиться русской самодержице: Екатерина II распорядилась, и сенат постановил сжечь опубликованные уже экземпляры пьесы. И даже в 1871 г., когда трагедия все же вышла в свет, приведенные выше строки были из нее изъяты. Судьба «Вадима» способствовала возникновению разных версий о смерти писателя. По одной из них, он умер от «простудной горячки», по другой (эта версия отразилась в словах Пушкина, написавшего в «Заметках по русской истории XVIII века»: «Княжнин умер под розгами») – от пыток в тайной канцелярии.

Так сложился жизненный и творческий путь нашего земляка, человека, чье творчество является одной из наиболее ярких страниц в истории русской драматургии XVIII века.

Не порывали связей с Псковским краем и наследники писателя, его сыновья Владимир, Александр и Борис (женой Княжнина была дочь А.П. Сумарокова, Катерина Александровна).

Именно в их владение после смерти отца перешел ряд деревень Новоржевского уезда с 283 крепостными крестьянами, в них проживавшими. Позднее в этих местах подолгу жили внуки писателя, Виктор и Юлия. Таким образом, весь род Княжниных был тесно связан с Псковщиной, особенно с краем, расположенным ныне на границе Новоржевского и Бежаницкого районов, раньше целиком входившего в Новоржевский уезд.

Поэтическое творчество Княжнина было не просто его личным делом. Оно представлялось писателю формой служения обществу, средством воспитания идеального гражданина. Основное содержание трагедий Княжнина связано с современными ему политическими проблемами. В 1770-80-е годы – время распространения революционных настроений в России – каждое произведение драматурга звучало как инсценированная ораторская речь против тирании, как проповедь гражданственности, преданности отчизне.

Для Княжнина важна мысль об исконной свободе русского народа, о чуждом для него характере самодержавия, способного монарха сделать тираном. Его герои готовы на любые муки и на смерть ради блага отечества, ради его вольности. Таким идеалом свободного человека является герой трагедии Княжнина «Вадим Новгородский», блюститель вольности отчизны, стремящийся не к установлению новых форм правления, а к возвращению того республиканского строя, который издавна составлял гордость новгородцев.

Денис Иванович Фонвизин

Денис Иванович Фонвизин (1745-1792)

В 1773-74-х годах Фонвизин получил в дар от своего друга и наставника Н.И.Панина имение в Витебской губернии (теперь Псковская область, Себежский район), куда входили деревни Рыково (ныне Руково) и Тележники. Писатель владел имением в течение девятнадцати лет - до конца своих дней, неоднократно наезжал в него. В этот период создавались комедии **«Недоросль»** и **«Выбор гувернера»**, готовились материалы журнала **«Друг честных людей, или Стародум»**, были закончены замечательные сочинения в прозе. Судя по этим произведениям, можно предположить, что небогатый опыт деревенской жизни писателя вполне открыл ему, что такое «бесчувственный, непоколебимый застой в отдаленных углах и захолустьях России», по позднейшему определению Н.В.Гоголя.

И в жизни, и в творчестве Фонвизина окружали одни и те же герои, естественно складывались похожие в сущности ситуации. В них, главным образом, сталкивались четыре социальные силы: правительство (представленное осуществляющим власть в двух-трех губерниях наместником), чиновник-исполнитель, член наместнического правления (в «Недоросле» – Правдин); герои отрицательные, взятые «прямо из житейского омута» (В.О. Ключевский); наконец, их жертвы, слабо защищенные властями, брошенные на произвол судьбы, а точнее, в руки тиранически господствующих над ними помещиков либо их управителей.

Наместник представлял особу государя и был обязан являться «ходатаем за пользу общую и государеву, заступником угнетенных». Так было указано в «Учреждении для управления губерний» - документе, упоминаемом Фонвизиним в «Недоросле» (1781), где впервые, в жанре социальной комедии, выступили те четыре силы, которые названы выше. Правдин описывает своего непосредственного начальника в точном соответствии с идеальным образом, выведенным в

«Учреждении»: «С какою ревностию помогает он страждущему человечеству! С каким усердием исполняет он тем самым человеколюбивые виды вышней власти! Мы в нашем краю сами испытали, что где наместник таков, каковым изображен наместник в Учреждении, там благосостояние обитателей верно и надежно». Именно властью наместника (каков он, по представлению Фонвизина, быть должен) осуществилось наказание «помещика дурака бессчетного» и его «жены презлой фурии» в комедии «Недоросль».

Два года спустя Фонвизин публикует замечательное сатирическое сочинение в прозе **«Повествование мнимого глухого и немого»**, где благотворная власть наместника уже признается несуществующей: ничто не в состоянии спасти несчастных «рабов» от незаконного произвола. Обращаясь к покойному отцу, герой-рассказчик выражает горькую уверенность в том, что и от помещиков родовая земля «отнимется» - «отнимется нагло от беззаступных детей твоих и, в наругательство здравому рассудку и вопреки точному разуму закона, отдастся богатому, но безумному отродью Щелчкова-Оплеушина...». В пафосе этого произведения много лирической силы, исповедальности. Причем, исповедальности не только личного, но и исторического свойства: она выражает общий глас «униженных и оскорбленных», беспомощных перед лицом тех, чьи «очеса», по выражению Державина, «покрыты мздою».

А уже в следующем, 1784 году, больной Фонвизин сам оказался в положении «беззаступного». Перед отъездом за границу он сдал в аренду свое себежское имение курляндскому дворянину, барону Медему. Вскоре после отъезда писатель стал получать известия о том, что Медем и его прислужники безжалостно тиранствуют в себежских деревнях. Узнал Фонвизин и о том, что его крестьяне «поклеялись умертвить» Медема, и срочно выехал из Италии в Белоруссию для встречи с арендатором и разрешения конфликта. Разговор с Медемом ясно показал ему, что этот человек принадлежит к категории тех «господ бесчеловечных, которых злонравие в благо-

учрежденном государстве терпимо быть не может» («Недоросль», действ.V, явл.IV). Подобно своим положительным героям, Фонвизин возбудил судебное дело против Медема. Но несмотря на то, что в дело вмешались белорусский генерал-губернатор и даже Сенат, Полоцкое наместничество (очевидно, подкупленное) вело себя уклончиво. Издевательства над крестьянами продолжались. Сам писатель за границей, не получая арендной платы с Медема, постепенно разорялся. Намереваясь исполнить в реальной жизни миссию Правдина, Фонвизин оказался, скорее, в положении Стародума, с той важной разницей, что, в отличие от своего героя, искать иные пути жизни, далекие от официально-государственных, ему было уже некогда и незачем: впереди оставались лишь изнурительная болезнь и могила.

Не случайно, может быть, в материалах задуманного Фонвизиним в 1788 году журнала **«Друг честных людей, или Стародум»**, где вновь появляются герои «Недоросля», Правдин совсем не упомянут. Зато в наместничестве появились другие лица с соответствующими именами: советник Криводушии и ассессор Воров. Госпожа Простакова представлена здесь таким образом, что становится очевидным: ее положение - вопреки указаниям Правдина - не изменилось.

Фонвизин мог рассчитывать только на помощь друзей. Сохранилось его письмо из Карлсбада от 3(14) мая 1787 года сестре: «Не знаю, писал ли граф Петр Иванович (П.И. Панин. - Н.В.) к наместнику белорусскому и заняты ли деньги в Петербурге. Истинно, чем жить не имею». Осенью 1792 года тяжело больной писатель в последний раз приехал в свое себежское имение с надеждой хоть в малой степени облегчить положение крестьян. Оттуда он отправился в Петербург, увозя с собой незавершенную комедию «Выбор гувернера». Тяжба с Медемом подорвала силы Фонвизина и ускорила его кончину. Бессильный исправить зло, разоренный и униженный, он умер 1 декабря 1792 года. Однако процесс, начатый в 1784 году, не кончился с его смертью. Когда драматурга уже не было в живых,

Медом добился пересмотра дела в свою пользу. Вдова Фонвизина, Катерина Ивановна, пережившая своего знаменитого мужа на четыре года, страдала от крайней бедности и болезней и умерла в нищете, не дождавшись праведного суда.

Псковская глава жизни Фонвизина играет, таким образом, важную, если не роковую роль в его судьбе. В фактах биографии писателя, связанных с Псковским краем, отражается та же эпоха, которая столь выразительно и ярко воплощена во всех его произведениях. Художественный метод драматурга во многом ориентирован на откровенное, наивное жизнеподобие, о чем писали Пушкин, Белинский, позднейший историк В.О. Ключевский. Повышенная фактологичность, буквальное воспроизведение бытовых явлений в просветительских сочинениях художника-сатирика побудили Пушкина заметить: «Все это, вероятно, было списано с натуры». Ему вторил Белинский: Фонвизин «был в своих комедиях больше даровитым копистом русской действительности, нежели ее творческим воспроизводителем». Спустя более полувека В.О. Ключевский усмотрел «высшую творческую силу зрения» драматурга именно в том, что он «взял» своих героев «в чем застал, без всяких культурных покрытий, да так и поставил их на сцену со всей неурядицей их отношений, со всем содомом их неприбранных инстинктов и интересов».

В эпоху Фонвизина границы между литературой и жизнью были заведомо условными, взаимопроницаемыми. Об этом свидетельствует характерный пример. Во время одного из путешествий Фонвизин записал в Дневнике о нерадивых хозяевах, сдавших ему квартиру, что они «суть подлинные Простаковы из комедии моей «Недоросль». В дальнейших записях он заменял подлинные имена этих людей нарицательными, «говорящими» за всю эпоху. Прощание с хозяевами он описал таким образом: «Подарив Гум... пять червонных да людям его два червонных, кои госпожа Простакова тотчас вымучила у бедных людей своих, поутру выехали мы из Глухова...». Остается только предполагать, какие

образы рождались в угасающем сознании писателя, когда он наблюдал ужасы крепостничества на собственной земле. Глубокую духовную драму он пережил в местах, находящихся в непосредственной близости от нас, и оттого **«Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях»** не оставляет равнодушными его сегодняшних читателей: «Сочинения мои были острые ругательства: много было в них сатирической соли, но рассудка, так сказать, ни капли. Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего так не боялся, как сделать кому-нибудь несправедливость, и для того ни перед кем так не трусил, как перед теми, кои от меня зависели и кои отмстить мне были не в состоянии».

Гавриил Романович Державин

Гавриил Романович Державин (1743-1816)

Жизнь и творчество Державина настолько органично переплетаются друг с другом и при этом отличаются таким оригинальным характером, что при изучении наследия поэта биографический план не уступает по важности творческому, проявляясь и в литературно-краеведческом аспекте, в частности, отмеченном псковской тематикой.

Увольнение будущего знаменитого поэта с военной службы в 1777 году (драматический момент в жизни Державина, когда его правдолюбие обернулось отставкой) повлекло за собой пожалование ему штатского чина коллежского советника и трехсот душ крестьян в Белорусской губернии. В имение, полученное Державиным, входила деревня Прихабы, которая находилась под Себежем (южная часть псковской земли тогда административно относилась к Полоцкой провинции Белоруссии).

В местах, ныне относящихся к Псковской области, жили родственники жены поэта Дарьи Алексеевны Дьяковой. С ними Гавриил Романович постоянно встречался - то в своем имении Званка в Новгородской губернии, то в усадьбе друга Н.П. Яхонтова в его имении Туховик на берегу реки Великой под Псковом.

Доживая век «на Званке», поэт познавал наслаждение тишиной, «свободой от долгов и от хлопот приказных». Псковский край стал для Державина частью осуществленной сельской идиллии: здесь он стремился к гармонии, самоуспокоению, осознанию значимости прошлого в зримо и неуклонно протекающем настоящем. Здесь он все более и более убеждался в том, «как прекрасен мир»:

Дыша невинностью, пью воздух, влагу роз.
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Проницающий значение каждого мига жизни взгляд поэта исполнен дружелюбия, атмосферу которого в немалой степени создает его псковское окружение:

Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом,
 Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
 То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
 То зайцев ловим псов станицей.

(«Евгению. Жизнь Званская», 1807).

Племянник Яхонтова Александр Павлович Кожевников оставил воспоминания, озаглавленные «Черты жизни Званской», где, в частности, был отмечен эпизод пребывания Державина в Пскове в 1812 году.

В это время, как отмечает Вл. Ходасевич в книге о Державине, поэт был занят более писанием автобиографических записок, чем политическими действиями и надвигающимся военным противостоянием в Европе. Однако и в ранее написанной «Жизни Званской», посвященной Е.А. Болховитинову, есть отголоски никогда не умолкавшего совсем в лирике Державина грома военных труб. Они звучат в мечтах-воспоминаниях:

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
 Мимолетающи суть все времени мечтанья:
 Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум
 И всех зефиров повеванья.

Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
 Победы слава где, лучи Екатерины?
 Где Павловы дела? - Сокрылось солнце, - тень!..
 Кто весть и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век...

Державин словно бы не замечал колеблемой приближающимися катаклизмами суровой современности. Лишь в 1812 году он отказался от идеала «славы в тишине» («Тишина», 1801) и прибыл в Псков, где раньше бывал по службе, по делам рекрутского набора. Это, очевидно, обнаруживало его намерение внести в умиротворенную поэзию «победы славу». Позднее, уже из Званки, он писал: «Я из Пскова 5 числа сего месяца во-

звращался. Там довольно суматохи от близкого военного театра... Приказано было поставить на каждую станцию 5000 лошадей, что, было, привело жителей в некоторое смущение...».

Народный дух войны был хорошо понятен Державину - самому демократическому поэту XVIII века. За несколько лет до этого он выразил чувство общенационального единства, которое позднее, опираясь на документы эпохи, опишет Лев Толстой в «Войне и мире»:

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремлением в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя, мы, - говорят, - померем,
Чем у Французов быть в подданстве?»

Отечественная война началась в июне 1812 года, и путь французской армии к столице лежал через Псков и близлежащие губернии. В результате боев под Псковом (русский корпус стоял в Себеже) враг был отброшен и не прошел к Петербургу. В это время Державин заканчивал свои «Записки». На последней странице рукописи он написал: «Сие кончается 1812 годом».

Как и другой замечательный русский поэт, В.А. Жуковский, Державин не мог не отозваться на героические события творящейся вблизи него истории. Из переписки поэта известно, какое впечатление произвел на него меч, на котором золотом было насечено «*Honorem meum nemini dabo*» («Чести моей никому не отдам»), считавшийся оружием псковского князя Всеволода-Гавриила. «Узнав, что в тамошнем соборе почивают мощи Российского героя, великого князя Гавриила, и находится страшный его меч, - отмечал Державин, - пошел полюбопытствовать и велел от искреннего сердца отпеть молебен за успех нашего оружия. И вот при сем случае какие пришли мне в голову мысли, вам сообщаю, желая, чтоб они сбылись:

... Се страшный князя меч Псковского, Гавриила.
С ним чести никому своей не отдал он:
Да снидет от него на Александра сила,
И с срамом побежит от нас Наполеон !

В Пскове, июля 1 дня 1812".

С полным основанием можно сказать, что пафос этих строк отражал этическую позицию Державина, пророчески провозгласившего четвертью века прежде:

Воскресни, Боже! Боже правых!

И их молению внемли:

Приди, суди, карай лукавых

И будь един царем земли!

Пребывание Державина в Пскове в 1812 году наглядно показывает, как в «минуты роковые» в жизни и поэзии стираются пространственно-временные границы между «большим, абстрактным миром» и «маленькой природой родного уголка» (М.М. Бахтин), как родное и близкое, будучи измерено новыми, историческими мерками, не теряет своей ценности, не отчуждается, а, напротив, еще более осознает и духовно преображает самое себя. В этом смысле точно говорит о значимости поэзии Державина М.Н. Эпштейн: «Державиным заданы предметные масштабы и величины русской поэзии, ее мега- и микромиры, - так же задана им и ее эмоционально-экспрессивная тональность - от меланхолической скорби до бурного экстаза». В лирике Державина большое и малое одинаково значимы, потому что обозначают один и тот же, упоительно «прекрасный мир»: «Патетика войны и сельская идиллия, ... героика и балаган, живописные детали и метафизические универсалии - солнца в безднах и блюда на столе, - все это совместилось в поэзии Державина, образовав не столько сплав, сколько калейдоскоп, поражающий своим многоцветьем».

Андрей Тимофеевич Болотов

Андрей Тимофеевич Болотов (1738-1833)

*Самое памятное и любезное для меня есть
лицо Болотов ... Он был мне самый
привлекательный человек и сильно на меня
действовал своею многосторонностью.*

В.А. Жуковский

Без имени Андрея Тимофеевича Болотова невозможно представить почти ни одну отрасль знаний в науке, литературе, искусстве, во всей русской культуре XVIII века, века Просвещения.

Научная и литературная судьба его своеобразна. Известность пришла к нему в зрелом возрасте, но широкому кругу читателей его имя почти ни о чем не говорит. Он же многие годы упорно трудился, стараясь послужить отечеству «не в пустом, а в полезном и в таком деле, которое, некогда не только сынам нашим и внукам, но и правнукам и дальнейшим потомкам обратится в пользу».

Болотов родился в селе Дворяниново Каширского уезда Тульской губернии 17 октября 1738 года, там же он и похоронен в селе Русятино 16 октября 1833 года. Болотов принадлежал к небогатому дворянскому роду. Отец (умер в 1750 году), полковник, участник многих военных походов, в том числе взятия Хотина, человек честный, способный, знавший языки, оказал на сына самое благотворное влияние, приохотив его к труду и чтению книг. На шестом году Болотова стали обучать грамоте. Его учителями были старик-малороссиянин, полковой писарь Красиков, прививший мальчику любовь к рисованию, и унтер-офицер Миллер. Немецкому языку Болотов обучался в доме курляндского дворянина Нетельгорста, французскому - в петербургском пансионе преподавателя Сухопутного шляхетского корпуса Ферре.

Чуждый стремления к богатству, карьере и славе (все его сочинения и переводы печатались анонимно), имевший репутацию «человека достойного и справедливого» (Державин),

Болтов видел смысл жизни в непрерывной деятельности на пользу отечества. С неутомимой энергией он открывал школы (в частности, пансион для благородных детей, волостное училище для крестьян в Богородицке) и лечил крестьян, участвовал в любительских спектаклях, сочинял духовную музыку, рисовал маслом и писал акварели, изучал экономические вопросы (в витринах залов ГИМа «Россия во 2-й половине XVIII в.» в Москве экспонируются тома «Трудов ВЭО», где помещены работы А.Т. Болотова).

Первые литературные опыты писателя относятся к периоду его пребывания в Кенигсберге (1760-1761) и являются результатом перелома, произошедшего в сознании Болотова под влиянием нравоучительной и философской литературы (Л. Гольберг, И.-Х. Готшед и др.). Пребывание его в Кенигсберге - отдельная, яркая страница жизни.

Его главное занятие - книги. Болотов участвует в спектакле по пьесе М.В. Ломоносова «Демофонт» в российском благородном театре вместе с Г. Орловым. Он выполняет рисунки для штемпеля при изготовлении монет с поясным портретом Елизаветы Петровны - на одной стороне и одноглавым прусским орлом - на другой. Новые деньги были отпечатаны на старом Кенигсбергском монетном дворе и пущены в оборот. «... но по промыслу Господнюю угодно было... привести меня в сей прусский город..., - пишет Болотов, - дабы я, живучи там, имел случай узнать сам себя и короче, все на свете, и мог через то приготовиться к той мирной, спокойной и благополучной жизни, какою Небу угодно было меня благословить в последующее потом время; за что благодарю и на век не перестану благодарить великого моего Зиждителя».

Первое опубликованное произведение Болотова - **«Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одной госпожой и ее детьми...»** (1776-1779, ч. 1-2) - создано под влиянием «Детского училища» М. Лепрене де Бомон и представляет собой популярное изложение учения И.-Г. Зюльцера об устройстве Вселенной. Написанная понятно и живо, книга знакомила детей с основными положениями системы Коперника, учила узнавать и любить природу.

Драматические произведения **«Честохвал»** (1779), **«Несчастные сироты»** (1780; изд. 1781), **«Награжденная добродетель»** (1781) предназначались для домашнего детского театра, созданного Болотовым в Богородицке, где он с 1776 по 1796 год занимал место управителя дворцовых имений.

Самое значительное его произведение - **«Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков»** (Спб., 1870-1873, ч. 1-4; сокращ. изд.: М., 1986). Работа над записками началась в 1789 году и продолжалась в течение нескольких десятилетий. Они стали не только ценнейшим источником сведений по истории русского общества XVIII в., но и совершенно органичным выражением тех тенденций в литературном процессе конца XVIII в., которые были связаны с усилением роли личного, биографического начала. Л.Н. Толстой назвал записки Болотова «драгоценными».

Летом 1761 года, находясь в Кенигсберге, он запишет в своем дневнике: «Можно сей год почесть уже весьма достопамятным в моей жизни, ибо начал я сам себя образовывать и делаться человеком».

Андрей Болотов - действительно необыкновенный человек, уникальное явление. Он по-русски самобытен и по-европейски образован. Это ученый-энциклопедист, самоучка, один из основоположников русской агрономической науки, писатель, художник, критик, журналист, педагог, врачеватель, архитектор, по широте интересов равный разве что М.В. Ломоносову.

Мир Болотова, которым он предстает в нашем воображении, - это мир не только уютного кабинета и необычно толстых книг, но и мир садовых аллей, причудливых фонтанов, «сиделок» (скамеек), беседок, зеркальных прудов с карпами и «увеселений» на берегах этих прудов.

Являясь детищем эпохи Просвещения, он впитал ее основные идеи, воспринял сложившиеся в XVIII веке эстетические принципы, философские теории. Понять Болотова можно при четкой соотнесенности его жизни и деятельности с российской действительностью во всей ее сложности и противоречивости.

На формирование его личности оказали влияние и люди, и природа, и увлечение философией. Болотов собрал хорошую библиотеку, книги на русском, немецком, французском, португальском языках. В 1777 году он выписывает гамбургские газеты и журналы, делает переводы с немецкого, португальского. Он читает лучших европейских философов и писателей: Вольфа, Гердера, Вольтера, Кульмана, Брокеса, Клейста, Поупа, Буало. А также русских писателей: М.В. Ломоносова, А. Сумарокова, М.М. Хераскова. С Н.И. Новиковым их связывало долготетнее сотрудничество и дружеские отношения до конца жизни Новикова, «всей России известного человека».

Сам он оставил в наследство 350 томов своих сочинений, 350 тысяч страниц.

И когда в конце жизни его настиг страшный удар (воры украдут последние сбережения), он станет горевать об украденных вместе с ними драгоценностях - бумагах, записках, которые, к счастью, хоть и измятые, будут найдены.

Болотов будет присутствовать в Москве на казни Емельяна Пугачева. В 1784 году он увидит в Москве запуск первого воздушного шара.

Образцовый аграрий, внедрявший новые культуры, он любил землю, учил разумно с ней обращаться.

Он - метеоролог, селекционер, основатель помологии*, садовод, основоположник лесоводческой науки. Метод выведения стройных прямоствольных деревьев открыт им на 20 лет раньше, чем Э. Кантом в Германии и за 60 лет до Метью в Англии. Зависимость порослевого возобновления от указанным Болотовым факторов подтвердили ученые через полтора века.

Ученым известна и болотовская теория минерального питания растений, которые рассматривались им через

* помология - агрономическая научная дисциплина, занимающаяся изучением сортов плодовых и ягодных растений с целью отбора лучших из них для хозяйств, разведения в различных районах, постоянного улучшения сортового состава садов и отдельных сортов, а также рационального использования их в плодоводстве.

микроскоп. Его минералогические находки в Богородицке ценились в Европе, многие научные статьи печатались в зарубежных журналах.

А.Т. Болотов - член Вольного экономического общества с 1766 года. Девизом этого общества были слова: « Пчелы, в улей мед приносящие». Его президентом был граф Григорий Орлов, секретарем А.А. Нартов. С Нартовым Андрей Тимофеевич состоял в переписке и неоднократно встречался. С 1766 года издавались «Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства». Болотов был награжден двумя серебряными и золотой медалью этого общества. Ему был также вручен диплом члена Лейпцигского экономического общества в 1794 году.

Его «**Экономический магазин**» (1780 г.) стал украшением отечественной экономической мысли и журналистики.

Болотов пытливно изучает природу. В Богородицке создает жемчужину - прекрасный пейзажный парк, строит дворец, церковь, которую сам расписывает. В XVIII веке получает распространение ландшафтный сад, который был изобретен в Англии как «сад английского либерализма» философами, писателями и знатоками искусства, а не архитекторами и садоводами. Ландшафтный сад менял свой характер в зависимости от того, какой стиль господствовал в искусстве. В садовом искусстве оживал язык чувствительности. Почитаются и ценятся старые деревья, реликты, но появляются и романтические экзоты. В садах оживает история. Вздвигающиеся фонтаны сменяются падающими водопадами.

Большое место занимают также памятники умершим, руины замков, храмов, мостов, статуи государственным деятелям и поэтам прошлого.

В этом контексте нетрудно представить себе Богородицкий парк Болотова с водопадами, дорожками, ручьями... Труд всей его жизни «**Опыт приятностей природы**» будет передан в дар Академии наук.

Был ли он счастлив? Подводя итоги своего жизненного и творческого пути, он скажет: «Жил я умеренно и хотя не славно, но честно и степенно. Люди меня знали, почитали и любили и никто не бранил, чего лучше желать!»

Болотовское слово сверкает драгоценными гранями, излучая свет, который, отражаясь в душе каждого из нас, звучит необыкновенной силы музыкой.

Связь А.Т. Болотова с Псковским краем существенна и неотделима от его жизненного пути. Болотовское слово живет и сейчас для нас, псковичей. Его имя тесно связано с Псковской землей. Здесь он сблизился с родной природой, познакомился с народными умельцами, научился у них искусству резьбы, мастерству плетения берестяных изделий, пожарному делу, рыбной ловле. Здесь он полюбил русские народные песни, разудалые пляски, по его собственному признанию, получил «начальный вкус и охоту к музыке», выучился играть на гусях.

Впервые Андрей Болотов прибыл в Псков в 1743 году, куда его отец, офицер Тимофей Петрович Болотов, командир Архангелогородского полка, был направлен для проведения всеобщей ревизии и где пробыл до начала 1746 года. Отсюда он уехал в свой полк в Эстландию. Андрей же с матерью вернулся в Дворяниново Тульской губернии.

Позже А. Болотов оставит в своих «Записках» об отце следующие воспоминания: «Комиссию, которая была поручена моему отцу, отправлял он с таким успехом и столь порядочно, что заслужил от всех похвалу и благодарений, сверх того, за хорошие свои поступки и благоразумное поведение сделался он любим и почитаем во всем городе и уезде».

Псков первой половины XVIII века - небольшой городок с обилием храмов, монастырей, садов, купеческих зданий. Со всех сторон была видна святыня псковской земли - Троицкий собор.

В нашем городе Андрей Тимофеевич, а тогда еще Андрюша приступил к учебе. Произошло это 17 июня 1744 года. В августе этого же года семья Болотовых отметила знаменательное

событие - старшая сестра Андрея Прасковья Тимофеевна вышла замуж за псковского помещика Василия Савиновича Неклюдова, имение которого с 17 дворовыми находилось в 20 верстах от уездного города Острова на берегу реки Лжи, тихо несущей свои воды в реку Великую. Там, где река делает изгиб, в живописно расположенном месте, и находится Апанькино. От имения шла березовая аллея к церкви и погосту Дубки. Церковь вначале была сделана из плиты глинистого сланца с очень ценными колоколами, отлитыми в Москве. Неклюдовы перестроили храм, сделали рядом фамильный склеп. В Апанькине был большой красивый дом с колоннами. Оранжерея с витражами из разноцветных стекол. Людская, конюшни, кладовые, небольшой молокозавод. Возле дома клумбы, некоторые сохранились до сего времени. И сады: яблоневый, грушевый, сливовый, вишневый. Вокруг садов была живая изгородь из сирени и акаций. Все утопало в цветах и пышной зелени.

У Прасковьи Тимофеевны Неклюдовой (урожд. Болотовой) и В.С. Неклюдова был сын, но, как пишет в своих мемуарах А.Т. Болотов, особым усердием он не отличался. С.М. Неклюдов - один из последних представителей этого рода - был членом Государственного Совета, почетным гражданином г. Пскова.

Апанькино (Опанькино, Опанкино) на карте Псковщины является для нас той точкой, где стираются границы времени и приобретает власть место. Место, которое видел, по которому ходил и которым любовался Андрей Тимофеевич.

В 1747 году (через полтора года) Андрей вместе с отцом снова оказался в Пскове. Полк из Прибалтики переходил в Петербург, и в Пскове была стоянка. Они навестили Неклюдовых в Апанькино. Андрей продолжает учебу в Петербурге, в частном пансионе Ферре.

После смерти родителей 12 октября 1752г. он приезжает в Апанькино и живет здесь почти год. Вместе с сестрой и зятем объезжает всю округу, знакомясь с соседями-помещиками. В ту пору ему 14 лет. Он видит, как крестьяне готовят лен на продажу и в тюках на лошадях отправляют волокно в Нарву. Занимается

подросток и ловлей зверей тенетами, подводной ловлей рыбы. Ездили даже на озеро верст за 20 и наловили рыбы несколько десятков возов. Жгли костры, варили уху! Незабываемое для Андрюши время запоминалось на всю жизнь. Ходил он и на охоту с ружьем. Но больше всего ему понравилась летняя рыбалка удами. Зять подарил снасти и маленький челночок на одного человека.

«Река Лжа, на которой сидело... селение, была самая прекрасная и весьма рыбная, она была нарочито широка и, обтекая селение, производила течением своим превеликий полуциркуль, простиравшийся до самой его прекрасной мельницы. Итак, наилучшее утешение мое было разъезжать и разгуливать по сей части реки на моем челночке и, приставая в заводях и в других местах, уживать рыбу», - напишет он позже. Андрей много читал, мастерил, играл на гусях. Учитель был так доволен «удобопонятием» Андрея, что сделал ему гусли с разными украшениями.

Поздней осенью 1754 года около шести недель он жил на Псковщине. Ему было уже 16 лет. Он числился в полку отца, и нужно было нести воинскую службу. Неклюдов в это время находился дома в отпуске. Вместе с Андреем они поехали в полк, который стоял в ту пору в Лифляндии.

Сестра очень любила своего младшего брата. (У них была еще одна сестра Марфа, вышедшая через 3 года после замужества Прасковьи замуж за сержанта Архангелогородского полка А.Ф.Травина, небогатого тверского помещика, который не стал для Андрея настоящим другом, каким являлся Василий Савинович Неклюдов). Прасковья Тимофеевна уделяла много внимания Андрею, исправляла его недостатки, учила светским манерам, умению вести себя в обществе, заботилась об одежде. Ее влияние было благотворно, и добрые советы пригодились вначале сержанту, а потом офицеру Болотову.

Находясь в Кенигсберге, он собрал библиотеку, которая позже морем была доставлена в Петербург и передана соседу Неклюдова по имению Ладыженскому, служившему в столице

в Сенатской роте. Люди из Апанькино, приехавшие по делам в столицу, забрали библиотеку у Ладыженского и привезли ее благополучно на Псковщину.

Затем Андрей Болотов был назначен флигель-адъютантом к полицеймейстеру Н.А. Корфу в Петербург, куда он и отправился в 1762 году. Но он не желает ни военной, ни придворной карьеры, а хочет заниматься науками, хлопочет об отставке и получает ее в чине армейского капитана. Без сожаления Болотов покидает Петербург, через Новгород следуя во Псков (28 июня 1762 г.). Он узнает о дворцовом перевороте, среди главных зачинщиков его знакомый по Кенигсбергу Григорий Орлов. У руля России встала Екатерина II. 29 июня 1762 года Болотов в Апанькино.

«Не успел я приблизиться к тем пределам, где жила сестра моя, - вспоминает он позже, - и увидеть те места, которые мне с малолетства были знакомы и в которых я весь почти четырнадцатый год моей жизни проводил так весело и хорошо, как по всей душе моей разлилась некая неизобразимая радость, и я на все знакомые себе места смотрел с таким удовольствием, какое удобнее чувствовать, нежели описать можно».

Сестра и ее муж несказанно были рады приезду Андрея. Новый дом уже был отстроен, отпраздновали новоселье. Стремителен бег времени! Наступил август, и надо было собираться в дорогу, ехать на родину, в Дворяниново, где уже ждали своего молодого хозяина, - ведь ему было 24 года! Из них 14 он провел на воинской службе. 10 августа 1762 года Андрей Тимофеевич отправился в недалшний путь. Болотов позже напишет: «Зять и сестра провожали меня версты три ... и я навек не позабуду той минуты, когда, расставшись с ними и переехав вброд реку, с другого берега видел я в последний раз возвращающимся уже в дом моего зятя, машущего своею шляпою и кричащего мне: Прости, прости, мой друг!». Летом 1766 года, когда А.Т. Болотов уже стал членом Всероссийского экономического общества, к нему в Дворяниново прибыли ходоки из Апанькино, сообщившие печальную весть, - умерла

его любимая сестра П.Т. Неклюдова. Ей был всего 41 год. Остался муж, который ненадолго пережил свою жену. Похоронены они в Дубках, где был сооружен семейный склеп.

«Этого никогда, не будет, чтобы я позабыл сие милое селение и вас, любезных моих родных», - написал Болотов однажды.

Дворяниново - Псков - Апанькино - Петербург - Кенигсберг - Тула - Москва - Богородицк - Дворяниново - все это мир Болотова. Соприкоснувшись с этим миром, чувствуешь таинственное родство личной ограниченной души и безбрежного духовного пространства.

«Я старался, сколько мог, приносить все силы души и тела моего в жертву пользе отечества и велениям долга, а того паче соблюсти доброе имя. Мне и удалось сохранить оное, а вкупе и сделать много такого, чем пользовались многие и воспользуются и впредь и не только современники мои, но и самые еще позднейшие потомки отечества моего ...»

А.Т. Болотов.

Евфимий Алексеевич Болховитинов

Евфимий Алексеевич Болховитинов (1767 – 1837)

С 1816 по 1822 год в Пскове жил Евфимий Алексеевич Болховитинов, один из самых высокопоставленных иерархов церкви, образованнейший человек своего времени, литератор, историк, археолог, всю жизнь посвятивший собиранию, изучению и сохранению памятников отечественной культуры.

Родился Болховитинов 18 декабря 1767 г. в Воронеже, в семье священника. Учеба в Воронежской духовной семинарии, затем в Московском университете, близкое знакомство с деятельностью кружка известного просветителя Н.И.Новикова – все это развило в молодом человеке интерес к отечественной истории, к историческим исследованиям и литературной деятельности.

По окончании академического курса Болховитинов вернулся в родной город, стал преподавателем, а затем и ректором духовной семинарии. В Воронеже он увлекался театром, стоял во главе литературного кружка, где велись горячие споры не только литературного, но и политического характера, переводил с французского литературно-философские сочинения, вел краеведческую работу.

В 1799 г., после смерти жены и троих детей, Болховитинов решил посвятить свою жизнь церковному служению и науке. Он переехал в Петербург и принял монашество, получив имя Евгений и архиерейское звание. В Петербурге он стал префектом духовной академии, в которой преподавал философию и красноречие, читал лекции по богословию и истории. Впоследствии он занимал высокие церковные должности в Новгороде, Вологде, Калуге, не прекращая научных изысканий. Неслучайно в 1810 г. он был избран почетным членом Санкт-Петербургского Общества любителей науки, словесности и художеств, а в 1811 – членом сразу двух обществ: «Петербургской беседы любителей русского слова» и «Общества истории и древностей российских» при Московском университете.

В 1816 г. Евгений был назначен архиепископом Пскова и Курляндии. Псковской его резиденцией стал монастырь на

Снятной горе, где он и прожил почти шесть лет, проводя обширные исторические исследования. Болховитинов разыскивал заброшенные архивы, организовывал их разбор, посещал древлехранилища гражданских учреждений, церквей, монастырей, частных поместий, библиотеки, составлял описи, производил многочисленные выписки из древних законодательных актов, писцовых книг, летописей, старался почерпнуть исторические сведения из былин и легенд, из топонимики. Он осматривал старинные здания, разбирал древние надписи, производил обмеры развалин и доступные его силам раскопки. В частности, при земляных работах им были открыты древние псковские мостовые, что давало основания для суждений о характере планировки и застройки древнего периода.

Евгением Болховитиным был написан ряд работ, посвященных псковскому краю. До 1822 г. он подготовил свод Псковских летописей, список псковских грамот, летопись древнего княжеского города Изборска, начал работу по составлению **«Истории княжества Псковского»**, для чего были привлечены не только русские летописи, но и Лифляндские, Эстляндские и Курляндские, а также полученные с помощью графа Н.П.Румянцева немецкие источники. Завершенная вчерне уже к 1818 г. «История» была издана лишь в 1831 г., в Киеве. В первой ее части - общая характеристика истории княжества Псковского и города Пскова, во второй – сведения о псковских князьях, наместниках посадниках, губернских начальниках, в третьей – история псковской церковной иерархии, в четвертой – текст сокращенной Псковской летописи. В рукописях Евгения сохранилось также краткое жизнеописание псковского князя Всеволода-Гавриила. В 1821 г. в Дерпте было издано **«Описание Псково-Печерского первоклассного монастыря»** и – отдельными брошюрами – описания Снетогорского, Крипецкого, Святогорского, Иоанно-Предтеченского и Никандровской пустыни монастырей.

Сегодня трудно переоценить значение работы ученого для современных научных исследований. Болховитинов был первым серьезным автором, занявшимся изучением прошлого Пскова. Поколения дореволюционных ученых обращались к его трудам как к наиболее полному и подробному изложению псковской

истории. Все его работы в этой области проникнуты неподдельной симпатией к древнему городу, к его героическому прошлому.

В Пскове архиепископ стремился восстановить древние обычаи, возбудить благоговение к местным святыням. Так, он распорядился в Кафедральном соборе совершать службу в дни кончины местно чтимых угодников - князя Довмонта – Тимофея и блаженного Николая (Салоса), учредил крестный ход вокруг собора с почти забытой в Пскове иконой Божьей Матери, известной под именем «Псковской» или «Чирской». В одном из своих писем он говорил: «Бедный Псков для меня милее богатой столицы». Раз навсегда полюбив Псковщину, он и впоследствии, находясь в Киеве, куда был назначен в 1822 г. митрополитом, не терял связи с псковским духовенством, немало делал для благоустройства псковских храмов и монастырей.

Трудом всей жизни Болховитинова было создание **«Словаря русских писателей»**, увидевшего свет лишь в 1845 г. Словарь он рассматривал как большое патриотическое дело, имеющее целью запечатлеть историю русской словесности. Составляя его, Евгений вел обширную переписку, стараясь собрать и зафиксировать возможно больше имен и фактов. Работа над словарем способствовала личному знакомству и многолетней дружбе Болховитинова с Г.Р.Державиным. Знаменитый поэт посвятил своему другу несколько стихотворений, из которых самое замечательное – **«Евгению. Жизнь Званская»**, написанное в 1807 г., когда Евгений гостил у Державина.

В 1824 г., после пятнадцатилетней службы в Киеве, Болховитинов был вызван в Петербург, где более года занимался в Священном Синоде делами церковного управления. 14 декабря 1825 г. он вместе с митрополитом Петербургским выезжал на Сенатскую площадь и призывал восставших прекратить выступление.

Судьба и труды Евгения Болховитинова должны быть достойно оценены потомками, ведь сам митрополит в одном из сочинений очень точно заметил: «Недостаточно образованы те, которые не знают своего родного; не следует пренебрегать малым, без которого великое не может быть совершенно».

ГЛАВА III

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Псковский край в I половине XIX века является родиной или местом жизни и творчества целого ряда литераторов: поэтов, драматургов, писателей так называемого второго ряда, которые играют важную роль в литературной истории. Им не принадлежат те открытия, которые свойственны классикам. Но их деятельность служит общему развитию русской культуры, создает фон, на котором она вырастает, а величие и значение классических авторов становится более понятным.

В первой половине XIX века литература в основном – принадлежность русского дворянства, для которого это досуг, а не профессиональный труд. Так, Псковская земля – родина поэта Александра Николаевича Креницына, помещика Великолукского уезда, литераторов Степана Ивановича Висковатова, Петра Александровича Корсакова – владельцев имений в Порховском уезде. Приезжал в псковское имение Лобаново и гостил там Андрей Андреевич Ивановский, человек особой судьбы в истории декабристской литературы. В Псковском крае и городе Пскове проходила военная служба поэта и драматурга Ивана Ермолаевича Великопольского, принадлежащего к старинному дворянскому роду, поселившемуся на землях Великолукского уезда до начала XVI века. Псков – место рождения драматурга и романиста Рафаила Михайловича Зотова, потомка последнего крымского властителя Шагин-Гирея.

В творчестве этих литераторов, как в капле воды, отражаются явления и процессы, происходящие в I половине XIX века в русской литературе вообще. Так, С.И. Висковатов, старший современник Пушкина, парадоксальным образом соединит интерес к сентименталистской поэтике в ранних стихах и повестях с любовью к классицизму в оригинальных и переводных комедиях. А П.А. Корсаков в начале своего творческого пути – член «Беседы любителей русского слова», что отразится на его драматическом поприще, но не чуждый и поэтике сентиментализма. Его литературная судьба несет на себе печать переходной эпохи в русской литературе 10-20х гг. XIX в.

Пафос немногочисленного по объему стихотворного наследия А.Н. Креницына позволяет говорить о близости его к декабристской романтической традиции. А богатое наследие драматурга и исторического романиста Р.М. Зотова – о верности к классицизму в драме и романтизму в прозе...

Все они в большей или меньшей степени связаны с гением А.С. Пушкина, тем центром, который стал высшим выражением творчества и просвещения России. Многократно приезжая в Псковскую губернию в разные годы жизни и в разных ее обстоятельствах, он попадает под обаяние ее истории, архитектурных и исторических памятников, природы и жителей, что дает мощный импульс его творческому воображению.

Сама же личность Пушкина, а с ней и наш родной край, станет центром притяжения лучших русских литераторов первой половины XIX в., приезжавших к нему в разные годы: А.А. Дельвига, друга по Лицею; Н.М. Языкова, талантливого поэта, открывшего здесь для себя человеческое и творческое обаяние Пушкина.

С Пушкиным встретятся на своем жизненном пути П.А. Корсаков, А.А. Ивановский, С.В. Висковатов, И.Е. Великопольский, а также Ф.В. Булгарин, известный в свое время писатель, оставивший интересные путевые заметки о Псковском крае пушкинского времени (1835). П.А. Корсаков – старший современник, брат его лицейского товарища.

Пётр Александрович Корсаков

Петр Александрович Корсаков
(1790 (1787?) – 1844)

В беллетризованном «отчете о виденном и слышанном в Псковской губернии» во время путешествия 1835 года Ф.В. Булгарин иронически заметил: «О степени просвещения дворянства нельзя сказать ничего особенного». Это значило, что Псков, по меткому выражению Гоголя, «никак не уступал другим губернским городам». «Здесь, как и везде, - писал Ф.В. Булгарин, - говорят по-французски, танцуют французскую кадрили, кое-что почитывают и, разумеется, рассуждают о прочитанном». Но общую для нравоописателей непринужденную манеру разговора сменяет строгий тон, когда заходит речь о Пушкине: «Псковская губерния есть родина первого нашего современного поэта.... Пушкиным Псков выплатил России за все прочее, по части просвещения».

Глубокая справедливость этого заключения писателя, связавшего с Псковской землей идею просвещения России в ее высшем выражении (пушкинский гений), не может быть по сути поколеблена, что подтвердилось и последующим временем. Вместе с тем, нельзя не видеть, что Ф.В. Булгарин судил и мерил просвещение с позиций близкого заинтересованного наблюдателя, которому, прежде всего, виделось яркое, значительное, уникальное, – все остальное, повседневное, фиксировалось небрежным: «ничего особенного». Ф.В. Булгарин еще не дожил до той эпохи, когда ее поэт и выразитель, Н.А. Некрасов, должен был констатировать, что в отсутствии Пушкина и «прочее» обрело естественную значимость и зримость:

... Заметен ты,

Но так без солнца звезды видны.

Безвестные многочисленные «звезды» пушкинского века сияли именно «отраженным светом», по-разному преломляя культуру, вершину и завершение которой видели в гении Пушкина, одновременно прозревая в нем залог движения к

новому. Скромные, так сказать, рядовые просветители пушкинской эпохи не были «видны» путешественнику: в них растворилась общая культурная атмосфера времени в ее типичной содержательности. Часто они сами заявляли свою «малость» и обыкновенность, сознавая, может быть, что в этих качествах впоследствии будет постигнуто их истинное значение и скромное, словно бы стыдящееся себя достоинство. Тем более драгоценно сегодня, что незаметный спутник Пушкина, его преданный почитатель и помощник, жил в Псковском крае, где оставил след, трудясь для русского просвещения. Речь идет о личности Петра Александровича Корсакова, брата безвременно умершего товарища Пушкина по Царскосельскому лицейскому Николаю Александровича (последнему Пушкин посвятил стихотворение «Гроб юноши», неизменно вспоминал его в стихах, приуроченных к лицейским годовщинам).

Биография П.А. Корсакова читается как «поведенческий текст» (Ю.М. Лотман). Подобно многим современникам, он выстраивал единый «текст» своей жизни, где поступок и слово трудно различимы, как показывает позднейшее их сравнительное изучение. Корсаков - «один во всем» (Н.И. Надеждин): и драматург, и переводчик, и историк литературы, и чиновник, и публицист, и издатель, и критик, и прозаик, и цензор текущей словесности.

Он родился, «кажется, в деревне», - пишет автор первой из немногочисленных статей о Корсакове Н.В. Кукольник (в действительности, в селе Буриги Порховского уезда Псковского наместничества. - Н.В.), - потому что в пеленках считался он уже сержантом Преображенского полка. При вступлении Императора Павла I на престол считавшиеся тогда в военной службе должны были явиться в столицу: П.А. не явился и выключен из полка...».

Следующая страница жизни Корсакова вполне являет собой не претворенный, но тщательно продуманный «текст», воплотиться которому не было суждено, так как законы его создавала не только жизнь (хаос «страстей»), но и морально-

этический кодекс, важность которого осознавалась как жизненно-генерирующая и дееспособная. «Страсть к морской службе в молодости еще увлекала его неодолимо, - пишет Н.В. Кукольник, - по собственному желанию он стал изучать математику и на 14-м году мог держать экзамен на гардемарина». Снаряжавшаяся в 1804 году кругосветная экспедиция под командованием И.Ф. Крузенштерна побудила Корсакова, сдав трудный экзамен, умолять Н.П. Резанова (родного дядю и начальника экспедиции) взять его с собой для обретения, как пишет Н.В. Кукольник, «новых познаний». Согласие близких и капитан-лейтенанта И.Ф. Крузенштерна не оказалось, однако, исходной точкой новой важнейшей эпохи в жизни Корсакова. «... дело казалось конченным, - пишет его биограф, - вдруг отец его, любя горячо и много сына-первенца своего, задумался и не решился на такую долгую с ним разлуку. Как ни горько было для П.А. получить отказ, но он с сыновнею покорностью исполнил отцовскую волю».

Личность отца, спокойствию которого Петр Александрович пожертвовал любовью к морю и «удовольствиями дальнего вояжа» (Н.В. Кукольник), столько же жизненно-достоверна, сколь и эстетизованно-литературна, что следует из документов эпохи. Во всяком случае, в позднейших письмах П.А. Корсакова другу, писателю М.Н. Загоскину, вполне оправдывается та характеристика, которую дает старшему Корсакову в специальном очерке Н. Гастфрейнд: родовитый дворянин. сержант Лейб-гвардии Преображенского полка, Корсаков Александр Степанович, был глубоко любим и почитаем преданным семейством. «Личность почтенного старца..., - указывает Н. Гастфрейнд, - была весьма замечательна: он был в семье настоящий патриарх».

Петр Александрович поспешил заменить дело словом: то, что осталось не воплощенным, не было прожито, нашло отражение в труде «Собрание путешествий, предпринятых агентами Лондонского общества африканских открытий во внутренность сей части света» (СПб., 1807). При этом его жизнь

вновь обрела двуобращенность, скрестив «роман» и «быт». С 1808 по 1810 год Корсаков находился в Голландии по неизвестному до сих пор поручению Министерства финансов. Неся службу в Голландском посольстве, он изучал язык, много читал. В 1810 году женился на юной дочери голландского негоцианта Ф. Бётлинга Шарлотте, вместе с ней вернулся жить в Россию (первоначально «в Порховский уезд, село Буриги, принадлежащее родителям П.А.; в деревне они провели около шести недель...», затем молодая чета обосновалась в столице). Характеризуя этот период жизни Корсакова, Н.В. Кукольник замечает: «Трехлетнее пребывание его в Голландии смело можно назвать романом».

Деятельность П.А. Корсакова в Петербурге предстает сквозь призму его литературного дилетантизма, дополняемого службой в Министерстве финансов (был награжден орденом за «голландскую миссию»), в петербургском ополчении 1812 года (по свидетельству В.Р. Зотова), в Дирекции императорских театров (вопросы по репертуарной части).

В первой половине 1810 года П.А. Корсаков - активный член-сотрудник «Беседы любителей русского слова», он принят А.С. Шишковым и Г.Р. Державиным, находится в дружеских отношениях с Н.В. Сушковым и М.Н. Загоскиным, основывает (совместно с Н.И. Гречем) масонскую ложу «Избранного Михаила», куда вошли и будущие декабристы: Ф.Н. Глинка, гр. Ф.П. Толстой, Н.А. Бестужев, М.К. и В.К. Кюхельбекеры, Г.С. Батеньков. Сценический успех имели переведенная Корсаковым с французского комическая опера Ш.Г. Этьена *«Жоконд, или Искатели приключений»* (поставлена в 1815 году) и собственного сочинения трагедия в стихах тираноборческого содержания, основанная на библейском сюжете, - *«Маккавеи»* (первое представление на петербургской сцене в 1813 году). Однако другие его пьесы по разным причинам либо неправомерно долго прокладывали путь к публике (водевиль *«Давид Теньер, живописец»*), либо же, в силу цензурного запрета, вообще не дошли до нее (трагедия В. Шекспира *«Макбет»* в переводе Корсакова, интерпретирующая мотив цареубийства).

Поэтическое и житейское явление Пушкина на жизненном пути Корсакова приходится также на данный период. В 1817 году Корсаков разворачивает журнальную деятельность - сначала как издатель «Русского Пустынника, или Наблюдателя отечественных нравов», затем -продолжающего и сменившего этот журнал «Северного наблюдателя, нравственного, сатирического, литературного и политического издания» (совместно с М.Н.Загоскиным). Символ «пустыни» в значении «отъединенного места» закрепился в русской поэзии начала века, что и позволило неизвестному издателю избрать себе соответствующую литературную маску (псевдоним). Ее игровое назначение не только не скрывало, но, наоборот, подчеркивало выражаемую Корсаковым социально-этическую позицию: «Нередко - сошед с позорища света, становился я зрителем того представления, в котором еще незадолго был действующим лицом, весьма часто - уединясь во множестве, забывал я самого себя в размышлениях о виденном мною, ... я замечал, что видел; записывал, что замечал, и иногда читал немногим друзьям моим немногие плоды моих замечаний». Эта программа, не лишенная налета сентиментальности, не стесняла автора-издателя, напротив - обеспечивала ему предельную свободу. В частности, было оговорено: «В состав его замечаний входят не одни только наблюдения о нравах; но позволяется ему обращать внимание на успехи просвещения и гражданского нашего положения».

«Успехи просвещения», по-своему, запечатлела и поэзия, раздел которой составляли не исключительно произведения самого Корсакова, но и его друзей, товарищей брата по лицу. Я.Грот опубликовал письмо А.Д. Илличевского к П.Н. Фуссу от 11 октября 1815 года, в котором лицейский товарищ Н.А. Корсакова и Пушкина упоминает о знакомстве с Петром Александровичем в связи с предпринятым им переводом французской оперы и возможностью ее постановки на театральной сцене: «Переведши, старался, чтоб ее разыграли на театре... Для этого просил я г. Петра Александровича Корсакова, стихотворца и чиновника, служащего

при театре». О знакомстве Корсакова с Пушкиным в эти годы свидетельствует публикация нескольких пушкинских стихотворений в «Северном наблюдателе», а также поздние упоминания в их переписке о дружелюбии, отметившем начало их сближения и осенившем все дальнейшие нелегкие годы. В пору знакомства Пушкина и Илличевского с Корсаковым уже, по-видимому, укрепилась та репутация последнего, которую мемуаристы и биографы позднее сохранили для потомства: «Это был вполне образованный и истинно добрый человек», «честный и добродушный писатель» и т.п.

Молодой Корсаков также писал стихи и помещал их в непосредственной близости от сочинений Пушкина. В лирике он явно тяготеет к элегическому тону - в духе популярных элегий мадам Дезульер. Он отвергает умиротворение идиллии, ее сентиментальную проекцию, предпочитая «оссиановский» пейзаж и дополняя классицистический аллегоризм славянской мифологией:

Туманом сокрыты следы сребровласой *Триглавы*¹,
 Порывисто свищет в ущельях *Позвизд*²;
 Угас в мраках туч солнца блеск величавый,
 Шумит в гулких рощах валяющийся лист.

Не видно в долинах играющих *Лелей*³;
 Не пляшут веселья в лугах, меж цветов;
 Не слышен средь кущей звук нежных свирелей;
 Не смотрится зелень в кристалл ручейков.

Совершенно иначе оформляется литературный облик Корсакова в его письмах из «деревни» (в это понятие входят Порхов и места под Порховом: село Буриги и усадьба Захонье). Он переезжает в Порховский уезд, на родину, убегая от проблем в семейной жизни (драматический развод с женой в 1813 году),

1. Славянская Феба, или Луна (прим. П.А. Корсакова).

2. Эол Славянский (прим. П.А. Корсакова).

3. Амуры древних наших праотцев (прим. П.А. Корсакова).

неудач на театральном и журнальном поприщах. Корсаков удаляется в «деревню», где проведет - с перерывами - восемнадцать долгих лет в заботах «сельского жителя», в тоске по столичной жизни, с которой он постоянно поддерживал литературные и иные отношения.

Сохранилось несколько писем Корсакова М.Н.Загоскину. В них стилизация себя и подлинного деревенского мира тяготеет к идиллической окрашенности, персонифицирующей житейскую данность в литературный факт. «Светский пустынный» превращается сначала в «поэта-отшельника», нежно-чувствительного сына; затем - в добродушного отца семейства, добропорядочного гражданина, почтённого общественным доверием, любимого крестьянами.

Письма Корсакова запечатлевают момент перехода от бытовой разновидности письма к ее литературному аналогу. «Особенность этого жанра, - пишет Ю.В. Манн о функции дружеского послания, - в том, что в нем бегство - от шума, от светской жизни - обосновывалось программно, как необходимый поступок...». Именно так литературная стилизация обосновывается в письмах Корсакова 1816-1817 годов:

Я, покинув шумный круг,
Улетел туда, где веет
Воздух родины моей;
Где родимые пенаты
Кров мой тихий, небогатый
Средь наследственных полей
Кротким счастьем осеняют,
Домоседа защищают
От опасных светских бурь !

Эти строки, включенные в текст письма, находятся в одном культурном контексте с «Посланием к Дмитриеву» (1794) и «Посланием Александру Алексеевичу Плещееву» (1794) Н.М. Карамзина, «Моими пенатами» К. Н. Батюшкова (1811-1812), «Городком» А.С. Пушкина (1815) и т.п. Идиллия в таких стихах

заведомо венчала романтическое бегство: с ним гармонировал присущий дружескому посланию (как и письму) оттенок интимности и уюта.

Соответственно, сентиментальной стилистикой отмечена тема друзей и дружества, сельских трудов и сельского уединения: «Хотя и не удалось мне тотчас по прибытии моем в обитель мира отдать приятную для сердца моего дань дружеству...»; «за месяц перед отъездом моим из вашего пекла я и не воображал, чтобы все, мною придуманное, могло так счастливо, так приятно исполниться!»; «ты опасешься *умниц*. Но друг мой, для них ли ты ко мне пишешь? Пусть их с хладнокровною, догматическою точностию взвешивают каждое слово; между тем как мы с тобою, скрывая от них нашу откровенность, будем друг друга любить и так же выражать это, как и чувствовать»; «иногда... - и я, смиренный отшельник от шума парнасского, скажу тебе словечко о своей Мельпомене или Эрато, изредка посещающих мое уединение» и т.п..

Кульť семейных добродетелей и дружества задает сквозную тональность писем:

Здесь - пусть буду я забытым
Злобой, завистью людей,
Пусть умру для них безвестный,
Лишь бы, кровным всем любезный,
Жил я в памяти друзей.
Здесь тихонько, осторожно
Прошепчу Сильванов стих:
«Где нам лучше жить возможно,
Если не в кругу родных?»

Отношения с отцом в этот период осмысляются в аспекте возвышенной «чувствительности», превращаясь в идиллическую тему, «когда смысл жизни видится в радости самоотречения, так характерной для сентиментальной эпохи» (Р.М. Лазарчук). Друг мой! - пишет Корсаков другу—«сочувственнику». - Ты сам имеешь нежных, примерных родителей: ты знаешь им цену. У меня один только отец - и тот еще лишен зрения. Я служу ему проводником,

я плачу ему сыновнею любовью за устройство моего благосостояния, за образование сердца моего и ума, за те примеры сыновней преданности, которыми он, вместо пустых словесных наставлений, учил мою молодость! - Понимаешь ли ты всю полноту моего удовольствия? Так, мой друг, может быть, ты один и твои братья и сестры поймут меня!»

Н. Гастфрейнд приводит реальные факты, освещающие историю жизни и недуга А.С. Корсакова (умер в 1832 году), отмечая: «Скажем здесь, что он был слеп уже в 1816 году и, поселившись в деревне, нашел заботливый уход за собою со стороны своего сына Петра». Данный факт, однако, лишен в приведенном выше письме сугубо житейского плана, преобладающего в хронологическом повествовании биографа. То, что рассказано в письме о сыновней любви к отцу, основанной на долге и чувствительности, на неизменной благодарности, овеянной благоговением и грустью, больше тяготеет к жанру идиллии, как она предстает, к примеру, в преромантических идиллиях С. Геснера или его русского последователя В.И. Панаева.

В идиллической миниатюре С. Геснера «Миртил» «наивная» форма отвечает высокой первозданности чувства (именно ее стремится передать Корсаков в слове). Миртил, выходя из скромной хижины, видит отца, заснувшего во время вечерней молитвы. Монолог сына проникнут любовью, печалью при мысли о скорой кончине старца и предощущением гармонии всего сущего в мире: радости и грусти, смерти и бессмертной интенции созидания: «Когда я вывел тебя сегодня из хижины, чтоб ты отдохнул на солнце, когда ты увидел вокруг себя веселое стадо и деревья, обремененные плодами, и кругом плодоносные нивы, тогда сказал ты: «Волосы мои поседели в радость! благословляю эти поля!». Как и в признании Корсакова, печаль о престарелом отце получает идиллическое разрешение в мысли о вечном возрождении жизни: «Ах! тогда - тогда я поставлю алтарь подле твоего гроба; а потом всякой блаженный день, в который могу сделать добро беспомощным, польется молоко и

посыплются цветы на гроб моего родителя». Заботливый сын уводит немощного отца в хижину от «вечернего ветра и влажной росы», «чтоб он спокойнее отдохнул на мягких кожах».

Сентиментально стилизованными (впрочем, не без изящной шутливости) выглядят в письмах Корсакова быт его порховских имений и взаимоотношения с крестьянами, в особенности же, его домашняя жизнь (Корсаков вторично женился в 1818 году на А.И. Буткевич). В письме от 18 июля 1816 года Петр Александрович рассказывает: «Строение барского моего дома в усадище Захонье, на берегах излучистой Шелони, поостановилось немного за сельскою нашею меженью и так называемою *страдною* порою, т.е. временем уборки хлеба. - Видишь ли, друг мой, что и я, недавний пред сим горожанин, знакомлюсь уже с лексиконом поселян! Боюсь, чтобы скоро не начать писать языком моих древних шелонских республиканцев⁴; что же до разговора, то иногда - вероятно, от желания быть внятнее добрым моим крестьянам, - я забываюсь и говорю совершенно их наречием».

Если со временем (середина 1820-х - 1830-е годы) усиливается самоирония (в аттестации себя как «странного», но «не совсем дурного провинциала», «экс-горожанина», а «ныне поселянина»), все более «материализуются» жалобы на жизнь как на суровую реальность («оставил службу казенную для хозяйства домашнего, по грехам моим, попал в службу дворянскую, в которой то судействую, то предводительствую...»; «кто бы уверил меня, наслаждавшегося скромною радостью жителя полей, что Фемида, слепая Фемида, сделается рушительницею моего спокойствия?... Сперва, по ее милости,

4. По-видимому, намек на независимое положение «Порховского городка» в периоды существования Новгородской и Псковской феодальных республик. В.Э. Вацуро отмечает, что в «Северном наблюдателе» П.А. Корсаков не раз высказывался как «смелый антидеспотический публицист», печатая там обширный трактат «Краткая история свободы тиснения во Франции» /Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 337).

попал я, как дворянин, в уездные судьи моей округи; а потом попал сам, как помещик, в когти уездного суда... «; «проклятые дела мои меня давят»; «много радостей, милый дружище, но много и забот <...>. Сегодня пожар, завтра неурожай, послезавтра упадок цен на продукты и, наконец, опиши имения...; а *кушать-обедать* надобно; а вина поднести доброму гостю необходимо; а негодному выехать совестно, и тому подобные тысячи тысяч нужд»), - то жизнь «семьянитян» по-прежнему изображается в духе эстетизованной патриархальности («трое прелестных амуров увенчали его счастливый брак»; «добрая жена и четверо деток»; «трое живых амуров..., четвертый на мази и пятый во гробе» и т.п.).

Сам Корсаков был убежден, что деревенское существование способствовало угасанию его литературного дара; при этом он продолжал писать, поддерживая связи с театральными и писательскими кругами столичного общества. Во многом это объяснялось нехваткой средств и, в конечном счете, привело к болезненному отторжению Корсакова от «мирной пристани стороны родимой» для «благ... столичной метели»: «театральных сплетен, литературной ненависти, тупого остроумия недельных журналов и тому подобных утешений литераторов».

«Жизнь в деревне, как видно, не улыбалась П.А.», - замечает Н. Гастфрейнд. Тем не менее Корсаков с трудом и чуть ли не трагически воспринял «перемену мест», замену городом – деревни, как бы зачеркивающую все его идеалы, идиллические представления, и вписывающую его в чужую жизнь «большого мира», с которым у него, казалось, не было ничего общего.

В письме от 18 ноября 1832 года звучит мольба о помощи и в то же время слышится безысходность: «Что сказать о себе? Жизнь моя течет в единообразии, к коему обрекла меня судьба: тогда как бывшие мои товарищи теперь министрами и мало-мало - губернаторами!... Ты, мой бесценный друг, не прерывал течения своей службы и потому не можешь чувствовать, как трудно человеку моих лет идти опять в рекруты и попасть (может

быть) под команду к какому-нибудь писарю, которого некогда сам я грамоте учил...»

Возвращение в «столичную метель» состоялось в 1835 году и за оставшиеся ему девять лет жизни Корсаков написал столько, что по праву мог занять почетное место среди скромных деятелей русского просвещения. Его прежняя стихийная «плодовитость» обернулась осознанным воплощением многих полезных начинаний: в *«Очерке голландской литературы»* (СПб., 1838), монографиях, посвященных голландским поэтам-классикам, в *«Опыте нидерландской антологии»* (СПб., 1844), в переводах с французского, испанского и других языков (Корсаков владел восемью языками), в повестях *«Приключения бедного сироты»* и *«Креолка и европеец»* (СПб., 1839), в неустанной журнальной деятельности, правда, принесшей Корсакову скорее печальную известность, чем завидную славу. В 1835 году он вступил в должность цензора Петербургского цензурного комитета и исполнял ее до конца дней, дослужившись до чина надворного советника.

Имя Пушкина продолжало сопутствовать жизненному пути Петра Александровича - даже о брате он вспоминал, невольно перефразируя бессмертные пушкинские строки: «...в память дружбы к умолкшему навеки *кудрявому певцу* Николаю Корсакову...» (ср. в эллегии «19 октября» 1825 года: «Он не пришел, кудрявый наш певец...»). Пушкин обратился к Корсакову как к «лучшему цензору того времени», предвидя осложнения при публикации *«Капитанской дочки»*, а также книги ссыльного В.К. Кюхельбекера *«Русский Декамерон 1831 г.»*. Пушкин и Корсаков обменялись письмами, свидетельствующими о том, что, не менее деловых, для них обоих были святы человеческие, дружеские отношения.

«Некогда, при первых моих шагах на поприще литературы, Вы подали мне дружескую руку, - писал Корсакову Пушкин. - Ныне осмеливаюсь прибегнуть снова к Вашему снисходительному покровительству. Вы один у нас умели сочетать щекотливую должность цензора с чувством литератора

(лучших, не нынешних времен). ... к Вам одному можем мы прибегать с полной доверенностью, и с искренним уважением к Вашему окончательному решению». Корсаков отвечал восторженным письмом, искренне гордый и до глубины души тронутый: «Приятно мне было видеть из лестного письма Вашего, что Вы не забыли старинного и всегдашнего почитателя Вашей музыки. Печатаю Ваши первые стихи в журнале моем, я гордился мыслию, что гениальный поэт, долженствовавший прославить имя свое и русскую словесность, избрал меня и журнал мой орудием обобщения своего с отечественными писателями. Не одна дружба Ваша к покойному брату Николаю - сознание гениальности Вашей - заставляла меня радоваться Вашим успехам. После этого, можете посудить, с каким удовольствием получил я вчера поверенное цензуре моей Ваше новое произведение!».

Корсакову было суждено не только пережить великого поэта, но и вернуться в пору ранних пушкинских стихов. В журнале «Маяк», «учено-литературном» издании Корсакова и С.А. Бурачка, впервые было опубликовано стихотворение Пушкина «Mon portrait» («Мой портрет», 1814) по переданному лицеистом бароном Гревеницем автографу (на французском языке). Примечательно то «обрамление», которое давний издатель и нынешний цензор Пушкина придал его лицейскому сочинению: каждое слово в нем проникнуто любовью. К привнесенному им заголовку: «Французские стихи, написанные А.С.Пушкиным (в его молодости) к одному товарищу и совоспитаннику своему по Царскосельскому Лицею» - Корсаков сделал примечание, исполненное трепета прямого соприкосновения с живым пушкинским словом: «Помещаем их здесь как драгоценность, еще необнародованную, как верную характеристику Пушкина, им самим написанную, как достояние истории нашей литературы». Корсаков сопровождал стихотворение своим подстрочным переводом, сделал комментарии к особенно «задевшим» его местам. Наиболее существенно одно его примечание, оценивающее личность Пушкина и относящееся к строчке: «Спектакли, балы мне очень

нравятся». «Пушкин, - пишет комментатор, - был душой общества, а веселость его неистощимая - как истинный гений. Таков именно был юноша Пушкин, когда *присылал мне первые стихи свои для печати*. И теперь еще храню я ... *собственноручное письмо его*, в котором он напоминал мне о том за два месяца до своей смерти».

Наш земляк, Петр Александрович Корсаков, сам сотворил тот образ, который вполне заслуженно нашел сочувствие в потомстве. Это образ, канонизирующий добродетель не государственного, официально-казенного, но человеческого, этического свойства. Облик Корсакова, в его сентиментально-идиллической окрашенности, не утратил черт отечественного просветителя и гражданина, несмотря на позднейший религиозный квиетизм, заблуждения консервативного толка и человеческие слабости. Время подтверждает правомерность суждений современника, понявшего, что личности, подобные Корсакову, не претендуют на особое признание и могут затеряться в истории, если о них вовремя не сказать доброго слова: «Не трудно описать жизнь мужа великого, обильную событиями блистательными, подвигами громкими, поражающими воображение, увлекающими внимание: там красноречие безнужно; там деяние краше слов. Но описание жизни человека, который, кажется, заслужил только почетное место в гражданском и семейном быту, стяжал внимание публики, как литератор достойный, добросовестный, - дело другое». В наибольшей полноте и одухотворенности этот образ предстал в соединении с миром русской деревни, с родным Псковским краем: «Здесь жизнь его протекла мирно и спокойно. Переходя от занятий по хозяйству к заботам о воспитании детей, он вместе с тем все свободное время посвящал занятиям литературным, и можно сказать беспристрастно, что подавал собою пример истинного гражданина, трудясь постоянно, и как нежный отец семейства, и как ревностный член общества».

Степан Иванович Висковатов

Степан Иванович Висковатов (1787-1831)

Подобно П.А. Корсакову, старшим современником А.С. Пушкина был и С.И. Висковатов. Он родился в селе Сторожна Порховского уезда, в семье, принадлежащей старинному дворянскому роду.

В двадцать лет он выпускает свой первый поэтический сборник «И моя лира», вышедший в Петербурге в 1806 г., где с 1808 г. и служит в горном кадетском корпусе. Замечательно, что стихи и повести несут на себе отпечаток сентименталистской поэтики Н.М. Карамзина. Малоталантливый автор, он с самого начала, как видно, испытывает на себе разные литературные влияния, порой прямо противоположные. Так, уже в 10-ые годы он оказывается членом «Беседы любителей русского слова», во главе которой стоял А.С. Шишков, литературный противник Н.М. Карамзина.

Члены «Беседы любителей русского слова» в противоположность карамзинистам имели свою программу развития русской литературы, выступали защитниками реформы литературного языка, в основе которого положена ломоносовская теория трех штилей. Шишковисты ценили высокие жанры и высокий стиль, который создается при употреблении архаичных слов и форм.

Все это оказывается близким С.И. Висковатову в 1800-е годы, когда он увлекается драмой, начинает писать или переводить с французского языка высокие трагедии на исторические темы. Например, трагедии «**Ксения и Темир**» и «**Радамист и Зенобия**» были поставлены на петербургской сцене в 1809 г. Самыми главными чертами стиля этих пьес были тяжеловесность, высокопарность.

Если трагедия «Ксения и Темир» - оригинальная пьеса, то «Радамист и Зенобия» - перевод трагедии французского драматурга-классика Кребильона. Об этой работе С.И. Висковатова написал статью (1810) известный поэт, первый русский романтик и учитель А.С. Пушкина – Василий Андреевич Жуковский.

Жуковский не принимает перевода Висковатова не только из-за неуклюжести стихов. Главное несовершенство перевода, по его мнению, заключается в неумении передать глубину психологических переживаний Радамиста. Жуковский отмечает: "... переводчик совсем не вошел в характер своего героя... следовательно, не исполнил одного из главных условий переводчика-трагика".

Несмотря на строгие оценки критики, современники любили постановки переведенных Висковатовым пьес. Например, перевод пьесы Шекспира «Гамлет» в переложении французского автора Дюсиса шел на российской сцене около 20 лет.

Висковатов хорошо чувствовал потребности массового зрителя и тогда, когда написал пьесу **«Всеобщее ополчение»**, в основе которой события Отечественной войны 1812 года. Она шла в день, когда стало известно о Бородинском сражении, была принята с подъемом.

Современник С.И. Висковатова пскович Р.М. Зотов в своих записках «Рассказы о походах 1812 года прапорщика Санкт-Петербургского ополчения Зотова» вспоминал об этом так: "Вечеру давали на Малом театре первое представление новой драмы «Всеобщее ополчение», и подобного успеха, подобного восторга, верно, никто не видал ни при одной пьесе".

Однако в литературных кругах отношение к оригинальным трагедиям и переводам было ироническим. Его хорошо отражает эпиграмма А. Измайлова:

Театра нашего хвала,
Грузинцев, Висковатов!
Их Мельпомена родила
На гибель сопостатов.

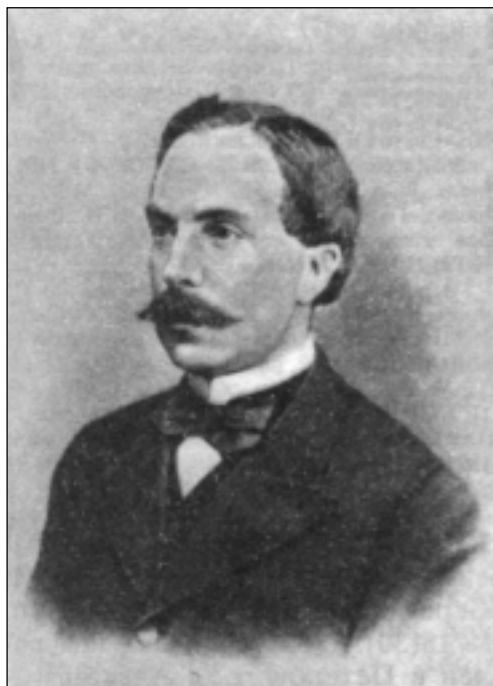
Кроме трагедий, Висковатов любил и другой классицистический жанр – оду. Известна его ода 1814 г. **«Время»**. (Ода, сочиненная по случаю торжества России, на вступление Александра I в Париж). После восстания декабристов свои верноподданнические чувства он обратил в оде к Николаю I,

призывая его сурово наказать восставших, за что был награжден перстнем с бриллиантами.

Таким образом, в творчестве С.И. Висковатова, автора высоких трагедий и од, еще ощутимо влияние классицизма – литературного направления XVIII в.

В истории русской литературы псковский литератор Висковатов С.И. известен также как тайный осведомитель третьего отделения, написавший донос на находящегося в ссылке Пушкина, в котором он сообщал: “... ныне при буйном и развратном поведении открыто проповедует безбожие и неповиновение властям и по получении горестнейшего для всей России известия о кончине государя императора Александра Павловича он, Пушкин, изрыгнул следующие адские слова: “Наконец не стало Тирана, да и оставший род его не долго в живых останется!!” Мысли и дух Пушкина бессмертны: его не станет в сем мире, но дух, им посеянный, навсегда останется, и последствия мыслей его непременно поздно или рано произведут желаемое действие.” (Сохранена орфография подлинника)

Русской культуре повезло: другой секретный агент Бошняк, исколесивший вдоль и поперек Псковскую губернию летом 1826г., полностью опроверг донос Висковатова, что способствовало окончанию пушкинской ссылки в сентябре 1826г.

Александр Николаевич Креницын

Александр Николаевич Креницын (1801-1865)

Александр Николаевич Креницын – самолюбивый поэт, родился в Петербурге в семье известных и богатых псковских помещиков, владевших землей во всех уездах. Фамилия Креницыных – старинная дворянская – впервые упомянута в 1672 г., как свидетельствует историк и биограф А.Н. Креницына М. Семевский. Девичья фамилия матери Философова не менее известная. Среди ее предков – знаменитый поэт А.И. Сумароков.

Жили Креницыны в имении Цевло Новоржевского уезда, где находились ткацкая фабрика, оранжерея. В доме отца Николая Саввича, человека образованного и просвещенного, была большая библиотека, состоящая из русских и французских книг, был и физический кабинет с телескопом, а также кабинет с коллекцией золотых и серебряных монет и медалей. Кроме того дом Креницыных славился своей картинной галереей.

Но несмотря на образованность, Креницыны были жестокими крепостниками. Отец будущего поэта не считал предосудительным продать 89 человек своих крепостных в Петербург на завод, а родственник матери Д.Н. Философов “содержал гарем из крепостных девушек”. (Гордин А.М.)

Александр Креницын учился в Петербурге, куда семья перебиралась на зиму, сначала в гимназии, а затем с 1812 г. в Пажеском корпусе. Это было привилегированное заведение, куда были зачислены два брата: Александр и старший Павел по просьбе сановных знакомых матери.

По сохранившимся рапортам инспекторов корпуса Александр в учебе не отличался прилежанием. Отмечен он был лишь в интересе и успехах по русской словесности. В корпусе он начинает писать стихи. Одно из первых опубликованных его стихотворений «**К врагам**» относится к 1819 г. и напечатано в журнале «Сын Отечества»:

Враги ничтожные моей правдивой Музы!
Мой гений оковать не в силах ваши узы.

Бичом я буду злых, доколе злые есть;
Правдивым быть велит, коль не рассудок, честь!

Заканчивалось это стихотворение так:
Я прославлять с пелен одно добро привык;
Что сердце чувствует, не скроет то язык!
Гоните же меня! гоните клеветами,
Глупцы! я тем горжусь, что ненавиdim вами!

«К врагам» - сатира, написанная в традициях гражданской лирики декабристов, например, Рылеева («К временщику»). Креницын пишет стихотворение также торжественным александрийским стихом (6-ти стопным ямбом). В его сатире, как в сатире Рылеева (датированной 1820 г.), возникает мир зла, который сурово осужден, суд этот, открытый и резкий, совершает поэт, гражданин, главные качества Музы которого – правдивость, добро. В противопоставление ему окружающий мир получает оценочные эпитеты: “глупцы”, “враги ничтожные”, носители клеветы, ненависти.

Подобно Креницыну Рылеев также открыто судит одного из представителей мира зла, может быть, главного:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец, и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей...

Сближает стихи Креницына и Рылеева образ поэта-гражданина.

Поэтическое развитие Креницына связано с Вольным обществом любителей российской словесности. Оно было основано еще в 1819 г., его председателем становится Ф.Н. Глинка, а Общество получает название Ученой республики. Впоследствии в нее войдут такие деятели декабристского движения, как Александр Бестужев, К. Рылеев, А. Корнилович.

А в начале 1820 г. в Вольном обществе Креницын прочтет свое лирическое послание «К Лиле». Известно, что на этом заседании присутствовали Дельвиг и Кюхельбекер, друзья Пушкина. Стихотворение было одобрено, а также рекомендовано к публикации. (Базанов В.)

Во время учебы в Пажеском корпусе рядом с Креницыным-поэтом, таким образом, существует круг людей, влюбленных в литературу. Дополнить его следует именами Александра Бестужева и Евгения Баратынского. О дружбе с первым свидетельствует стихотворение Александра Бестужева, относящееся к 1818 г. и обращенное к Креницину:

Тебе ли, муз питомец юный,
Томить печалью звучны струны...

Тесные отношения с Евгением Баратынским, одноклассником по корпусу, естественны.

В письмах к Жуковскому Баратынский подробно писал об Обществе мстителей, члены которого не могли смириться с муштрой и казенным духом Пажеского корпуса. В нем принимал участие и Александр Креницын.

В начале 1816 г. Баратынский за проступок будет исключен из Пажеского корпуса с запрещением, по личному повелению Александра I, принимать его на гражданскую и военную службу, кроме как простым солдатом.

В 1819 г. после ряда лет, проведенных в имении дяди, Баратынский возвращается в Петербург и зачисляется рядовым в лейб-гвардейский полк. Тогда он быстро входит в круг литераторов, сближается с Антоном Дельвигом: молодые люди живут на одной квартире. К этому времени (1819 г.) относится стихотворение Баратынского «К Креницину»:

Товарищ радостей младых,
Которые для нас безвременно увяли,
Я свиделся с тобой! В объятиях твоих
Мне дни минувшие, как смутный сон, предстали!
О милый, я с тобой когда-то счастлив был!
Где время прежнее, где прежние мечтанья?
И живость с детских чувств, и сладость упования!

Стихи Баратынского раскрывают трагичность его судьбы, вводят читателя в мир его душевных мук и страданий, его жизненного опыта. Но являясь по жанру дружеским посланием, они заключают самые трогательные обращения к адресату:

Живи для радости, для дружбы, для любви!

Цветок нашел – скорей сорви!

Дружеские советы Баратынского, обращенные к Креницыну, не могли изменить его характер – независимый, свободолюбивый и дерзкий. Креницын, по воспоминаниям его однокашника А.Гангеблова, вступился за пажа Арсеньева в момент его наказания, в результате чего в корпусе начался бунт. Креницын был исключен из Пажеского корпуса в апреле 1820 г. как воспитанник “весьма дурного поведения” и “самого вредного образа мыслей”. По повелению Александра I Креницын был отправлен рядовым в 18-ый егерский полк с приказом полковому командиру учредить за ним “самый строгий надсмотр.”

С полковым командиром Креницыну не повезло: он был настоящим солдафоном. Повезло с ротным командиром В.С.Норовым, человеком образованным и свободомыслящим. Здесь же служили братья А.М. и Н.М. Муравьевы, также входившие в декабристскую организацию, как и Норов. Креницын был с этими людьми в дружеских отношениях, что впоследствии повлияло на показания А.Гангеблова о возможной причастности его к политическому обществу.

Имя Креницына было включено в “Алфавит декабристов”, что повлекло недоверие к нему правительства в течение всей жизни.

Три года продолжалась его служба в солдатах. А затем был первый офицерский чин прапорщика. Летом 1825 г. Креницын подает прошение об отставке, но получает отказ. Выйти в отставку ему удастся лишь в 1828 г. в чине подпоручика, оказавшись сразу же под тайным надзором полиции.

К 1825-1826 годам относятся печальные стихи Креницына «Ее уж нет» и «Тоска»:

Я чувства отравил тоскою,
Мне в душу вкралась пустота;
Глаза покрылись страшной мглою,
Лишь вся видна передо мною
Презренной жизни нагота.

Стихи проникнуты романтическим “вселенским” унынием.

В 1828 г. Креницын возвращается в родные края Псковской губернии и поселяется в имении матери Заборье Новоржевского уезда. После раздела имущества между братьями и сестрой Креницын поселяется в селе Мишневе Великолукского уезда, в двадцати верстах от Великих Лук. Он проживет здесь до 1836 г. под негласным надзором полиции.

К 1829 г. относится стихотворение, обращенное к Андрею Андреевичу Ивановскому, проживающему неподалеку в селе Лобанове: **“Сосед достойный, дорогой...”** (См. об адресате далее)

Поселившись в Мишневе А.Н. Креницын наезжает в Петербург, где он мог встречаться с А.С. Пушкиным. Об одной из встреч рассказал современный ученый В.Данилов, который по косвенным свидетельствам утверждал, что они могли быть знакомы раньше.

В 1836 г. Креницын обращается к Бенкендорфу с просьбой снять с него полицейский надзор, который прекращен в мае.

В начале 1837 г., когда происходит дуэль Пушкина с Дантесом, Креницын находится в Петербурге; он в курсе всего происходящего. После кончины Пушкина, он в квартире поэта присутствует на панихиде и провожает сани с гробом в Святые Горы. 10 февраля пишутся гневные строки стихотворения на смерть “кумира народного.”

Стихотворение Креницына «Сестре Н.Н. Креницыной» впервые опубликовано в 1865 г. с купюрами М.И. Семевским, историком и публицистом, биографом Креницына. Приводим полный текст стихотворения.

Нет! не до песен мне, сестра,
Когда поэт, кумир народный,
Еще под лаврами вчера,
Увы! сегодня труп холодный!

Могу ль я слезы удержать,
Певца «Полтавы» вспоминая?..
И как не плакать, не рыдать,
Когда рыдает Русь святая?

О, сколько сладостных надежд,
И дум заветных, и видений
На радость сильных и невежд
Ты в гроб унес, могучий Гений!

Во мраке ссылки был он тверд,
На лоне счастья благороден,
С временщиком и смел и горд,
С владыкой честен и свободен...

Так, Пушкин, именем твоим
Гордиться русский вечно будет.
Кого ж теперь мы слепо чтим,
Потомство скоро позабудет...

И кто ж убийца твой? пришлец.
Барона пажик развращенный,
Порока жалкий первенец,
Француз продажный и презренный!

Да будет проклят он, француз!
Да будет проклят миг кровавый,
Который нас лишил и Муз,
И лучшей радости и славы!

Рабы! его святую тень
Не возмущайте укоризной...
Он вам готовил светлый день,
Он жил свободой и отчизной...

Высоких мыслей властелин,
Байрону в песнопеньях равен;
И как поэт и гражданин
Он был равно велик и славен...

И нет его! в могиле он...
 Уж нет народного кумира...
 Поэта непробуден сон,
 Замолкла пламенная лира...

Стихотворение Креницына по силе негодования, по трактовке событий можно соотнести с хорошо известными стихами М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта». Лермонтовские стихи (56 строк) были написаны 28 января 1837 г., конечные 16 строк – через несколько дней после смерти Пушкина.

Стихи Креницына датированы 10 февраля 1837 г., поэтому можно предположить, что он знал лермонтовский текст, который с молниеносной быстротой распространялся в Петербурге. По словам А.В. Дружинина, Лермонтов в “жгучем поэтическом ямбе первый оплакал поэта, первый кинул железный стих в лицо тем, которые ругались над памятью великого человека.”

В структуре лермонтовского стихотворения мы отчетливо выделяем три части: первые 33 стиха, написанные 4-х стопным ямбом, вводят в основную тему гибели Пушкина, которую поэт определяет как убийство. В первой части каждое слово “железного стиха” заставляет вспомнить слова одного из современников Лермонтова, утверждавшего, что под пером поэта дымится бумага. Такое слово и гневная интонация сопутствуют образу убийцы.

Во второй центральной части стихотворения происходит смена интонации, она становится элегической. Лермонтов лиричен, здесь он создает образ своего Пушкина, сравнивая его с другим певцом, созданием Пушкина:

И он убит – и взят могилой,
 Как тот певец, неведомый, но милый,
 Добыча ревности глухой,
 Воспетый им с такою чудной силой...

В центральной части стихотворения Лермонтов говорит о своем горе и боли, используя разнообразие ритма: здесь чередуются 4/5/6-ти стопные ямбы.

В заключительной, третьей части стихотворения, поэт снова возвращается к “железному стиху” отрицания. В 16-ти стихах заключен суровый суд и приговор:

А вы, надменные потомки...

Таким образом, стихи Лермонтова имеют кольцевую композицию: первая и третья части «железным стихом» отрицания клеймят убийцу и убийц, закольцовывая элегическую центральную часть, посвященную образу поэта – лермонтовского Пушкина.

В отличие от стихотворения Лермонтова, стихотворение Креницына разделено на строфы. Композиция стихотворения Креницына повторила бы лермонтовскую в том случае, если бы по названию и по своему началу оно не относилось к жанру послание. Стихи Креницына называются «Сестре Н.Н. Креницыной (просившей у меня стихов в альбом)». Два первых четверостишия – обращение к сестре, полное скорби и боли. Но остальная часть стихотворения (3-10 строфы) ни по каким признакам не соответствуют жанру дружеского послания, эта часть написана в риторической традиции, стихи патетичны и возвышенны, могут восприниматься как отдельное стихотворение, которое, подобно лермонтовскому, трехмерно: первая часть его (3-5 строфы) посвящена образу Пушкина, “Могучему гению”; во второй его части (6-7 строфы) Креницын, подобно Лермонтову, называет конкретного убийцу (“Барона пажик развращенный, француз продажный и презренный”) и называет убийц: Рабы! его святую тень/ Не возмущайте укоризной”. Последний стих – прямая отсылка к тексту Лермонтова:

А вы, надменные потомки...

Два последних четверостишия (III часть) – возвращение к теме и образу поэта, которым была посвящена I часть. Итак, без первых двух строф – обращения к адресату, стихи Креницына повторяют 3-х частную композицию лермонтовского стихотворения, повторяют кольцо, в котором, в отличие от Лермонтова, у Креницына – суд над убийцей и убийцами.

Оппозиция поэт / общество, толпа – главная в стихах Лермонтова и Креницына. У Лермонтова смысловое наполнение этой оппозиции связано в большей степени со сферой этических отношений: Поэт – “невольник чести”, “добыча ревности глухой”, “оклеветанный молвой” и т.д.; общество – “свет завистливый и душный”, “надменные потомки, известной подлостью прославленных отцов”, “жадная толпа”, “палачи”. Все определения, касающиеся общества, как видим, резко оценочны, сообщают стихотворению черты сатиры.

В стихотворении Креницына смысловое наполнение оппозиции поэт/ общество связано в большей степени со сферой гражданских понятий. Пушкин определен как: “поэт и гражданин”, “высоких мыслей властелин”, “жил свободой и отчизной”. Все в этих определениях обращает нас в сферу поэтики гражданской лирики декабристов с ее словами-сигналами. Образ своего Пушкина Креницын сравнивает с Байроном – символом борьбы за свободу в русской романтической поэзии, что вызывает ассоциацию со стихами самого Пушкина («К морю»), а также с рылеевскими стихами «На смерть Бейрона».

Но одна строфа стихотворения Креницына содержит точные признаки биографии Пушкина, хотя и здесь угадываются черты романтического поэта вообще:

Во мраке ссылки был он тверд,
На лоне счастья благороден,
С временщиком и смел и горд,
С владыкой честен и свободен...

Таким образом, в оппозиции поэт / общество, толпа в стихотворении Креницына хорошо узнается традиционный конфликт, любимый поэтами-декабристами, что позволяет говорить о принадлежности стихотворения Креницына к массовой гражданской поэзии.

Но есть в стихотворении Креницына черты, позволяющие говорить его оригинальности: это особенность интонации, неповторимость ее заключается в искренности и праведности

гнева, сопровождающих стихи от начала до конца, выявляющие лицо автора – честного гражданина, искренне переживающего трагическую гибель Пушкина.

В 1850 г. А.Н. Креницын был избран предводителем дворянства. К своей должности он относился ответственно как истинный сын своего отечества. Гражданские чувства не случайно пронизывают его многочисленные послания друзьям, например, к Л.К. Шульгину.

Гражданская позиция проявилась и в отношении к Крымской войне, которую Креницын осудил. (стихотворение «Моя исповедь» 1855 г.)

В 50-е гг. Креницын часто бывает за границей, где он вынужден лечить подорванное в молодости здоровье. Здесь он постоянный посетитель театров и музеев, выставок, книжных салонов. Много книг, журналов, картин он привозил домой в Мишнево.

В конце 50-х гг. А.Н. Креницын сближается с земляком М.И. Семевским, историком и журналистом, издателем журнала «Русская старина». Предмет интереса Семевского, который был много моложе Креницына, - русская история XVIII-начала XIX вв. Вот почему именно ему был передан богатый архив с письмами Бестужева, стихами Рылеева, альманахом «Звездочка», уникальным изданием на 1826 г., подготовленным А. Бестужевым и Рылеевым, но так и не увидевшим свет.

1856 год – последний в жизни Александра Николаевича Креницына. Он умер летом и похоронен на погосте Горки близ Мишнева. На могиле был установлен памятник наследником Креницына, который, к сожалению, разрушен во время Великой Отечественной войны.

Андрей Андреевич Ивановский (1791-1848)

А.А. Ивановский – хороший знакомый А.Н. Креницына, сосед по имению. 25 июля 1829 г. в селе Заборье написаны стихи Креницына **«А.А. Ивановскому (обещавшему мне несколько рукописей К.Ф. Рылеева)»**:

Сосед достойный, дорогой,
Моей солдатской балалайки
Склони ты слух на звук простой...
Дай мне насытиться душой
Певцом бессмертным Наливайки!

Порадуй голосом меня
Сего карателя злодеев...
Твоим сокровищем ценя,
Я жду его, как ждал Рылеев
Свободы радостного дня!

В названии стихотворения и в его тексте все приметы того, что адресат его А.А. Ивановский хорошо знал Рылеева (“Певца бессмертного Наливайки”, т.е. автора поэмы «Наливайко») и хранил у себя тексты произведений государственного преступника, казненного в 1826 г. Каким образом Ивановский оказался хранителем запрещенных произведений? Какая тайна связана с этим человеком?

А.А. Ивановский происходит из дворян Смоленской губернии. Здесь он начал свою служебную карьеру, здесь формировались его литературные вкусы, здесь он подружился с образованным и талантливым семейством Глинок. Особенно близким стал ему Ф.Н. Глинка, впоследствии известный поэт, близкий по поэтике и тематике декабристам.

Первые литературные опыты А.А. Ивановского в стихах и прозе посвящены событиям Отечественной войны 1812 года в **«Стихах на пребывание в Смоленске великого князя Николая Павловича»** (опубликовано в «Русском вестнике» 1816 г.), в

«**Мщении раздраженной матери**» (опубликовано в «Вестнике Европы» 1814 г.), в заметке «**Воинское празднество в Смоленске**» (опубликовано в «Русском вестнике» 1817 г.) читатель знакомился с преданиями о пребывании французов в Смоленске, с другими подробностями наполеоновского нашествия, с хроникой праздников, посвященных победе.

В это же время Ивановский увлекается историей Петра I. Его особенно занимает предание о помиловании стрелецких бунтовщиков, что найдет отражение в «**Милосердии императора Петра I**» (опубликовано в «Русском вестнике» в 1818 г.).

Стихи и прозаические заметки А.А. Ивановского написаны архаическим слогом и слабые в техническом отношении, неоднократно вызывали иронические отклики в печати.

С 1818 г. Ивановский становится членом-корреспондентом Вольного общества любителей российской словесности, что позволяет ему, любителю и дилетанту в литературе, приобщиться к современной литературной жизни, подружиться с такими современными ему поэтами и писателями, как А.А. Бестужев, К.Ф. Рылеев, А.С. Грибоедов, в 20-е годы определившими развитие русской словесности. Среди близких друзей А.О. Корнилович, литератор и декабрист. В 1824 г. он гостит в имении Ивановского Лобаново Псковской губернии.

А.А. Ивановский служит в Комиссариате департамента Военного министерства, он человек деловой и исполнительный, пунктуальный. Когда военный министр отлучается из Петербурга, он поручает дела Ивановскому. Такое доверие к Ивановскому повлияло на выбор именно его кандидатуры в качестве секретаря следственной комиссии по делу декабристов. Так он, друг многих декабристов, оказался среди тех, кто их ненавидел.

Как человек исключительной честности, дороживший дружбой, он умел предупредить тех, кто мог попасть под следствие. Самую благородную роль он сыграл в судьбе Грибоедова, который был арестован и привезен с места своей службы на Кавказе в Петербург. Ивановский успокаивал Грибоедова и во всеуслышание заявил о его невинности.

Впоследствии Грибоедов говорил некоторым современникам о том, что именно Ивановскому он был обязан своим оправданием.

Но самое главное дело, которое могло повлечь тяжелейшие последствия для Ивановского, заключалось в том, что он изъял весь архив Рылеева, когда следствие по делу декабристов было завершено. Таким образом у него оказались архивы литературного альманаха «Полярная звезда», незаконченные произведения Рылеева, например, поэма «Наливайко», стихи и письма. Именно об этой поэме Рылеева и пишет А.Н. Креницын, в стихах обращаясь к своему «достойному соседу».

Верность гражданским идеалам, достоинству, чести проявил А.А. Ивановский тогда, когда в 1827 г. задумал издавать литературный альманах. Сначала он хотел его назвать «Северная звездочка», что сразу не понравилось жандармам, которые «охраняли» литературу; им хорошо было известно, что государственные преступники Рылеев и Бестужев предполагали с начала 1826 г. издавать приложение к «Полярной звезде» под названием «Звездочка». Ивановский назвал свой альманах нейтрально **«Альбом северных муз»**.

Здесь он опубликовал анонимно произведения своих друзей, которых помнил, уважал и любил. Так он печатает без подписи отрывок из стихотворной повести Бестужева «Андрей, князь Переяславский»; роман члена южного общества А.О. Корниловича «Андрей Безыменный». Исследователи считают, что и повесть «Татьяна Болтова», подписанная «А.И.», а также повесть «Утро вечера мудренее», подписанная «Старожилов», принадлежат А.О. Корниловичу. Как доказательство они приводят его письмо, в котором он так обращается к Ивановскому: «Много огорчают меня неприятности и хлопоты, понесенные Вами при издании моих повестей, особенно помысли, что подвергались Вы им для меня. Как я узнаю в этом Вашу добрую, любящую душу!»

Поразительная смелость А.А. Ивановского проявилась в публикации стихотворения Рылеева «На смерть Бейрона»,

которое находилось как раз среди бумаг государственного преступника, похищенных после следствия. Цензура потребовала переделок текста, поэтому издатель «Альбома северных муз» вынужден был сделать в стихотворении Рылеева при публикации купюры.

А.А. Ивановский в альманахе под псевдонимом «А.И.» печатал немногочисленные свои произведения.

Кроме произведений декабристов, А.А. Ивановский привлекает в альманах произведения лучших поэтов и писателей конца 20-х годов: Пушкина, Вяземского, Языкова, Туманского, Шевырева. Из прозаических сочинений здесь напечатана арабская повесть О.Сенковского; «Мысли и замечания» О.Сомова, воспоминания о Н.М. Карамзине Булгарина.

«Альбом северных муз» вышел в 1828 г. По воспоминаниям современников он сравнивался лишь с лучшим альманахом Дельвига «Северные цветы», по литературным своим достоинствам мало уступая ему.

После альманаха А.А. Ивановский больше ничего не издавал; печатал свои небольшие статьи и рассказы в журнале «Библиотека для чтения», в газете «Северная пчела». Он не стал ни известным прозаиком, ни известным поэтом. Он остался в истории русской литературы как человек высокой нравственности, способный на милосердие, умеющий хранить память, быть верным другом тех, кого власти лишили жизни, здоровья, состояния и добивались их полного забвения.

Иван Ермолаевич Великопольский

Иван Ермолаевич Великопольский

[1797(1798)-1868]

Сын казанского богатого помещика, владельца земель на Псковщине, И.Е. Великопольский с 1815 г. вступает в военную службу. Он сначала подпрапорщик, а затем подпоручик лейб-гвардейского Семеновского полка в Петербурге.

С юности увлекающийся стихами и прозой, Великопольский начинает печататься в столичном журнале «Благонамеренный», участвуя в Обществе любителей словесности, наук и художеств в качестве действительного члена. Почти одновременно он вступает и в Вольное общество любителей российской словесности, в журнале которого «Соревнователь просвещения и благотворения» печатает повесть «Король Заунно» и небольшую эпиграмму:

Клитандр! Я слышал, ты намерен
Писать комедию на смех твоим врагам:
Смеяться станут, - будь уверен,
Да не заплачь ты сам!

В этот период он пробует себя в разных жанрах: элегии, послания, басни, песни. В 1822 г. в Обществе любителей словесности, наук и художеств он читает стихотворение «**Чувство при виде Бородинского поля**», в 1824 г. здесь он представляет первый акт из переведенной им трагедии Вольтера «Заира». Великопольский пишет стихи, песни на разные случаи жизни, например, песню и элегию «**Воины, разлучившиеся с вождем**» по случаю проводов любимого полкового командира; входит в литературные круги.

Особую роль в судьбе И.Е. Великопольского сыграл 1820 г., когда в октябре Семеновский полк, где он служил, взбунтовался против жестокого командира полковника Шварца из-за его бесчеловечного обращения с солдатами. Великопольский был в это время в отпуске у себя в Казани. Полк был расформирован, и Великопольский оказался на Псковщине,

в составе Пехотного фельдмаршала Кутузова-Смоленского (Псковского) полка. С 1821 г. он в Пскове.

Как пишет исследователь, “полк его был в постоянном движении: он стоял то в Пскове, то в Великих Луках, то по разным деревням губернии, как то можно видеть из пометок под стихотворениями нашего автора, для которого литературные занятия теперь являлись чуть ли не единственным якорем спасения среди окружавшей его серой кочевой жизни армейского офицера...” (Б.Л. Модзалевский)

В это время он особенно сближается с семейством бывшего псковского вице-губернатора М.И. Бибикова, у которого были взрослые дочери, одна из них – жена известного партизана А.С. Фигнера. Вместе со своим товарищем по службе И.А. Михайловым они ухаживают за барышнями, а Великопольский пишет им в альбомы свои стихи.

В это время он продолжает сотрудничать с петербургским журналом «Благонамеренный», посылая туда стихи; печатает некоторые стихи в альманахе А.А. Дельвига «Северные цветы» за 1826-1827гг.

Это событие отразилось в послании **«Барону Антону Антоновичу Дельвигу при получении от него «Северных цветов»** с надписью “милому поэту”»:

Поэт-ленивец и делец!
О мне ты вспомнил, наконец,
В моем изгнании печальном:
Я получил твои «Цветы»
И на листочке их начальном
Прочел руки твоей черты.
Ты дал название мне поэта,
Но дружбе верить ли твоей?
Увы! Поэт в устах друзей –
Еще поэт ли я – для света?
Отец безмédнныя «Пчелы»
Мне своего не дал привета
В страницах длинной похвалы.

Бог с ним, с судом его ничтожным!
Сначала, северный зоил,
Кривым путем идя к потомству,
Он по расчету всех бранил,
Теперь – всех хвалит по знакомству!
Его суда я не боюсь:
Еще не вышел я на сцену;
Пора придет, – я появлюсь,
Одеждой праздничной одену
Мою ревнивую Камену –
Тогда ни Сомов, ни Фаддей
О мне в умах уставят мненья,
Но я подслушаю сужденье
Таких, как ты, мой друг, людей:
От них я жду себе награды,
Я их в судьи мои беру,
Восторжествую, иль с досады
Стихи и прозу издеру!
Псков, 26 апреля 1826 года.

В Пскове И.Е. Великопольский встречается с Пушкиным, можно также предположить, что наезжает к нему в Михайловское, которое расположено в 150-ти верстах от его имени – села Опимахово.

Встречи с Пушкиным влияют на Великопольского: он пишет стихи «**К грусти**» (или «**Мой демон**»)), подзаголовок: Подражание «Демону» Пушкина.

Зачем ты, грусть, в меня впилась
И, с непонятною мне целью,
Вкруг сердца, жадного к веселью,
Змеей грызущей обвилась?
В какой ты алчущей утробе
Свой яд мучительный впила?
Какая Фурия, во злобе,
Тебя с главы своей сняла
И в мир закинула несчастный

Из недр пылающих огня?
 Кто указал тебе меня?
 Преодолеть тебя не властный,
 Вотще отрады я ищу!
 Я впечатлителен и молод, –
 Но в сердце бьет твой тяжкий молот –
 И я тоскую и грущу!
 Твоя рука отяготела
 Над грудью пламенной моей...
 И все ты, злобная, одеда
 Завесой мрачною твоей!

Рига, 23 мая 1826 года.

Эти стихи включили все штампы ужасно-романтической поэзии: змея грызущая, алчущая утроба, грудь пламенная и т.д. Ради рифмы Великопольский строит стихотворение так, что оно напоминает пародию, шарж на самого себя:

Я впечатлителен и молод, –
 Но в сердце бьет твой тяжкий молот...

Пародию напоминает весь замысел стихотворения как обращения к грусти – “силы неземной”, для изображения которой используются мифологические образы, лексика высокая (вотще, алчущий, глава, и т.д.), смешанная с бытовыми словами и понятиями (впилась, закинула, молот). Стихи Великопольского неуклюжие, вызывающие улыбку, не случайно в большинстве своем остались неопубликованными. Среди них эпиграммы, дружеские послания, романсы – жанры распространенные в русской массовой литературе 20-х гг.

Однажды в Пскове Великопольский и Пушкин встретились за карточным столом. Оба они были никудышные игроки. Более того, у Великопольского в 1819 г. произошла неприятная история, когда он в Москве пустился в крупную игру и проиграл 30 000 рублей. Этот случай не могла простить сыну мать, отказавшаяся уплатить его долг, да и состояние Великопольского было сильно расстроено.

Случилось так, что Пушкину повезло и он выиграл 500 рублей, которых у Великопольского в наличии не было. Пушкин обратился к проигравшему с письмом, начинавшимся стихами:

«С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвый, то унылый!
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штосс:
500 рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою;
Сейчас, мой друг, узнаешь, почему:

Сделайте одолжение, пятьсот рублей, которые Вы мне должны, возвратите не мне, но Гавриилу Петровичу Назимову, чем очень обяжете преданного Вам душевно Александра Пушкина».

Получив письмо Пушкина, Великопольский отвечал ему «Посланием к А.С. Пушкину», написанном 12 июня 1826 г.:

В умах людей, как прежде, царствуй,
Храни священный огонь души,
Как можно менее мытарствуй,
Как можно более пиши...

В послании Великопольский называл Пушкина “честь родной стране”, “смелый всадник на Пегасе”, сравнивая с Фебом и при этом поучал, предрекая беды от карточной игры. Долг свой Великопольский вынужден был уплатить “родительскими алмазами и 35 томами Энциклопедии...” (Б.Л. Модзалевский)

Вскоре он вышел в отставку, занялся устройством своих денежных дел, уехав в Тверскую губернию, где после смерти матери получил в наследство имение. Великопольский сделался настоящим помещиком. По воспоминаниям дочери, “он устроил школу для ребят и больницу для крестьян; для этого он перестроил... кирпичные кормовые сараи в новые помещения; устроил кирпичный завод. Крестьянами занялся усердно, строго наблюдал за их хозяйством,... камнем из Чукавинских каменоломен выложил им под дома высокие фундаменты и

поставил на них светлые избы в три окна... Так, будучи в деревне, отец мой занимался своим хозяйством, проводя часть ночей за своими любимыми занятиями – литературными...”

По воспоминаниям дочери, Великопольский в конце 20-х гг. часто выезжает в Москву, увлекается театром, пишет драмы и мечтает ставить их на сцене, а также становится близким многим московским литераторам, входит в литературные круги.

В 1828 г. в Москве выходит его сатира, в которой хорошо узнается биографическая основа – случай с Пушкиным, - под названием **«К Эрасту (Сатира на игроков)»**. В московских журналах произведение Великопольского встречено иронично. Иронично и насмешливо автору отвечает Пушкин в «Послании к В., сочинителю «Сатиры на игроков»», которое, в свою очередь, повлекло за собой послание Великопольского «Ответ знакомому сочинителю послания ко мне...». «Ответ...» не был напечатан, и вся история обострила отношения Пушкина и Великопольского, в результате появились эпиграммы Пушкина на Великопольского, который также не остался в долгу, написав повесть в стихах **«Московские минеральные воды»**, где Пушкин был изображен памфлетно. Под псевдонимом “Ивельев” она была издана в Москве в 1828 г.

Подобно «Евгению Онегину» она написана строфами, но в них не 14, а 17 строк. Вот пример одной из строф, представляющих героев в стиле ироничного бытописания. В ней узнаются штампы русской поэзии 20-х гг.

...Барон любезный
 Был новый Стерн, коль Стерны есть.
 Он был рожден корзины плестъ
 Для дев Аркадии прелестной,
 Жить в век золотой, и Бог уж весть,
 Как он попал в наш век железный,
 Где вся работа – есть и пить.
 Он одного хотел: любить
 И с мыслью, полною мечтою,
 С душой, исполненной огня,
 Скучал он сердца пустотою,

Худел примерно день от дня.
Задумчивый в веселом круге,
Молчать на балы он езжал,
Чего-то в тайне там искал:
Искал цветов на русском луге
И весь луг русской браковал.

В 1830-е гг. И.Е. Великопольский часто и подолгу живет в Москве. Он знаком и дружен с большим кругом литераторов: Погодиным, Аксаковыми, Баратынским, Гоголем, перед которым благоговееет, Н.Ф. Павловым, Панаевым, Белинским.

У Великопольского собственный дом на Пресненских прудах. И.И. Панаев вспоминал об одном вечере, который он давал летом 1839г.: “В часу девятом я отправился на бал... вместе с К.С. Аксаковым и Белинским. Дом его был битком гостями, оркестр гремел, танцы были во всем разгаре... Мы пошли гулять на Пресненские пруды. Когда стемнело, к изумлению нашему, часть Пресненских прудов была иллюминирована и импровизировалось народное гуляние. ... Хозяин дома появился на крыльцо, разговаривал приветливо с стоявшими тут и отдал приказание угощать всех лимонадом, оршадом и конфетами.”

Щедрый по натуре человек, Великопольский помогал нуждающимся литераторам материально. Так, Белинский рассказывал в письме к Панаеву летом 1839 г.: “Я было и нос повесил, но вдруг является И.Е. Великопольский, осведомляется о здоровье и просит меня быть с ним без церемоний и сказать, нужны ли мне деньги. Я попросил 50 рублей, но он заставил меня взять 100. Вот так благодетельный помещик! На другой день, перед самым отъездом своим в деревню, опять навестил меня.” Цenia душевную щедрость, Белинский щадил литературное самолюбие Великопольского и старался не писать рецензии на его произведения. Известны также свидетельства современников о материальной помощи, оказываемой Великопольским Гоголю.

В.Э. Вацуро отмечает особое пристрастие Великопольского к театру и драматическому искусству со второй половины 30-х

гг. Исследователь пишет: “Им написаны или задуманы десятки драм, трагедий, “драматических фантазий”, мелодрам, исторических драм и т.п., он стремится расширить область драматургии – за счет включения сведений из естественных наук, психологии, теории музыки и др. и претендует на реформу театра. Попытки эти носили дилетантский характер, а драматические опыты Великопольского иной раз стояли на грани графомании.” В результате его трагедии **«Владимир Влонский»** (1837) и **«Янетерский»** (1841) вызвали резко отрицательные отзывы.

Белинский в письме о «Владимире Влонском» говорил: “Трагедия издана очень красиво, с большими затеями, а написана с еще большей бездарностью”. А Сенковский в журнале «Библиотека для чтения» открыто иронизировал и смеялся над “трагедией с двумя хвостами”. В «Литературной летописи» этого журнала над трагедией Ивельева был устроен ядовитый суд, высмеивалась его идея драматической реформы. Не менее жестко прозвучала критическая статья в журнале «Сын Отечества», где автора упрекали в заимствовании у Грибоедова и Гоголя.

Когда в 1841 г. Великопольский издал драму **«Любовь и честь»**, Плетнев в письме говорил о ней, как о “смешной и небывалой”, достаточно резок был Белинский в журнале «Отечественные записки». Лишь в «Литературной газете» Ф.А. Кони опубликовал благоприятный для Великопольского отзыв.

Самым положительным отзывом об этой пьесе является разбор П.А. Корсакова, псковского помещика и редактора журнала «Маяк», который заканчивался следующими словами: “Мы далеки от того, чтобы отрицать в почтенном авторе всякий талант: мы даже уверены, что если он послушается добросовестного совета нашего, то может подарить отечественную публику произведением, достойным и родины, и пишущего ее сына...”

Много неприятностей принесла Великопольскому его трагедия **«Янетерский»**, которая была цензурой сначала

допущена к публикации, а затем изъята как неблагонамеренная, разрушающая нравственные устои.

Но никакие неприятности не могли остановить интереса Великопольского к драме. И в 1839 г. под впечатлением открытия памятника на месте Бородинского сражения он написал новую драму **«Память Бородинской битвы, сельская картина 1839 года, сочинение современное торжеству открытия Бородинского памятника... с хором, преобразующим общий народный голос (музыка соч. г. Кажинского)»**.

Пьеса оказалась неудачной, успеха не имела и была поставлен лишь дважды, несмотря на то, что в ней заняты были лучшие драматические таланты: В.А. Каратыгин, В.М. Самойлов, А.Е. Мартынов, А.Я. Сосницкая. Холодно она была встречена критикой. Даже дружелюбно настроенный к Великопольскому Р.М. Зотов вынужден был сказать в «Северной пчеле», что в пьесе «...пьесы, собственно, нет, то есть нет завязки и развязки». Этим он объяснял равнодушие публики.

Самым последним творением в области драмы у Великопольского была высокая комедия «Мир слепых», которую он представил на конкурс в 1857 г., но премии не получил.

В 1859 г. Великопольский задумал подвести итог своей 40-летней литературной деятельности изданием под вычурным названием «Раскрытый портфель: выдержки из “сшитых тетрадей” автора, не желающего объявлять своего имени. Первый отдельный выпуск. Издание «Любителя»».

Плодовитый литератор И.Е. Великопольский к концу жизни потерял все свое материальное состояние, оставаясь верным своим литературным увлечениям, открытым, добрым, великодушным человеком.

Творчество старших современников Пушкина и его ровесников, в большей или меньшей степени связанное с Псковским краем, позволяет особенно отчетливо увидеть

масштабы его гениальности, понять его значение в истории русской литературы, а также значение его ближайших друзей в жизни и литературе: П.А. Вяземского и А.А. Дельвига; увидеть своеобразие таланта оригинального поэта первой половины XIX века Н.М. Языкова.

Александр Сергеевич Пушкин

ПУШКИН В ПСКОВСКОМ КРАЕ

Жизнь и судьба Пушкина, его творчество имеют самую глубокую связь с Псковской землей. Она была ему “приютом спокойствия, трудов и вдохновенья” в пору молодости, пристанищем изгнанника в эпоху человеческой и творческой зрелости, стала его вечным “милым пределом” после кончины.

В общей сложности в расположенное здесь родовое имение Михайловское Псковской губернии он приезжает 8 раз, не считая самого первого в возрасте нескольких месяцев, когда его сюда привезли родители показать родному деду О.А. Ганнибалу.

В губернском городе Пскове, по подсчетам ученого-краеведа, Пушкин бывал 17 раз: или по причинам своего подневольного положения у губернатора Б.А. Адеркаса, или на консультации у доктора В.И. Всеволодова, или в гостях у приятелей молодости Ф.И. Цицианова и И.Е. Великопольского, а также в семьях Набоковых, Назимовых...

Кроме того он часто путешествует по разным уголкам Псковской губернии, то наезжая в имение двоюродного деда П.А. Ганнибала Сафонтьеве Новоржевского уезда или в имение Г.П. Назимова Преображенское, или в имение опочецкого уездного предводителя дворянства А.Н. Пешурова Лямоново, возможно, в имение Н.А. Яхонтова Камно. Много путешествует пешком, часто бывая у своих друзей и родственников, живущих неподалеку: Осиповых-Вульф в Тригорском, у П.А. Ганнибала в Петровском, у И.А. Ганнибала в Воскресенском, в Святых Горах...

С нежной любовью называл он в черновиках «Евгения Онегина» эти места “родной страной”, обращаясь к ней:

Но ты, губерния Псковская,
Теплица юных дней моих...

1817 год.

Впервые в Псковской губернии Пушкин побывал летом 1817 года. Вскоре по окончании Лицея и после зачисления на службу в Коллегию иностранных дел он подает прошение об

отпуске для того, чтобы вместе с родителями, сестрой Ольгой и братом Львом поехать в Михайловское. Отъезд из Петербурга происходит в начале июля 1817 года. Пушкины проезжают через Царское Село, Гатчину, Лугу, Порхов, Ашево, Бежаницы, Новоржев. Под впечатлением маленьких уездных городков Луги и Новоржева сразу по приезде в Михайловское Пушкин пишет шуточное стихотворение:

Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

Веселые и ритмичные стихи, написанные 4-хстопным хореем, звучат с легкой иронией и сердечной теплотой в отношении “Новоржева моего”.

В Михайловское Александр Пушкин приезжает после шестилетнего проживания в Лицее молодым, жизнерадостным, открытым всем впечатлениям бытия: скромной по краскам природе северо-запада России, ее истории, уходящей в эпоху Петра Великого, ее настоящему.

Михайловское – одно из имений, находящееся на территории Михайловской Губы, пожалованной Петром I прадеду Пушкина, любимцу и сподвижнику Абраму Петровичу Ганнибалу. Арап Петра Великого в день своего 80-летия составил духовное завещание, по которому его сыну Иосифу (Осипу Абрамовичу) переходила “в Псковском наместничестве в Опочецком уезде в Михайловской Губе деревня Устье, что ныне называется Михайловское...”

Осип Абрамович был женат на дочери тамбовского воеводы и состоятельного помещика Алексея Федоровича Пушкина – Марии, которая по матери принадлежала к боярскому роду Ржевских. Жизнь деда и бабушки будущего поэта в очень скором времени превратилась в настоящую муку, и вскоре после рождения дочери Надежды отец оставил их в

самом бедственном положении. Умная, сильная духом и волевая Мария Алексеевна в течение всей жизни отстаивала материальные интересы и права своей дочери, старалась дать ей хорошее образование и воспитание.

Бабушка Мария Алексеевна была близка Александру, защищая его от придирок матери, любившего младшего сына Льва, была человеком умным, дельным и талантливым. Именно она замечательно рассказывала сказки, истории об арапе Петра Великого, вообще о русской старине, обладая талантом не только говорить, но и писать по-русски. Не случайно ее письмами, которые получал в Лицее внук, восхищался Антон Дельвиг. Отношение к бабушке отразилось в стихотворении 1816 года, написанном в Лицее:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...

Бабушка со времени смерти О.А. Ганнибала (1806) занималась всеми хозяйственными делами в Михайловском. Ее заботы согревали не только старшего внука, но и всю семью Пушкиных.

В первый приезд в Михайловское Пушкина радовало все: и уютный дом, стоящий над Соротью, и привольные луга, и тенистые аллеи парка, и купание в озерах Маленец и Кучане. Деревенская жизнь давала счастливое ощущение свободы и радости. В «Записках», которые Пушкин будет писать в 1825 г. в Михайловском, он вспоминал: «Вышед из Лицея я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч...»

В первый свой приезд в Михайловское он познакомится со своими родственниками: двоюродными дедами Исааком Абрамовичем, живущем в селе Воскресенском, и Петром

Абрамовичем, живущем в Петровском, а также с их детьми. “Как-то утром, когда он гостил у родных, его разбудил стук в дверь отведенной ему комнаты. Оказалось, стучал дядя, весельчак и затейник Павел Исаакович Ганнибал. Он собрал целый хор домочадцев и, с бутылкой шампанского в руке, пропел Пушкину куплет, который тут же сочинил:

Кто-то в двери постучал:
Подполковник Ганнибал,
Право-слово, Ганнибал,
Пожалуйста, Ганнибал,
Сделай милость, Ганнибал,
Свет-Исакыч Ганнибал,
Тьфу, ты пропасть, Ганибал!»

В первый свой приезд в псковскую деревню Пушкин по-настоящему подружился с Прасковьей Александровной Вульф, в альбом которой он впишет проникновенные и немного грустные стихи, обращенные к Тригорскому:

Простите, верные дубравы!
Прости беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинут вас?

Стихи написаны за несколько дней до отъезда в Петербург 17 августа 1817 г.

1819 год

В середине июля 1819 г. Пушкин, получивший отпуск из Коллегии иностранных дел, вместе с семьей приезжает в Михайловское. Каким он был в свой второй приезд? Он только что перенес тяжелую болезнь, причиной которой стала шумная, многообразная, захватившая его по выходе из Лицея петербургская жизнь. Она принесла много новых впечатлений, знакомств, дружеских и творческих связей. В столице Пушкин

становится “почетным гражданином кулис”, т.к. много времени проводит в театре, и завсегдатаем светских балов и рестораций, членом разных литературных кружков («Зеленая лампа», «Арзамас»), оказывается в кругу будущих декабристов (И.И.Пушкин, М.Ф.Орлов, К.Ф.Рылеев, А.А.Бестужев и др.). Он изучает русское общество в один из “интереснейших моментов его развития” (В.Г.Белинский). Политика – предмет общего интереса, о ней говорят везде, в обществе читают газеты с политическими новостями. Вот почему после Лицея Пушкин с жаром отдается вольнолюбивой лирике, создавая оду «Вольность» (1817), дружеское послание «К Чаадаеву» (1818), «Noël» («Сказки») (1818). Вот почему, и приехав в деревню летом 1819 г. двадцатилетним молодым человеком, Пушкин пишет политическое стихотворение «Деревня».

Оно замечательно своей композицией, в основе которой лежит антитеза. Стихотворение состоит из двух контрастных по отношению друг к другу частей.

Первая часть стихотворения, которую под названием «Уединение» Пушкин включил в сборник своих стихотворений 1826 г., почти достоверно воссоздает реалии Михайловского:

Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты...

По жанру первую часть стихотворения можно определить как элегию или идиллию, воспевающую прекрасный мир природы.

Каждый эпитет здесь эмоционально окрашен: “светлые ручьи”, “приют спокойствия, трудов и вдохновенья”, “лазурные равнины” и т.д. Счастливый покой разлит в картину, окружающей автора, называющего себя “другом человечества”, отринувшего “суетные оковы” ради духовных занятий: познания самого себя, мира и положения человека в нем, ради творчества. Самые высокие ценности для него – “свободною душою закон боготворить”, быть милосердным к несправедно оскорбленным:

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
 Учусь в истине блаженство находить,
 Свободною душой закон боготворить,
 Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
 Участьем отвечать застенчивой мольбе
 И не завидовать судьбе
 Злодея иль глупца – в величии неправом.

Б.В.Томашевский видел в этих стихах непосредственную связь с одой «Вольность»: "...стих "свободною душой закон боготворить" ведет нас прямо к строфам "Вольности", утверждающей единство закона и свободы. Точно также и последний стих о злодее и глупце в неправом величии заполняется для Пушкина прежде всего политическим содержанием".

В стихотворении важен образ автора, деятельного творца, который за идиллией природы способен видеть мир социального зла:

Здесь Барство дикое, без чувства, без Закона,
 Присвоило себе насильственной лозой
 И труд, и собственность, и время земледельца.
 Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
 Здесь Рабство тощее влачится по браздам
 Неумолимого Владельца...

Во второй части резко меняется интонация: она становится гневной, окрашивая эту часть стихотворения совсем иной, чем в первой части, эмоцией. Здесь каждый эпитет оценочный: "Барство дикое", "Рабство тощее", "неумолимый Владелец", "прихоть бесчувственная", "измученные рабы"... Эпитеты – главное художественное средство для изображения русской деревни и торжествующего в ней крепостного права.

II часть «Деревни» по жанру – сатира, резко контрастирующая с I-ой частью. И чем идилличнее изображение мира в первой части, тем страшнее воссозданное автором социальное зло во II-ой.

Вторая часть стихотворения была опубликована лишь в 1870 г. Стихотворение «Деревня» - произведение зрелого в нравственном отношении человека, верного гражданина своего отечества, имеющего собственный взгляд на мир. Для него единственным средством достижения “свободы просвещенной” в государстве должен быть закон. Пафос стихотворения близок поэзии декабристов, хотя сам Пушкин никогда не был членом тайного общества.

В этот приезд в душе повзрослевшего поэта в Михайловском все окружающее рождало вдохновение: сад, огород, домик няни, луга и поля... Интимны и проникновенны строки I-ой части «Деревни», им созвучны стихи, обращенные к доброму духу домовому, в лирическом послании «Домовому»:

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семью моей обитель!

“Стихотворение «Домовому» - пишет Е.А.Маймин, - гимн деревенскому уединению, возвышенному одиночеству, гимн всему естественному, несуетному, доброму”. Стихи звучат как заклинание, как признание в любви всему тому, что дорого русскому сердцу: неприметной красоте природы, небогатому и неприхотливому быту.

К миру природы Михайловского Пушкин обращается во всех тех произведениях, которые он создает здесь летом 1819 г. Даже в песни пятой поэмы-сказки «Руслан и Людмила» читатель узнает знакомые приметы:

На склоне темных берегов
Какой-то речки безымянной,
В прохладном сумраке лесов,
Стоял поникшей хаты кров,
Густыми соснами венчанный.
В течение медленном река
Вблизи плетень из тростника
Волною сонной омывала.

или:

И вдруг он видит пред собою
Смиранный парус челнока
И слышит песню рыбака
Над тихоструйною рекою.

Знакомыми вдохновению в поэме «Руслан и Людмила» становятся самые обыкновенные и неброские по красоте приметы природы, жизни и быта Михайловского.

Во второй приезд в Михайловское Пушкин впервые в жизни переживает серьезные потери: он уже не нашел здесь бабушки Марии Алексеевны, умершей летом 1818 г.; он стал свидетелем смерти своего маленького брата Платона, которого похоронили в Святогорском монастыре. Но в соседнем Тригорском по-прежнему шумно и весело, хотя и здесь произошли изменения: Прасковья Александровна вышла замуж за Ивана Сафоновича Осипова – вдовца, имеющего малолетнюю дочь Александру.

Произошли изменения у родственников Пушкина: Петровское опустело, двоюродный дед Петр Абрамович Ганнибал переехал в более дальнее имение Сафонтьево Новоржевского уезда. Можно предположить, что Пушкин с родными бывал в Воскресенском, хотя и не часто.

Всего месяц провел Пушкин летом 1819 г. в Михайловском. Но сколько новых чувств он испытал, сколько передумал. Создал стихи, которые станут причиной его ссылки на юг («Деревня»). Создал одну из песен поэмы, которая принесет ему славу первого поэта России.

1824-1826 годы.

9 августа 1824 г. Пушкин приезжает в Михайловское как подневольный в свою новую ссылку. К этому моменту из 25 лет жизни 4 года он провел в южной ссылке (Кишеневе, Одессе). Он - первый поэт России и политически ненадежный, несвободный человек.

В Михайловском Пушкин находит всю семью: отца Сергея Львовича, мать Надежду Осиповну, брата Льва и сестру Ольгу.

Между старшим сыном и отцом происходит ссора. Отец всегда был в отношении к Александру мелочно придирчив. Теперь же он напуган тем, что сын уличен в безбожии, сослан как политически неблагонадежный в Михайловское, и может дурно повлиять на брата и сестру.

Конфликт между ними еще более разгорелся, когда Александр узнал, что отец взял на себя обязанность следить и доносить о его поведении опочечкому предводителю дворянства А.Н.Пещурову, дяде Горчакова – однокашника Пушкина по Лицею.

Поэт не мог простить отцу готовность распечатывать его письма и шпионить за ним. Он пишет отчаянное письмо псковскому губернатору Б.А.Адеркасу с просьбой “перевести в одну из крепостей”. К счастью, слуга не застал губернатора дома и привез письмо обратно. В письме В.А.Жуковскому та же просьба: “...спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем”. Но вскоре Пушкин остается в Михайловском один. Рядом лишь няня. В одном из писем он признается своему знакомому: “Уединение мое совершенно – праздность торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, и то вижу его довольно редко – целый день верхом – вечером слушаю сказки моей няни...она единственная моя подруга – и с нею только мне не скучно”.

Постепенно душевное равновесие восстанавливается, круг его общения расширяется. Он часто бывает у своих соседей Осиповых-Вульф в Тригорском, где живет его давний старший друг Прасковья Александровна, хорошо понимающая его, умная, образованная женщина, интересующаяся историей и литературой, выписывающая много книг и журналов. Пушкин ценил её библиотеку и пользовался ею. Ему приятно было видеть среди книг, выписанных Прасковьей Александровной, песни «Евгения Онегина», выходившие отдельными книжками, стихи Дельвига и Баратынского, альманах «Северные цветы», издававшийся любимым Дельвигом, в котором сам он активно участвовал.

Сама обстановка дома Осиповых-Вульф была доброй и радостной. Об атмосфере Тригорского и о посещениях Пушкина сохранились воспоминания младшей дочери П.А.Осиповой-Вульф – Маши: “Каждый день, часу в третьем пополудни, Пушкин являлся к нам из своего Михайловского. Приезжал он обыкновенно верхом на прекрасном аргамаке, а то, бывало, приволочится на крестьянской лошаденке... Приходил, бывало, и пешком; подберется к дому иногда совсем незаметно; если летом, окна бывали раскрыты, он шаст и влезет в окно... он, кажется, во все перелазил... Все у нас, бывало, сидят за делом: кто читает, кто работает, кто за фортепьяно... Ну пришел Пушкин, – все пошло вверх дном; смех, шутки, говор так и раздаются по комнатам... А какой он был живой; никогда не посидит на месте, то ходит, то бегают!.. Пушкин, бывало, нередко говорил нам экспромты, но так, чтоб прочесть что-нибудь длинное – это делал редко, впрочем, читал превосходно...”.

Старшие дочери Осиповой-Вульф Анна и Евпраксия были по-своему замечательными: первая романтическая мечтательница, скрывающая свою долгую безответную любовь к поэту; вторая – резвушка, непосредственная и веселая пятнадцатилетняя Зизи, или Зина, как ее звали по-домашнему. В письме к Льву Пушкин писал о ней: “... на днях я мерялся поясом с Евпраксией и тальи наши нашлись одинаковы. Следовательно, из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила...”

Падчерица Прасковьи Александровны Алина (Александра) часто играла Пушкину на фортепьяно музыку его любимого композитора Россини.

Все трое стали адресатами пушкинской лирики. Анне Николаевне Вульф посвящены проникновенные и грустные стихи 1825 г, оставшиеся в черновике:

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны
И самой красоте *семнадцать лет* замена.

Но время протекло, настала перемена,
 Ты приближаешься к сомнительной поре,
 Как меньше женихов толпятся на дворе,
 И тише звук похвал твой слух обворожает,
 А зеркало смелей грозит и упрекает.

С шутливыми и веселыми стихами он обращается к Евпраксии:

Вот, Зина, вам совет: играйте,
 Из роз веселых заплетайте
 Себе торжественный венец –
 И впредь у нас не разрывайте
 Ни мадригалов, ни сердец.

Обессмертил Евпраксию Вульф Пушкин в V главе романа «Евгений Онегин»:

Зизи, кристалл души моей,
 Предмет стихов моих невинных.
 Любви приманчивый фиал,
 Ты, от кого я пьян бывал.

Умной и талантливой музыкантше Алине Осиповой Пушкин посвятил **«Признание»** - стихотворение нежное и шутливое:

Я вас люблю, хоть я бешусь,
 Хоть этот труд и стыд напрасный,
 И в этой глупости несчастной
 У ваших ног я признаюсь!

Все названные стихи Пушкин вписал в альбом тригорским приятельницам, которых исследователи считают прообразами героинь романа «Евгений Онегин». Кроме дочерей Осиповой-Вульф, в этот приезд в Тригорском Пушкин встретил повзрослевшего Алексея Николаевича Вульфа, приехавшего на каникулы из Дерпта, где он учился в университете. В одном письме Пушкин сообщал: "... Я часто виделся с одним дерптским студентом. Он много знал, чему научаются в университетах... Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие..."

С Вульфом Пушкин переписывался. Одно письмо начиналось дружескими стихами:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета...

Поэт Языков Николай Михайлович, учившийся вместе с Вульфом, приедет в Тригорское не зимой, а летом 1826 г.

А в начале 1825 г. самыми счастливыми в псковской деревне для Пушкина были дни, когда его навестили лицейские друзья Иван Пущин и Антон Дельвиг.

Пущин приехал в январе. Он привез самые последние литературные новости: комедию А.С.Грибоедова «Горе от ума», «Думы» и поэму «Войнаровский» К.Ф.Рылеева. Кроме литературных новостей, Пущин привозит и политические, открыв Пушкину свою причастность к тайному обществу. Впоследствии в своих записках он так писал о встрече с Пушкиным: «Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим! Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевшей шубе и шапке. Было около восьми часов утра. Не знаю, что делалось. Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один – почти голый, другой – весь забросанный снегом. Наконец пробил слеза (она и теперь, через 33 года, мешает писать в очках), мы очнулись. Совестно стало перед этою женщиной, впрочем, она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, - чуть не задушил ее в объятиях... Подали нам кофе –

мы усадились с трубками. Беседа пошла правильнее – многое надо было хронологически рассказать, о многом расспросить друг друга!... Вообще Пушкин показался мне несколько серьезнее прежнего, сохраняя, однако ж, ту же веселость; может быть, самое положение его произвело на меня это впечатление. Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему еще не верится, что мы вместе”.

Пушкин много расспрашивал Пущина о товарищах по Лицею, восхищался Пушиным, покинувшим артиллерию ради службы в суде, где его любили и уважали. А Пущин, со своей стороны, смотрел на ссыльного Пушкина “с каким-то новым чувством, порожденным исключительно его положением: оно высоко ставило его в моих глазах”. Пущин провел с Пушкиным в Михайловском всего один день 11 января, который он будет помнить всю свою жизнь, а Пушкин опишет в стихах:

Мой первый друг, мой друг бесценный!

И я судьбу благословил,

Когда мой двор уединенный,

Печальным снегом занесенный,

Твой колокольчик огласил...

Навестит Пушкина в ссылке и другой лицейский товарищ Антон Дельвиг, который проведет в Михайловском 10 дней, наполненных дружескими беседами о поэзии, о лицейских товарищах, о политике. Пушкин с нежностью относился к Дельвигу, ценя его стихи. Вместе с Дельвигом он сотрудничал в его литературных альманахах: «Северные цветы», «Подснежник», в «Литературной газете». После ранней смерти Дельвига в 1831 г. Пушкин в одном из писем скажет о своем друге: “Я знал его в Лицее, был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души и таланта... С ним читал я Державина и Жуковского – с ним толковал обо всем, что душу волнует, что сердце томит...”

А летом 1825 г. Пушкин принимал в Михайловском гостью – Анну Петровну Керн, которая приехала к своей тетушке Прасковье Александровне в соседнее Тригорское.

Впервые Пушкин увидел ее в 1819 г. в Петербурге в доме Олениных и был очарован ее красотой. Об этой встрече А.П.Керн писала в своих воспоминаниях. Летом 1825 г. в течение месяца она жила в Тригорском, куда часто приходил Пушкин. Однажды Прасковья Александровна предложила прогулку в Михайловское после ужина. Вот как описала это событие А.П.Керн: “Погода была чудесная, лунная июльская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тетушка с сыном в одном; сестра, Пушкин и я в другом. Ни прежде, ни после я не видела его так добродушно веселым и любезным... Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый запущенный сад, “Приют задумчивых дриад”, с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать”.

Керн А.П. вспоминала также о том, как восторгался Пушкин ее пением, особенно исполнением «Баркаролы» на стихи Козлова. Перед отъездом из Тригорского Пушкин подарил ей экземпляр второй главы «Евгения Онегина», куда был вложен листок почтовой бумаги со стихами «Я помню чудное мгновенье...».

Круг своего общения во время ссылки в Михайловском Пушкин постоянно расширяет за счет писем, адресованных друзьям в Петербург (Жуковскому В.А., Вяземскому П.А., Рылееву К.Ф., Бестужеву А.А.), получая их ответы. Состояние души ссыльного Пушкина постепенно меняется. Но перед ним встают важные вопросы. По мнению П.В.Анненкова, “четверть жизни прошла для Пушкина и должна была переставить точку зрения на людей и разъяснить взгляд на самого себя. Нравственный переворот, неизбежный в таких случаях, оставляет по себе грусть, чувство раскаяния и тоски; но в сильных и благородных натурах, какова была натура Пушкина, это есть только новое побуждение к деятельности и преобразованию себя”.

Белинский почти афористично говорит о том же: “Пушкин не дает судьбе победы над собою...”. Победить судьбу помогает

творчество, в котором, по мнению ученых (Б.В.Томашевского, Е.А.Маймина и др.), происходят важные изменения, происходит “поворот на новые литературные пути”. Главными чертами творчества теперь является освоение всей действительности, всех сфер жизни, историзм, “народность как самобытность” (С.А.Фомичев).

В Михайловском Пушкин создает иную, чем южная, лирику, обращается впервые к драматическому роду, создавая историческую трагедию «Борис Годунов», набрасывает сцены маленьких трагедий «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери». Начинает писать «Автобиографические записки», которые будут сожжены здесь же зимой 1825-го. Даже такой любимый жанр, как поэма, приобретает совсем другие черты по сравнению с южными: «Граф Нулин» - это полушутливая, реалистическая поэма об уездной русской жизни. Работа над «Евгением Онегиным», романом в стихах, названным В.Г.Белинским “энциклопедией русской жизни и в высшей степени национальным произведением”, будет связана с III - VI главами.

В Михайловском Пушкин-художник достигает творческой зрелости, хорошо понимая свое значение в русской литературе.

Лирика 1824-1826 гг.

В отличие от лирики юга лирика, созданная во время Михайловской ссылки, достоверна. В ней раскрывается то, что Белинский называл “лелеющей душу гуманностью”, “внутренней красотой человека”: Пушкин умеет выразить высоту и красоту своей души так, что его стихи приобретают большую нравственную силу.

Во многих стихах происходит обращение в прошлое, для осмысления определенного жизненного этапа, чтобы быть готовым к новому духовному обновлению [«К***»] («Я помню чудное мгновенье»), «19 октября», «К морю»]; происходит обращение к истории, чтобы осмыслить современность («Андрей Шенье»). Жанр любовной лирики, написанной в Михайловском, приобретает еще больший, по сравнению с югом, психологизм,

а также драматизм и высоту («Желание славы», «Сожженное письмо»). Как считает Е.А.Маймин, в период ссылки “Пушкин создает и свои первые опыты философских миниатюр” («Если жизнь тебя обманет...», «Цветы последние милей...»).

В Михайловском происходит постижение народности («Песни о Стеньке Разине», «Зимний вечер»). Тема поэта, развиваясь в разных стихотворениях («Разговор книгопродавца с поэтом», «Подражание Корану», «Пророк»), приобретает философское значение.

Первое крупное стихотворение, написанное в Михайловском, элегия **«К морю»**. Она связана с впечатлениями юга:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой...

Главные образы элегии – море, Наполеон, Байрон. Наполеон и Байрон – романтические символы эпохи. Как писал Б.В.Томашевский, “прощаясь с морем, Пушкин прощался с югом, со всеми впечатлениями последних лет, со всеми поэтическими замыслами, родившимися и осуществленными на юге, с завершенным периодом жизни, со своей поэтической молодостью, с романтизмом”.

Поворотом к новому в творчестве Пушкина явилось стихотворение **«Разговор книгопродавца с поэтом»**, датированное в рукописи 26 сентября 1824 г. Оно написано в форме диалога двух героев, обладающих разными взглядами на мир: поэта и книгопродавца. Первый – олицетворенное вдохновение и свобода, второй – практичность и расчет. Тема их диалога затрагивает злободневную для русской литературы с начала 20-х годов XIX в. проблему: художник в мире, где все основано на торгово-денежных отношениях. Образ поэта в стихотворении обладает чертами романтического творца, каким сам Пушкин в момент его написания не был. Поэт вспоминает картины южной природы, которая его вдохновляла, вспоминает романтический образ демона:

Какой-то демон обладал
 Моими играми, досугом;
 За мной повсюду он летал,
 Мне звуки дивные шептал...

Формула романтического одиночества в стихотворении также принадлежит поэту:

Блажен, кто про себя таил
 Души высокие создания
 И от людей, как от могил,
 Не ждал за чувство воздаянья!

В образе книгопродавца есть не только расчет, но понимание высокого значения, которым обладает личность поэта и его творчество в умах и душах людей, в обществе. Он убежден в том, что

Поэт казнит, поэт венчает;
 Злодеев громом вечных стрел
 В потомстве дальном поражает;
 Героев утешает он...

Впоследствии Пушкин эту мысль повторит в «Подражаниях Корану», в «Пророке». Не случайно и самый важный тезис для него: «Не продается вдохновенье, /но можно рукопись продать», принадлежит также книгопродавцу. Этот тезис принимает и поэт, переходящий на язык прозы: «Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся».

Тема поэта, важная в «Море», главная в «Разговоре», продолжена Пушкиным в цикле, посвященном П.А.Осиповой, «Подражания Корану», состоящем из девяти стихотворений. Цикл поражает силой слова и поэтичностью, свободной стилизацией в восточном роде. Может быть, впервые так ярко, как никогда прежде, в этих стихах проявилось замечательное свойство пушкинского таланта усвоить, перевоплотиться в дух чужой культуры. Это свойство Ф.М.Достоевский особенно ценил в Пушкине, называя его «всемирной отзывчивостью». Стихи цикла передают мудрость Корана глубоко и поэтично, но Пушкин вводит в них совсем несвойственное Корану.

Например, в первом стихотворении звучит тема власти поэтического слова, тема поэта-пророка.

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

Эти стихи не только в смысловом значении, но и по своей стилистике превосходят «Пророка». «Пророк» датируется 8-м сентября 1826 г. По свидетельству одного из современников Пушкина (М.П.Погодина) стихотворение написано по пути из Михайловского в Москву, где поэту предстоял разговор с царем, вызвавшим из ссылки.

«Пророк» - самое известное стихотворение Пушкина о поэте и его назначении и самое высокое и универсальное. В основе его – библейский сюжет из Ветхого Завета о явлении шестикрылого Серафима (книга пророка Исаии). На глазах воссоздается картина духовного преображения творческой личности, способной на “духовную жажду”. В результате преображения человек умирает, а воскресает пророк, который наделен не сердцем, а “углем, пылающим огнем”, не языком, а “жалом мудрая змеи” и т.д. Пророк обретает особые знания о мире:

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье...

Космическое пространство, в котором происходит преображение, становится близким, а все находящееся в нем понятным. К пророку в финале стихотворения относятся слова Бога:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
 Исполнишь волею моей,
 И, обходя моря и земли,
 Глаголом жги сердца людей.

В обращении Бога к пророку заключен философский смысл: пророк должен стать вождем людей, мудрецом, советчиком в их жизненно важных делах, обладателем божественного “глагола”, способного жечь сердца. Строю высоких образов в стихотворении соответствует язык, в котором главная роль принадлежит архаизмам (десница – правая рука, персты – пальцы, уста – губы, восстань – встань, виждь – смотри, внемли – слушай и т.д.).

В стихотворении «Пророк» Пушкин продолжил традицию декабристской поэзии, в которой был создан образ поэта-пророка. В отличие от своих предшественников, у которых поэт имеет прежде всего гражданское предназначение, Пушкин придает этому образу более широкий, универсальный смысл.

В период ссылки Пушкин создает высокую лирику о любви и дружбе. В Михайловском написан цикл стихотворений, обращенный к Е.К.Воронцовой. К этой женщине Пушкин испытал сильнейшую страсть в южной ссылке в Одессе. В воронцовский цикл входят следующие стихотворения: **«Ненастный день потух...»**, **«Желание славы»**, **«Сожженное письмо»**, **«Все в жертву памяти твоей...»**, **«Храни меня, мой талисман...»**.

Цикл стихов психологически достоверно воссоздает высокую драму любви. Герой предан и проходит через мучительные страдания, узнав об измене. Для него предательство возлюбленной подобно катастрофе, в результате которой весь мир становится пустыней, где он лишь путник:

Стою,
 Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
 И все передо мною затмилось!

Продолжая любить, он находит средство напомнить своей возлюбленной о себе:

И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне...

Стихотворение «**Желание славы**» написано шестистопным ямбом, размером, которым в пушкинское время писали трагедии. Размер позволяет лирическое стихотворение по драматизму изображаемого соизмерить с высокой трагедией.

«**Сожженное письмо**» - прощание с любовью. Это стихотворение также написано шестистопным ямбом, как и «Желание славы». В названных стихах большое количество переносов – сильного художественного средства, позволяющего передать душевные страдания и боль покинутого:

Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

Измена возлюбленной не ожесточает сердце автора. Он остается личностью такой нравственной высоты, которая потрясает читателей.

В михайловской ссылке написано знаменитое стихотворение «**К*****» («**Я помню чудное мгновенье...**»). Известно, что толчком к созданию его послужила встреча Пушкина летом 1825 г. с А.П.Керн – племянницей П.А.Осиповой-Вульф. Исследователи пришли к выводу, что если относить это стихотворение к любовной лирике, смысл и значение его сужаются. Так, С.А.Фомичев пишет: "Стихотворение Пушкина повествует о любви, любви животворящей, дающей ощущение предельной полноты жизни, - и поэтому не об одной любви только. В первых четверостишьях – воспоминания о юношеских мечтаниях, не омраченных предчувствием грядущих утрат. Но нужно было пройти через

эти утраты, испытать всю глубину разочарования, пережить дни “без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви”, чтобы во всей полноте ощутить упоение зрелого чувства, немыслимого без тяжелых испытаний”.

Е.А.Маймин отмечал музыкальную сторону стихотворения: “Это как бы музыкальная композиция, заданная одновременно и реальными событиями в жизни Пушкина, и идеальным образом “гения чистой красоты”, заимствованным из поэзии Жуковского”.

Стихи Пушкина о любви высоки и целомудренны. Эти особенности любовной лирики критик середины XIX века А.В.Дружинин объяснял “святой деликатностью духа” – чертой, которую он считал главной в характере Пушкина и национальной для русского человека.

“Святой деликатностью духа” отмечены стихи о дружбе. Осенью 1825 г. к очередной лицейской годовщине он пишет **«19 октября»**:

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.

Стихи звучат музыкально и торжественно благодаря звукописи и размеренному 5-ти стопному ямбу. В них все высоко: мотивы (дружба, творчество, история, современность и т.д.), образы, язык. Стихотворение написано строфами, состоящими из 8 строк с формулой рифмовки: аВВаСdCd. По жанру «19 октября» - дружеское послание, т.к. автор обращается к своим друзьям, - и одновременно элегия, т.к. передает мысли, чувства, мечты одинокого, находящегося в ссылке поэта. Ощущение ссылки проходит через все стихотворение.

Обращаясь к друзьям, автор максимально приближается к изображаемому: образам бывших лицеистов (Корсакова, Матюшкина, Пушина, Горчакова, Дельвига, Кюхельбекера), к их настоящему, хотя автору известно и прошлое.

Обращение к каждому согрето братской любовью, например, к Пушкину:

Поэта дом опальный
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнания день печальный,
Ты в день его Лицея превратил...

Или Кюхельбекеру:
Я жду тебя, мой запоздалый друг –
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Союз, основанный на родстве душ, осмысливается в стихотворении как вечная ценность:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.

Строки о дружбе звучат афористически. Также афористичны стихи, посвященные другой вечной ценности жизни – творчеству:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво...

Развитие поэтической мысли в стихотворении идет от частных судеб (от конкретного) к общему, к тому, что их объединяет. Судьбы всех лицеистов оказываются объединенными временем. Они современники, которых собрал и воспитал Лицей, созданный Александром I, гонителем поэта и одновременно исторической фигурой, с которой связаны крупнейшие события в России начала XIX века (Отечественная война, победа над Наполеоном). Так стихотворение «19 октября» оказывается прямым образом связанным с размышлением над русской историей.

А в конце 1825 г. он пишет историческую элегию «Андрей Шенье», в которой будет осмыслять события другой эпохи, происходящие в другой стране. В названных стихах («19 октября», «Андрей Шенье») автору свойственно осознание себя поэтом и историком.

В Михайловском Пушкин постоянно окружен разными проявлениями и традициями русской жизни, поэтому с этим периодом жизни “связано его все более глубокое постижение народности в поэзии” (Е.А. Маймин). Народность, как и историзм, становится основополагающим свойством романа «Евгений Онегин», трагедии «Борис Годунов», поэмы «Граф Нулин», лирики.

В период ссылки Пушкиным созданы стихотворения «Зимний вечер», «Песни о Стеньке Разине». А самым первым произведением, выражающим дух народности, было большое стихотворение-баллада «Жених» или по другому определению простонародная сказка. К этим произведениям можно отнести высказывание В.Г. Белинского о том, что они образуют “собою отдельный мир русско-народной поэзии в художественной форме”.

Некоторые сюжеты из названных произведений Пушкину стали известны благодаря няне Арине Родионовне Яковлевой – доброй подруге его долгого изгнания.

Сестра Пушкина Ольга так писала в своих воспоминаниях о ней: “Была она настоящей представительницей русских нянь; мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками”. Сам Пушкин в письме брату Льву зимой 1824 г. признавался: “...после обеда езджу верхом, вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!”

С няней связано задушевное стихотворение «Зимний вечер», которое давно стало хрестоматийным:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Стихотворение состоит из трех восьмистиший и написано народным песенным размером - 4-ех стопным хореем. Композиция его кольцевая: начальные стихи повторяются в конце. Все названные признаки свойственны песне. И «Зимний вечер» давно стало народной песней.

В науке существуют разные толкования стихотворения, утверждающие либо печаль, безысходность, либо, наоборот, преодоление их героем. Это свойство «Зимнего вечера» доказывает важную особенность лирического текста, который допускает множество толкований. Но обратимся к образам стихотворения: герою и “доброй подружке”, единство душ которых и позволяет противостоять буре природы и жизни.

В стихотворение включены две народные песни, которые помогают также достичь гармонию в пространстве, где находятся герои. А враждебный мир оказывается за его пределами.

Раньше других в период Михайловской ссылки в народном духе написано стихотворение-баллада «Жених». Сюжет его взят из разбойничьей песни. Как считают исследователи, источниками являются сказки братьев Гримм. В них существует сюжет о дочери мельника, которая в женихе узнает разбойника. У Пушкина героиня Наташа – купеческая дочь. Сказка начинается так:

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала,
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.

Пушкин начинает с упоминания любимого в сказках Арины Родионовны числа 3 да и все повествование ведется в духе народно-сказочной речи.

Сказка написана в народном стиле с применением народных формул, которые входят в авторскую речь. Пушкин рассказывает, как Наташа раскрывает на свадебном пиру страшную тайну своего жениха, являющегося на самом деле разбойником.

«**Песни о Стеньке Разине**» написаны позже сказки «Жених», в 1826 г., и, как считает ученый, “для них Пушкину... исходным материалом... послужили ... и те песни на эту тему, которые рассказывала ему няня и которые он записывал с ее слов”. Пушкин считал Разина “единственным поэтическим лицом русской истории” и посвятил ему цикл, состоящий из 3-х стихотворений: «Как по Волге-реке, по широкой...», «Ходил Стенька Разин», «Что не конский топ, не людская молвь...». В первом стихотворении в основе лирического сюжета лежит знакомая каждому русскому человеку по разбойничьей песне «Из-за острова на стрежень...» история:

Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвит грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,

Казаков моих добром наделила.
Что ничем тебя еще мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

В этой песне Стенька Разин – образ, который соединил разные черты: жестокость, удадь, щедрость. Ритм стихотворения как будто соответствует широте его натуры, ритм такой же широкий и могучий. Образ народного героя создан Пушкиным в народных представлениях, читатель и видит его глазами народа.

Многие песни и сказки из местного фольклора Пушкин записал со слов Арины Родионовны. Своему современнику П.В. Киреевскому он передал 49 песен, среди которых были оригинальные, пушкинские. До сих пор они входят неразгаданными в известный сборник народных песен П.В.Киреевского.

Обзор лирики Михайловского периода был бы не полон, если не обратиться к тем пьесам, которые исследователь назвал “философскими миниатюрами”: «Если жизнь тебя обманет...» и «Цветы последние милей...». “Оба стихотворения представляют собой поэтическое выражение мудрости, поэтический урок мудрости”. Исследователь называет их главные качества: “обиходность содержания, прозрачность, простота”:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

В отличие от лирики Тютчева, последователя немецкой идеалистической философии, воплощенной в его стихах,

Пушкин создает философскую поэзию, в основе которой нет никакой философской системы. В них воплощены мудрость человека, его жизненного опыта, которые универсальны.

Трагедия «Борис Годунов»

Пушкин приступил к работе над «Борисом Годуновым» в ноябре-декабре 1824 г.; а к 7 ноября 1825 г. трагедия была завершена. Замысел ее возникает под впечатлением от «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина.

В набросках предисловия к трагедии Пушкин писал: “Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории... Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров... Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени”.

Свою трагедию Пушкин пишет как новаторское произведение: в нем очень большое количество действующих лиц (около 60), нет деления на акты и классических единств. Пьеса состоит из 29 сцен, стремительно сменяющих друг друга. Сцены переносят зрителей в разные места действия: Кремлевские палаты, келья Чудова монастыря, корчма на литовской границе и т.д.; из России в Польшу и обратно. Сцены переносят зрителя в разное время: с 20 февраля 1598 г. по 1605 г., охватывая промежуток около 7 лет. Новаторским в трагедии Пушкина было использование вместо 6-ти стопного ямба (александрийского стиха) 5-ти стопного белого стиха, а также прозы.

Пушкин применяет опыт Шекспира при создании характеров героев - крупных, противоречивых, свободно развивающихся. Борис Годунов – умный политик, на совести которого преступление. Это человек своего времени: он верит в сны и гадания, он добрый отец, плачущий над дочерью, у которой умер жених, гордящийся знаниями сына. Борис Годунов – истинно высокий трагический характер.

Высотой и величием отличается Пимен – летописец, равнодушно внимающий “добру и злу”, потому что он должен донести потомкам правду своего времени. Пушкину этот герой близок и дорог, ему отданы заветные мысли поэта-историка. Для Пушкина настоящий поэт – летописец своего времени.

По всем признакам трагедия Пушкина реалистическая. Сам Пушкин ее называл трагедией “истинного романтизма”.

Он пишет драму о смутном времени, об одном из самых трагических эпизодов истории России. Начинается действие с приходом к власти Бориса Годунова, заканчивается с приходом к власти Лжедмитрия.

Продолжая действие трагедии после смерти центрального героя, Пушкин показывает, какая важная роль в истории принадлежит народу, какими непреходящим конфликтом является конфликт между народом и властью. И Борис Годунов, и Лжедмитрий приходят к власти преступным путем. На них лежит страшная вина. Пушкин во многих сценах показывает муки совести Бориса Годунова, у которого “все мальчики кровавые в глазах”. Борис думает, что добрыми делами загладит свое преступление (убийство маленького царевича Дмитрия), но государство постоянно потрясается каким-то бедами: каждый год неурожай и мор. Борис Годунов – носитель трагической вины, но, как считает Е.А. Маймин, “носителем трагической вины в «Борисе Годунове» оказывается и народ, представленный Пушкиным в его историческом действии”. Ремарка в конце драмы “Народ безмолствует” многозначна. “В этом безмолвии народа слышен страшный, трагический голос новой Немезиды, изрекающей суд свой над новой жертвою – над тем, кто погубил род Годуновых...”, - пишет В.Г. Белинский. Таким образом, за последней ремаркой угадывается начало нового витка истории.

Работая над «Борисом Годуновым», Пушкин испытал самые счастливые и радостные чувства. “Писанная мною в строгом уединении, вдали охлажденного света, трагедия сия, - признавался он, - доставила мне все, чем писателю наслаждаться дозволено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение,

что мною употреблены были все усилия, наконец, одобрение малого числа людей избранных”. Создание трагедии – свидетельство поэтической зрелости Пушкина, свидетельство о том, что “... духовные силы... достигли полного развития...”.

Закончив трагедию, Пушкин писал П.В. Вяземскому: “... я перечел ее вслух, один, я бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!”. Творческие радости помогают преодолеть чувство тоски и одиночества, победить драматизм собственной судьбы, испытать торжество художника.

С интересом к Шекспиру связана не только трагедия «Борис Годунов», но и шуточная поэма «Граф Нулин». Вот как приходит замысел: “В конце 1825 года, - признавался Пушкин, - находился я в деревне. Перечитывая «Лукрецию», довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? Быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась. Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те. Итак республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде. Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог не воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть. Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. «Граф Нулин» писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения”.

Осмысля пушкинскую запись, можно прийти к выводу, что «Граф Нулин» - пародия на историю и Шекспира. А что означает последняя фраза записи: “Бывают странные сближения”? Пушкин, задумываясь над исторической по сюжету поэмой Шекспира, задается вопросами: “Как происходят исторические события? Какую роль в истории имеют случайности?” Иронизируя в своих размышлениях над античной историей, он

не подозревает, что в эти дни творится совсем не шуточная история на Сенатской площади в Петербурге. Участники ее – самые близкие и любимые люди: Иван Пущин, Вильгельм Кюхельбекер или хорошо знакомые, причастные к русской литературе: Александр Бестужев, Кондратий Рылеев, Федор Глинка, или искренне уважаемые: Волконский, Михаил Орлов и многие другие, кого русская история назовет декабристами.

Пушкин узнает о случившемся в Петербурге от повара Прасковьи Александровны Арсения, который был послан туда торговать и закупить чай и сахар. А через три дня после возвращения Арсения поэт узнает и о воцарении на престоле не ожидаемого Константина, а Николая. В газетах также сообщалось о предстоящем суде над преступными участниками беспорядков. В списках, опубликованных в газетах, были имена Рылеева, Кюхельбекера, Пушиных, Бестужевых...

Новый 1826 г. начинается для Пушкина и его тригорских друзей, имеющих родственников также среди государственных преступников (Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Лунин, Оболенский) в тревоге и мрачных предчувствиях.

В письме Пушкина к Жуковскому в Петербург читаем: “Я не писал к тебе, во-первых, потому что мне было не до себя... В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пушиным и Орловым. Я был масон в Кишиневской ложе, то есть в той, за которую уничтожены в России все ложи. Я, наконец, был в связи с большею частью нынешних заговорщиков”. Пушкин как будто обдумывал свое положение, степень своей причастности к арестованным, не ожидая ничего хорошего.

А на допросах в Петербурге почти каждый говорил о его вольнолюбивых стихах: «Вольности», «Деревне», «Андрее Шенье»... И как будто чувствуя, что говорят арестованные, Пушкин в своих письмах рассуждает о степени своей виновности или задается вопросом, например, в письме к Плетневу: “... невиновен я или нет? Но в обоих случаях давно бы надлежало мне быть в Петербурге. Вот каково быть верноподданным! забудут и квит... А ты хорош! пишешь мне: переписывай да

нанимай писцов опочечких, да издавай «Онегина». Черт возьми «Онегина»! я сам себя хочу издать или выдать в свет. «Батюшки, помогите». Горько признается Пушкин Вяземскому в письме конца апреля – начала мая 1826 г.: “Милый мой Вяземский, ты молчишь и я молчу; и хорошо делаем – потолкуем когда-нибудь на досуге”. И в конце: “Прощай, мой ангел, болен ли ты или нет; мы все больны – кто чем”.

В мае – июне 1826 г. Пушкин пишет официальное письмо Николаю I с просьбой по состоянию здоровья “ехать ... или в Москву, или в Петербург, или в чужие края”. К письму на отдельном листе, датированная 11 мая, приложена расписка о своей непричастности к тайному обществу.

Лето 1826 г. было для Пушкина скрашено приездом в Тригорское поэта Н.М.Языкова, приятеля сына П.А.Осиповой – Алексея. Молодые люди, студенты Дерптского университета, приезжают на каникулы в середине июля.

В течение месяца Пушкин очень часто гостит в Тригорском, где его окружали друзья: Прасковья Александровна и ее дети. Было весело и шумно вечерами, когда барышни музицировали, Евпраксия мастерски варила жженку, а Языков и Пушкин читали стихи. Языков обращался к хозяину Михайловского в дружеском послании «А.С.Пушкину»:

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!

Лето 1826 г. было жарким. В стихотворении Языкова «Тригорское» точно, в деталях, почти осязаемо переданы его приметы:

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара,
Тяжелый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная тень...

Языков посвящает стихи хозяйке Тригорского, воспевая великое прошлое этих мест, где “вольные живали / Сыны воинственных славян”, где происходили битвы за независимость Руси против ливонцев и Стефана Батория, воспевая и славное настоящее этих мест, где происходит ссылка Пушкина:

Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой! –
Благоговею пред тобой...

где, наконец, происходит знакомство поэтов и их общение:

Что восхитительнее, краше
Свободных дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?

Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера.

В Тригорском и Михайловском Языков по-настоящему счастлив: от дружеского участия Пушкина, от его восторженных оценок своих стихов (известно высказывание Пушкина 1833 г., когда выходит книга Языкова: “Зачем он назвал их «Стихотворения Языкова» - их бы следовало назвать просто: «Хмель!»”). Даже заботы няни Арины Родионовны радуют и волнуют душу. Ее он будет вспоминать не раз: в 1817 г. в стихотворении «К няне А.С.Пушкина», в 1830 г. в стихотворении «На смерть няни А.С.Пушкина».

Оба стихотворения воссоздают дни счастливого единения поэтов, которые согреты “сердечной добротой” свет Родионовны, ее хлебосольством, радушием, незатейливыми обедами, “бесхитростными суждениями и похвалами”. Вот почему и печальные стихи на смерть Арины Родионовны просветлены счастливыми воспоминаниями.

В 1826 г. Пушкин работал над пятой и шестой песнями романа «Евгений Онегин». А на протяжении всего Михайловского периода были созданы центральные главы: с третьей по шестую включительно. Начатая в Одессе третья глава завершена в Михайловском 2 октября 1824 г., четвертую главу он писал с перерывами полностью в ссылке, завершив в начале января 1826 г. В этом же году параллельно Пушкин писал пятую и шестую главы. Шестая глава будет начата раньше окончательной отделки пятой и завершена в декабре 1826 г. Пятая переписана набело 22 ноября 1826 г. Даты завершения пятой и шестой глав выходят за временные рамки михайловского периода. Тем не менее и содержание, и впечатления Пушкина, отраженные в III - VI главах, связаны с «губернией Псковской».

В этих главах происходят центральные события романа: встреча главных героев, письмо Татьяны и отповедь Онегина, сон Татьяны и ее именины, дуэль Онегина и Ленского и смерть Ленского. Как считали современники Пушкина, Тригорское и его обитатели, их быт, привычки стали образами, конкретными впечатлениями, которые воплотились и отразились в деревенских главах «Евгения Онегина». Например, Алексей Вульф записал в дневнике в 1833 г.: «... я даже был действующим лицом в описаниях деревенской жизни Онегина, ибо она вся взята из пребывания Пушкина у нас, “в губернии псковской”. Так я, дерптский студент, явился в виде геттингенского под названием Ленского; любезные мои сестрицы суть образцы его деревенских барышень, и чуть не Татьяна ли одна из них”. Современники называли дом в Тригорском “домом Лариных”, а скамью в парке – “скамьей Онегина”. Несомненно, что на творческий процесс Пушкина повлияли очень многие впечатления его жизни в михайловский период, однако и главные герои романа, и его сюжет – создание творческой фантазии автора.

В середине июля 1826 г. Пушкин едет в Псков к доктору В.И.Всеволодову для получения свидетельства о своей болезни, которое позволило бы ему наряду с прошением на имя Николая I и распиской о непричастности к тайному обществу получить свободу. Он и не подозревает, что ему в этом помогает доброе отношение В.И.Всеволодова, составляющего документ о состоянии здоровья, и расположение псковского губернатора Адеркаса, и письмо генерал-губернатора маркиза Паулуччи, в котором было высказано мнение о необходимости выезда Пушкина за границу для лечения.

Стоит заметить, что летом 1826 г. по приказу Николая I по Новоржевскому и Опочецкому уездам путешествует агент полиции Бошняк, собирающий сведения о Пушкине. Встретившись с игуменом Святогорского монастыря Ионой, который был приставлен следить за поэтом и часто встречался с ним, Бошняк спросил: “Не возмущает ли Пушкин крестьян?” На что Иона ответил: “Он ни во что не мешается и живет, как красная девка”.

Наконец, 3 сентября 1826 г. Б.Адеркас получил предписание с требованием царя привезти Пушкина в Москву. Пушкин был волен ехать свободно, но в сопровождении фельдъегеря. Получив письмо губернатора Адеркаса, Пушкин наскоро собрался и поспешил в Псков, а оттуда в Москву, где его ожидал разговор с новым царем.

Как считает Н.Н.Скатов, Пушкин произвел на царя сильнейшее впечатление как “человек зрелый, в полном расцвете творческой силы и могущества ума, создатель «Бориса Годунова» и «Пророка»”. Он почувствовал в нем главу духовной жизни России, освободил из ссылки и от цензуры, о чем в письме к Языкову с радостью писал Пушкин. Хотя за ним был установлен секретный надзор, а царская цензура обернулась вскоре суровой несвободой.

Для приведения в порядок своих дел и творческой работы в начале ноября 1826 г. Пушкин возвращается в Михайловское,

где он проведет около трех недель. Это период плодотворного труда: завершения пятой главы «Евгения Онегина», работы над шестой главой, сочинения записки «О народном воспитании», которую он пишет по заданию Николая I.

В «Записке» Пушкин доказывал вредность частного дворянского воспитания, которое не имеет нравственных примеров и понятий “об истинной чести”, не дает основательных знаний.

Можно предположить, что размышления о народном воспитании будили в нем воспоминания о высоких, глубоко образованных наставниках Лицея: В.М. Малиновском, А.И. Куницыне, о тех, кто учили служить Отечеству.

Будучи свободным, Пушкин особенно остро чувствовал сейчас свою связь с самыми дорогими и несвободными друзьями: Иваном Пушным, Вильгельмом Кюхельбекером. К Пушкину он обращался с самыми задушевными и теплыми словами:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Пушкин в Пскове

«Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина», написанная известным ученым М.А. Цявловским, письма самого поэта позволяют сделать вывод о том, что в последний год ссылки (1826) до вызова в Москву он часто бывает в Пскове. Он приезжает в Псков не только один, но вместе с П.А. Осиповой-Вульф или с Н.М. Языковым: Цявловским установлен один из

псковских адресов: “в доме своего знакомого Г.П. Назимова на Сергиевской улице”. Ныне этого дома на Октябрьском проспекте не существует: он сгорел во время Великой Отечественной войны.

Гаврила Петрович Назимов, псковский помещик, участник войны 1812 г., мог также приглашать Пушкина в свое имение Преображенское, расположенное в Псковском уезде. Он двоюродный брат декабриста Михаила Александровича Назимова, сосланного в Сибирь на поселение, вернувшегося через 20 лет и поселившегося в имении Быстрцово.

Среди псковских знакомых Пушкина – статский советник в отставке и участник Отечественной войны Николай Алексеевич Яхонтов, офицеры – Иван Ермолаевич Великопольский и Федор Иванович Цицианов, переведенные в Псков из Семеновского полка, расквартированного до 1820 г. – времени бунта – в Петербурге. Приятели могли собираться в доме Назимова, посвящая досуги беседам, игре в штосс, стихам, потому что И.Е. Великопольский, любитель литературы, писал стихи, сотрудничал в журналах и альманахах.

Несомненно, что бывал Пушкин в Пскове в доме, где жила семья генерала Ивана Александровича Набокова, жена которого, Екатерина Ивановна приходилась родной сестрой Ивану Пушину, который мог рассказывать Пушкину о Набоковых в январе 1825 г., когда приезжал навестить ссыльного друга. В «Записках» Пущин подробно рассказывает о маршруте этой поездки: “Собираясь на Рождество в Петербург для свидания с родными, я предложил съездить и в Псков к сестре Набоковой; муж ее командовал тогда дивизией, которая там стояла, а оттуда уже рукой подать в Михайловское.”

Когда Пущин в Чите получил из рук А.Г. Муравьевой стихотворение Пушкина “Мой первый друг, мой друг бесценный...”, “переписанное незнакомой рукой” под ним он прочитал: “Псков, 13 декабря 1826”, что дает основание исследователям считать местом его создания Псков. В «Записках» Пущин также отметит, что “в 1842 г. мой брат

Михаил отыскал в Пскове самый подлинник Пушкина...”. Это обстоятельство позволяет предположить, что Екатерина Ивановна Набокова была долгие годы хранительницей пушкинского автографа.

Кроме названных псковских знакомых, Пушкин во время ссылки посещает некоторых чиновников, например, гражданского губернатора Бориса Антоновича фон Адеркаса, который, как писал поэт, “принял... очень мило...”. О “своем аневризме” (предлоге скорее вырваться из ссылки) он советуется с Всеволодом Ивановичем Всеволодовым, инспектором Псковской врачебной управы.

Пушкина-поэта привлекает величие псковской старины: псковского Кремля с башнями и могучими стенами, Троицкого собора, Снетогорского и Мирожского монастырей, церквей, зданий гражданской архитектуры, например, Поганкиных палат, Солодежни и др. Псковская старина помогала погрузиться в эпоху Смутного времени – во время действия исторической трагедии «Борис Годунов», найти верные детали и даже персонажей. Так, в Троицком соборе Пушкин среди могил святых мог увидеть могилу юродивого Николки, который, по преданию, помог псковичам усмирить гнев Ивана Грозного. Юродивый Николка появляется в одной из кульминационных сцен трагедии, вслух высказывает Борису Годунову народную правду: “...нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит”.

Пушкин, с большим удовлетворением относившийся к своей трагедии, с любовью писал в письме к Вяземскому о юродивом Николке: “Юродивый мой малый презабавный”. И здесь же упоминал архиепископа Евгения, с которым, как с человеком больших познаний о старине, он встречался в Пскове: “тамошний архиерей отец Евгений принял меня как «отца Евгения»”. Игра слов помогает понять интерес, с каким относился Евгений Казанцев к Пушкину – автору «Евгения Онегина».

Первый биограф Пушкина П.В. Анненсков считал, что пребывание Пушкина в Пскове способствовало изучению народной жизни: “Он изыскивал средства для отыскания живой народной речи в самом ее источнике; ходил по базарам, терся, что называется между людьми, и весьма почтенные люди города видели его переодетым в мещанский костюм, в котором он даже раз явился в один из почтенных домов Пскова”.

1827 год

Летом 1827 г. Пушкин приезжает в Михайловское, чтобы быть рядом с няней и своими друзьями в Тригорском. Он первый поэт России, автор «Стихотворений», вышедших в 1826 г. и «Евгения Онегина», участник литературных изданий: журнала «Московский вестник» и альманаха «Северные цветы».

В письме к Дельвигу, издателю «Северных цветов», от 31 июля Пушкин выражал надежду “много написать в деревне”. В письме к М.П. Погодину, издателю журнала «Московский вестник», объяснял, как сделать его самым читаемым современным изданием, отчитывался о тех произведениях, которые были написаны в этот приезд в Михайловском для «Вестника». Погодину в письме записывал стихотворение для публикации в журнале без названия, позволяя его назвать:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепется,
Как пробудившийся орел.

Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

Кроме стихотворения, которому Пушкин даст впоследствии название «Поэт», в этот приезд будут написаны также «Послание к Дельвигу», «Акафист Е.Н. Карамзиной», завершена VI глава «Евгения Онегина».

Самым значительным в этот приезд было обращение к прозе: Пушкин начнет писать роман «**Арап Петра Великого**» (так называли его при первой публикации в 1837 г.).

По жанру – это исторический роман, главным героем которого является прадед Пушкина – Абрам Петрович Ганнибал, лицо историческое. Избирая сюжет об Арапе Петра Великого, Пушкин осуществлял свою мечту написать его “полную биографию”. При этом он обратился к документам и тем семейным преданиям, которые смог собрать у своего двоюродного деда Петра Абрамовича Ганнибала, жившего в соседнем с Михайловским селе Петровском.

Не случайно еще в период Михайловской ссылки Пушкиным было составлено примечание к стиху “Под небом Африки моей” из I главы «Евгения Онегина», которая вышла из печати в 1825 г.:

“Автор со стороны матери происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал на 8 году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь. Российский посланник, выручив его, послал в подарок Петру Великому, который крестил его в Вильне. Вслед за ним брат его приезжал сперва в Константинополь, а потом и в Петербург, предлагая за него выкуп, но Петр I не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибал помнил еще

Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих он был меньшей...”

В пространным примечании Пушкин подробно прослеживал имеющую историческое значение судьбу прадеда: его ссылку в царствование Анны Иоановны, милости Елизаветы, окончание служебной карьеры в чине генерал-лейтенанта в эпоху Екатерины.

В романе «Арап Петра Великого» Ибрагим – главный друг и сподвижник Петра, который принимает активное участие в его судьбе и жизни. Изображение главных героев – Петра I и Ибрагима, выявляет задачу Пушкина – воссоздать прошлое в традициях В.Скотта, исторические романы которого он высоко ценил, считал, что “мы знакомимся с прошедшим временем... современно... домашним образом”.

Свой роман Пушкин пишет именно так. Петр I показан здесь не только как великий преобразователь русской жизни, но и в большей степени в бытовой обстановке: в кругу семьи, в доме боярина Ржевского, устраивающим судьбу своего любимого крестника Ибрагима. Отступая иногда от исторической последовательности, Пушкин стремится к документальной точности, опираясь на историческое сочинение И.И. Голикова «Деяния Петра Великого» или биографию Ганнибала, написанную на немецком языке. Эти источники помогли Пушкину создать историко-бытовые сцены, например, такие, как ассамблея или обед у боярина Гаврилы Афанасьевича Ржевского. В них все, вплоть до деталей, выразительно и правдиво, не говоря об изображении характеров: пустого малого Корсакова, широкого по натуре Петра и т.д.

Даже речь разных героев несет отпечаток особенностей изображаемой эпохи. Так в «Арапе Петра Великого» появляются черты подлинного реализма.

Пушкин останавливает работу над романом в тот момент, когда повествование доведено до завершенной завязки: дочь Ржевского Наташа, влюбленная в воспитанника своего отца

Валериана, по желанию Петра должна стать женой его крестника.

Причину незавершенности романа изучали многие ученые. Один из них считает, что “повествование в большой прозаической форме, задуманной Пушкиным, оказывается неразрешенной задачей”, что в области русской прозы 20-х годов XIX века – явление закономерное. Но с 1827 г., со времени работы над историческим романом «Арап Петра Великого» прослеживается “непрерывное развитие Пушкина-прозаика”. Пушкинская проза этого времени имеет решающее значение для развития всей русской прозы.

Лето-осень 1827 г. Пушкин в последний раз проводит в Михайловском в общении с няней Ариной Родионовной Яковлевой, которой суждено умереть летом 1828 г. в доме своей старшей воспитанницы – Ольги Сергеевны, сестры Пушкина. В 1826 г. Пушкин напишет обращенное к ней, исполненное любовью стихотворение:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь;
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

Арина Родионовна – национальный тип русской женщины, который поэт воплотил в своем “самом душевном произведении” (Белинский В.Г.) – романе «Евгений Онегин» в образе няни Татьяны. Она, искренне любя Пушкина, скрашивала дни его ссылки, а когда он уехал, часто вспоминала его, “писала”

ему письма. Вот одно из них, записанное Анной Вульф под диктовку в марте 1827 г.: “Любезный мой друг, Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна – вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забывает. Ваше обещание к нам побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю... а вас буду ожидать и молить Бога, чтоб он дал нам свидеться... Прощай, мой батюшка, Александр Сергеевич... Я слава Богу здорова, цалую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна”.

По дороге в Петербург 14 октября 1827 г. Пушкин на станции Залазы (ныне Новгородская область) остановился в тот момент, когда там находилась партия арестантов. Среди них он неожиданно узнал Вильгельма Кюхельбекера, своего лицейского товарища, которого везли из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую (ныне город Даугавпилс). Пушкин так описал эту встречу: “Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородой, в фризовой шинели... Увидев меня, он с живостью на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга – и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательствами – я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали.” Так произошла последняя в жизни встреча друзей.

1835 год

Почти через 7 лет в 1835 г. Пушкин приезжает в Псковскую губернию дважды: в мае на 5 дней, а затем на полтора месяца осенью в сентябре-октябре. 2 мая он просил отпуск для поездки в Псковскую деревню на 28 дней, но пробыл там лишь несколько дней.

К этому времени Пушкин – отец семейства. 26 мая 1835 г. у Натальи Николаевны в Петербурге родился третий ребенок – сын Григорий. Видимо, с его рождением связано кратковременное пребывание Пушкина в Михайловском в мае.

В этот период жизни Пушкин мечтает о деревне, где он бы смог много и плодотворно работать. В 1834 г. в стихах, обращенных к жене, он пишет:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

С просьбой о длительном отпуске на 3-4 года Пушкин обращается к Бенкендорфу: “Нынче я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только беспокойство и хлопоты, а может быть, - нищету и отчаянье. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия...” Но Пушкину дали отпуск лишь на 4 месяца. Он выехал из Петербурга в Михайловское 7 сентября 1835 г.

Приехав в родные места, Пушкин не может отдаться творчеству, как в прежние годы: в его письмах к жене постоянные жалобы на отсутствие вдохновения, которое требует “сердечного спокойствия”, постоянные размышления о будущей семейной жизни: “А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет?”

Из другого письма Пушкина узнаем: “Я провожу время очень однообразно. Утром дела не делаю, а так из пустого в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу.”

В Тригорском его по-прежнему встречает Прасковья Александровну Осипова, но нет там ее падчерицы Александры Ивановны и дочери Евпраксии Николаевны, которые вышли замуж. Первая стала Беклешевой и жила в Пскове, вторая –

баронессой Вревской, жила в имении своего мужа Голубове в двадцати верстах от Тригорского.

По дневниковым записям Вревского и письмам Пушкина они бывали друг у друга в гостях: Пушкин в Голубове, где сажал в парке деревья и цветы, брал в библиотеке хозяев нужные книги, а Вревский играл в Михайловском с поэтом в шахматы.

25 сентября 1835 г. Пушкин пишет жене письмо о тех изменениях, которые здесь произошли: “В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу.”

Письму Пушкина свойственно мудрое восприятие тех изменений, подчас жестоких, которые несет человеку время: “... все кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да подурнел...”

Как и в письме, тема времени и воспоминаний о прошлом звучит в стихотворении, датированном 26 сентября:

... Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных,
Уж десять лет ушло с тех пор – и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я...

Стихи написаны пятистопным безрифменным ямбом, звучат торжественно, неторопливо и размеренно. Графически (точками) подчеркнута открытость композиции, ее фрагментарность. Стихи являются воспоминанием о прошлом, размышлением о настоящем и будущем.

В стихах “внимательно всматривается поэт в прошлое и восстанавливает поэтические моменты узнавания прошедшего.

Поэт замечает перемены и в себе, и в природе (в пейзаже), но в первую очередь, стремится уловить то, что осталось неизменным, радостно узнаваемым, как будто в этих деталях он видит остановленное, возвращенное время” (Слинина Э.В.). Поэт останавливает свои воспоминания на домике няни, “холме лесистом”, озере, мельнице, неторопливо воссоздавая картины родных мест как будто не поэтическим, а прозаическим словом: “убогий невод”, “мельница скривилась”, “насилу крылья ворочая при ветре”... Точность картин поразительна.

Окружающий мир только в целом кажется прежним, на самом деле он так же, как и сам поэт, изменился. Об этом говорят образы сосен, олицетворяющие и прошлое, и настоящее:

На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят – одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, - здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они все те же,
Все тот же их знакомый уху шорох -
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь молодая роща разрослась,
Зеленая семья, кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему все пусто...

Эта кульминационная часть стихотворения, в которой зримо пересекались два мира: природный и человеческий: сосны сравниваются с детьми; одна сосна – олицетворяет “угрюмого товарища” и “старого холостяка”.

Кульминация напоминает строки приведенного письма к жене, где Пушкин сравнивает себя с “молодыми кавалергардами на балах”, соотнося их, в свою очередь, с “молодой сосновой семьей”.

Однако в мире человека время – неумолимо и жестоко, в отличие от мира природы, “равнодушно и вечно сияющей”. Вот почему образы сосен олицетворяют не только прошлое и настоящее, но и будущее:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего...

Непреложен закон природы, заключающийся в обновлении, как непреложен и закон человеческой жизни, заключающийся в постоянной смене поколений. Осознавая и гармонию, и трагедию закона человеческой жизни, Пушкин мужественно принимает его, с любовью и надеждой глядя в будущее, которое олицетворяется и в образах сосен, и в образе “моего внука”.

Поэт, таким образом, встает над временем, которое теряет власть над ним.

1836-1837 года

В апреле 1836 г. Пушкин последний раз приезжает в псковскую деревню: он привозит в Святые Горы хоронить мать, умершую 29 марта.

Надежду Осиповну похоронили в Святых Горах недалеко от могилы ее родителей у алтарной стены Успенского собора. А Пушкин в этот приезд купил место для себя рядом, заплатив деньги в кассу монастыря.

Пройдет около десяти месяцев, и тело умершего в результате дуэли Пушкина сюда же в Святые Горы привезут А.И. Тургенев, его старый друг, и Никита Козлов, верный дядька. Так случилось, что траурный поезд подъедет к Тригорскому, не добравшись до Святых Гор. Об этом сохранились воспоминания Екатерины Ивановны, младшей дочери Прасковьи Александровны Осиповой: “В ту зиму морозы стояли страшные. Такой же мороз был и 5 февраля 1837 г. Матушка недомогаала и после обеда... прилегла отдохнуть. Вдруг видим в окно: едет к нам возок с какими-то двумя людьми, а за ним длинные сани с ящиком. Мы разбудили мать, вышли навстречу гостям: видим, наш старый знакомый Александр Иванович Тургенев. По-французски рассказал Тургенев матушке, что приехали они с телом Пушкина, но, не зная хорошенько дороги в монастырь,... приехали сюда. Какой ведь случай! Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтоб не проститься с Тригорским и с нами... Наутро, чем свет, поехали наши гости хоронить Пушкина, а с ними и мы обе – сестра Маша и я...”.

Справедливо писал С.С. Гейченко: “Пушкина хоронили дважды. Первый раз его хоронил в 1837 году А.И. Тургенев. Второй раз хоронила Наталья Николаевна и дети – в 1841 году...” Она заказала памятник – надгробие петербургскому мастеру Александру Ивановичу Пермагорову в 1839 г., летом 1841 г. на могиле Пушкина был утановлен памятник, и она приобрела хорошо известный сейчас вид.

Пётр Андреевич Вяземский

Петр Андреевич Вяземский (1792 -1878)

Петр Андреевич Вяземский - один из самых любимых адресатов и активных корреспондентов Пушкина в суровую годину Михайловской ссылки. Со своим другом Пушкин мог говорить в письмах обо всем: о творчестве, о конфликтах с властью, о делах литературных, семейных и интимных. Открытость человека и художника - это главная черта и писем Вяземского. Вот почему их эпистолярному наследию свойственны нецензурные выражения, крепкие словечки, полная откровенность, которые не рассчитаны на посторонних.

С Петром Андреевичем Вяземским Пушкин знаком с середины 10-х гг., со времени учебы в Лицее. А с 1815 г. они - члены литературного общества «Арзамас»; защитники карамзинской реформы литературного языка. На протяжении всей жизни Вяземский осознает свою принадлежность к «арзамасскому братству», трагически, особенно после смерти Пушкина, воспринимая то направление, по которому развивается русская литература.

Вяземский - замечательный поэт. Пушкин ценил некоторые его стихотворения: «Первый снег», «Уныние». Не случайно эпиграфом к I главе «Евгения Онегина» стала строка из «Первого снега» (1819): «И жить торопиться, и чувствовать спешит». Другие стихи Пушкин мог критиковать, подробно разбирая в письмах каждый стих или слово.

Пушкин ценил также блестящий талант Вяземского-критика и полемиста. Ведь он был первым, кто написал критические статьи о романтических поэмах Пушкина: «Кавказском пленнике» (1822), «Бахчисарайском фонтане» (1824) и «Цыганах» (1827). «Критические статьи князя Вяземского, - пишет Пушкин, - носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить». Любил Пушкин и сочинения по истории русской литературы: о Державине, Фонвизине, В.А. Озерове и др.

С восхищением о своем друге Пушкин пишет в стихах:

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство,
знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

Переписка Пушкина и Вяземского дает представление об их дружбе, о широчайших интересах, необыкновенной талантливости в восприятии жизни России: литературной, политической, исторической.

Письма также освещают историю создания самых значительных сочинений Пушкина, над которыми он работал в 1824 - 1826 гг. Например, в них можно проследить историю и особенности работы над самым значительным завершенным произведением Михайловской ссылки - исторической трагедией **«Борис Годунов»**. Так, начатая в октябре-ноябре 1824 г., она активно обсуждается с Вяземским, которому Пушкин сообщает в письме от 13 и 15 сентября 1825 г.: «Сегодня кончил я вторую часть моей трагедии - всех, думаю, будет четыре. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однако ж, этого никому». Только Вяземскому Пушкин откровенно может написать о том, что характер Марины Мнишек он создает под впечатлением Екатерины Николаевны Орловой - жены Михаила Федоровича Орлова, декабриста. Екатерина Николаевна – старшая дочь героя войны 1812 г. - генерала Н.Н. Раевского, с которой Пушкин был знаком с юности. В одном из писем он признавался:

«Все его дочери - прелесть, старшая - женщина необыкновенная». Под влиянием Екатерины Орловой - женщины умной, властной и гордой, в трагедии Пушкина, таким образом, не только возникает яркий женский характер, но и живет полной жизнью, движет действие.

С Вяземским в этом же письме обсуждается и другой характер одного из главных героев. «Благодарю тебя и за

замечание Карамзина о характере Бориса, - пишет Пушкин. Оно мне очень пригodiлось. Я смотрел на его с политической точки, не замечая поэтической его стороны; я его засажу за евангелие, заставлю читать повесть об Ироде...». Благодаря Вяземскому, который выступает посредником между Карамзиным, автором «Истории Государства Российского», и Пушкиным, характер Бориса Годунова обрeтает истинно трагическую противоречивость, разносторонность.

В письме к Вяземскому (около 7 ноября 1825 г.) Пушкин будет говорить о других характерах, например, юродивого или «капитана Маржерота, который все по-матерну бранится».

В этом письме Пушкин делится с Вяземским своим торжеством - завершением работы над «Борисом Годуновым» - победой художника. Здесь и осознание своей поэтической зрелости, своей гениальности: «Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

Взаимная переписка Пушкина и Вяземского интересна как отражение их творческой биографии: в письмах можно проследить рождение окончательного текста стихотворения Вяземского «Водопад». Это стихотворение он пишет в Ревеле, откуда 6 августа 1825 г. посылает в письмо в Михайловское под названием «**Нарвский водопад**». Вяземский предполагал отдать его Дельвигу в альманах «Северные цветы». Вот первые две строфы:

Несись с неукротимым гневом,
Сердитой влаги Властелин,
Над тишиной окрестной ревом
Господствуй, бурный исполин!

Жемчужною, кипящей лавой,
За валом низвергая вал,
Мятежный, дикой, величавый,
Перебегай ступени скал!

Полный текст стихотворения - десять четверостиший. «Я доволен тут одним нравственным применением, но стихи что-то холодны! - откровенно признается автор Пушкину. - Я совсем отвык от стихов. Я говорю, как на иностранном языке: можно угадать мысли и чувства, но нет для слушателей увлечения красноречия». Пушкин отвечал Вяземскому в письме от 14 - 15 августа 1825 г.: «Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807-го года на славяноросском». Далее в письме самым тщательным образом прочитаны каждая строка стихотворения. «Благодарю очень за «Водопад». Давай мутить его сейчас же,

... с гневом
сердитый влаги Властелин –

Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, например, сказать о молнии властительница небесного огня? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяй его с каких-нибудь стремнин, вершин и тому подобное», -доброжелательно, с любовью разбирает стихи Вяземского Пушкин.

Ответное письмо Вяземского из Царского Села от 26 августа и 6 сентября 1825 г. - это разговор поэтов на равных. Вяземский и спорит, и соглашается: «Междоусобные воды: я и сам знал, что это не совсем правильно, и Жуковский тебя подтверждает. ...Позвольте, ваше благородие! Оно не правильно, а все-таки лучше!» По-дружески интимно подводил Вяземский итог разговору в письмах о «Водопаде»: «Вбей в голову, что этот весь водопад не что иное, как человек, взбитый внезапною страстию. С этой точки зрения, кажется, все части соглашаются, и все выражения получают une arriere pensee (подоплеку), которая отзывается везде».

По письмам Пушкина и Вяземского времени Михайловской ссылки достаточно полно можно воссоздать литературное движение времени, момент появления «Горя от ума» Грибоедова, поэмы «Войнаровский» Рылеева и его «Дум»... Вот что Пушкин

пишет о комедии Грибоедова: «Читал я Чацкого - много ума и смешного в стихах, но во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен». Это хорошо известное высказывание Пушкина, адресованное Вяземскому, относится к 28 апреля 1825 г. Пишет письмо Пушкин в Тригорском.

А летом того же года Пушкин в письме к Вяземскому сравнивает рылеевского «Войнаровского» с поэмой Козлова «Чернец»: поэма Козлова, по словам Пушкина, «полна чувства и умнее «Войнаровского», но в Рылееве есть более замашки или размашки в слоге». Пушкин выделяет образ палача «с засученными рукавами, за которого... бы дорого дал».

Из этого же письма известно о пушкинской оценке статьи Вяземского «Жуковский. - Пушкин. - О новой пиитике басен», напечатанной в журнале «Московский телеграф».

Для Пушкина это «европейская статья», где есть «вкус и пристрастие дружбы». Вот почему он, восстанавливая «справедливость», уточняет оценки Вяземского: «Я не следствие, а точно ученик его [Жуковского - Н.Ц.] и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной». Пушкин на своего предшественника смотрит как историк литературы, как поэт и как критик: «Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его. В бореньях с трудностью силач необычайный».

В письмах Пушкина и Вяземского периода Михайловской ссылки происходит не только диалог критиков, но и диалог поэтов. Так, исследователи не раз отмечали влияние на Пушкина стихотворения Вяземского «Первый снег», которое можно выявить в V главе романа «Евгений Онегин». V главу Пушкин писал в Михайловском с января 1826 г. Начинается она описанием зимы, которая предстает в восприятии Татьяны, крестьянина, «дворового мальчика», самого поэта, мальчишек, катающихся на коньках, т.е. она многолика в изображении Пушкина, в отличие от изображения зимы в стихотворении «Первый снег». Вяземский создает образ зимы «как праздник

счастливой, полной сил и здоровья молодости» (Г.М. Фридлендер). Вот почему после картин зимы в V главе Пушкин полемически вспоминает «другого поэта», то есть Вяземского:

Но может быть, такого рода
 Картины вас не привлекают:
 Все это низкая природа;
 Изящного не много тут.
 Согретый вдохновенья богом,
 Другой поэт роскошным слогом
 Живописал нам первый снег
 И все оттенки зимних нег;
 Он вас пленит, я в том уверен,
 Рисуя в пламенных стихах
 Прогулки тайные в санях...

Пушкин в «Евгении Онегине», как считает исследователь, вступает в соревнование с автором «Первого снега», «добиваясь более широкого и разностороннего изображения картин зимней природы и зимней жизни, взятых с разных точек зрения...». (Г.М. Фридлендер).

Также соревнуется и полемизирует с Вяземским Пушкин в VII главе «Евгения Онегина», которую он писал в Михайловском в 1827г. наряду с «Арапом Петра Великого», в описании дорог, реалистически точном и ироническом:

Теперь у нас дороги плохи,
 Мосты забытые гниют,
 На станциях клопы да блохи
 Заснуть минуты не дают;
 Трактиров нет...

К первому стиху Пушкин дает в конце главы сноску на стихотворение Вяземского «Станция», насквозь ироническое:

Дороги наши - сад для глаз:
 Деревья, с дерном вал, канавы;
 Работы много, много славы,
 Да жаль, проезда нет подчас...

Влияние «Евгения Онегина» можно заметить в стихотворении Вяземского «Коляска», где так же, как и в романе Пушкина, органически сочетаются и дружеская болтовня, и сатирические бытовые зарисовки, и лирика. И это закономерно, потому что оба поэта, Вяземский и Пушкин, близки в понимании задач русской литературы в 10-20-е гг.

Не случайно Пушкин и Вяземский серьезно думали о создании своего общего печатного издания, при этом каждый из них был постоянным участником журнала ему по духу до конца не близкого: Вяземский сотрудничал в журнале «Московский телеграф» братьев Полевых; Пушкин - в «Московском вестнике» М.П. Погодина. 9 ноября 1826 г. Пушкин пишет другу из Михайловского в Петербург: «... никогда порядочные литераторы вместе у нас ничего не произведут! все в одиночку. Полевой, Погодин, Сушков... кто бы ни издавал журнал, все равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно... Согласись со мной, что ему [Погодину - Н.Ц.] невозможно доверить издания журнала, освященного нашими именами. Впрочем, ничего не ушло. Может быть, не Погодин, а я буду хозяином нового журнала».

Пушкин имеет в виду журнал «Московский вестник», который во время его приезда из Михайловской ссылки в Москву на встречу с Николаем I организовывали молодые литераторы: М. Погодин, Д. Веневитинов, С. Шевырев и др. Он начнет выходить со следующего 1827 г. при активном участии Пушкина, хотя поэт не во всем будет согласен с московскими литераторами. Вяземский в этот период останется по-прежнему сотрудником «Московского телеграфа» Полевого.

Стать во главе журнала Пушкин сможет лишь в 1836 г.: в «Современнике», активные участники которого Вяземский и другие литераторы пушкинского круга.

А пока Пушкин находится в Михайловской ссылке, друзья заботливо поддерживают друг друга в разных жизненных обстоятельствах. Пушкин сочувствует горю Вяземских,

потерявших малолетнего сына (письмо от второй половины мая 1826 г.). Вяземский помогает Пушкину решить проблему, связанную с лечением аневризма (письмо от конца августа и 6 сентября 1825 г.). До глубины души обеспокоенный постоянными жалобами на аневризм, который для Пушкина был предлогом вырваться из ссылки, Вяземский и не подозревает их истинных причин.

Письма друзей периода июня-июля 1826 г. - свидетельство их глубокого горя в связи со смертью Н.М. Карамзина.

Обсуждения событий 14 декабря 1825 г., которые серьезно затронули и Пушкина, и Вяземского (один исследователь назвал его «декабристом без декабря»), мы не найдем в письмах друзей: они намеренно прерывают свою переписку на два месяца. И все же подавленность настроения и некоторые оговорки, проскальзывающие в их диалоге, позволяют понять, что они были хорошо осведомлены о всех событиях, связанных с судьбой декабристов, вместе их переживали. Например, письмо от конца апреля - начала мая 1826 г. Пушкин начинает так: «Милый мой Вяземский, ты молчишь и я молчу; и хорошо делаем - потолкуем когда-нибудь на досуге». В августе этого же года Пушкин как будто проговаривается в письме к Вяземскому: «Еще все-таки я надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна». К сожалению, пушкинские надежды на Николая I не оправдаются: он ничего не смягчит в приговоре над декабристами и после коронации.

Любовь, доброе расположение к Вяземскому и его семье выражаются в замечательных обращениях Пушкина. Иногда он дает им шуточные имена, напоминающие героев русских комедий XVIII века: «Прощай, князь Вертопрахин, кланяйся княгине Ветроне, которая, надеюсь, выздоровела». Иногда «играет» словом: «Ангел мой Вяземский или пряник мой Вяземский, получил я письмо твоей жены...». Иногда изливается в дружеском послании, приписанном в самом конце письма:

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,

Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетюшки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка - не дядя твой,
Но, милый, - музы наши сестры,
Итак, ты все же братец мой.

После ссылки Пушкина друзей объединит литературное сотрудничество, о котором они так мечтали в письмах, в «Литературной газете», разрешение на издание которой Дельвиг получит в 1830 г., а затем будет журнал «Современник». Эти издания объединят писателей пушкинского круга, станут общественной силой против официальной продажной журналистики.

В связи со смертью Пушкина Вяземский перенес сильное потрясение. Он понимал, что гибель поэта - огромная потеря для всей России. В год смерти Пушкина Вяземский пишет стихотворение «На память»:

Я вас напутствую единым скорбным словом –
Затем, что скорбь моя превыше сил моих;
И, верный памятник сердечных слез и стона,
Вам затвердит одно рыдающий мой стих:
Что яркая звезда с родного небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой,
Что песни лучшие поэзии родной
Внезапно замерли на лире онемелой...

...

Что навсегда умолк любимый наш поэт,
Что скорбь постигла нас, что Пушкина уж нет.

После смерти Пушкина для Вяземского побывать в Михайловском - самое заветное желание. И когда летом 1841 г. Наталья Николаевна Пушкина с детьми живет в псковской деревне, Вяземский к ней в письме сообщает: «Смерть мне хочется побывать у вас...». В другом письме к ней Вяземский признается: «Я еще не теряю надежды явиться к моей помещице...».

Из писем к А. И. Тургеневу известно, что в сентябре 1841 г. Вяземский побывал в Михайловском и Святых Горах. Вот что он писал: «В конце сентября я ездил на поклонение к живой и мертвому, в знакомое тебе Михайловское к Пушкиной. Прожил у нее с неделю, бродил по следам Пушкина и Онегина».

П.В. Нащокину, московскому другу Пушкина, Вяземский сообщал в декабре 1841 г.: «Я провел нынешнюю осень несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где все исполнено «Онегиным» и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолюдинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине.»

Когда Вяземский возвращался в Царское Село, он еще бродил день по тому Пскову, который любил и знал Пушкин.

Антон Антонович Дельвиг

Антон Антонович Дельвиг
(1798-1831)

Дельвиг - друг Пушкина с лицейских лет, приезжает к нему в ссылку в Михайловское в середине апреля 1825 года, проводит здесь несколько дней. Об этом событии Пушкин писал в стихотворении «19 октября»:

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главою поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

Встречи с Дельвигом Пушкин ожидает долго, с нетерпением, в письмах к брату Льву эти чувства прорываются постоянно: «Дельвига с нетерпением ожидаю», «Мочи нет, хочется Дельвига», «Торопи Дельвига». А Дельвига задерживали в Петербурге разные обстоятельства. Одно из них наводнение 1824 года, в котором пострадал тираж альманаха «Северные цветы», редактором которого он был.

Затем уже собравшийся к Пушкину Дельвиг был задержан приездом отца, который увез его в Витебск. Об этом он и напишет в письме к Пушкину от 20 марта 1825 года: «Милый Пушкин, вообрази себе, как меня судьба отдаляет от Михайловского. Я уже было готов отправиться за Прасковьей Александровной [Осиповой - хозяйкой Тригорского - Н.Ц.] к тебе, вдруг приезжает ко мне отец и берет с собою в Витебск. Отлагаю свиданье наше до 11-го марта, и тут вышло не по-моему. На четвертый день приезда моего к своим попадаюсь в руки короткой знакомой твоей, в руки Горячки, которая посетила меня не одна, а с воспалением в правом боку и груди. Кровапоускание и шпанские мухи сократили их посещение, и я

теперь выздоравливаю и собираюсь выехать из Витебска в четверг на святой неделе, следовательно, в субботу у тебя буду».

Дельвиг приехал в Михайловское в середине апреля и провел там несколько дней. Можно представить, как разлученные рядом лет друзья вспоминали Лицей, говорили о литературе, политике, близких.

Несомненно, что бывали они в гостях в соседнем Тригорском, где их ожидали, по выражению Дельвига, «царицы гор» - Прасковья Александровна и ее дочери, любящие и знающие литературу.

В письме брату Пушкин передает нам атмосферу тех дней: «Наши барышни все в него влюбились - а он [Дельвиг - Н.Ц.] равнодушен, как колода, любит лежать на постели, восхищаясь Чигиринским Старостою». И в обществе мало знакомом, как видно, Дельвиг умеет сохранить мир своей души, своих интересов, среди которых интерес к литературе - самый главный, поэтому он с жадностью отдается чтению нового произведения Рылеева - поэме «Наливайко», отрывок из которой «Смерть Чигиринского Старосты» был напечатан в альманахе «Полярная Звезда». Можно предположить, что этот альманах Дельвиг привез в Михайловское.

Привез он своему другу и стихи дяди Василия Львовича «К ней», в которых было обращение к умершей сестре Анне Львовне. Приторно сентиментальное послание стало предметом шуток друзей, из которых родилась совместная пародия «Элегия на смерть Анны Львовны»:

Ох, тетенька! Ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровный,
Тебя встречал среди двора.

Давно ли с Ольгою Сергевной,
 Со Львом Сергеичем давно ль,
 Как бы на смех судьбине гневной,
 Ты разделяла хлеб да соль ...

Пушкин вместе с Дельвигом шалят, выплескивая поэтическое остроумие в пародии. А ведь когда до Михайловского дошло известие о смерти Анны Львовны, племянник живо откликнулся на него достойным поступком, о чем писал к брату: «... вот важное: тетка умерла! Еду завтра в Святые Горы и велю отпеть молебен...» Пародия, написанная друзьями, метила совсем не в умершую, а в живого дядюшку, поэта, стихи которого казались им излишне слезливыми в выражении чувств и потому не могли не вызвать поэтическую шалость. Видимо, остроумный Дельвиг и подбил Пушкина.

Но в Москве и Петербурге стихи стали известны и были восприняты разгневанными родственниками Пушкина как его сочинение. Вот почему в письме Вяземскому он вынужден был оправдываться: «Ради Бога докажи Василию Львовичу, что «Элегия на смерть Анны Львовны» не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника ... Дело в том, что, конечно, Дельвиг более виноват, чем я».

Атмосфера одиночества с приездом Дельвига была разрушена: друзья «возвращались» в те далекие и незабываемые годы Лицея, который их подружил. Здесь они оба начинались как поэты. Причем первым стал печататься Дельвиг. «Я знал его в Лицее, - писал Пушкин Плетневу после смерти Дельвига, - был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского - с ним толковал обо всем, что душу волнует, что сердце томит».

Дельвигу принадлежат стихи, написанные в Лицее с отзывом о Пушкине, которые стали известны читающей публике:

Пушкин! Он и в лесах не укроется:
 Лира выдаст его громким пением,
 И от смертных восхитит бессмертного
 Аполлон на Олимп торжествующий.

Так писал в 1815 году Дельвиг, восторженно принимающий гениальный дар своего товарища. Вместе с Пушкиным они издают рукописные журналы. Дельвиг выступает в одном из них цензором. Вместе переживают события Отечественной войны 1812 года, которые затем отражаются в их стихах. Так, Дельвиг написал **«На взятие Парижа»**, а Пушкин **«Воспоминания в Царском Селе»**. За подписью «Русской» стихи Дельвига были опубликованы в журнале «Вестник Европы». А стихи Пушкина вызвали всеобщий восторг всех присутствующих, в том числе Г.Р. Державина, когда их читал автор на экзамене при переходе из младшего в старшее отделение в январе 1815 года. В том же году стихи опубликованы в журнале «Русский музеум».

В Лицее Дельвига полностью поглощают литературные занятия, в других областях он успехами не блистал. В характеристике, написанной директором Е.А. Энгельгардтом, было отмечено: «В его играх и шутках проявляется определенное ироническое остроумие, которое после нескольких сатирических стихотворений сделало его любимцем товарищей... он без выбора глотает книги, которые раздобывает всякими путями и большей частью тайно читает в классе. В русской литературе он, пожалуй, самый образованный».

Дельвиг стал автором **«Прощальной песни воспитанников Царскосельского Лицея»**, которую пели лицеисты первого, пушкинского выпуска в день 19 октября (дата открытия Лицея) каждый раз, когда собирались. В ней выражены особенные чувства друзей, обреченных на разлуку:

Простимся братья! Руку в руку!
 Обнимемся в последний раз!
 Судьба на вечную разлуку,
 Быть может, здесь сроднила нас!

После окончания Лицея дружба Дельвига и Пушкина продолжалась, становилась более близкой. Дельвиг сближается также с видными литераторами Петербурга: Жуковским, Плетневым, Баратынским, Рылеевым, Бестужевым. Его привлекает литературный труд, он участвует в разных литературных объединениях. Среди них «Зеленая лампа», находящаяся под влиянием Союза спасения, политической организации - прообраза декабристского общества. Он участвует в «Зеленой лампе» вместе с Пушкиным.

В 1819 году Дельвиг совместно с поэтом Баратынским пишут стихотворение, от которого, по воспоминанию их современника, Пушкин помирал со смеху, заставляя Баратынского снова и снова декламировать жизнеописание двух поэтов, сделанное в «пышных гекзаметрах»:

Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком,
Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом.

Тихо жили они, за квартиру платили не много,
В лавочку были должны, дома обедали редко,
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они в дождик пешком, в панталонах трикотовых,
тонких,

Руки спрятав в карман (перчаток они не имели!),
Шли и твердили шутя: какое в россиянах чувство!

Стихи написаны торжественным размером - гекзаметром, который употреблялся при описании высоких героев и великих событий. Простодушный рассказ о незатейливом быте друзей, изложенный гекзаметром, создает эффект пародии. Но для Дельвига - это поиски своего поэтического выражения, когда он сознательно «одомашнивает высокий стиль, традиционно связываемый с античными, классическими реалиями» (Рассадин Ст.)

С 1821 года Дельвиг поступает на службу в Публичную библиотеку под начальство И.А.Крылова. Здесь же служили и другие видные литературы. Дельвиг в Публичной библиотеке гораздо больше уделяет внимания изучению греческого языка

и античной литературы, чем службе. Он как будто погружается в мир древности, да и стихи его имеют теперь особую форму. Он начинает писать идиллии, произведения, в которых изображается повседневная жизнь небогатых простолюдинов, чаще пастухов, в согласии с миром своих чувств, с природой. Идиллия - это жанр античной литературы.

Пушкина произведения Дельвига восхитили: «Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное чутье изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть...».

Впоследствии Пушкин с восхищением будет сравнивать идиллии Дельвига с поэзией Феокрита - древнегреческого поэта, который вошел в историю мировой литературы как автор этого жанра. В стихотворении 1829 года Пушкин писал:

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?

В веке железном, скажи, кто золотой угадал?

Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец?

Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

В идиллиях и элегиях Дельвиг создает свой идеал жизни, в которой главное принадлежит общечеловеческим категориям, не испорченным современным обществом. В этом идеале прочные душевные ценности (любовь, дружба, верность, мудрость, любовь к поэзии и др.) занимают первое место. Например, в идиллии «Дамон» об этом прямо говорят ее герои-пастухи и пастушки:

Возвращаясь

К своим шалашам, пастухи и пастушки: О боги,

Молились, пошлите вы нам добродетель и мудрость!

Пусть весело встретим мы старость, подобно Дамону!

Пусть так же без грусти, но с тихой улыбкою скажем:

«Бывало, любили меня, а нынче не любят!»

«Элегия» - самое известное стихотворение Дельвига:

Когда, душа, просилась ты
 Погибнуть иль любить,
 Когда желанья и мечты
 К тебе теснились жить,
 Когда еще я не пил слез
 Из чаши бытия, -
 Зачем тогда, в венке из роз,
 К теням не отбыл я!

Как считает современный литературовед Станислав Рассадин, стихи, хотя и написаны до женитьбы Дельвига, хорошо передают причину его страданий, связанных с семейной драмой - неверностью жены. «... ее [«Элегии» - Н.Ц.] максимализм, - пишет ученый, - был предчувствием любви, даже предчувствием рокового выбора: «погибнуть иль любить». На жизнь или на смерть». Все или ничего. Таков был этот вяловатый, рыхлый, благодущнейший человек, «ленивец сонный», «Лентяев».

К концу «Элегия» передает максимально трагическое понимание и ощущение жизни, бытия:

Не возвратите счастья мне,
 Хоть дышит в нас оно!
 С ним, в промелькнувшей старине,
 Простился я давно.
 Не нарушайте ж, я молю,
 Вы сна души моей,
 И слова страшного: люблю
 Не повторяйте ей!

Кроме элегий и идиллий, в его поэтическом наследии выделяются стихи в духе народных песен. Хорошо известны «Соловей мой, соловей...», «Пела, пела пташечка...», «Ах ты, ночь ли, ноченька...», «Не осенний частый дождичек...», которые положены на музыку. Среди них особенно любим «Соловей» Алябьева:

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночьку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаячи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега...

С 1824 года Дельвиг начинает издавать альманах **«Северные цветы»** - лучший альманах времени по тому кругу писателей и поэтов, которые были привлечены им. Весной 1829 года вышел другой альманах Дельвига - **«Подснежник»**. Успех этих изданий вдохновил неутомимого редактора, боевого журналиста и тонкого критика основать совместно с Пушкиным **«Литературную газету»**. Одна из главных задач ее - противостояние «торговой» журналистике Булгарина, Греча, Сенковского. Активно в газете участвовал Пушкин (он готовил первые номера); ее поддерживали лучшие поэты и писатели: Жуковский, Крылов, Вяземский, Баратынский, Плетнев, Катенин и др.

Встречи Пушкина с Дельвигом возобновляются после Михайловской ссылки в 1827 году, когда он живет в Петербурге. Салон в доме Дельвига - культурный центр столицы, его завсегдатаи поэты (Жуковский, Вяземский, Адам Мицкевич), музыканты (М. Глинка), художники (К. Брюллов, О. Кипренский), артисты. Своих друзей Дельвиг старается сблизить с Пушкиным.

«Литературная газета» - последнее детище Дельвига, которому он отдавал и свой талант литератора, и силы души, просуществовала недолго. Дельвиг в последнем письме к Пушкину сообщал: «Литературная газета» выгоды не принесла

и притом запрещена за то, что в ней напечатаны были новые стихи Деламина ...» Таким образом, поводом для запрещения газеты послужило помещенное в ней четверостишие об Июльской революции в Париже.

За этот «поступок» Дельвига вызвал шеф жандармов Бенкендорф, кричал на него, грозил ему и его друзьям (Пушкину и Вяземскому) упрятать в Сибирь. Дельвиг добился от Бенкендорфа не только извинения за нанесенное оскорбление, но и продолжение издания «Литературной газеты» под редакцией О.М. Сомова - литератора, близкого пушкинскому кругу.

Вся история настолько потрясла впечатлительного, нежного душой и сердцем Дельвига, что, по воспоминанию родственника, он «впал в апатию». Обстоятельства по службе осложнила и семейная жизнь, принесшая страдания. 14 января 1831 года Дельвиг скончался.

Пушкин тяжело переживал его смерть. Еще один из лицейстов покинул мир. Мысль об утрате друга Пушкин развернет в строфу стихотворения, написанного к лицейской годовщине в 1831 году, стихотворения полного скорби:

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят –

.....

И надо всеми мы рыдали.
И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,

Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

В этих стихах плач о Дельвиге и предчувствие о себе. Оно не обмануло: следующим из лицейстов за Дельвигом уйдет в «толпу теней родных» Пушкин.

Николай Михайлович Языков

Николай Михайлович Языков (1803 -1847)

Последнее лето ссылки (июнь-июль 1826 г.) Пушкин проводит в обществе самобытного поэта Николая Языкова - студента Дерптского университета, приехавшего на каникулы к своему товарищу Алексею Вульффу в Тригорское. Вернувшись в Дерпт, он писал матери 28 июля: «Лето провел в Псковской губернии у госпожи Осиповой, матери одного здешнего студента, доброго моего приятеля, - и провел в полном удовольствии. Изобилие плодов земных, благорастворение воздуха, благорасположение ко мне хозяйки, женщины умной и доброй, миловидность и нравственная любезность и прекрасная образованность дочерей ее, жизнь или, лучше скажу, обхождение совершенно вольное и беззаботное, потом деревенская прелесть природы, наконец, младости и сласти искусственные, как-то: варенья, вина и проч., - и все это вместе составляет нечто очень хорошее, почтенное, прекрасное, восхитительное, одним словом - житье!»

Письмо Языкова воссоздает атмосферу молодости и свободы, радостного наслаждения. В Тригорском к этому располагало все: и замечательные жители, и живые окрестности, и парк-сад, и голубая Сороть, манившая своей прохладой в то знойное лето. Но самым главным, что притягивало сюда Языкова, был интерес к Пушкину. Не случайно в письме к брату он сообщал: «... в начале наших летних каникул я поеду на несколько дней к Пушкину; кроме удовлетворения любопытства познакомиться с человеком необыкновенным, это путешествие имеет и цель поэтическую.»

А Пушкин, не будучи еще в сентябре 1824 г. знакомым с дерптским студентом и поэтом, не обращая внимания на условности, посылает в письме к А. Вульффу свое послание, адресованное Языкову:

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:

Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью-
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.

В стихах, обращенных к незнакомому человеку и поэту, Пушкин предельно открыт и щедр на слова восхищения о его поэтическом даре, а также о поэтическом таланте своего лицейского друга Дельвига. В его стихах мечта о возможной встрече; предвосхищение радости и счастья поэтического общения:

Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг все для нас оставит,
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.

Несмотря на пушкинское послание. Языков не торопился на встречу с ним. Исследователи объясняют его сдержанность стремлением сохранить свою поэтическую индивидуальность. И действительно, в сравнении «с пушкинской гармонией и мерой поэзия Языкова поражает то недостаточностью, то избытком» (Ст. Рассадин). Пушкин же с открытостью и щедростью гения искренне восхищается его стихами, видя в них прежде всего «избыток чувств и сил», «буйство молодое». Об этом своеобразии стихов Языкова будут говорить и другие его современники: Баратынский, Иван Киреевский, Гоголь.

Одаренный поэт и самолюбивый и гордый человек. Языков выбирает свой путь в поэзии, создавая свой особый образ поэта - уже не глашатая гражданских истин и не провидца вечных тайн природы и сердца, - а талантливой художественной «натуры», имеющей особые права» (И.М. Семенко). «Молодечество», вдохновенность, свободолюбие - черты этой натуры, национального характера.

В поэзии Языкова, учащегося дерптского университета, появляется образ студента, носителя лучших качеств русского национального характера. Он становится героем особого жанра - «студентских песен».

Вольнолюбивая лирика молодого Языкова близка декабристской. Поэтов Рылеева, Кюхельбекера он называл своими «товарищами», любил их творчество. Но пушкинское творчество начала 20-х гг. воспринимал явно критически. Например, поэма «Бахчисарайский фонтан» получает в письмах Языкова к братьям 1824 г. отрицательную оценку: «Я читал в списке весь «Бахчисарайский фонтан» Пушкина: эта поэма едва ли не худшая из всех его прежних...». О «Евгении Онегине», Языков-романтик, подобно декабристам-критикам, заметит «отсутствие вдохновения», «рифмованную прозу». И не заметит начала того нового в художественном пути Пушкина, по которому впоследствии пойдет русская литература.

Романтическая ориентация в творчестве, стремление сохранить свою самобытность – причины, которые помогают понять сдержанное отношение Языкова к Пушкину.

Лишь весной 1825 г. Через А. Вульфа Языков отправляет ответ Пушкину в стихах:

...Я благосклонного привета –
Клянусь парнасским божеством,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и вином
И вдохновенными стихами –
В тиши безвестности не ждал
От сына музыки своенравной...

В ответном послании к Пушкину речь идет не столько об адресате, сколько об авторе, в полной автохарактеристике которого воссоздан его образ. В конце послания даже звучит мысль о славе в потомстве благодаря пушкинским стихам:

Но будь что будет – не боюсь;
В бытописаньи русских муз
Меня твое благоволенье
Предаст в другое поколение...

Итак, в большей степени из любопытства встретиться с необыкновенным человеком Пушкиным приезжает летом 1826 г. дерптский студент и оригинальный поэт Николай Языков в Тригорское. Свидание поэтов состоялось в имении Осиповой, и время, проведенное с поэтом-изгнанником, показалось Языкову «приятно и сладостно».

Личное общение поэтов повлияет на отношение Языкова к пушкинской трагедии «Борис Годунов», которую автор будет вдохновенно читать. Языкову в ней понравится все, понравится ему и «Арап Петра Великого». Услышит он авторское чтение поэмы «Граф Нулин». О «Графе Нулине» заметит: «повесть хорошо рассказана...». Хотя не все в ней примет.

В Тригорском Языков прожил не несколько дней, как предполагал, а около месяца. Он поселился в баньке, стоящей у обрыва над Соротью, где любил иногда ночевать и Пушкин. Можно предположить, что молодые люди гуляли по парку, говорили о русской жизни и литературе, много купались в Сороти, а вечерами затевали танцы и пирушки со жженкой, которую обычно варила Евпраксия (Зизи) и разливала по бокалам.

Особую прелесть этих мест открывал для себя Языков: великолепный лиственный парк, его залы, беседки, белую скамью, стоящую над Соротью под вековыми деревьями, которую барышни называли «онегинской», живую связь с героями «Онегина» самих жителей тригорского замка.

Подобно тому, как во время приезда Дельвига в Михайловское, родилась их коллективная с Пушкиным пародия «Элегия на смерть Анны Львовны», во время лета 1826 г. появляются «Нравоучительные четверостишия», написанные Пушкиным совместно с Языковым. В 1827 г. они будут опубликованы в «Невском альманахе». Алексей Вульф вспоминал о том, как предметом пародии стала книга «Апологи» - собрание басен и притч, переведенных И.И. Дмитриевым, почтенным поэтом. Первый аполог под названием «Равновесие»:

Сын Севера! суров и хладен твой климат;
 Ужасны льды твои, но счастлив ты stokрат:
 В тебе и добрый дух, и богатырска сила.
 В Сицилии ж вулкан; чума на бреге Нила.

Высмеивая тяжеловесную «мудрость» сентименталиста Дмитриева, Пушкин и Языков, пародируя его, используют выпященный стиль и устаревшую лексику:

О мирный селянин! в твоём жилище нет
 Ни злата, ни сребра; но ты счастлив stokратно:
 С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
 А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

Не только поэтическая игра, радость взаимного общения, наслаждения деревенской жизни сближают Пушкина и Языкова. Оба они в дни свободы и вдохновения думали о несвободных - своих друзьях и близких, связанных с событиями 14 декабря. Они не знают еще о приговоре и надеются на лучшее. Они не знают еще о казни пятерых декабристов 13 июля. Весть о ней до Пушкина дойдет 26 июля, когда Языков будет уже находится в Дерпте. Современный исследователь Кошелев В.А. считает, что «Языков (как в те же годы Пушкин) поэтически осознал трагедию движения декабристов: уже в 1825 г. он ощущает несостоятельность витающих в воздухе идей просвещенного абсолютизма, конституционной монархии...»

По возвращении в Дерпт Языков напишет стихи, в которых свое пребывание в Тригорском, встречи с Пушкиным он представит «как некий пир свободы и вдохновения» (К. Бухмейер).

Августом 1826 г. помечены послания «А.С. Пушкину» и «К П.А. Осиповой», а также стихотворение «Тригорское». Все эти стихи роднит не только атмосфера «вечного праздника бытия», как говорит поэт в послании, адресованном П.А. Осиповой. Роднит их обращение к истории и славе прадедов. Так, в послании «А.С. Пушкину» главные образы двух поэтов - «Двух сынов Руси православной», заключивших «поэтический союз» соотнесены со свободной Русью, а образ автора - с вече.

В послании к Осиповой, «жене многоученой и святой», обращение к истории связано с именем народного героя Разина.

Самое широкое обращение к русской истории присутствует в стихотворении «**Тригорское**», оно звучит в самом начале:

В стране, где вольные живали
 Сыны воинственных славян,
 Где сладким именем граждан
 Они друг друга называли;
 Куда великая Ганза
 Добро возила издалеча...

«Программное» стихотворение Языкова о посещении Тригорского и Михайловского в сущности касается исторического значения этих мест. Псков и его окрестности связаны с героическими событиями прошлого России: с ливонской войной и интервенцией войск Стефана Батория, с вечевой республикой. Формулы, использованные Языковым («Сыны воинственных славян», «к отечеству любовь», «сладким именем граждан»), близки патетической лексике декабристской поэзии.

Необходимо заметить, что в Дерпте наряду с этими стихами - в середине 20-х гг. Языков «создает большой цикл стихов на национально-историческую тему: «Песнь барда, во время владычества татар в России», «Баян к русскому воину при Димитрии Донском, прежде знаменитого сражения при Непрядве», «Улад», «Евпатий»...». Русская старина представляла перед Языковым как эпоха, «когда люди сражались за свободу и отличались собственным характером, - и в этом осознании прошлого он оказывается близок к декабристам...» (В. Кошелев).

В ряд исторических событий и имен, воспеваемых в «Тригорском», встает встреча автора и «свободного поэта, не побежденного судьбой»:

Что восхитительнее, краше
 Свободных, дружеских бесед,
 Когда за пенистою чашей
 С поэтом говорит поэт?
 Жрецы высокого искусства,

Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!

Таким образом, в гармоническую картину мира, созданного Языковым, входят: история, природа, образы вдохновенных романтических поэтов. Пушкин определен здесь как «певец Руслана и Людмилы», не Евгения Онегина. Языков здесь проговаривается: ему ближе первая поэма Пушкина.

В стихотворении «Тригорское» человек и природа - существа близкие, человек живет в мире природы, чувственной и конкретной. Языков создает картины утра, дня, вечера - картины пленительные, живые и подробные, в которых присутствует отношение к происходящему в мире природы. Так, наблюдающий восход солнца автор признается:

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот,
Я озирал сей неба свод,
Великолепный и безмолвный,
Сии крути и ленты вод,
Сии ликующие нивы...

Для Языкова важна в изображении пейзажа не красота, а точность, конкретность. Например, в картине знойного полдня:

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара,
Тяжелый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная тень;
На поле жатвы, меж скирдами,
Невольная почует лень,
И кони спутанные бродят,
И псы валяются; молчат
Село и холмы...

В «прозаизмах» Языкова есть своя патетика. «Валяющиеся псы» тут являют собой признак безжизненности природы: солнце «стоит», вода «чуть движется от жара» (Семенко И.М.). Сцена купания - центральная в стихотворении:

Одежду прочь! Перед челом
Протянем руки удалые
И бух! - блистательным дождем
Взлетают брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!

Стихи, изображающие купание, стремительные и динамичные, торжественные, как будто олицетворяющие праздник жизни.

В 1827 г. Языков будет вспоминать «златые дни» в послании «К П.А. Осиновой», датированном 1 мая. Тогда же он обратится с посланием «**К няне А. С. Пушкина**»:

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как сельскую свободы возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки,
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин не сражен суровой судьбой...

Образ Пушкина, как и в других стихотворениях Языкова, здесь романтический, не сломленный изгнанием, презревший «людей, молву, их ласки, их измены». В послании этот образ сочетается с конкретным изображением жизни неторопливой, бесхитростной и одновременно высокой:

Как сладостно твое святое хлебосольство:
Нам баловало вкус и жажды своеволие;
С каким радушием - красою древних лет –
Ты собирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!

Образ няни организует все стихотворение, возникает из описания ее действий, получающих оценку: «святого хлебосольства», «затейливый обед», «пленительные рассказы», «язык словоохотливый», из эмоционально окрашенного обращения: «Свет Родионовна».

После смерти Арины Родионовны в 1830 г. Языков напишет проникновенное стихотворение «На смерть няни А. С. Пушкина», сохранив прежние черты образа, дополнив его сравнениями:

... Как детство шаловлива,
Как наша молодость вольна,
Как полнолетие умна,
И как вино красноречива,
Со мной беседовала ты...

В 1830 г. Языков возвращался к благословенным дням лета, проведенного вместе с Пушкиным. В том же году, завершая «Путешествие Онегина», Пушкин в черновых вариантах XXXIII и XXXIV строф вспоминал те же места, друзей, называя Языкова:

...
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.
Нет, нет! Не позабуду
Их милых, ласковых речей;
Вдали, один, среди людей
Воображать я вечно буду
Вас, тени прибрежных ив,
Вас, мир и сон тригорских нив.

XXXIV

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы, -
Приют, сияньем муз одетый,

Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук
Являлся он в наш сельский круг
И нимфу Сороти прославил,
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом...

Исследователи русской литературы отмечают в творчестве Пушкина 30-х гг. явное преобладание прозы. Он отдает предпочтение жанру повести, создавая «Повести Белкина», «Пиковую даму», начинает «Дубровского». Повесть «Капитанская дочка» - одно из последних его произведений. Это не случайно: проза начинает преобладать в русской литературе.

Одним из известных и любимых современниками прозаиков в 30-ые гг. XIX века является Рафаил Михайлович Зотов.

Рафаил Михайлович Зотов

Рафаил Михайлович Зотов (1796-1871)

Р.М. Зотов родился в Пскове. Он почти ровесник Пушкина и происходит по отцовской линии от последнего крымского хана. Отец его привезен мальчиком в Петербург, где крестной матерью его стала сама Екатерина II.

После окончания Шляхетского корпуса Михаил Зотов дослужился до чина полковника и погиб, когда сын учился в гимназии в Петербурге. Мальчик был талантливым в восприятии языков, выделяясь силой характера, был единственным в гимназии, за обучение которого платили из государственной казны.

Уже здесь определился самый главный и серьезный интерес его к театру. Окончив гимназию с высшей наградой, он поступает на службу в дирекцию петербургских театров. Но Отечественная война 1812 года, общий патриотический подъем и искренняя любовь к родине заставили 16-ти летнего Рафаила Зотова вступить в ряды ополчения.

Впоследствии в 1836 г. выйдет в свет книга **«Рассказы о походах 1812 года прапорщика Санкт-Петербургского ополчения Зотова»**, в которой он точно и необыкновенно искренне и правдиво расскажет о своем восприятии исторических событий. Замечательно, что место действия этих рассказов – Псковская земля, по которой идет вышедший из Петербурга полк Зотова.

После ночлега в Луге у Феофиловой пустыни автор и его товарищи узнали о взятии Москвы французами. Об этом событии Зотов пишет так: "Напрасно стал бы я стараться передать читателю то ужасное впечатление, которое произвело над нами это известие. Чувство это невыразимо. Совершенное уныние овладело нами. С каким-то грустным равнодушием, с какой-то безмолвной тоской смотрели мы теперь на будущее. Нам казалось, что все уже погибло, что война не имеет другой цели, кроме последнего, отчаянного усилия умирающего, кроме конечного истребления остальных русских. До этих пор мы

мечтали о славных подвигах; теперь вся перспектива нашего воображения ограничивалась смертью. Окончились шумные наши беседы на ночлегах; молча сходились мы теперь друг с другом, молча пожимали друг другу руки и, покачив головами, отирали навернувшуюся на глаза слезу

Более всего боялись мы унижительного мира; смерть казалась нам гораздо предпочтительнее.”

Этот отрывок поражает своей гражданской зрелостью, несмотря на то, что принадлежит перу совсем молодого человека. Его мысли и переживания помогают понять причины победы русских войск над Наполеоном.

Вместе с автором читатель движется по земле Псковской губернии, приближаясь к Великим Лукам, где происходит эпизод, который так знаком по роману Л.Н. Толстого «Война и мир»: “Тут нашли мы в жителях самый радушный, самый бескорыстный прием. Ни за что не хотели с нас брать денег. Мне нужно было купить несколько фунтов сахара. Купец отвесил и очень огорчился, когда я спросил, сколько ему следует

– Да за что ж, братец, я даром-то возьму у тебя?

– За то, что вы наши защитники, наши спасители!

– Если все твои защитники придут брать товар без денег, так у тебя ничего не останется.

– Да ведь я, батюшко, не один и в городе; нас много, и мы до вашего прихода положили между собою не брать с вас ни за что денег. На мое счастье вы пожаловали, и я рад служить такой малостью вашему благородию.”

А рядом с Невелем автор «Рассказов о походах 1812 года» получает первые уроки военной науки, ее хитрости, видит начальника ополчения псковича Бибикова.

Самым главным в характере автора наряду с любовью к родине является милосердие, то, что так ценит Пушкин в своем творчестве, в своих героях «Капитанской дочки». С чувством величайшего сострадания описывает Зотов сцены Березинской переправы, где гибнут враги: “Рассказать, описать эти картины невозможно. Они принадлежат к области поэзии, самой

чудовищной, самой исступленной. Уже одно это обстоятельство заставит содрогнуться каждого писателя... ”

Автобиографические рассказы Зотова по мастерству описаний связаны с манерой его исторических романов. Современники любили их за острый сюжет и занимательность, за ясный и динамичный слог.

Подобно тому, как в «Капитанской дочке» воссоздается “историческая эпоха, развитая в вымышленном повествовании”, так и в романах Зотова возникает эпоха войны 1812 года («Два брата, или Москва в 1812 году», «Студент и княжна, или Возвращение Наполеона с Эльбы», «Бородинское ядро и Березинская переправа»), эпоха Петра I («Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I»), эпоха Екатерины II («Шапка юрдового, или Трилистник»). В этих же романах современники ценили также то, что писатель “изобразил нравы нашего общества, быт помещиков, пользовавшихся всеми возмутительными правами крепостничества, едва выносимое положение народа под гнетом рабства, жизнь нашего солдата под тяжестью жестоких дисциплинарных условий, доходивших до последних крайностей бездумного, мертвящего милитаризма...” Так писал один из авторов серьезного научного дореволюционного журнала «Исторический вестник». Стоит ли говорить о том, как высоко ценились романы Зотова у критиков таких массовых журналов, как «Библиотека для чтения».

Резко относился к романам Зотова В.Г. Белинский, осуждая в нем, во-первых, человека монархических и консервативных взглядов, во-вторых, сотрудника официальной газеты «Северная пчела» Булгарина и Греча, где он возглавил с 1838 г. театральный отдел.

Демократический критик высоко оценил беллетристику Фенимора Купера и Вальтера Скотта, Дюма-отца, но не принял беллетристику Загоскина, Полевого, Булгарина и некоторых других русских авторов. Однако время пришло восстановить истинное значение этих писателей, которые в свое время были читаемы большей частью русского общества, были его

просветителями, создавали уровень культуры, который и позволял видеть различие между беллетристом и классическим писателем.

В исторической прозе Р.М. Зотова, равно как и в прозе других современных ему беллетристов 40-50-х гг., проявились общие тенденции развития русской литературы этого времени: в связи с потребностями общества ее поворот к массовому читателю и торгово-промышленный характер. Это чувствовал и А.С. Пушкин, который в 30-ые гг. серьезно размышлял над проблемами прозы и предпочитал ее в своем творчестве поэзии.

Фаддей Венедиктович Булгарин

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789 – 1859)

Когда в 1832 г. Н.В.Гоголь писал свою статью «Несколько слов о Пушкине», он начал ее знаменитой фразой: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте». Именно в таком ореоле имя Пушкина навсегда вошло в наше сознание, таким оно было унаследовано нами от предшествующих поколений русских людей. Но что осталось в общественном мнении, в памяти поколений о Фаддее Булгарине, печально знаменитом и во многих отношениях замечательном человеке пушкинского времени? Пожалуй, две пушкинские эпиграммы – 1829 и 1830 годов:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин,-
И тут не вижу я стыда;
Будь жид – и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Вторая эпиграмма содержит намек на несостоятельность претензий Булгарина-писателя:

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

Сравнение с авантюристом и шпионом Видоком, начальником Парижской сыскной полиции, конечно, не случайно. В статье о Видоке Пушкин характеризовал свой персонаж как «человека без имени и пристанища, ... отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного», да еще и автора «нравственных сочинений», подразумевая при этом Булгарина.

Среди литераторов пушкинского круга Булгарин был признан шпионом, агентом 111 отделения. Некрасов уже в 40-х годах XIX века сатирически вывел его в романе «Жизнь и

похождения Тихона Тростникова» под именем «почтеннейшего», олицетворившего совершенную продажность, потерю собственной индивидуальности и личного достоинства Булгариным–журналистом. Так же думали о нем и другие писатели-современники.

В стихах и памфлетах Пушкин пародировал образ жизни Булгарина: пеструю смесь эпизодов, лиц, мест нахождения, родов деятельности. Поводом служило то, что Фаддей Венедиктович, поляк по рождению, служил сначала во французской армии, участвуя в войне против России 1812 года, а затем сделался русским писателем, патриотом, поборником чести и добродетели, словом, верным сыном отечества... «... как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество!» - иронически писал Пушкин.

Автобиографичен в этом смысле и любимый булгаринский герой – Иван Выжигин в одноименном романе 1829 г. Он живет «по обстоятельствам», он - не «герой времени», то есть не несет в себе идеи, опережающей время. Он – вровень с веком, и в нем, и только в нем ищет практический смысл и свой идеал.

Булгарин явился представителем той «бессмысленной» толпы, которая подходила к жизни с позиций узкого практицизма и прописной морали. Но есть в нем и своя особенность, своеобычность - он хотел быть *лучшей* частью этой толпы. В этом причина его сотрудничества – как издателя журналов «Северный Архив», «Сын Отечества»(вместе с Н.И.Гречем), альманаха «Русская Талия», политической и литературной газеты «Северная Пчела»(1825-1859) – с органами правительства (с Особенной канцелярией министерства внутренних дел, а позднее – с канцелярией III отделения) в качестве выразителя интересов «среднего» слоя общества, гражданина и патриота. Своими «записками» Булгарин стремился воздействовать на политику правительства, не считая себя доносчиком, но, напротив, требуя к себе уважения.

«Средний» слой пока не имел своих, понятных и доступных, писателей. Но, как страстно доказывал Булгарин, этот слой не

менее жаждет просвещения, чем высшие, образованные слои, и имеет полное право на него. Подразумевалось не то глубокое, серьезное просвещение, которое содержало свет разума и истины, но умеренное, скромное освещение фактов быта с позиций «нежных» чувств или благоразумных рассуждений. Правительство благосклонно принимало болгаринскую инициативу, даже зачислило писателя в штат Министерства народного просвещения. В 1827 году он получил от Николая I бриллиантовый перстень за поднесенные «Сочинения», в 1829 году царь передавал Булгарину, что читал «Выжигина» с удовольствием», а два бриллиантовых перстня Булгарин получил за новые романы: «Петр Иванович Выжигин» и «Димитрий Самозванец». Царь говорил: «умен очень Булгарин» - и при этом не скрывал к нему пренебрежения как к человеку толпы и называл его «Королем гостиного двора».

Как писатель для чтения в лакейских, в передних, в чиновничьих домиках с геранью на окнах Булгарин имел чрезвычайный успех, всегда оправдывая ожидания: он «поучал, забавляя». По-своему он вступался за заурядного человека, обычного чиновника (не за «страдательное» лицо вроде Акакия Акакиевича из «Шинели» Гоголя, а за чиновника, который не вызывает ни особенного сострадания, ни острых насмешек). Это лицо во всех отношениях обыкновенное и все же заслуживающее внимания: «Говоря о чиновнике, не полагайте, чтоб я вздумал говорить о взятках! Чиновники не берут взятки! Это промысел подъячих, приказных... Чиновник патриот по превосходству... Чиновник любит всем сердцем отечественную словесность и душевно уважает русских литераторов... А женочка премоливидная! Где он подцепил ее? Это дочь коллежского асессора, который приобрел чин службою на Кавказе и умер от Крымской лихорадки... Почему же не быть красавице между чиновницами!».

Сочинения Булгарина – сколь бы они ни были многообразны в жанровом отношении: нравоописательные,

нравственно-сатирические и исторические романы, повести рассказы, очерки и фельетоны, утопии и антиутопии, мемуары, путевые заметки – по сути своей, всегда *записки* об увиденном и услышанном. Он «записывал» жизнь и в одном из самых распространенных жанров конца XVIII – первой половины XIX века – *жанре путешествия*. Путешествия для такого писателя – это возможность соединить статистику, историю, житейские сцены и диалоги с обывателями, биографические сведения, этнографические заметки с собственными впечатлениями, размышлениями и «мечтаниями» («Исторические воспоминания сменяли поэтические мечты», - записал он однажды).

Псков попадает в поле зрения Булгарина в 1835 году и составляет значительный фрагмент его путевых записок под общим названием **«Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною 1835 года»**. Эпиграф к книге, опубликованной в 1836 году, настраивает на точку зрения автора, который, подобно Н.М.Карамзину, создателю «Писем Русского путешественника», подобно грибоедовскому Чацкому, счастлив, по странствував, возвратиться на родину «прихотливым странником»: «И дым отечества нам сладок и приятен».

Переехав границу России, путешественник попадает в «твердыню святой Руси, Печорский монастырь». Булгарин передает содержание преданий об основании монастыря, называя имена и даты, описывая пещеры «в песчаной горе» и церковь Успения Божией матери, где «показывали древнюю икону, которая, по преданиям, принадлежала первому основателю обители, благочестивому Марку». Булгарину важно было воссоздать те культурные призмы, сквозь которые читатель его времени может, общаясь с путешественником, сблизиться с просвещением. Путевые впечатления группируются в картины, в эстетические образы, а в некоторых случаях картина как произведение творящего духа, как знак эпохи концентрирует в себе ее этическое содержание. Читатель словно бы видит картину

«в монастырских воротах»: «...при спуске с холма висит картина, писанная на дереве, изображающая избавление Пскова от осады поляков чудотворным образом Божией Матери. Эта картина, писанная каким-нибудь русским иконописцем, без сомнения, современная. Псков представлен в плане и в перспективе. Далее польский лагерь и батареи. Перед городскими воротами крестный ход. Святители в полном облачении. Бояре в высоких шапках, в нарядных кафтанах, с обнаженными саблями. Воины с ружьями и бердышами. Чудотворную икону, в кивоте, несут, на носилках, бояре и святители. Костюмы сохранены в точности. Наверху надпись, в которой Стефан Баторий назван Степаном Абатуром».

Булгарин нигде не стремится быть историком, но переданный им дух картины – это, несомненно, дух истории отечества. Более всего его интересуют люди: «В монастыре встретил я несколько богомольцев. Я хотел завести с ними разговор (потому что лучшими моими познаниями о местностях каждого края я обязан разговорам с крестьянами); но русские мужички с бородками, с волосами в кружок... понимают плохо по-русски...»

Кратко познакомив читателя с Изборском, путешественник переходит к Пскову. Вид города вызывает у него размышления о том, что его облик следует, пока не поздно, запечатлеть в произведениях живописи, эстампах и литографиях. Древняя псковская земля дает «предметы для целой картинной галереи»: «Сюда, русские художники! На вас лежит священная обязанность сохранить для потомства разрушающиеся памятники Русской славы, показать целой России места подвигов и могущества предков!» Этот призыв и сегодня звучит актуально, как и страстный монолог Булгарина против засилья иностранного – в духе грибоедовского Чацкого (с Грибоедовым Булгарина связывали короткие отношения, и его роль в судьбе комедии «Горе от ума» немаловажна).

Следующая страница путешествия выдержана уже не в грибоедовской, а в гоголевской тональности, напоминающей

«Мертвые души», до появления первого тома которых было не так далеко. Здесь появляется уже легкий контур птицы-тройки: «Но вот гигантская глава Псковского собора выглядывает из-за облаков! Еще двадцать верст до Пскова! Вихрем мчатся Русские кони; весело напевает Русский ямщик, чтоб заставить меня забыть черепашную Лифляндскую почту, лифляндских почтальонов. – Но мне грустно. Вот уже раскрылся передо мной, во всю длину, остов одного из северных великанов! Вот наконец Псков, брат Новгорода Великого, друг Ганзы, грозный враг Ливонского Ордена? – далеко разбросаны по полям кости великана! Нынешний Псков есть только цветок на могиле прежнего...».

Булгарин точно подметил признаки упадка Пскова – после эпох древней вольности, расцвета торговли, ремесел и промыслов. Цифры, приведенные Булгариным, в основном, соответствуют современным статистическим исследованиям. Среди них есть и такие, которые свидетельствуют об определенном развитии культуры и просвещения: «Благодаря нынешнему попечительному управлению, Псков имеет вид какой-то свежести. Порожные места (между домами.- Н.В.) застроены заборами, дома выкрашены и выбелены, ветхие крыши исправлены, улицы исправно вымощены и содержатся в чистоте, а для пешеходов устроены тротуары,...т.е. насыпные булыжником и укатанные крепко. Лет за двадцать перед сим всего этого не было, и город имел вид печальный и унылый. Удивительно, что здесь на 9000 жителей 37 каменных и одна деревянная церковь, между тем как в Дерпте, при 10 000 жителей, всего одна Лютеранская и одна Греко-Российская церкви! Это делает честь благочестию Псковитян. Просвещение здесь также стало приметно возрастать. Гимназия, бывшая прежде в упадке, теперь в хорошем состоянии, и Благородный пансион при ней с каждым днем поселяет более доверенности к себе в отцах семейства...Это утешительно!- Очевидно, что потребность просвещения делается у нас повсеместною».

Булгарина восхищают псковские чиновники, которые ездят в хороших экипажах и, разряженные, идут в должность как на

праздник. При правлении просвещённого губернатора (очевидно, это Алексей Никитич Пешуров) чиновники полюбили службу и прониклись гражданским долгом. Как всегда, Булгарина всего более интересуют разговоры с обывателями – ведь «изустная статистика вернее печатной, и живой человек любопытнее древних стен». Путешественник передает образ мыслей и языка встреченных псковичей:

- «А какова здесь тоговля?» – «Плоха». – «А промышленность, фабрики?» - «Плохи». – «Отчего же?» - «Во-первых, торговать здесь нечем и не с кем». – На это ответ: «Попробуйте торговать компаниями. Таким образом расторговались англичане, голландцы и американцы... Ведь чем больше капитал в обороте, тем больше и вернее прибыль. Чем торговать! А льном, а пенькой, а кожами, а хлебом». Булгарин считает необходимым описать псковичей и с этнографической точки зрения: «Простой народ в Псковской губернии отличается от иноплеменной чуди (эстов), и от латышей, своих соседей, и от белорусов-славян ростом, телосложением, нравами, обычаями, образом жизни и способностями. Псковичи, в умственном отношении, ниже великороссиян..., но гораздо выше эстов, белорусов и литвы. Пскович выше их ростом, плотнее, сильнее, трудолюбивее и более наклонен к промышленности... Псковичи имеют собственное наречие..., то есть они *цвякают* и *дзвякают*, и укорачивают многие слова, не произнося последней буквы или слога. Купчихи или мещанки псковские имеют свой особый костюм, который теперь уже выходит из употребления». Простому народу до просвещения еще далеко: «В городах кое-как маракут грамоту, а грамотея-крестьянина я не встретил, хотя разговаривал с каждым встречным и поперечным... Исключая *удельных крестьян*, поселяне вообще бедны, и по той дороге, по которой я проезжал, живут неопратно, в дурных хижинах. Возле питейных домов я находил везде многолюдные собрания».

Завершая рассказ о Псковской губернии, Булгарин не мог не вспомнить Пушкина, с которым его связывали очень сложные

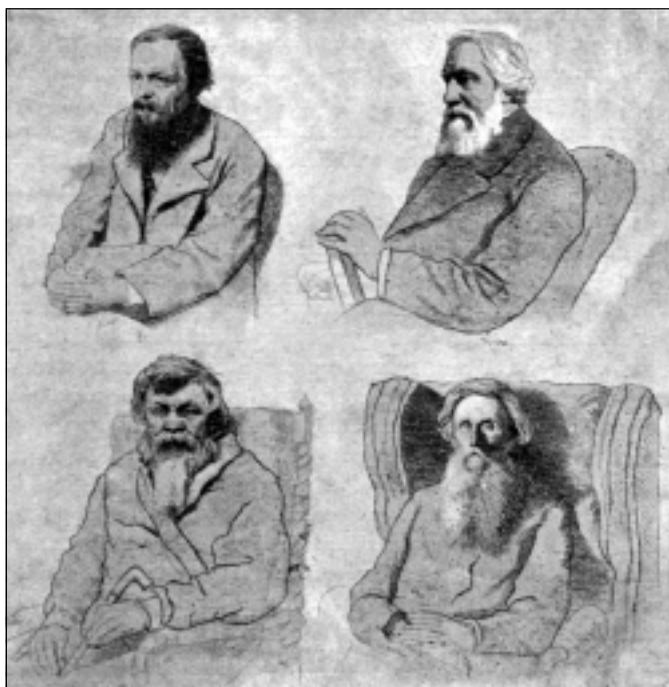
личные и литературные отношения. Для путешественника Пушкин был тем фокусом, без которого весь виденный и слышанный им пестрый мир не мог существовать.

В Пушкине сосредоточилось самое главное из того, чем живет не только Псковский край, но и вся Россия: «Псковская губерния есть родина первого нашего современного поэта, А.С.Пушкина. В псковской своей деревне он написал лучшее свое произведение («Борис Годунов». – Н.В.), которое переживет все прочие века. Мы не называем этого сочинения для избежания всякого спора. – Пушкиным Псков выплатил за все прочее, по части просвещения». Таким образом, Булгарин воздал Пушкину должное точно так же, как Пушкин воздал должное Булгарину. В заметке «О журнальной критике» (1830) великий поэт с неудовольствием писал о состоянии литературы и критики, которые не способны по достоинству оценить примечательные произведения, подобные «Ивану Выжигину»: «В прошлом году напечатано несколько книг (между прочими «Иван Выжигин»), о коих критика могла бы сказать много поучительного и любопытного. Но где же они были разобраны, пояснены?»).

Псковская страница биографии и литературной деятельности Булгарина интересна не только с точки зрения истории края, но и в плане более глубокого и вдумчивого отношения к людям пушкинской эпохи в лице одного из неординарных и во многом нецененных ее представителей.

ГЛАВА IV

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Парк Полибино

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там во глубине России –
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

Эти горькие строки Н.А.Некрасов написал в 1858 году, в канун великих перемен, которые ожидали Россию, вступившую в знаменательные 1860-е годы. Некрасов вглядывался в свою родину, надеясь увидеть в ней важные процессы, не на словах, а на деле обновляющие общество, освобождающие общество от крепостного рабства. Но «тишина» российских «глубин» рождала у поэта грустные и недоуменные мысли о том, «проснется» ли когда-нибудь отечество от векового и как будто «смертельного» сна. «Шум» столиц не обнадеживал поэта, провинция же представлялась ему загадкой:

А там, во глубине России,
Что там? Бог знает, не поймешь!

(Черновая редакция).

Псковская действительность второй половины века отчасти проясняет эту загадку, свидетельствуя о *мозаичности* проявлений

жизни, замкнутой пределами губернии, - мозаичности, не равной хаотичности, свидетельствующей об *универсальности* человека провинции, одновременно открытого «большому миру» и в то же время накрепко привязанного к «родному уголку» (Н.А. Некрасов).

Именно такого рода широтой отличаются связи **Н.А. Некрасова** с Псковским краем – литературно обыгранным в сатире, лично близким по общению с **А.В. Дружининым** (владельцем двух имений в Гдовском уезде), духовно родственным по отношениям, возникшим у поэта с декабристом **М.А. Назимовым** в 1870-х годах, в связи с работой над поэмой «Русские женщины». Современный исследователь Н.П. Пайков отмечает в поэте именно всеобъемлемость как свойство провинциальности – широту, во всем противостоящую «узости», которую приписывает провинциальному кругозору общепринятый взгляд: «И его темперамент, и его «воля к жизни», и характерная «необремененность» культурным багажом (как базовой образованностью, так и культурными запретами), и «природная» гибкость (открытость вариантам) поведенческой тактики и стратегии, и жизненная устойчивость, заведомая готовность «помириться» на результате, а не на принципе и не на обязательствах человеческой личности прямо свидетельствуют об этом».

Универсален и характер отношений тех, кто эпизодически прибегал под «лоно тишины» псковских мест: историка и писателя **М.П. Погодина** с его преимущественным вниманием к древностям Пскова; поэта **К.К. Случевского**, полюбившего природу Псковского края за красоту, которая сама рождает поэтическое слово; Великого Князя, поэта **Константина Романова (К.Р.)**, совместившего внимание к памятникам старины и псковскому кадетскому корпусу, проблеме воспитания офицерства; **Н.С. Лескова**, который включил Псковщину в географию познания России, исследуя вопрос о старообрядчестве; **Л.Н. Толстого**, использовавшего псковское предание о горе Судоме Порховского уезда в «Азбуке» для

крестьянских детей; **Александра Дюма**, который описал Псковский край еще до посещения его, упрочив свою литературную репутацию легендарного романиста; **А.М.Жемчужникова**, одного из авторов литературной маски Косьмы Пруtkова и псковского вицегубернатора в первой половине 1870-х годов.

Провинциальная жизнь этих десятилетий заявляла о себе в двух главных функциях: во-первых, она отражала процессы, происходящие в столицах, и в этом смысле была не только их повторением, но и продолжением, о чем свидетельствуют судьбы **А.В. Корвин-Круковской (Жаклар)** и **П.Ф. Якубовича**. С другой стороны, провинциальный мир выступал как самоценный и самодостаточный, питающий собственные, устойчивые в своей значимости силы. Соотношение движения и покоя, общенациональных сдвигов и подводных «глубоких» течений предопределило статус провинции как подвижного единства. Коренные псковичи, общественные деятели и литераторы, **А.С.Зеленой** и **А.Н. Яхонтов**, воплотили в себе это единство, плавный переход от столичной жизни к просветительской деятельности на благо родимых мест. Промежуточный характер получил жанр «путевых заметок»: ему отдали дань поэты **К.К.Случевский** и **Н.Л. Пушкарев**, историк **М.П. Погодин**, прозаик **А. Дюма**. Особенность жанра, основанная на сочетании авторских лирических впечатлений с объективным описанием исторических памятников, статистики края, нравов и обычаев жителей и т.п. обусловила возможность обращения к этому жанру как прозаиков, так и поэтов, создание «путешествий» в буквальном смысле и «путевых записок», рожденных воображением сочинителя. Исцеляющая, животворная функция близких, знакомых мест и шире – родной земли основана на органичной, не всегда осознанной, но нерасторжимой связи с ними. Самое же главное, что обе эти функции не исключают одна другую, и в этом уникальная, неповторимая черта так называемой краевой литературы.

Анна Васильевна Корвин-Круковская

Ст Золотцев, современный поэт и критик, отметил существенное свойство провинциальной жизни: возвращать человека к детству, к самому первозданному, «наивному» взгляду на вещи. Веяния большой истории, политики, литературы привносятся и в Псковский край, сталкиваясь с духовным «самостоянием» его культуры, близкой, как и все провинциальное, исконным началам бытия. Возникает ситуация взаимодействия, где естественное, «местное» может на время вытеснить «метели» столичной жизни, стать самым насущным, основополагающим, отодвинув «злобу дня».

Еще не остывший от литературной борьбы, которая начала разгораться накануне отмены крепостного права, «патриарх» демократической прозы 40-х годов, **Дмитрий Васильевич Григорович** (1822-1899), автор повестей из крестьянского быта «Деревня» и «Антон Горемыка», в 1855 году приехал в гости к другому видному литератору и критику этого времени А.В. Дружинину. Гостя и хозяина, кроме давних дружеских отношений, объединяла сходная позиция в общественных вопросах. В обстановке внутренней полемики с демократическим лагерем Григорович написал повесть-фарс, где сатирически вывел Н.Г. Чернышевского, - «*Школа гостеприимства*» (в том же году она была напечатана в «Библиотеке для чтения», а через два года писатель пересмотрел свое отношение к Чернышевскому).

Однако в «*Литературных воспоминаниях*» (1892-1893), написанных на закате дней, Григорович подробно рассказал совсем не об этом идеологическом выпаде, который не остался не замеченным в литературных кругах. Гораздо более важным для него стало передать атмосферу Марьинского, в которое всем сердцем был «влюблен» Дружинин. С неподдельной теплотой представлены им картинки старого быта - его дух несла в себе хозяйка дома, мать Дружинина. «Дружинин описывал мне свою деревню... так красноречиво, - не без юмора замечал мемуарист, - что можно было думать, она находится не в северной полосе России (в Гдовском уезде. - Н.В.), а на южном берегу Крыма...».

Дмитрий Васильевич Григорович

Григоровичу запомнились обитатели Марьинского со стороны неофициальной, домашней, отчасти комической: «Дом в Марьинском был старинный, деревянный; нас поместили подле, в небольшом флигеле. За домом спускался к пруду большой яблонный сад. Мы приехали вечером и тотчас же отправились к хозяйке дома, матери Дружинина, представлявшей исчезающий теперь тип приветливых, милых старушек, сохранивших в преклонные годы необыкновенную живость и веселость. К ее приезду на окно, подле ее стула, ставилась всегда стеклянная банка с водою и плавающим в ней вьюном; старушка утверждала, что все барометры врут беспощадно, пустая выдумка, и только на вьюна можно вполне положиться, так как один он безошибочно указывает перемену погоды».

Григоровичу весело вспоминать, как по-разному выглядело происшествие с ним в глазах его самого, только что приехавшего из города, и хозяйки дома, уже свыкшейся с иными, деревенскими представлениями: «Добрая старушка, предполагая, что дорога нас утомила (вьюн не сообщал этого, но это было верно), потребовала, чтобы мы раньше легли спать. Мне было постлано на диване. Не успел я заснуть, как меня облепила целая куча комаров. Утром, взглянув на себя в зеркало, я ужаснулся: лицо мое и руки были красны и в волдырях, точно их обварили. Вошел Дружинин, осторожно, на цыпочках, убежденный, что я сплю как богатырь; увидав меня, он рассердился.

- Можно ли так делать? – воскликнул он, указывая на ситцевую оконную занавеску, которую я забыл накануне задернуть. – Теперь, как нарочно, тот период, когда появляются комары; в другое время ни комаров, ни мух, никакой этой гадости никогда не бывает в наших местах.

Мы пошли пить чай к старушке.

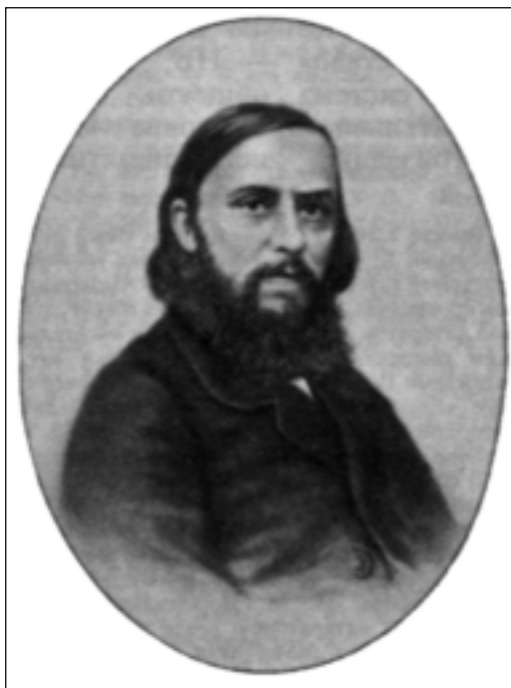
- Постой, постой, мой батюшка... дай посмотреть на тебя!..- остановила она меня, как только я переступил порог.- Ну, так, так и есть, что я говорила: всего одну ночь переночевал у нас, и цвет лица стал уже лучше, гораздо свежее, чем был прежде...».

Провинция была местом, наиболее благоприятствующим развитию не регламентированных службой способностей человека, позволяющим ему увидеть мир в широком и свободном его выражении. Писатель В.А.Соллогуб как-то заметил, что в России «никто не имел права быть самим собой, и каждый вынуждался носить особую кличку, особый мундир, особый знак подчинения административному началу». От этого «у нас..., за редкими исключениями, русское дарование высказывается обыкновенно разом с первого шага и потом ослабевает, или остается на одном уровне» («Воспоминания», 1886). Мемуарист имел в виду эпоху от Держвина до Гоголя, из которой вышел и замечательный поэт **Василий Степанович Курочкин** (1831 – 1875), - ему пришлось с 1850 по 1852 год служить в Порхове и Старой Руссе.

Писатель–народник П.В. Засодимский, сотрудничавший вместе с Курочкиным в журнале «Искра», записал однажды такой разговор в редакции в один из тяжелых для журнала дней: «Я корректировал статью о русской литературе. В этой статье говорилось, между прочим, об одном писателе, который в глухую, тяжелую пору, явившись на журнальном поприще свежим, здоровым юношей, растратил на мелочи, на всякий вздор свой недюжинный талант; когда же немного посветлело, когда русский литератор мог вздохнуть посвободнее, этот юноша, преждевременно состарившийся или, как у нас выражаются, «исписавшийся», уже был не в состоянии дать ничего путного, ибо все лучшее в нем истрепалось и развеялось по ветру... Я заметил о нем Курочкину. Тот знал его и с жаром заговорил о его злополучной доле.

- Да, да! И не он один так кончил... «Не расцвел и отцвел в утре пасмурных дней»... Много таких! – говорил Курочкин. – А, право, не лучше бы русским братьям-писателям служить в каких-нибудь департаментах! – иронически добавил он.

Сам Курочкин сделал все, чтобы военная служба не уничтожила в нем высоких душевных движений. Сын отпущенного на волю крепостного, Курочкин посвятил себя

Василий Степанович Курочкин

литературной и общественной деятельности с середины 1850-х годов, а пребывание в Псковском крае готовило его к этому. В дальнейшем имя Курочкина неразрывно связано с сатирическим иллюстрированным журналом «Искра», который он редактировал с 1859 по 1873 год и где сформировался как поэт-полемист, политический трибун, мастер социальной карикатуры. В 1862–1863 годах Курочкин был членом центрального комитета организации «Земля и воля». Его стихи печатали самые популярные русские журналы: «Библиотека для чтения», «Сын отечества», «Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник».

Десяти лет Курочкин был отдан в Первый кадетский корпус, в 1846 году перешел в Дворянский полк и через три года, кончив курс обучения, был выпущен оттуда прапорщиком в гренадерский принца Виртембургского полк. Всей душой не принимая службы, он прослужил в полку около четырех лет. Нечаянный случай изменил его судьбу. Однажды еще в самом начале службы, ведя свой взвод со смотра в казарму, он оставил его и уехал. Это заметил Николай I и, по его распоряжению, молодого прапорщика отдали под суд. Три месяца Курочкин просидел на гауптвахте, месяц – в Петропавловской крепости. По предписанию суда, «сие оштрафование считалось ему препятствием на права и преимущества по службе». Именно поэтому Курочкин в начале 50-х годов вместе с полком оказался в Порхове и в Старой Руссе. В 1852 году он был произведен в подпоручики, а в 1853 году вышел в отставку.

Ненавистным муштре и полковому быту он противопоставлял занятия литературой, прежде всего, сатирической: используя образный ряд широко известного романа А.-Р. Лесажа «Хромой бес», сочинил сатиру на современное общество: *«Путешествие хромого беса из Парижа в Старую Руссу»*. Сохранились сведения, что еще в годы учения в Дворянском полку Курочкин начал переводить «песнь» французского национального поэта П.- Ж.Беранже – «поэта истины, поэта будущего», по определению Ап. Григорьева.

Впоследствии Курочкин станет едва ли не самым крупным русским переводчиком Беранже, а выход в свет небольшой книжки собранных вместе переводов в 1858 году войдет в историю литературной жизни эпохи. В переводах Курочкина видели подтверждение значимости новой, «не пушкинской» школы в поэзии. «Это стих рукописных комических стихотворений, - писал критик Б.Алмазов, - стих г. Некрасова, стих лучших пародий Нового поэта (И.И. Панаева. – Н.В.) - бесцеремонный, но сильный, бойкий и отличающийся затейливыми и звучными рифмами. На Руси существует целая школа такого рода поэзии; отличительная черта поэтов этой школы - умение укладывать в стих обыкновенную разговорную речь».

Живя в Порхове и Старой Руссе, Курочкин близко общался с братом Николаем Степановичем, учившимся в ту пору в Петербургской Медико-хирургической академии. Вместе они переводили французских поэтов, в том числе «пословицы» и комедии А.Мюссе: одну из них, *«Каприз»*, они напечатали в 1850 году в журнале «Сын отечества». В этом же журнале состоялся литературный дебют Курочкина: он опубликовал здесь стихотворение *«Русская езда»*, повести *«Незванное чувство»* и *«Жильцы маленького домика»*. Стихотворение *«Мы рано стали жить...»* (1850) не было одобрено редакцией, и автор напечатал его позднее в журнале «Современник».

П.В. Засодимский считал, что дух Беранже, явившийся Курочкину в молодости, продолжал всегда витать над ним. Вспоминая уставшего и разочарованного поэта, он вспомнил и о том, что однажды Курочкин подошел к окну, «заглянул в низко проносившиеся темные тучи и, вдруг круто повернувшись, поднял правую руку и продекламировал:

«Пойте, резвитесь, дети!..
 Черные тучи над нами;
 Ангел надежды цветами
 Сыплет на вашем рассвете, -
 Пойте, резвитесь, дети!»

Лик Беранже, как мне казалось, с улыбкой недоверия смотрел на нас со стены...».

Родовое имение Полибино (Палибино) Невельского уезда Витебской тогда губернии стало счастливым приютом для знаменитых в недалеком будущем сестер **Корвин-Круковских**: **Анны Васильевны** (1843-1887, в замужестве **Жаклар**) и **Софьи Васильевны** (1850-1891, в замужестве **Ковалевской**).

Судьба старшей сестры сложилась особенно драматично и вместе с тем героически: оставив в далеком прошлом имение отца, она стала участницей Парижской Коммуны, корреспондентом К. Маркса. В 1870 году вошла в Русскую секцию Первого Интернационала, а в марте 1871 года вместе с мужем Виктором Жакларом сражалась на баррикадах.

Еще в 1864 году Ф.М. Достоевский опубликовал первые сочинения А.В. Корвин-Круковской «*Сон*» и «*Михаил*» в издаваемом им журнале «Эпоха», дав высокую оценку таланту начинающей писательницы. После падения Коммуны она вернулась в Россию, где возобновила дружеские отношения с Федором Михайловичем, женившимся к этому времени на Анне Григорьевне Сниткиной. В 1886-1887 годах в журнале «Северный вестник» появились новые повести А.В. Корвин-Круковской: «*Записки спирита*» и «*Фельдшерница*». В конце жизни она попеременно жила то в Полибино, то в Петербурге, то в Париже, так и не обретя постоянного пристанища. В 1887 году Анна Васильевна уехала в Париж «безвозвратно» по предписанию Министерства внутренних дел, вслед за мужем, признанным неблагонадежным, и вскоре, в результате тяжелой болезни, умерла.

Воспоминания любящих ее людей и, в частности, видного историка, издателя-редактора журнала «Русская старина», нашего земляка, однокашника поэта К.К. Случевского, **Михаила Ивановича Семевого** (1837-1892) сохранили облик молодой А.В. Корвин-Круковской, еще не вступившей на путь изнурительной борьбы и кровно связанной с полибинским парком, полибинским домом, где вместе с ней была младшая,

впоследствии знаменитая сестра - ученый-математик и писательница. Семевский побывал в Полибино в 1890 году, когда там почти не осталось следа от того одухотворенного мира, который он застал в свой приезд зимой 1862-1863 годов (Семевский совершал поездку по Псковской губернии с ревизией народных школ). «Мы подъезжали к барскому дому, выстроенному во вкусе барских домов 1830-1840-х годов, - рассказывает он, - с башней, широкими крыльями флигелей; дом этими крыльями как бы принимает гостя в свои объятия...». Семевского поразила тогда гармоническая красота внешнего и внутреннего облика Анны Васильевны: «... в то время ей 17-ть или 18-ть, стройная прекрасная блондинка, с синими, иногда как бы зелеными, глазами, и дивною волнистою косою... Проходит один лишь день, и оживленная беседа в области литературы с старшей барышней восхищает нас: невольно дивишься, как под сенью деревенского дома, в глуши, в течение нескольких лет почти безвыездной жизни, выросла такая прекрасная девушка: она вся дышит возвышенными идеалами жизни; чего-чего только она не перечитала, на трех-четырех языках; какое близкое знакомство с историей, какая бойкость суждений в области философии и истории - и все это проявляется в таких простых, очаровательных формах, и вас не гнетет вся эта начитанность, вся эта вдумчивость в прочитанное и изученное».

Эта встреча подарила М.И. Семевскому любовь. В его дневнике осталась запись: «Визит к А.В. Вечером бал. Счастье, любовь - неужели вы снизошли на меня». Тем печальнее запись мемуариста, относящаяся к 1890-му году - она похожа на пролог к чеховскому «Вишневному саду»:

«Перемерли старики, сошла в могилу пылкая, даровитая русская женщина-писательница, Анна Васильевна, не более как года четыре спустя после моего знакомства с нею ставшая кумиром гениального писателя Ф.М. Достоевского, горячо, глубоко-искренно ее полюбившего и безуспешно просившего ее руки...

Скорее в парк! Что это за прелесть в его запустении: вот развалины теплиц, жалкие остатки фруктового сада; персики, абрикосы, чудные вишни - все это славилось некогда в Палибине; теперь груды мусора на месте теплиц... Вот аллеи акаций, тополей, вот весьма длинная аллея прекрасных... лип; вот рощицы дубов, кленов; вот отдельные дубки и тополи, посаженные руками разных лиц из прежних обитателей и обитательниц Палибина... Под сенью этих чудных аллей мечтали, думали да передумывали о разных вопросах в сфере идеалов две головки прекрасных русских девушек... Одной из них выпала доля всевозможных треволнений - доля русской писательницы; другую озаряет слава первой по времени русской женщины-ученого, профессора высшей математики, труды которой ведомы ученому миру всей Европы... Как уцелел здесь до сих пор парк и надолго ли - непонятно и неизвестно! Как дух наживы не сокрушил этих прекрасных аллей ни на лыки липовые на продажу, ни повалил дубки на всякое изделие?... Впрочем, вот знамение времени: поднялась в самом парке, на берегу прелестного озера, паровая мельница, вот и костры дров, нарубленных, увы, в парке... Очевидно, мельница ли, что-либо другое, но вихрь разрушения пронесется и над этим парком... А перейди это имение из рук теперешней владелицы к крестьянам, что легко совершится в близком будущем, немедля лягут под ударами топора Колупаевых эти дорогие насаждения, стойившие упорных трудов, ухода и забот нескольких поколений...».

Известно, что при последней встрече Семевский предложил Анне Васильевне написать воспоминания за солидное вознаграждение. Были ли они написаны, пока не установлено. В 1888 году в журнале «Русский вестник» появился некролог, написанный человеком, хорошо ее знавшим и ей симпатизировавшим. В нем упоминаются и мемуары А.В. Корвин-Круковской, след которых до сих пор не найден.

Совершенно особую роль сыграл Псковский край в судьбе другого активного участника политической борьбы, члена «Народной воли», поэта **Петра Филипповича Якубовича** (1860-

1911). Летом 1883 года он гостил у братьев В.А. и Н.А. Карауловых, товарищей по борьбе, в имении Успенское Великолукского уезда Псковской губернии. Это было время повышенной напряженности в отношениях революционно настроенной интеллигенции с властью: убийство Александра II в 1881 году стало символом эпохи обоюдных жесточайших преследований. Якубович и его друзья-единомышленники (к братьям Карауловым присоединились и их сестры, молодые девушки) жили ожиданием тяжелой и, возможно, смертельной схватки. Два из трех стихотворений Якубовича, написанных в Успенском, говорят именно об этом. В «Сказочном городе» (под ним подразумевается Петербург) ощутима фатальная обреченность борца на «полет в бездну» и невозможность избежать этого «полета». Он страшит и завораживает одновременно, но завораживает в гораздо большей степени:

Я люблю этот омут, где дышишь
 Опьяняющим запахом ран
 И kloкочущий грозно вулкан
 Под ногами усталыми слышишь,
 Где так жадно бороться спешишь,
 Жить и действовать. Дерзко усилъя
 Напрягаешь... пьянеешь... и крылья
 За спиной ощущаешь, летишь
 Прямо к бездне с отвагою дикой...
 Как колодник оковы свои,
 Я люблю этот город великий,
 В неповинной омытый крови!

Тем же пафосом проникнуто и стихотворение «*Проснись, дитя мое, проснись*», опубликованное сначала под заголовком «Призыв».

Однако постепенно магия другого рода подчиняет себе поэта и вполне овладевает им: это сила приобщения к земле, к почве отечества, к национальным истокам, которые он никогда не ощущал так сильно, как в Успенском. Этическое преображение от близкого соприкосновения с землей в ее буквальном, натуральном виде оказывается настолько по-

трясающим, что поэт словно бы забывает «грустный, скорбный» город и как будто перестает слышать его могучий «зов» - «победить или пасть». Исчезает горько-скептическое, родственное Некрасовскому, отношение к целительной власти родной природы, ясно выраженное в «Сказочном городе»:

Часто в вихре борьбы бесконечной
Обессиливши, с болью сердечной,
Со стыдом, без оглядки бежишь
В ту родимую ясную тишь,
Где волшебною сделаться сказкой
Могут лютые муки твои...

В новом состоянии духа растворение себя в природе расценивается уже не как «бегство» от борьбы, сопровождаемое жгучим «стыдом», а как твердое - не «сказочное», а реальное - знание своей земли и своего места в ней. Конкретное место - речка Кунья - становится для поэта самым надежным и значимым в мире, оно навсегда войдет в его духовную, творческую биографию. Якубович обозначил эту веху: «1883. Речка Кунья» - как дополнение к прекрасному лирическому стихотворению «*По лазури, чуть белея...*». Вместе с поэтом мы наблюдаем возвращение к нему свежих юношеских сил, значительно уже растерянных в «вихре бесконечной борьбы». Проникнутость всего стихотворения физическим ощущением света и цвета: «лазури», «зелени лугов», голубизны незабудок, нежной белизны облаков - открывает перед ним ясный («яснее вод широких») жизни путь. Он не только «окрыляет», но и «умиляет», вносит в душу «примирение», о котором поэтически сказал И.С. Тургенев, заключая остро социальный роман «Отцы и дети».

Публикуя стихотворение в сборнике 1898 года, поэт указал в примечании, что оно написано «в Великолуцком уезде Псковской губ., в имении Карауловых, где я гостил летом 1883 г., готовясь на решительную «борьбу». «Огненной страницей вписалось это лето в книгу моей жизни», - признавался Якубович в одном из писем. Вернувшись в Петербург, он долго не мог

забыть впечатления, произведенного на него пребыванием в Успенском. В шутиливом стихотворении, сохранившемся в архиве Якубовича, есть, правда, отголосок политической сатиры, но общий смысл его и тон этим не отменяются (не случайно явственно ощутима аналогия с пушкинскими строками из стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»):

Иду ль по улице громадной,
Сию ль в надзвездных этажах,
Но далеко я мыслью жадной
На Кунье, в милых Дубняках,
На кладбище под елью темной...
Вот подосиновик, черныш,
Вот боровик - какой огромный!
Ан нет!.. Городовой, глядишь...

Якубович вошел в историю литературы как поэт-народоволец. Вся его судьба и судьба его друзей соответствовала этому понятию, предполагающему самоотречение, «печаль не о своем горе» (Г.И. Успенский), лишения и смерть. Но в стихотворении «По лазури, чуть белея...» мы встречаемся с редким примером полного высвобождения от гнетущих мыслей и наполнения души совсем другой духовной содержательностью - ее ценность определяется родной природой, не завися ни от каких, даже самых бурных потрясений социального, сиюминутного характера. Впереди у Якубовича было немало боли, горьких потерь, тяжелых разочарований (в том числе, в В.А. Караулове, ставшем после каторги и ссылки «благодарным» гражданином - членом III Государственной думы). Чтобы вынести все это, требовалось немалое мужество. И кто знает, может быть, именно воспоминание о светлых мгновениях, проведенных на речке Кунье, помогло ему достойно пережить тягчайшие испытания и в конце пути написать книгу, побудившую А.П. Чехова сказать о нем: «большой, неоцененный писатель» («В мире отверженных. Записки бывшего каторжника» - под псевдонимом «Л. Мельшин»).

В 1887 году Якубович приговорен к смертной казни, замененной восемнадцатилетней каторгой. Покончила с собой Надежда Караулова, увлекшаяся духом «великой борьбы» и поддавшаяся зову города-«великана». Вместе с сестрой она уехала в Петербург, чтобы здесь, во враждебном усадебной идиллии мире, «истечь слезами и кровью», как писал Якубович в своем «Сказочном городе». Находясь в Великих Луках в 1883 году, он посвятил ей стихотворение «Голос»; когда она умерла, он, заключенный в это время в Петропавловской крепости, написал в память о ней скорбное стихотворение «Что я скажу?..» (1885).

В чувстве породненности со своей землей становятся неразличимыми люди разных политических ориентаций, идеологических позиций: «власть земли», по ёмкой формуле Г.И. Успенского, могущественнее, чем «роковая» власть идей - в ней истина, с которой одни проходят весь жизненный путь, другие же остро ощущают ее в особые, лучшие мгновения жизни. Так случилось с замечательным прозаиком и критиком **Александром Васильевичем Дружининым** (1824-1864). До самозабвения любя Марьинское, он далеко не всегда мог выразить эту любовь соответственно испытываемому чувству: часто она выражалась у него несколько искусственно, литературно, согласно его эстетическим представлениям. Но однажды Дружинин обрел подлинный язык самозабвенной любви к родному краю: он отчетливо понял, что Марьинское для него - то же, что для Л.Н. Толстого Ясная Поляна - без нее нет «твердого и ясного знания моей России» (письмо Л.Н. Толстого А.И. Герцену от 14 (26) марта 1861 года). Посреди чередующихся периодов духовного «окисления» (хандры, ощущения жизни как тягостного «обряд», по пушкинскому слову, - «ряд обедов», иронических выпадов в свой адрес) и периодов выздоровления, оживления общественной и литературной работы Дружинин пережил одно, не поддающееся определению мгновение - мгновение самопознания, проникновения в собственную суть.

«Прерываю на время этот отчет, чтоб рассказать о вечере вчерашнего дни, - записал он в *Дневнике* 26 августа 1856 года, -

вечере безо всяких внешних событий, но оставившем глубокий след в моей памяти... У нас после долгого ненастья пошли светлые дни, зелень свежа, воздух пахуч и приятен. Вчера, в 6 1/2... я вышел гулять один, по дороге в Заянье.

Солнце садилось великолепно, окна изб горели в искорках, чисто русская красота местности поразила меня так, как еще никогда не поражала. Я понял, какой нерушимой связью привязан я к своему углу, к своей родной земле, к месту, где свершилось мое развитие, с добром и злом. Выразить спокойного, радостного, благодарственного состояния моего духа в эти минуты я не берусь. Я стоял на одном месте, глядел в одну сторону, чувствовал слезы на глазах и всю душой возносился к той неведомой силе, которая не покидала меня никогда до сего времени. Я радовался тому, что могу глядеть зорким глазом и жить, и наслаждаться, и порываться к свету так, как это возможно лишь в первой юности. А я далеко не юноша, великая часть моей жизни прошла - отрадно думать, что (при всем зле и всех пороках) бесплодно. Я мог веселиться духом, как путник, легко и приятно совершивший великую половину дороги. Но всего не перескажешь, что я чувствовал, в особенности не передашь того, к чему мой дух стремился смутно. Я молился о силе и свете, и радостно изготавлял себя на новый путь, на новые соприкосновения с жизнью. Давно в душе моей не было так светло и радостно».

У Дружинина был план «Путевых заметок» - они должны были звучать в той же тональности. Неоконченная рукопись сохранилась в его архиве:

«В этих заметках имеет развиваться поэзия тихой, беззаботной, наблюдательной путевой жизни, с новыми знакомствами и встречами, с отдыхами и импровизированными пирами, с удачами и неудачами всякого рода».

Псков и Псковская губерния неизменно привлекали путешественников: в основном, их манили древности, места, связанные с именем Пушкина, реже - особенности современной жизни, в которой обычно не находили ничего примечательного,

достойного внимания. Это, однако, было не совсем справедливо, хотя и мотивировалось вполне понятными причинами: героическое прошлое Пскова, Изборска, Печор, «светлое имя» Пушкина впечатляли путешественников куда больше, чем живая современность, мало отличающая Псков от других губернских городов.

И все же изменения, произошедшие в городе и в губернии во второй половине XIX века, были весьма значительны. В 1859 году в Пскове открыта женская (Мариинская) гимназия. Ответом на крестьянские волнения 1859-1861 годов (они прокатились по всей губернии) стала земская реформа. Были образованы земские собрания и земская управа. В 1873-1874 годах учреждены реальное училище, учительская семинария и землемерное училище. Важным событием в жизни псковской интеллигенции стало создание на базе псковской археологической комиссии псковского археологического общества. С 1881 года выходит «Псковский городской листок». Создаются хоровое общество и общество любителей музыкально-драматического искусства. В 1886 году выходит первый номер «Псковской газеты», имеющей подзаголовок «Литературно-археологическое и промышленно-культурное издание». Расширяется культурно-географическое пространство Пскова: строится железная дорога Псков - Рига, открыто движение по Санкт-Петербургской железной дороге через Псков. В самом конце XIX столетия открывается летний народный театр.

В Памятных книжках Псковской губернии на 1872-1875 годы упоминается действительный член Общества псковских врачей, позднее - член Правления общества, надворный советник Лука Антонович Пушкарев, деятельность которого непосредственно была связана с Порховом. Его сын, **Николай Лукич Пушкарев** (1841, по др. данным 1842 – 1906), известный в свое время поэт некрасовской школы, издатель журналов «Московское обозрение», «Свет и тени», хорошо знакомый с Антоном Павловичем Чеховым и его братьями, Николаем и Михаилом, которые участвовали в этих изданиях, - описал Псков

в стихах, сделав его конечным пунктом поэтических «путевых заметок» - «*От Дерпта до Пскова*».

В 1860 году в Санкт-Петербурге вышли в свет «*Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний Павла Якушкина*», одна из глав которой называлась «Из Псковской губернии...». Одаренный писатель, фольклорист-этнограф, **Павел Иванович Якушкин** (1822-1872) записывал песни, предания, изучал крестьянский быт, хозяйственную жизнь края, описывал встречи с людьми, красочно запечатлевал природу.

Фольклор Псковского края по достоинству оценил **Лев Николаевич Толстой** (1828-1910), что отразилось в его литературно-педагогической деятельности. Речь идет об обучении крестьянских детей в открытой им в 1859 году Яснополянской школе и создании в 1871 году «*Азбуки*», получившей общественное одобрение и рекомендованной к преподаванию во всех начальных школах. При создании «*Азбуки*» главным источником для автора-составителя была народная литература: сказки, былины, предания. В выборе материалов он руководствовался критериями простоты, ясности и художественности.

Составной частью «*Азбуки*» и в то же время самостоятельным произведением, опубликованным отдельным изданием, считают четыре «Русские книги для чтения», только при жизни Толстого выдержавшие более двадцати переизданий.

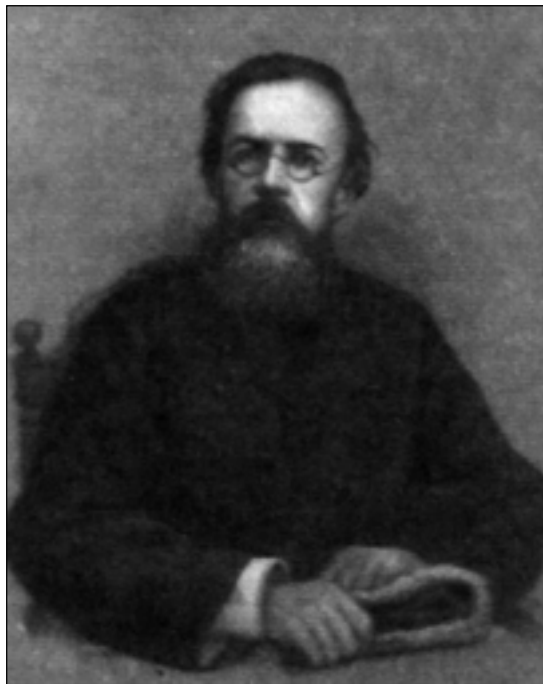
Во «Второй Русской книге для чтения» помещена псковская сказка «*Судомы*». Старинное русское предание было записано и напечатано И. Куприяновым в «*Москвитянине*» (1851, № 17), а затем перепечатано П. Перевлесским в его книге «*Практическая русская грамматика*» под заглавием «*Предание о горе Судоме*», откуда и взял его Толстой, несколько сократив и стилистически переработав. Интересно, что еще до Толстого на это предание обратил внимание известный знаток русского фольклора Ф. Буслаев, в 1861 году написавший небольшую статью «*Замечательное сходство псковского предания о горе Судоме с одним эпизодом Сервантесова «Дон-Кихота»*», в которой указал на возможный общий источник - библейские легенды.

Ко второй половине XIX века относится творчество поэтов, родившихся в Псковской губернии: А.Н. Андреева, Л.Н. Модзалевского, П.Л. Лаврова. Их стихи имели двойную ориентацию: на русскую классическую поэтическую традицию и фольклор.

Александр Николаевич Андреев (1830-1891) родился в селе Погостинцы Порховского уезда Псковской губернии. Чиновничья служба в разных министерствах (путей сообщения, внутренних дел и др.) совмещалась у него с занятиями литературным творчеством, которое отличалось многоплановостью. Андреев сочинял пьесы, стихи, романы, повести, рассказы, путевые очерки, труды по истории искусства. Особенную известность приобрели его *«Цыганские песни»*, положенные на музыку популярными композиторами того времени. Они перепечатывались в песенниках и с успехом исполнялись хором московских цыган. В 1850-1870-е годы особенно часто исполнялись *«Любовь цыганки»*, *«Красавица»*, *«Цыганка»*, *«Люблю тебя...»*, *«Тайна цыганки»*, *«Зацелуй меня до смерти!»* и многие другие песни и романсы.

Незаслуженно забыто имя поэта **Льва Николаевича Модзалевского** (1837-1898), родившегося в селе Гари Гдовского уезда. В большей степени его знают как автора многочисленных трудов по педагогике. Но Модзалевский небезуспешно выступал и в литературе - под именем Л. Гарского (псевдоним, по-видимому, связан с местом рождения поэта) он печатался в *«Голосе»*, *«Кавказе»*, *«Семье и школе»*. Ему принадлежит либретто оперы Кютнера *«Тарас Бульба»*. До сих пор для самых широких кругов остается любимым стихотворение Модзалевского, положенное на музыку и ставшее широко популярным в городской среде романсом - *«Вечерняя заря весною»*.

В жанре агитационной песни выступал видный политический деятель, член общества *«Земля и воля»* и партии *«Народная воля»* **Петр Лаврович Лавров** (1823-1900). Его родиной было село Мелехово Великолукского уезда Псковской губернии. Лавров вошел в историю общественной мысли как

Лев Николаевич Модзалеvский.

публицист, философ, социолог, идеолог народничества. Он сотрудничал в лучших русских журналах - «Отечественных записках», «Русском слове», «Современном обозрении». Находясь в эмиграции, издавал в середине 1870-х годов журнал и газету под общим названием «Вперед», отражающим его главные устремления как человека и поэта. Стихи Лаврова печатались за границей в изданиях А.И. Герцена «Голоса из России» и «Собрание запрещенных стихов и прозы», в народовольческих сборниках; многие из них распространялись в списках.

К жанру русской массовой песни относится переработанная Лавровым в 1875 году «Марсельеза», исполнявшаяся на мелодию французского гимна и многократно публиковавшаяся в сборниках под разными названиями:

Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог.
Мы пойдем в ряды страждущих братьев,
Мы к голодному люду пойдем...

Культура массовой песни породила множество вариантов «Марсельезы», ориентированных на пестрые социальные слои: создавались не только «рабочие марсельезы», но и «солдатская» («Отречемся от гнусного долга...»), «студенческая» («Ты нас вызвал к неравному бою...»), «крестьянская» («Отпустили крестьян на свободу...») и др.

Нельзя не вспомнить добрым словом детскую писательницу и переводчицу **Александру Никитичну Анненскую** (1840-1915), родившуюся в селе Сивцево Великолукского уезда Псковской губернии. Благодаря ей детская литература обогатилась художественным переводом романа Д. Дефо «Робинзон Крузо», выдержавшим при ее жизни семь изданий. К 1890-м годам относятся работы писательницы в биографическом жанре, в том числе для библиотеки Ф.Ф. Павленкова (СПб.): «Н.В.Гоголь», «Чарлз Диккенс», «Франсуа Рабле», «Жорж Санд», «Оноре Бальзак», биографии ученых, путешественников, общественных деятелей.

Александра Никитична Анненская.

С Псковским краем пересеклась судьба и **Ивана Сергеевича Тургенева** (1818-1883). «Псковские эпизоды» его биографии: приезд к Дружинину в 1854 году, короткое пребывание на почтовой станции (возможно, в Крестах) на пути за границу - неожиданным и печальным образом закончились последним путем писателя, который также прошел через Псков. Тургенев скончался в Буживале под Парижем, но похоронить его было решено на Волковом кладбище в Петербурге. Гроб с телом был отправлен в товарном вагоне, в сопровождении близкого знакомого Тургенева, публициста и историка М.М. Стасюлевича. По распоряжению директора департамента полиции Плеве поезд должен был следовать по Варшавской железной дороге «без всякой огласки». Однако жители Псковщины не подчинились этому приказанию. В час ночи поезд встретили островичи, а в два часа, несмотря на позднее время, - псковичи. Городская дума заранее постановила отдать последний долг великому писателю. Когда поезд прибыл, заместитель городского головы и представители городской думы возложили на гроб венок «От города Пскова». Затем появились венки от псковских периодических изданий, от классической гимназии, женской гимназии и реального училища. Возложил венок и А.Н. Яхонтов - председатель Псковской уездной земской управы и известный поэт. В своих воспоминаниях М.М. Стасюлевич отметил, что нигде встреча тела Тургенева «не была сделана столь усердно»: «По всему было видно, что мы находимся уже в самых недрах России, где язык Тургенева считает за собой целую тысячу лет...».

Так, жизнь и смерть отметили псковские страницы в судьбах целого ряда прозаиков, поэтов, публицистов, имеющих близкое или более отдаленное отношение к местам Псковского края. Главное, что они сумели полюбить их и оставить в литературной псковяне свой неповторимый след, как завещал Пушкин:

Но там [и] я свой след оста<вил>

Там ветру в дар, на темну ель

Повесил звонкую свирель...

(«Евгений Онегин», черновые редакции)

Михаил Александрович Назимов

Михаил Александрович Назимов (1801-1888)

Михаил Александрович Назимов не относится к разряду забытых: в обширной литературе о декабристах его имя занимает достойное место - подробно изучена биография, политические взгляды, общественная деятельность Назимова, круг его знакомств и литературные связи. Трудami советских историков и литературоведов, краеведов Пскова по крупицам собрана значительная часть литературного и эпистолярного наследия Назимова. Обобщающим и венчающим эти многолетние разыскания исследователей стал персональный том сочинений этого замечательного деятеля нашей культуры, подготовленный одним из потомков рода Назимовых О.В. Поповым и изданный в известной историко-литературной серии «Полярная звезда». В книгу вошли большой биографический очерк о Назимове, более шестидесяти его писем (официальные и личные) 1826-1866 гг., две статьи декабриста и «Приложение», содержащее документы следствия, дружеские письма к Назимову и письма, свидетельства, относящиеся к нему.

Труд О.В. Попова избавляет от необходимости подробного изложения биографии Назимова, из которой напомним только основные моменты. Представитель псковской ветви старинного дворянского рода М.А. Назимов получил блестящее образование в одном из частных общеобразовательных институтов в Петербурге по лицейской программе, по окончании которого в 1816 г. поступил на военную службу — сначала в конную артиллерию, а затем благодаря покровительству Великого князя Николая Павловича был переведен в гвардейский Конно-пионерский эскадрон. В 1823 г. полковник Тарутинского полка М.М. Нарышкин принял его в Северное общество, в котором Назимов очень скоро становится одним из наиболее радикальных и авторитетных деятелей.

Штабс-капитан Назимов не принимал участия в событиях 14 декабря 1825 г.: незадолго до того он подал рапорт об

отставке и проводил отпуск в родовом имении Горончарове под Псковом. Эти обстоятельства, впрочем, не уменьшили вины Назимова в глазах оскорбленного в «лучших чувствах» вступившего на престол Николая I. Верховный уголовный суд отнес Назимова к восьмому разряду осужденных, он был лишен чина, дворянского звания и сослан на 20 лет в Сибирь на поселение. Этот срок он отбывал в Витиме Иркутской, затем в Кургане Тобольской губерний. Человек одаренный и деятельный, Назимов и в Сибири находил применение своим способностям и знаниям: в Кургане по его проектам строились дома горожан и был возведен Богородице-Рождественский собор; до нас дошли и несколько замечательных карандашных портретов ссыльных декабристов, сделанных Назимовым.

Путь в Россию Назимову и его товарищам, ходатайствовавшим о послаблении наказания, по определению Николая Павловича, лежал «только через Кавказ», и в 1837 г. курганские ссыльные декабристы В.Н.Лихарев, Н.И.Лорер, Назимов, М.М.Нарышкин и А.Е.Розен были переведены туда в действующую армию рядовыми солдатами с правом в боях заслужить офицерский чин и выйти в отставку.

Назимов был определен в Кабардинский егерский полк и в 1843 г. «за отличие в делах против горцев» произведен в прапорщики. Лишь в 1846 г., отбыв фактически полностью 20-летний срок ссылки, он получил отставку и разрешение вернуться в родные места, где обосновался в селе Быстрецове Псковского уезда, которое досталось ему по разделу родового имения. В 1847 г. он женился на сестре жены М.И. Пущина Варваре Яковлевне Подколызиной. Успешно ведя помещичье хозяйство, Назимов не упускал возможности участвовать и в общественной работе, чему способствовало, между прочим, уважительное отношение к нему губернского начальства.

Во второй половине 1850-х гг. он активно включился в публичное обсуждение и подготовку крестьянской реформы. Первым его выступлением в печати была статья *«Об оброке или ренте с сельскохозяйственных земель в России вообще и в*

Псковской губернии в особенности», помещенная в № 5 «Журнала землевладельцев» 1858 г. В ней Назимов отстаивал право крестьян на получение свободы с земельным наделом.

С 60-х годов Назимов живет «в собственном доме у Красного Креста». Он пристально следит за текущей литературой, в том числе и научной. Об этом, в частности, свидетельствует его письмо к М.И. Семевскому от 16 ноября 1862 г., которым сопровождался возвращаемый автору только что изданный двухтомный его труд «Сторонники царевича Алексея».

В это же время Назимов был приглашен и вошел в состав Псковского губернского Комитета «Об улучшении быта помещичьих крестьян, выходящих из крепостной зависимости». В 1865 г. Назимов избирается председателем Псковской губернской земской управы, а через год и мировым судьей Псковского уезда.

М.А. Назимов скончался 9 августа 1888 г. и похоронен в Пскове на Дмитриевском кладбище. В № 63 «Псковского городского листка» того же года напечатан анонимный некролог Назимова; еще один анонимный некролог помещен в т.34 «Исторического вестника» 1888 г. Оба они включены О.В. Поповым в приложение названного тома сочинений декабриста.

Есть все же некоторые основания говорить об М.А.Назимове как о малоизвестном литераторе: во-первых, потому что его публикации не рассматривались исследователями специально в их совокупности, а во-вторых, потому что наиболее ценная, может быть, для нас часть его литературного наследия остается до сих пор невыявленной.

Краткий обзор мемуарных опытов Назимова начнём с догадки, может быть, излишне смелой. Не исключено, что первые мемуарные опыты Назимова относятся к началу 1860-х гг. и предназначались для публикации за границей. Они могли быть переданы туда через корреспондента А.И. Герцена Е.И. Якушкина - сына декабриста, с которым Назимов был хорошо знаком. Это предположение провоцируется содержанием письма

Герцена и Н.П. Огарева к неустановленному декабристу от 25 (13) июля 1861 г.:

«Душевно благодарим мы оба за ваши добрые строки. Мы с детства привыкли чтить всех вас, вы - наша аристократия, наши блестящие предки, наши святые отцы. Берегите себя - для того, чтоб еще долго служить живым поучением поколению чахлому от николаевских душевредительных преследований и примите наш сердечный поклон.

По вашему желанию прилагаю наш портрет.

А.Г.

Рукой Н.П. Огарева:

Особо благодарю Вас за то, что вспомнили меня в 1838 году. Я Вас помню. Огарев» .

В академическом издании сочинений Герцена адресатом этого обращения назван со знаком вопроса (?) декабрист Н.Р. Цебриков, однако в числе других возможных адресатов - декабристов, бывших в 1838 г. на Кавказе и, возможно, встречавшихся с Огаревым, назван и Назимов.

Первое известное выступление Назимова-мемуариста состоялось в 1870 г. В первом томе журнала «Русская старина» за этот год была помещена большая публикация «Александр Иванович Одоевский (1804-1839). Стихотворения его и письма» из материалов, присланных Назимовым и другими публикаторами. *Назимовскую часть* составляли стихотворения «Липа», «Река Усьма», экспромт Одоевского «Куда несетесь вы, крылатые станицы?», стихотворение «Сен-Бернар» и два письма: письмо И.С. Одоевского (отца поэта-декабриста) к Назимову от 1 октября 1837 г. с благодарностью за его заботу о сыне и письмо к Назимову от самого А.И. Одоевского от 21 июня 1839г.

Эти письма перепечатаны О.В. Поповым в названном томе сочинений Назимова. По естественным причинам в этот том не включены стихотворные тексты Одоевского, но вместе с ними остались вне издания и два примечания к стихам - одно собственно назимовское, а другое - редакционное о Назимове-публикаторе. Приведу примечание Назимова к стихотворению «Куда несетесь вы...»:

«Этот экспромт сказал Одоевский при виде станицы журавлей, летевших на юг, когда он ехал со мною в одном экипаже из Сибири на Кавказ в октябре 1837 года. Стихотворение это тогда же записано мною на ближайшей станции со слов моего друга Одоевского» .

Примечанием редактора заканчивается подборка стихов Одоевского:

«Два из приведенных выше стихотворений А.И. Одоевского печатались в сборнике стихов, вышедшем в Лейпциге в 1862 году, где они помещены в числе семнадцати произведений музы этого даровитого и столь безвременно умершего поэта. Впрочем, в издании 1862 г. в тексте стихотворения «Сен-Бернар» сделано несколько существенных ошибок. Мы его напечатали с автографа, обязательно сообщенного нам М.А. Назимовым» .

С М.Ю. Лермонтовым Назимов познакомился и сблизился в последние два года жизни поэта. Некоторыми своими воспоминаниями о нем Назимов поделился в полемическом письме к редактору газеты «Голос», напечатанном в № 56 этого издания А.А. Краевского от 25 февраля 1875 г. В 1879 или 1880 г. Назимова посетил во Пскове историк литературы, биограф Лермонтова П.А. Висковатый, которому старый декабрист сообщил некоторые новые факты кавказского периода жизни великого поэта. Висковатый использовал их в своем труде «М.Ю. Лермонтов» (М. 1891). Фрагмент книги Висковатого с изложением рассказа Назимова также включен О.В. Поповым в приложение к тому изданных им сочинений декабриста .

Пожалуй, наибольший исследовательский интерес представляют знакомство и деловые контакты Назимова с Н.А. Некрасовым — автором цикла «декабристских» поэм. Завершив летом 1872 г. третью поэму этого цикла «Княгиня Волконская», поэт продолжал поиски материалов для нового произведения на декабристскую тему. Разумеется, он заметил публикацию Назимова в «Русской старине» 1870 г. и через своего приятеля М.С. Каханова — псковского губернатора в 1868-1872 гг., теперь переведенного в Петербург на пост управляющего делами

Комитета министров — был знаком, так сказать, с мемуарным потенциалом старого декабриста и искал возможности лично с ним познакомиться.

Назимов, в свою очередь, к концу 1872 г. уже ознакомился с поэмами «Дедушка» и «Княгиня Трубецкая» и знал тоже, вероятно, через Каханова о готовящейся к печати поэме «Княгиня Волконская». Случай для личной встречи великого поэта с Назимовым представился поздней осенью 1872 г., когда старый декабрист приехал в Петербург для лечения катастрофически слабеющего зрения. Назимов дал знать Некрасову о своем приезде через А.Н. Пыпина, который в понедельник 27 ноября сообщил поэту:

«Сегодня я виделся с М.А. Назимовым, имя которого Вам, вероятно, известно. В разговоре он упомянул, что бывши у Кахановых ... слышал об одном из Ваших последних стихотворений, которое его очень интересовало и которое, как я понял из его слов, Вы сами хотели или не отказывались ему прочесть. Он недоумевал теперь, как это могло бы случиться, и я предложил ему написать Вам - сам он по болезни глаз не может это сделать, - с просьбой - устроить свидание у него или у Вас, как Вы найдете это удобным. В случае Вашего согласия он просил бы Вас известить его, где и когда Вы могли бы встретиться. Он живет в двух шагах от Вас - в Моховой, в глазной лечебнице. Я сам собираюсь к нему вечером в четверг - этот вечер, между прочим, у него свободен».

В ответном письме от 30 ноября (среда) Некрасов сообщал Пыпину, что заезжал к Назимову утром того же дня, не застал его и собирается навестить декабриста в четверг вместе с Пыпиным, как тот и предлагал.

Эта встреча, очевидно, состоялась, и с той поры Назимов встречался с Некрасовым в каждый свой приезд в Петербург. Была, очевидно, между ними и прямая переписка, пока не найденная. 16 марта 1873 г. поэт извещал Пыпина запиской:

«Здесь М.А. Назимов очень ненадолго. Я его видел; завтра он будет у меня в 7 1/2 вечера. Если хотите его видеть, милости

прошу ... Лишних никого не будет, именно: еще будет только Каханов ... да Салтыков».

Впрочем, кроме названных в этой записке лиц, в другой записке с той же датой Некрасов приглашал к себе еще одного полезного для сбора материала о декабристах человека - сына декабриста Ивана Сергеевича Трубецкого. На следующий день после этой встречи, очевидно, при отъезде Назимова Некрасов подарил ему пятую часть своих «Стихотворений» (Спб., 1873), содержащую поэмы декабристского цикла с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому М.А. Назимову Н. Некрасов. 18 марта 1873». В свою очередь Назимов, будучи в Петербурге в конце мая - начале июня того же года, подарил Некрасову свою фотокарточку и такую же через него передал Пышину.

Известно, что именно в эту пору (1873-1874 гг.) Некрасов разрабатывал план третьей части «Русских женщин». Повествование о героической одиссее Трубецкой и Волконской могло стать прологом к ней. Тема — страдальческая и мужественная жизнь декабристок в Сибири, а центральной героиней поэт хотел сделать А.Г. Муравьеву, умершую там. Некрасов глубоко размышлял над художественной формой, наиболее соответствующей замыслу и содержанию произведения. Судя по сохранившемуся плану третьей части цикла «Русские женщины», в основу нового произведения автор собирался положить «Записки М.Н. Волконской» — ту их часть (Сибирский период), которая не вошла в поэму «Княгиня Волконская».

Встречи с Назимовым и его рассказы дали Некрасову материал для еще более масштабного поэтического изображения судеб декабристов и их самоотверженных подруг. К этой группе принадлежал и А.Е. Розен, лейпцигское издание мемуаров которого было уже известно Некрасову. Весной 1875 г. М.А. Назимов был посредником в переговорах Некрасова с Розеном о публикации его «Записок декабриста» в «Отечественных записках». Условие с Розеном было составлено 16 октября того же года, и книга его печаталась в №№ 2-5, 8-11 некрасовского

журнала 1876 г. Сам Назимов по просьбе Некрасова написал и, как свидетельствует авторитетный псковский краевед, передал поэту свои воспоминания об А.В. Розен и Е.П. Нарышкиной. Источник этих сведений Иеропольский не называет, однако в одном из анонимных некрологов Назимова находим глухое подтверждение факта существования *записок декабриста-псковитянина*: «После Назимова остались интересные записки».

Свои мемуары Назимов передал Некрасову через одного из сотрудников некрасовских «Отечественных записок» Александра Николаевича Яхонтова (1820-1890) - директора Псковской гимназии, поэта, переводчика, мемуариста. (Возможно, именно ему принадлежит некролог Назимова в «Историческом вестнике»). Мемуары Назимова о декабристках до сих пор не разысканы (язык не поворачивается сказать утрачены) - именно это обстоятельство вынуждает относить его к категории малоизвестных писателей.

Личности и судьбы Нарышкиной и Розен действительно достойны героической поэмы. Анна Васильевна Розен (1799-1880), урожденная Малиновская, вышла замуж 19 апреля 1825 г., незадолго до событий на Сенатской площади и ареста супруга. В апреле 1826 г. у Розенов родился их первенец Евгений. При последнем свидании в крепости муж взял с нее слово не ехать за ним в места ссылки, пока ребенок не выйдет из младенческого возраста. Прошение об отъезде к мужу Анна Васильевна подала в конце 1828 г., однако ехать было разрешено без ребенка, и она оставила сына на воспитание младшей сестре М.В. Малиновской. В Иркутске, так же как и ее предшественниц, А.В. Розен пришлось подписать бумаги о добровольном отказе от дворянских привилегий и гражданских прав. С партией ссыльных, в которой был ее муж, Анна Васильевна встретилась в августе 1829 г. на дороге близ Верхнеудинска. Вот как сам А.Е. Розен описывает эту встречу:

«27 августа наш отряд имел дневку в Онинском бору, небольшой деревне, где мы помещены были в юртах... После

обеда легли отдохнуть, но я не мог уснуть. Юрты наши были поставлены близ большой дороги, ведущей в лес через мостик над ручьем. Услышав почтовый колокольчик и стук телеги по мостику, я выглянул из юрты и увидел даму в зеленом вуале. В мгновение накинул на себя сюртук и побежал навстречу. Н.А.Бестужев пустился за мною с моим галстуком, но не догнал. Впереди пикет часовых бросился остановить меня, но я пробежал стрелою; в нескольких десятках саженой от цепи часовых остановилась тройка, и с телеги я поднял и высадил мою добрую, и кроткую, и измученную Annette».

В Сибири у Розенов родились сыновья Кондратий (назван в честь Рылеева), Василий, Владимир и дочь Анна. Тяготы ссыльной жизни Анна Васильевна переносила с поразительным спокойствием. В письмах к родным она без малейшей рисовки замечала, что «жизнь несколькими градусами севернее или южнее не есть большая разница» и что она «совершенно счастлива, как только можно того желать». М.А. Назимов соединился с Розенами и Нарышкиным в Кургане в 1832 г., вместе они были на Кавказе, и после ссылки не прерывалась их дружеская связь.

Елизавета Петровна Нарышкина (1801-1867), урожденная Коновницына, обвенчалась с полковником Михаилом Михайловичем Нарышкиным (1799-1863) и также последовала за мужем в Сибирь и затем на Кавказ. «В первый раз, - вспоминает А.Е. Розен, - я увидел ее на улице (в Чите - Б.М.) близ нашей работы при Чертовой Могиле - в черном платье, с талией тонкой в обхвате, лицо ее было слегка смуглое с выразительными умными глазами, головка повелительно поднятая, легкая, грациозная».

Еще один сценически яркий эпизод воспоминаний Розена, в котором упоминается Нарышкина, должно быть, привлек особое внимание Некрасова и, возможно, был отправной точкой в новой творческой идее поэта и его переговорах с М.А. Назимовым, не прерывавшим дружескую переписку с Елизаветой Петровной и после смерти ее супруга. В 1837 г. в

Кургане побывал наследник российского престола Великий князь Александр.

«Весной 1837 года, — пишет биограф Александра II, — после общего экзамена, завершившего круг образования наследника, Александр Николаевич предпринял согласно собственноручно начертанной императором Николаем инструкции, путешествие по России. Целию его было личное ознакомление со страной и ее обитателями как необходимое дополнение к познаниям, приобретенным научным путем. В путешествии этом сопровождали цесаревича бывшие его воспитатель и наставник Кавелин и Жуковский, преподаватель истории и географии России Арсепьев, состоящие при нем молодые офицеры и лейбмедик Енохин» .

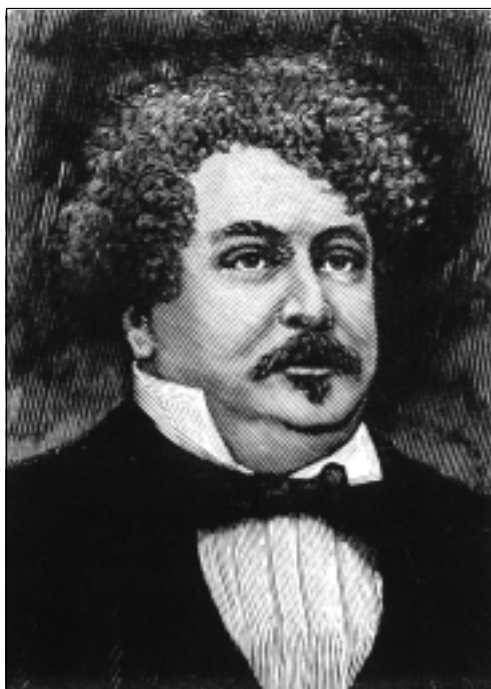
Встречи наследника с «государственными преступниками» не только не предусматривались, но были запрещены инструкцией императора. Зная это, В.А. Жуковский передал курганским декабристам, что они могут видеть наследника во время обедни в местной церкви. Ссылные воспользовались этой возможностью.

«Цесаревич, — вспоминает Розен, — со всею свитою стоял пред алтарем главного придела, по бокам стояли мои товарищи и Е.П. Нарышкина.... Во время литургии цесаревич несколько раз оглядывался на моих соизгнанников со слезами в глазах и совершенно особенно наклонился и осенил себя знаменiem креста, когда священник произнес молитву «О негодующих, страждущих, плененных и о спасении их». Восторженные, истушенные крики «ура!» возвестили отъезд его».

Эта поездка молодого Александра была памятна и Некрасову. В самом начале путешествия наследник посетил Ярославль (8-10 мая 1837 г.) и побывал в гимназии, где в это время учился будущий поэт.

Воспоминания М.А.Назимова об А.В.Розен и тогда еще здравствующей Е.П.Нарышкиной остаются неизвестными. Думается однако, что поиски их должны продолжаться. Псковский областной исторический архив и местная периодика

второй половины XIX века, Российский государственный исторический архив, материалы, оставшиеся после А.Н. Яхонтова, могут если не указать нам местонахождение ценнейших мемуаров М.А. Назимова, то хотя бы дать представление об их содержании и судьбе рукописи.

Александр Дюма

Александр Дюма (1802-1870)

Уже в наше время, в архиве французского художника Ипполита Робийера было найдено стихотворение Александра Дюма, посвященное России:

Вы хотите, чтоб я изложил в двух словах воспоминание
О пяти днях, промелькнувших, как волшебный сон.

Вот, увы, и окончилось это путешествие!

Сохраните его в Вашей памяти.

А я сохранию его в своем сердце.

Александр Дюма – знаменитый французский писатель, прозаик, драматург, автор более 200 произведений, среди которых роман «Три мушкетера»,- действительно не обошел вниманием Россию. Он много писал о ней и всегда мечтал приехать. С конца 1830 годов стали печататься его «Путевые впечатления» от поездок по Европе и Алжиру. Но в этих заметках он описывал привычные для европейца места: юг Франции, Испанию, Италию. Его читателям было бы намного интереснее узнать о неизвестной и далекой России. И хотя Дюма много писал о ней в своем журнале «Монте-Кристо», все это были путешествия вымышленные, а не реальные.

Но вскоре (в 1840 году) Дюма пишет роман **«Учитель фехтования»**, где рассказывает историю Полины Гебль-француженки, вышедшей замуж за декабриста И.А. Анненкова и последовавшей за мужем в Сибирь. Герой романа Гризье (повествование ведется от первого лица) рассказывает о своей поездке из Франции в Россию. По дороге в Санкт-Петербург он проезжает Псковскую губернию, посещает Великие Луки, Бежаницы, Порхов, Городец и описывает некоторые из этих мест. В своем романе Дюма сообщает читателю множество подробностей русского быта, пишет о восстании декабристов и проблеме крепостного права. Правдивое изображение русской действительности обеспечило и этому произведению Дюма огромный успех не только во Франции, но и в нашем отечестве (в русских театрах шли пьесы Дюма, в которых блистательно

играл трагический актер В.А.Каратыгин), однако Николай 1, рассерженный нелестными отзывами писателя о его политике, запретил Дюма пересекать границу России. Несколько раз знаменитый романист пытался сделать это, но ему было отказано в визе.

Откуда же Дюма знал столько подробностей о жизни России, как мог он точно и в деталях описать маленькие деревни Псковской губернии – ведь он никогда не был там! На этот счет существует несколько мнений. Некоторые исследователи считают, что Дюма руководствовался мемуарами самой Полины Гебль, забывая, что впервые они были опубликованы в «Русской старине» в 1880-е годы. Мемуаристка сама вступает в полемику с автором «Учителя фехтования»: «Если я вхожу в такие подробности моего детства и первой молодости – это для того, чтоб ... прекратить толки людей, не знавших правды, которую по отношению ко мне и моей жизни часто искажали, как, например, это сделал Александр Дюма в своей книге «Учитель фехтования», в которой он говорит обо мне и в которой больше вымысла, чем истины». Из этого неоспоримо следует вывод, что роман написан раньше. Оказывается, Дюма был лично знаком с его героем Огюстеном Гризье – учителем фехтования, чьими учениками в России были декабристы И.А. Анненков, А.Н. Муравьев, С.П. Трубецкой и даже сам А.С. Пушкин. Будучи человеком гуманным, Гризье был полностью на стороне пострадавших от произвола судебных властей И.А.Анненкова и его жены. Любя общество литераторов и художников, он сделал свой парижский дом салоном, где, кроме Дюма, бывали Э.Сю, Ж.Жанен. По свидетельству самого Дюма, от Гризье он получил рукопись, ставшую одним из главных источников его романа, - «Записки учителя фехтования, или Полтора года в Санкт-Петербурге».

В 1851 году(дата указана С.С.Гейченко) писатель создает очень странный и загадочный роман **«Последний платеж»**. В нем описываются Святые Горы и Псков, описываются так, будто автор сам видел эти места. Но ведь Дюма не бывал в России!

Необычен и сюжет романа. В Россию приезжает один из любимых героев Дюма – Эдмон Дантес, граф Монте-Кристо, для того, чтобы встретиться со своим однофамильцем Жоржем Дантесом и отомстить ему за убийство Пушкина. Герой романа общается с В.А.Жуковским, псковским губернатором Адеркасом. По дороге в Ригу посещает могилу поэта. Недавно появилась версия о том, что «Последний платеж» не может принадлежать Дюма по ряду признаков. Члены Российского общества друзей Александра Дюма считают роман мистификацией, созданной в России уже в XX столетии. Загадка этого необычного во многих отношениях произведения еще не разгадана.

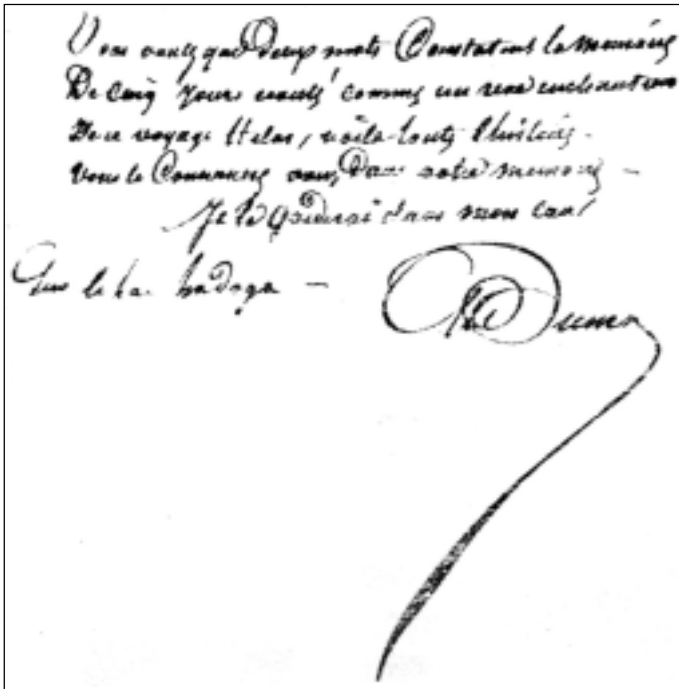
Однако в 1858 году, уже после смерти Николая I, Дюма все-таки удалось действительно посетить Россию. Он приехал в Санкт-Петербург, где его ждал торжественный прием в литературных кругах, затем отправился на Валаам, в Москву, Нижний Новгород, Казань, Астрахань, предпринял путешествие по Волге, Кавказу. О своем реальном путешествии Дюма написал книги «От Парижа до Астрахани», «Кавказ», а в 1865 году выпустил четыре тома записок под общим заглавием «Путевые впечатления. В России.», куда вошел и отрывок очерка «Поэт Пушкин» (русское издание: М., 1993. Предисловие М. Трескунова). Однажды, совершенно случайно, ему довелось встретить где-то в пути главных героев «Учителя фехтования» - супругов Анненковых. Так вымысел и реальность вновь тесно переплелись в его жизненной судьбе.

Как установил историк-краевед из Великих Лук В.В.Орлов, на обратном пути в Париж Дюма посетил и Псковскую губернию. На один день он остановился в Великих Луках, где, ему настолько понравился обед у городничего, Семена Александровича Протопопова, что впоследствии писатель рассказал о нем в своих заметках.

В своем «русском» эпизоде Дюма, как и всегда, предстает необыкновенным писателем, человеком-легендой. В «Предварительных разъяснениях» к книге «Путевые

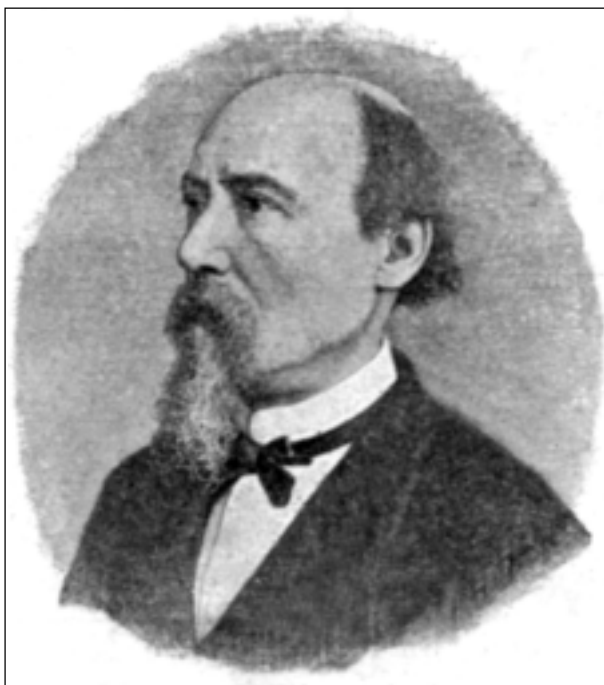
впечатления. В России.» отчетливо звучит его голос – голос романтика странствий, неизменного мечтателя, занимательного рассказчика о замечательных людях и чудесных приключениях: «Я... хочу предпринять путешествие, какого до меня еще никто не предпринимал,- выйти в открытое море на надежном собственном корабле, с осадкой не более полутора метров и, не боясь мелководья, заходить во все порты..., во все бухточки...

Такой корабль когда-нибудь у меня будет и, надеюсь, не в столь уж отдаленном будущем».

Vous savez que depuis ma dernière
 De Saint Pierre, j'ai comme un grand désir
 De le voyager. Hélas, voilà tout. Un jour.
 Vous le connaissez bien, sans doute. Mais -
 Je l'écris dans mon cœur
 Que le bon voyage - *A. Dumas*

Автограф А. Дюма.

Николай Алексеевич Некрасов

Николай Алексеевич Некрасов (1821 -1877)

Псковский край вошел в духовную биографию Некрасова как культурное пространство, которое нуждается в особенном изучении.

Молодой Некрасов, недавно прибывший в Петербург из Ярославской губернии, делает Псков мерой содержательности жизни своего современника, который легко передвигается между столицей и провинцией. Сюжет одного из самых популярных его сатирических повествований в стихах – **«Провинциальный подьячий в Петербурге»** (1840) – «очень забавных» и «всем известных», по отзыву В.Г.Белинского, основан на впечатлениях средней руки чиновника, которой двадцать лет не был в «Северной Пальмире» и теперь обзревает ее «свежим» взглядом. Псков выступает символом глухой, замкнутой провинции, а комическая соль произведения заключается в том, что именно глазами псковского подьячего увидена блестящая и равнодушная столица, со всеми чудесами цивилизации, явившимися русскому человеку середины XIX века. К изъяснениям простодушно-восторженного изумления подьячего примешивается лукавая авторская ирония:

Таких вещей чудеснейших
И в Пскове нет у нас!

Видит ли псковский подьячий знаменитую картину К.П. Брюллова «Последний день Помпеи», выставленную для обозрения в Академии художеств, у него возникают типично псковские ассоциации, что рождает комический эффект:

Там деньги, ради прибыли,
Сбирает с мостовой
Согнувшись в три погибели,
Кашей такой седой.
На псковского подьячего
Похож ни дать ни взять,
Теперь с того не для чего
Портрета рисовать.

Героя поражает безразличие столичных жителей к таким развлечениям, как «в театре маскарад», а самому ему маскарад представляется еще одной диковинкой, о которой с упоением можно будет рассказать в Пскове:

Как будто с чайных ящиков
 Пришли все в маскарад.
 Кабы достать образчиков,
 Весь Псков наш будет рад.
 Уж стали бы отхватывать
 Мазурку – ай-люли!
 Сумели б всех порадовать,
 Как в пляс бы мы пошли.
 А здесь что?..

Сфинксов подъячий величает «сфинками», но в целом он вполне подходит Петербургу, где мечтает реализовать свои честолюбивые мечты и деляческие склонности. Рефрен: «А завтра еду в Псков...» — на самом деле означает, что предприимчивый подъячий в провинциальный мирок не вернется:

Живу в Грязной покудова,
 Не плачу ни о чем;
 А в Псков меня отсюдова
 Не сманят калачом.

Создается комический тип-маска, уместный в стихотворенных фельетонах, в атмосфере водевиля, в пародийно-критических заметках – лицо, обладающее характерными чертами и четким мировоззрением, в прошлом которого есть Псков как место обитания, теперь презрительно отвергнутое.

У подъячего есть имя – «Феоклист Онуфрич Боб», оно становится одним из литературных псевдонимов Некрасова-сатирика. Постепенно герой наделяется биографией: в Пскове живет его крестница Елашенька, на которую похожа столичная актриса. «Дома ждет жена», о ней подъячий говорит с известной опаской:

Ну, как бы я не всплакался:
 Задорлива она!..

В 1841 году написан водевиль «**Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке**», где предпринята очередная попытка «оживления» героя. «Уроженец Пскова», титулярный советник Боб из водевиля, так же не устает восхищаться Петербургом, как и герой сатирического стихотворного повествования: «Изрядный городок...я еще такого в России не видывал...В нашей Северной Пальмире сосредоточен элемент всякого великолепия...множество редкостей видел: Невский проспект... Летний сад, памятники, то есть саркофаги различные... огромных финок... Булгарина видел».

Очевидно, герой перешагивает границы собственно литературы, возвращаясь в жизнь, откуда он пришел как узнаваемый, привычный тип смешного узколобого чиновника (по совместительству, «литератора»), как нарицательное обозначение явления. Поэтому Боб легко переходит из стихотворного фельетона в водевиль, оттуда – в *авторецензию* Некрасова, напечатанную в «Летописях русского театра» журнала «Пантеон»(1841). Достигается ощущение полной реализации личности, проживающей разностороннюю, хотя и содержательно убогую жизнь: «Мирно жил я в Пскове, изредка посвящая музам часы досуга. Вдруг меня взяли и вывели на потеху публики. Поверите ли, вывернули наизнанку мои семейные обстоятельства...».

Примечательно, что в библиотеке Некрасова в коллекции видов были не дошедшие до нас литографии Пскова: переиздание «Галереи видов города Пскова и его окрестностей, снятых с натуры. Часть 1, издаваемая Псковским губернским землемером Ивановым.1837. Псковская литография. С дозволения цензурного комитета. В типографии Праца». Судя по «Каталогу русских иллюстрированных изданий 1725-1860 гг.» Н.Обольянинова (М.,1914), «Галерея» включала в себя восемь страниц текста и восемь литографий. Исследователи установили, что в библиотеке Некрасова было второе издание, вышедшее в 1850-х годах без текста. Была в его библиотеке и другая книга, связанная с Псковским краем: Мацкевич Д.И. Путевые заметки.

Святогорский монастырь и село Михайловское. Спб. В типографии Н.Греча. 1848.

Точно известно, что в конце июля 1854 года поэт побывал на Псковщине. Вместе с И.С.Тургеневым он гостил у писателя и критика А.В.Дружинина в усадьбе Чертово, о чем сохранилась запись в Дневнике хозяина дома: «Несколько часов тому назад проводил я от себя петербургских гостей, Тургенева и Некрасова,- читаем мы в нем, - с которыми провел время, начиная с прошлой пятницы... Они охотились удачно, и слабые их тела несколько починились в нашем крае, и я развлекся с людьми, но по правде сказать, если бы не Маслов и другие посетители..., я бы не очень много извлек отрады от товарищей литераторов. Эти два господина жили в лесу и в болоте, так что иной день нам и часу не приходилось вместе беседовать. В свободные минуты занимались чернокнижной словесностью, как-то: сочинением послания к Лонгинову и ответа на оное...».

Под впечатлением от пребывания в живописной псковской деревне, охоты, дружеского общения, отдыха от петербургских забот Некрасов не только принял участие в написании коллективного сатирического **«Послания к Лонгинову»**, но также сочинил шутовское стихотворение **«Мы, посетив тебя, Дружинин...»**:

Мы, посетив тебя, Дружинин,
Остались в верном барыше:
Хотя ты с виду благочинен,
Но чернокнижник по душе.
Научишь каждого веселью;
Полуплешивое дитя,
Серьезно предан ты безделью,
А дело делаешь шутя...
Весьма радушно принимаешь
Ты безалаберных друзей
И ни на миг не оставляешь
Ты аккуратности своей:
В числе различных угощений

Ты нам охоту снарядил
Среди наследственных владений...
И лист бумаги положил
Для чернокнижных вдохновений...

В обоих стихотворениях содержатся выражения, передающие атмосферу мест, осененных гением Пушкина: «приют уединенный», «кров священный», «среди наследственных владений ...». «Серьезная преданность» безделью («чернокнижие»), совсем в пушкинском духе, противопоставляется казенной служебной деятельности, как официальное «вдохновение» - вдохновениям «чернокнижным». В тихом, изолированном от «столиц» уголке России Некрасов отдыхал душой в самом конце тяготеющего над страной «мрачного семилетия».

В начале 1870-х годов, когда новое гражданственное звучание получила тема декабризма, поэт вновь оказался связанным с Псковским краем. В это время он работал над поэмой **«Русские женщины»**, две части которой: «Княгиня Трубецкая» и «Княгиня Волконская» - уже были опубликованы. Параллельно складывается замысел третьей части поэмы о «декабристках», как первоначально называлось задуманное Некрасовым произведение. Центральной героиней этой части поэт собирался сделать Анну Григорьевну Муравьеву, приехавшую за мужем в Сибирь и умершую там, оставив по себе драгоценную память. Именно в эту пору Некрасов особенно нуждался в материалах, которые бы позволили ему продолжить и обогатить ранее неизвестными подробностями любимую тему. Среди живых декабристов, которые самолично могли поведать о трагических и прекрасных днях своей молодости, был и пскович Михаил Александрович Назимов. В 1846 году Назимов, пережив ссылку в Сибирь и службу на Кавказе, возвратился в родные места, где достойно доживал свой век. Сначала он поселился в имении Быстрецово, затем, в связи с ухудшением здоровья, жил на Великолуцкой улице в Пскове (теперь улица Советская), неподалеку от церкви Успения с Полоницы.

Биографы указывают, что знакомство Некрасова с Назимовым, состоявшееся при посредничестве крупнейшего историка литературы, этнографа и критика А.Н.Пыпина, относится к началу 1870-х годов. Очевидно, Некрасов не однажды встречался с Назимовым в Петербурге, куда тот приезжал в связи с болезнью глаз, и общался с ним в узком кругу друзей. Пыпин передал Некрасову впечатление Назимова от вышедших в свет первых частей поэмы «Русские женщины»: «Он... слышал об одном из Ваших последних стихотворений, которое очень его заинтересовало». Свидетельство Пыпина тем более важно, что, по данным историка и краеведа Н.Ф.Оккулича-Казарина, Назимов не любил рассказывать о прошлом – может быть, стремился сохранить его нетронутым в священных тайниках души, не обесценить популярным жанром бытовых, в вульгарном смысле, воспоминаний. Как указывает К.Иеропольский, день 14 декабря старец «проводил в сосредоточенном размышлении, вспоминая, вероятно, и о том страшном утре, когда он через маленькое оконце своей камеры видел казнь Пестеля с товарищами». Но проникновенные стихи Некрасова разбудили в угасающем Назимове желание деятельного участия в воссоздании мученической и высокой истории декабристов – истории, в которой он видел перед собой живые лица и сам был одним из них.

О связях Некрасова с Назимовым говорит тот факт, что поэт просил нового знакомого быть «посредником» между ним и декабристом А.Е.Розеном по делу о перепечатке в «Отечественных записках» мемуаров последнего («Записки декабриста»), изданных до этого в Лейпциге. Назимов охотно выполнил просьбу поэта.

В бумагах Некрасова сохранилось несколько строк о декабристе В.А. Бечасном, неизвестно кем написанных и, можно предположить, переданных Некрасову Назимовым, а также рисунок Михаила Александровича, изображающий декабриста А.И. Якубовича. У Некрасова и Назимова были общие знакомые – сын декабриста И.С.Трубецкой и бывший Псковский и

Надгробный памятник Н.А. Некрасову на кладбище
Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге

Ярославский вицегубернатор М.С. Каханов, в дальнейшем управляющий кабинетом министров в Петербурге.

По сообщению К.Иеропольского, Назимов передал Некрасову через поэта А.Н.Яхонтова свои «Записки», предположительно охватывающие период с 1825 по 1840 год. О содержании «Записок» и их судьбе не сохранилось никаких сведений. Известно только, что Некрасов придавал им большое значение при обдумывании нового произведения, материалы которого находятся теперь в архивах.

17 марта 1873 года Некрасов у себя на квартире должен был встретиться с Назимовым, Кахановым, Трубецким. На встречу также были приглашены А.Н. Пыпин и М.Е. Салтыков-Щедрин. Сохранилась записка Некрасова, адресованная Трубецкому:

«Многоуважаемый князь Иван Сергеевич. Завтра в $7\frac{1}{2}$ вечера будет у меня М.А.Назимов и еще два-три человека. Будет и Пыпин. Очень обяжите, если придете сами». К сожалению, цель этого совещания и его результат до сих пор остаются неизвестными.

Александр Васильевич Дружинин

Александр Васильевич Дружинин (1824 - 1864)

Александр Васильевич Дружинин – известный критик, журналист, прозаик и переводчик середины XIX века. Он родился 8 октября 1824 года в Петербурге в семье видного чиновника почтового ведомства, в которой получил прекрасное домашнее воспитание и образование, в совершенстве овладел английским языком. С 1841 года обучался в Пажеском корпусе – одном из самых привилегированных учебных заведений, откуда в августе 1843 года был выпущен прапорщиком лейб-гвардии Финляндского полка.

Однако Дружинина не прельщала военная карьера, тем более, что и здоровье у будущего писателя было слабым. В январе 1846 г. он выходит в отставку в чине подпоручика и поступает на службу в канцелярию Военного министерства, откуда в 1851 г. окончательно выходит в отставку в чине коллежского асессора, что дало возможность Дружинину полностью отдать себя любимому литературному делу.

Дружининым написано большое количество критических статей о произведениях русской и английской литературы, созданы повести и романы, фельетоны и очерки, а также переводы Дж. Байрона и В. Шекспира. Он публиковался в наиболее читаемых русских журналах: «Современнике», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках». В «золотой фонд» русской словесности вошли повесть «Полинька Сакс», статьи о Л. Н. Толстом, И. А. Гончарове, А. Н. Островском, А. Ф. Писемском. Преимущественное внимание, которое Дружинин уделял художественным особенностям разбираемых им произведений, отвечало его эстетической позиции: ставить «вечные» ценности искусства выше, чем «злобу дня». Именно поэтому ему удалось открыть такие черты таланта писателей-современников, которые не были замечены другими критиками; точно определить их творческую индивидуальность, неповторимость стиля.

Александр Васильевич Дружинин был открытым для мира и людей человеком, избегал крайностей во всех сферах жизни. Несмотря на то, что он больше всего ценил искусство, постоянно возвращаясь в размышлениях к литературным персонажам и ситуациям, он никогда не проявлял равнодушия в решении общественных актуальных проблем. Так, в 1859 г. писатель организовал Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным в Петербурге, которое просуществовало около 60 лет. Будучи владельцем двух сёл Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии – Марьинского и Чертова (ныне Плюсского района Псковской области), Дружинин ещё до реформы 1861 г., отменившей крепостное право, пытался улучшить жизнь крестьян, используя новые формы хозяйственной деятельности.

Умер Александр Васильевич Дружинин в Петербурге 19 января 1864 г.

Большая часть жизненного и творческого пути А. В. Дружинина была связана с Петербургом и Гдовским уездом. Как для А. С. Пушкина село Михайловское было нечто большее, чем просто имение («... пустынный уголок,/ Приют спокойствия, трудов и вдохновенья»), так и для Дружинина его имение – «патриархальный уголок», в котором основные занятия писателя составляли: «работа, чтение, прогулка, сон и некоторая скука по неимению людей и по причине воздержанной жизни...».

Рабочий флигель села Марьинского Дружинин называл «своей лабораторией», в которой он очень много читал как русскую и английскую периодику, так и произведения русской и зарубежной литературы, составлял подробный отчёт прочитанному. В этой же «лаборатории» создавались этюды по истории литературы, фельетоны, очерки, повести и романы – например, повесть **«Легенда о кислых водах»** (1855). Невероятное упорство и трудолюбие являлись чертами Дружинина. В «Дневнике» он писал: «В день исписываю листов около трёх голландской бумаги и работаю упорно, хотя глаза иногда возмущаются» или «Я пишу и читаю в день часов до семи, средним числом».

Перерывы в литературной работе были вызваны приездом соседей по имению и друзей. С 23 по 31 июля 1854 г. в имении Дружинина побывали известные русские писатели Н. А. Некрасов и И. С. Тургенев, а в конце июля 1855 г. – Д. В. Григорович. Посетившие имение литераторы в разное время входили в круг «чернокнижников». В этом объединении, созданном Дружининым, устраивались литературные вечера, где писатели сочиняли шуточные произведения разного жанра, пародии на друзей, анекдоты и другие «литературные шалости», пели песни, разыгрывали сценки, во всём присутствовала весёлость и эксцентричность. Подобную «чернокнижную литературу» Дружинин включил в **«Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижника по петербургским дачам»** (1850), дебютировав таким образом в жанре юмористического фельетона. Летом 1854 г. в Марьинском Тургенев, Некрасов и Дружинин не избежали и «чернокнижных занятий». Они написали послание к их другу и писателю Н. М. Лонгинову и сами же дали шуточный ответ на него, сочинили гимн В. П. Боткину; в результате «вышла небольшая тетрадка» подобного рода сочинений. Эти литературные импровизации, возможно, способствовали тому, что после отъезда друзей 19 августа 1854 г. Дружинин принимает решение вновь обратиться к жанру фельетона с тем же самым главным героем Иваном Чернокнижниковым, изменив характер публикации. «Заметки петербургского туриста» явились продолжением «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижника...», однако они выходили уже не отдельным изданием, а регулярно публиковались с 12 января 1855 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Как справедливо замечает Д. В. Григорович, «владельцы Марьинского были не только влюблены в свою деревню, но пристрастны ко всему Гдовскому уезду». Это пристрастие нашло своё выражение в самом творчестве Дружинина. Во-первых, в «Дневнике» писателя имеются отдельные зарисовки природы уезда, его жителей; например, Софью Александровну, одну из

соседа по уезду, Дружинин называл «гдовской царицей», а Надежду Дмитриевну Мусину-Пушкину определил «бесспорно первой красавицей нашего края». Во-вторых, не избегал писатель и волновавшего в то время общество крестьянского вопроса; например, в дневниковой записи от 22 ноября 1853 г. Дружининым ставился вопрос о том, что же непосредственно он мог бы сделать для «разумно-благотельного управления имением». Для себя он разработал программу «самой благороднейшей деятельности, которую когда-либо имел человек перед собою»: «Наши крестьяне не в дурном положении, но они могут жить лучше и по своему поведению стоят этого улучшения» (Дневник, 20 сентября 1853 г.).

Природа Гдовского уезда стала центром статьи **«Заметки о садоводстве в Петербургской губернии»**, написанной 23 августа 1856 г. и опубликованной в «Журнале садоводства» за 1856 г. Жанр статьи не позволил Дружинину подробно остановиться на своих чувствах по отношению к особенному явлению природы – поздней осени, что легко восстанавливается по дневниковой записи от 26 августа 1856 г.: «Вообще осень, как я это уже замечал в дневнике прошлых годов, есть для меня время силы и живых поэтических ощущений»; «... чисто русская красота местности поразила меня так, как ещё никогда не поражала. Я понял, какой нерушимой связью привязан я к своему углу, к своей родной земле, к месту, где свершилось моё развитие...».

Однако в журнальной статье, жанр которой Дружинин определил как «письмо», имеется цитата из стихотворения А. А. Фета («Сбирались умирать последние цветы/ И ждали с грустью дыхания мороза,/ Орешник облетел, и осыпалась роза»), которая косвенным образом раскрывает поэтическое чувство писателя от увиденной картины природы. Как известно, именно умение тонко передать отношение души человека к окружающему её миру Дружинин высоко ценил в поэтическом даровании А. А. Фета (статья «Стихотворения А. А. Фета» (1856). Переживание реального состояния природы через

литературное произведение раскрывает особенность творческого метода писателя.

Отдельные элементы садово-паркового устройства имения встречаются в романе **«Прошлое лето в деревне»** (1862), например: «Я прошёл в сад, а из сада выбрался в рощу, раскинувшуюся по высокому холму под речкой»; «При мызе моей находился сад огромного размера... с прямыми дорожками, грядами, кустами ягод... Яблонь и вишен в нём росло такое множество, что в хороший год съёмщики давали нам за них рублей до тысячи».

В этом романе рассматриваются также взаимоотношения помещиков и крестьян после реформы 1861 г. Первая часть романа демонстрирует различные типы помещиков, например, Анна Васильевна Десятникова – «вечно несовершеннолетняя» помещица, Варвара Михайловна Краснопольская – «барыня-бюрократка», Пётр Тимофеевич Атабеков – «оппозиционер всему хорошему и дурному», Пётр Иванович Зарудкин и Иван Петрович Герман – представители такого типа помещиков, которые продают свои имения и уезжают за границу, Аполлон Андреевич Евдокимов в отношениях с крестьянами делает ставку на вольный труд и механизацию сельского хозяйства и т. п. Во второй части романа писатель более подробно останавливается на проблемах взаимоотношений главного героя, Сергея Ильича, с его крестьянами. Автобиографический подтекст событий этого романа подтверждается опубликованными позднее очерками «Из дальнего угла Санкт-Петербургской губернии» в газете «Московские ведомости» за 1863 г. (№№ 134, 143, 158, 169, 199, 220). Иллюстрацией вышесказанного может послужить следующая цитата из очерков Дружинина: «На пространстве тридцати вёрст вы найдёте имения с правильным вольным трудом, имения с брошенным хозяйством, имения, сданные в аренду за бесценок, имения с полями, отданными из-полу, найдёте и подённый труд, и сделки с отдельными крестьянами, и сделки с отдельными крестьянскими общинами».

А. В. Дружинин не оставался безучастным к разнообразным явлениям жизни: искусству, природе, социально-политическим реформам в России. Как он сам замечал в дневниковой записи, «мне дана от Бога способность наслаждаться малым и находить поэзию в мелочах жизни». Благодаря такого рода способности Дружинин, подобно любимым им фламандским художникам, смог донести до нас любовь к природе и жителям Гдовского уезда.

Александр Николаевич Яхонтов

Александр Николаевич Яхонтов (1820-1890)

«12-го октября 1890 года, на семидесятом году от рождения, скончался в Псковской губернии один из даровитых русских поэтов и переводчиков А. Н. Яхонтов», - так начинается некрологическая статья об Александре Николаевиче Яхонтове в журнале «Русская старина», написанная его редактором. Автобиография Яхонтова, составленная им за год до смерти, свидетельствует о скромной роли, которую отводил себе поэт в истории русской словесности: прежде всего, он сознаёт себя гражданином, честно и преданно служившим на благо отечества. Именно эта, общественная сторона жизни поэта многие годы была связана с Псковом.

В лаконичной автобиографии Яхонтова много места уделяется почти сорокалетнему «псковскому» периоду: «... действительный статский советник, родился в 1820 г. в С.-Петербурге. Окончил курс учения в императорском Царскосельском лицее в 1838 году, с чином 9-го класса (титулярный советник). Служил в Петербурге по 1851 г. С этого года переселился в г. Псков, где служил сначала по министерству государственных имуществ, потом – директором псковской классической гимназии в продолжение 10 лет. Затем избран предводителем дворянства Псковского уезда, а в 1877 году председателем псковской уездной земской управы. Прослужив в этой должности два трехлетия, вновь избран в предводители дворянства Псковского уезда, в каковой должности состоит и поныне. В начале 1889 г. состоялось в г. Пскове празднование 50-тилетнего юбилея его службы».

Для Яхонтова его служебные обязанности – связанные, преимущественно, с Псковским краем, где в родовом имении, селе Камно близ Пскова, прошло детство поэта, - меньше всего были формальным, вынужденным родом деятельности. В этом отношении он мог брать пример со своего отца, Н. А. Яхонтова. Николай Александрович был коренным псковичом, дальним

родственником М. И. Кутузова. Во время Отечественной войны 1812 года он был секретарём и переводчиком при фельдмаршале. Александр Николаевич также почитал служение обществу священным долгом: будь то дела псковского земства или нелёгкий литературный труд. И в то, и в другое Яхонтов внёс посильный вклад, отведя себе место скромного труженика на ниве народного просвещения. Именно эту сторону личности Яхонтова отметил М. И. Семевский в некрологе: «В течение своей общественной службы на пользу родному краю наш, по призванию, поэт и переводчик, сохранял... добродушие, ... гуманность..., масса земляков искренно уважала этого доброго, этого истинно просвещённого, и опять-таки скажем, вполне гуманного человека».

А. Н. Яхонтов как личность в полной мере соответствовал типу «второстепенного» писателя середины столетия в лучшем смысле этого слова. К нему вполне применимо замечание современного исследователя-краеведа О. Г. Ласунского: «... российская провинция не оскудела, да и не могла оскудеть». Естественно, впрочем, что на её долю «приходились в основном так называемые «маленькие» (но отнюдь не второсортные) писатели... Ныне, к сожалению, они чаще всего попадают в разряд забытых или полузабытых».

Литературная деятельность Яхонтова была шире, чем собственно художественная: её реальную значимость видели, в первую очередь, в выражении гуманистического начала, просветительской направленности. С этой точки зрения особенно высоко оценивались заслуги Яхонтова-переводчика: в начале его литературного пути (1840-е годы) перевод драмы **И. В. Гёте «Торквато Тассо»**, впоследствии переводы трагедий **Г. Э. Лессинга «Эмилия Галотти»** и **И. В. Гёте «Ифигения в Тавриде»**, а также ряда стихотворений Ф. Шиллера, Г. Гейне, А. Мицкевича.

Первые оригинальные произведения Яхонтова относятся к периоду пребывания в лицее. Здесь ещё незримо ощущалось присутствие Пушкина – во всяком случае, Яхонтов, которому

ребёнком посчастливилось увидеть великого поэта во время пребывания того в Михайловской ссылке, воспринял своё обучение в лицее как благословение на литературный труд. Внучка Александра Николаевича А. Н. Высоцкая-Яхонтова передаёт семейное предание: «... Пушкин долго гулял с Н. А. Яхонтовым в саду по той самой аллее, дорожка которой сохраняется и по сей день. Потом они сидели и беседовали в беседке. К ним подбежал маленький Саша... Пушкин подхватил его на руки и шутливо спросил, кем он хочет быть. Саша ответил «поэтом». И ещё он прочитал удивленному поэту его, пушкинское стихотворение». По свидетельству историка Н. Ф. Окулича-Казарина, великий поэт отдыхал «под старой липой» - и эта липа, и весь парк погибли в годы Великой Отечественной войны.

Пушкин приезжал к Николаю Александровичу и Любви Фёдоровне 28 июня, по случаю шестилетия Саши. Может быть, именно эта встреча, не только житейская, но и поэтическая (по другим данным, Саша читал отрывок из «Евгения Онегина») определила для А. Н. Яхонтова выбор его пути.

В лицее он вместе с некоторыми из товарищей начал составлять рукописный журнал «Денница», первый и единственный номер которого вышел в 1835 году. В журнале были помещены ученические опыты юного Яхонтова, явившиеся началом служения отечественной словесности. Прервав карьеру чиновника в департаменте железных дорог, он по семейным обстоятельствам в 1851 году переехал в Псков, где занял место советника палаты государственных имуществ, а с 1858 года, по приглашению попечителя Петербургского учебного округа П. А. Плетнёва, принял на себя должность директора Псковской гимназии.

В переломные 1860-е годы Яхонтов предстаёт противником «людей прежнего закала и иного пошиба», врагом «старых порядков в деле воспитания», откровенно проявляя «дружеские отношения» к учащимся и «сердечность в отношениях к детям». Как отмечено в «Русском биографическом словаре», «почти

десятилетия (до 1867 г.) деятельность Яхонтова в качестве директора гимназии выработала в нём глубокое убеждение в ненормальной постановке классического среднего образования, односторонности которого он впоследствии осмелел в одном из своих сатирических произведений: **«Классик и Реалист»**. Последнее замечание, впрочем, не совсем точно: чуткий к литературной традиции, поэт не отдаёт предпочтения ни одной из сторон, выдерживая принцип полифонизма, художественно освоенный Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым и другими поэтами («Разговор книгопродавца с поэтом», «Журналист, читатель и писатель», «Поэт и гражданин»): «С горой не сходится гора!». В диалоге «Классик и реалист» (1880) присутствует равноправие противоположных позиций, что подчеркнуто начальной ремаркой: *«Классик – тощий и бледный. Греческий нос. Худо одет. Реалист – румяный и полный. Некрасив. Одет щеголевато»*.

Оригинальные произведения Яхонтова, в том числе сатирические очерки, в основном, публиковались в 1870-е годы, когда жизнь и литературная судьба поэта уже прочно и надёжно были связаны с Псковом. Его сочинения печатали лучшие русские журналы: «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русская старина» и ряд других.

В 1884 году вышло отдельное издание стихотворений А. Н. Яхонтова.

Начиная с 1877 года поэт состоял членом псковского уездного училищного совета и попечителем городской школы, учреждённой в память освобождения крестьян. Просветительская деятельность Яхонтова выразилась в том, что он стал составителем «народных изданий» и сборников для народного чтения, снискавших особенную популярность среди разночинных слоёв населения. Пять изданий выдержала составленная им книжка **«Приключения Робинзона Крузо»** (СПб., 1876-1899); ещё больший интерес вызвало издание **«Народная война 1812 г.»** (СПб., 1883-1888), а для псковичей драгоценным стало сочинение Яхонтова **«Город Псков и его**

окрестности» (СПб., 1886). Эти и другие народно-просветительские начинания поэта – в жанре путешествия, исторической хроники и т. д. – вошли в историю словесности как сочинения, написанные «красивым, лёгким и чрезвычайно понятным языком» и вполне оправдавшие цель, для которой предназначались.

Особо следует сказать о стихотворной повести А. Н. Яхонтова **«Горькая ошибка»** - одной из многих лиро-эпических вариаций «Евгений Онегина», появившихся во второй половине 19 века. Ко времени, когда создавалась повесть А. Н. Яхонтова, новаторство Пушкина в романе в стихах только ещё вступало в стадию зрелого и глубокого осмысления. Вышедшие в свет в 1855-1857 годах «Материалы для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова вновь оживили «бурю мнений», кипевшую в период публикации «Онегина». Издание П. В. Анненкова побудило не одного Яхонтова выступить с новыми откликами на роман, с учётом его поэтической уникальности. «Горькая ошибка» стала ещё одной, своеобразной репликой в многоголосии мнений о романе – репликой, должной подтвердить, что тип романной организации, введённый Пушкиным, автором повести разгадан и освоен. При этом Яхонтов не только скрывал, но и подчёркивал свою «вторичность», не видя в ней ничего предосудительного. Для самого поэта его роль литературного посредника, интерпретатора и переводчика – в прямом и переносном смысле – классических произведений была естественной и правомерной: как лучшие из ряда «второстепенных поэтов», он видел в «чужом» создании своего рода «оперное либретто», на которое поэт «потом пишет музыку своих ощущений и мыслей» (В. Г. Белинский).

Поэтому, прежде всего, общая идея «Онегина» в преображённом виде вошла в его произведение. Это идея невозможности эгоистического, личного счастья в силу его безнравственности, предпочтения ему скоромной «обычной череды» сменяющих друг друга дней, наполненных «честным трудом»:

... тщетную гоньбу
За счастьем оставив, сам с собою
Задумал он упорную борьбу.

Ведь счастье даётся только с бою
И лишь трудом смиренным и святым...

Сюжетно-динамическое начало «Онегина» осознано Яхонтовым как противоречащее естественному ходу вещей – необходимому условию «смиренного труда». Из «пёстрых глав» пушкинского романа Яхонтов отбирает те, которые созвучны и близки ему. Тональность лирического пушкинского размышления, где чуть иронически звучит мотив покорности судьбе, определяет ведущую тему повести:

Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья...

(«Отрывки из путешествия Онегина»)

Лирический герой Яхонтова мог бы сказать это о себе, собственным опытом подтвердить мудрую пушкинскую мысль:

... Время унесло
Пыл юности, пережитую муку,

Давно былём всё это поросло!
Как сон, очарование прошло.
Сквозь слёзы вдаль пошлём ему улыбку.

Но веру в счастье вспомнить тяжело,
Как глупую и горькую ошибку!

.....

Сюжетным неожиданностям контрастно противопоставлены неизменные в своих чертах картины патриархального быта, навеянные, очевидно, впечатлениями долгого пребывания в мире русской деревни, в родных местах. Это уклад, где ничего не происходит, где люди словно сберегаются судьбой от бессмысленных случайностей (подзаголовков «Горькой ошибки» - «Случай»). Именно здесь

герой и героиня символизируют народный мир. К пушкинскому пониманию народности здесь присоединяются понятия, осознанные уже по Тургеневу, Некрасову:

Глухая осень. Мирное село.
В тиши послеобеденного часа,
В сыром тумане дремлет тяжело.

От дома в сад спускается терраса,
Даль – тучами совсем заволокло...
Чу! Храп коней, стук мерный тарантаса...

Ты – дома; всё врачует сердце тут:
Любовь семьи, с природою сближенье,
Простор полей, благословенный труд.

Ненарушимый мир уединенья –
Всё это люди счастьем зовут!..

Эпизод повести родствен философско-поэтическим финалам не только пушкинского романа, но и «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева, «Дуэли» А. П. Чехова. Герой «всем существом» постигает чувство родины, непосредственным приложением которого является «тихое село»:

Там – честный труд, там праздно не мечтали,
Там жизнь текла обычной чередой...

На то, что повесть относится ко второй половине 1850-х годов, указывает введение эпизода, связанного с Крымской войной, представленной по свежим впечатлениям. В рукописи «Горькой ошибки», которая хранится в Отделе рукописных и редких книг Псковского музея-заповедника, дата написания не проставлена. Три отрывка повести вошли в книгу «Стихотворения Александра Яхонтова» (СПб., 1884); отдельные произведения в этом первом и единственном сборнике поэта напоминают фрагменты лиро-эпического повествования: «Старый дом» и др. Полностью повесть была подготовлена к печати и опубликована псковским историком и краеведом Л. А. Твороговым в районной газете «Светлый путь» (1966-1967), а

затем перепечатана нами в журнале «Псков» (1995-1996) с отдельными уточнениями, комментариями и предваряющей статьёй.

Л.А. Творогов напечатал «Горькую ошибку» с подзаголовком «Неизвестная поэма А. Н. Яхонтова», однако по всем жанрово-стилевым признакам ее целесообразнее считать повестью (тем более так именовал её и сам поэт). Уже в 1840-е годы именно стихотворная повесть, а не поэма – наряду с «рассказами в стихах», «очерками в стихах», «романами в стихах» в духе «Евгения Онегина» - стала привычным и даже любимым чтением в обществе. В этот широкий массив вошло и сочинение Яхонтова, сочетающее сюжетность традиционной «повести» с ориентацией на «свободный роман», который «требует *болтовни*» (Пушкин).

После «Графа Нулина» Пушкина и «Бала» Баратынского, как отмечает современный исследователь жанра В. Афанасьев, «повесть за повестью выходили в свет, и почти ни одна из них не обходилась без оглядки на «Евгения Онегина»...». Произведение Яхонтова не составило исключения: в нём откровенно использованы приёмы пушкинского поэтического повествования, литературно узаконенные именно «романом в стихах». Яхонтов строит поэтику своей повести на основе буквальных соответствий «Онегину», обильных цитат и реминисценций из него.

В конце II главы автор замечает (совсем по-пушкински):

Но с той поры едва ль не год умчался,
А мой рассказ на месте всё стоит,

Хоть дважды в путь-дорогу подымался.
Вперёд, вперёд! Чтоб троечный мой стих,
Пожалуй, нас вести не отказался.

Но и в третьей главе «действие ещё не началось» (упрёк, который делали Пушкину друзья, по главам разбиравшие выходящего в свет «Онегина»), а автор «Горькой ошибки» лукаво замечает:

Без пользы мы растягивать не станем

Простую эту повесть...

Повесть уподобляется книге, жизнь – литературе (это также пушкинский приём: и там, и здесь автор «перечитывает» отдельные, особенно дорогие ему страницы). Внутреннее единство повести создаётся не столько сюжетом (нередко словно замирающим, «пунктирным»), сколько духовной цельностью личности автора-повествователя, его освещением внешне «бессвязно» текущего рассказа. Кроме того, «свобода» повествования ограничена чёткой строфической организацией: цепными строфами, состоящими из классических терцин.

Узнавая «пушкинские» образы, читатель, тем не менее, погружается в собственный, неповторимо-интимный мир автора «Горькой ошибки», переживая вместе с ним и сочувствуя ему. Нельзя не отметить мастерства поэта в изображении психологических состояний героев и тенденцию к неоднозначной, ёмкой характеристике их поступков и свойств, их отношения к ударам судьбы и собственным, так сказать, добровольно совершённым «ошибкам».

Герой повести Владимир Павлыч – «идеалист-поэт», подобие Владимира Ленского. Однако в постромантическую эпоху, когда идеалисты «перевелись давно», его вид – «скромный», у него «примет особых нет». Улавливается контур классического образца:

... взгляд, немного томный.

Певучие стихи он помещал

В журнал достопочтенный, многотомный;

Была свобода – светлый идеал

Гражданского его мировоззренья,

И красоту он обоготворял,

Как высший смысл природы и творенья.

Автор придерживается тона лёгкой, доброй иронии в изображении, очевидно, близкого ему духовно «юноши-поэта». Вместе с тем, прекраснодушие Владимира Павлыча признаётся

«ошибкой», которую ему надлежит исправить собственными силами – в пору духовной зрелости, новой мудрости, узнавания главных, сущностных начал в самом себе.

О стихотворениях Яхонтова прижизненная автору критика писала как о «весьма грациозных», обладающих «задушевностью, мягкостью, искренностью и выразительностью», но не имеющих настоящей оригинальности. Характерен, например, такой отзыв: «Лирические стихотворения Яхонтова звучны, красивы и по тону напоминают поэзию Майкова, гр. Алексея Толстого и особенно Некрасова, мотивы музыки которого он затрагивал всего чаще, усваивая, может быть, помимо воли, себе его приёмы и формы, и с такою же, как и он, любовью относясь к низшим слоям народа». В лирике поэта слышны пушкинские и тютчевские ноты, отголоски поэзии Фета и т. д.

В поэзии Яхонтова много, может быть, не столь художественно выраженной, но живой и искренней приязни к родной природе:

Даль прозрачная темнеет,
 Стынет жар дневной,
 На лугах роса белеет
 И едва заметно веет
 Ветерок ночной;
 Звонко песня раздаётся
 Где-то вдалеке.
 И недвижим остаётся
 Парус на реке.

(«Тайны ночи»).

Но связь поэта с отечественной литературой проявлялась и на более глубоком, бытийном уровне – она ведёт к Г. Р. Державину. Окончательно поселившись в родовом псковском имении, Яхонтов усвоил мироощущение, сходное с тем, которое было свойственно Державину, доживавшему век «на Званке». Подобно выдающемуся поэту «осмнадцатого столетия», автор «Горькой ошибки» мог бы воскликнуть, обозревая всё, что дала ему природа на закате жизни:

- О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?

Творцом содержится вселенна.

Часть литературного наследия нашего земляка была найдена уже после Великой Отечественной войны в его сгоревшей усадьбе и опубликована в 1964-1965 годах в местных газетах Л. А. Твороговым.

Михаил Петрович Погодин

Михаил Петрович Погодин (1800-1875)

В 1865 г. в Пскове один день пробыл известный собиратель и исследователь славянских древностей, историк, прозаик, публицист, издатель «Москвитянина» и ряда других журналов М. П. Погодин. Он возвращался из очередного заграничного путешествия и оказался в Пскове случайно – с точки зрения спланированного им маршрута, и в то же время закономерно, если иметь в виду его давний интерес к памятникам псковской старины (в 1837 г. Погодин подготовил к печати «Псковскую летопись, изданную на иждивение общества Истории и Древностей Российских при Московском университете»). Результатом посещения Пскова стал очерк **«Псков (из дорожных заметок)»**, помещённый в «Псковских губернских ведомостях» (1866, №50-51) и опубликованный затем отдельным оттиском по решению Псковского археологического общества в 1881 г.

Дата приезда Погодина в Псков устанавливается по косвенным данным. В начале псковских «заметок» он указывает некоторые детали своего маршрута и обстоятельства, побудившие его заехать в город: «... Давно собирался я посетить Псков, но всё как-то не удавалось. Псковский помещик и вместе один из членов упрвления, Н. Н. В. (судя по Памятной книжке Псковской губернии на 1863 г., надворный советник Н. Н. Вохин, заведовавший палатой государственных имуществ. –Н. В.), с которым я имел удовольствие познакомиться на дороге из Лозанны в Монтрё, пристыдил за то издателя Псковской летописи (1837 г.), и я решился на возвратном пути из Швейцарии остановиться хоть на один день в древнем отечестве Св. Ольги. Из Варшавы предупредил я о том нового своего знакомого... в назначенный день он уже ожидал нас на станции железной дороги и взялся с особенною любезностию быть нашим путеводителем».

Погодин называет и число, запомнившееся ему потому, что «в этот день, 15 октября, случился большой крестный ход,

установленный в 1813 г., в память избавления от французов. Знаменитый образ Печерской Божией Матери возвращался в Печерский монастырь, сопровождаемый городскими святынями». Указание на это событие, знаменательное для псковичей, содержится и в Памятной книжке Псковской губернии на 1865 год. Как записано в «Краткой летописи Псково-Печерского монастыря», 7 октября 1812 года «псковские граждане с принесённою из Печерского монастыря чудотворною иконою Успения Пресвятые Богородицы сделали около города крестный ход и о том донесли 8 числа графу Витгенштейну, который в ответе своём от 16 октября уведомил граждан, что он за молитвами их того же числа под Полоцком, разбив совершенно неприятеля, взял на другой день штурмом и Полоцк». Это и послужило причиной учреждения крестного хода, который наблюдал Погодин.

Несмотря на то, что до этого он уже совершил несколько заграничных путешествий, речь, очевидно, должна идти именно о поездке 1865 года: в сентябре в Монтрё Погодин виделся с А.И. Герценом, о чём есть упоминание в самых достоверных источниках – «Дорожных записках 1865 года» («Русский», 1867, № 9-10 от 10 (22) апреля 1867 г.) и Дневнике. Когда Герцен приехал в Женеву, переписка между ними продолжалась. С. И. и М.П. Погодины по пути в Россию собирались заехать к Герцену в Женеву, однако изменили маршрут и уже 28 сентября 1865 года (по старому стилю) отправились из Монтрё на родину.

15 октября Михаил Петрович увидел, наконец, Псков. Его рассказ о первом впечатлении от города отличается обстоятельностью и некоторой назидательностью: «Мы поместились на пригорке у моста через реку Великую, которая здесь имеет почтенную ширину. Противоположный берег покрыт был густыми толпами ожидавшего народа. Другая сплошная толпа валила по горе от Кремля к мосту. Это были: мещане, крестьяне, купцы, которые хранят ещё по городам древние обычаи. Яркие цвета показывали, что большую часть толпы составляли женщины. Духовенство с образами едва сквозь

всё продиралось. Хоругвеносцы каждый шаг ступали с затруднением. Внизу произошла просто драка, потому что полицейские служители не пускали народ на мост, который, разумеется, мог легко провалиться под такую тяжесть. К ним подоспели на помощь вскоре солдаты со штыками и загородили совсем дорогу. Уже спустя много времени, когда архиерей прошёл более половины моста, стража начала пропускать понемногу людей, которые и пустились бегом догонять шествие.

Странно, что у нас до сих пор ни духовному начальству, ни светскому, нигде не приходит в голову заняться устройством крестных ходов и предотвратить многие неприятные, а иногда опасные явления, при них случающиеся...»

Очерк явно содержит ту «свою призмочку», о которой писал Л. Н. Толстой, когда утверждал, что «знает свою субъективную Россию». Он не несёт ознакомительного характера (хотя содержит много фактографических описаний, ссылок на летописные и житийные источники, исторических комментариев). Очерк, прежде всего, написан о том, что действительно волнует самого автора и чем он хотел бы поделиться с читателем: «Но что говорить о больших и многолюдных церемониях! В церквах-то у нас столько ещё бывает беспорядка, даже в Москве – например, в Вербное воскресенье, при раздаче верб, в Крещенский сочельник перед водосвятною чашей, да и вообще при прикладывании ко кресту, при выходе из церкви».

То, что отмечено «мимоходом», не менее значимо для автора, чем то, на чём он задерживается подолгу. «Мимоходом» сказано: «Верховные хоругви и прочие принадлежности показались мне очень бедными. Серая погода лишала праздник лучшего украшения». Древняя городская стена кажется Погодину «ветшающей, но прекрасной», а Троицкий собор поражает его «новизной», которая разочаровывает его как историка: «оказалось, что это здание совершенно новое..., но, вероятно, на древнем основании, что нужно было бы исследовать».

Очеркист пытается осмыслить в комплексе «внешность» и внутреннее убранство собора, что, в целом, наводит его на грустные мысли об утраченном древним городом величии: «Положение его на крутом берегу реки очень живописно. Собор виден со всех сторон издалека. Внутренность его очень бедна и возбуждает невольную грусть при мысли о древнем величии и богатстве Пскова. Непременно должны быть очень древние иконы, современные первым основаниям; но они повреждены, разумеется, подновителями. Может быть, найдётся как-нибудь возможность восстановить древность».

Больше всего Погодина интересуют те, кто оставил след в истории Пскова: Великие князья Всеволод-Гавриил и Довмонт. К ним он проявляет интерес не только историка, но и человека, патриота, делая замечания такого характера: «Любопытно было бы добраться, чем Всеволод приобрёл себе любовь и память во Пскове в такое короткое время». В связи с описанием жизни «другого героя и любимца Пскова», князя Довмонта, Погодин приводит его обычную поговорку: «Братия – мужи Псковичи, кто стар, тот мне и отец, а кто молод, тот брат, постоим за святые церкви и своё отечество». Добрым словом вспоминает автор и «третьего благодетеля Пскову, Николу Салоса, Юродивого, который своею смелостью избавил город от гнева Иоанного». В «назидание и утешение местного народонаселения» Погодин предлагает собранные в его Древлехранилище «рукописи, озаглавленные Псковским патериком и заключающие разные сказания, относящиеся к Псковской области, - их очень много».

Больше всего Погодин боится нововведений, способных погубить, к примеру, кремлёвскую стену: «часть её уже исправлена вместе с угольною башнею – но лучше б оставить её без такого исправления. Намазанною густыми слоями извёсткою закрылись все следы древности, а как ещё выбелят её мелом, то и прости-прощай, драгоценная старина!».

Погодин опирается на труды псковских историков-краеведов – гр. М. Толстого, А. Князева, видя в них залог бережного отношения к древностям. Он уповает на «науку»,

которая позволит восстановить утраченное. Но, в целом, его душа страдает от зрелища современного Пскова: «На просторной площади перед Кремлём, покрытой грязью, шаталось несколько бедных людей и торговалось около картофеля, капусты, яблоков, грибов. Бедный Псков! – подумал я, где твоя слава?» Как и за тридцать лет до этого приехавший в Псков Ф. В. Булгарин, Погодин призывает художников запечатлеть «места, приснопамятные для Русских», «драгоценные останки»: «Был ли здесь Брюллов, задумавши написать осаду Пскова?»

Подробно рассказывает Погодин о посещении Поганкиных палат, других сохранившихся зданий гражданской архитектуры. Прокомментировано им и посещение псковских церквей и часовен, овеянных преданиями.

Возвращаясь в настоящее, Михаил Петрович объясняет, почему не смог осмотреть окрестности города: «Погода наступила ненастная; шёл беспрестанно дождь, - и я отложил попечение посетить Печерский монастырь, пригород Изборск, с его крепкими стенами, земляным валом и Труворовым камнем, должен был отказаться от мысли помолиться на могиле Пушкина».

Древность для Погодина – живая, а пафос его очерка актуален и сегодня: «У нас есть много археологических обществ и есть даже комиссия; жаль, что все они, занимаясь книгами и рукописями, а теперь курганами, не обратят внимания на прочие *живые останки*» (курсив мой. – Н. В.).

Александр Сергеевич Зеленой

Александр Сергеевич Зеленой (1821 или 1822 - 1875)

Имя Александра Сергеевича Зеленого на сегодняшний день остается почти неизвестным, и это неслучайно, так как в отечественной культуре оно является забытым и не востребованным. Будучи нашим земляком, он явился человеком, который не остался равнодушным к событиям эпохи крепостного права. Именно об этом свидетельствует публицистическое наследие Александра Сергеевича Зеленого.

В 1821 (22?) году 20 августа в селе Ивановское- Матенец Холмского уезда Псковской губернии в семье помещиков Зеленых появился на свет мальчик, которого назвали Александром. Отец Александра - Сергей Максимович - принадлежал к дворянскому роду. Об этом роде в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона есть справка следующего содержания:

“ЗЕЛЕННЫЕ - русский дворянский род, восходящий к концу 15-го века. Семен Зеленой подписал грамоту об избрании на престол царя Михаила Федоровича, а потом был дьяком. Генерал- адъютант Александр Алексеевич (1819-1880) был министром Государственных Имуществ и членом Государственного Совета. Род Зеленых внесен во вторую часть родословной книги Псковской и Херсонской губерний”.

Мать Александра Сергеевича - Ирина Сергеевна была надворной советницей, помещицей. Она одна занималась воспитанием Александра, так как ее муж умер через пять лет после рождения сына.

По семейной традиции мальчики поступали на военную службу. Поэтому и Александр в 1836 году был отправлен в Санкт - Петербургский Морской Кадетский корпус, в котором он учился прилежно. В 1842 году он получил звание гардемарина; в 1844 - мичмана, с оставлением в офицерских классах Морского кадетского корпуса для продолжения изучения «высших наук». Однако в 1847 году, из-за болезни, Александр Сергеевич навсегда оставил морскую службу и вернулся жить в родовое поместье.

Находясь в отставке с 1847 по 1857 год, Зеленой поступил на службу в Министерство государственного имущества. В этом Министерстве решались вопросы улучшения деятельности сельского хозяйства, внедрения новых технологий, увлечения производительности крестьянского хозяйства. Большое внимание уделялось вопросам просвещения крестьян. Эта проблема в особенности волновала Зеленого. В 1850 году он открыл домашнюю школу, в которой сам преподавал. Учениками стали крестьянские дети. Александр Сергеевич работал по собственному проекту, который он самостоятельно и разработал для обучения крестьянских детей. В этом проекте все было продумано: зимнее и летнее расписание, учебники, по которым дети должны были заниматься, предметы; хорошо обдуман и подобран материал, в основе которого находились только русские народные традиции.

В малограмотной России не только помещик, но и даже высокообразованный человек порой не уделял внимания крестьянам. А Зеленой, будучи человеком деятельным, задумывался над вопросами о введении всенародного образования, старался разрешить самые острые проблемы, в том числе и связанные с бытом крестьянства. В 1860 году был опубликован его труд: **“Опыт книги для грамотного простолюдиня”**. Опыт должен был стать подспорьем крестьянину, умеющему читать, так как содержал сведения и о русском государстве, и о сельскохозяйственных работах на каждый месяц, и о лечении домашних животных.

В 1861 году Зеленого утвердили кандидатом в мировые посредники, позднее, правительствующим Сенатом он был утвержден в должности участкового мирового судьи (1866-1872). В уездном Собрании он представлял интересы уездных земледельцев. Сохранились проекты, в которых он излагал свои мысли по обустройству жизни. Например, *“Об усилении медицинских средств в уезде”*, *“О дурных дорогах в уезде”*, *“Об улучшении арестанских”*.

Наиболее ценным и важным является литературно-публицистическое наследие псковского помещика, в продолжение нескольких лет постоянно публиковавшегося в Санкт-Петербургской *«Земледельческой газете»* (1856 - 1860) и журнале *«Современник»* (1850-1860). Ряд статей (но далеко не все) вошли в его вторую книгу **“Современные вопросы”**, написанную в 1858 году. Тематически статьи располагаются следующим образом:

- Грамотность и образование простого народа;
- Телесное наказание;
- Положение женщины в семье и обществе;
- Взяточничество.

Большинство статей Александра Сергеевича отличается живой разговорный язык. Зеленой умело приводит яркие примеры, бытовые зарисовки, наглядно подтверждающие его основные воззрения.

Даже сегодня, с позиций современности, мы видим, что в этих статьях прослеживается благородная идея помещика-просветителя, сознающего острую необходимость сделать русского крестьянина грамотным, а значит и всю Россию - просвещенной. Эти высокие помыслы подтверждаются в одном из высказываний Зеленого, которое и сегодня не утратило своей актуальности *«Где грамота, там просвещение, где просвещение, там добро...»*.

Лев Александрович Мей

Лев Александрович Мей (1822-1862)

Исторические события русской земли и далекое прошлое Псковского края нашли отражение в творчестве поэта, чьи произведения еще при жизни подвергались едким и ироничным обвинениям критики, отмечавшей наличие у автора «односторонней народности» (Н. Добролюбов) и «чрезмерную этнографичность быта» (Ап. Григорьев). Однако, несмотря на то, что поэт очень сложно переживал разлад со временем и практически потерял связь со своим читателем, его наследие все же сохранилось в памяти поколений и нашло свой путь к сердцам многих ценителей русской культуры. В этом свою роль сыграла музыка, подарившая вторую жизнь многим оригинальным и переводным произведениям поэта, в том числе и его историческим драмам «Царская невеста» и «Псковитянка».

Лев Александрович МЕЙ, русский поэт и переводчик, родился 13 февраля 1822 г. в Москве в небогатой дворянской семье отставного офицера, участника Бородинского сражения. Практически с ранних лет он ощутил тяжесть невосполнимой потери отца и последовавшее разорение семьи, вынужденной переехать в Хамовники к бабушке А.С. Шлыковой. Девятилетним мальчиком он поступил в Московский дворянский институт, откуда за отличные успехи в 1836 г. был переведен в Царскосельский лицей. Именно здесь Мей впервые ощутил себя поэтом и начал публиковаться в лицейском рукописном журнале «Вообще» и альманахе «Столиственник», редакторами которых были его товарищи. Он живо интересовался русской историей, с увлечением читал Н.М. Карамзина, к сочинениям которого пристрастился еще дома. К публичному испытанию при окончании лицея Мей представил свой поэтический перевод «Слова о полку Игореве», который был высоко оценен присутствующими. После завершения образования в 1841 г. он вернулся в Москву и поступил на службу в качестве младшего чиновника в канцелярию московского

генерал-губернатора. С 1849 г. он начинает регулярно печататься в журнале «Московитянин», оплоте славянофильства, а немного позже входит в его «молодую редакцию», где заведует отделом русской и иностранной литературы, тесно сближается с окружением сначала А.Н.Островского, а потом Ап. Григорьева, знакомится с А.Ф. Писемским.

С 1853 г. Мей в поисках постоянного заработка вместе с женой поселяется в Петербурге. Однако здесь вплоть до самой смерти он ведет жизнь полуннищего интеллигента, ведя постоянную борьбу с нуждой. Редкие, случайные литературные заработки не давали возможности свести концы с концами. И лишь работа в «Энциклопедическом лексиконе» А.В. Старчевского сначала в качестве корректора и автора статей, а позже в качестве постоянного сотрудника журнала позволили Мею удержаться на поверхности. В Петербурге он был принят литературной средой, познакомился с Н.Ф. Щербиной, А.Н. Майковым, И.С. Тургеневым, стал постоянным посетителем литературно-художественных салонов. Несмотря на бытовую неустроенность стал сам устраивать вечера, где собирались литераторы разного толка, среди которых появлялся и Н.Г. Чернышевский. Чтобы поддержать такую жизнь, Мей вынужден был печататься практически во всех больших и маленьких журналах, где львиную долю его труда составляли переводы с разных европейских языков.

Несмотря на некоторую приобретенную известность, первый сборник стихотворений Мея (1857) встречается критикой очень прохладно. Такова же реакция и на его первую книгу «Сочинений и переводов Л.А.Мея» («Былины и песни» - 1861 г.). Денег они не принесли, что значительно усугубило полубогемный быт поэта. В воспоминаниях современников Мей рисуется безалаберным, но очень добрым, мягким и отзывчивым человеком. Он любил собирать вокруг себя много людей, закатывать пиры, на которые уходили последние деньги. Кроме того поэт продолжал пить, и эта беда практически подорвала его здоровье. В последние годы жизни Л.А. Мей постоянно болел

и, простудившись в начале мая 1862 г., умер 16 числа от наступившего «паралича легких».

Возвышенный мир поэзии проявляется у Мея сразу же по приезде в Петербург, когда он оказывается недалеко от самых значительных культурных регионов древней Руси - Великого Новгорода и Пскова. Особо важное место в творчестве поэта и в истории русской исторической драматургии занимает драма «Псковитянка», над которой он работал почти десять лет (1849 - 1859). В ней мы видим, как в его сознании проявляется специфическое отношение к народному творчеству и к русской истории. Поэт, традиционно признававший православную религию и необходимость монархической власти, воспитал в себе потребность в изучении русского национального характера, неосознанно идеализируя его патриархальный быт и специфическое понимание русской натуры. На развитие этих интересов оказали влияние не только друзья-славянофилы, но и близкие к славянофильству московские ученые - историк И.Е. Забелин и филолог Ф.И. Буслаев. Так же, как и они, Мей через осмысление остатков старины в современном быту, традиционных форм искусства и исторических отложений в народной речи «хотел проникнуть в прошлое народа и увидеть отдаленные исторические события в их непосредственной яркости и живости». В формировании исторических воззрений Мея особую роль сыграл и московский профессор С.М. Соловьев, создатель «государственной» исторической школы, который одинаково принят был и славянофилами и западниками, поскольку признавал религию одним из направляющих начал в жизни русского народа и был сторонником петровских реформ в качестве пути к совершенству русской монархии. Мей воспринял от Соловьева увлечение московским периодом русской истории, положившим конец соперничеству между «вечевыми» (старыми) и «княжескими» (новыми) городами.

В «Псковитянке» нашли отражение такие коренные вопросы эпохи 60-х гг., как соотношение между самодержавием и народовластием, властью и народом, властью и конкретной

человеческой личностью. Мей выразительно и сочувственно показывает в центральных эпизодах свобододолюбивый дух народа, а в образе Ивана Грозного изображает не только мудрого государственного правителя, но и человека, готового тиранически и кроваво отстаивать принципы единовластия. Драма, едва появившись на сцене, была запрещена цензурой, поскольку в ней заключалось «живое изображение Псковского веча и его буйной вольницы», что, по мнению критики, как раз и явилось несомненной удачей поэта наряду с привлекательностью женских образов, противоречивым характером Грозного и естественным народным языком.

«Псковитянка» относится к произведениям историко-бытового жанра, где причудливо сочетаются два типа драматического конфликта - частный и общественный. В драме Мейя мы наблюдаем, как автор пытается решить проблему всеобщего масштаба, рисуя столкновение между свободным городом Псковом и самодержавием как пример исторического конфликта. Одновременно на этом фоне он воспроизводит конфликт частно-бытового характера, который разворачивается, с одной стороны, между Иваном Грозным, олицетворяющим верховную власть, а с другой - его незаконной дочерью Ольгой и ее женихом Тучей, чье счастье этой властью разрушается. Таким образом, мы встречаемся с пересечением обоих конфликтов, создающих драматическую коллизию вальтер-скоттовского принципа, где произвольно смешиваются реальные и вымышленные персонажи.

Поводом к созданию драмы, как отмечает сам Мей в примечаниях, послужили два появления Ивана Грозного в Пскове - в 1546 г. и 1570 г. Оба пребывания выглядят весьма загадочными, поскольку Псков практически никак не пострадал ни при вступлении его в город в сане великого князя, ни когда он стал царем всея Руси. По сообщению Псковских летописных свидетельств, еще раньше дружины царя взяли город и привезли в Москву вечевой колокол, являвшийся символом независимости. Псков стал царевой вотчиной и управлялся

наместником. Первый приезд продолжался недолго и практически связан был с царскими развлечениями: «вволю натешился тогда царь над псковскими дубровами и псковскими теремами» (Л. Мей). Второе вступление состоялось через пятнадцать лет. В 1570 г. после усмирения владыки новгородского Пимена, в результате чего Новгород был разгромлен по всем статьям (за пять недель он был совершенно разграблен, а сотни горожан потоплены в Волхове), Иван Грозный свернул к Пскову. «Псковичи его уже ждали и встретили хлебом-солью и повинными головами, а впереди всех - его же царский наместник князь Юрий Иванович Токмаков. Умилился государь и пожаловал Псков своею царской милостью: не казнил Псков, во гневе своем, нещадно, а указал опричникам притупить мечи о камень, дабы перестать убийствам» (По летописи).

Это помилование выглядело в истории настоящей загадкой, которую не мог разрешить даже Н.М. Карамзин, сославшийся на эпизод посещения Грозным юродивого схимника Николу Салоса, который, предложив царю в пост кусок кровавого мяса и выслушав отказ того, объявил ему откровенно: «Ты делаешь хуже, царь! Ты пьешь кровь христианскую!». И не рассердился Грозный, и помиловал город. Такие эмоциональные и полумистические причины не удовлетворили Мей. Он считал Грозного мудрым политиком, который, хотя и не жаловал Псков, как это показывают летописные источники, понимал, что город стоит на скрещении торговых и политических дорог и что через этот город осуществляется взаимопередача культурных явлений европейской и русской жизни. Но как поэт Мей вводит еще одну причину, пытаясь через введение бытового конфликта обусловить разрешение исторического противоречия: потому Грозный не тронул Псков, что увидел в нем дочь свою и смягчился сердцем.

«Псковитянка» стала пьесой более зрелой, чем «Царская невеста». В отличие от старших славянофилов, утверждавших

отсутствие на Руси почвы для разлада между личностью и патриархальными устоями, Мея как раз интересовали личности, «находящиеся в антагонизме с исконными патриархальными формами жизни, страдающие под гнетом и выступающие в молчаливую борьбу с ними» (Г.М. Фридлендер). Отсюда в его творчестве наблюдается постоянное выдвижение на первый план мотива семейного неблагополучия. Романтическая фабула о любви жены боярина Шелоги к царю и о позднейшей встрече его с дочерью дала возможность автору психологически мотивировать поведение царя, помиловавшего Псков.

Сюжет пьесы, в которой с точки зрения композиции последовательно представлены две семейные драмы, неприхотлив и прост. В первых четырех частях действие разворачивается в Пскове, а заключительная часть дает изображение царской ставки на берегу реки Медведни. События происходят на непродолжительном отрезке времени, но начинаются за пятнадцать лет до основного повествования, с 1555 г. Стилизованный посредством речи и бытовых деталей фон воссоздает картину псковской жизни середины XVI в. Первое действие представляет собой завязку. Мы встречаемся с семьей псковского боярина Ивана Шелоги и его жены Веры, выданной замуж «неволей», у которой в отсутствие мужа рождается дочь Ольга. В беседе с сестрой Надеждой Вера открывается, что Ольга - дочь человека, чье имя она даже боится произнести. Следует пространный рассказ о том, как после похода против немцев ее муж на неопределенное время остался под Колыванью (Таллин). Вера пошла помолиться в Печорский монастырь и, заблудившись, впала в беспамятство, после чего очнувшись уже в богатом шатре, из которого ее с почестями отправили домой. После такого чудесного знакомства у нее завязываются непродолжительные романтические отношения с царем, которому она отдает свое сердце... Возвращается отсутствовавший почти год Шелога. На вопрос о том, чей ребенок, Надежда признает его своим. Концовка действия удивительно драматична и неожиданна по продолжению.

Спасая сестру от позора, Надежда забывает, что сама бросает на себя тень подозрений, будучи невестой князя Юрия.

Действие второе разворачивается уже в 1570 г. В самом начале изображается картина княжеской усадьбы царева наместника Юрия Ивановича Токмакова с видом на Кремль. В саду играют в горелки молодые боярышни и девушки, которые потом идут собирать ягоды; их мамки и няньки заводят разговор о скором замужестве своих подопечных. Перфильевна сообщает о страшных вестях из Новгорода, куда пришел царь Иван Васильевич «со всей опричиною»:

Казнит по всем концам и по посадам
И старого и малого - кто виновен,
А кто и невиновен - без разбора,
Без жалости - без милости казнит.

На Волхове, пониже моста с версту,
Набило тел - такая-то плотина,
Что полою водою не размочит...
Три тысячи, никак - он говорил, -
На площади казнено было за день...

Разговор прерывается появлением боярышень, которые приносят ягоды и просят Власьевну рассказать сказку, в это время Стеша Матута и Ольга поверяют друг другу девичьи тайны. Когда все уходят, в саду появляются Четверка Терпигорев и Михайло Туча, юные возлюбленные девушек. Происходит встреча Ольги и Тучи, которые выясняют отношения. Ольга просватана боярину Никите Матуте, «прихвостню московскому», Туча предупреждает, что «экой свадьбы Псков-осударь всей сходкой не попустит» и открывает свои чувства:

Мне надо
Тебя, княжна, да надо не потайно –
Пред богом и пред добрыми людьми,
И быть тому!.. Я беден и безроден,
А никому тебя не уступлю.
Прислушай, что я накрепко задумал:

Пойду к Успенью под Сибирский Камень
 С Четверкой и с псковскими удалцами,
 Добуду там мехов и серебра,
 Вернусь к весне и князю поклонюся
 Моим добром и головой сиротской:
 Волен казнить и жаловать волен,
 А я на помощь Божию надеюсь...
 Благослови, княжна, меня на путь!

Ольга обещает открыться отцу и рассказать о своей любви, но приближающиеся взрослые (князь Юрий и боярин Матута) заставляют молодых спрятаться. Князь и Матута разговаривают о последних новгородских событиях и опасаются такого же похода Грозного на Псков. Матута предупреждает, что с псковской вольницей трудно сладить и в качестве примера приводит молодецкую удаль Четверки и Тучи - главных антагонистов власти. Князь Юрий поверяет Матуте тайну о том, что Ольга ему не родная дочь, что она дочь Веры Шелоги. Ольга в кустах вскрикивает, и в это время в кремле слышатся удары колокола - созывают народ на сходку.

Действие третье изображает масштабную картину псковского вольного самоуправления: собравшийся на вечевое место народ со своими управляющими слушает гонца из Новгорода Великого о страшных событиях царевой казни города. Всеобщее настроение выражают голоса:

А мы то, псковичи,
 Положим также голову на плаху?

 Нет!.. Как же так?
 Аль стены развалились?
 Аль у ворот заржавели замки?
 Не выдавай, ребята, Псков Великий!
 А щит-так щит!
 И вправду, что мы дремлем? Звоните вече!
 У Святого Спаса! У Троицы!
 За осударя-Псков! За пошлину мирскую и за вече!

Рубись, ребята!
С улицы аль с дома?
Рубися с дома!
Сельские с сохи!
Звоните вече!
Любо!
Вече! Вече!

В это время слово держит наместник Юрий Токмаков и наставляет псковичей не бояться прихода царя:

Скажу я вам и - с места не сойти –
Скажу на благо осударю Пскову...
Пеките хлебы, хмельный мед сытите,
Варите брагу... Каждый у ворот
Накрой свой стол с гостинным хлебом-солью;
Всем выходить, от мала до велика,
Во сретенье царю и государю
И бить челом о милости его...
И простоит вовеки Псков Великий
Своим смиренъем, жалованъем царским
И милостью господнею...

Бывший степенный посадник Максим Илларионович, вспоминая дедов и их гордость и веселье, предлагает нынешнему народу проститься с Псковом перед московским царем, поскольку не видит никого, кто бы мог противостоять войску Грозного. Он заканчивает свое обращение иронической репликой: «хороший будет пригород московский - и слава Богу!» Его слова многомысленны и вызывают возбуждение среди посадских сыновей, от которых говорит Михайло Туча. Ему обидно за псковичей, которые без вины хотят встретить приход царя с повинными головами, и, не встретив поддержки своему призыву биться «на поле», предлагает уйти из города. Народ делится на двое. Боярин Матута уговаривает князя Юрия не выпускать буянов из Пскова и стрелять в них. Туча бросает ему перчатку в лицо. Князь не может удержать молодцов, которые с издевательской песней уходят через Смердьи ворота:

Али незачем точить
Ни мечей, ни топоров?
Али негде нам сложить
И головушек за Псков?

То-то лёли, то-то лёли, то-то лёшеньки мои!

Это действие пьесы вызвало наиболее положительные отклики критики. Народ изображается живым и деятельным участником событий, обладающим конкретными пристрастиями и соответствующей реакцией. Он уже не пушкинский «безмолвствующий народ», а некое человеческое единство, способное по-своему оценить происходящие события.

Интерес Мея к далекой старине проявляется в показе декоративной стороны прошлого. Мы встречаемся со знаковыми деталями данного действия - вечевым колоколом, ритуалом выступления с вечевого места, патриархальным почтением к старшим и одновременно с удалью и дерзостью молодежи.

Четвертое действие происходит в тереме князя Токмакова. Ольга переживает о своем сиротстве после подслушанных слов князя Юрия. Псковичи готовятся к приходу Грозного. Токмаков отказывает боярину Матуте в руке Ольги за трусость во время сходы:

За то что не пскович ты,
Что не слуга ни Пскову-осударю,
Ни государю нашему, Ивану Васильевичу.

Изображается вступление Грозного во Псков, его приход в дом князя Юрия. Во время ужина Ольга подносит еду. Иоанн узнает в ней Веру. Князь Юрий раскрывает ему всю историю, и Грозный отдает приказ Малюте Скуратову:

Да перестанут
Убийства!.. Много крови... Притупите
Мечи о камни: Псков хранит Господь!

Пятое действие изображает события в ставке царя. Интерпретация характера Ивана Грозного по тем временам неслы признаки новаторства. В пространном монологе Иван

Грозный сомневается, верно ли он поступил, «обелив» Псков, поскольку его вольница сродни Новгородской. В беседе со своим окружением он высказывает принцип своего царствования:

То только царство крепко и велико,
Где ведает народ, что у него
Один владыка, как в едином стаде
Единый пастырь...

Фактически это было выражение его политической программы. Поборник царского единовластия и противник боярского управления, царь оправдывает свои поступки заботой о «малых силах», о «православном люде».

В это время задержан боярин Матута, который похитил Ольгу. Иван Грозный взбешен и требует наказать бесчестного обидчика. Испуганный боярин оправдывается и доносит, что Ольга шла повидаться с Михаилом Тучей, предводителем псковской вольницы. Иван Грозный требует привести Ольгу и остается с ней наедине. Девушка признается, что любит Тучу, но государь отказывает ей в свадьбе:

Пошлю сказать князь Юрью, что в Москву
Везу тебя, а воли моей царской
Ослушника, посадничего сына,
Велю поймать и привезти в железах...

Пока Иван Грозный беседует с дочерью, не признаваясь ей, что он ее отец, в ставку врываются молодцы псковской вольницы и ищут девушку. Стрельцы во главе с Малютой Скуратовым пытаются поймать напавших. Туча погибает пристреленный в реке. Ольга хватается со стола нож и пронзает себя. Царь в волнении осыпает ее поцелуями:

Безумная!... Ты слышишь ли?.. Ты слышишь?..

Ведь я тебе... (Обращаясь к приближенному)
Спаси ее, Бомелий!
Спаси мою голубку!...

Пьеса заканчивается так же драматически, как и начиналась. «Сильный» царь оказывается сломленным перед

незащищенной псковитянкой, не побоявшейся сказать царю правду в глаза о своей любви и решившейся умереть, коль погиб ее возлюбленный. Двойственность изображения Ивана Грозного заключается в его прогрессивной борьбе против бояр за объединение русского государства, но в то же время он оказывается деспотичным, жестоким, своевольным и бесчеловечным носителем высшей власти.

«Псковитянка» стала вершиной кропотливой работы Мея над языком. Тонкие знания фольклора и старинного книжного языка позволили ему в каждом действии создать образцовые примеры народного стиля. Колыбельная песня и рассказ Веры Шелог; игра в горелки и разговор нянек; песня Четвертки «Раскукуйся ты, кукушечка...», «Сказка про хороброго витязя Горыню» - все это примеры пестрого и разнообразного словесного узора, «искусно вытканного Меем» (Г.М. Фридлендер).

В 1860 г. пьеса участвовала в конкурсе Академии Наук на получение Уваровской премии, но получили ее А.Н. Островский (за «Грозу») и А.Ф. Писемский (за «Горькую судьбину»). Тем не менее «Псковитянка» подготовила историческую драматургию А. Островского и А.К. Толстого.

В 1868-1872 гг. Н.А. Римский-Корсаков, вдохновленный напряженным драматизмом центральных сцен «Псковитянки», написал на сюжет драмы (по собственному либретто) оперу, поставленную впервые в Петербурге в 1873 г.

Александр Михайлович Жемчужников

Александр Михайлович Жемчужников (1826 - 1896)

Известный образ Косьмы Пруtkова создавался графом Алексеем Константиновичем Толстым и его двоюродными братьями: Алексеем и Владимиром Жемчужниковыми при участии их брата Александра, а также Петра Павловича Ершова.

Александр Жемчужников с 20 мая 1870 по 1 января 1874 был Псковским вице-губернатором; в это время он являлся помощником председателя в губернском статистическом комитете, а также членом комитета Псковской публичной библиотеки. Служа в Пскове, А.М. Жемчужников получил чин действительного статского советника (4 кл., соотв. генерал-майору).

Образ Косьмы Пруtkова вырос из литературной игры, забавы образованных людей, владевших словом и обладавших отменным чувством юмора. Толстой и Жемчужниковы принадлежали к родовитому дворянству и располагали большим досугом. В светских развлечениях зимой и среди поместных забав летом молодые люди, здоровые, талантливые и очень веселые, с радостью шутили и озорничали. Об их неистощимых проделках складывались легенды; но как во всяких легендах, в них присутствовала существенная доля вымысла. В их кругу в бытовом общении, среди хорошо знакомых людей было принято играть в буриме, писать друг другу комические послания и шутить, облекая в литературные формы рассказы о житейских случаях. Все это относится к области литературного (и окололитературного) быта, рождающиеся в таком домашнем общении стихи и рассказы и произведениями-то не назовешь. Но роль этого быта для формирования литературного процесса велика, что объяснил в 1920-е годы Ю.Н.Тынянов. В период николаевского царствования даже такая игра – остроумная и веселая - была знаком некоторой оппозиционности, потому что умение смеяться свидетельствует о независимости, демонстрирует духовную и иногда даже политическую свободу.

В проделках братьев Жемчужниковых Александр верховодил. По воспоминаниям, он отличался неистощимой веселостью и редкой находчивостью. Актерские способности позволяли не только играть в домашних спектаклях, но и развлекать публику в жизни. Литераторы А.Толстой, Алексей и Владимир Жемчужниковы свои отклики на современные произведения словесности «оформляли», наиболее удобной формой для этого была пародия. Косьма Прутков и заявлял себя прежде всего находчивым, метким и злободневным пародистом. Сам его образ пародиен: в нем высмеивается самодовольство чиновника, посягающего на высокую культуру ничего в ней не понимая («Я поэт, поэт даровитый! Я в этом убедился, читая друзей: если они поэты, так и я тоже!»).

Косьма Прутков был очень популярен; чиновник-службист и стихоплет, сочинивший множество афоризмов и небольших сатирических пьесок, совмещал в себе хорошо известные из жизни и литературы черты: огромное самомнение, поддерживающее желание учить и поучать, определенную наблюдательность и умение рифмовать. Выразительно охарактеризовал своего героя В.М.Жемчужников: «Будучи очень ограниченным, он дает советы мудрости. Не будучи поэтом он пишет стихи. Без образования и без понимания положения России он пишет «прожекты»... А что Прутков многим симпатичен – это потому, что он добродушен и честен». Произведения «директора Пробирной Палатки», действительно, снискали признания многих, очень разных людей: А.И.Герцена, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского.

Из всех «отцов» популярного чиновника только Александр Жемчужников не был профессиональным литератором. Но именно его сочинения, опубликованные в «Современнике» сначала без подписи в 1854г., положили начало творчеству великого Пруткова. Его брат рассказал об этом в письме: «Летом 1851 или 1852 г., во время пребывания нашей семьи (без гр. А.Толстого) в Орловской губ. в деревне, брат мой Александр

сочинил, между прочим, исключительно ради шутки, басню «Незабудки и запятки»; эта форма стихотворной шалости пришлась нам по вкусу, и тогда же были составлены басни, тем же братом Александром при содействии брата Алексея», которые «были напечатаны в «Современнике» в том же году, без обозначения имени автора, потому что в то время еще не родился образ К.Пруtkова».

Перу Александра принадлежит несколько текстов: «Азбука для детей!», «При поднятии гвоздя близ каретного сарая», «С того света», «Червяк и попадьа» (совместно с Алексеем), комедия «Блонды», «Любовь и Силин» (незаверш.), «Выдержки из моего дневника в деревне» («На горе под березкой лежу», «Желтеет лист на деревьях»). Предположительно «Простуда», «Я встал однажды рано утром», «Сестру задев случайно шпорой».

Жизненная энергия и природная веселость нрава позволила Александру писать в духе К.Пруtkова даже в 1870-е годы, уже после официальной смерти этого героя (в 1875 г. умер А.Толстой). Александр печатал под именем Пруtkова свои фельетоны, которые брат Владимир называл «Сашенькины глупости». Характеристика, возможно, не лестная, но достаточно точная. Насколько можно судить по принадлежащим ему текстам, Александр более других веселился, играя в литературу. Его, видимо, привлекала возможность не столько пародии, сколько чистой, веселой игры. В его смехе нет сатиры, как правило, подразумеваемой в пародии, но много веселья, забавы. Литературный характер этой забавы, конечно, очевиден.

Например, блестяще используя жанровые признаки басни (разговорная лексика, ритмические особенности, необходимость морали), он обыгрывает ее иносказательность. За образами и сюжетами басен и стихов Пруtkова, сочиненных Александром, вопреки ожиданиям читателей ничего не таится: житейская мелочь, намеренно будничная, сниженно бытовая (мозоли, тараканы), прозаическая деталь обыденной жизни облекается в литературную форму. Причем эта форма подчеркнута

«украшенная». И речь стихотворная, и образы из разряда поэтических «красивостей»: незабудки, плакучие березки и слезки, Гишпания, тяжелый экипаж, вояж, перламутр реки, шпага. Несоответствие содержания и формы (зачем писать стихами о том, как лечить мозоли?) вызывает смех. В его произведениях обыгрывается и высмеивается наивность взгляда на литературу. Только глубокое понимание сущности поэтического творчества могло породить такую веселую игру в стихи.

Николай Семёнович Лесков

Николай Семенович Лесков (1831 – 1895)

Н.С.Лесков пришел в литературу уже сложившимся тридцатилетним человеком. Его жизненный опыт накапливался в общении с людьми из различных областей России, людьми самых разных занятий и преимущественно непривилегированных слоев населения. Это позволило писателю обратить внимание русской публики на те группы населения, в которые «до него никто не всматривался» (М.Горький). Богатство опыта, вынесенного будущим литератором из путешествий и государственной службы в разных должностях, повлияло на выбор материала для его произведений. Темы их определялись широтой его интересов и разнообразием познаний в сферах русской жизни, которые, были, как правило, не особенно популярны в литературе того времени: например, жизнь русских мастеровых («Левша»), священства («Соборяне», «Мелочи архиерейской жизни»), старообрядчества («Запечатленный ангел»), иконопись. Одной из главных проблем стало, как у многих писателей, понимание тайны человеческой жизни, загадка жизненного пути. Не случайно своеобразной эмблемой творчества Лескова является повесть «Очарованный странник».

Летом 1863 года Лесков по поручению Министерства просвещения поехал в Ригу для изучения жизни раскольников, по дороге он заехал в Псков с целью «уяснения религиозного духа» старообрядцев, которых в городе жило более двухсот человек, а в губернии около шести тысяч. Свои наблюдения и впечатления он обобщил в статьях **«С людьми древлего благочестия»** («Библиотека для чтения». 1863. №11; 1864. №9), одна из них так и называется - **«Псков»**.

Лесков был талантливым публицистом. В самом начале его творческой деятельности способности молодого писателя были отмечены в «Современнике», хотя он сотрудничал во враждебной знаменитому журналу «Северной пчеле». Статья

«Лесков» дает представление о том, какие грани его творческого дара обеспечили писателю репутацию талантливого журналиста. Хотя статья написана по частному и конкретному поводу, в ней отразились взгляды Лескова на многие интересовавшие его проблемы и особенности его идеологической позиции; в ней сказывается и его человеческая добросовестность, и особая гражданская активность, и демократизм. Подробность и основательная проработанность школьного – и шире – образовательного вопроса старообрядцев свидетельствуют о глубоком внимании писателя к проблемам современной ему российской жизни. Даже стиль статьи выдает самобытность таланта Лескова: он в мелочах быта умел разглядеть отражение серьезных проблем.

В статье даются сведения о псковских раскольниках в обобщенном виде, с использованием уже имеющихся знаний о старообрядчестве вообще: его сущности, истории и современном состоянии. Лесков был знаком с бытом старообрядцев, вероятно, еще в детстве: вокруг гостомельских хуторов, где он жил, располагались раскольничьи скиты. На государственной службе он мог обстоятельно изучать не только домашнюю жизнь, но и церковный монастырский устав, и способ ведения хозяйства старообрядцев.

В русском расколе было несколько направлений; одно из главных – *беспоповщина*. Приверженцы его отрицали необходимость священников для спасения души, считая, что новые священники, представители Никонианской Церкви, «не священи суть», поэтому каждый христианин есть священник. Богослужения исполнялись в беспоповской среде специальными выборными наставниками и начетчиками. Кроме того, беспоповцы сохранили лишь часть церковных таинств и обрядов: крещение и исповедь, а некоторые отрицали и их. Им было также свойственно резко отрицательное отношение к властям, в которых они видели антихристовых слуг, и часто к браку. Эти вопросы – признание власти и необходимости брака разделили беспоповцев на *федосеевцев* и *поморцев*. Последние

отказались от крайних эсхатологических взглядов (признание близкого конца света и, соответственно, отрицание важности земного существования) и были терпимее к общегосударственным установлениям: признали молитву за царя, рекрутские наборы, а также возможность брака. К этому толку – поморцам – и была близка Псковская старообрядческая община.

Важнейшей целью поездки Лескова было изучение старообрядческих школ: ему было поручено изучить опыт «потаенных» раскольничьих школ в Риге, поскольку старообрядцы многих северо-западных городов обратились к правительству с просьбой об организации у себя подобных.

Правительство обратилось к изучению традиционно гонимого раскола, так как из-за оппозиционности старообрядцев некоторые революционеры-демократы видели в них возможных союзников. С этим ошибочным мнением Лесков полемизирует и в различных заметках, и в романах («Некуда», «Соборяне»), и в повести «Запечатленный ангел». В своей статье он явно защищает преследуемых раскольников, неоднократно подчеркивая, что «никаких политических выходов, никакого задора, порицания и глумления против учреждений господствующей церкви там нет, да и быть-то не может». Писатель неустанно разоблачает несправедливость мнения об опасности раскольников для правительства: самый строгий инспектор, по его словам, «запишет им пять в поведении, только боюсь, не было бы у них ноля в успехах».

Формируется враждебность раскольников правительству и традиционному православию, по мнению Лескова, самой жизнью: «при виде стеснений, воздвигаемых никонианами против «древлего благочестия». Гонимые и ущемленные в правах, раскольники вынуждены защищаться: они замыкаются в своих общинах, ограничивают себя в общении из-за боязни доносов. Такая специфическая атмосфера естественно формирует в ребенке неприязнь к властям и приверженность гонимой вере. Причем главная роль в этом принадлежит не

школам, а семье: «Отвращение к церкви и церковникам-никонианам внушается раскольниковым детям прежде всего дома матерями да бабушками и частью отцами родными и отцами духовными (батьками)». Тема воспитания детей и роли семьи в этом процессе как ведущей силы - одна из активно развиваемых Лесковым в позднейшем творчестве.

Писатель узнал о существовании двух раскольниковых школ: «в доме купца Пылаева» и «на берегу реки Псковы..., обращенная впоследствии под солдатскую музыкантскую школу», обе за 20 лет до его приезда были разорены. Он беседовал с выпускниками и «мастерицами» (учительницами), читал книги, по которым училась современная ему молодежь, и смотрел буквари. Все это убедило его в скудости образования псковских старообрядцев: «Учили азбучке, цифирю, арифметике, часослову, да петь по цолям, да и только». В результате о пастве одного из раскольниковых «батек» писатель говорит так: «встретил невежество поражающее, становящее в тупик и преисполняющее глубокого сожаления к этим людям, бродящим с непроницаемою повязкою на помутившихся от поклонного кивания глазах».

Ход рассуждений писателя свидетельствует о стремлении к объективности в изучении любого явления. Фактически обвинив саму власть в недоброжелательности псковских старообрядцев к ней, он отмечает и внутренние причины невежества старообрядцев. «Раскольники вообще очень любят вздыхать и жаловаться на свое невежество, ставя это, разумеется, в прямую вину правительству и духовенству господствующей церкви; но в сущности и у самих их не замечается ревности к образованию своих детей... Раскольник ... желает выбрать из массы научных знаний ... те, которые бы дали молодому поколению средства быть поспособнее к ловкому обделыванию дел с людьми современного развития, но самого человеческого развития раскольник боится более страшного суда...».

Лесков в вопросе о народе, главном и наиболее «больном» в то время, придерживался позиции здравого смысла: «народ» –

понятие очень широкое, среди людей непривилегированных сословий есть разные: талантливые и способные, мудрые и больные. Так же как и в любом сословии. Он рассказывал всегда о конкретных проявлениях пьянства, дикости, непросвещенности, а также таланта, веры, любознательности, героизма. В оценке он старался быть объективным и в описании явлений отрицательных учитывал те условия, в которых формируется и существует человек или группа людей, не оправдывая обстоятельствами, но объясняя. Его демократизм в том и проявлялся, что сострадание и глубокое сожаление не унижали тех, кто оказался в социальной иерархии ниже.

Особенное внимание Лескова привлекли воззрения раскольников на религиозное образование: «Ни истории Ветхого Завета, ни новозаветных событий, ни истории собственного раскола и разницы его с другими ветвями староверчества почти никто не знает». Отличие собственного «согласия» («толка») от остальных им непонятно и, видимо, неинтересно, но на самом отличии они, безусловно, настаивают. Это «ученики, любящие запреты, устанавливаемые в интересах веры».

В религиозных исканиях народа в целом Лесков видел единственную сферу проявления его умственной и духовной деятельности, поэтому он всю жизнь очень внимательно следил за всеми распространенными и появляющимися в народе учениями, течениями и верованиями, связанными с восприятием христианства. Только вера, по его представлениям, дает в жизни нужные ориентиры, но усвоение ее, не говоря уж о следовании ей, требует времени и всеобщих усилий. Поэтому писатель отметил и объяснил терпимость умных пастырей к бытующим в среде псковских старообрядцев предрассудкам (например, по мнению раскольников, нельзя слушать музыку, танцевать): в вопросах не столь принципиальных необходимы уступки, ведь «вросшее годами сразу из лба не выковырнешь». В финале статьи прямо говорится о несоответствии жизни раскольников заветам Христа. Они «спорят о кресте и не знают, что с креста сказано».

В целом в статье Лескова рисуется облик невежественных, замкнутых в своей темноте людей, не способных к самостоятельному общинному правлению и стремящихся только к материальному благополучию, причем достижение его ограничивается опять же их человеческой неразвитостью. Например, орган покупается «для мебели», потому что за долг взять было больше нечего, а играть на нем не только не умеют, но и не хотят, и не считают возможным. О домах раскольничьих аристократов сказано, что в них «барские претензии и мещанское безвкусие, чистота показных покоев и нечисть жилой закуты». Впрочем, грязь в жилище не являлась отличительной чертой старообрядческого быта; например, гостиница в городе характеризуется как «прегадка», лакеи в ней «обсчитывают не хуже берлинских кельнеров, а клопы точно вишни владимирские».

Обращаясь к общим впечатлениям, Лесков пишет: «Семейный быт псковских беспоповцев ... ничем не отличается от рядового быта купечества и мещанства. То же гомерическое невежество, скопидомство, скряжничество, суеверный фанатизм и крепость в отеческих преданиях, разврат и семейный деспотизм». Но о деспотизме автор статьи оговаривается, что он слабее, чем в православной семье, поскольку женщина признается здесь «посестрием», и ей дана некоторая самостоятельность: она подруга, а не жена, не крепостное лицо. Кроме того, раскольницы в Пскове грамотнее, чем их сожители, этим они заслуживают уважение, поскольку в расколе грамотность почитается.

Что касается вопроса о браке, «... у псковичей взгляд на брак выработался гораздо чище, чем у самих поморцев». Они поняли, что «человек, открыто живущий с женщиной и заботящийся о семье, недостоин никакого ограничения в своих правах и что, напротив, такое житье естественно и законно. Словом, начали признавать брачную жизнь нравственной...» В этом псковичи отличаются от своих соседей – рижан.

Лесков с удовольствием описывает взгляды псковских раскольников на брак. Из собственного опыта и из окружающей жизни он вынес убеждение в необходимости нравственных усилий человека для построения хорошей семьи. Так же, как многие его современники (Достоевский, Толстой), Лесков осознавал семейную жизнь в буржуазном индивидуалистическом обществе как исполненную многих проблем. В его творчестве широко представлена тема семейного неблагополучия («Некуда», «На ножах», «Обойденные», «Захудалый род»), а также даны образцы патриархальной семьи, живущей в согласии и любви («Соборяне»). Возможно, воззрения на брак, сложившиеся в среде псковских старообрядцев, способствовали формированию собственного взгляда Лескова и, во всяком случае, ему импонировали. Это же можно сказать и об общем мнении Лескова по поводу женской эмансипации: «женщина тоже человек». Убедиться в этой нехитрой мысли писателю, возможно, помогли среди прочего и наблюдения над псковскими раскольниками.

Знания Лескова о раскольничьей жизни отразились во многих его произведениях. Например, одним из частых топонимов в его творчестве является *Старгород* («Чающие движения воды», «Соборяне», «Котин Доилец и Платонида»). Это название отсылает читателя не только к «старой русской сказке», беречь которую призывал писатель, но и к старообрядчеству как обширной и характерной среде русского населения.

Незаконченный роман «Чающие движения воды» начинается подробным описанием Старгорода, где целый район занят раскольниками. Одна из сюжетных линий романа связана с судьбой старообрядческой семьи. Не столько уклад их жизни интересует писателя в этом произведении, сколько судьба старообрядчества вообще, а также сформированный традицией склад натуры: глава дома деспотичен, замкнут и невежествен.

Отношения старообрядцев с государственной властью отражены в лучшем романе Лескова «Соборяне», получившем

признание современников. Главный герой романа – протопоп Савелий Туберозов – назначен в Старгород для борьбы с расколом. Результатом общения со старообрядцами (которое в романе практически не отражено) стала работа отца Савелия о положении русского священства. Устами своего любимого героя Лесков призывает государство к терпимости и честности по отношению к раскольникам.

В полемическом (т.е. направленном против романов о нигилистах как положительных представителях русского общества) романе «Некуда» опровергается распространенное в то время мнение о революционном потенциале раскольников (Герцен, Чернышевский), основанное на недостаточных знаниях русской жизни. В этой полемике, как и в образах героев, явно отзываются псковские впечатления. Например, одной из ведущих черт Пармена Семеныча Канунникова является лукавство как неотъемлемая черта торгового человека, к тому же вынужденного долго скрываться.

Повесть «Запечатленный ангел» построена полностью на материале раскольничьей жизни. В ней описывается случай из жизни старообрядческой общины федосеевцев. Хотя все герои повести – раскольники, специфические черты старообрядческого уклада в них почти не отражены, персонажи воспринимаются как русские люди, живущие традициями мужицкой общины. Это произведение – яркий пример различного осмысления явления в историческом документе и художественном творчестве (аналогичный пример - образ Пугачева в различных текстах Пушкина). В замысел Лескова входило показать силу веры простолудинов, красоту их души, сложности общения с государственными институтами. Самые разные впечатления и знания понадобились в этом писателю, он отбирает необходимое для воплощения именно этого замысла.

В русской литературе второй половины XIX века о старообрядцах, кроме Лескова, писали М.Е.Салтыков-Щедрин, Ф.М.Достоевский, П.И.Мельников-Печерский. Отношение Лескова к этому явлению русской жизни отличается от многих,

поскольку изначально он был настроен на поиски общего национального начала в разных людях и социальных группах, он стремился акцентировать доброе и хорошее, что в них есть. По существу его всегда интересовал русский национальный характер с его талантливостью, широтой натуры и увлеченностью. Кроме того, как всякий публицист, он был очень чуток к социальным вопросам, особенно касающимся жизни простолюдина, которую хорошо знал.

Одним из результатов поездки стала запись и публикация народной песни **«Как шел старец по дорожке»**. Для самого Лескова отрадным впечатлением от пребывания в Пскове стало обнаружение «между книжным хламом» староверческих книгохранилищ трех потаенных книжек заграничной церковнославянской печати («Это старая книга страстей Христовых, напечатанная в 1973 году во Львове, и два тома сочинений инок Павла»); им отведен в очерке специальный раздел *«Редкие книги потаенной староверческой литературы в Пскове»*.

Книги, особенно старые, Лесков всегда любил и собирал их. Но обнаруженная в Пскове - апокрифические рассказы о Христовых страстях - была ему особенно дорога воспоминаниями детства. За 20 лет до приезда в Псков Лесков зачитывался ею, и впечатление было настолько сильным, а книга настолько редкой, что автор рад случаю привести выписки из «Страстей Христовых». Это книга для домашнего чтения старообрядцев: «легендарность, эффективность и подробность... не может не прельщать умом... народа...». Но Лесков считает это интересным чтением для любого человека: «в ней интересно все». Восторженная оценка книги, выразительной по своей наивности и живописности повествования, выявляет еще одну сторону натуры Лескова: его способность без всякой меры увлекаться. Эта черта трагически отразилась на судьбе писателя. Но это же уже совсем другой сюжет.

Константин Константинович Случевский

Константин Константинович Случевский (1837 - 1904)

К.К.Случевский - известный поэт, прозаик и очеркист. Наиболее ценным в его творческом наследии является поэзия. не случайно стихи Случевского ценили литераторы «серебряного века». Они признавали его своим предтечей, поскольку в тематике его стихов отразились противоречивость и двойственность, свойственная сознанию человека конца XIX – начала XX века. Выражением такого сознания и стала поэзия модернизма. Отличительной особенностью поэтического стиля Случевского стал контраст импрессионистических образов с прозаическим строем речи. Это было ново и неожиданно, поскольку поэзии XIX века свойственно в целом особое единство речи.

Будучи офицером, (Случевский происходил из семьи военных), он блестяще дебютировал в «Современнике»; молодой талант отмечали А.Григорьев, Н.Некрасов, И.Тургенев. Такое начало ко многому обязывало. Стихи Случевского стали поводом к полемике о роли поэзии, его позиция вызвала резкую неприязнь Н.Добролюбова, В.Курочкина и др. Обескураженный, он на несколько лет уезжает за границу, получает степень доктора философии в Гейдельберге и, возвратившись, поступает на службу. Карьера чиновника (с 1866 по 1902 - от служащего Главного управления по делам печати до члена Совета министра внутренних дел, члена Ученого комитета министерства народного просвещения, гофмейстера двора) развивалась параллельно с поэтическим творчеством, житейское благополучие сочеталось с напряженным трагизмом стихов.

В качестве камергера царского двора Случевский в 1884 и 1885 годах сопровождал Великого Князя Владимира Александровича при осмотре военных учреждений Петербургского округа. Вторая поездка длилась более 6 недель (с конца весны до середины лета); в маршрут протяженностью

6200 верст были включены и города псковской губернии: Остров, Порхов, Новоржев, Холм. По дороге путешественники заехали в Святогорский монастырь на могилу А.С.Пушкина. Результатом поездки для Случевского стали очерки **«По Северу России»** (1886), переизданные в 1897г. с названием **«По Северо-Западу России»**; публикации сопровождались прекрасными иллюстрациями. Во второй вариант вошли очерки о Порхове и Невеле, входящих сегодня в Псковскую область.

Если цель и интерес поездок Великого Князя «сосредоточивались исключительно на осмотре войск и военных учреждений», то Случевский стремился ознакомить читателя с достопримечательностями пути. На протяжении всего XIX века путевой очерк – один из самых читаемых жанров, популярность которого поддерживается непреходящим человеческим интересом к жизни других людей, тем более сограждан.

В 1880-е годы жанр очерка развивается в тесной связи с развитием этнографии. История Отечества к тому времени уже утвердилась в правах науки, а этнографические описания были осознаны как большая ценность, поскольку в непросвещенных сословиях России, сохранивших национальный дух нетронутым цивилизацией, образованные люди видели свои корни и основу исторического бытия страны.

Выразительность очерка особая: его цель – ознакомление, передача информации. Авторская воля в этом жанре проявляется не в вымысле событий и героев, а в отборе приводимых сведений. Например, каждый из очерков Случевского о псковских городах начинается пейзажем и продолжается исторической справкой. Иногда рассказывается об архитектурных памятниках и ярмарках, кое-где приводятся легенды и предания, изредка описываются люди или общественные заведения. Единство очерка обусловлено географически: каждый посвящен определенному месту; автор решает, что именно рассказать читателю об этом месте, чтобы составить о нем адекватное представление.

К. К. Случевскій

ПО СЪВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ

ТОМЪ I.

„ПО СЪВЕРУ РОССІИ“

Съ картою сѣвернаго края, отпечатанною въ **6** красокъ,
и **146** рисунками.

Издание А. Ф. МАРКСА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Например, Новоржеву Случевский посвящает страничку, говоря, что этот «городок ничем не замечателен, очень беден и общественной земли не имеет». Но в целом автору удается создать ясное представление о городе. Непримечательность его настоящего он восполняет сведениями о прошлом, приводя исторические свидетельства (причем, из разных источников), рассказ о жителе, описание богадельни и известное стихотворение Пушкина:

Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже б не было сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

Масштаб и пульс жизни в Новоржеве ощущается по нескольким выразительным деталям: событиями здесь являются крестные ходы и наличие «какого-то юродивого Анания Васильевича»; историческое время измеряется эпидемиями холеры – 1831, потом 1848. Случевский и его читатель знают, что обе даты значимы в европейской и отечественной истории – это время крестьянских волнений в России и европейских революций, но у Новоржева своя история – незначительная и плоская. При этом автор упоминает предание о том, что «на месте Новоржева до его возникновения была какая-то другая, неизвестная нам жизнь». Это краткое замечание призвано сгладить у читателя впечатление затерянности и убогости города, мы чувствуем некий ответ на нем таинственности и поэтичности, несмотря на неэффектность пейзажа, бедность жителей и убогость событий.

Вообще интерес Случевского к истории почти профессиональный: описав расположение города, он непременно обращается к существующим источникам для выяснения истории его основания. Включение в текст мемуаров, летописных и газетных сведений существенно обогащает рассказ. Так, повествование о возникновении Острова включает в себя и

личные наблюдения над остатками крепости, и сведения из истории Пскова, и фрагмент летописи, и рассказ об археологических раскопках. Описание Новоржева взято из «Псковских губернских ведомостей» конца семидесятых годов, где помещалась «Записка» об истории города, автором которой был Петр Фомич Жуков, новоржевский патриот, обладавший замечательными организаторскими способностями и оставивший след в истории города. Аналогично мы узнаем об истории Холма: в «Псковских Губернских Ведомостях» за 1839 год помещались отрывки из «Записок» статского советника Войнауруинского, рассказавшего историю основания Холма. Об этих людях и о содержании их трудов Случевский и поведал в своих очерках. Примечательна здесь отсылка читателя к источнику сведений, обязательная для автора - это свидетельствует о научности его мышления.

Как поэт, Случевский знает, что пробелы в истории «разукрашиваются преданиями», и считает, что это «хорошо». Архивный документ, записки жителя, народные предания, архитектурные и археологические свидетельства – все это на равных правах живет в очерках. К преданиям очеркист очень внимателен: он их пересказывает подробно (легенды об истории Святогорского монастыря) или вкратце (о «Татиновой стороне» в Холме), а иногда только упоминает (предание о кладях в башне и томящейся в замке царевне с кошечкой).

Роль преданий в очерках Случевского отличается от цели приведения документов: они вводят особое представление об истории. Незамысловатая жизнь глухой провинции предстанет нестерпимо скучной, если забыть об истории, наполненной тайнами, и представить, что оскудением купцов, работой и крестными ходами исчерпывается жизнь. Поэт не воспринимает ординарность, он скорее допустит размытость красоты и невыявленность тайны жизни, но в существовании этой тайны не усомнится.

«По северу России» писал поэт, чуткий к красотам архитектурным и природным. Стараясь передать как можно

больше информации, он всегда рассказывает о местности. Неяркость среднерусской природы не располагает к красочности описаний, поэтому пейзажные зарисовки, за редким исключением, скупы и сдержанны; автор редко прибегает к эпитетам, предпочитая им определения, цель которых – точность. Вместе с тем пейзажные элементы в повествовании часты: что же делать в путешествии, если не рассматривать окрестности? О Новоржеве, например, сказано, что «пейзаж не любопытный, и Новоржев вырисовывается на широкой равнине, между двух озер и подле болот, не очень эффектно»; место Острова «очень красиво в сочетании серых развалин и убегающих вдаль холмов, над быстрыми, пенящимися струями реки...». Дорога на Холм описана рядом деталей: «большая часть пути шла лесом, болотами», «было жарко, оводы кружились», «виднелись насыпи», «лес становился мельче, почва суше, холмы круче». Голые факты в этом перечне, на первый взгляд, невыразительны, но они подготавливают читателя к восприятию живописной панорамы города: «... в ярком сиянии дня с весьма высокого крутого берега Ловати очень красиво очертился перед ними Холм, один из древних городов русских». После скупой констатации скучных примет природы читатель по контрасту живо воспринимает проявление ее красоты и живописности.

Простота и незамысловатость пейзажных зарисовок объясняется особым качеством художественного образа, используемого Случевским, а позднее и многими другими писателями (А.П.Чеховым, например) и, особенно, поэтами начала XX века. Автор апеллирует к воображению читателя, который сумеет по нескольким деталям, очень простым и хорошо знакомым каждому русскому человеку, представить изображаемое. Чего стоит «глубоко внизу течет по зеленому лугу синяя река Сороть»! Описание складывается из подчеркнуто обычных слов, фиксирующих главный признак явления, и передает простодушно детское восхищение красотой. Мышление Случевского-поэта близко очерковому: ему подробность и

яркость описаний необязательна, он верит в воздействие образа на читателя. Художник знает о силе воображения и магии искусства, именно этому посвящено одно из лучших поздних стихотворений Случевского:

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией – нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно,
А все как будто, бедная, тоскует,
И от нее не все, не все схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова – не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю: стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь – то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!..
Вздор - рифмы, вздор - стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

Показателен в этом отношении фрагмент очерка об Острове. Одним предложением автор рассказывает о раскопках, а в следующем передает обобщающее впечатление от увиденного: «Раскопки, произведенные в крепости в 1872 году, дали только кусочки железного шлака, детскую сломанную железную вилочку, много древесного угля и человеческие кости. Так бесследно исчезло довольно яркое былое этого древнего, позабытого уголка». Замеченные детали в этом перечне очень обыкновенны: это какой-то мусор, но за этой обыкновенностью автор способен увидеть большее, мусор наводит его на грустное замечание о бренности жизни. Так чувствует художник.

К достопримечательностям относятся хозяйственная деятельность, храмы и иконы. Случевский рассказывает обо всех встреченных памятниках: о крепости в Острове, о храме Святого Николая, упоминает об иконе Архистратига Михаила, находившейся в церкви местного тюремного замка, о «церковище» в Новоржеве; о курганах в Холме, о старинной свече в одной из часовен. В подробно и педантично воссозданных деталях ощущается уважение к старине и трепет поэта, старающегося понять язык предков по оставшимся от них руинам.

Особенно привлекательными для автора оказываются выносы икон: в Острове особым почетом пользуется икона Архистратига Михаила, которую носят в дома к больным и в случае предстоящего выздоровления икона на обратном пути легчает. Рассказывает о крестных ходах в Новоржеве, останавливающихся над «Церковищем», чтобы совершить литию по неведомым и безымянным почившим, описывает крестный ход между Святогорским монастырем и Опочкой в память великой войны из Лобно с иконой Параскевы Пятницы. Видимо, это древнее православное действо обладало особым обаянием для автора: в нем совмещается осмысленность общей жизни и красота. Так, о «походе» чудотворной иконы Одигитрии из Святогорского монастыря говорится: «прежде это было картиннее: ее несли только до реки Сороти; по ней и по реке

Великой она следовала на судах до Выбутских порогов, затем ее поднимали снова на руки и шествовали на Спасо-Мирожский монастырь, в Псков». Автор отмечает блеск хоругвей, игру яркого солнечного света на золоте икон и ризах духовенства. Он явно любит красивый зрелищем.

Люди занимают меньшее место в очерках Случевского. Но он с удовольствием отмечает «великую цепкость и жизненность холмитян»; не забывает упомянуть, что богадельня (исторический аналог дома престарелых) в Новоржеве была построена на средства частной благотворительности; рассказывает о самостоятельности правления в древнем Острове и мужестве островичан. Не забывает и казусы: генерал-майор Беклешев в 1812г. отказал в даче излишних лошадей императору Александру 1 и цесаревичу Константину.

Интересен очерк о Святогорском монастыре. Имя Пушкина освещает и освящает места, о которых идет речь. Сознавая неуместность характеристики великого поэта в путевом очерке, Случевский все же пользуется случаем сказать о нем несколько слов: он приводит письмо Пушкина к П.Я. Чаадаеву о «Философических письмах» последнего (характерно, что опять указывается источник - журнал «Русский архив» за 1884г., - откуда взят текст письма). При этом письмо является для автора лишь поводом высказаться о русской истории и русской душе. Контекст письма, как и общая позиция Пушкина, Случевскому не столь важна, ему мила мысль о величии русской истории, о верности ей, которую заявляет поэт в 1836г. Этот очерк ярко демонстрирует восприятие Пушкина интеллигенцией в 1880-е годы: он стал своеобразной лакмусовой бумажкой в оценке явлений, мерилom ценностей.

Лаконичность стиля и четкость композиции очерков выдает строгость мышления, выработанного Случевским на государственной службе. Его стремление к объективности, документальности, фактической точности объясняется привычкой философа к систематизации, а богатство наблюдений и своеобразная выразительность описаний – складом поэтической натуры.

Анна Григорьевна Достоевская

Анна Григорьевна Достоевская (1846 – 1918)

А.Г.Достоевская, урожденная Сниткина, – с 1867г. жена великого писателя и его постоянная помощница. Она стенографировала и переписывала его произведения, читала корректуры, вела издательские и финансовые дела. После смерти мужа занималась изданием его сочинений (выпустила при жизни семь), писем к ней и своих дневников о заграничном путешествии. Собранные ею материалы стали основой для создания Музея-квартиры Ф.М.Достоевского в Москве и музея в Старой Руссе. Издавая мемуары и письма, А.Г.Достоевская поступала с ними по праву наследницы в соответствии с собственными представлениями о должном и недолжном знании потомков о великом человеке.

В 1910–1916 годах Анна Григорьевна написала **«Воспоминания»**, основываясь на своих и мужниных записных книжках и письмах. Сознывая в себе «отсутствие литературного таланта», она старалась запечатлеть облик великого писателя таким, «каким он был в семейной и частной жизни».

В начале книги по традиции говорится о ее авторе. Главы написаны взрослым человеком о своем детстве, подобный строй повествования нам известен по «Капитанской дочке» А.С.Пушкина. Образ ребенка в литературе возникает относительно поздно, на рубеже XVIII-XIX веков, и рождается, главным образом, из произведений мемуарного характера. Литературные воспоминания о детстве неизбежно вызывают сложности: передать детское восприятие жизни бывает трудно, поскольку оно требует особенного стиля, соответствующего специфике детского сознания. Произведения такого рода – мемуары о детстве – возникли только во второй половине XIX века: это «Детство» Л.Н.Толстого и «Детские годы Багрова-внука» С.Т.Аксакова. К началу XX века в русской литературе уже было довольно много художественных автобиографий (М.Горький, Н.Гарин-Михайловский), но истинные шедевры в

этом жанре появились чуть позже. Образ ребенка занимает немалое место и в творчестве самого Ф.М. Достоевского.

Главы о детстве в **«Воспоминаниях»** А.Г.Достоевской доказывают, насколько постепенно литература осваивает образ ребенка: понимание его особенности, отличия от взрослого человека требует адекватных литературных приемов, которые вырабатываются многими разными авторами.

Одна глава **«Воспоминаний»** – **«Мое намерение поступить в монастырь»** – посвящена пребыванию тринадцатилетней Ани Сниткиной в Пскове. Лето 1859г. она провела у троюродной сестры своего отца – Ирины Трофимовны Ракитиной, жившей здесь. Читатель может представить общее восприятие Пскова в то время: это, прежде всего, «бывший вольный город». Его историческое прошлое (как и Новгорода) знаменито вольностью и освящено героикой, что привлекало еще декабристов. В настоящем же Псков – вполне заурядный провинциальный город. Самое интересное в нем для столичной девочки – «малоизвестные ... нравы и обычаи простого народа». Воздействие этих нравов и обычаев на ребенка передается даже стилистически: разговорные выражения, видимо, принятые у тетушки, автор специально оговаривает («что называется») и берет в кавычки как особенные, отличные от литературных: кормить «на убой», «на боковую», «стрельнул» (в значении «пробежал»), новость «принесла на хвосте сорока». На фоне гладкого стиля воспоминаний эти слова должны были выглядеть несколько инородными. В характеристиках и описаниях автор пользуется литературно-книжными выражениями, почти штампами («добрая веселая старушка», «ужаснулась моей худобе», «в доме царила мертвая тишина» и т.п.).

Главным событием псковской жизни девочки стали религиозные впечатления: перенесение чудотворной иконы, знакомство с монастырской жизнью (см. название главы). Не последнее место занимают и эстетические впечатления: «в темном храме так красиво и таинственно мерцали многочисленные цветные лампы». Дом И.Т. Ракитиной стоял

у сада, примыкавшего к саду женского монастыря. Тетушка дружила с игуменьей, была щедрой благотворительницей, поэтому ее юная родственница могла общаться с белицами (девочками, жившими в монастыре и готовившимися к монашеской жизни). Она даже присутствовала на их спектаклях, уроках рисования и рукоделий. Девочки Ане «очень нравились, главным образом, своею душевной чистотой и наивностью... Меня умиляло то спокойствие духа, нетребовательность и полная удовлетворенность тем малым, что их окружало. Это особенно меня поражало, когда я сравнивала с ними некоторых девочек из нашей гимназии».

Последний пассаж доказывает, насколько значимы были различия между провинцией и столицами: это бросалось в глаза даже ребенку. Не случайно противопоставление двух культурных пространств стало к середине века общим местом в литературе (например, романы И.А.Гончарова). Особенность Петербурга как столичного города – одна из важнейших тем Достоевского. Вспоминая свое детство, его жена отдала дань этой популярной идее.

Общее замечание о пребывании в Пскове – «впечатлений было много, и все интересных» – почти не конкретизируется в тексте. К ним относится поразившая ребенка обильная еда у гостеприимной тетушки, да «на редкость хорошая погода» того лета, а также эпизод преследования сбежавшего из тюрьмы арестанта. Описание режима питания, принятого в доме Ирины Трофимовны, напоминает гоголевских «Старосветских помещиков». Любимый Достоевским писатель, столь часто отзывающийся в его творчестве, очевидно, повлиял и на супругу: в перечислении блюд и трапез в равной степени слышны добродушная ирония и умиление.

Замечательно схвачена автором тяга к сплетням, к многократному обсуждению малейшего события, выбивавшегося из размеренного и привычного ритма жизни. В главе приводится эпизод бегства арестанта из тюрьмы; при этом упоминается, что десяток раз на дню разные люди

пересказывают друг другу неоднократно слышанное. Это проистекающее от скуки свойство провинциальной жизни, высмеиваемое в литературе от Пушкина до Щедрина, не анализируется рассказчицей, но передается очень наглядно, глазами наивного ребенка.

Несмотря на то, что героиня повествования – особа нежной молодости, ее небогатые воспоминания дают представление и о нравах губернского города. «Дамы беседовали о своих болезнях и о тех лекарствах, которые они употребляют». Будочник, преследующий арестанта, «не имел особенного желания познакомиться с ним», предпочитая передавать сплетни. Квартальный надзиратель вымогает у почтенной старушки «две красненьких» за то, чтобы не впутывать ребенка в расследование в качестве свидетеля, к тому же ничего толком не видевшего. Выразительна в своей простоте характеристика приживалок: «очень неприятный существовавший тогда тип женщин, которые льстили, сплетничали, подслушивали и подчас ссорили друг с другом тех людей, у которых гостили».

В целом книга А.Г.Достоевской совмещает две жанровые традиции: семейных и литературных мемуаров. Она не старается воссоздать литературный быт времени (как, например, А.Я.Панаева или А.В. Никитенко) и не отражает общую культурную и психологическую атмосферу эпохи (как А.И.Герцен или П.В. Анненков). Она методично, последовательно и в меру сил объективно рассказывает о том единственном, что хорошо знает: о частной жизни «своего незабвенного мужа», великого писателя.

Многие женщины XIX века отдали дань семейным воспоминаниям, их произведения стали бесценным памятником дворянской культуры, поскольку частная, домашняя жизнь дворян описана ими с знанием и любовью. Читатель имеет возможность увидеть, как великая культура, пронизывая быт людей, проникала в их кровь и плоть, формировала уклад жизни и сознание. Мелочи быта, домашние прозвища и детские игры, рассказы о прочитанных книгах и усадебных забавах живо и

непосредственно воссоздают атмосферу времени. Благодаря семейным воспоминаниям была осознана важность частной жизни и быта не только для формирования личности, но и сама по себе вызывала интерес. Именно это, очевидно, и подвигло А.Г.Достоевскую на написание мемуаров исключительно о домашней жизни великого писателя. Сказалось, конечно, и то, что они написаны женщиной: женой и хозяйкой. Этим ракурсом – домашним – «Воспоминания» А.Г.Достоевской отличаются от многих литературных мемуаров, популярных в XIX веке. Тем ее книга и интересна.

**А.Г. Достоевская в комнате Ф.М. Достоевского при
московском историческом музее. 1916 г.**

Константин Константинович Романов

Константин Константинович Романов - поэт К.Р. (1858 – 1915)

К.Р. – криптоним Великого Князя Константина Константиновича Романова. Он родился в семье Великого Князя Константина Николаевича, жизнь которого связана с русским флотом. Сыну тоже была предназначена карьера морского военачальника, к которой его готовили с детства. В 1883 г. он стал командиром роты лейб-гвардейского Измайловского полка, практически навсегда расставшись с морем. В 1900 г. К.Р. назначается на пост главного начальника военно-учебных заведений, с 1910 г. он генерал-инспектор. Члены русской императорской фамилии должны были по обычаю служить России. Занятие творчеством расценивалось как недостойное государственного мужа дело и было возможно только в качестве увлечения, любительского занятия. Известно, что Николай I, увидев стихи своего сына (отца К.Р.), сказал: «Мой сын – лучше мертв, чем поэт». Творчески одаренный (музыкант, переводчик, драматург, актер), К.Р. своим истинным призванием считал поэзию (см. его стихотворение «Я баловень судьбы...»).

Все члены семьи Романовых способствовали по мере возможностей развитию русской культуры, по обязанности бывая покровителями учебных заведений, культурных учреждений и различных фондов. Иногда это было лишь номинальное покровительство, иногда оказывалась реальная помощь. Творческие наклонности Великого Князя Константина Константиновича были оценены обществом: в 1889 г. К.Р. был избран президентом Академии наук. В этом качестве он много сделал для развития русской науки; при нем открывались библиотеки, музеи, обсерватории; снаряжались экспедиции и т.д. Именно он организовал в Академии наук Отдел литературы и стал во главе Комиссии по проведению юбилейных торжеств, посвященных столетию А.С. Пушкина.

В поэзии К.Р. стремился к профессионализму. Свой первый сборник (1884 г.) он разослал истинным ценителям – А. Фету,

А. Майкову, Я. Полонскому, И.А. Гончарову, Н.Н. Страхову - с просьбой об отклике. Всю жизнь он переписывался с интереснейшими людьми своего времени, прислушиваясь к советам ценимых им литераторов. Выбор адресатов обнаруживает его эстетические пристрастия: в поэзии К.Р. ценил глубину и тонкость выражаемых чувств, лирическое мастерство, музыкальность. К.Р. особенно близок был А. Фету, посмертное собрание сочинений которого готовил вместе с Н.Н.Страховым. Очень показательна его дружба с П.И. Чайковским: поэт справедливо полагал, что музыка великого композитора (на стихи К.Р. Чайковский написал 6 романсов) обессмертит его стихи.

Творчество «августейшего поэта» не принадлежит к вершинным творениям русской литературы, что осознавалось и самим автором, и его замечательными корреспондентами – Фетом, Гончаровым, Страховым, Полонским, – но в его стихах столько искренности, теплоты и подчас настоящей музыкальности, что они могут тронуть и взыскательного читателя.

С псковским краем К.Р. связан более биографически, чем творчески. Неоднократно бывая здесь, он не оставил художественного отклика об увиденном. Вместе с тем причины приездов и осмотренные места не случайны, они отражают душевный и духовный облик К.Р., непротиворечиво отраженный в его творчестве.

Впервые К.К. Романов посетил Псков в июле 1878 г. вместе с братьями: Дмитрием Константиновичем и Сергеем и Павлом Александровичами. Великие Князья были отправлены отцами – императором Александром и его братом Вел. Кн. Константином в путешествие «для наглядного ознакомления с памятниками русской старины». Одним из сопровождающих был известный археолог С.А. Уваров, и путешественники приняли участие в раскопках кургана на берегу Великой. По инициативе Уварова было создано Псковское археологическое общество, в Памятной книге которого первыми записаны

Великие Князья. В Пскове они осмотрели Покровскую и Довмонтову башни, посетили Троицкий собор и Мирожский монастырь, где видели частично расчищенные фрески Преображенского собора; были в монастыре Иоанна Предтечи, Ольгинской часовне и Пароменской церкви; гуляли по крепостным стенам и их подземным ходам, осмотрели Поганкины палаты, видели выставку льна, рассматривали иконы в часовне Неугасимой свечи на Великолукской улице (ныне Советская).

Внимание к псковским храмам и монастырям объясняется не только эстетическими задачами, но и глубокой религиозностью К.Р., всю жизнь хранившего твердую веру и сумевшего передать ее своим детям. В его творческом наследии множество произведений, от лирических стихов, циклов («Библейские песни») до исторической драмы «Царь Иудейский», посвящено темам религиозным. Особенно привлекали К.Р. чувства библейских героев и их величие. Многие его современники воплотили в своем творчестве идеи богоискательства, отражая смятенное, сомневающееся сознание потерявшего веру человека. Поэзия К.Р. наполнена иными эмоциями: он искренне и просто молится в стихах. Выражение в стихах религиозного чувства имеет глубочайшую традицию. Существует ряд соответствующих жанров, признаки которых находятся еще в книгах Священного Писания: это и духовные стихи, и молитвенные песнопения. В литературе Нового Времени несмотря на секуляризацию культуры тоже нередко образцы произведений, непосредственно выражающих отношение (обращение) человека к Богу, стихи К.Р. интересны попыткой передать сокровеннейшее из человеческих переживаний. Импульсом к написанию «Молитвы» становится осознание человеком своего несовершенства и стремление к христианской любви, непосредственно, просто и безыскусно выраженное. Не случайно последняя русская императрица в Екатеринбурге переписала его стихотворение «Молитва» в свою тетрадь; видимо, оно помогало ей переживать трагические дни.

Десять раз с 1900 г. по 1914 г. К.Р. был в Пскове в качестве главного начальника военно-учебных заведений, он посещал кадетский корпус. Будучи хорошо знакомым с армейской жизнью, и к задаче воспитания офицерства Великий Князь относился очень ответственно. Во время командования ротой Измайловского полка он основал литературно-художественный кружок «Измайловские досуги», на заседания которого приглашал творческих деятелей, принимал участие сам и ввел традицию литературных состязаний среди офицеров. На собственном опыте убедившись в результативности просветительской деятельности в роте (об этом его дневниковые записи от августа 1886), он пытался воспитать достойных последователей: организовал специальные курсы для подготовки воспитателей и кандидатов на учительские должности в военных учебных заведениях, составление новых программ для них; в 1903 и 1908 гг. были созваны съезды преподавателей русского языка и воспитателей. Целью воспитания офицеров К.К. Романов считал формирование в них «сознания человеческого достоинства» и в своем приказе 1901г. рекомендовал к обязательному руководству «бережно устранять все то, что могло унижить или оскорбить это достоинство». Не случайно псковские кадеты любили Великого Князя, проводившего с ними целые дни, иногда не выходя из стен корпуса.

Понимание солдатской жизни, отраженное в дневниковых записях (см. октябрь 1886г.), позволило К.Р. создать цикл «В строю», куда вошли среди прочего «Солдатские сонеты» и шедевр «Умер» - стихотворение, ставшее народной песней. Члену императорской фамилии, естественно, было ведомо чувство воинской чести, необходимость патриотических настроений в армии, поэтому в стихах он призывал юных офицеров к осознанию ими великой роли не столько военачальников, сколько воспитателей солдат и патриотов.

ГЛАВА V

ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

На рубеже 19-20 веков Псковская земля хотя и представляла собой отсталую аграрную губернию с невысоким уровнем культуры, тем не менее в губернском Пскове протекала достаточно наполненная духовными событиями жизнь. Немаловажную роль в культурной атмосфере города играло археологическое общество под руководством К.Г. Евлентьева, которое много делало для просвещения жителей города, для популяризации открытий археологической науки. Одно из самых интересных изданий общества – путеводитель Н.Ф.Окулич-Казарина «Спутник по древнему Пскову» (1911, 1913). В 1881 году в Пскове был основан музей, начало которому положила коллекция монет и древних рукописей Ф.М.Плюшкина, а также коллекции других дарителей. В 1913 году была открыта художественно-промышленная школа под руководством и финансированием Н.Ф. Фан-дер-Флита. Здесь впервые в России обучали мозаике, а также художественной обработке стекла, керамике (к сожалению, в 1923 году школа была расформирована). Из периодических изданий выходят газеты «Губернские ведомости», «Псковский благонамеренный листок», «Псковский телеграф», «Псковская епархия», «Псковская жизнь», «Пчела», ежегодно выходят Памятные книжки Псковской губернии.

Учебные заведения города представляли классическая мужская гимназия, Мариинская женская гимназия, кадетский

корпус, епархиальное училище, учительская семинария, земельное училище.

Жители губернского города особенно увлекались театром. Писательница М.В. Ямщикова (Ал. Алтаев) вспоминала о театральной атмосфере города в 1886 году, когда ее отец В.Д. Рокотов получил место режиссера в любительском кружке Пскова: «Это был совсем особенный любительский кружок. Помещался он, как и большинство подобных кружков, в клубе, и хотя председательницей его и командиром была «дама общества», жена председателя суда Красовская, но она была далеко не без дарования, со вкусом и довольно широкими начинаниями. Она недурно справлялась с ролями гранд-дам и светских старух, усиленно подражая александринской Жулевой.

Остальные любители тоже нравились псковичам, и театральный зал редко когда не был полон.

Не помню, сколько раз в неделю шли спектакли, но знаю, что часто, и знаю, что Псков ценил своих любителей. Пьесы большей частью шли ходовые, часто из классического репертуара. Ставили «Горе от ума», ставили Островского, отважились на «Псковитянку» и «Царскую невесту»... Как-то благополучно справлялись с костюмами в «постановочных» пьесах, думаю, не без участия знаменитого Плюшкинского музея, так как молодой юрист Плюшкин играл на сцене кружка...

Но что особенно придавало ценность псковскому театру – это частые гастролы известных столичных артистов.

Мы жили в Пскове один сезон, и я не знаю всех, кто там перебивал, но помню хорошо приезды Стрепетовой и Кузьминой.

Стрепетова блестяще сыграла Катерину в «Грозе» и Лизавету в «Горькой судьбине» – роль забитой и оскорбленной женщины. Она вызвала бурные овации, и Псков долго не мог забыть ее....Выступление Кузьминой в «Без вины виноватые» было сплошным триумфом».

В 1901 году был принят проект здания Народного дома, выполненный архитектором Э.А. Гермейером, в котором предполагалась большая сцена, читальня. На строительство

здания театра была объявлена Всероссийская подписка, но денег собрали меньше необходимого, и городская Дума попросила займы у кожевенного завода. В 1906 году состоялось открытие театра постановкой «Скупого рыцаря» А.Пушкина. Постоянной труппы в Пскове не было до 1939 года, здание арендовали заезжие актеры. Среди тех, кто блистал на сцене драматического театра в 20-30-е годы, - Ф.Шаляпин, А. Дункан.

Несколько месяцев выступала здесь Л.Д. Менделеева-Блок, жена великого поэта. Она писала А. Блоку: «А Псков – слов нет, какой хороший. Ну, точно маленький итальянский городишко; хожу по улицам с тем же чувством... Все церквушки такие невыдуманные, так органически выросли из земли – точно «хорошие» белые грибы...и очень много миленькости» (22.04.1917г.). «...Сегодня Вознесение, я встала рано, в 7 часов и пошла на Детинец; там растут березы и сирень, зеленая трава на остатках стен, далеко под ногами сливаются Пскова и Великая, со всех сторон белые церквушки и голубое небо...» (11.05.1917г.).

Маленький провинциальный Псков оказался связанным с **Александром Александровичем Блоком** (1880 – 1921) еще и тем, что здесь в 1852 году родился и провел детство его отец, Александр Львович Блок. Дед поэта был псковским юристом, а прадед – гражданским губернатором Пскова с 1846 по 1856 год, и его деятельность была прогрессивной (в это время был сооружен крытый Американский мост через Пскову рядом с Троицким собором, устроен Кутузовский сад и многое другое). В здании «губернаторского дома» сейчас расположена детская областная библиотека.

На Псковской земле прослеживаются родовые корни другого великого литератора XX века - **Владимира Владимировича Набокова** (1899 - 1977), чей прадед, Николай Александрович Набоков, офицер морского флота, участвовавший в исследовании Новой земли, был женат на сестре декабриста М.А. Назимова Анне Александровне. Принадлежащий им деревянный дом с мезонином на каменном фундаменте до сих пор располагается в Пскове на берегу реки Великой.

Для многих литераторов, чьи судьбы непосредственно оказались связанными хотя бы ненадолго с псковской землей, она по-прежнему ассоциировалась с русской провинцией, с существованием по вековому ритуалу. Однако само понятие «провинция» наполняется у разных писателей разными смыслами. Для миропонимания поэта и прозаика символизма **Федора Кузьмича Сологуба** (настоящая фамилия Тетерников) пребывание в провинциальном городке Великие Луки дало богатый материал: он столкнулся с жизнью русского захолустья, где все «обычное становится ужасным, а ужасное – обыкновенным» (Ф. Сологуб). Для другого известного прозаика, реалиста **Александра Ивановича Куприна** (1870 – 1938), лишь на один день остановившегося в Пскове (проездом в Ригу), в частном эпизоде провинциального существования открываются проблемы «большого мира». 20 января 1910 года он принес в редакцию газеты «Псковская жизнь» (в доме Батова на Архангельской улице, теперь Ленина 8) путевую зарисовку «*В трамвае*». Об этой публикации М. Горький заметил: «Недурен поручик Куприн в «Псковском листке». Позднее из «псковского наброска» вырос лирический рассказ «В трамвае» (1912), идея которого – передать впечатления и раздумья пассажира, сравнивающего всех живущих на земле со случайными попутчиками, которые бредут по земле, потакая своим привычкам, не ведая собственного сердца.

Псковская деревня давала возможность писателям осмыслить жизнь русского крестьянства на переломе двух веков. Так **Викентий Викентьевич Вересаев** (настоящая фамилия Смидович) (1867–1945), выдающийся прозаик, публицист, переводчик, неоднократно проезжал по старинному тракту (Ашев, Дедовичи, Порхов), что бежит параллельно реке Шелонь (в Порхове жила его младшая сестра). Одна из таких поездок в 90-е годы дала ему материал для известного рассказа «*Лизар*» (1899), который был высоко оценен А.П.Чеховым. Рассказ

назван по имени крестьянина-бедняка одной из порховских деревень, возницы повествователя, который рассказал седоку о своей безрадостной жизни: «Прежде, барин мой жадобный, лучше было. Жили смирно, бога помнили, а господь-батюшка заботился о людях, назначал всему меру. Мера была, порядок! Война объявится, а либо голод, - и почистит народ, глядишь – жить слободнее стало: бобушки (бобушками в Псковской губернии называют оспу – примеч. В.Вересаева) придут, - что народу поклюют! Знай домовины готовы! Сокращал господь человека, жалел народ. А таперичка нету этого. Ни войны не слышать, везде тихо, фершалих наставили. Вот и тужит народ землею». И в итоге Лизар задает рассказчику вопрос: нет ли таких капель для баб, чтобы они рожали поменьше? Крохотные крестьянские наделы, не способные прокормить большое число едоков, порождают у мужика страшную в своей бессознательной жестокости философию «сокращения человека». Разговор с порховским крестьянином в рассказе Вересаева приобрел широкий типический смысл и одновременно заставил задуматься над философскими вопросами: «Хороша жизнь! Жить, жить, - жить широкой, полной жизнью, не бояться ее, не ломать и не отрицать себя, - в этом была та великая тайна, которую так радостно и властно раскрывала природа.

И среди этого таинства неудержимо рвущейся вширь жизни – он, сжавшийся в себе, с упорными думами о собственном сокращении!.. Царь жизни!».

Писатель, для которого всегда было характерно преимущественное внимание к социально-философским вопросам своего времени, предстает в рассказе и как замечательный пейзажист. По точности, свежести, проникновенному лиризму описание порховской природы принадлежит к лучшим страницам, созданным В.Вересаевым.

Среди литераторов, чье творчество было связано с жизнью псковского крестьянства, выделяется и **Виктор Васильевич**

Муйжель (1880-1924). Прозаик, бытописатель В.Муйжель родился в д. Уза Порховского уезда. Семья много переезжала в поисках отцом работы. В 1889 году будущий писатель поступил учиться в Псковскую гимназию, а продолжил обучение в Петербурге и Великих Луках. Одаренный в художественном отношении, Муйжель учился в Петербургском художественном училище А.Л. Штиглица. Одновременно ему пришлось работать в типографии рисовальщиком, в издательствах иллюстратором, перепробовать работы приказчика, канцеляриста. В начале 900-х годов как неблагонадежный Муйжель попал в Псков, где служил в Псковском земском статистическом комитете. По долгу службы он много ездил по губернии, что обогатило Муйжеля наблюдениями над жизнью и пробудило интерес к творчеству.

Серьезный литературный труд писателя начался с рассказа *«В непогоду»* (1904), опубликованного в журнале *«Мир божий»* по инициативе А.Куприна. В нем рассказывается о жизни рыбаков Чудского озера, об их труде. Главной темой творчества Муйжеля становится жизнь русской деревни. В этой области писатель считался одним из самых лучших прозаиков начала XX века, получил высокую оценку М. Горького. Широкую известность получили его рассказы *«Изменник»* (1905), *«Мужичья смерть»* (1905), *«Бабья жизнь»* (1907), *«Старухина земля»* (1909). В 1912 году Муйжель перебрался с семьей в Печоры, где интенсивно работал над двухтомным романом *«Год»*, главным героем которого по-прежнему является крестьянин. Кроме того, Муйжель пишет произведения *«Дом на площади»* и *«Учительница»*. В одном из писем печорского периода автор признавался: «Я здесь строчу до того, что опасаюсь, что в нашем маленьком городе бумаги не хватит». Именно в эти годы вторым изданием выходит одиннадцатитомное собрание сочинений писателя.

В начале 20 века Псковская губерния по-прежнему привлекала древностью своей истории. Первые произведения

В. Муйжель посвятил Пскову, его прошлому, архитектуре. Очерк *«Поганкины палаты во Пскове»* (1903) рассказывает об одной из древнейших гражданских построек города, ее истории, современном состоянии. В очерке *«Последний Вечник»* (1903) автор с гордостью пишет о городе, этом «пращуре городов русских», но с сожалением констатирует, что «тот самый Псков, который некогда являлся таким значительным пунктом всей Руси, превратился в заурядный губернский город, не имеющий почти никакого значения».

Таким заурядным, но милым и дорогим сердцу городом предстает Псков в стихах многих поэтов начала XX века. Заметный вклад в миф об этом маленьком городе внесли своими лирическими, а иногда и ироническими строками **Мария Михайловна Шкапская, Саша Черный, Надежда Александровна Павлович**. На всю жизнь сохранил влюбленность в город своего детства **Вениамин Александрович Каверин**. Псков повлиял и на становление поэта **Вильгельма Александровича Зоргенфрея**. «Внутренним приютом» стал псковский край для **Александра Степановича Грина**.

Одновременно псковская земля устойчиво ассоциировалась с именем А.Пушкина, что также делало ее притягательной для литераторов. Так, в 1912 году гостил под Себежем **Иван Алексеевич Бунин**, и «лето в псковских лесах» было одним из самых плодотворных периодов его творчества, поскольку именно здесь поэт ощутил «соприсутствие Пушкина». Но совершенно иную роль сыграл Псковский край в судьбе латышского поэта **Яна Райниса** (настоящая фамилия Янис Плиекшан), который в 1897-99 годах в Пскове отбывал ссылку. «Мрачное, нищенское время» изгнания обострило в поэте ощущение близости с Пушкиным.

Вместе с тем многих писателей, особенно тех, кто хорошо знал проблемы современного города, столичной жизни, пленяла псковская глушь с первозданностью ее природы, с

сохранившимися в деревенских жителях чертами «неиспорченной славянской расы» (И. Бунин). Своей «настоящей родиной» считала Псков и деревню Лог Гдовского уезда (ныне Плюсский район) известная петербургская (ленинградская) писательница Маргарита Владимировна Ямщикова (выступавшая под псевдонимом **Ал.Алтаев**): «...родина души на севере, в старой Псковщине, с ее мхом, вереском, брусничными кочками и золотой морошкой на бесконечных просторах чистого мха». Псковский исследователь творчества Алтаева и публикатор его произведений, М.А. Кузьменко, пишет о более чем 60-летней связи писательницы с псковской землей и ее жителями: «Уже в 1901 г. вышла в свет ее повесть «От земли», посвященная крестьянским детям, в которой нашли отражение наблюдения Маргариты Владимировны над жизнью и бытом псковских деревень Межник и Заянье. В документальном рассказе «Как напасть на логово зверя» писательница расскажет о приезде на Гдовщину в трудное время гражданской войны – в 1920 г. Замечательные мемуары Ал. Алтаева «Памятные встречи», выдержавшие четыре издания, включают воспоминания, связанные с Псковщиной, а предисловие к книге, изданной в 1957 г., написано в Логу. Незавершенная работа писательницы «Гдовщина» полностью посвящена Псковской земле».

Значительным в творческой судьбе петроградских писателей и художников 20-х годов стало их открытие подлинной России и русского мужика в Холомках и Бельском Устье Порховского уезда. В творчестве **Владислава Фелициановича Ходасевича** (1886 – 1936), крупнейшего поэта эмиграции, выражен мотив естественности, цельности деревенского мира, спасительно противостоящего гибельности мира цивилизованного.

Особенно сильные ностальгические чувства вызывали псковские места у писателей-эмигрантов. Крупнейший писатель

Иван Сергеевич Шмелев (1873 – 1950), уже живя во Франции, по приглашению рижского Русского Академического общества в августе 1936 года приезжал в Ригу, откуда посетил Эстонию, Псково-Печорский монастырь и Старый Изборск. Писатель побывал на самой русской границе, откуда виднелся псковский Троицкий собор. По воспоминаниям сопровождавшего его художника Е.Е. Климова, «взял Шмелев из-под проволоки, отделявшей Эстонию и Советскую Россию, горсточку русской земли и просил положить ее после кончины ему в гроб. Он приветствовал советского пограничника, но тот повернулся спиной и не отвечал на приветствие. Вид русских исторических древних мест, встречи с русскими людьми сильно волновали Шмелева: ведь тут был подлинный кусок древней Псковщины, где сохранился и быт местного населения – коренных псковичей». Через год Е.Е.Климов послал Шмелеву изданный альбом литографий «По Печерскому краю» и получил ответ, в котором были такие слова: «Благодарю за Ваш дар, за Ваш родной привет. Ваши картины родных мест Печорского края так много дают сердцу. Всполыхнуло... Потянуло исконным нашим. Спасибо. Желаю светлого творчества». Написанный об этом эпизоде очерк, полный грусти, позднее вошел в эмиграционный сборник *«Въезд в Париж»*.

С древностями псковского края тесно связана судьба другого представителя русской эмиграции – **Леонида Федоровича Зурова** (1902-1971). Будущий прозаик, реставратор, археолог, этнограф родился в городе Острове Псковской губернии. Во время гражданской войны воевал в армии Юденича, был ранен, эмигрировал в Прагу. Чтобы быть ближе к родной псковской земле, Зуров в конце 20-х годов переехал в Ригу, где и обратился к литературному творчеству. В 1928 году он посетил Печоры, чтобы исследовать основное монастырское сооружение и поработать в библиотеке монастыря. Итогом этой работы стала повесть *«Отчина»* (1928), дважды издававшаяся

за границей и получившая высокую оценку И.Бунина. По настоянию последнего Зуров в 1929 году переехал во Францию, где стал личным секретарем Бунина, после смерти писателя - наследником его архива, комментатором и публикатором. В 1935 году работал над реставрацией Никольской церкви Печорского монастыря.

Зуров относится к так называемой «бунинской школе» прозаиков (Г.Струве): он наиболее родственен ему внутренне, его реализм носит поэтический характер. Главная тема всех его произведений – Россия, ее историческое прошлое. Книги отличает повышенный лиризм, сочетание богатого исторического материала с искренностью, патриотическим пафосом. Псковской земле посвящены роман *«Древний путь»* (1934), в котором рассказывается жизнь Острова и его окрестностей в 1917-18 годах, повести *«Поле»* (1938) и *«Марьянка»* (1958). Но самая знаменитая книга писателя – повесть *«Отчина»*, где рассказывается о древнем Пскове, о военных бедах и победах русской земли, о сражениях, о псковской вольнице и утрате ее в 16 веке. В центре повествования – нашествие Стефана Батория, создание Псково-Печорского монастыря и первые испытания обители. Немаловажно, что автор сам оформлял издание рисунками, скопированными из старых рукописных печорских книг. Проза Л. Зурова – это прежде всего признание в любви к родному краю, ощущение «плоти» русской жизни и русской земли.

Для многих писателей Псковский край ассоциировался с далеким прошлым, с историческими корнями. Неслучайно здесь сформировались будущие исторические романисты **Юрий Николаевич Тынянов, Антонин Петрович Ладинский.**

Для А. Ладинского(1896 – 1961), как и для всех тех, кто волею судьбы оказался в эмиграции, Псковская земля была олицетворением России. Будущий прозаик родился в д. Общее Поле Порховского уезда (ныне Дновский район) в семье

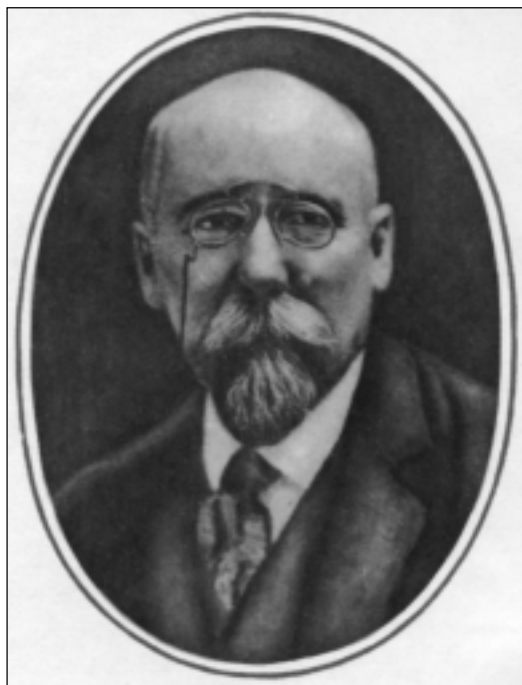
урядника. Когда отца перевели в Псков помощником полицмейстера, семья переехала в губернский город. Ладинский окончил Псковскую мужскую гимназию в 1914 году, затем обучался на юридическом факультете Петербургского университета. Участвовал в I Мировой войне, в гражданской войне воевал в белой армии и раненый вместе с госпиталем в 1920 году был вывезен в Египет. Живя в Париже с 1924 года, учился в Сорбоннском университете. Работал журналистом в газетах, благодаря чему много ездил по европейским странам. В Париже общался с Ф. Шляпиным, И. Бунным, А. Куприным, К. Бальмонтом, Н. Тэффи, Сашей Черным. Известен как автор поэтических сборников *«Черное и голубое»* (1931), *«Северное сердце»* (1932), *«Стихи о Европе»* (1937), *«Пять чувств»* (1938), *«Роза и чума»* (1950) и одновременно как создатель исторических романов *«XV легион»* (1937), *«Голубь над Понтом»* (1938), *«Анна Ярославна – королева Франции»* (1960).

В своем творчестве Ладинский предстает превосходным стилистом, эрудированным мастером. И в стихах, и в прозе проявлял интерес к культурно-историческим темам, но его взгляд в прошлое не был археологическим. Писателя интересовала связь времен – в прошедшем он искал отражение настоящего. Достоинством романов Ладинского является декоративная романтичность, увлекательность. В эмиграции находился до 1950 года, пока его как члена Союза советских патриотов не выслали из Франции в Германию, где он находился до 1955 года. Незадолго до кончины, летом 1960 года приезжал из Москвы в Дно. Писатель вынашивал замысел романа о Пскове, которому не суждено было осуществиться. Родной город упоминается в книгах писателя как «рыбный и грибной Плесков на берегах реки Великой».

На самой псковской земле в начале XX века происходили разрозненные литературные события, и лишь дважды сплелись они в единый «узел культуры»: в порховских Холомках и

Бельском устье в 1920-21 годах, где размещалась «дача» петроградских писателей и художников, и в Невеле, где с 1918 по 1920 год существовал философский кружок вокруг выдающегося мыслителя, крупнейшего теоретика и историка литературы **Михаила Михайловича Бахтина**.

Литературная жизнь Пскова и губернии конца 19 – начала 20 века не была насыщенной, однако в ней отразилось то многообразие явлений, которое отличает в целом русскую литературу этого периода. Территориальная близость к Петербургу и Москве, к Латвии и Эстонии во многом определила степень и характер участия Псковского края в общероссийском литературном процессе.

Фёдор Кузьмич Сологуб

Федор Сологуб (1863 – 1927)

Настоящая фамилия Федора Кузьмича Сологуба – Тетерников. Это крупнейший представитель русского символизма, в чьем творчестве классически проявились черты этого литературного направления: разочарование в окружающем мире, мечта о счастливой «стране Ойле», представление о человеке как игрушке в руках судьбы. «Сыном больного века», человеком «двоящихся мыслей» (Н.Бердяев), «духовным странником» вошел в литературу Ф.Сологуб. Известный поэт, переводчик, прозаик, драматург, оригинальный теоретик театра, публицист, Ф.Сологуб по своему образованию был учителем математики и в качестве учителя городских училищ десять лет скитался по уездным городам Петербургского учебного округа. С 1885 по 1889 годы он преподавал в Великих Луках, где и обратился к литературному творчеству.

Первыми были поэтические опыты. Приведем некоторые из стихотворений Ф.Сологуба этого периода:

Х Х Х

Осенью скучной
Дождь однозвучный
В окна стучит,
Думы мрачит.

Там на поляне
В белом тумане
Никнет трава,
Еле жива.

Лист увядает,
С веток спадает.
Голых ветвей
Ропот слышней.

Грустные взгляды,
Нет вам отрады.
Близь или даль,
Всюду печаль.

Все же не стану
Злому туману
Плачущий раб.
Так ли я слаб?

В трудной работе,
В скучной заботе
Я с золотой
Дружен мечтой.

15 октября 1887 г.

Х Х Х

Душа и тело нам даны,
А третье – дух; его не знаем.
К нему стремленья направляем
Из нашей темной глубины.

Признали два лица за нами,-
То скажут «вы», то скажут «ты».
Разъединенные черты
Не слиты этими словами.

Когда мне мать или сестра
«Ты» говорят, слышна лишь ласка;
Но «ты» Сосулькино* – указка
Для тыканья; она остра.

Все имена для нас игрушка,
И как меня ты ни покличь,
Иль уважительно на «ич»,
Или презрительно на «юшка»,

Ведь все не то! Я – Божий Дар**,
Но это имя слишком ярко,
Я звался б Дашка или Дарка,
А то так с «ичем» Божидар.

О, если бы мы в духе жили!
Какой бы славой заалел
Наш удивительный удел,
И как друг друга мы б любили!

Но Дух от нас еще далек.
Не душу даже, видим тело.
Любовь нам сердце не согрела,
И каждый каждому жесток.

Стремлюся к Духу я всечасно.
Живу ли в Духе, как мне знать!
Ужели буду возжигать
Я свечечки мои напрасно?

Враг Духу – тело. Я смирял
Его жестокостью страданий,
И от телесных наказаний
Его ни разу не спасал.

И говорит мне мой Хранитель,
Что верен мой суровый путь.
О, если бы хоть раз взглянуть
На лучезарную Обитель!

28 октября 1887 г.

В последнем стихотворении есть «великолуцкая» подробность:
*Сосулька – прозвище старшего по званию сослуживца
Ф.Сологуба в великолукском училище. Кроме того, здесь поэт
обыгрывает свое имя:** Божий Дар – буквальный перевод с
греческого имени Феодор.

По всей видимости, впечатления от провинции он вынес удручающие, недаром в одном из писем 1887 года Сологуб признавался: «Я снова буду рваться из этого болота, чтобы и самому не озвереть совершенно и не потерять вполне образ человеческий». В «Канве к биографии», намечая «пунктиром» основные впечатления о Великих Луках, писатель фиксирует в по преимуществу телесные наказания учащихся: «Учеников секли часто во всех классах...

Сосулька сек медленно и с издевочками. Велит раздеться, лечь на пол, несколько раз перелечь, как удобнее. Иногда сам уйдет, - лежи и жди.

Больнее всех сек Алексей Летонов. Стремительные удары. Неторопливо, равномерно, но каждый раз удар как с неба падал и обжигал...

Пошел к отцу Угличнину поговорить о его сыне. Через вал. Шел задумавшись. Спустился. Старик Угличинин у ворот. Я споткнулся, и тут только заметил, что иду босой, - забыл обуться. Поздно возвращаться.

Разговоры. Дерка...

Забава на бульваре у Мглы. Идут двое юношей сзади кого-нибудь и называют друг друга именами тех, кто идет впереди, - громко, развязно. Или они же пронзаются боком, при помощи палок, между двух гуляющих.

Угличинин: - Преотличную порку зададут. С улыбочкой: - Розог 200 дали». Увиденное в провинции потрясло писателя ненормальностью, абсурдностью жизни, антигуманным отношением к человеческой личности. Вероятно тогда родился сологубовский афоризм: «Воспитывая детей, насыщаем жажду к власти».

Впечатления от жизни в захолустье, какими бы тягостными ни казались они самому писателю, в итоге были плодотворны для его литературной работы. «В согласии с эстетикой символизма сущность художественного произведения Сологуб...видел в наиболее полном выражении личности автора, что сказалось, прежде всего, в плотной начиненности

его прозы автобиографическими мотивами...» - пишет современный исследователь. Пейзажи города Великие Луки также произвели на будущего писателя неизгладимое впечатление и нашли отражение в его первом романе **«Тяжелые сны»** (1882 – 1892), в рукописи книги даже присутствует нарисованный план Великих Лук. Любопытно, что в письме Н.И. Ахутина, бывшего сослуживца Сологуба, сообщается об отношении великолукских педагогов к прочтенному произведению следующее: «По моему указанию познакомились они с Вашим произведением и нашли, что Великие Луки изображены у Вас прекрасно, но среди действующих лиц ни одного знакомого не встретили... Судя по тем лицам, которые мне знакомы (а ведь их там немало), я считаю Ваше произведение верным и мастерским изображением печальной действительности. Но мне хочется думать, что Вы чересчур сгустили краски, что грустная действительность все-таки лучше, чем сотворенная Вами».

Роман вписывается в традицию изображения «лишнего» человека (Логин продолжает линию Онегина, Печорина и других). Однако содержание его вовсе не исчерпывается изображением типических характеров и провинциальных нравов, хотя А.Блок называл Сологуба «законным преемником Гоголя», «последним сатириком дореволюционной России». В основе романа лежит вопрос о смысле жизни: «кто же я и зачем пришел в этот мир?».

Именно на псковской земле Ф.Сологуб начал обдумывать и свой замечательный роман **«Мелкий бес»** (1892–1902), который является развитием идей предыдущей книги. В.Ходасевич указывал на живую связь этих произведений: «По своему внутреннему содержанию «Тяжелые сны» близки к «Мелкому бесу». И там и здесь главный герой – самодовлеющая пошлость. Разница в том, что в «Тяжелых снах» Сологуб лишь заглянул в нее и ужаснулся, а в «Мелком бесе» уже и возненавидел». Впечатления от увиденного в Великих Луках легли в основу и этой книги. Установлено, что прототипом Передонова является Иван Иванович Страхов, учитель русской словесности

Великолукской гимназии, известный своим грубым обращением с учениками и уволенный в 1895 году, умерший в сумасшедшем доме. Имелись прототипы и у других героев романа. Однако справедливо писал житель Великих Лук в 1928 году: «по всей вероятности, покойному Федору Кузьмичу для его романа послужили лица и события не только великолукские, но и другие, т.к. он до поступления на службу в Великих Луках служил еще где-то». Сам писатель определил место действия романа как «средний маленький городишко северной России», тем самым придавая городу обобщенный, даже символический характер. Немаловажно, что в основу обоих романов писателя положен принцип иллюзорности бытия: жизнь кажется ирреальной, призрачной.

Одним из городов, куда по службе приезжал Ф. Сологуб, был и Псков. Исследователь жизни и творчества писателя М.М.Павлова считает, что в Пскове Ф. Сологуб получал награды, о чем свидетельствует шутивное стихотворение от 11 марта 1891 года:

Когда служил я в славном Пскове,
То я не думал о чинах,
Себе не портил даром крови
Мечтой тщеславной о крестах.
Раз,- неожиданность какая!-
Совсем случайно я прочел,
Пакет по службе получая,
Что я в чины произошел.
Узрев себя в солидном чине,
Возликовала вдруг душа,
И я по этой причине
Невольно сделал антраша.
Но впрочем тотчас с строгой миной
Свой фрак на плечи натянул,
И ровно в восемь с половиной
Сел на учительский мой стул.

В отличие от сослуживцев и героев сологубовских романов, которые стремятся «шапку с кокардой надеть», продвигаться по казенной службе, «сделаться инспекторами», Ф.К.Тетерников видел свое предназначение в постижении вечного, в стремлении достичь Истину, Добро, Красоту:

Печать божественного Духа
Я не напрасно получил, -
Внимательную чуткость слуха,
И напряженность мощных сил.

И наблюдательное око,
Которое, орла быстрее,
В сердца и помыслы людей
Глядит пытливо и глубоко.
Я призван многое свершить,
Пройти дорогой чрезвычайной,
Духовный мир обогатить
Трудом и мыслью неслучайной,
И овладеть великой тайной.

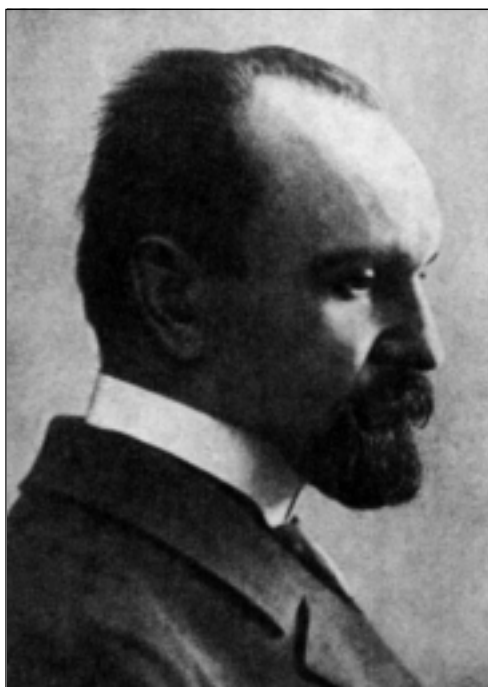
Но я лукаво пренебрег
Судьбы великими дарами,
И фимиами постыдный жег
Перед чужими алтарями.

Забыл я проповедь Того,
Кто зажигает зори наши,
И пил забвение всего
Из знойно-ядовитой чаши.

Так Богом избранный народ
Забыл сияние Синая,
Вдали от Иорданских вод
В пустыне сорок лет стеная.

Обетованная земля!
Войду ли я в твои пределы?
Или, как кормчий оробелый
Волнуемого корабля,
Погибну, плача и моля?

4 мая 1889 г.

Ян Райнис

Ян Райнис (1865 – 1929)

Ян Райнис (Янис Плиекшан) – народный поэт Латвии. Без этого имени общая картина европейской поэзии конца 19 - начала 20 века была бы значительно беднее. Его творчество – а это десятки лирических стихотворений, стихотворные циклы, драматургия – пронизано любовью к родине и традициями латышской культуры, но при этом оно близко философской мысли Гёте и Тютчева, героико - романтической образности Байрона и Мицкевича, символизму Метерлинка и Брюсова. Родственную поэтическую душу почувствовали в его поэзии В. Брюсов, А. Ахматова, В. Рождественский, Арс. Тарковский, которые переводили лирику Райниса.

Жизнь Райниса, поэта –мыслителя и борца, стала символом служения родине, свободе. Она включила в себя годы учебы в Петербургском университете (юридический факультет), участие в рядах “Нового движения” – общественного движения демократической интеллигенции, тюрьму и ссылку в Вятскую губернию, годы эмиграции в Цюрихе, в итальянском посёлке Кастаньола после разгрома революции 1905 года. Но это годы напряженного творчества, когда поэт пишет свои произведения и переводит на латышский язык шедевры мировой литературы, размышляет о законах творчества и о законах человеческого бытия. В буржуазную Латвию Райнис возвращается в 1920 году и становится директором Национального театра (1921 – 1925 гг.), а затем министром просвещения и депутатом сейма.

Прожита яркая и полная драматизма жизнь, в которой была большая любовь к необыкновенной женщине – поэтессе Аспазии (Элзе Розенберг). Они встретились и полюбили друг друга в 1894 году, когда Аспазия уже знаменита своими романтическими и страстными стихами, а Райнис известен мало, но результатом этой дружбы-любви стал мощный творческий рост молодого поэта. В истории литературы не столь уж много примеров такого союза двух больших творческих личностей. Но

их венчание, на которое невеста приходит в черном платье, происходит в драматических условиях. Райнис арестован за антиправительственную деятельность, и его, тяжело больного, под залог выпускают из тюрьмы с условием, что до суда он будет жить в Пскове. Сразу после венчания в трёхдневный срок молодым предстоит отправиться к месту временной ссылки Райниса – в Псков. Так в декабре 1897 года для поэта начался псковский период жизни, который завершился 8 июня 1899 года.

В Псков Райнис с женой приехал в сочельник – 24 декабря по старому стилю. В письме потом он напишет: «Когда мы въехали в Псков поздним вечером, была глубокая зима...». То, что было на душе, поэт выразил в стихотворении:

Мир в этом мире
И песнь бурана,
И сон глубокий,
И в сердце - рана.
А в сердце вёсны,
А путь – к чужбине.
Засыплет снег вас,
Покроет иней...

Зимний, враждебный пейзаж, в котором «свистят ветра», «вьюжит снег», «слепящ и колок», сопровождает образ чужбины и противопоставлен образу весны, всегда связанной в стихах Райниса с мечтой о родине и о будущей жизни.

Псков Райнису не понравился. «Мрачное, нищенское время...» пишет он из псковской ссылки. «Заботы, болезнь и слабость, и ничего не делается с подъёмом, радостью. Здесь болотистая холодная местность и вечная забота о жалких, дурацких, грязных копейках на «хлеб насущный» доводят до того, что и здоровый человек захиреет, так что моя песенка спета.» Псковские адреса молодых супругов тоже свидетельствуют о бедности, о стремлении хоть как-то

обустроить временный и небогатый быт. Сначала жили в гостинице, в январе – феврале 1898 г. снимали меблированную квартиру на втором этаже домика Лоскутова на Великолуцкой (ныне Советской) улице, затем поселились в доме Кирпичникова на Сергиевской улице (теперь на этом месте здание Госбанка). Последний адрес – окраина города, дом на углу улиц Губернаторской и Покровской (Некрасова и К. Маркса). Ни одно из этих зданий не сохранилось.

Неопределённость положения, денежные затруднения, отсутствие интересного общения, подорванное физическое здоровье, оторванность от активной жизни – всё это определяет состояние и мысли, выраженные в начатом здесь стихотворении «Старые недуги» (перевод В. Брюсова).

*Снова пошлость вековая
Из норы своей выходит...*

Горе! Будни заглушили
Солнца смех в душе твоей,
И заботы тусклых дней
Сердце обручем сдавили.

Победи заботы те:
Им, что гадам, скрыться в норы,
Не взнестись за нами в горы,
Не подняться к высоте!

В стихотворении ритмически и интонационно выражено волевое усилие над собой, над унынием. Лирический герой предстаёт ранимым, душевно хрупким, но не слабым. Мотив преодоления, борьбы, свойственный поэзии Райниса, в этом стихотворении, которое будет закончено в Вятской ссылке, свидетельствует о готовности сопротивляться главному врагу - пошлости «вековой».

Бороться с унынием помогала работа, дневники и письма в Ригу, переводы на латышский язык. Райнис защищает от критики недавно опубликованный перевод «Фауста» Гёте, отделяет завершённый в тюрьме перевод «Демона» Лермонтова, переводит пьесы Г. Лессинга «Натан Мудрый», Г. Гауптмана «Потонувший колокол», «Ифигению» Гёте. В переводах поэт показал себя как смелый реформатор языка. По единодушному мнению критиков, сложные места «Фауста» в его переводе получили полновесное художественное звучание на латышском языке. Работа над переводами драматургии свидетельствует и о вынашиваемом замысле будущей драмы. В дневниковых записях и набросках псковского периода («Псковская тетрадь», 1898-1899 годы) Райнис записывает: «Человек в большинстве случаев за свою жизнь успевает полностью сродниться только с одной идеей и со временем становится противником новой идеи, которая вырастает из старой... Человек в такой ситуации испытывает чувство вражды к новому, ибо идея прежней жизни стала насущной необходимостью и, чтобы принять новую идею, человек вынужден ломать свою жизнь. Тема драмы: человек слишком стар, чтобы ломать себя, хотя при этом он может проявить все таящиеся в нём силы.»

Лето 1898 года Райнис с женой проводят в загородном имении латышского колониста Эрглиса на Ригиной горе, по его приглашению. Отсюда Аспазия уедет в Ригу, чтобы литературными заработками поддержать мужа, а Райнис проживет здесь до зимы. Здесь он завершит одно из самых значительных своих стихотворений «**Королевна**» (пер. В. Брюсова). В основе сюжета - древняя латышская легенда о замке, ушедшем под землю вместе с красавицей-королевой до рокового часа. Поэт – романтик, Райнис часто обращается к латышскому фольклору, но всегда происходит творческая переработка сюжета и образов. Так и в этой балладе.

КОРОЛЕВНА

В этот грозный день
Кровь лилась фонтаном,
И ушёл под землю замок с королевной.

В глубине земли
Прелесть королевна
Все сидит над пряжей, шесть столетий кряду.

Стены там – янтарь,
Пол – зелёной меди,
Свод – из перламутра, балки – синей стали.

Прялка – словно гром
В ручках королевны,
Адамант – катушка, нити – волны молний.

В кресле золотом
Все сидит над пряжей;
Мрачно взор пылает... Чёрный пёс у кресла.

Чёрный пёс порою
Поднимает морду
И рычит, почуя терпкий запах крови.

В некий грозный день
Брызнет кровь фонтаном,-
В этот день восстанет замок с королевной.

К пряже новых дней
Сядет королевна;
Молнии – основа, а уток – сноп радуг.

Тканью новых дней –
Солнечным покровом –
Всех тепло оденет, всех рожденных в скорби...

Фольклорное прошлое в стихотворении-балладе перекликается с будущим, поэт и ждёт «некий грозный день», и рисует драматизм грядущих событий. Этот драматизм ощущается в непрерывно нарастающем течении времени, в контрасте красок, в метафорических сопоставлениях, в резкости поэтической речи. Особенно выразителен и аллегоричен образ Королевы с черным псом у ног. Старую легенду поэт наполнил бунтарским содержанием. Позже, в Вятской ссылке, Райнис подготовит свой первый лирический цикл **«Далёкие отзвуки в синем вечере»** (1903), куда войдут и стихотворения псковского периода. Этот первый поэтический сборник принесет ему славу.

Пребывание Райниса в Пскове совпало с подготовкой к празднованию столетия со дня рождения А.С. Пушкина. Пушкин всегда был интересен латышскому поэту, он ещё в 1884-1887 годах перевел историческую трагедию «Борис Годунов», собирался перевести «Евгения Онегина» (правда, этот план не осуществился). Райнис хотел познакомить латышского читателя с творчеством великого русского поэта, хотел примером Пушкина «дать направление» и латышской литературе. В псковской ссылке он пишет очерк **«Александр Пушкин»**, который впервые столь подробно сообщал читателям о жизни и творчестве русского поэта. Позднее, вспоминая об обстоятельствах появления этой работы, Райнис писал: «Очерк об Александре Пушкине написан в начале 1898 г. в Пскове, куда я был выслан в ожидании приговора на первом процессе латышских социал-демократов. Пушкин, который был очень близок мне ещё со школьных времен, стал в этой первой ссылке ещё ближе даже внешне, ибо и он был в свое время сослан в ту же Псковскую губернию...» Свидетельством этой близости стало понимание пушкинской личности и трагедии последних лет поэта, осознание значительности его творческого вклада в

мировую культуру. Очерк Райниса, хотя и опирается на русскую литературу о Пушкине, на известные источники пушкинской биографии (например, «Записки о Пушкине» И.И. Пущина), выражает собственный, порой оригинальный взгляд на великого поэта. При всей уважительности, здесь нет «хрестоматийного глянца» и высказан ряд проницательных суждений, например, о сущности пушкинского байронизма и о путях его преодоления, о реализме Пушкина. Творчество Пушкина осознаётся в широком культурном контексте, Райнис сравнивает его с Байроном, Гейне, Шенье: «Сходство Пушкина с Байроном проявляется более всего во внешней жизни, в форме и накале чувств, но не в развитии мысли. Порой сходство обстоятельств их жизни поразительно. Оба в детстве одиноки, страстны, горды «Аристократизм» Пушкина редко бросается в глаза, он не столь определен, смягчен славянской добросердечностью; живя в псковском имении, ближе общаясь с народом и вглядываясь в его жизнь, он начинает лучше понимать народ и больше им интересоваться. Высвобождаясь из-под власти Байрона, Пушкин одновременно избавляется и от романтических, искусственных и искаженных взглядов на жизнь».

Разумеется, не всё в этой статье, написанной более ста лет назад, разделяет современное литературоведение, но сегодняшний читатель найдёт в ней мысли, проникнутые искренней любовью к Пушкину. Многие эта статья проявит и в самом авторе: независимость суждений, соединение лирического чувства с аналитическим умом, образованность и начитанность, цельность натуры.

В июне 1899 года Райнису объявлен приговор суда: 5 лет ссылки в городе Слободской Вятской губернии. Восьмого июня поэт уезжает из Пскова – места своей временной ссылки в новое изгнание.

Поэты «блоковского круга»

Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882 – 1938)

Будущий поэт и переводчик, В. Зоргенфрей после смерти отца, военного врача, воспитывался в семье дяди – псковского аптекаря Г.И. Зоргенфрея. В своей автобиографии он признавался, что «рос и темнел душою у северных границ». Стихи начал писать с девяти лет. В 1891 – 1900 гг. учился в Псковской гимназии, по окончании которой уехал в Петербург, где занимался на математическом факультете Петербургского университета, а затем – в Технологическом институте (окончил в 1908 году и получил специальность инженер-технолог). Печатался с 1902 года как фельетонист, автор рецензий и эпиграмм в сатирической прессе. В 1905 году его лирические стихи опубликовали в символистском журнале «Вопросы жизни», и с этого момента творческий путь Зоргенфрея оказался связанным с символизмом.

Свой единственный сборник стихов – «**Страстная суббота**» (1922) - Зоргенфрей посвятил «благословенной памяти Ал.Ал. Блока», с которым познакомился в 1906 году. Их связывали тесные дружеские отношения: Блок числил Зоргенфрея среди четырех «действительных друзей», Зоргенфрей испытывал к Блоку благоговение, был одним из самых преданных ему людей. Лирические стихотворения Зоргенфрея несут на себе явный отпечаток воздействия поэзии Блока, чьей «тончайшей магией» он «пленился» еще в юности. По просьбе Зоргенфрея Блок посвятил ему одно из лучших своих стихотворений – «Шаги Командора» (1916).

Главный литературный труд Зоргенфрея – мемуары «**Ал.Ал. Блок (по памяти за 15 лет: 1906- 1921гг)**». Его воспоминания о великом поэте проникательны, умны и написаны с большой любовью и преклонением перед величайшим поэтом. Вместе с тем в них раскрывается личность

Вильгельм Александрович Зоргенфрей

скромного и обаятельного человека. «Да, ценно для современников и для потомства каждое слово Блока, каждое его движение. Из этих слов и движений воссоздастся в веках – не живой облик гениального поэта, но хотя бы колеблемая отражениями жизни тень. Может быть, посчастливится сделать это, в сколько-нибудь полной мере, другим. Объяснение моей неудачи (имеется в виду то, что автор не сумел вести записи непосредственно после встреч с поэтом – А.Р.) в той неизменной взволнованности, с которою я каждый раз, в разнообразных обстоятельствах, созерцал и слушал Блока». По выразительности запечатленного в нем образа поэта очерк Зоргенфрея принадлежит к числу лучших мемуарных свидетельств о Блоке.

После революции 1917 года Блок привлек Зоргенфрея к работе в издательстве «Всемирная литература»: он переводил Гейне, Гете, Гердера, Г. фон Клейста.

Надежда Александровна Павлович (1895 – 1980)

Поэт, переводчик и критик, Н. Павлович выросла в семье юриста. Детские годы провела в Латвии, где ее отец служил мировым судьей. Когда в 1905 году отца перевели в Новоржев уездным членом Псковского окружного суда, будущая поэтесса впервые познакомилась с Россией: «Русские песни я слышала только в 9-10 лет на Псковщине». В Новоржеве Н. Павлович училась в прогимназии, а затем продолжила образование в Псковской Александровской женской гимназии, которую закончила в 1913 году с золотой медалью. С 1911 года в газете «Псковская жизнь» публиковались ее стихи:

Великая в закатном блеске,
Все небо в пурпурном огне;
Мороз рисует арабески
На голубом моем окне.

По улице промчались сани
С веселым звоном бубенца,
А я валяюсь на диване,
И все мечтаю – без конца.

И вдруг звонок... Пришли за мною,
Поедем в лес, туда, к Крестам,
Там все под белой пеленою,
Ковер жемчужный по лугам...

Мелькает поле, а снежинки
Все тают, тают на щеках,
Псков далеко, в какой-то дымке,
Такой простор в родных полях.

Березок пышные наряды,
На небе алая заря,
А сердце вольно, сердце радо
Улыбке белой декабря.

(«Псковская жизнь», 1914 год, 21 января)

Много лет спустя Н. Павлович признавалась: «Мы любили свой древний Псков, его Детинец, реку Великую». На протяжении всей жизни она испытывала нежность к городу ее юношеских мечтаний, «родине души».

В ПСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Девочка несла бидон с водою маме;

Шла она неспешными шажками:

- «Со Псковы ты носишь?»

- «Нет, с колонки!»

Чистая вода в руках ребенка!

Это ли не добрая примета

В древнем царстве синевы и света?

Строгость каждой линии собора,

Башни векового дозора,

Ход в стене, истертые ступени...
 Сколько здесь ходило поколений...
 И свои следы я находила;
 Тоже девочкой я здесь бродила.

(«Молодой ленинец», 1963 год, 22 августа)

После окончания гимназии Н. Павлович уезжает в Москву, обучается на историко-филологическом факультете Московских Высших женских курсов. В 1918-19 годах работала в Московском и Самарском Пролеткультах, а затем – секретарем Внешкольного отдела Наркомпроса. Много печаталась в журналах «Красная новь», «Октябрь», «Детская литература», выпустила поэтические сборники **«Берег»** (1922), **«Золотые ворота»** (1923), **«Думы и воспоминания»** (1962) и др.

Центральное стихотворное произведение Н. Павлович – поэма **«Воспоминания об Александре Блоке»**. Блоку и его памяти посвящены и другие стихи поэтессы. С А. Блоком она познакомилась в 1920 году в Петроградском отделении Всероссийского Союза поэтов, где Блок был председателем президиума, а Павлович – секретарем. Их сотрудничество длилось восемь месяцев, до марта 1921 года. В записных книжках поэта есть упоминание о Н. Павлович – «милой и с хорошими стихами».

Мария Михайловна Шкапская **(1891- 1952)**

К блоковской плеяде условно может быть отнесена и М. Шкапская (урожденная Андреевская), поскольку она не раз встречалась с поэтом, и А. Блок высоко ценил ее стихи. Однако тема ее стихов для русской поэзии была необычной и даже шокирующей. Как писал В. А. Сапогов, «женщина в стихах М. Шкапской прежде всего продолжательница рода: «Детей от Прекрасной Дамы иметь никому не дано...». В 20-е годы Шкапская выпустила 8 стихотворных книг, которые получили высокую оценку и В. Короленко, М. Горького. Горький о ней в

1923 году писал: «Вы... на новом и очень широком пути. До вас женщина еще не говорила так громко и верно о своей значительности». Но после 1925 года Шкапская прекратила писать стихи и обратилась к жанру очерка. В автобиографии она писала об этом так: «Стихов сейчас больше не пишу – поэт я лирический, а нашей эпохе нужны иные, более суровые ноты. И потом кажется мне, что я поэт не настоящий и в литературе такой же случайный странник, как и во всех других областях жизни».

«Ее жизненное странничество было горестным и трагичным» (В. А. Сапогов): с одиннадцати лет содержала семью из семи человек и при этом на отлично училась в гимназии; за участие в революционной работе арестовывалась, эмигрировала во Францию. После революции 1917 года ей выпало пережить также немало испытаний.

В Псков Шкапская приезжала летом 1910-1913 годов для участия в промышленно-научной экспедиции по изучению Псковского озера, которой руководил О. А. Шкапский, отец ее мужа. Об этом периоде жизни она писала: «Окончив гимназию в 1910 году, я вышла замуж за студента Шкапского. Чтобы иметь возможность зимой учиться (муж был в университете, я проучилась два года на медфаке в Психоневрологическом институте) – летом мы работали по статистике в экспедициях на Псково-Чудском озере. Работа заключалась в переписи, обследовании условий жизни и труда прибрежного рыбацкого населения Псковщины – кажется, самой нищей, темной из всех северных потребляющих губерний...

В связи с этой работой мы подолгу жили во Пскове. Жизнь в маленьком городке, где благодаря близости столицы всегда группировалось много политических ссыльных, также была содержательной. Возле местной библиотеки объединилась группа молодежи под предлогом помощи библиотечным

работникам, неофициально же это был революционный кружок без определенного партийного лица, состоявший из студентов, семинаристов и нескольких рабочих-наборщиков (единственный вид местного пролетариата). Мы занимались изучением марксистской литературы...». Шкапская участвовала в подготовке демонстрации в день похорон Л. Толстого в ноябре 1910 года, но демонстрация была запрещена псковским губернатором бароном Медемом. Однако в газете «Псковская жизнь» было напечатано ее стихотворение:

ПЛАЧЬТЕ

(на смерть Льва Толстого)

Грубо оборваны струны, недавно звучавшие,
 Нежным аккордом о солнце, о правде звеневшие,
 С мощной тоской над неправдой, над злобой рыдавшие,
 Болью сердечной над горем людским трепетавшие.
 Плачьте... Умолкли, оборваны струны, властительно певшие. -
 Смерти дыханьем погашен светильник пылавший,
 Мысли бессмертной сияньем весь мир озаривший,
 В мраке блуждающим к истине путь указавший.
 Плачьте... погашен светильник, так долго, так ярко светивший.
 Бурей разрушен утес, над волнами царивший,
 Грудью израненной ветра порывы встречавший,
 Грудью израненной злобные волны дробивший,
 С тучей – как равный – гордую речь заводивший.
 Плачьте... он сломлен... разрушен утес, над пучиной стоявший...
 (Псков, 8 ноября 1910.)

В Пскове М. Шкапская обратилась к литературному творчеству, став впоследствии автором поэтических книг «Земные ремесла», «Кровь-руда», очерковых сборников «Сама по себе», «Вода и ветер» (сюда вошли очерки о рыбаках Псковского озера). Пскову она посвятила два стихотворения уже в эмиграции:

О ПСКОВЕ

Город ласковый, старинный,
Гулкий благовест и длинный,
Крестный ход – святой и чинный,
Архиерей и благочинный.

Архиерейский бас могучий,
Вьется, льется, нежит, мучит,
Весь соборный двор озвучив,
Мчится к небу, дразнит тучи.

Крестный ход рекой отсвечен,
С колокольни свет замечен.
Чьи-то руки... Чьи-то плечи...
Сдвинь хоругви! Ближе свечи!

Ночь, лукавая, смеется –
Пусть, мой крестный ход пройдет.
Чуть весенний зов завьется –
Чорт в сирени шевельнется!

(Тулуза, 20 апреля 1914)

РОДНОЕ

Псков мой чудесный. Родное мое Завеличье.
Улица грязная и гнилые мостки.
Всюду сады, а в садах щебетание птичье,
И неба широкие голубые мазки.

Ласковым вечером, вдумчивой, нежною ночью
Песней озвучена голубая река,
В небе печалются тучки кудрявые клочья.
Милы и близки птицы, река, облака.

Выйдешь на улицу – каждая баба знакома.

Это ль не радость. Это тебе не Ozenne!
Все это русское наше... Соскучишься дома –
В Пушкинский дом, а не в парк Toulousaine.

Поздно вернешься. Притихшее спит Завеличье.
Чутко открыта душа для радостных снов.
Молишься старым и новым богам без различья.
Если б в Россию родную... Если бы в ласковый Псков...
(Тулуза, 7 мая 1914)

Эти стихотворения объединены одним чувством – любовью к маленькому русскому городку, который предстает в воспоминаниях местом идиллическим, прекрасным. Причем автору неважно его материальное, бытовое существование, а важно чувство единения людей, внутреннего родства, мир понимания и согласия, что особенно дорого лишь тому, кто оторван от родной земли, кто испытывает ностальгию по утраченному. Уютная домашность русской провинции противопоставлена отчужденности, разъединенности людей за границей.

Саша Чёрный

Саша Черный (1880-1932)

Свою книгу «Детский остров» Саша Черный открыл стихотворением «Детям». Чтоб познакомились с автором. Какой он? «Беззаботный и беспечный как Барбос...». Веселый, любопытный. Он, точно ребенок, «любит сказки, солнце, ёлки». Но главное -

У него есть белоснежный, резвый конь,
Конь Пегас, рысак крылатый,
И на нем поэт лохматый
Мчится в воду и в огонь...

Лохматый поэт на крылатом рысаке «зывается «Саша Черный...». Почему? Автор отвечает: «Не знаю сам». Он продолжил бы рассказ о себе, но тут закипел чайник, и стихи пришлось округлить: «До свиданья, человечки! Надо чайник снять с плиты...».

Все это написано живо, с иронической интонацией: в личности поэта нет напыщенности. Разговор с человечками получился мягким, добрым. Свойским. Таковы и другие стихи, рассказы Саши Черного для детей и о детях: в них светится необыкновенно нежное чувство.

В произведениях, адресованных взрослому читателю, Саша Черный изображал главным образом теневую сторону жизни: мир, который «бурьяном зла зарос».

Саша Черный - поэт, прозаик, ядовитый сатирик-сатириконец, переводчик, один из самых крупных детских писателей XX века.

Александр Михайлович Гликберг (такова его подлинная фамилия) появился на свет 1 (13) октября 1880 года в Одессе. Однажды он открыл секрет своего псевдонима: «Нас было двое в семье с именем Александр. Один брюнет, другой блондин, Когда я еще не думал, что из моей «литературы» что-нибудь выйдет, я начал подписываться этим семейным прозвищем».

Семья была большая, зажиточная, но малокультурная. Счастливым детство Саши не назовешь. Отмечаемая современниками замкнутость и нелюдимость писателя во многом сформировалась под влиянием тяжелой обстановки в семье.

Раннее детство Саша Черный провел в г. Белая Церковь, где 9 лет от роду поступил в гимназию. Рассказ **«Самое страшное»** (1928), смешной и трогательный, - воспоминание о Белой Церкви, где десятилетнего автора, ученика приготовительного класса, прозвали Колобком: «...Глаза черносливками, лицо серьезное, словно у обиженной девочки, мундирчик, как на карлике, морщится...». Образ пригостишки есть и в рассказе **«Невероятная история»** (1925), и в стихотворении **«Пригостишка»** (1919) книги «Детский остров»:

Длиннохвостая шинель,
На щеках румянец.
За щекою карамель,
За спиною – ранец.
.....
Схватит хлеба толстый ком,
Сбросит пояс с блузы
И раскроет милый том –
Робинзона Крузе.

Автопортрет? Ранние гимназические впечатления Саши Черного были светлыми.

Однако вскоре учеба обернулась неким подобием казенной службы, новыми страхами и наказаниями, которые добавились к домашнему игу. Когда Саше исполнилось 15 лет, он бежал из дома, последовав, кстати, примеру старшего брата. Вначале беглеца приютила тетка, сестра отца, отвезла его в Петербург, где он продолжил учение в гимназии. Однако был отчислен из гимназии за несданный экзамен по алгебре. Саша Черный оказался в катастрофическом положении, без всяких средств к существованию. Отец и мать перестали отвечать на письма сына с мольбами о помощи.

Дальнейший поворот событий трудно, пожалуй, назвать другим словом, как чудо. Среди городов, которые когда-нибудь заспорят о Саше Черном, будет еще Житомир.

Узнав по чистой случайности о судьбе несчастного юноши, брошенного семьей, начинающий журналист Александр Яблоновский поведал о его горестной участи на страницах петербургской газеты «Сын Отечества» - одной из крупнейших газет того времени. Статья попала на глаза житомирскому чиновнику Константину Константиновичу Роше, и тот решил взять его к себе в дом. Так Саша Гликберг в конце 1898 года очутился в Житомире - городе, ставшем для него поистине второй родиной. Здесь прошли его молодые годы. К.К. Роше, самозабвенно увлекаясь поэзией, преподавал своему воспитаннику первые уроки стихотворства. Гимназию в Житомире не удалось закончить из-за конфликта с директором. Работая мелким чиновником в Службе сборов, начал служить «жестокому богу литературы».

В 1900 году был призван на воинскую службу. Отслужив 2 года на правах вольноопределяющего в 18-ом пехотном Вологодском полку (Житомир), был уволен в запас. Трудовую деятельность начинает на таможне в местечке Новоселицы на границе с Австро-Венгрией. По возвращении в Житомир Гликберг сотрудничает в газете «Волинский вестник», открывшейся 1 июня 1904 года. Дебютирует в качестве фельетониста. Через 2 месяца газета прекратила своё существование. Стихи, написанные в Житомире, в большинстве составили книжку **«Разные мотивы»** (Спб., 1906).

Обуреваемый честолюбивыми мечтами, Александр Гликберг решает перебраться в Петербург. Здесь он начал сотрудничать в сатирическом журнале «Зритель». 27 ноября 1905 года – день рождения его эпатажного имени: Саша Черный. Оно появилось в журнале № 23 под стихотворением «Чепуха».

С 1908 года он постоянный автор нового журнала «Сатирикон» наряду с А.Т. Аверченко, П.П. Потемкиным, Н.А. Тэффи. Саша Черный стал бесспорным поэтическим лидером

«Сатирикона» в 1908- 1911 г.г., завоевав всероссийскую известность. Его стихи, особенная смесь желчи и горечи, соли и простодушия, дерзости и детскости, в эти годы были у всех на устах. Как вспоминает К.И. Чуковский, «получив свежий номер журнала, читатель прежде всего искал в нем стихов Саши Черного. Не было такой курсистки, такого студента, такого врача, адвоката, учителя, инженера, которые не знали бы их наизусть. Он попал, так сказать, в самый нерв эпохи, и эпоха закричала о себе его голосом».

В 1910 году вышла книга стихов **«Сатиры»**, объединившая произведения, печатавшиеся в «Сатириконе» и других журналах. В 1911 году – сборник **«Сатиры и лирика»**. Обе книги выдержали пять переизданий до 1917 года. Он все описал, все увидел. Всякий день добавлял новую краску к портрету времени. Но дар Саши Черного лишь отчасти может быть объяснен мастью породившей его эпохи. Это явление не политической, а художественной жизни. Его голос продолжает звучать не только над унесенной ветром русско-имперской, а, как сказал бы Блок, над мировой чепухой. Поэт не устранился выявить в человеческой природе то, перед чем оробели другие. Социальное зло нашло свой приговор в стихотворениях великого поэта.

То, что Саша Черный состоялся как поэт, и то, что 1908-1911 годы стали его «звездным часом», его «акмэ» – величайшая заслуга «Сатирикона». Поэту не пришлось унижительно обивать редакционные пороги, ему сразу была предоставлена возможность выйти к широкому читателю. Более того: полная независимость позволила Саше Черному выявить себя сполна в свободной художественной игре. Ведь то, что было совершенно недопустимо в «толстых» журналах, не возбранялось в шутейном цехе. Саша Черный был неистощим на всевозможные «словесные тонкие-звонкие фокусы-покусы». Вот один только пример - прием отторжения образа и развертывания его в иной плоскости, когда метафора начинает жить как бы самостоятельной жизнью:

Есть еще острова одиночества мысли –
Будь умен и не бойся на них отдыхать -

Там обрывы над темной водою нависли –

Можешь думать... и камешки в воду бросать...

Саша Черный стал новатором поэзии через сферу комического, что проявилось в нарушении общепринятых правил сложившейся ритмико-словесной системы. Расширение поэтического словаря путем введения слов явно непоэтических, антиэстетических, смешение жанров, сближение высокого и низкого, расшатывание стихотворных размеров, гибко и непринужденно следующих за ходом мысли, – вот далеко не полный перечень нововведений Саши Черного. В поисках «Новой Красоты» надо прислушиваться только к себе – к такому выводу пришел поэт и неукоснительно следовал ему:

Сядь к столу, возьми бумажку

И пиши остро и четко,

Написал – прочти, почувствуй,

И спроси у сердца – верно?

Только так придешь к искусству

Остальное – злая скверна.

Не случайно, вероятно, компоновка книги «Сатиры» сопровождалась творческими муками особого рода: «Душа моя страдает, время идет, и я волнуюсь... Книжка висит над головой и положительно мешает работать». В конечном счете он пришел к идее сплошной циклизации, то есть соединению стихов в связки-разделы, спаянные и перекликающиеся меж собой в пространстве книги. Найденный принцип станет общим для всех последующих книг поэта.

В названии заглавного раздела, которым открываются «Сатиры», использовано евангельское выражение: «Всем нищим духом». Обидное, оскорбительное и в то же время пронзительно болезненное заглавие-посвящение. Будто в кривом зеркале, коверкающем черты лица, доводя их до гротеска, перед читателем был явлен жалкий, нелюбезный облик современника. Личность, отчасти уже знакомая по чеховской прозе. Вот далеко не полный перечень симптомов болезни, которую Саша Черный определил как «малокровие нищей

души»: внутренний разлад и опустошенность, незнание и боязнь народа, отторженность от природы, сознание собственной никчемности и бесполезности, отчужденность в отношениях с себе подобными и в то же время стадная нетерпимость ко всем, мыслящим иначе, не разделяющим передовые, с их точки зрения, взгляды. Повседневность всех этих квартирантов, жильцов, служащих, дачников, пассажиров трамвая стандартизована и убого ограничена. От «проклятых вопросов, от бесплодного суесловия споров» - споров «без исхода, с правдой, с тьмой, с людьми, с самим собой» - «они готовы кинуться в другую крайность - в суетность, долженствующую имитировать жизнеподобную активность:

Сбежались. Я тоже сбежался.

Кричали. Я тоже кричал.

Махал рукой. Возмущался.

И карточку пристапу дал.

(«Культурная работа», 1908)

Тема духовного обнищания, открывающая «Сатиры», прочными нитями связана с остальными разделами книги, где она повернута иными гранями и аспектами, явленными в чисто внешних формах бытования. «Быт» - заглавие следующего раздела. Пояснений оно едва ли требует. В схваченных с беспощадной зоркостью мелочах жизни, в подробной вещевой конкретике воссоздана среда обитания интеллигента. Из самого названия «Авгиевы конюшни» явствует, что поэт взвалил на себя черновую работу по расчистке «стойла Пегаса» от мусора и грязи. Здесь речь идет о писательской элите, о кумирах читающей публики. Но помимо них в литературном цехе процветала развязная бездарь, «бормотальщики» с чужого голоса. Касательно их Саша Черный беспощадно ироничен и уничтожающе язвителен. В названии раздела «Невольная дань» слышится оттенок какой-то извинительности. Достойно ли, по меткому выражению Амфитеатрова, заниматься «размениваем золотого таланта на двугривенные очередного гонорара» или,

преодолевая брезгливость, вновь и вновь разоблачать звериную сущность всяких там дубровиных, марковых, пуришкевичей? Ведь сам Саша Черный лучше, чем кто-либо, осознавал, что не в них дело:

О, ужели пять-шесть ненавистных имен
Погрузили нас в черный безрадостный сон?

После мрачноватых красок предыдущих разделов палитра книги «Сатиры» постепенно начинает высветляться. Уже с раздела «Послания» идет на убыль отрицательно окрашенная лексика. В стихах все больше улыбки, ласкового солнечного света. От солнечной ласки начинают оттаивать бумажно-чернильные души. Даже в самых заскорузлых монстрах казенного аппарата начинает проглядывать нечто человеческое:

Ветерок набегающий
Шаловлив, как влюбленный прелат.
Адмирал отдыхающий
Поливает из лейки салат.

.....

Бюрократ в отдалении
Красит масляной краской балкон.
Я смотрю в удивлении
И не знаю: где правда, где сон?

(«Послание третье», 1908)

От пляжа, дачи, куда попадает знакомый городской житель, действие переносится в Житомир, узнаваемый в сочных бытовых зарисовках, которые составили раздел «Провинция». С этим городом у Саши Черного связаны не только разочарования юности, но и первая робкая любовь, и первые рифмованные строки, написанные в сладком бреде. Потому-то, наверное, на смену «добродушию ведьмы», которым отличались его петербургские гротески, приходит беззлобный юмор. В картинках провинциальной жизни поэт воскрешает и любовно живописует бесконечно милые подробности и потешные нравы родной улицы, сохраненные его образной памятью. И, наконец,

в качестве заключительного аккорда: «Лирические сатиры» - цикл, проникнутый душевным умиротворением, искрящийся буйным весельем. Впрочем, и он не до конца свободен от скепсиса и иронии (оно и понятно: сатира есть сатира, пусть даже лирическая). В этом разделе Саша Черный словно задался целью напомнить «пиджачным» людям, задавленным городом, сколь сладостны зеленые плоды и благодатны простые радости бытия.

После выхода книги «Сатиры» почти всеми рецензентами Саша Черный был назван глашатаем интеллигенции. Но только общепринятые мерки для оценки обличительной литературы к нему были не применимы. Так, например, Е.А. Колтовская отмечала: «Какая странная сатира! Сатира - шарж, почти карикатура, и вместе с тем - элегия, интимнейшая жалоба сердца, словно слова дневника». И подлинно: если вчитаться в горько-издевательские строки Саши Черного - «в них наши забытые слезы дрожат».

Задача сатиры - заставить содрогнуться, вызвать дрожь отвращения, явив лик в беспощадном зеркале подноготной правды. Саша Черный как сатирик в этом деле преуспел. Однако изничтожение персонажей не самоцель. Он оставляет «малым сим», этим бедным взрослым, заблудившимся, «словно дети в незнакомой роще», надежду на духовное выздоровление. Этим проблеском надежды (может быть, иллюзорной) завершаются «Сатиры», а с ними и последний раздел книги «Лирические сатиры», уже самим своим названием передающий эстафету следующей книге стихов **«Сатиры и лирика»**.

Сатира и лирика... С этим парадоксальным слиянием двух начал, с двусоставностью творчества Саши Черного приходится сталкиваться постоянно. Он, кажется, соткан из полярностей и противоречий - возвышенное и земное, нежность и колючесть, кроткость и бунтарство, консерватизм и эксцентричность, утверждение и отрицание... Можно продолжать подобные антитезы. Откуда эта двойственность? Сам Саша Черный только раз подсказал, где следует искать ее истоки. В стихотворении **«В пространстве»** - своего рода визитной карточке поэта, открывающей книгу «Сатиры и лирика», - сказано следующее:

Ужель из дикого желанья
 Лежать ничком и землю грызть
 Я исказил все очертанья,
 Лишь в краску тьмы такая кисть?

Я в мир, как все, явился голый,
 Я шел за радостью, как все...
 Кто спеленал мой дух веселый –
 Я сам? Иль ведьма в колесе?

Эти строки возвращают нас к трагическим обстоятельствам детских и юношеских лет поэта, его хождений по мукам, заставляющим вспомнить петербургские романы Достоевского. Впору подивиться тому, что зло не выело его «дух веселый», что сумел он сохранить в неприкосновенности свои детские представления и верования, защищая их оружием смеха, иронии и сатиры. Двойственность - композиционный принцип книги стихов «Сатиры и лирика». Пафос отрицания (разделы «Бурьян», «Горький мед», «У немцев») уравновешен пафосом утверждения (раздел «Иные струны»). У книги как бы два крыла – темное и светлое.

Обе книги – «Сатиры» и «Сатиры и лирика» - вкуче как будто моделируют миропонимание поэта, которое зиждилось на идущих издревле представлениях о делении мира на Добро и Зло. В книге «Сатиры и лирика» эти противоборствующие категории разведены по сторонам, в «Сатирах» же – полнейшее столпотворение. Если не считать двух книжек для самых маленьких детей, то более книг поэта в России не выходило. После их выхода в 1911 году Саша Черный как бы исчезает с литературной арены. Неожиданно для всех порвал с «Сатириконом» - раз и навсегда. Ушел из журнала без всяких объяснений и видимых причин. Остается только гадать, что заставило его решиться на такой шаг. Почувствовал ли он исчерпанность прежнего этапа и хотел прислушаться к новым голосам в себе? Похоже, что именно так. Ведь для этого нужна хотя бы иллюзия спокойствия, возможность творить без всяких прав и обязательств. Отсюда робинзонские устремления поэта к уединению, попытки отыскать «тихий остров без названия».

Вначале таким прибежищем стала деревенская изба на Орловщине, где Саша Черный провел лето 1911 года. Затем в 1912 году – вполне конкретный остров Капри. И наконец, мифический, но от этого не менее реальный «детский остров».

Свой путь к детской теме поэт нащупал не сразу. Писать для детей – значит самому отчасти превратиться в ребенка. Так и вышло. Вдруг популярный автор признался:

Ли - ли! Мне скучно взрослым быть
 Всю жизнь до самой смерти
 И что- то мудрое пилить
 В общественном концерте.

(«Настроение», 1910)

В 1911 году состоялся дебют Саши Черного в детской литературе - стихотворение «**Костер**». В 1912 году вышел его первый детский рассказ «**Красный камушек**», в 1915 году книга стихов для детей «**Тук-тук**», в 1914 году - «**Живая азбука**» в стихах, ставшая знаменитой. Постепенно творчество для детей делается главным его занятием.

До Октябрьской революции 1917 года несколько лет жизни Саши Черного связаны с Псковом. В апреле 1910 года писатель приезжал на отдых в деревню Заозерье Псковской губернии. В 1914 году в связи с объявлением войны с Германией призван в армию, зачислен в 13-ый полевой запасной госпиталь. В составе Варшавского сводного полевого госпиталя № 2 отправлен на фронт. В 1916 году переведен смотрителем госпиталя в Гатчину, а затем помощником смотрителя в 18-ый полевой запасной госпиталь в Пскове, который расположился в Поганкиных палатах. Здесь он возвращается к литературному творчеству. В конце года появляются его стихи в петроградском журнале «Для детей». В 1917 году Саша Черный переведен в Управление военных сообщений в Пскове. После февральской революции избран начальником отдела управления комиссара Северного флота. В конце весны посещает революционный Петроград. В конце лета 1918 года, перед вступлением Красной армии в Псков, вместе с другими беженцами покидает город. Псков стал переломным городом в творческой судьбе Саши Черного. С него начинается путь к новому этапу жизни.

Октябрьскую революцию он не принял. В 1918- 1919 г.г. живет на хуторе под Двинском и в Вильно, где написаны многие страницы будущих книг стихов. В марте 1920 года принимает решение об эмиграции. Саша Черный жил в Берлине (1920- 1925), Риме (май, 1923- 1924), Париже (март, 1924- 1929), в Провансе, глухом рыбацко-виноградарско-оливковом поселке Ля-Фавьер на Средиземном лукоморье Франции (1929- 1932).

Из зарубежного далека старая, уже не существующая Россия увиделась ему в розовом дыму ностальгии, на это обратила внимание А. Ахматова: «Саша Черный жил в Петербурге, хуже города на свете не было. Пошлость, мещанство, скука. Он уехал. И оказалось, что Петербург это рай...». Еще немного, и он ушел бы от своей «ядовитости», превратился бы в поэта «незлобивого». И все же Саша Черный не утратил здравого смысла, понимал, что эмигрантская тоска и бездомность просветляют, романтизируют прошлое. В эмиграции он много писал. Для взрослых, для детей. Стихи, рассказы, повести, сказки, поэмы. В ряде стихотворений, вошедших в сборник «Жажда» (Берлин, 1923), звучат ностальгические мотивы идеализации старой России. Судьбы русских эмигрантов становились темами его рассказов, вышедших под названием «Несерьезные рассказы» (Париж, 1928). Военные впечатления отразились в стилизованных «Солдатских сказках» (Париж, 1933 (посмертно)). В 1931 году в Париже начинает печатать по главам поэму «Кому в эмиграции жить хорошо?» Кому же? Одному несмышленному Мишутке. А всем остальным:

Без русского без берега
Какое, к черту, счастье!
Все дальше он, все мглистее,-
О чем тут говорить.....

Среди многих бед эмиграции Саша Черный особо выделял проблему детей, которые могли совсем выйти из «круга бесценной Русской Красоты». Для детей эмигрантов он составил двух-

томную хрестоматию **«Радуга. Русские поэты для детей»** (Берлин, 1922). В эмиграции выступал по преимуществу как детский писатель: в Германии выпускает книгу стихов **«Детский остров»** (Данциг, 1921), в Италии появилась повесть **«Кошачья санатория»** (Рим, 1924), во Франции создает **«Дневник фокса Микки»** (Париж, 1927), повесть **«Чудесное лето»** (Берлин-Париж, 1929), сборник рассказов **«Румяная книжка»** (издан в Белграде, 1930), книга детских рассказов **«Белка-мореплавательница»** (Париж, 1933 посмертно).

Разнообразное в жанровом отношении творчество Саши Черного для детей имеет две эмоциональные доминанты: лирическую и юмористическую, которые поддерживают друг друга. В детских произведениях и следа нет едкой иронии, характерной для «взрослого» сатирического творчества.

Саша Черный был поэтом, и «трещина мира» прошла через его сердце. Он умер вдруг от сердечного приступа, вернувшись домой с пожара, который помогал тушить. Это случилось 5 августа 1932 года. Судьбе угодно было внести в его смерть штрих доблести. Дом, который Саша Черный купил в Ля-Фавьере, среди дачек с русскими жильцами, был просто сарай под почерневшей черепицей. В очень жаркий августовский день он вышел из дома и услышал крик: «Пожар!» На горке от брошенного окурка запылали кусты вереска. Загорелась молодая сосна. Он знал, как это опасно. Бросился на помощь.

...Мчится в воду и огонь...

Огонь погасили.

Вернувшись домой, поэт почувствовал боль в сердце.

Через полчаса припадок повторился.

Когда прибежала фельдшерица, его уже не было.

9 августа, в Париже, в Русской православной церкви на рю Дарю, в 11.30 дня протопресвитер о. Яков Смирнов отслужил панихиду по ушедшему. Пел хор, храм был полон молящимися.

«...Мне только хотелось как-нибудь выразить запоздалую благодарность, теперь, когда я уже не могу послать ему письма, писание которого почему-то откладывал, теперь, когда все

кончено, теперь, когда от него осталось только несколько книг и тихая, прелестная тень» (В.Набоков).

Есть в творчестве Саши Черного и произведения, посвященные Пскову. Псков нашел отражение в шести стихотворениях для взрослого читателя, написанных в разное время и в России, и в годы эмиграции.

Стихотворение **«Псковская колотовка»** (1916- 1918, 1922) входит в цикл стихотворений **«Провинция»** книги **«Сатиры»**, но как дополнение из издания 1922 года (Берлин).

Стихотворения **«Псков»** (1917), **«С моста над Псковой»** (1918), **«Псковитянка»** (1918), **«Гостиный двор»** (1921) включены в цикл стихотворений **«Русская Помпея»** третьей книги стихов Саши Черного **«Жажда»**, изданной в Берлине в 1923 году.

ПСКОВ

Над ширью величавых вод
Вдали встает копна собора.
Гудит далекий пароход....
А здесь за мшистой тьмой забора
Желтеют кисти барбариса,
Над грядкой жимолость цветет...
В саду распелась Василиса.
Искрясь, Великая плывет.
Вдали, весь беленький, у мыса
Молчит игрушка-монастырь, -
Синеют главы на лазури.
Река, полна весенней дури,
Бормочет радостный псалтырь.
Налево мост – горбатый змей –
Разлегся дугами над гладью.
На мост ползет телега с кладью:
Конь – карлик, ломовик – пигмей....
У богадельни старички
На солнце мирно греют кости,
Низы домишек у реки
Все в грязных брызгах, как в коросте.

На кладках писарь и портниха
 Воркуют нежно у ворот.
 Шипит крапива: тихо-тихо....
 К воде идет гусиный взвод.

(1917)

Под стихотворением «Гостиный двор» стоит обозначение
 - «1921, Псков».

ГОСТИНЫЙ ДВОР

Как прохладно в гостиных рядах!
 Пахнет нефтью, и кожей,
 И сырою рогожей.....
 Цепи пыльной грудой темнеют на ржавых пудах,
 У железной литой полосы
 Зеленеют весы.
 Стонут толстые голуби глухо,
 Выбирают из щелей овес....
 Под откос,
 Спотыкаясь, плетется слепая старуха,
 А у лавок, под низкими сводами стен
 У икон янтареют лампадные чашки,
 И купцы с бородами до самых колен
 Забавляются в шашки.

(1921, Псков)

Стихотворение «**Сочельник в Пскове**» относится к стихам, написанным в эмиграции и не входившим в прижизненные издания поэта. Оно помещено в цикле стихотворений «Русские миражи», датируется «1925, декабрь, Париж» и имеет подзаголовок «Мираж», данный в скобках.

Пскову посвящены поэма Саши Черного «**Дом над Великой**» (1924, Рим) и главы из поэмы «**Дом над Великой**» (1928).

Одно из первых стихотворений, посвященных псковской земле, - «**Псковская колотовка**», написано в период 1916-1918 гг., когда Саша Черный служил во Пскове. Примечательно, что в 1922 году он переиздает в новой редакции свои книги стихов «Сатиры» и «Сатиры и лирика» и включает это стихотворение

в раздел «Провинция» книги «Сатиры». Стихотворение органично вошло в структуру книги и отличается также двойственностью изображения, характерной для поэта - сатирика - сатириконца. Об этом он говорит и сам:

Ржавый стих мой злее шила
И исполнен озорства:
Ведь она мне отравила
Милый вечер Рождества!

«Злее шила» написаны строки, характеризующие внешность, характер, манеры героини:

Как колтун, торчали кудри,
Шейка гнулась, как змея,-
И паркет был бел от пудры
На аршин вокруг нея!
Вмиг с апломбом плоской утки
Нагло всем закрыла рты:
Сплетни, вздор, тупые шутки,
Водопады клеветы.

«Исполнены озорства» последние строки стихотворения:

Ведь Господь, хотя бы в праздник,
Мог столкнуть меня с другой....
Эх ты, жизнь, скупой лабазник,
Хам угрюмый и нагой!

Третья книга стихов Саши Черного «Жажда» вышла уже в эмиграции в 1925 году. Позади уже были революция, гражданская усобица, беженские скитания, исход из России. Композиционно книга повторяет две первые: стихотворения также распределены по 4-м связкам - разделам: «Война», «На Литве», «Чужое солнце», «Русская Помпея». Не трудно заметить, что разделы книги «Жажда» отражают переломный момент истории и творческой судьбы Саши Черного и содержат стихи, написанные в 1918- 1923 гг.

В разделе «Русская Помпея» четыре стихотворения из двадцати шести - о Пскове, под каждым из них указан год создания: «Псков» (1917), «С моста над Псковой» (1918), «Гостинный двор»

(1921), «Псковитянка» (1918). Кроме Пскова, в этом разделе есть стихотворения, посвященные другим городам: Санкт-Петербургу («Невский», «Весна на Крестовском», «На Островах»), Одессе («В Одессе»).

В стихотворении «Псков» названы дорогие сердцу поэта места, показаны картины природы, сделаны бытовые зарисовки. Псков для Саши Черного - это прежде всего святыне величественные строения - Троицкий собор:

Над ширью величавых вод
Вдали встает копна собора.

и Мирожский монастырь:

Вдали, весь беленький, у мыса
Молчит игрушка-монастырь,-
Синеют главы на лазури.

Река Великая - центральный образ всех произведений С. Черного, посвященных Пскову. В стихотворении «Псков» она видится поэту искрящейся, полноводной, говорящей: «Искрясь, Великая плывет», «Река, полна весенней дури, Бормочет радостный псалтырь». Описывая картины природы города, поэт останавливает свой взгляд на том, что кем-то может остаться незамеченным. Он видит, как «желтеют кисти барбариса. Над грядкой жимолость цветет...», как «шипит крапива: тихо-тихо...», как «к воде идет гусиный взвод». Поэт замечает и все сложности и тонкости жизни псковичей, особенности быта, дает пестрые бытовые зарисовки:

У богадельни старички
На солнце мирно греют кости,
Низы домишек у реки
Все в грязных брызгах, как в коросте.

Намеченные стороны и аспекты изображения Пскова нашли свое воплощение и в других трех стихотворениях, каждое из которых расширяет или конкретизирует образ города и открывает новый взгляд на него. Стихотворения «С моста над Псковой» и «Гостиный двор» дают живописные картины быта. В стихотворении «Псковитянка», согласно его названию, дан образ псковской девушки-телеграфистки Глаши:

Над темно-русой головой
 Вуаль играет рыбкой,
 В глазах, плененных синевою,
 Ленивая улыбка.

Но не только. В стихотворении Саша Черный возвращается к описанию реки Великой:

На глади Великой смешной пароходик
 чуть больше мизинца,

к описанию псковских Святинь:

Белеет безмолвный собор-исполин.

Кроме того, вводит в образ города новые географические названия: «Пскова-река смывает барки лиловой тьмой», «Уже вдоль Запсковья в домишках зажгли огни». И самое главное, в стихотворении увековечен исторический памятник города - Поганкины палаты:

Поганкины палаты
 Белее изразца.
 На столбиках пузатых
 Свисает свод крыльца.

.....

Там, в Поганкиных палатах,
 За стеклом в пустых покоях
 Столько древней красоты....

Стихотворения о Пскове, написанные в России, полны лиризма, светлой иронии, очарования городом, доброй улыбки. Иными чувствами наполнено стихотворение «Сочельник в Пскове», написанное в эмиграции (1925, декабрь, Париж) и включенное в книгу стихов «Русские миражи». В нем, как и во многих произведениях эмигрантского периода, слышатся ностальгические мотивы, чувствуется печаль и грусть, видится умиление картинами старой России.

Каждая мелкая деталь прошлой жизни становится милой и дорогой для поэта:

.....В милой толкотне
 В передней возишься с калошей.

Стихотворение «Сочельник в Пскове» - стихотворение-воспоминание, иногда по интонации переходящее в откровенный восторг и восхищение: «О белоснежный, круглый стол!», «Как хорошо у тёти Вали!». Поэт вспоминает и описывает те же дорогие его сердцу места: «Баржи на скованной Пскове», «Гостинный двор/Рядами нор,/Зияет холодно и четко». Светлыми и яркими красками дано в стихотворении и описание природы, только теперь уже зимней:

Дома молчат,
Сквозистый сад
Пушистым инеем окован....
Закат, румянцем зачарован,
Раскинул тихий водопад.

Выразительны и картины псковского быта, данные в стихотворении: описание передней в доме («В передней груда шуб и шапок»), зала («А в зале в блестках - деревцо»), детской («Там в детской шумный, вольный пир»), праздничного стола («Узвар из терпких груш так лаком Кутьи медовой зерна с маком...»). Поэт вспоминает и старушку-няню в пестрой шали, и домашнего кота, по кличке Жмот. Праздник подходит к концу. Гости расходятся:

Скрипят шаги.
Вокруг - ни зги.
Снежок заводит карусель.

Было ли это все на самом деле или не было? Почему в подзаголовке стихотворения «Сочельник в Пскове» стоит «Мираж»? Почему мираж? Ведь это обманчивый призрак чего-нибудь, нечто кажущееся.

Остается загадкой, почему стихотворение именно о Пскове и почему это стихотворение - мираж? Остается другой загадкой, почему именно в эмиграции Саша Черный задолго до публикации поэмы «Кому в эмиграции жить хорошо» (1931), создает поэму «Дом над Великой» (1924, Рим), в которых, наряду с новыми, нашли свое воплощение и продолжение все темы и мотивы его стихотворений, посвященных Пскову. Может быть, ответ в том, что город на реке Великой, город Псков, был последним городом в России, в котором Саша Черный жил до эмиграции.

Иван Алексеевич Бунин

Иван Алексеевич Бунин (1870-1953)

Один из прославленных русских писателей, первым удостоенный Нобелевской премии, И. А. Бунин был страстным путешественником и объездил многие части света. Замечательно, что в судьбе этого скитальца было и «лето в псковских лесах», когда с 4 июля по 15 августа 1912 года он гостил у поэта А. С. Черемнова в имении Клеевка под Себежем.

Ощущение первозданности этого края запечатлено в письмах И. Бунина. «Жить здесь очень приятно. Край оригинальный – холмистый, лесистый, пустынный, редкие маленькие поселки среди лесов, хлебов мало». «Тишина здесь изумительная – жаль расставаться с ней. И деревни не те, что у нас, и лица лучше: недавно встретил мужика в лесу – настоящий Олег! А ведь по Питерам ходят!». Жена писателя, В.Н. Муромцева, замечает: «Местность здесь тем хороша, что после какого угодно дождя можно гулять без страха увязнуть. Местность холмисто-лесистая, есть и озера. Имение очень благоустроенное, чувствуется, что хозяева культурные люди. Да и сами мужики чище, лица определеннее наших. Есть и особая поэзия этого края: в саду живет семейство аиста, коров сзывают рожком, чувствуется Германия даже в самых строениях, крышах, которые с первого взгляда похожи на черепичные, только из более мелких деревянных кусочков...». В интервью «Московской газете» И. Бунин говорил: «Огромный лесной край, чрезвычайно любопытный в бытовом отношении. Мне пришлось много ходить пешком, вступать в непосредственное соприкосновение с местными крестьянами, присматриваться к их нравам, изучать их язык. Причем я сделал ряд интересных наблюдений. У крестьян этой полосы, по моему мнению, в наиболее чистом виде сохранились неиспорченные черты славянской расы. В них видна порода. Да и живут они хорошо, далеко не в тех некультурных условиях, как наш мужик в средней России». Хозяин имения,

А.С. Черемнов, в письме И.С. Шмелеву отмечал: «Население типично русское, и И.А. Бунин нашел в нем даже древнекиевские черты (веселие пити, умыкание девиц, порчу снох и житие звериным обычаем)». Как видно, более всего Бунина поразили в местных жителях «неиспорченные черты славянской расы», цельность, сохранившаяся от прашуров.

В Клеевке Бунин интенсивно работал: «С необыкновенной легкостью пишу все последнее время стихи. Иногда по несколько стихотворений в один день, почти без помарок».

На протяжении почти всей своей жизни И. Бунин писал поэзию и прозу, что сказалось на своеобразии его творчества: это был философ в стихах и поэт в прозе. Распространено мнение, что Бунин - прозаик талантливее и сильнее Бунина - поэта. Между тем В. Набоков предпочитал «его удивительные струящиеся стихи той парчовой прозе, которой он был знаменит». Сам Бунин никогда не отделял свою поэзию от прозы: «И здесь, и там одна и та же ритмика ...- дело только в той или иной силе напряжения ее», - писал он. Поэтичность, живописность и художественная отточенность – характерные черты его рассказов, повестей и его лирики.

Свою литературную деятельность Бунин начал как поэт и сразу же получил признание. Уже его первый сборник «**Листопад**» был отмечен Пушкинской премией Российской Академии наук. И хотя многие современники восприняли его стихи как символические благодаря грустным элегическим мотивам, бунинская лирика отражала реальный мир, мир природы, которые для поэта ценны сами по себе и потому предстают в богатстве красок, звуков и запахов. А. Блок писал: «Так знать и любить природу, как умеет Бунин, мало кто умеет. Благодаря этой любви поэт смотрит зорко и далеко, и красочные и звуковые его впечатления богаты». Его поэзия рождается из самого прозаического, в ней поражает изобразительность и предельная точность эпитета, необыкновенно конкретный и вместе с тем одухотворенный пейзаж. Поэтическое отражение мира сближает Бунина с А. Фетом, Я. Полонским.

Написанные на псковской земле стихотворения также элегантно отточены и красивы:

Как дым пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
Что в ней был слышен голос Бога,
Великий, жуткий для земли
И внятный не земному слуху,
А только дремлющему духу.
Жгло солнце. Блеклые, в пыли,
Серели травы. Степь роняла
Беззвучно зерна – рожь текла
Как бы крупинками стекла
В суглинок жаркий. Тонко, вяло,
Седые крылья распустив,
Птенцы грачей во ржи кричали.
Но в духоте печальных нив
Терялся крик. И вырастали
На юге тучи. И листва
Ветлы, склоненной к их подножью,
Вся серебристой млела дрожью –
В грядущем страхе божества.

В этой картине природы перед грозой сказываются лучшие свойства бунинской поэзии: простота, ясность, живописность и точность. В целом Бунин продолжал пушкинское направление русской поэзии, хотя новые веяния двадцатого века коснулись и его несколько архаичных стихов: поэзия Бунина импрессионистична, ассоциативна, ей свойственна присущая сознанию XX столетия трагедийность.

Стихи, родившиеся в Клеевке, характерны для поэта философским отношением к миру: он размышлял в них над тайнами природы, человеческой души, жизни и смерти («**Летняя ночь**», «**Ритм**», «**Светляк**»). Немало стихов посвящено библейским мотивам («**На пути из Назарета**», «**Алисафия**»,

«Судный день», «Завеса»), сюжетам древнего Востока («Шипит и не встает верблюд», «Уголь»). По мотивам народных песен были написаны «Два голоса» и «Белый олень».

ДВА ГОЛОСА

-Ночь, сынок, непроглядная,
А дорога глуха ...

-Троеперого знахарю
Я отнес петуха.

-Лес, дремучий, разбойничий,
Темен с давних времен ...

-Нож булатный за пазухой
Горячо наточен!

-Реки быстры и холодны,
Перевозчики спят ...

-За рекой ветер высушит
Мой нехитрый наряд!

-А когда же мне, дитятко,
Ко двору тебя ждать?

-Уж давай мы как следует
Попрощаемся, мать!

Бунин признавался, что «когда - то усердно собирал частушки, народные поговорки, прибаутки. Этот неоценимый клад...». В этом он следовал за Пушкиным, писавшим, что «изучение старинных песен и сказок необходимо для совершенного знания свойств русского языка».

Именно на псковской земле Бунин ощутил «соприсутствие Пушкина», который всегда был для него «не чтением, а подлинной частью жизни». «Я пишу стихи с утра до ночи с таким чувством, что все написанное я смиренно слагаю к его стопам...».

Известное стихотворение «Псковский бор» родилось не случайно на земле, осененной великим поэтом.

В дневнике Бунина есть запись от 12 августа 1912 года: «9-го ходили перед вечером, после дождя, в лес. Бор от дождя стал лохматым, мох на соснах разбух, местами висит, как волосы, местами бледно-зеленый, местами коралловый. К верхушкам сосны краснеют стволами – точно озаренные предвечерним солнцем (которого на самом деле нет). Молодые сосенки прелестного болотно-зеленого цвета, а самые маленькие – точно паникадила в кисее с блестками (капли дождя). Бронзовые, спаленные солнцем веточки на земле. Калина. Фиолетовый вереск. Черная ольха. Туманно-синие ягоды на можжевельнике». Эти непосредственные впечатления позднее легли в основу стихотворения, дав толчок мысли:

Вдали темно и чащи строги.
Под красной мачтой, под сосной
Стою и медлю - на пороге
В мир позабытый, но родной.

Достойны ль мы своих наследий?
Мне будет слишком жутко там,
Где тропы рысей и медведей
Уводят к сказочным тропам.

Где зернь краснеет на калине,
Где гниль покрыта ржавым мхом
И ягоды туманно-сини
На можжевельнике сухом.

В поэтическом тексте Бунин передал свои раздумья о преемственности поколений, ощущая, по его признанию, «страх своей недостойности и перед ним (Пушкиным - А.Р.), и пред всем, что породило нас».

Возможно, пребывание в Клеевке заставило И. А. Бунина с особой силой испытать родство с русской землей и ее прошлым.

Духовная связь с псковским краем не прервалась и после смерти писателя: на его могиле под Парижем установили крест – копию Труворова креста с городища возле Старого Изборска.

Холомковский «узел культуры»

В первые послереволюционные годы, когда многие представители интеллигенции лишились крова и находились в крайне тяжелом материальном положении, в Петрограде по инициативе М. Горького был создан Дом искусств. Колония Дома искусств, своеобразная «дача» для обитателей «сумасшедшего корабля» (так назвала Дом искусств О. Форш в одноименном романе), была открыта в усадьбе Холомки князя А.Г. Гагарина и имении Н.И. Новосильцова в Бельском Устье Порховского уезда Псковской губернии. Здесь, в живописной долине реки Шелони в 1920-21 годах спасались от голода петроградские писатели, поэты, художники: К. Чуковский, Мст. Добужинский, В. Ходасевич, В. Милашевский, Е. Замятин, М. Зощенко, О. Мандельштам, Н. Радлов, М. Лозинский и другие.

Усадьба Холомки, построенная в 1914 году, не была национализирована у ее владельца по личному распоряжению В.И. Ленина за огромные заслуги А.Г. Гагарина - выдающегося инженера и математика, строителя и первого ректора Петербургского Политехнического института. Об организации колонии в усадьбе договаривался М.В. Добужинский, который был дружен с княгиней М.Д. Гагариной.

Художник В. Милашевский так запечатлел в своих воспоминаниях это место: «Имение Холомки - нестарая дворянская усадьба. Она построена была скорее как некое палаццо для отдыха, а совсем не для извлечения дохода. Строил его Иван Фомин, один из самых прогрессивных архитекторов дореволюционной эпохи. Петербургский классицизм Николая 11 - так некоторые называли этот стиль... Все уже модернизировано в смысле быта. Комнаты для членов большой семьи и гостей! Много света, большие окна! Почти нет этих «двор, куртины, кровли и забор». Он вырос прямо в лесу... И нет еще к нему настоящей барской дороги. Так, проселочек между бугорками, холмиками! Но с балкона с ротондой, с коринфскими колоннами прекрасного ордера открывается

**Чуковский и
Добужинский в
Бельском Устье.
Шарж Н. Радлова.
1921 г.**

Усадьба Холонки.

чудесный вид! В двух шагах протекает река Шелонь. Онегино-ларинский пейзаж! Мягкий, музыкальный по своим негромким, но ласковым формам!». Как отмечает современный исследователь, «...архитектурный облик усадебного дома в Холомках был традиционно классицистичен, по-барски представлен и вместе с тем удивительно привлекателен, приветлив и гармоничен». Усадьба Холомки имеет несомненную архитектурную ценность, возвращая нас к дворянской культуре, «создавая полную иллюзию традиционной идеальной усадебной среды» (Т.Каждан), и вместе с тем важна уникальным скрещением судеб многих талантливых людей XX века.

Бельское Устье - «соседнее имение, выстроенное в стиле «Руслана и Людмилы»» по проекту И.П. Ропета - описывает Н.Чуковский: «Новосильцовский дом стоял в двух верстах от Холомков - длинная деревянная двухэтажная постройка с просторными комнатами, паркетом и полным отсутствием мебели...От Холомков к Бельскому Устью вела длинная березовая аллея. Дом Новосильцовых одним фасадом был обращен в яблоневый сад, другим - к бесконечным полям, где блестили изгибы Шелони и чернели деревни. Между домом и рекой стояла церковь, построенная в 18 веке».

История создания колонии на Псковской земле запечатлена в дневнике К.И.Чуковского 1921 года: «14 февраля. Завтра еду с Добужинским в Псковскую губернию, в имение Дома Искусств Холомки, спасти свою семью и себя - от голода, который надвигается все злее». «26 мая. Сдуру я взял огромный портфель, напялил пальто и пошел в город Псков, где промыкался по всем канцеляриям и познакомился с бездной народу. Добыл лошадь для колонии и отвоевал Бельское Устье». «3 июля. Мы уже две недели в Холомках. Я бегаю по делам колонии и ничего не делаю...». «Август. Худ. Отдел в 1,5 года. Двух коров. Лит. Отдел добыл в 1 месяц: Молочный пункт. На кажд. члена колонии по бутылке молока. Паек детской колонии (сахар, рожь, крупа и т.д.). Огород. Сад. 3 лошадей. 2 дес. ржи. 1 десят. клеверу. Ежемесячное получение жмыхов. Организовал приток колонистов. Распропагандировал колонию».

Обстановка в Холомках летом 1921 года прекрасно передается в одном из писем поэта В.Ходасевича: «По случаю коммунистического строя сделался я помещиком... У нас нет ни единой комнаты с целыми рамами, в потолках пули, обои в клочьях. Спим на сенниках, мебель анекдотическая, смесь ампира, лишенного обивки (в ней ходят невесты в окрестных деревнях), с новыми табуретками, пахнущими смолой. Живем во втором этаже, ибо нижний разгромлен слишком. Зато у нас великолепный вид верст на 15 в даль, у нас церковь и кладбище в ста шагах, у нас аисты, радуги, паровая мельница, агроном, мастер по части жестоких романсов, у нас - плачьте, несчастные!- 1500 собственных яблонь, согнутых от яблок...». Впечатления Ходасевича от этих мест нашли поэтическое выражение в стихотворении «**Бельское Устье**»:

Здесь даль видна в просторной раме:
За речкой луг, за лугом лес.
Здесь ливни черными столпами
Проходят по краям небес.

Здесь радуга высоким сводом
Церковный покрывает крест
И каждый праздник по приходам
Справляют ярмарки невест.

Здесь аисты, болота, змеи,
Крутой песчаный косогор,
Простые сельские затеи,
Об урожае разговор....

Новые интересные штрихи существования членов коммуны находим в воспоминаниях Н.Чуковского: «Новоприбывшие разместились в пустом доме кто как мог: на топчанах и просто на полу. Нельдихен устроился на террасе с перебитыми стеклами в длиннейшем ящике из-под яиц. Заглянул я как-то в этот ящик, смотрю, лежит он там на спине, стружках, выставив вверх острые колени, в гоголевской крылатке, в галстук бабочкой... Н.Э.

Радлов решил преобразить внутренность новосильцовского дома и принялся расписывать его голые стены огромными фресками. Мы с жадным вниманием следили за его работой, быстро продвигавшейся вперед - каждый день появлялась новая фреска. На этих уморительно смешных фресках изображены были мы сами - и Нельдихен в крылатке, и изысканный Лозинский, и Добужинский, и мой отец, и стремительный Лева Лунц, и Гагарины, и Замятин, и маленький Ходасевич с челкой на лбу, в пенсне с брезгливой улыбкой на крохотном личике».

Художники и литераторы, поселившиеся здесь, знали, что в деревне царствовал «натуральный обмен»: «валютой» были ткани, одежда, посуда, хозяйственные мелочи. «За скатерть можно было получить двухмесячный абонемент на молоко, за кусок мыла - курицу и десяток яиц, за бутылку одеколona - мешок муки... Кто-то выменял граммофон на барана», - свидетельствует В.Ходасевич. В шуточном стихотворении Мст. Добужинского «**Холомки**» воспроизводится этот акт товарообмена:

.....Уже жена моя
С помощницей своею, Fraulein Анной,
Беседой важною с крестьянкой занята:
Вопрос серьезный - этой соль нужна,
А нам хотелось бы иметь яичко.
(Что деньги? - звук пустой, гласит молва,
А ныне разве это неприлично?)

Известно, что многочисленная семья К.И.Чуковского кормилась тем, что выменяла мешок гвоздей и четыре стальные косы на четыре мешка ржи. Анекдотический случай произошел с О. Мандельштамом, о чем вспоминал В. Милашевский: «Он привез из Петрограда двенадцать женских головных платков желтого цвета и два отреза полубумажной материи для брюк в мелкую клетку. Товар успеха не имел, напрасно Осип Эмильевич уверял псковитянок: «Посмотрите же, это очень красивые платки и прекрасного цвета!». Ничего не действовало, брать платки и обменивать на простой продукт, хлеб, сало землячки Пушкина отказывались: «Да что вы! Засмеют все!». Желтый цвет был

нелюбимым цветом... Та же неудача постигла и у парней. Все парни мечтали носить брюки такие же, как носил Добужинский, то есть в тонкую полоску, а клетка была для них непредвиденной неожиданностью».

Свои впечатления об относительно благополучном существовании в деревне выразил Мст. Добужинский в письме 29 июня 1920 года: «Мне работается хорошо... Кругом очаровательный пейзаж, даже страшно братья. Дом стоит на холмах (ибо это «Холомки») и видны... пленительные дали. Внизу речка, ежедневно по утрам спускаюсь к ней и погружаюсь в тихие ее струи, а по возвращении меня ждет молоко, хлеб и масло и т.д. Словом, мы блаженствуем и словно во сне после Петербурга».

Впечатления председателя колонии, К. Чуковского, носят иной характер: «За 40 дней я 30 раз ездил в город на гнусной лошади и на телеге, которую из деликатности зовут только бедой, а не чумой, дыбой». Об этом «классическом псковском экипаже» (в словаре В. Даля «Бѣда, брыкушка, одноколка, двуколка; кабриолет») стоит остановиться подробнее, обратившись к воспоминаниям В. Ходасевича: «На беде пскович возит и навоз, и сено, и хлеб, и дрова, из бед составляются свадебные поезда, на беде везут и покойника к месту его последнего упокоения. Происхождением своим беда, несомненно, обязана бездорожью. Ее преимущество заключается в том, что у нее всего два колеса. По развороченным колеям и колдобинам Порховского уезда ныряет она не в пример свободнее, чем ныряла бы на ее месте обыкновенная телега о четырех колесах. Лошади от того много легче, а седоку все равно. Однако беда имеет и свои недостатки – не малые.

Представляет она собой узкий полог или настил, положенный прямо над осью, между двумя колесами... Колеса беды не больше задних колес обыкновенной телеги. Вследствие этого ось приходится ближе от земли, гораздо ближе, чем передний конец оглобли. Таким образом, оглобли у беды спускаются вниз чуть ли не под тем же углом, как у саней, а так

как они находятся с полком в одной плоскости, то и весь полук оказывается расположен не параллельно земле, а весьма покато: его задний край лежит значительно ниже переднего... Ездоку, если он едет порожнем, приходится сидеть на беде по-турецки, поджав ноги и непрерывно сползая назад. На то и уходит время его, что он ерзает по полку: то съезжая назад по неумолимым законам природы, то стараясь забраться повыше, чтобы затем начать сползать сызнова. При этом он должен стараться ни рукой, ни ногой не попасть в колеса, которые вращаются у него справа и слева недалеко от локтей. Конечно, можно бы намотать веревку между рогами и устроить нечто вроде спинки, но, прислонясь к ней, седок окажется настолько ниже лошадиного крупы, что дорога окажется от него совершенно закрыта и он не сможет править... Словом, езда на беде – беда». Вернемся к дневнику К. Чуковского: «15 июля 1921 года. Я стал форменным приказчиком Колонии... Добыл для Народного дома керосину. Ура! Удалось сделать так, что нам дали и рожь, и овсяную муку. Везу и то и другое в Холомки...». В альманахе «Чукоккала» К. Чуковский о пребывании в Холомках резюмировал: «...я выступал здесь в роли изнуренного пахаря, Мстислав Валерианович Добужинский - в роли бодрого сеятеля».

Конечно, не только председателю колонии приходилось добывать пропитание. В воспоминаниях В. Милашевского живописно рассказано, как художник Б. Попов распахивал пустыри: «Он арендовал лошадь, плуг и борону. Жители окрестных сел сошлись смотреть: что-то будет?»

И вот Борис стал пахать. Бородачи в рубашках бордовых, малиновых, розовых, зеленых, синих, белых, некоторые в «спинжаках» с бородами черными, желтыми, сиенистыми, соловыми, сизыми и рыжими уселись под яблонями амфитеатром.

Первая полоса, конечно, была вихлястая, но потом, начиная со второй, третьей, полосы ложились с аккуратностью, чистотой и твердостью петербургского графика».

Сам В. Милашевский «с удивительной ретивостью» выполнял роль коменданта яблоневого сада. «Когда яблони

начали попевать, он построил себе между яблонь шалаш и сидел там днем и ночью, наблюдая за тем, чтобы деревенские мальчишки не крали яблок. Против мальчишек он вел правильную войну, устраивал ловушки, засады, с бешеным увлечением гонялся за ними, крича и перепрыгивая через заборы».

Члены колонии занимались и просветительской деятельностью: читали публичные лекции (например, К. Чуковский в Детской библиотеке Порхова выступал с лекцией о Достоевском), поставили в Порхове спектакль по «Скупому рыцарю» А.С.Пушкина. О последнем сохранились воспоминания В. Милашевского: «...Бумажка за подписью Горького показывалась в исполкоме города Порхова, умиляла порховские власти, и они отпускали нам пайки - крупу, муку и махорку.

Выписывая ведомость, власти легонечко, деликатненько намекали, что за это ждут от нас культурно-просветительской работы среди местного населения. Во исполнение этой нашей «культурной миссии» и решено было поставить спектакль «Скупой рыцарь» Пушкина.

Об этом было объявлено всему окрестному населению.

Мы принялись за дело: Добужинский взял на себя исполнение роли Скупого рыцаря, я - работу по декорационному оформлению....

Перед спектаклем я произнес вступительное слово и объяснил некоторые непонятные выражения.

Потом, после спектакля, поэт Владислав Ходасевич возмущался:

-Что это за вульгаризация и этот ваш казарменный стиль: нимфы... как вы сказали? «Девки голяком или нагишом»?

-Владислав Фелицианович! Да ведь если бы вы объяснили, они ничего бы не поняли, а у меня все поняли.

Когда Добужинский произнес знаменитое: «лишь захочу...в великолепные мои сады сбегутся нимфы резвою толпою...»-

девицы все фыркнули: «Ох, мамоньки!». А их кавалеры смачно и веско пробурчали: «Вот эт-то да!».

Фурор был полный.

-Но фурор, заметьте, только после моих «казарменных объяснений», - ехидно заметил я изощренному пушкинисту.....

Все были довольны. Довольны «актеры», для которых этот спектакль был событием. Довольны власти в Порхове, довольны зрители, хотя некоторым из них пришлось пройти верст десять». В повести Н.К. Чуковского «**Княжий Угол**» упоминается постановка пушкинского «Скупого рыцаря» неким Домом просвещения: «...спектакль этот принес Дому просвещения много пользы: это был единственный спектакль за два с лишним года, княгиня написала о нем доклад в унаробраз, и там к докладу отнеслись очень благосклонно».

Жили в колонии весело: устраивали общие прогулки, писали эпиграммы, рисовали карикатуры, по вечерам - танцы. «Открывались все двери, зажигались керосиновые лампы, местный агроном с лицом Козьмы Пруткова играл на гармони, и устраивалась грандиозная кадрили. В первой паре шел Замятин с княжной Софьей Андреевной, за ними задравший рясу дьякон с Мусей Алонкиной, за ними князь Петя с поповной Лидой..., за ними Милашевский с Женей Вихровой, затем Нельдихен с дочкой дьякона, М.Л.Лозинский с Оношкович - Яцыной, Зошенко с учительницей из деревни Захонье. Всем распоряжался тонкий, стройный, изысканно-изящный Радлов, громко возглашавший:

-Шанже во дам! Гран ронд!

И пары двигались среди выбитых окон, мигающих огней, мелькающих теней, между чудовищными фресками, украшавшими стены» (Н.Чуковский).

Для многих пребывание в Холомках и Бельском Устье было плодотворным в творческом плане. Поэт Вл.Ходасевич провел здесь август и сентябрь 1921 года, но за этот короткий период написал немало стихотворений, а позднее создал очерки «**Во Пскове**» и «**Поездка в Порхов**». В них медленное

течение провинциальной жизни на фоне глобальных устремлений времени мемуарист запечатлел в иронической, а порою и саркастической форме. Таково описание Порхова: «Вскоре я очутился на главной площади, посреди которой, если мне память не изменяет, росло несколько деревьев. На фоне их высился монумент, которому подобного я еще не видывал, хотя видел памятник Гейне в Москве, в Нарышкинском сквере, и памятник Володарскому в Петербурге(имеются в виду новые, неакадемические памятники из гипса и дерева «людям великой общественной деятельности», которые стали возводиться после революции- примеч.А.Р.). Он был исполнен в кубистическом и футуристическом духе – пожалуй, не без влияния знаменитого татлинского памятника революции. Основанием ему служил белый куб вышиной примерно по грудь взрослому человеку. На этом кубе высился другой, поставленный как-то наискосок и поменьше величиной. На самом верху, опять же асимметрически, торчала маленькая четырехгранная пирамида с усеченной вершиной. Все, в общем, было похоже на пасху, которую уронили, сломали и составили вновь, но плохо. Сооружение было вышиной сажени в полторы, то есть не «выше пирамид». Подойдя ближе, я обнаружил, что и материал его не «прочнее меди». Попросту говоря, состоял он из деревянного каркаса, на который был натянут холст, выкрашенный клеевой краской. С одной стороны холст уже был оторван и позволял заглянуть внутрь. Мне вспомнился стих Державина:

На стогн поставлен, на позор,
 Кумир безумну чернь прельщает;
 Но чей в него проникнет взор –
 Кроме пустот не ощущает.

Впрочем, мой взор и мое обоняние ощущали в памятнике еще нечто, «кроме пустот», но что именно – да пребудет тайной сего монумента. Никакой надписи не было на его «цоколе», но, обходя вокруг памятника, подобно тому, как бедный Евгений обходил вокруг Медного Всадника, я обнаружил, кому он воздвигнут. В верхней его пирамидке была построена маленькая

ниша – точно кто ложкой отколупнул кусок пасхи. В нише стояла деревянная рамочка с фотографией Карла Маркса, уже полинялой и размокшей от дождей. Внизу, у подножия, валялся засохший букет полевых цветов, перевязанный куском красного кумача».

Во многом схожие впечатления произвели Псков и Порхов на К. Чуковского: «Очень забавны плакаты в городе Порхове. – В одном окошке выставлено что-то о сверхчеловеке и подписано: «Так говорил Заратустра». Заратустра в Порхове!». «Я смотрю на говорящих: у них мелкие, едва ли человеческие лица, и ребенок, которого одна держит, тоже мелкий, беспросветный, очень скучный. Таковы псковичи. Черт знает как в таком изумительном городе, среди таких церквей, на такой реке – копошится такая унылая и бездарная дрянь. Ни одного замечательного человека, ни одной истинно человеческой личности. Очень благородны по строгим линиям Поганкины палаты (музей). Но на дверях рука псковича начертала:

Я вас люблю, и вы поверьте,

Я вам пришлю блоху в конверте.

А в самом музее недавно произошло такое: заметили, что внезапно огромный наплыв публики. Публика так и прет в музей и все чего-то ищет. Чего? Заглядывает во все витрины, шарит глазами. Наконец какой-то прямо обратился к заведующему: показывай черта. Оказывается, пронесся слух, что баба тамошняя родила от коммуниста черта – и что его спрятали в банку со спиртом и теперь он в музее. Вот и ищут его в Поганкиных палатах». И одновременно в записях К. Чуковского звучит гимн русской деревне: «Сегодня видел деревенскую свадьбу. Сани шикарные, лошади сытые. Мужики и бабы в саях на подушках. Посаженный отец вел невесту и жениха, как детей, по улице. Ленты, бусы, бубенцы – крепкое предание, крепкий быт. Русь крепка и прочна: бабы рожают, попы остаются попами, князья князьями – все по-старому на глубине. Сломался только городской быт, да и то возникнет в пять минут. Никогда еще Россия как нация не была так несокрушима».

Художник В. Милашевский признавался: «Благословенное лето 1921 года! Я стал в это лето художником!», имея в виду рождение новых принципов в собственном искусстве. Холомки явились значительным источником разнообразного творчества (в том числе литературного) и для художника Мст. Добужинского:

...И вот я в роще. О, Верейский,
И ты, Кустодиев! Зачем не в Холомках вы?
Зачем не видите осенней рощи сей,
Ее запечатлеть никто другой не сможет!

И я не мог. И описать смогу ли? (из стихотворения «Холомки»)

Эпизоды их жизни в Холомках легли в основу рассказов Е.Замятина «Икс», «Пещера». Благодаря пребыванию в псковских исторических местах Н.К.Чуковский написал повесть «Княжий Угол» (1935-36), в которой угадывается история семьи Гагариных и воспроизводятся холомковские пейзажи. Известно также, что Лидия Чуковская (в будущем известная писательница и мемуаристка) создала в Холомках забавную пьесу «Каракакула», текст которой, к сожалению, утрачен.

К.Чуковский работал над «Книгой об Ал.Блоке», когда из Петрограда пришло страшное известие о смерти поэта. В дневнике об этом сделана запись 12 августа: «Никогда в жизни мне не было так грустно, как когда я ехал из Порхова- с Лидой- на линейке мельничихи- грустно до самоубийства. Мне казалось, что вот в Порхов я поехал молодым и веселым, а обратно еду – старик, выпитый, выжатый – такой же скучный, как то проклятое дерево, которое торчит за версту от Порхова. Серое, сухое – воплощение здешней тоски. Каждый дом в проклятой Слободе, казалось, был сделан из скуки – и все это превратилось в длинную тоску по Алекс. Блоку. Я даже не думал о нем, но я чувствовал боль о нем...

Самое страшное было то, что с Блоком кончилась литература русская. Литература –это работа поколений, ни на минуту не прекращающаяся – сложнейшее взаимоотношение

всего печатного с не умирающей в течение столетий массой – и... \страница недописана- прим. публикатора\.

В его жизни не было событий... Он ничего не делал – только пел. Через него непрерывной струей шла какая-то бесконечная песня. Двадцать лет с 98 по 1918. И потом он остановился – и тотчас же стал умирать. Его песня была его жизнью. Кончилась песня, и кончился он ».

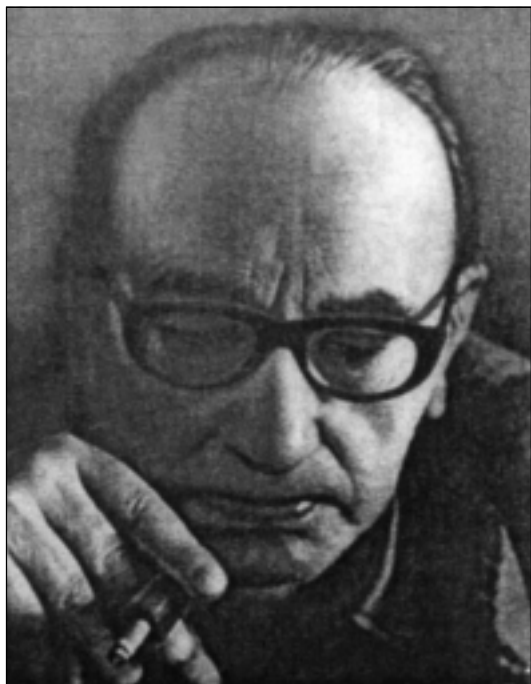
Свои чувства по поводу смерти А.Блока 11 августа выразил и В.Ходасевич:

Все жду: кого-нибудь задавит
Взбесившийся автомобиль.
Зевака бледный окровавит
Торцовую сухую пыль.

И с этого пойдет, начнется:
Раскачка, выворот, беда,
Звезда на землю оборвется,
И станет горькою вода.

Прервутся сны, что душу душат.
Начнется все, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром – лишнюю свечу.

Этот небольшой «пятачок русской земли» (В. Милашевский) в сознании побывавших там стал символом России. Они с нежностью вспоминали о Холомках, очарованные чистотой русского пейзажа и русской деревней. К.Чуковский в дневнике записал: «18 февраля 1921 года. Холомки. Вообще, я на 4-м десятке открыл деревню, впервые увидел русского мужика. И вижу, что в основе это очень правильный жизнеспособный несокрушимый человек, которому никакие революции не страшны. Главная его сила – доброта». В. Милашевский вынес из псковской провинции впечатление «здоровья, крепости всей нации... «Руси»». Мст. Добужинский, делая иллюстрации к «Евгению Онегину» уже за границей, воспроизвел окрестности Холомков.

Михаил Михайлович Бахтин

Михаил Михайлович Бахтин (1895 – 1975)

М.М. Бахтин – философ, литературовед; основатель философской школы и нового направления в науке о литературе. Он родился 4 (по ст. стилю 17) ноября 1895 г. в Орле. За 80 лет своей жизни бывал в разных местах: учился в Вильно (ныне Вильнюс), Одессе и Петрограде, работал в Ленинграде и Москве, Невеле и Витебске, Кустанае (Казахстан) и Саранске (Мордовия), Калининской (ныне Тверской) области и Подмосковье. Частые переезды были вынужденными, связанными с необходимостью лечиться (страдал хроническим множественным остеомиелитом) и с «казенной надобностью», как и у многих его современников. Например, в Кустанае Бахтин отбывал ссылку, заменившую ему лагерь; в Саранск поехал потому, что бывшему ссыльному и по прошествии лет нельзя было жить в крупном городе. Некоторые свои работы в 1920-е годы он был вынужден подписывать именами друзей: В.Н. Волошинова, И.И. Канаева, П.Н. Медведева. Они предложили такой способ для обнародования книг, поскольку имя политически ссыльного закрывало возможность публикации.

Таким образом, Бахтин большую часть своей жизни провел вдали от научных центров и крупных библиотек, где мог работать лишь наездами. Тем не менее, его научные труды, печатавшиеся в 1920-е и 1960-е годы, были настолько глубоки и оригинальны, что сделали известным имя ученого в научной среде, особенно Москвы. В 1960-е годы среди филологической молодежи столицы самыми известными его работами были книги **«Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского»** (именно Бахтин объяснил особенность романов великого писателя их полифоничностью, поэтому они теперь называются в большинстве вузовских учебников «полифоническими романами») и **«Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса»** (о карнавальной культуре Возрождения и чертах карнавального смеха). К Бахтину в

Саранск ездили ради знакомства и беседы, за советом и разъяснением, для обсуждения работ и идей. Общение с ним осознавалось теми, кто был знаком с его книгами, духовно отрядным и научно необходимым. Усилиями друзей и заочных учеников он, будучи уже очень больным, переехал в Москву, где вскоре и умер. Это случилось 7 марта 1975 года.

Творческая деятельность Бахтина многогранна. Много лет отдав преподавательской работе и учительствованию, он был, прежде всего, мыслителем. Широкая образованность в области русской и зарубежной истории и литературы, интерес к эстетическим наукам и философии, проблемам методологии позволили ему ввести в науку понятия, без которых невозможно представить сегодняшнее литературоведение: «полифонический роман», «хронотоп», «амбивалентность». Но самое главное, он обогатил гуманитарные науки понятием «диалога» в широком смысле слова. Последнее разрабатывалось им как раз на Псковщине.

С лета 1918 г. по осень 1920 г. Бахтин жил в Невеле, где в то же время оказались музыковед и поэт В.Н. Волошинов, поэт Б.М. Зубакин, философ М.И. Каган, философ и литературовед Л.В. Пумпянский, пианистка М.В. Юдина.

Ученые, оказавшись в провинции, где недостаток в преподавательских кадрах был крайне острым, особенно в связи с войной, занимались учительством. Бахтин преподавал историю, социологию и русский язык в Невельской единой трудовой школе 2 ступени. Кроме того, он прочел цикл лекций по истории литературы для работников искусства; вел бесплатные литературно-художественные курсы; в июле 1920 года читал лекции по русскому языку для членов Союза работников просвещения и социальной культуры.

Приобщение народа к высокой культуре, обусловленное временем, требовало активной просветительской работы, и Бахтин выступал с докладами на литературных вечерах. Например, на вечере памяти Леонардо да Винчи он прочел доклад «Мировоззрение Леонардо»; а на вечере, посвященном

15-летию со дня смерти А.П. Чехова, - «Личность и творчество А.П. Чехова».

В это же время он имел опыт театральной деятельности. Вместе с Пумпянским Бахтин ставил трагедию Софокла «Эдип в Колоне». Ученые и здесь стремились к высокому профессионализму: специально для пьесы художник (Гурвич) писал декорации и создавал костюмы; приглашенная из Москвы балерина (Гольдина) ставила мимические сцены; музыкальным оформлением занималась Мария Вениаминовна Юдина. К театральному действу было привлечено свыше 500 учащихся трудовых школ города и уезда.

Преподавание, как всегда в его жизни, совмещалось с серьезнейшими занятиями наукой. М.М.Бахтин с друзьями - Матвеем Исаевичем Каганом и Львом Васильевичем Пумпянским - организовал «Кантовский семинар», из которого вышла Невельская научная ассоциация. Ее торжественное открытие состоялось в июле 1919 г. Плоды совместной деятельности молодых ученых оказались столь актуальными и продуктивными для развития научной мысли, что их позднее назвали «Невельская школа». Под таким названием круг мыслителей, случайно оказавшихся в Невеле в первые годы советской власти, вошел в историю философии. Значение Невельской школы для развития философии в XX веке осознается сейчас на Западе и в России; родившись в Невеле, она «переселилась» вместе с участниками в Витебск, а затем в Петроград и просуществовала с перерывами до 1927 г.

С 1994 г. в Невеле стали регулярными Международные конференции, посвященные философскому и культурному наследию Бахтинского круга. С 1996 г. издаются материалы конференций – «Невельские сборники».

Эта школа не составляла цехового, идеологического или политического объединения. Молодые ученые собирались для обсуждения философских работ прошедших эпох и современности. Они стремились к пониманию законов человеческого бытия и возможностей его познания. Общение

отличалось строгостью научных дискуссий в духе традиции неокантианцев и напряженной мыслительной деятельностью. По воспоминаниям Пумпянского, «углубление собственных взглядов, как это всегда бывает, привело к серьезной осмысленной терпимости, основанной на уважении к мысли, к труду мысли, к личности носителя мысли». Оппонентами в дискуссиях выступали марксисты. Молодые философы, занятые глобальными проблемами существования человека в истории, не сочувствовали попыткам власти насильственно утвердить идеологию, настаивающую на отказе от прошлого. Они пытались объяснить пагубность подобных стремлений, их нравственную опасность. В период культурной ломки 1910 – 1920-х годов это было значимое событие мысли.

Круг Бахтина, куда входят не только названные ученые, но и его друзья по Витебску и Петрограду (музыковед И.И. Солертинский, востоковед Н.И. Конрад, историк Е.А. Тарле, биолог И.И. Канаев и др.), - до сих пор не оцененное явление предвоенной эпохи. Это был «определенный, существенно неофициальный ... слой и менталитет внутри русской интеллигенции советского периода», как пишет В.Л. Махлин, исследователь истории Невельской школы и Бахтинского круга. Сознание этих людей формировалось в атмосфере философских и религиозных исканий первых десятилетий XX века, давших революционную идеологию и авангардные учения. Но мысль Бахтина и близких ему философов была в равной степени далека от обоих этих направлений и сосредоточена на познании нравственной реальности.

Даже общение людей в Бахтинском кругу существенно отличалось от всего, что было тогда модно и воспринималось «современным». Прежде всего, потому, что оно было домашним и личным, основанным на духовной близости и чуждым активности вовне. Ссылные интеллигенты, общаясь, слушали музыку, гуляли по окрестностям Невеля и беседовали на религиозные и философские темы. Л.В. Пумпянский называет «атрибутами лета 1919 года прогулки (с дождем и без дождя),

костры и нравственную философию». В сознании участников таких прогулок окружающая природа и философия слились неразрывно: в воспоминаниях о том времени Бахтина, М.В. Юдиной и Л.В. Пумпянского присутствует «озеро нравственной реальности». Так они называли озеро (раньше не имевшее никакого названия), около которого Бахтин впервые излагал основы своей нравственной философии. Позиции обсуждавших проблемы нравственной философии Пумпянский определяет названиями сократических школ (циники, мегарики, киренаики, полусократики), прозрачно намекая на античную традицию диалога.

Не претендуя на публичность, формирование идеологии и приспособление к изменчивой современности, друзья Бахтина занимались своей профессиональной деятельностью ученых и художников, настаивая на приоритете познания мира и личного духовного усилия перед переделкой действительности. По оценке стороннего наблюдателя, М.К. Поливанова, «значение таких людей в преемственности поколений огромно». Он оказался прав, т.к. именно в бахтинском круге, выросшем из Невельской школы, и была в результате выработана определенная программа для философской и общегуманитарной культуры, воспринятая позднее и на Западе, и в России.

Ее формированию во многом способствовала особенная атмосфера начала революционных преобразований. После революции 1917 года в маленьком провинциальном Невеле строительство новой жизни связывалось с просвещением, и оказавшаяся в городе интеллигенция была готова к выполнению своей исконной задачи просветительства, причем уровень ее научной подготовленности был необыкновенно высок.

Марксистская идеология активно внедрялась в сознание граждан с помощью многочисленных собраний, митингов, вечеров, лекций по разнообразным вопросам. Очень популярным в то время мероприятием были диспуты с громкими названиями «Бог и социализм», «Искусство и социализм», «Христианство и критика», «О смысле любви», «О русской

культуре». Масштабность заявленных проблем отражает меру запросов времени. Людям хотелось не только все переделать, но и все понять, все по-новому осознать. Насколько им это удавалось - другой вопрос. Активно участвуя в диспутах, Бахтин выступал с лекциями и научными докладами «Об отношении Фридриха Ницше к христианству», «О смысле жизни», «Русский национальный характер в литературе и философии», «Об искусстве».

Заметка в невеликой газете «Молот» от 3 декабря 1918 г., посвященная одному из таких диспутов («Социализм и религия»), выразительно передает атмосферу подобных встреч.

Интерес к ним огромен. Корреспондент свидетельствует, что диспут, проходящий в Народном доме, длился с 8 вечера до 2 ночи. Не менее 600 человек заняли уже с 6 часов места не только в зале, но и в боковых комнатах, коридорах и на лестницах. Задачами диспута было выяснение того, «что такое религия, откуда ее начало, к чему она вела, кому была выгодна, нужна ли она и как смотрит на религию партия коммунистов, проводящих в жизнь социализм».

Тон публикации убеждает в двух вещах: заведомо отрицательном отношении автора к религии и полном отсутствии самокритичности. Так, религия называется «намордником темноты», «хорошим куском хлеба» для служителей культа – «лжеапостолов, побоявшихся перед лицом большого собрания кривить душой». Приглашенные же философы – Пумпянский и Бахтин – названы «не далеко ушедшими от них («попов, ксендзов и раввинов») по идее, сынками или близкими родственниками». Характерна безапелляционность тона и безответственность суждений. Автор даже не удосужился спросить докладчика Пумпянского о написании фамилии (он назван Помпянским) или заглянуть в афишу, оповещавшую о диспуте, где фамилия была написана правильно.

Также самоуверенно журналист судит о содержании докладов: из слов Пумпянского он понял, что докладчик

«защищал эту религию, но чтобы он верил и признавал то, что защищал, этого из его слов не видно было»; но тут же признается: «Речь его была самого научного характера, так что половина слушающих не понимала это довольно хорошо сказанное слово...». О Бахтине же сказано, что он «вита́л где-то в области поднебесья и выше... Живых примеров из жизни и истории человечества в его речи не было». Попытки автора заметки передать в собственной интерпретации слова ученого проявляют совершенную неразвитость его мышления: докладчик «беспокоился о том, что этот самый социализм совсем не заботится об умерших (не служит панихиды, что ли?) и что, мол, со временем народ не простит этого» - так поняты корреспондентом слова Бахтина о необходимости помнить свое национальное прошлое.

Оговоримся, что ранние статьи Бахтина особенно сложны для понимания, так уж устроено его сознание; но и вопросы, к которым обращался мыслитель, не относятся к разряду простых и односложных. Упомянутая газетная заметка показательна тем, что, рассказывая о диспуте (по определению, «рассуждении», «споре»), она демонстрирует принципиальную однозначность решения проблемы; ее автор, в соответствии с духом времени, не допускает мысли о праве людей на иную точку зрения, о необходимости вслушаться в чужие слова и понять собеседника.

Бахтин ощущал эту сложность времени, связанную, прежде всего, с большевистской идеологией и отношением власти к науке. Их многое разделяло: традиционная культура научного общения была неприемлема в формирующемся тоталитарном государстве. Стремление к познанию, к серьезному и вдумчивому проникновению в духовный и художественный мир иных культур – дело непривычное для людей с узким кругозором, считающих, что истинная правда и красота есть порождение лишь сегодняшнего дня. Наконец, тяготение к теоретическим наукам, к обобщениям высокой степени абстракции, а не к практическим умениям, - все это было идеологически чуждо и просто непонятно многим из тех, кто встал у власти.

Это непонимание и взаимное отчуждение кружка ученых и группы правителей, а также сложности просветительства в малоподготовленной среде, возможно, и подтолкнули Бахтина к созданию концепции диалога культур и необходимости диалога в широком смысле этого слова, а также о нравственности в науке и искусстве. Первая статья Бахтина – **«Искусство и ответственность»** - была опубликована в Невельском альманахе «День искусства» от 13 сентября 1919 г. В ней уже сформулированы основные положения его нравственной философии.

Псковская земля напоминала участникам «Невельской школы» о большом историческом времени, в котором существует человек, и о вечности; о высокой ответственности людей перед природой и историей. «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому Диалог, в сущности, не может и не должен кончаться» - вот итог невелиских впечатлений М.М.Бахтина.

Александр Степанович Грин

Александр Степанович Грин (1880-1932)

Одной из основных идей жизненного и творческого пути Александра Степановича Грина является мысль о необходимости *пересоздания* себя и мира по законам красоты. Как и многие художники начала XX века, он относился к своей жизни как к искусству и не разделял её на биографию и творчество.

Впервые Александр Гриневский появляется в литературе в 1906 г.: по заказу партии эсеров, в которой он состоял в то время, он пишет агитационные рассказы о быте солдат (**«Заслуга рядового Пантелеева»**, **«Слон и Моська»**). Начинаящий автор скрывается под самыми разными именами, но с 1907 года он останавливается на псевдониме А. Грин. Именно под этой фамилией выходит в свет его первый сборник реалистических рассказов **«Шапка-невидимка»** (1908), главной темой которого становится быт русских революционеров. Жажда свободы и мечтательность, которые привели Грина в партию, стали в то же время причиной его размежевания с эсерами и обращения к собственно литературному творчеству. С появлением в 1909 г. рассказа **«Остров Рено»** начинается особый путь Грина в литературе – путь романтика, создающего такие рассказы, как **«Пролив бурь»**, **«Корабли в Лиссе»**, **«Серый автомобиль»**, **«Фанданго»**, **«Крысолов»**. В 20-е годы Грин обращается к созданию крупной эпической формы: романов **«Блистающий мир»** (1923), **«Бегущая по волнам»** (1928), **«Дорога никуда»** (1930).

Сам писатель объяснял специфику своего творчества тем, что пишет «только для души человеческой», главными темами его произведений становятся жизнь и смерть, любовь и искусство. Его произведения характеризуются динамичным сюжетом, глубоким психологизмом, яркой метафоричностью, многие его образы достигают высокой степени обобщения, становятся символами. В своих произведениях Грин моделирует особую действительность, соприкасающуюся с земным бытием.

В творческом сознании художника мифическая Гринландия абсолютно реальна, художник путешествует по ней, встречается со своими героями (см. «Встречи и приключения»). Таким образом, Грин воспринимает свою жизнь как «творимую легенду», проживает её на страницах своих книг. Неслучайно его личность вызвала появление большого количества легенд, в том числе связанных с историей возникновения тех или иных художественных произведений, образов.

Так, довольно распространённой является легенда о том, что символический образ алых парусов возник в Острове. По словам, Вл. Ермолаева, именно в этом городе «увидел однажды Грин в витрине местной лавчонки игрушечный кораблик... Вот только тряпичные паруса на игрушке были непривычно-багрового цвета» (Работница, 1980, №8). В псковский край зимой 1919-1920 года писателя забросила Гражданская война: он был призван в Красную армию как не достигший 40 лет. По словам Н. Н. Грин, «километрах в тридцати от него находился фронт. Воевали с белополяками». Сначала Грин служил в караульной команде по охране обоза и амуниции, а позже – в роте связи. В разговоре с Л. Борисовым он вспоминал: «Я очень устал. На военной службе мне приходилось разносить телефонограммы, газеты, иногда я вышагивал по 40 километров в день. Я караулил цейхгаузы и обозы. Стоял на одном месте по 20 часов в сутки. Ловил мешочников и спекулянтов». В марте 1920 г. с диагнозом туберкулёз А. Грин был отправлен на санитарном поезде в Петроград с остановкой в Великих Луках (по другой версии, в Пскове).

От душевной и физической усталости писателя спасала повсюду сопровождавшая его завёрнутая в тряпку рукопись «Алых парусов», тогда ещё «Красных»: «Близость её чем-то согревала мою душу, словно паутинкой неразорвавшейся связи со светлым миром мечты». Замысел феерии возник у Грина ещё в 1917 году, черновики писателя позволяют говорить о том, что «это должен был быть роман, состоящий из двух книг. Первая – затрагивает проблемы психологии творчества: игрушка в окне магазина становится импульсом для написания героем истории

об Ассоль и Грзе. Во второй книге Грин обозначает проблему восприятия, ассоциаций и рассказывает историю Ассоль» (Ю. Царькова). Таким образом, рукописные материалы гриновского фонда не подтверждают версий об «островском» происхождении образа алых парусов и Ассоль. За время службы писатель не обращался к тексту рукописи, хотя его послереволюционные впечатления и отразились в отдельных эпизодах феерии, не включённых автором в окончательное издание 1923 г.: «Иногда завеса, раскрывшись, показывала малолюдную улицу, с её прохожими, внутренне разоренными революцией. Это разорение можно было подметить в лицах даже красногвардейцев, шагавших торопливо с ружьями за спиной, к неведомым землям».

Служба в Острове стала для Грина периодом затишья, который тем не менее не означал прекращения внутреннего творческого процесса: для писателя, по его словам, «сочинительство всегда было внешней профессией». В этот период главным источником сохранения Грином себя как писателя становятся книги. Он брал их в островской библиотеке. Здесь Грин впервые прочитал, в частности, роман «Поглотители» Анни Виванти (1868-1942). Эта итальянская писательница была очень популярна в России в первые десятилетия XX века, строки из её стихотворений цитировали известнейшие русские философы (В. Соловьёв, Н. Фёдоров); одна из основных мыслей её творчества «мне нужен или тесный гроб, или вся вселенная!» созвучна романтическому максимализму Грина. По словам писателя, именно книга А. Виванти, сброшюрованная из журнальных отрывков «Вестника иностранной литературы», «спасла» его, заставила вспомнить о мечте.

Зрелое творчество А. Грина также в той или иной мере связано с Псковской землёй. Его вторая жена, Нина Николаевна Грин (в девичестве Миронова), искренний любящий друг, «фея волшебного ситечка» («он говорил, что процеживает через меня свои произведения, как сквозь сито»), родилась в г. Гдове Псковской области 23 октября (по н. ст.) 1894 года в семье банковского служащего Николая Сергеевича Миронова.

А. С. ГРИН

А Л Ы Ё П А Р У С А

ИЗ-ВО Л.Д. ФРЕНКЕЛЬ

1923

Нина Николаевна Грин. 20-е годы.

Многие свои произведения Грин посвятил именно ей («**Алые паруса**», «**Брак Августа Эсборна**», «**Джесси и Моргиана**»). В стихотворениях, которые Грин сочинял к дню рождения жены или к очередному юбилею свадьбы, которая состоялась 23 февраля 1921г., запечатлён полушутливый, милый образ «золотистой Нины»:

Голубчику-жене, –
 Отчаянному плаксе,
 Не взрослому вполне, –
 И не такому, как все, –
 Строителю дворцов,
 Хранителю супруга,
 Изобретателю бретонских огурцов
 И механического плуга.

Рассказывают, что Грин круглый год ходил в одном и том же черном драповом пальто. Однажды он зашел в греческую кофейню и продал его. А на вырученные деньги купил корзину белых роз - у Нины Николаевны был день рождения.

С 1932 года, когда Грин умер от рака, для его жены настали времена скитаний. В годы Великой Отечественной войны она была вынуждена работать в немецкой типографии, позже была угнана в Германию. Это послужило основанием для того, чтобы в феврале 1946 года выездной сессией военного трибунала Симферопольского округа Нина Николаевна Грин была осуждена по статье 58-1 «а» на десять лет лишения свободы с поражением в правах и конфискацией имущества. Она отбыла почти весь срок наказания - ее освободили по амнистии в сентябре 1955 года. Всю свою дальнейшую жизнь она посвятила имени мужа, хранила его архив, добивалась присвоения статуса музея дому, в котором работал Грин. Нина Николаевна умерла в 1970 году, не дождавшись своей реабилитации.

Таким образом, Псковская земля оказалась для А. Грина внутренним приютом: она принесла ему множество испытаний, но вместе с тем подарила писателю его «дорогое сердце» - женщину, которая оставалась ему верна в радости и горести.

Юрий Николаевич Тынянов.

Юрий Николаевич Тынянов (1894 – 1943)

Ю. Тынянов – один из самых талантливых русских филологов и писателей XX века, проложивший свой собственный путь в науке и в художественной литературе. Как теоретик и историк литературы он стремился разобраться в закономерностях литературной эволюции, отмечал в литературном процессе не только преемственность, но и отталкивание: доказывал, что «всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба, разрушение старого целого и новая стройка старых элементов». Это был, как иногда его называют, Эйнштейн в литературоведении.

Будучи членом и одним из главных теоретиков ОПОЯЗа (общество по изучению поэтического языка), Тынянов большое внимание уделял формальной стороне произведения, а именно – его художественному построению. Но при этом Тынянову было свойственно острое чувство истории, понимание ее воздействия на литературные явления и процесс в целом. «Стремление понять, из каких слагаемых составляется сложный смысл художественного произведения, как исторически изменяются способы порождения этого смысла, как воспринимается он современниками и потомками – людьми, живущими в разные литературные эпохи и по-разному прочитывающими одни и те же тексты,- все это отличительные черты научного мышления Тынянова», - писал В.Каверин.

Талант Ю. Тынянова был универсальным: как литературовед он специализировался на литературе пушкинской эпохи, был теоретиком кино и сценаристом; в художественной прозе является родоначальником историко-биографического романа. По широте интересов и глубокой образованности Тынянов - типичный представитель поколения 20-х годов, которое на себе ощутило, как «история вошла в быт человека, в его сознание, проникла в самое сердце и стала заполнять даже его сны» (Б.Эйхенбаум).

В предисловии к исследовательским работам Ю. Тынянова В.Каверин писал: «Научная деятельность Юрия Николаевича Тынянова началась очень рано – в сущности, еще в гимназические годы. Уже к семнадцати годам он не просто прочел, а пережил русскую литературу». Немаловажно, что своим вхождением в мир литературы Тынянов обязан Псковской губернской мужской гимназии, в которой он обучался с 1904 по 1912 год.

В автобиографии Тынянов рассказывал о городе: «Девяти лет поступил в Псковскую гимназию, и Псков стал для меня полуродным городом. Большую часть времени проводил с товарищами на стене, охранявшей Псков от Стефана Батория, в лодке на реке Великой, которую и теперь помню и люблю... Стена Стефана Батория была для нас вовсе не древностью, а действительностью, потому что мы по ней лазали. Стена Марины Мнишек была недоступна, стояла в саду – высокая, каменная, с округлыми готическими дырами окон. Напротив, в Поганкиных палатах, была рисовалка. Говорили, что купец Поганкин замостил улицу, по которой должен был ехать Грозный мимо его палат, конским зубом. Грозному понравилась мостовая, и он заехал к нему... Не так давно я слышал, что там, при раскопках, действительно нашли древнюю мостовую.

На реке Великой (у впадения Псковы) я видел сквозь прозрачную воду железные ворота, - псковичи закрывали реку и брали дань с челнов...

Гимназия была старозаветная, вроде развалившейся бурсы. И правда, среди старых учителей были еще бурсаки...».

«В городе враждовали окраины: Запсковье и Завеличье. В гимназии то и дело слышалось: «Ты наших, запсковских, не трогай», «Ты наших, завелицких, не трогай». В первые два года моей гимназии были еще кулачные бои между Запсковьем и Завеличьем....

... Главным зрелищем была ярмарка – в феврале или марте. Перед балаганом играли на открытой площадке в глиняные дудочки: «Чудный месяц плывет над рекою».

С тех пор знаю старую провинцию».

По всей видимости, впечатления будущего писателя от Пскова не были светлыми: в воспоминаниях большое место отведено каторжной тюрьме и казням («Во Пскове было много тюрем», «Вешали в городе часто»), вообще город предстает мрачным, а проживание в нем - лишенным радостей.

Положительные эмоции давали прогулки с друзьями: «Мы много ходили... Исходили десятки верст вокруг города – помню все кладбища, березки, пригородные дачи и станции, темные рудые пески, сосны, ели, плитняк...». Чем тоскливее и безотраднее был окружающий мир, тем ценнее общение с товарищами по гимназии. Тынянов признавался: «В гимназии у меня были странные друзья: я был одним из первых учеников, а дружил с последними. Мои друзья, почти все, гимназии не кончили: их выгоняли «за громкое поведение и тихие успехи»».

В старших классах круг друзей Ю. Тынянова составили Август Летавет, Лев Зильбер, Николай Брадис, Николай Нейгауз, Мирон Гаркави. Но самые теплые отношения были с Летаветом и Зильбером. Л.Зильбер вспоминал: «Дружба была крепкой, сердечной. Хотя мы были разные, совсем не похожие друг на друга. Очень организованный, сосредоточенный, терпеливый, прилежный Летавет; вспыльчивый, непримиримый, начитанный Тынянов – они прекрасно учились, почти на круглые пятерки, оба великолепно знали латынь.

Я отставал от них во всем, а латынь остро ненавидел. Зато я неплохо танцевал и играл на скрипке... Тынянов был круглолицый шатен с очень большим лбом и почти курносый».

Объединяла юношей любовь к современной поэзии: читали А. Блока и К. Бальмонта, В. Брюсова и С. Городецкого, Ф. Сологуба и А. Белого. Из классиков предпочитали А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева и А. Фета. Увлекались Г. Гейне. «Не помню точно, когда Юрий начал писать стихи. Они у него как-то сами ложились на бумагу и казались верхом совершенства. Это были лирические стихи, посвященные молодой любви, явлениям природы, философским

размышлениям о смысле жизни... Мы гордились Юрием, он был наш гимназический поэт»,- вспоминал А. Летавет.

Х Х Х

Волны баюкают ласково, ласково
Лодку мою...
Бросили весла от берега вязкого,
С ветром плыву и пою...
Дрожь водяная, отлитая золотом,
Словно кровавые слезы блестит.
Небо пылает над скованным городом.
Город притих и молчит.

Х Х Х

Высшее таинство в мире –
летняя звездная ночь.
Высшее счастье в мире –
слиться с падучей звездой,
Быть неразгаданной сказкой
всем и себе самому,
Влить красоту упоенья
в краткий сверкающий миг,
Трепетом, блеском, паденьем
врезать тревожную тьму,
Кинуть кому-то родному
вдале пламенеющий крик...

ВЕСНОЙ 1907 г.

Тихий ветер колышет траву и цветы;
Где-то стройная песня звенит и поет;
В сердце счастье и воля, простор и мечты –
Ни тоска, ни забота его не гнетет...
И мне кажется сказкой вся юная жизнь –

И весеннее небо, и грусть, и мечты;
И мне нежная песня про счастье поет,
А порхающий ветер колышет цветы.

X X X

Благословенна жизнь бурливая, как море,
Благословенна скорбь святая, как мечта.

Общение друзей продолжалось и во время каникул, о чем сохранилось свидетельство Л.Зильбера: «Разлука на летние месяцы казалась нам непереносимой. Мы не только часто переписывались, но и навещали друг друга... Вероятно, нас сближало романтическое ощущение жизни, любовь к природе, юношеская жажда и радость сердечного общения, любовь к поэзии. Тынянов знал наизусть многие сотни, а может быть, и тысячи стихов, и мы часами слушали его нетерпеливое чтение, открывавшее нам, казалось бы, ничтожными нюансами новый, скрытый между строк, смысл уже известных нам стихов...

Тынянов любил проказничать и не щадил нас в своих шутках и эпиграммах. Когда мы перешли в 8-й класс, я гостил у него в Режице и мы вместе поехали в местечко Велионы к его двоюродному брату, который также учился с нами. В течение нескольких дней, которые мы провели там, случилось маленькое происшествие. Меня сбросила лошадь, которая чего-то испугалась и понесла – я не смог удержаться в седле. Лошадь звали Машкой. Вернувшись в Псков, я получил от Тынянова открытку, в которой была приписка: «...а Машка, между прочим, забеременела». Открытку прочла моя мама, и мне никак не удавалось убедить ее в том, что Машка – это лошадь...

Он был прекрасный имитатор: имитировал голос, походку, речь, читал стихи и прозу необыкновенно выразительно, с необычайным богатством интонаций, с подлинным сценическим искусством...».

В.А.Каверин, младший брат Л.Зильбера, писал о Тынянове: «Среди юношей, кончавших гимназию, много занимавшихся и

успевавших одновременно влюбляться, проводить ночи в лодках на реке Великой, решать философские проблемы века, он был и самым простым, и самым содержательно-сложным. Он был веселее всех. Он заразительно хохотал, передразнивая товарищей, подражая учителям, и вдруг уходил в себя, становился задумчив, сосредоточен.

...Главным делом, которому еще в гимназии Тынянов решил посвятить жизнь, была история литературы.

Глубокая, всепоглощающая любовь к нашей литературе была основной чертой всей жизни Тынянова».

Вероятно, интересы и пристрастия будущего писателя были предопределены впечатлениями отроческих и юношеских лет. В своих исторических романах **«Кюхля»**, **«Смерть Вазир-Мухтара»**, **«Пушкин»** он обращался к пушкинскому времени, причем характерной особенностью этих произведений была новизна взгляда в прошлое благодаря научному воображению Тынянова. Кстати, и в исследовательских работах (особенно **«Архаисты и Пушкин»**, **«Проблема стихотворного языка»**) Тынянов открывает новый путь для русской литературной науки. Как оценивает это открытие Б.Эйхенбаум, «в историю литературы вошли мелочи быта и «случайности». Многие детали, не находившие себе места в прежней науке, получили важный историко-литературный смысл. Наука стала интимной, не перестав от этого быть исторической».

Теория и история литературы у Тынянова органично связаны с его художественной практикой: рядом с проблемами «литературного факта» и «литературной эволюции» остро вставали проблемы «авторской индивидуальности» – проблемы судьбы и поведения, человека и истории, и это нашло прямое отражение в его литературном творчестве. Исследователю, который смотрел на историю не сверху вниз, а «вровень» (выражение Ю. Тынянова), необходимо было вырваться из традиции, при которой за пределами изучения оказывался «домашний», бытовой материал. Он своим творчеством доказал, что «жизнь писателя, его судьба, его быт и поведение могут быть тоже «литературным фактом»».

Тынянов подошел к историческому документу как художник. Он признавался: «Там, где кончается документ, там я начинаю...

Я чувствую угрызания совести, когда обнаруживаю, что недостаточно далеко зашел за документ или не дошел до него, за его неимением...

Я уважаю шершавых, недоделанных неудачников, бормотателей, за которых нужно договаривать. Я люблю провинциалов, в которых неуклюже пластуется история...». Писатель считал, что литературу от истории отличает большая заинтересованность человеком. Тынянову удалось создать удивительно живые и непосредственные характеры Пушкина, Грибоедова-дипломата, но особенно удался интуитивно угаданный характер В.К.Кюхельбеккера.

До Тынянова о Кюхельбекере, поэте и человеке, знали очень мало (по словам Е.Баратынского, «рожденный для любви к славе\может быть, и для славы\ и для несчастья»), имя его упоминалось бегло в числе лицеистов – приятелей Пушкина. Тынянов собрал архив поэта, издал его сочинения и истолковал их как филолог. Он настолько увлекся личностью Кюхельбеккера, что очень быстро написал о нем роман **«Кюхля»** (1925), в котором изобразил трогательного, благородного, жаждущего справедливости героя, но при этом неуклюжего, вспыльчивого, даже необузданного. На примере его несчастливой судьбы писатель поставил проблему взаимоотношений человека с государством, рассказал о придавленности человека государственной машиной. Так Тынянов осмыслял не только историю России, но и ее современность.

В отличие от традиционного жанра биографии, популярного в то время на Западе (романы А. Моруа), Тынянов создал роман, переведенный из плана эпического повествования в план лирического рассказа. Произведение строится на сжатых эпизодах, выразительных диалогах и больше всего – на лирической интонации автора. «Организирующим и центральным элементом «повести» оказался самый стиль повествования –

взволнованный, насыщенный метафорами, лирическими повторениями, часто приближающийся к стиховой речи». Тынянов продолжает линию ассоциативной прозы, в которой большую роль играют сквозные лейтмотивы. В кульминационный момент восстания 14 декабря 1825 года как будто почва выходит из-под ног, и образ города строится на противопоставлении улиц и площадей: «День 14 декабря, собственно, и заключался в этом кровообращении города: по уличным артериям народ и восставшие полки текли в сосуды площадей, а потом артерии были закупорены, и они одним толчком были выброшены из сосудов. Но это было разрывом сердца для города, и при этом лилась настоящая кровь... Взвешивалось старое самодержавие, битый Павлов кирпич. Если бы с Петровской площадью, где ветер носил горячий песок дворянской интеллигенции, слилась бы Адмиралтейская – с молодой глиной черни, - они бы перевесили. Перевесил кирпич и притворился гранитом».

В следующем романе - **«Смерть Вазир-Мухтара»** (1927)-необычность трактовки заключается в том, что Грибоедов нарисован не как литератор, а как дипломатический чиновник. Это уже «научный роман» (Б. Эйхенбаум), содержащий новую концепцию и разгадку личности Грибоедова и его судьбы.

С 1932 года до самой смерти Тынянов работал над романом о Пушкине, который, к сожалению, не был закончен. В архиве писателя сохранилась запись, относящаяся к роману **«Пушкин»**: «Эта книга – не биография. Читатель напрасно стал бы искать в ней точной передачи фактов, точной хронологии, пересказа научной литературы. Это – не дело романиста, а обязанность пушкиноведов. Отгадка часто заменяет в романе хронику происшествий – с той свободой, которою издавна, по старинному праву, пользуются романисты. Научная биография этим романом не подменяется и не отменяется. Я бы хотел в этой книге приблизиться к художественной правде о прошлом, которая всегда является целью исторического романиста».

Возможно, что живое дыхание прошлого Тынянов впервые ощутил в Пскове.

Ал. Алтаев
(Маргарита Владимировна Ямщикова)

Ал. Алтаев
(1872 – 1959)

Александр Алтаев – псевдоним писательницы Маргариты Владимировны Ямшиковой, чья жизнь более 60 лет была связана с Псковской землей. Впервые она приехала в Псков в 1886 году, когда ее отца, Владимира Дмитриевича Рокотова, видного театрального деятеля русской провинции, пригласили из Великих Лук в Псковский театр в качестве режиссера. В своей книге **«Памятные встречи»** писательница рассказывает о «гостеприимном Пскове» «со старой стеной, Гремячей башней, живописными бойницами, таинственным подземным ходом, внушительным собором и головокружительно-прекрасным видом на Пскову и Великую», вспоминает театральную атмосферу города, где ей довелось прожить год (главка «Псков»).

С 1895 г. в течение многих лет М. В. Ямщикова жила на даче в деревне Лог Плюсского района (раньше Гдовский уезд). В одном из писем она так характеризовала эти места: «У нас три реки, есть и озера, и лес сохранился редкий, с дебрями и «чистым мхом» на версты, рождением клюквы и морошки, чудесной ягоды, аромат которой может пробудить мертвого псковича. Когда мы ехали на машине в этом году, кругом пели соловьи, а по дороге на рассвете нам встретила семья лосей, ничуть нас не испугавшаяся. У меня есть снимок этого лета – заливной луг у Плюссы и на нем подросток медвежонок, который играет с девушкой. Он живет на лесопилке и ходит свободно то в лес, то обратно «домой».

Леса раскинулись на Валдайской возвышенности и чаруют; здесь же - «жальники» – древние языческие могилы и остатки городища ...

Я живу в старой помещичьей усадьбе, уникально сохранившейся. Дом – русский ампир с обстановкой смешанной, но старинной, есть мебель карельской березы павловских времен. Этот дом принадлежит моему другу, почти второй дочери, учительнице, а я купила флигель...».

В этом отрывке из письма писательница не только создала образ «волчьей псковской берлоги», своего «медвежьего угла в Псковщине», но и упомянула хозяйку дома – О.К. Гориневскую (1889-1978), получившую образование в Петербургской консерватории, а после революции переселившуюся в Лог, где она учительствовала в Лосицкой школе. Даже после покупки у О.К. Гориневской флигеля в 1927 году М.В. Ямщикова жила в ее доме, который после смерти хозяйки был завещан Плюсскому райисполкому для открытия в нем музея Ал. Алтаева. В 1980 году на базе народного музея здесь был открыт мемориальный музей Ал. Алтаева.

М.В. Ямщикова сроднилась с Псковской землей и ее жителями: «Эту сторону я знаю 60 лет подряд, и хронику пишу с первого дня, когда ваксу употребляли как мазь от ломоты, скороход-старик ходил за 75 верст за 20 копеек, а мужик от медведей укладывал на своем поле Миколу Чудотворца, а когда Микола не помог, он стегал Миколу ремнем. Я записывала все, потому что имела особую связь и содружество с крестьянами, т.к. у нас о докторе не слышали, а на живот новорожденного клали червяка – личинку майского жука; я была, по определению деревни, «оптик по горлатинной части» («давала полосканье от ангины»), а, здороваясь во время работы, говорили: «Бог помочь» и желали работавшим вальком на речке: «Беленько вам». Колоритные образы мужиков и баб, интересные бытовые зарисовки даются в ее книге «Гдовщина», написанной в духе натуралистических очерков Г. Успенского.

При всем сказанном, Ал. Алтаев – не псковский писатель, а чрезвычайно известный в советскую эпоху автор исторических романов и биографических повестей о композиторах, музыкантах, художниках. Достаточно сказать, что в первые годы после революции 1917 года книги Ал. Алтаева соперничали по популярности с книгами М. Горького, а в последующие десятилетия издавались большими тиражами, продолжая расходиться мгновенно (одна только книга «Под знаменем Башмака» выдержала более 10 изданий!). Л.Кассиль однажды

точно сказал: «Когда я встречаюсь с Алтаевым, мне кажется, будто я стою на берегу большой реки, которая взяла истоки за неоглядными горизонтами и на огромном пути своем отразила великое множество исторических событий и замечательных исторических личностей».

Писательница работала в литературе 70 лет: с 1889 по 1959 гг. «Это была работа, не знавшая перерывов, пауз, казалось, что перо приросло к руке и служит как бы ее продолжением», - писал И. Рахтанов. Свою удивительную работоспособность и восторженность, влюбленность в работу она пронесла через всю жизнь.

Первые М.В.Ямщикова выступила в печати с рассказом **«Встреча Нового года»**, подписанным псевдонимом «Ал. Алтаев». Будущая писательница взяла псевдоним из прозы Я. П. Полонского, который благожелательно отнесся к ее первым литературным опытам. По собственному признанию, она сказала себе: «Женщине в литературу пробить дорогу ужасно трудно. Я должна взять себе какой-нибудь мужской псевдоним. Буду подписываться Ал. Алтаев». Первые книги Ал. Алтаева были посвящены детям (**«Сделайте сами!»**, **«В деревне. Складные фигурки людей и животных»** и др.), но успех принесли писателю жанры исторического романа и беллетризированной биографии.

Ал. Алтаевым написаны около 50 жизнеописаний: **«Юноша-поэт. Жизнь С. Я. Надсона»**, **«Мигуэль Сервантес»**, **«Леонардо да Винчи»**, **«Рафаэль»**, **«Микельанджело»**, **«Шиллер»**, **«К вершинам искусства»**, **«Пасынки академии»**, **«Чайковский»**, **«Бетховен»**, **«Бенвенуто Челлини»**. Многие из жизнеописаний вошли в сборники «Светочи правды. Очерки и картины из жизни великих людей», «Вперед веков», «Детство знаменитых людей» (совместно с дочерью, Арт. Феличе). В исторических романах и повестях **«Вниз по Волге-реке»**, **«Бунтари»**, **«Декабрыта»**, **«Под знаменем Башмака»**, **«Когда разрушаются дворцы»** изображены народные движения (восстание под руководством Степана Разина, восстание декабристов, крестьянские войны в Германии и пр.). Его перу также принадлежат воспоминания о деятелях русского искусства конца 19 - начала 20 века **«Памятные**

встречи», «У стен театра». И все эти произведения написаны преданной душой, живо и с воодушевлением. «Энтузиазм, который живет в Ваших книгах, это сила, которая, коснувшись кого-либо, уже не дает покоя, будет требовать от нас постоянной работы ума и души», - писал автору известный историк литературы Н.Я. Берковский.

Более всего творчество Ал. Алтаева адресовано юным, ему дорог отроческий возраст. Прозаик хорошо знал возрастные особенности своего читателя, его мировосприятие, особенности душевного склада. Потому его книги отличают острота фабулы, занимательность сюжета, доверительность повествовательной манеры, убедительность рассказчика, хотя и некоторый схематизм. В биографических повестях обязательно даются живые страницы из отрочества великих людей, в исторических романах неизменно действуют юные герои.

Своими книгами прозаик учит любви и добру, учит поклоняться высшим вещам, существующим в человечестве. Недаром литературовед Н.Я. Берковский, сравнивая Ал. Алтаева с историком Карлейлем, подчеркивал: «Для подрастающих поколений Вы были и остались Карлейлем особого рода, лучше и добрее, чем этот автор. Он учил культу героев и героического, считая героями также и разрушителей, и завоевателей. Ваши герои – всегда были добрые герои, только давали и ничего ни у кого не отнимали ...».

Как справедливо заметила М. Кузьменко, героями Ал. Алтаева «были люди самого различного направления ума и таланта, словно писателю хотелось смоделировать человечество гениев, построить прекрасное общество мудрецов и героев, художников и ученых. В этом обществе жили Линней и Гутенберг, Шиллер и Бетховен, Микельанджело и Сервантес, Колумб и Брюллов, Леонардо да Винчи и Глинка, протопоп Аввакум и Чайковский, Рафаэль и Агин...».

Такой подвижнический труд писателя оказал сильнейшее влияние на многие поколения юных читателей России, будил любовь к истории и культуре мира. Н. Я. Берковский в переписке

с Ал. Алтаевым признавался: «... один из первых моих учителей, влияние которого было самое раннее и поэтому самое могущественное, это – как я помню и вижу - Ал. Алтаев», автор волшебных книжек, прочитанных мною в детстве. Я жил тогда в уездном городе, где вся цивилизация сводилась к базарной площади да к соборной площади, искусство было воплощено в медном оркестре пожарных, а самые замечательные люди, как нас уверяли, ходили под шапкой с казенной кокардой. И вот книжки «А. Алтаева», - в этом и состояло их волшебство, - сразу принизили эти бытовые авторитеты и поманили меня своей другой жизнью. Из них я впервые узнал о Шиллере, о Бетховене, о Челлини, и в них заключался такой энтузиазм культуры, искусства, благородной и героической деятельности, который воспитывает быстрее и вернее, чем десятки ученых монографий... После ваших книг я годами упорно добивался, чтобы стать ближе к тем делам и вещам, к тем прекрасным именам, восторг к которым мне впервые внушили Вы».

«Подвижнический труд просвещения, могущественной деятельной педагогики» (М.Кузьменко) Ал. Алтаева и сегодня не утратил своей ценности.

Вениамин Александрович Каверин

Вениамин Александрович Каверин (1902 – 1989)

Личность и творчество. Вениамин Александрович Каверин (настоящая фамилия Зильбер) – известный прозаик, автор рассказов и сказок, повестей, романов, среди которых наибольшей популярностью у читателей пользуются романы **«Два капитана»** (1944), **«Открытая книга»** (1949-1956), **«Перед зеркалом»** (1970), **«Наука расставания»** (1985), автобиографическая трилогия **«Освещенные окна»** (1976). О своем псевдониме писатель говорил, что «фамилию Каверин ... взял, имея в виду друга Пушкина, лихого гусара. Мне импонировало его мужество и смелость». Писатель прожил большую, интересную, деятельную жизнь, в которой отразились все драматичные и яркие события нашей истории. Судьба подарила ему долголетнюю дружбу с Ю. Тыняновым, встречи с Горьким, Маяковским, Фадеевым, Заболоцким, Булгаковым, Гайдаром. О многих писателях-современниках Каверин оставил воспоминания, размышляя при этом о литературе и искусстве как деле всей жизни. Так смотрел он и на своё творчество – как на профессию, освоенную в юности и ставшую судьбой.

В.А. Каверин родился в Пскове, в семье музыкантов. Чтобы получить образование, Каверин в 1919 году уезжает из Пскова в Москву, а затем переезжает в Петроград, где поступает учиться одновременно в два института: он учится на этнолингвистическом отделении филологического факультета Петроградского университета (окончил в 1924 г.) и арабском факультете Института живых восточных языков (окончил в 1923 г.). Одновременно активно пишет свои первые произведения и за рассказ **«Одиннадцатая аксиома»** получает в 1920 г. премию Дома литераторов, а в двадцать один год он уже выпускает сборник рассказов **«Мастера и подмастерья»**, замеченный и одобренный Горьким.

В 20-е годы Каверин входит в литературную группу «Серapiоновы братья», объединившую молодых писателей И.

Груздева, М. Зощенко, Вс. Иванова, Л. Лунца, Н. Никитина, Е. Полонскую, М. Слонимского, Н. Тихонова, К. Федина. Интересное дружеское и литературное общение формирует молодого прозаика, который вместе с Лунцем отстаивает принципы динамичной, изящно построенной «сюжетной» прозы. «Серapiоны» собирались по субботам в комнате М. Слонимского в «Доме искусств» (впоследствии О. Форш назвала этот дом «Сумасшедшим кораблём» и рассказала о странной жизни его обитателей), в их спорах речь шла об общем деле создания новой культуры, о поиске нового героя в литературе. «Моя литературная юность сложилась счастливо, – скажет позже Каверин в **«Очерке работы»**. – Мы были тесно связаны с литературой своего времени, и многочисленные диспуты, дискуссии, доклады в литературных и философских обществах были для нас тем же университетом, такой же школой ответственной любви к искусству, принесшей нашему поколению неоценимую пользу».

После окончания университета Каверин в течение шести лет занимался научной работой, а в 1929 г. написал и затем опубликовал в виде книги диссертацию о русском писателе, журналисте и востоковеде 19 века О. Сенковском «Барон Брамбеус». В дальнейшем он постоянно выступал с научными и критическими статьями по актуальным проблемам современной литературы, в защиту гонимых художников А.И. Солженицына, А. Синявского и Ю. Даниэля. Преданная любовь к филологии, исследовательский склад характера, трудолюбие и требовательность к себе соединились с твердыми нравственными принципами, человеческой порядочностью, интеллигентностью. Этические идеалы писателя всегда выражены в художественном замысле, острых сюжетных переплетениях, в конфликтах и характерах героев его произведений. Можно сказать, что основные темы прозы Каверина – тема исполнения долга, предначертанного человеку, тема борьбы людей честных и принципиальных с корыстными и завистливыми, тема борьбы Добра и Зла в жизни молодых

людей, в науке, в обществе. Героев Каверина объединяет рыцарское служение своим идеалам, бескорыстие, благородство. Во многих героях мы узнаем черты самого автора, и это характерно для писателя, ценившего в Л. Толстом «школу самоизучения», без которой трудно понять и передать психологию героя – современника.

Такого героя времени писатель создал в своем самом знаменитом романе **«Два капитана»**, написанном в 1931 – 1944 годах. В образе Сани Григорьева, разыскивающего следы затерявшейся в арктических снегах русской экспедиции капитана Татаринова, Каверину удалось воплотить романтику действия, открытий и преодоления. «Увидеть мир глазами юноши, потрясенного идеей справедливости» - такую задачу поставил перед собой автор. Хотя в основу романа положена судьба реального человека, реальные события, слова писателя – «с первых же страниц я намеревался не давать воли воображению» - не надо воспринимать буквально. «Не следует доказывать, - писал автор **«Двух капитанов»**, - как это сделал один мальчик на уроке географии, что Северную Землю открыл капитан Татаринов. Для моего «старшего капитана» я воспользовался историей двух отважных завоевателей Крайнего Севера. У одного я взял мужественный и ясный характер, чистоту мысли, ясность цели – всё, что отличает человека большой души! Это был Седов. У другого – фактическую историю его путешествия. Это был Брусилов. Дрейф моей «Св. Марии» совершенно точно повторяет дрейф брусиловской «Св. Анны»...» Роман захватывает переплетением увлекательных сюжетных линий, психологической достоверностью персонажей, точным описанием их бытового окружения. Почти детективная история давнего предательства рассказана по законам приключенческого романа. Но в то же время это и роман воспитания, потому что центральная проблема – духовное становление главного героя Сани Григорьева. Девиз его жизни – «Бороться и искать, найти и не сдаваться» - выразил нравственное кредо не только «младшего капитана», но и молодых читателей романа,

удостоенного в 1946 году Государственной премии. О популярности этой книги в наши дни свидетельствует тот факт, что она дважды экранизирована в 1955 и 1977 годах, по её мотивам композитор Шантырь написал одноименную оперу, а в 1995 году в Пскове перед зданием областной детской библиотеки им. В.А. Каверина установлен памятник «Двум капитанам», созданный по проекту М. Белова и А. Ананьева. Хотя памятник и был установлен уже после смерти писателя, но В.А. Каверин заинтересованно следил за судьбой его проекта. Так, например, он отверг вариант проекта, одобренный известным скульптором Аникушиным, представлявший, по словам писателя, «хорошо вылепленную голую фигуру мужчины с колоколом, не имеющего ничего общего с моим романом». И, наоборот, высоко оценил работу петербургских скульпторов: «Мне кажется, этот проект прекрасно передаёт содержание и нравственную цель моего романа «Два капитана».

Для каждого произведения В. Каверин искал свою стилевую манеру, новые изобразительные приёмы более глубокого проникновения в характер героя. Но есть и общее: увлекательность интриги повествования, тщательно продуманные биографии героев, живые разговорные интонации, достоверность изображаемого. Так, в романе **«Открытая книга»**, который посвящен истории ученого, открывшего пенициллин (прототип – З.В. Ермольева, академик АМН СССР), повествование ведется от лица главной героини Татьяны Власенковой. Каверин рассказывает историю судьбы незаурядной женщины, её сложный путь к открытию, историю её тайной и безответной любви. Биография героини органично вписана в конкретные события научной жизни первой половины 20 века.

Интерес писателя к становлению личности молодого человека выразился в «школьных повестях» **«Загадка»** (1984) и **«Разгадка»** (1985). В.А. Каверин посвятил их педагогам и сам удивлялся, как откликнулись на них молодые читатели. Часто обращался писатель и к жанру воспоминаний, в которых раскрывал историю формирования собственного отношения к

миру. В его мемуарной прозе особое место занимает трилогия «**Освещенные окна**» (1974 –1976 годы). Иронический взгляд автора – взрослого повествователя корректирует рассказ молодого героя о своем псковском детстве, юности, о поре взросления. Сложившаяся «в уме» во время тяжелой болезни писателя, эта книга много перерабатывалась им. «Вспоминая себя в обстоятельствах общественных, политических, личных, - размышлял о ней автор, - я пытался нарисовать дореволюционную школу, маленький провинциальный город, сложные отношения в семье полкового капельмейстера, войну 1914 года, приход революции, первые революционные годы в Пскове, потом в Москве и Ленинграде. Я рассказал о встречах с Горьким, Маяковским, о долголетней дружбе с Юрием Тыняновым».

Переехав в 1947 г. в Москву и позже, живя в писательском посёлке Переделкино под Москвой, В. Каверин пишет много произведений разных жанров (романы, повести, рассказы, сказки, мемуары, очерки), участвует в общественной и литературной жизни, активно работает с молодыми писателями. Он всегда дорожил и прямой связью со своими читателями, обращался к ним со страниц газет, журналов. С особенным вниманием относился он к своим читателям-землякам, вёл переписку с Псковской областной детской библиотекой. В одном из писем от 15 февраля 1986 года писатель прислал приветствие для Недели детской книги: « Дорогие мои земляки! Что же мне пожелать вам в эти знаменательные дни. Прежде всего, желаю вам побольше читать. У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает и которыми умеет пользоваться в жизни. Литература даёт нам обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нём чувство красоты и понимание жизни, раскрывает перед читателями сердца людей. На свете есть много книг, без которых нельзя жить, которые важнее и интереснее, чем любые телевизионные передачи. Желаю вам счастья в школе, счастья, которое не падает с неба, а

добывается с помощью труда, внимания и терпения. Я сам в детстве и в юности прошёл эту школу чтения, и она помогла мне в жизни, и даже теперь, когда я уже старик – помогает. От всего сердца приветствую вас. В. Каверин». В октябре 1986 года писатель приезжал в Псков на празднование 200-летнего юбилея родной гимназии – ныне школы № 1, выступал перед псковичами. В одном из интервью признавался: «Я никогда не забывал о Пскове...»

Псковские детство и юность писателя. В 1896 году при переводе Омского пехотного полка из Выборга в Псков на долгое время приехал капельмейстер части А.А. Зильбер с женой А.Г. Зильбер-Дессан и тремя детьми – Мирой, Еленой и Львом. Уже в Пскове родились младшие: Давид, Александр и Вениамин. Сначала жили на Запсковье, где стоял полк, затем в доме баронессы Медем на Сергиевской улице, недалеко от губернаторского дома, а с ухудшением материального положения переехали на Гоголевскую улицу, в дом почетного гражданина Бабаева, напротив Александринской гимназии (эти дома не сохранились). Семья была большая, сложная, «недружная», как позже отмечал писатель, и по-своему замечательная, заметная в небольшом провинциальном городе. Отец – человек с незаурядными музыкальными способностями; преданный армии, он целые дни проводил в казарме, репетируя армейские марши с солдатскими оркестрантами. По воскресеньям духовой оркестр играл для публики в Летнем саду на открытой эстраде. Постоянно занятый, отец мало вникал в жизнь детей, в материальное положение семьи, а оно было нелёгким. Эти заботы лежали на плечах матери, которая оказала гораздо большее влияние на судьбы своих талантливых детей. Анна Григорьевна была высокообразованной женщиной, закончила московскую консерваторию по классу рояля и всю свою интеллигентность, энергичность и широту интересов передала детям. Анна Григорьевна давала уроки музыки, организовывала для псковичей концерты. По её приглашению в Псков приезжали известные музыканты, певцы, драматические

артисты, например, Ф.И. Шаляпин, В.Ф. Комиссаржевская, Е.П. Корчагина- Александровская. Вечерами после концертов, когда за стол садились 12-15 человек, в семье обсуждали очередное событие в культурной жизни города, спорили, долго жили этими впечатлениями. Все дети были музыкально одарены. У Елены обнаружились необычайные способности к игре на виолончели, ей прочили блестящую известность виолончелистки, а Александр в будущем стал композитором, автором шести опер, трёх музыкальных комедий, концертов и пьес для фортепьяно. В семье царили свобода творчества и уважение к личности каждого из детей. Братья Лев и Давид были преданы наукам. Л.А.Зильбер впоследствии стал известнейшим иммунологом и микробиологом, академиком АМН СССР. Д.А. Зильбер стал профессором медицины, а разработанная им система светомаскировки пригодилась в блокадном Ленинграде.

В семье не было особенного достатка, порядка, уюта и согласия, но здесь умели ценить преданность любимому делу, трудолюбие, много читали и участвовали в общественной жизни города. Младший Вениамин, прислушиваясь к спорам старших братьев и их товарищей – тоже будущих ученых Августа Летавета, Юрия Тынянова, Мирона Гаркави, в значительной мере ощущал их влияние и обаяние увлечённых и творческих личностей.

В летние дни с утра до вечера «торчали на Великой, забегая домой только чтобы поесть. Это была прекрасная, ленивая жизнь, больше в воде, чем на суше...». Летом иногда снимали дачу в Черняковицах - большой, старый, разваливающийся дом, который прозвали «Ноев ковчег». Вспоминая себя в раннем детстве, Каверин пишет: «...меня поражало всё – и смена дня и ночи, и хождение на ногах, в то время как гораздо удобнее было ползать на четвереньках, и закрывание глаз, волшебное отрезавшее от меня видимый мир. Повторяемость еды поразила меня – три или даже четыре раза в день? И так всю жизнь? С чувством глубокого удивления привыкал я к своему существованию – недаром же на детских фотографиях у меня

всегда широко открыты глаза и подняты брови». Автобиографическая трилогия **«Освещенные окна»** даёт представление о том, какими разными каждодневными событиями была полна жизнь маленького псковича, как самоутверждался он, младший в семье, как жадно впитывал впечатления от окружавшего его мира, в котором назревала революция, враждовали демократы и монархисты, за подпольщиками охотились филёры, но «каждое утро открывались магазины, чиновники шли в свои «присутственные места», мать – в «Специальный музыкальный магазин» на Плоской, нянька – на базар, отец – в музыкантскую команду».

В 1912 году Каверин поступил в Псковскую гимназию, где проучился 6 лет. Вспоминал: «Мне не давалась арифметика. В первый класс я поступал дважды: провалился из-за арифметики. На третий раз хорошо сдал экзамены в подготовительный класс. Был рад. Мы жили тогда на Сергиевской улице. Вышел в форме на балкон: показать городу, что я – гимназист». Годы учёбы в гимназии оставили яркий след в жизни писателя, во всех событиях ученической жизни он был активным и непосредственным участником, членом демократического общества учащихся (сокращенно ДОУ) в 1917 году. Класс «б» был буйным, в нем учились русские, татары, евреи, эстонцы, латыши, поляки. Среди одноклассников у Вениамина было много друзей, но бурные общественные события 1916 – 1917 годов внесли идеологический раскол в школьную жизнь. (Обнаруженный псковским краеведом Н.Ф.Левиным публицистический очерк о псковских ученических организациях 1917-1918 гг. в первом номере журнала «Единая школа» за 1919 год подписан подлинной фамилией В.Зильбер. Псевдоним «Каверин» появится позже, но об активности, зрелости и идейной позиции будущего писателя статья даёт отчетливое представление).

В.А.Каверин писал позже, что «дом, гимназию, город в разные времена года, сады – Ботанический и Соборный, прогулки к немецкому кладбищу, каток, самого себя между

четырьмя и пятнадцатью годами» он помнил «фотографически точно», а вот семнадцатый год «тонет в лавине нахлынувших событий». И не только политических. «Впервые в жизни я выступал на собраниях, защищал гражданские права пятого класса, писал стихи, без конца бродил по городу и окрестным деревням, катался на лодках по Великой, влюбился искренне и надолго». Границей, разделяющей детство и юность, писатель считал зиму 1918 года, когда немецкие войска заняли Псков: «немцы как бы захлопнули дверь за моим детством». Были оскорбительны ощущение оккупации и черно-белый флаг над подъездом Государственного банка на Великолуцкой, аусвайсы – удостоверения с отпечатком большого пальца и солдатская дисциплина в гимназии. Деятельность школьного комитета принимает «подпольный» характер, а вскоре Вениамин становится организатором однодневной забастовки в защиту товарища. Наказанием «кучки безумных ораторов» было исключение с «волчьим билетом». Вениамину потребовалось приложить много усердия к самостоятельным занятиям латынью, математикой, чтобы догнать и даже перегнать класс почти на полгода. «Мне кажется теперь, - писал в своей автобиографической трилогии Каверин, - что привычка к добровольному, никем и ничем не подстёгиваемому труду открылась во мне именно в эти недели».

Важнейшее место в жизни Вениамина Александровича, с того момента, как научился он читать, занимали книги. Чтение поражало мальчика возможностью уходить в другой мир и в другую жизнь. Любимые писатели детства – Стивенсон, Лермонтов, Жуковский, Толстой, Диккенс, позже пришел интерес к Ибсену, о котором горячо спорили друзья Льва, к Чехову, в занятом немцами Пскове как-то особенно современно перечитывался Герцен. Ещё не доставая до барьера, за которым дама – библиотекарь выдавала книги, мальчик стал читателем библиотеки, и это навсегда связалось в его памяти с Диккенсом. «Я поражен. В городе ещё позвякивают звоночками двери магазинов, плетутся извозчики, цокают по булыжнику копыта.

На Сергиевской, как всегда по вечерам, - гулянье: гимназисты и реалисты в заломленных, измятых для шику фуражках гуляют с гимназистками по правой стороне улицы (иной год было модно прогуливаться по правой, а иной – по левой). Шумят, перебрасываются шутками, смеются. А здесь, в библиотеке, в полной тишине слышен только шелест переворачиваемых страниц. Здесь – читают. Я – читатель. Мать Давида умирает, хотя госпожа Мэрдстон полагала, что она могла бы и не умереть, если бы очень постаралась. Давид идёт в школу, и когда товарищи смотрят на него, он замедляет шаг и делает скорбное лицо, потому что у него умерла мать и он теперь особенный человек, не такой, как другие. Так магический диккенсовский мир навсегда связался в моём сознании с ошеломившей меня серьёзностью чтения. Впервые я увидел себя со стороны. Да, мы такие же, как все, но ещё другие. Мы не участвуем в том, что происходит в городе. Мы читаем...» Любить и понимать литературу учил и преподаватель псковской гимназии Владимир Иванович Попов, автор хрестоматии «Отблески». Он понимал, что учить надо не литературу, а литературой, умел заинтересовать ею. При таком изучении не было ничего окаменелого ни в Лермонтове, ни в Гоголе и уж, конечно, в Льве Толстом, который был почти современником. Практиковались сочинения на «вольные темы». Так, в пятом классе Вениамин писал сочинение «Иуда Искарот и другие» по рассказу Леонида Андреева, в другом сочинении рассказал свой сон, подражая Эдгару По. О том, какую роль играло чтение в жизни псковской молодёжи начала века, В.А.Каверин вспоминал в очерке **«Собеседник. Заметки о чтении»**: «В провинциальном городе, битком набитом реалистами, семинаристами, студентами Учительского института, постоянно спорили о Горьком, Леониде Андрееве, Куприне. Спорили и мы – по-детски, но с чувством значительности, поднимавшим нас в собственных глазах».

Очень важным учителем для молодого Каверина – и на всю жизнь! – стал старший товарищ, близкий друг брата Льва, а затем

муж сестры Елены Юрий Тынянов, в будущем замечательный литературовед и писатель. Ему в Пскове осенью 1918 г. читал Вениамин свои стихи, с подражанием Блоку, трагедию в стихах, а он, раскритиковав прочитанное, все же заметил, что в этом подростке «что-то есть», «хотя в тринадцать лет все пишут такие стихи». Ю. Тынянов заметил хороший слог, «крепкий» диалог, стремление к сюжетному построению, и позже по его совету молодой писатель обратится к прозе.

Осенью 1918 года немцы оставили город, но под Торошином сразу же начались бои, потом город заняли белые, зимой их вскоре вытеснили красные. Город жил, по словам Тынянова, «в состоянии испуганного онемения». В городе было опасно, ведь он, в сущности, был полем сражения. «В девятнадцатом году белые искали меня и, пожалуй, вздёрнули бы, хотя я не был ни большевиком, ни комсомольцем», - скажет писатель, вспоминая о своей активности в общественной работе зимой восемнадцатого года.

В 1919 году Вениамин Зильбер уезжает с братом Львом из Пскова учиться и жить в Москву. Он увозит с собой небогатый гардероб, тетрадку стихов, две трагедии и рукопись первого рассказа. Ему ещё предстоит стать известным писателем Кавериним, предстоит яркая, интересная жизнь, о которой он скажет: «...самое интересное в ней всё-таки моё детство и юность. Уверен: если бы не было такого детства и такой юности, я не написал бы всех своих книг...»

Образ Пскова на страницах произведений В.А. Каверина. В своей статье «**Очерк работы**» В.А. Каверин признавался, как много в его писательской манере значат конкретность представления, точность знания и факта, острая предметная память. Пообещав себе однажды «не давать воли воображению», писатель воссоздаёт художественное пространство своих произведений при помощи знакомых, изученных до мелочей, а главное, любимых и близких реалий. Из таких конкретных деталей создаётся в творчестве Каверина обобщенный образ старого города. И хоть в его романах он называется по-разному

- Энск в «Двух капитанах», Лопахин в «Открытой книге», просто «этот город» в повести «Конец хазы» - он всегда узнаваем и в своём историко-географическом облики, и в том лирическом очертании, которое выдаёт биографическую связь с ним автора-повествователя.

Впервые черты родного города писатель изобразил в авантюрной повести «**Конец хазы**» (1925 г.). Хотя основное действие происходит в Петрограде, но главный герой повести Сергей Веселаго, который по личным причинам вступает в противоборство с преступным миром, в начале событий - арестант в тюрьме города, «построенного на слиянии двух рек и обнесённого каменной стеною, которую с большим упорством долбил каменными ядрами Стефан Баторий. Через реку был переброшен мост. Тотчас за мостом начиналась площадь - осенью на ней тонули неосторожные дети; за площадью шли пузатые железные ряды, старинные здания с каменными навесами вдоль фасада, за железными рядами снова площадь, на которой толпились когда-то стекольные магазины». За площадью «неуклюже скатывалась вниз улица», внизу которой находилась городская тюрьма, а «за стеною большого тюремного двора протекала река, в которой по целым дням барахтались мальчишки и бабы полоскали бельё». Для побега герой использует местоположение тюрьмы, и автор не отказывает себе в удовольствии поиронизировать над важностью казённого языка документа и над претенциозностью сановного чиновника. «По мудрой мысли местного губернатора, барона Адлерберга, при котором строилась тюрьма, «стены означенной должны быть омываемы водами реки Плотвы, дабы, уподобленная крепости святых Петра и Павла, в столице нашей Санкт-Петербурге, местная городская тюрьма истинным и устрашающим оплотом справедливого правосудия служила». Арестант и воспользовался услугой, которую оказывал ему барон Адлерберг. Таким образом, пейзаж «этого города» использован автором как сюжетостроительный элемент повести.

Совсем иначе создается образ Энска в «Двух капитанах». Рассказывая, как положил он в основу романа историю молодого человека, услышанную в 1936 году в санатории под Ленинградом, писатель признался, что перенёс детство героя в свой «родной городок, назвал его Энском. Недаром же мои земляки легко разгадывают подлинное название города, в котором родился и вырос Саня Григорьев!» Когда были написаны первые главы, писателю стало ясно, что именно в этом маленьком городке должно произойти что-то необычайное - случай, событие, встреча, «свет арктических звёзд, случайно упавший в маленький, заброшенный город».

Для творчества Каверина характерно восприятие детства как важнейшей эпохи в жизни человека. Здесь закладывается всё то, что в дальнейшем определит мировоззрение, нравственные правила, судьбу человека. Такую роль сыграл в жизни Сани Григорьева его родной городок Энск. Все мальчишеские мечтания о «голубом раке», о путешествиях, тайны, клятвы, происшествия связаны с рекой Песчинкой, Проломом, от которого видны две башни: на одном берегу Покровская, на другом - Спасская, с Соборным садом, с улицей Сергиевской, где магазин игрушек «Эврика». В Энске происходит завязка романа: в сумке мёртвого почтальона найдено письмо капитана Татаринова к жене, и вся будущая жизнь Сани будет определена этим событием. Он убежит из Энска в Туркестан, а окажется в Москве, будет учиться в московской школе, и судьба (и город Энск, из которого родом бабушка Кати) приведет его в семью Татариновых, и от Сани узнают жена и дочь погибшего капитана о предательстве экспедиции. Но сам этот важнейший в жизни всех героев романа разговор произойдёт тоже в Энске, в Соборном саду, который расположен «высоко на горе, над слиянием двух рек: Песчинки и Тихой, и окружен крепостной стеной». Родной город во многом определяет состояние героя - рассказчика и созвучен его настроению, оставляя «чудные» воспоминания. «Мы с Катей гуляли каждый день. Я показывал ей свои старые любимые места и говорил о своем детстве.

Помнится, я где-то читал, что археологи по одной сохранившейся надписи восстанавливают историю и обычаи целого народа. Вот так и я - по сохранившимся кое-где уголкам старого Энска восстановил и рассказал Кате нашу прежнюю жизнь. Но и сам я заново оценил этот прекрасный город...

Не только герои Каверина, но и сам он, обращаясь памятью в своих книгах к родному городу, не может скрыть этого влюблённого узнавания. Для прозы Каверина вообще характерен сюжетный мотив расставания и встреч, узнавания в старом - нового, в изменившемся - истинного. Это способ создания сюжетов и образов, и город Детства со своей неповторимой аурой участвует в художественном построении. Каждый раз, возвращаясь в Энск, Саня видит его по - новому, потому что меняется он сам и начинается новый этап его жизни. Так, например, момент прощания с детством, душевного взросления передает энский пейзаж: «Как хорошо вернуться в родной город после восьмилетней разлуки! Все знакомо - и всё незнакомо. Неужели это губернаторский дом? Когда-то он казался мне огромным. Неужели это Застенная? Разве она была такая узенькая и кривая? Неужели это Лопухинский бульвар? ... А вот и крепостной вал, - сердце у меня застучало. Гранитная набережная открылась передо мной, и я с трудом узнал в ней наш бедный пологий берег...» Последняя встреча с Энском у Сани Григорьева происходит в конце романа, во время войны. Город предстаёт «хорошо вооруженным», более строгим. Герою есть что сказать своему городу, как старому другу, но здесь он ощущает на себе неподкупный взгляд времени. Образ старого города - города Детства - делает героя сопричастным судьбе своей страны и проверяет взрослую жизнь на состоятельность.

В романе «Открытая книга» город Лопухин также легко узнаваем земляками Каверина и во многом похож на Энск. В этом старом русском городе прошло детство Татьяны Власенковой, будущего учёного. Взрослая, она не раз улыбнется давним событиям «местного масштаба», но в Лопухине, через «маленькие события, волнующие маленький город», Таня

ощутит грандиозность происходящих перемен, ощутит грозный гул времени, истории. Может быть, именно в маленьком городе, в некотором отдалении от эпицентра исторических событий, становится понятен их истинный смысл, когда стёрты «случайные черты». Не случаен Танин сон, в котором на улице Михайловской «происходило что-то из древней истории: всадники - половцы или скифы, - громко разговаривая, слезали с коней». Этот сон естественно переходит в явь, похожую на него, такую же тревожную и исторически значимую. «...Этот шум, смятение, разговоры всё продолжались, как будто всадники, приснившиеся мне, ожили, раскинув лагерь подле нашего дома. Я встала и не поверила своим глазам: в слабом предутреннем свете я увидела множество коней и телег, перепутавшихся и тесно надвинувшихся друг на друга». Это в город привезли голодающих с Поволжья, и ни газета «Красный набат», ни магазин Помгола (помощи голодающим), ни благотворительные спектакли не могут, конечно, дать такого полного представления о народном бедствии, как скрип телег, ржание коней, теснота, смятение на Малой Михайловской и на всех улицах города, маленькие костры, у которых сидели тихие, желтые, исхудалые люди. Каверинские герои пытливы и целеустремлённы, их активность проявляется в драматичных событиях большого мира, а не маленького города. Но в трудные минуты жизни Тани, Андрея, Мити воспоминания о Лопяхине звучат радостно и тепло и помогают жить. Лопяхинский мир при любых испытаниях оказывается истинным и простодушным.

Как образ модели мира изображен Псков в повести **«Неизвестный друг»**, позже переработанной автором в автобиографический роман **«Освещенные окна»**. И автор, вспоминая себя мальчишкой, младшим в семье, гимназистом, юношей, и Псков, город его детства и юности - оба герои этой книги. Писатель назвал эту книгу «самой весёлой» из своих книг. Она состоит из нескольких как бы самостоятельных, иногда хронологически отдалённых друг от друга глав, в которых автор воссоздает особенно запомнившиеся

случаи из своей жизни, жизни своей семьи, школы, отдельные события, волновавшие маленький провинциальный город.

Огромное удовольствие вызывает у Каверина встреча с детством и юностью, которые невозможно отделить от микромира родного города. Художественная память помогает писателю воссоздать мир провинциальной жизни начала века, отграниченный от большого мира тихими улочками, колоритными жителями, сложными отношениями в семье, гимназическими событиями, о которых может говорить весь город,- всё «знакомое-перезнакомое», как и небо, «на которое никто не смотрел». «Город проходил передо мной: сумерки, освещенные окна магазинов, вечернее небо по ту сторону реки, где поля. Сергиевская, Плоская, сбегаящая к набережной. Крепостной вал, соборный сад. ... Чайный магазин Перлова с драконами, игрушечный магазин «Эврика». Сейчас все спят. Брошены с размаху, не заперты железные ставни. И губернатор спит, сняв белые штаны и положив на стул треуголку...» Созданный, как мозаика, из деталей, зарисовок, воспоминаний, впечатлений, образ города становится сквозным и объёмным. Автор прослеживает «диалектику души» подрастающего человека, и каждый уголок города связан с каким-нибудь эпизодом жизни, вызывает какие-то ассоциации. Городская тюрьма, Кохановский бульвар, дом предводителя, казармы Иркутского полка, дача «Ноев ковчег» в Черняковицах, Летний сад. Соборный сад, садик перед губернаторским домом, в котором любили встречаться влюблённые парочки, - любимые и памятные для писателя уголки Пскова. Из разрозненных впечатлений в романе складывается картина не только быта, но и бытия. Город предстаёт как средоточие больших и малых проблем: личных, семейных, общественных, философских, а не только как «копилка памяти». Хотя читатели «Двух капитанов», «Открытой книги», «Загадки», «Разгадки» понимают, откуда черпал писатель те детали жизни своих героев, что делали их такими достоверными и живыми.

Живым героем повествования предстаёт и сам город. Он живёт своею, не всегда понятной герою-рассказчику, жизнью, у него свой особенный характер - немного посадский, но и по-крестьянски терпеливый, обстоятельный, чуть настороженный в ожидании надвигающихся перемен.

Пожалуй, главная черта города - его историческое прошлое, так естественно проявляющееся в настоящем. Характер древнего русского города передаётся не только описаниями, но и поэтикой названий, которые понятны не только псковичам: Пустынька, Ольгинский мост, Соборный сад, Степановский лужок, Стрелецкое поле, Застенье.... Писатель всегда подчёркивал то благородство, которое придавала городу его старина.

Герои Каверина - герои «пути», движения. Персонажи В.А.Каверина изменяются и в возрастном, и в эпическом смысле. А старый город - обобщенный образ с конкретными чертами - является для них своеобразной духовной нишей, стартовой площадкой. Значительное место занимает Псков и в жизненной судьбе В.А. Каверина.

ГЛАВА VI

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПСКОВЩИНЫ в 1940-е-1960-е гг.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПСКОВЩИНЫ в 1940-е-1960-е гг.

Вместе с восстановлением экономики, городского и сельского хозяйства, учреждений образования и культуры в Пскове, освобожденном от немецко-фашистских захватчиков 23 июля 1944 г. и ставшем через месяц после этого центром вновь образованной области, возрождалась и литературная жизнь.

Весной 1945 г. работники учреждений культуры и искусства, журналисты (И. Виноградов, Л. Брандт, А. Грицкевич, Н. Лебедев, И. Ларионов и др.) собрались в Управлении по делам искусств и решили объединиться в литературную группу. Они и составили ее костяк; позднее в группу вошли приехавшие в Псков Н. Щербаков, М. Ульянов, А. Шабанов, А. Захаров и др. Возглавил Псковскую литературную группу бывший партизанский редактор, в 1945 г. - зам. редактора газеты «Псковская правда» И.В. Виноградов. В мае 1948 г. бюро Псковского обкома ВКП(б), официально утвердив состав группы, поставило перед ней задачи «объединения и воспитания литературных сил области», показ «героического труда советских людей, восстанавливающих народное хозяйство», «создание образа советского человека – победителя в Великой Отечественной войне и активного участника послевоенного строительства».

В 1949 г. в литературную группу входили уже 19 человек, из которых членами Союза писателей были только двое - Л. Брандт и Н. Щербаков, остальные же работали в различных

учреждениях, и для них литературная деятельность являлась второй профессией. Среди них были журналисты И. Виноградов, А. Гришкевич, А. Шабанов, зав. кафедрой литературы Псковского пединститута Я.А. Назаренко, партийные работники, участники партизанского движения В. Акатов, Е. Петрова, П. Киманов, сотрудник краеведческого музея И. Ларионов, а также М. Ульянов. Б. Леонтьев, А. Захаров, В. Ступакова, В. Гусев и др. В собраниях группы участвовали официально в нее не входившие З. Васильев, Б. Петров, И. Федоров и др.

При содействии группы был создан и регулярно собирался (три раза в месяц) кружок молодых авторов, членами которого стали первоначально 12 человек, пробовавших свои творческие силы. Руководил кружком член литературной группы Н. Щербаков. Отдельные кружковцы впоследствии стали членами группы (Б. Гусев, Н. Гейтлин), а в одном из отчетов отмечалось, что «хорошие надежды подает кружковец, диспетчер станции Березка В. Боровиков, стихи которого отличаются поэтической культурой»; удачными после обсуждения были признаны многие стихотворения О. Тиммермана.

Взыскательной оценке подвергались при обсуждении и произведения самих членов группы. Так, на одном из заседаний Н. Щербаков зачитал несколько стихотворных рассказов из своей новой поэмы «Иван Хватов». Выступившие Л. Брандт, А. Шабанов, И. Виноградов, И. Ларионов и др. отметили, что «стихи Н. Щербакова просты, легко читаются и, безусловно, профессиональны. Автор удачно выбрал форму, хорошо владеет языком», и в то же время «поэма состоит из отдельных фрагментов и не является цельной, а следовательно, и литературный персонаж Иван Хватов также не является пока цельной фигурой». На следующем заседании присутствующие с интересом слушали два рассказа Л. Брандта - «Мария» и «Крыса», также вызвавшие обсуждение и получившие высокую оценку. Весьма оживленно и критично обсуждалась совместная работа А. Гришкевича и Н. Щербакова «Земля зовет», итогом

чего стала рецензия Л. Брандта под названием - «Неудачная книга». Рецензент обратил внимание на «бедность языка, бледность образов, противоречивость». Неоднозначную оценку получили и очерки З. Васильева, объединенные названием «В боях и труде» и повествующие о героических делах псковичей на фронте и при восстановлении родного города. Выступавшие отметили, что очерки имели «познавательный интерес, однако написаны они схематично, в стиле зарисовок, без углубления», а поэтому «автору еще много надо работать, чтобы сделать очерки содержательными».

Группа постоянно проводила встречи с читателями в библиотеках, в Летнем саду и прямо в учреждениях и на предприятиях, практиковала выездные заседания в районах области. В августе 1948 г., например, прошел литературный вечер в Острове, где Н. Щербаков прочел свою новую поэму «Клава Назарова». В зале присутствовали родственники героини, друзья и люди, хорошо ее знавшие.

Первоначально члены группы испытывали большие трудности с публикацией своих произведений, т.к. в Пскове тогда собственного издательства не было. Чуть ли не единственным местом являлись полосы областной газеты «Псковская правда», где очерки, рассказы и стихи местных авторов публиковались эпизодически, лишь в 1947 г. появилась специальная «Литературная страница». В течение следующего, 1948 г., она выходила уже 7 раз. Помимо нее на страницах газеты в 1947 г. псковскими литераторами было опубликовано 20 рассказов, очерков, зарисовок, стихов и рецензий, в течение 1949 г. - 15.

Еще в августе 1946 г. бюро Псковского обкома ВКП(б) признало целесообразным организовать областное издательство, а в январе 1947 г. утвердило тематический план издания литературы на 1947 год в количестве 40 названий; преимущественно брошюр небольшого объема и тиража в помощь пропагандистам о передовиках производства, произведений русской классической и современной литературы. Среди них было и несколько книг на партизанскую тему: коллективный сборник воспоминаний «Рассказы партизан»,

книга В. Утиной и А. Медведевой «Клава Назарова», литературно-исторический очерк И. Виноградова «Партизанский край» и подготовленный им сборник «Партизанские песни». К сожалению, большинство из заявленных работ не вышли в свет, в том числе ни одна из указанных «партизанских» книг. Помешали, очевидно, причины материального и финансового порядка, а также организационные.

22 октября 1947 г. бюро обкома ВКП(б) вновь вернулось к вопросу об организации издательской деятельности: в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) оно приняло постановление образовать Псковское областное газетно-книжное издательство (Псковиздат) и утвердило его заведующим М.А. Большакова, которого вскоре сменил В. Зорин. Эти меры были призваны поднять издательскую работу, в том числе активно публиковать книги местных литераторов.

Вновь решено было издать сборник воспоминаний партизан, в редколлегию которого на этот раз вошли и ленинградские писатели Александр Прокофьев, Виссарион Саянов и Григорий Сорокин; выпустить две брошюры - «Земля Партизанская» Е. Малинова и «Яски» И. Виноградова. Одновременно литературная группа работала над подготовкой первого номера областного литературно-художественного альманаха **«На берегах Великой»**, который вышел в свет в феврале 1948 г. В нем были разделы прозы, стихов, библиографии, обширный «партизанский» отдел: три партизанские песни, написанные в годы войны И. Виноградовым, и ряд очерков – «Дни боевой жизни» Г. Волостнова, «Радисты» В. Акатова, «Смерть комбрига» М. Воскресенского, «Подарок Партизанского края» Е. Петровой, «За солью» А. Шабанова. Обсуждение альманаха прошло в читальном зале областной библиотеки, в ряде городских и районных библиотек, в школах, учебных заведениях и трудовых коллективах, где он, несмотря на отдельные недостатки, получил в целом положительную оценку. На выход альманаха откликнулся обширной рецензией Виссарион Саянов.

В целом выход первого альманаха стал несомненной удачей литературной группы, событием в литературной жизни области.

25 февраля 1948 г. бюро Псковского обкома ВКП(б) утвердило тематический план «Псковиздата» на 1948 год в количестве 41 названия – массово-политической, сельскохозяйственной и художественной литературы. Но сборник воспоминаний партизан, включенный в план, снова света не увидел, как в и следующем, 1949 г.

Осенью 1948 г. вышла небольшой книжкой поэма «Слово о Клавде Назаровой» Н. Щербакова, но главным событием 1948 года стал выход книги И. Виноградова «Яски» с подзаголовком «Очерк о партизанской борьбе». Автор вынес в ее название один из эпизодов боевой деятельности 2-й Ленинградской партизанской бригады в период существования Партизанского края - разгром фашистского гарнизона в д. Яски Дедовичского района, хотя изложение выходило за рамки только этой операции. Книга получила высокую оценку читателей, участников партизанского движения, писателей Михаила Слонимского и Николая Вагнера. Она положила начало целой серии книг на партизанскую тему И.В. Виноградова. В 1948 г. вышли также книги членов литературной группы: «Земля зовет» - очерк А. Гришкевича и Н. Щербакова, книга очерков «Голубое волокно» Б. Леонтьева.

В начале 1949 г. вышел второй номер альманаха «На берегах Великой». «Партизанского» раздела в нем уже не оказалось, хотя ранее было намерение сделать его постоянным. Здесь же был опубликован только один материал о партизанском движении (воспоминания радистки В. Самохиной «Уходили в поход партизаны»), зато присутствовало множество материалов к 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

В третьем номере, вышедшем в 1950 г., публиковались отрывки из повести Е. Нечаева «Батарейцы», главы из романа А. Захарова «Голубое пламя», рассказы и очерки Г. Никитина, М. Ульянова, З. Васильева, стихи В. Боровикова, И. Виноградова и др., появилась рубрика «Для маленьких читателей». Основная часть материалов номера посвящалась вопросам современности,

публикация же воспоминаний партизан, как и издание отдельных «партизанских» книг почти прекратилось в связи с «Ленинградским делом», вылившемся в крупномасштабную кадровую чистку, коснувшуюся бывших партизанских командиров и комиссаров, занимавших после войны в области руководящие посты.

В 1950 г. уехал на учебу в Москву И. Виноградов, в связи с чем угасла и деятельность руководимой им литературной группы. К тому же в 1950 г. последовали проверки областного газетно-книжного издательства и Управления полиграфии, издательств и книжной торговли на предмет их «благонадежности». А в июле 1951 г. в связи с тем, что ЦК ВКП(б) не разрешил переиздание художественной литературы из-за отсутствия надлежащей полиграфической базы в Пскове и, постановлением бюро обкома партии «Псковиздат» был реорганизован в издательство газеты «Псковская правда». На него возлагалось издание областной газеты, «Блокнота агитатора», областного литературного альманаха и литературы, «обобщающей опыт партийных организаций и партийно-политической работы, передового опыта в сельском хозяйстве и промышленности».

После реорганизации планы издательства стали менее обширными, художественной литературы почти не предусматривавшие. Теперь силы псковских литераторов, не объединенные в какую-либо организацию, группировались в основном вокруг редколлегии альманаха «На берегах Великой», страницы которого стали почти единственной возможностью для публикации их произведений.

В течение 1953-1958 гг.. вышло в свет еще 7 номеров альманаха (всего их вышло 10). В них публиковались стихи И. Виноградова, Г. Некрасова, В. Ступаковой, В. Боровикова, О. Тиммермана; прозу представляли рассказы и очерки М. Ульянова, Г. Никитина, Б. Леонтьева, Е. Нечаева, Л. Брандта и др. Появились на страницах альманаха и сочинения на исторические темы, например, статьи Г.М. Дейча о псковских декабристах. Но как неоднократно отмечалось в опублико-

ванных рецензиях и при обсуждении очередных номеров, многие произведения были «далеко несовершенными по художественному мастерству». Альманах издавался небольшим тиражом (до 3 тыс. экз.), но и он нередко оказывался невостребованным, поэтому издание становилось все более нерентабельным. Из наиболее крупных произведений, увидевших свет на страницах альманаха, публиковавшихся с продолжением в нескольких номерах, заслуживает внимания повесть В. Аланова «Петька Деров» (№№ 5-6), посвященная участию подростков в подпольной и партизанской борьбе.

Позднее она была издана отдельной книгой. С 8-го номера стали, наконец, публиковаться записки И. Виноградова «Дорога через фронт», но книга не была напечатана целиком: выпуском в 1958 г. 10-го номера альманах прекратил свое существование.

В 1950-е гг. в Пскове несколько раз бывал поэт, член Союза писателей Никандр Алексеев, уроженец Псковщины, с 1929 г. проживавший в Сибири. В 1956 г. он окончательно переехал в родной город, работал над трилогией о В.И. Ленине и в 1956 г. опубликовал ее первую часть – «Рождение ленинской «Искры», а в 1957 г. в издательстве «Советский писатель» вышла вторая часть трилогии - поэма «Первая баррикада». Это была едва ли не первая работа псковского автора, опубликованная в центральном издательстве.

В 1957 г. была упразднена существовавшая до этого самостоятельно Великолукская область, и большая часть ее районов вошла в состав Псковской области. В Великих Луках, как бывшем областном центре, ставшем теперь вторым по значению городом Псковской области, тоже трудилась группа литераторов. Поэтом А. Горюновым, например, были выпущены два поэтических сборника, несколько пьес написал драматург Л. Рудный; из них наибольшей популярностью пользовалась драма «Этих дней не смолкнет слава», поставленная рядом театров страны. В 1953-1957 гг. в Великих Луках были выпущены три номера литературного альманаха **«Великолукская земля»**.

В Пскове же в конце 1950-х гг. Е. Нечаев выпустил сборник очерков **«О тех, кто защищал Родину»** и начал работать над повестью «Под горой Метелихой», из начинающих поэтов все больше заявляли о себе Е. Изюмов, Л. Маляков, А. Морозов и др. Все более настоятельной становилась задача объединения литературных сил, необходимость создания единого центра, который сплотил бы их, помогал молодым поэтам и прозаикам, способствовал бы обмену творческим опытом.

22 марта 1958 г. бюро Псковского обкома КПСС постановило «в целях объединения сил местных литераторов» создать «областное литературное объединение». Созданное тогда же под руководством Е. Нечаева оргбюро подготовило созыв в июле 1958 г. собрания литераторов области. Оно и завершило процесс образования Псковского литературного объединения, призванного «способствовать широкому развитию литературного движения» в области. Собрание избрало бюро объединения в составе: Е. Нечаев (председатель), М. Ульянов (секретарь), Н. Алексеев, В. Акатов, З. Васильев, Н. Иванов и П. Чередниченко. В соответствии с Положением оно в феврале 1962 г. отчиталось на собрании литераторов о проделанной работе, а последнее, в свою очередь, избрало бюро в новом составе: Л. Медяков (председатель), В. Боровиков, И. Журавлева, Е. Нечаев и А. Шулаев. Таким образом, в области образовалось и начало действовать впервые после 1950 г. новое творческое объединение литераторов.

Оно обсуждало подготовленные к печати произведения, проводило читательские конференции, встречи с населением, творческие отчеты, вечера поэзии и др. На страницах «Псковской правды» вновь появилась «Литературная страница», переименованная позднее в «Уголок поэзии». Именно с этой рубрики начался путь в «большую литературу» многих местных авторов. В 1958 г. одними из первых были обсуждены в бюро объединения пьеса Н. Тараканова «Обретенное счастье», рассказывающая о жизни русских эмигрантов, и работы

П. Чернышева, занимавшегося тогда сбором материалов о пребывании в 1900 г. в Пскове В.И. Ленина.

Литературное объединение было связано и с литераторами, жившими за пределами Псковщины, но связанными с ней различными узами и писавшими о ней. Установились, например, контакты с жившим в Ленинграде И. Григорьевым, детство которого прошло на Псковщине. Его первые произведения появились в 1966 г. в «Псковской правде», а к началу 1960-х гг. это был уже известный писатель, печатавшийся в журналах «Звезда» и «Нева». Немалое место в его творчестве занимала Псковская земля, например, в сборнике стихотворений **«Родимые дали»** (1960 г.) и последовавших за ним **«Горьких яблоках»** и **«Отзовись, Весняна»**.

В конце 1950-х - начале 60-х гг. увидели свет сборник рассказов Н. Алексеева **«Костры и зори»**, первая книга молодого поэта Л. Малякова **«Проселки ведут на большак»** и последовавший за ней сборник стихов «Отрада»; большую известность приобрела пьеса великолучанина П. Чередниченко **«Дочь России»**, посвященная участнице Парижской Коммуны псковичке Е. Дмитриевой-Томановской и поставленная рядом театров. В 1962 г. увидела свет большая повесть Е. Нечаева **«Под горой Метелихой»**, в 1963 г. вернулся в Псков «летописец» партизанского движения И. Виноградов, у которого годом раньше в Воронеже вышла книга **«Дорога через фронт»**; появились сборники рассказов М. Ульянова **«Искристые росы»** и **«Под окрики чаек»**. Силами псковских авторов была подготовлена и выпущена в свет книга **«Псковские богатыри»** (1964 г.), вобравшая в себя 33 очерка о псковичах - Героях Советского Союза. Книги псковских авторов становились все более известными за пределами области, выходили в центральных издательствах и на страницах общесоюзных журналов, что создавало условия для вступления их в члены Союза писателей и создания в Пскове его отделения. Произошло это в 1967 г., когда из 5 членов Союза писателей в Пскове была создана писательская организация.

ГЛАВА VII

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПСКОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПСКОВСКАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Псковская писательская организация зародилась в год проведения первого Пушкинского праздника поэзии на Псковщине, что, конечно же, не случайно. В шестидесятые годы в литературу входит русская провинция в лице «деревенщиков»; в Новгороде в 1968 году прошла конференция «Тысячелетние корни русской культуры»; с того времени проводятся ежегодные поэтические праздники, посвященные русским поэтам, и среди них по праву главным стал Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии с центром в Пушкиногорье.

В такое время была создана организация псковских писателей. С инициативой выступил И. С. Густов, тогдашний руководитель области. Предложение было поддержано Союзом писателей РСФСР, его первым председателем Леонидом Соболевым и секретарем Правления Михаилом Алексеевым, и в декабре 1967 года Постановлением секретариата Союза была создана Псковская областная организация Союза писателей России. В состав ее вошли пятеро писателей: псковичи, состоявшие на учете в Ленинградской организации, - М.А. Зверев (Лесной), И.В.Виноградов, И.Н. Григорьев, а также приехавшие в Псков Л.Т. Колесников из Вильнюса и Ю.Н. Куранов из Костромы. Первым ответственным секретарем организации был избран поэт, участник войны, И.Н. Григорьев.

Вообще писателей тех лет отличали большой жизненный опыт, зрелый, устойчивый взгляд на окружающий мир, и не случайно через год организация пополнилась еще двумя участниками войны и партизанского движения - прозаиком Е.П.Нечаевым и поэтом Л.И. Маляковым.

На первых порах, однако, организация росла медленно, постепенно обретая свое место в культурной жизни Псковского края. В первой половине семидесятых годов, когда областной писательской организацией руководил Л.Т. Колесников, в члены СП РСФСР был принят замечательный ученый и художник слова, директор Пушкинского музея-заповедника С.С. Гейченко. С большим учительским опытом и глубоким пониманием жизни русского крестьянства пришел в ряды писателей и И.А. Васильев, чьи книги обогатили современную литературу и стали образцом нравственного служения своему народу. В эти же годы профессиональным писателем становится бывший учитель, автор повестей и рассказов А.А. Бологов, более двух десятилетий руководивший Псковской писательской организацией. То было время её укрепления, становления её добрых традиций, значительного расширения её состава-ежегодно она пополнялась новым именем.

В этот период становятся членами Союза писателей: С.В. Молева, Э.М. Жемлиханов, В.Я. Курбатов, В.А. Половников, Е.А. Борисов, Т.В. Дубровская, Н.С. Новиков, А.И. Гусев, Б.Т.Ильин, В.Г. Воробьев, М.Е. Устинов, В.В. Клевцов, В.А.Алексеева, Л.В. Федотова, И.Я. Панченко, А.И. Матюшин (иеромонах Роман), О.А. Калкин, В.В. Курносенко. В 80-е годы в писательскую организацию приходит и литературовед, доктор филологических наук Е.А. Маймин. Позднее псковские писатели приняли в свои ряды В.Ф. Бутрину, Н.А. Лаврецову, В.М. Мухина, В.П. Краснопевцева.

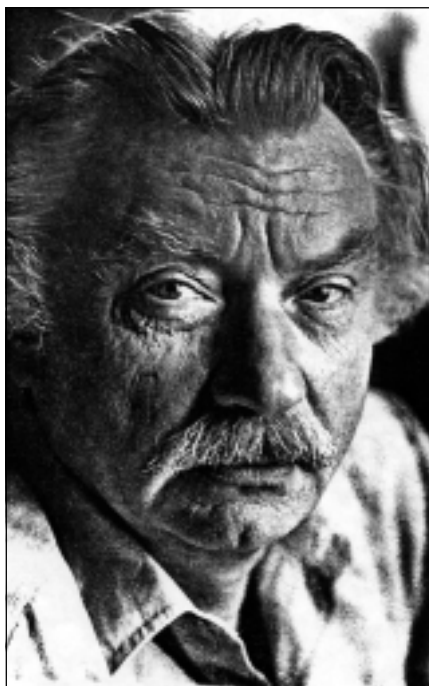
Создаются литературные клубы в Пскове, Великих Луках, Печорах, Пустошке; библиотеки этих и многих других мест области организуют встречи любителей литературы с нашими писателями. Встречи с читателями всегда приносят свои

духовные плоды. Многие наши земляки останутся благодарны живому слову С.С. Гейченко, Е.А. Маймина, И.В. Виноградова.

В самые последние годы писательская организация получила значительное пополнение. Приехал в родные края поэт С.А. Золотцев, два года, с 1995 по 1997, руководивший писательской организацией, в Союз писателей были приняты учёный, знаток псковского древнего зодчества, поэтесса Е.Н.Морозкина, молодой драматург С.В. Главатских. И уже совсем недавно в писательскую организацию были приняты и стали членами СП России псковский прозаик В.И. Васильев, новоржевская поэтесса Е.А. Родченкова (Новик), великолучане-поэтесса Л.А.Скатова и прозаик В.И. Винк.

С декабря 1997 года областная писательская организация представлена двумя самостоятельными и равноправными отделениями. В «Объединение псковских писателей» вошли поначалу С.А. Золотцев, Л.И. Маляков, Е.Н. Морозкина, И.Я. Панченко, А.И. Гусев, В.П. Краснопевцев, Б.Т. Ильин и В.М. Мухин. Спустя год отделение пополнилось новыми членами - поэтом и прозаиком Г.К. Моисеенко и публицистом-пушкиноведом В.И. Русаковым. В 2000 году членами Союза писателей стали поэт- баснописец Е.М. Афанасьев, публицист И.Е. Калинин, прозаик П.Г. Осокин, а чуть позднее - поэтесса Л.В. Федукowa и прозаик Г.А. Гореловский.

Безусловно, численный рост писательской организации ещё не свидетельствует об уровне издаваемых её писателями книг, но «послужной список» наших литераторов говорит сам за себя. Стоит хотя бы назвать И.А. Васильева (лауреат Ленинской и Государственной премий), С.С. Гейченко (Герой Социалистического Труда, лауреат премии имени Н. Крупской), А.А. Бологова (премия Союза писателей России), И.Н. Григорьева (премия имени Н. Островского), В.Я. Курбатова (премия имени Л.Толстого). В 90-е годы В.Я. Курбатов стал лауреатом премий «Литературной газеты», журналов «Смена», «Москва», «Наш современник». Литературные премии были присуждены за циклы его статей, опубликованных в этих изданиях.

Иван Афанасьевич Васильев.

Иван Афанасьевич Васильев
(21.07. 1924 – 31.12.1994)

Иван Афанасьевич Васильев – прозаик и публицист. Лауреат Ленинской и Государственной премий. Один из наиболее ярких представителей “деревенской прозы”. Перу И.А. Васильева принадлежит более двадцати книг, в том числе: “Беру на себя. Размышления о русской деревне”: Очерки. М., 1978; “Допуск на инициативу: Деревенские очерки”. М., 1983; “Земля русская. (В памяти живут люди)” Л., 1983; “Я люблю эту землю”: Очерки. М., 1983; “Быть хозяином. Размышления публициста”. М., 1984; “Дело и только дело. (Анатомия поденщины): “Обращение писателя к землякам”. М., 1987; “Крестьянский сын”. Повесть. М., 1987; “Депутатский запрос”: Сборник. Л., 1987; “Очищение”. (Публицистические повести). М., 1988. Сами названия этих публикаций примечательны.

Плодотворной была общественная деятельность писателя, направленная на сохранение памяти о Великой Отечественной войне, участником которой он был. И.А. Васильев – основатель литературно-художественного музея в селе Борки Великолукского района. По инициативе Союза писателей здесь проводятся ежегодные “Васильевские чтения”. Распоряжением главы Великолукского района учреждены ежегодные премии им. И.А. Васильева для журналистов, учителей, студентов, школьников.

“Крестьянский сын” – не случайно И.А. Васильев так назвал одну из своих повестей. Эти слова писатель относил и к себе, они добавляют нечто новое к его творческому портрету. Выросший в многодетной крестьянской семье, он собственным опытом впитывал атмосферу деревенского дома, труда, познавал психологию и образ жизни своих земляков, укреплялся в любви к неброской красоте родной земли.

Богатство впечатлений деревенской действительности пришло к И.А. Васильеву как итог всей его многолетней жизни в деревнях и маленьких городах Тверской, Новгородской,

Псковской областей. Он постоянно жил среди своих героев, и сам был одним из них, поэтому в его книгах так много автобиографического. Автор пишет с оглядкой на прожитое.

Как формировался его духовный опыт – внутренняя тема произведений Ивана Афанасьевича Васильева. “И не надо ничего придумывать...” – говорил писатель журналистам, которые брали у него интервью. И журналисты понимали: *такого* не придумаешь: самобытен во всем: в образе жизни, в делах, привычках, в разговорах, словах и выражениях. Те, кто хорошо знал его, писали: “Крупная личность, большой души и таланта... Иван Афанасьевич – натура цельная, сильная, прямая; ему больше всего чужда праздность” (А. Бологов).

С 1981 по 1994 год – до самой смерти И.А. Васильев жил в деревне Борки Великолукского района Псковской области. За эти годы им были написаны самые значительные произведения, за которые он был удостоен Ленинской и Государственной премии им. А.М. Горького. Подчеркивая, насколько насыщенной и интенсивной была жизнь Ивана Афанасьевича Васильева в эти годы, критик Валентин Курбатов писал: “Выступает, слушает, наблюдает, сопоставляет, исповедуется и проповедует и при этом еще с топором в руках строит, строит - музей, картинную галерею, дом экологического просвещения, школу публициста, делает все то, что поражает сейчас в Борках и что кажется невозможным для одного человека, успевшего поднять все это в десятилетие”.

Насколько Иван Васильев был поглощен этой работой, свидетельствует такая запись в его дневнике:

3 апреля. Воскресенье, 21.00:

“Январь и февраль изо дня строгал, пилил, приколачивал, красил, оборудовал музей, четыре комнаты: литературный музей, военный, библиотеку, салон, галерею подготовил к 23 февраля, в марте начал партизанский зал и “красную комнату” – малая комната для персональных выставок художников-ветеранов – и к 22 апреля должен закончить (тут будем принимать ребят в пионеры). И все это один, без помощи и

даже со всевозможными помехами со стороны. Помех, правда, стало меньше со стороны борковских придурков, и этому содействовало одно обстоятельство: 13 марта посетила музей представительная делегация: пред. Госагропрома СССР, пред. Госагропрома Нечерноземья, президент ВАСХНИЛ. Часа полтора экскурсии, два часа беседа у камина. Остались довольны. Пригласили на Съезд колхозников. 23 – 25 на IV съезде. Выступал. Беседовал с Горбачевым, Рыжковым, Громыко. Горбачев обещал приехать посмотреть. Заметил, что сильно изменился (постарел), сказал, что читает меня постоянно, все, говорит, прочитал”. (“Наш современник”, 1998, №1).

Несмотря на такое высокое признание, жизнь Ивана Афанасьевича Васильева в Борках была полна глубокого драматизма. Об этом говорят его записи в дневниках 1988 года.

18 января.

“Каждый день работал в музее. Поднял скандал в райкоме, написал в обком – зашевелились, понаехало начальство, разговор-ов! А работаю по-прежнему один. ... Настаиваю, чтобы к 23.02 – 70- летию Красной Армии открыть. Противятся, дескать, не успеть. Словооблудием ни к чему не успеть”.

Насколько Иван Афанасьевич Васильев был резок, критичен, непримирим по отношению к колхозной, районной власти, свидетельствуют его дневниковые записи 1968, 1978, 1988 годов: “Три страницы (Из дневников разных лет)”, опубликованные в журнале “Наш современник” (1998, №1, с. 223-229). Борец! Это слово точнее всего раскрывает личность писателя-публициста. Для него много значил военный опыт. На вопрос корреспондента газеты: “В журналистской вашей практикегодились качества воина, политрука?” Иван Васильев ответил:

-Еще как! Ведь в газете каждое критическое выступление – это бой, причем и победа, и поражение – все на глазах у земляков, с которыми видишься каждодневно. Да что критический – и положительный - то опыт надо уметь не только показать, но и отстоять - всегда найдутся и осторожные, и сомневающиеся, и ярые скептики.

“Деревенские очерки”, “Очерки”, “Повествование в очерках” – так И.А. Васильев определил жанровую природу своих произведений.

“Деревенская проза” 60-80-х годов – одно из наиболее плодотворных направлений в отечественной литературе. В литературу пришли сыновья крестьян. В этом ряду - и псковский прозаик Иван Васильев. Он мог повторить слова Валентина Распутина: “Я вырос в деревне. Она меня вскормила, и рассказать о ней моя обязанность”.

Об этом свидетельствует повесть “Земля русская”. Впервые она была опубликована в журнале “Наш современник” в 1981 году, позже многократно переиздавалась: она неизменно вызывала интерес читателей. Основа книги - автобиографическая. Повесть начинается с размышления автора о судьбе родной деревни:

“Моя деревня называлась Верховинино... Как я себя помню, в деревне было всего-навсего пятнадцать дворов.

Возвратясь с фронта, я насчитал семь изб – двенадцать баб и стариков. Они еще долгие годы пахали и засевали эту землю, что и раньше: Ренду, Митину гору, Горовашку, косили Заремьяне, Игнашёв луг, Ярововомклин, пасли скотину на Пашменном болоте”. (Прислушаемся к этим названиям: сколько в них поэзии и доброй памяти!).

Свое повествование автор строит в исповедально-элегическом ключе: речь идет об утраченном, потерянном навсегда:

“Но время взяло свое. Деревни нет, если не считать двух вдовьих хатенок, которые собираются снести, а сады раскорчевать, печины запахать и сеять хлеб. Пока этого не случилось, мы, дети ее, приезжаем сюда посидеть на заросших травой камнях, побродить по садам, поклониться на погосте родным могилам. Неодолимая сила тянет нас сюда из ближних и дальних городов. Это ни с чем не похоже. Это нельзя сравнить даже со страстью путника приложиться к роднику. Там - одно: утолить жажду тела. Здесь иное: напоить нечто в душе.

Разбудить, извлечь из-под наносов прожитого, рассмотреть и понять, что же оно такое, это “нечто”, без чего, оказывается, так неуютно жить на свете”.

Писатель пытается осмыслить, что значит для людей покинутая ими деревня: “От Успенского до Верховинина ходу полчасу большаком. И большак, и исчезнувшая в осоке речка Заремьянка, и кусочек леса, называемый Яров-клин, и выгоревшее торфяное болото, в котором гнездятся утки, - все это малые капли, оставшиеся на донце души светлым родником, утоляющим беспокойную душу”. Отдадим должное и глубине постижения автором важных моментов бытия, и стилистической чистоте поэтического образа, венчающего глубокое авторское раздумье. Печать духовности лежит и на этом размышлении, и на вопросах, которые будоражат сознание городского жителя, покинувшего отчий край:

“Так что же такое эта почти исчезнувшая деревенька Верховинино? Что она для нас, родившихся, выросших, гостивших тут, теперь уже пожилых людей? Не знаю. Книжные слова о родном гнезде, о корнях-истоках очень уж стерты, приблизительны; я лежал под яблоней-лещугой, и ни гнездо, ни корни не приходили мне на ум, было лишь ощущение покоя и полной слитности с землей, с теплым звездным небом, с яблоневым садом, с пустой деревенской улицей. Было похоже, что душу подключили к аккумулятору добра и правды, и она, душа, заряжается...”

Размышляя о том, какие чувства добрые пробуждает деревня, писатель делает очень важные для себя открытия:

“Значит, неодолимая сила, влекущая нас на склоне лет в родные места, есть не что иное, как память о людях, бесконечная благодарность им, передавшим нам, перелившим в нас свой мир, а потом уж мы под воздействием жизненных обстоятельств видоизменяли его, расширяли, но основа основ – понятие добра и правды – заложена отцами и дедами, обыкновенными русскими мужиками”.

Мысль о духовной связи поколений становится ключевой в книге “Земля русская”. Она имеет подзаголовок “В памяти живут люди”. Тема эта и определила очерковый характер книги.

“Земля русская” – это и повествование о войне, о том, как ее пережили герои Ивана Васильева. Трагизм хода истории был для писателя очевиден, и он сумел рассказать об этом по-своему. Военный сюжет выстраивается как цепь микроэпизодов: расставание с отцом, смерть разведчицы Зины Шабровой, уроки старого солдата Мокеича, начальника политотдела Николая Евгеньевича, известие о том, что немцы сожгли деревню вместе с людьми, операция “Хлеб”, сев во время войны. Все эти эпизоды объединяет мысль: “В войну мы рано выросли”. Свое развитие эта мысль получает и в таких авторских словах: “Дороги есть дороги, но ни в одной не разочаровался, не раскаялся, потому что каждая дала уму свою каплю, добавила чувству свою грань”. Элегическая тональность повествования естественна, органична: память сердца восстанавливает все подробности военного лихолетья. “Земля русская” – это повествование широкого эпического звучания, что подчеркнуто и названием книги, и её подзаголовком.

Вот собственное признание писателя, посчитавшего необходимым объяснить с читателем по поводу замысла одного из сюжетов книги “Земля русская”:

“Как-то возвращались мы с товарищем из Старой Руссы в Новгород, остановились возле села Коростень, спустились к Ильменю. Сел я на большой валун, спустил ноги в теплую мелкую воду и вдруг подумал: вот ильменская вода, она ведь особенная, сюда, в огромную чашу, десятки рек и речушек принесли свои воды, разные, непохожие, то светлые родниковые, то мутные полевые, то темные лесные, то чистые дождевые, и смешались эти воды в одну, озерную, и когда она вытекает Волховом, через Ладогу и Неву в Балтику, говорят: идет ильменская вода. Никто не найдет, не отличит в ней струи Полы и Ловати, Веряжи и Веронды, Мсты и Поломети, Шелони и Полисти, для всех она – особая неповторимая ильменская вода”.

Рожденная в писательском сознании притча полна глубокого смысла. От наблюдения – к размышлению – таков ход поэтической мысли прозаика И.А.Васильева. Свое повествование он строит на параллели: жизнь природы – жизнь человека:

“Так и человек. Прошагает по земле, сотни людей встретит, от каждого что-то возьмет-переймет, а перемешаются в нем людские душевные струи, и станет он особенным, ни на кого не похожим, неповторимым.

Теперь, когда настала пора оглянуться и поразмыслить, когда улетучилась самоуверенность молодости, я признаюсь: да, брал от людей, перенимал, впитывал их душевные струи и нынче хочу разобраться, что и чье во мне”. Подчеркнем философичность этого признания. С этим признанием в книгу входит мотив воспитания чувств. Писатель убежден: “... для вызревания чувства, как для вызревания колоса из зерна, время определено природой. Нельзя научиться чувствовать ускоренно, чувство тогда глубоко и полно, когда вберет, впитает опыт другого, когда созреет не в отдалении, а рядом”.

Так Иван Афанасьевич Васильев выходит на тему: **“Судьбой дарованные встречи”**. Какой высокий строй мыслей и чувств рождают эти слова! Какие светлые образы возникают на страницах книги Васильева! Невыдуманные герои... В книге “Земля русская” живут люди, которых писатель хорошо знал. Он рисует не только внешний, но и психологический портрет героя. “Вспомним всех поименно”... Таков принцип, которого придерживается автор.

Пал Ваньч – столяр, он работал в детском доме, директором которого был автор.

“Пал Ваньч ростом – полмужика, а по силе – двоих пересилит: широк и кряжист. Голова лобастая, глаза маленькие, бледно-синие, словно отцветшие васильки, голос тонкий и пронзительный. Он числился у нас в детдоме столяром, но, будучи мастером на все руки, делал все, в чем нужда была: клал печи, рубил постройки, вязал рамы, чинил кровати... Всякое

дело он исполнял умело и старательно. В силу своей всеумелости был он независим и прямолинеен, резал правду-матку в глаза. У деревенских правдолюбцев обычно повышенное самомнение, но, к чести Пал Ваныча сказать, он этим не страдал, неприятную правду он высказывал исключительно из уважения к делу. В его представлении любое дело, большое или маленькое, нельзя делать кое-как, а должно исполнять со всей добросовестностью. Его устами говорил Мастер”.

Дополняют портрет героя истории, которые любил рассказывать Пал Ваныч. Мужики называли их “житиями святого Павла”. Иногда эти рассказы бывали не к месту, “но мораль неуместной никогда не была. Она звучала примерно так: из всякой жизненной передрыги сумей выйти человеком”. Писатель признавался, что он нередко вспоминал рассказы Пал Ваныча, когда “самому приходилось решать, как поступить”.

“Удивительно богатые чувствами и душевной красотой люди встречались мне”. Это признание предваряет рассказ писателя о встречах с *Яковом Федотовичем Павловым*. Известный всей стране сержант Павлов, герой Сталинградской битвы, после войны работал секретарем райкома у себя на родине, в Валдае. Там и произошла встреча двух ветеранов войны.

Десять страниц книжного текста И.А. Васильев посвятил председателю колхоза *Сергею Владимировичу Морозову*, портрет которого написал с большой авторской симпатией. “Морозов в районе был притчей во языцех”. Лучшего примера “консерватизма” не знали. Сопrotивляясь тем новшествам, которые насаждали в колхозах, Морозов любил повторять: “Поле нам диктует, не мы полю”.

“А как любовно слушал он поле! Рано поутру, когда деревня еще спала, выходил из дому и шел за околицу. Отойдя на приличное расстояние и оглядевшись – не увидят ли со стороны, – он разувался и босиком шел через сизые от росы клевера, забирался в рожь, смотрел, щупал, вдыхал – всем своим существом впитывал в себя земную благодать, чему-то радовался, чем-то огорчался, и выпытывал, и выпытывал у

земли, чем она страдает, чего ей недодали, в чем обошли, обидели. И уж какие думы бушевали его в это время, никто не знает. Но думается мне, что именно такие безмолвные разговоры с полем укрепляли его дух и убежденность в своей правоте”.

“В районе знали о “чужаках” Морозова”.

“Но время шло, затухало в мужике чувство неразрывности с землей, пошли деньги, достаток, много стали пить, а главное, что особенно пугало Морозова, - родилась в человеке уверенность, что прожить он может и без земли, точнее – независимо от того, что родит поле. Не мог он уяснить, как это так: работающий на земле охладевает к ней?” Писатель ставит проблему публицистически остро, при этом он вспоминает свою встречу с председателем колхоза во время “кукурузной эпопеи” и первый вопрос, который задал Морозов журналисту: “Ну, как писать будешь?”

“Он оставил себя и во мне, и я буду мерить им других”, - так завершается очерк о Сергее Владимировиче Морозове. Как видим, Иван Афанасьевич Васильев ведет проблемный разговор о деревне и ее людях.

“Земля и люди. Дает ли она *особый* характер человеку?” Словно стихотворение в прозе, звучит монолог-размышление на тему:

“Наверное, так, ведь не богом же дается характер, а отцом-матерью да родной землею. Я не встречал в других краях, тоже щедрых на характеры, *такой* душевной открытости, *такой* доброты, *такого* милосердия и самоотречения, *какие* с годами, прибавившими разуму зоркости, нашел в нашей женщине: псковитянке, тверитянке, смолянке. Профессия газетчика водила меня не столько по большакам, сколько проселками да тропинками, и там, в глухих деревеньках и в маленьких городках я встретил поистине Великую Русскую Женщину, в характере которой собралось и отстоялось все, чем одаривала человека земля на протяжении многих и многих веков. После таких встреч иной раз думалось: вымри все вокруг, но останься *Она, Женщина-мать*, и мы возродимся в том же качестве, с тем же характером своих предков-русичей. Да, ведь так оно и бывало”.

К созданию портрета героинь своих очерков писатель всегда шел от живого впечатления.

“Наша партизанская мать”, - как представили журналисту *Анну Дмитриевну Фролову*, которая во время войны собрала в лесу семнадцать раненых красноармейцев, выходила их и передала в партизанский отряд. Встреча с ней окрашена юмором, теплым чувством:

“Нам открыла невысокая, кряжистая, с крупными, но мягкими чертами лица женщина во фланелевом халате и в стоптанных барежках на босу ногу. Надо бы сказать: старуха, но уж больно это слово не шло к ней, для своих семидесяти пяти лет была она на удивление подвижна, не горбилась, не шаркала и не шамкала – все зубы целы! – а уж речь повела, так и вовсе диво: задорно, с прибаутками, с теплым-теплым юмором в синих лучистых глазах.

-Боженька мой, ядрена Матрена, сухой нитки нет на родимых! Все-все скидывайте, размундируйтесь, валенцы дам, шубы дам, чугунок затоплю...

Она побежала на двор за дровами. Павел Федоров посиневшими губами деревянно смеется: “Точь-в-точь, как Попов рассказывал. Так же вот и окруженцев выхаживала. Боженька мой, ядрена Матрена...”

Всю ночь мы просидели в жарко натопленной избе”.

Васильев предстает здесь как мастер эпизода, в основе которого лежит рассказ старой крестьянки о том, как они начали воевать осенью 41-го года. Судьба солдатской вдовы не оставила равнодушным читателя.

Сельские учителя... И.А. Васильев сам не один год работал учителем сельской школы. И в своих произведениях он воссоздал портреты этих подвижников: обаятельный образ старой учительницы *Анны Николаевны*, которая была и осталась для своих бывших учеников нравственным авторитетом. “У всех на устах” *Анна Ивановна*, которая заставляла так говорить о себе: “... в самой Анне Ивановне до седых волос не переставала страдать и радоваться чистая, светлая душа ребенка. Это

удивительное свойство – понимание взрослым ребенка, совершенно искреннее, без малейшего намека на подделку сопереживания его радостей и огорчений, счастья и горя, всех его забот и тревог, - и дается оно, видимо, от природы... Учителем надо родиться”.

Размышляя над судьбами сельских учителей, в том числе и над судьбой учительской династии Раменских, И.А. Васильев пишет: “ Я помню многих учителей деревенских. Отпечаток их личности лежит на нас. Житейские добродетели в нас от отца-матери, идеи – от учителя. В нем персонифицировались новые для нас вещи и понятия: книга - учитель, справедливость – учитель, служение народу – учитель, правда, красота, культурность – все он. Мы очень любили своего учителя. Мы подражали ему, во всем хотели походить на него. И хотели стать учителями. И становились”.

“В памяти живут люди...” Эти слова вынесены в подзаголовок книги, определив тем самым ее главную тему. Эмоциональный подтекст повести “Земля русская” выражен словами: “На русской земле так много прекрасных людей!” Переключка основных мотивов, выраженных в названии книги, ее подзаголовке и заключительной фразе, сообщает всему произведению впечатление завершенности, законченности.

Опыт И.А. Васильева убеждает, что для писателя преимущественно публицистического дарования особенно плодотворной оказывается работа в газете. Сам он пришел в газету молодым, но немало повидавшим на своем веку человеком. За его плечами был основательный жизненный опыт: комсорга ремесленного училища, солдата-фронтовика, учителя и директора детского дома. Работая в газете, И.А. Васильев сформировался как писатель-публицист. Начинал он в великолукской районной газете, потом стал корреспондентом калининской и псковской областных газет. Газета “Советская Россия” публиковала его острые, проблемные статьи “Письма из деревни”, целые очерковые циклы. Работа в газете заставила Васильева задуматься над важными проблемами: о взаимоотношениях печати и власти, об этике журналиста.

Они стоят в центре повести “Земляки”. В ней воспроизводится знакомая писателю ситуация. Главные герои повести – журналисты-газетчики. Сюжет строится вокруг публикации в районной газете острого фельетона “Согласователь”, который вызвал раздражение у местной власти. Размышляя об этике журналиста, И.А. Васильев свою позицию выразил устами редактора газеты Федора Пастухова; он сказал секретарю райкома: “Я Иван, не догматик, но принципы не меняю в зависимости от погоды”.

“Не поступаться принципами!” – это и позиция самого писателя. В книге “Пять будних дней” И.А. Васильев, передавая разговор с одним из руководителей районного масштаба, воскликнул: “А с меня спрашивает всего-навсего собственная совесть”.

Работа в газете стала делом всей жизни Ивана Афанасьевича Васильева.

Валентин Курбатов приводит запись в дневнике писателя, которая могла бы стать эпиграфом к разговору о жизни и творчестве писателя:

“Мать на мои жизненные успехи смотрела, как теперь понимаю, скептически, отец – уважительно, а сам я, пожалуй, - ни так, ни этак. Я просто брал дело по себе, чтобы оно было впору, по мерке, и тянул, не заваливая”.

И. Васильев был мужественным журналистом, горячим свидетелем, который жил и работал в “нетерпеливом напряжении”. Он писал о таких принудительных кампаниях, как “кукурузная лихорадка”, “необдуманная мелиорация”, о “принудительном неразумии планов”, о “застое”. Он следил, как рождается фермерство и наблюдал резкое сопротивление ему, видел, как земля возвращается мужику и как он отворачивается от нее, как интеллигенция все копается в прошлом, страхась творчества и анализа наступающей жизни. Он видит, что на этот раз деревню предадут окончательно, и берется за книгу “Разорения и утрашения”. “ Написал полста страниц и думаю, а зачем?”

Несмотря на свои награды, И.А. Васильев не был обласкан начальством. Напротив, он ему был неудобен: “Наконец-то понял! Я являюсь для начальства ненавистным недоразумением природы не по причине писаний, а по причине деяний. Приехала сегодня секретарка по идеологии, проговорилась: “Посмотри, говорит мне областной идеолог, что там Васильев вытворяет, опять какую-то экологию выдумал...” А я-то, дурень, и не соображу, что принадлежу к уникам: как это так, выдумывает чего-то и делает, ни у кого не спросясь. Как он мог возникнуть, откуда, главное, как ему все удастся, и приходится одобрять вместо того, чтобы осадить нахала”.

И. Васильев был депутатом Верховного Совета СССР. Тяжела была сама мысль о поездке в Москву на сессию. Но не поехать нельзя никак: “Более тридцати лет отдал драке за деревню – не воспользоваться шансом увидеть итог “драки” ... Нет, надо, надо ехать”, - записывает И.А. Васильев в дневнике.

В.Курбатов, готовивший к публикации дневники И.А. Васильева, высказал убеждение: “Когда дневники будут напечатаны полностью, этот сжигающий полет будет очевиден”. Дневник показывает, чем жил писатель 30,20,10 лет назад, чем жили мы еще так недавно.

“Сжигающий полет...” как много вмещает в себя этот метафорический образ! Каждый читатель будет по-своему раскрывать глубинный его смысл. Надо только снова и снова обращаться к произведениям Ивана Афанасьевича Васильева. Лучшие публицистические книги писателя – “Депутатский запрос” и “Допуск на инициативу”. Это остроконфликтные произведения, с развитым сюжетом, с богатыми оттенками авторского слова. Подчеркнем: именно за художественную публицистику И. Васильев был удостоен Ленинской премии.

На первых Васильевских чтениях в Борках летом 1997 года главный редактор издательства “Современный писатель” определил И.А. Васильева как “летописца в старинном значении этого слова, - неуклончивого свидетеля времени, умеющего найти свое место и малому, и великому событию. Читатель его “хроники” без труда восстановит минувшее со стереоскопической глубиной”.

“Властитель дум”, “летописец”... При всей своей справедливости эти определения не до конца раскрывают особенности художественного мира Ивана Афанасьевича Васильева. Он был не только страстный публицист, он был еще и художник. Его картины украшают стены дома в Борках. Художник, который живописует словом, он автор лирических миниатюр. Ими насыщены дневники писателя, в них много наблюдений над природой, поэтических пейзажей. Например:

“Первый за три недели солнечный день ... Какое-то ни с чем не сравнимое чувство испытываешь, идя вот так нежарким июльским днем полями. Слева – густой, чуть тронутый желтизной лен. Справа – просыхающее после дождя пегое поле отдыхающих паров. На бирюзовом небе дорогами белые облака. Теплый ветер в лицо. Он рябит на дороге лужи, налитые недавними дождями. Вдруг на краю поля вскрикнул перепел: “Пить пошел! Пить пошел!” И в самом деле, наверное, пошел, потому что больше его не слышно. Вот дисциплинированный служака, если отлучается, то обязательно предупредит – куда.

Идешь и чувствуешь: все это было с тобой, ты не разлучался с этими далями, с теплым ветром, с перепелом. Оно жило в тебе, вошедшее в душу в далеком детстве раз и навсегда”.

А вот еще запись: “Ежик гуляет в палисаднике. Вышел я – он побегал. Я говорю: ну, куда же ты? И стал говорить ему, что пугаться не надо. Смотрю, ходит мирно меж кустов. Он уже знает мой голос, за столько лет привык.

Вот мои жильцы: ежик, скворцы, воробьи, галки, мышь-полевка под яблоней.

- День хоть и облачный, но светлый. Копал огород, на коньке крыши трясогузка сидела и весело пела. Та самая. Скворец ее выжил, она после этого опять поселилась и вот поет. Надо написать рассказы “С кем живет человек” – о моих птицах, деревьях...”

К воссозданию богатого мира природы И. Васильев шел от “живого созерцания”.

Остановленные мгновения – так можно назвать его лирические миниатюры. Это интимный пейзаж.

Летом 1999 года к 75-летию выдающегося русского писателя И.А. Васильева в Великих Луках вышла небольшая книжечка: Иван Васильев. “Встречи с природой” (подготовила Ф.М. Андреевская). На титульном листе – рисунок И.А. Васильева, под ним слова автора: “ Природа – высший Разум. Смирись перед ним, гордый человек, повинись и повинуйся. И. Васильев”.

Текст лирических миниатюр “Рябинник”, “Зимнее разноцветье”, “Ольхин день”, “Белые горы”, “Озябшие боровики”, “Наст”, “Во дворе”, “Околица”, “Родничок”, “Малая малость”, “Сосна на круче”, “ Прибрежные сосны”, “Дубок”, “Березовая поленница”, “На вырубке” - сопровождается рисунками автора. Смысл каждой миниатюры и рисунка к ней можно определить так: “Нет безобразья в природе”.

*Природа – высший Разум.
Смирись перед ним,
гордый человек,
повинись и повинуйся
И.Васильев*

Каждая поэтическая миниатюра Ивана Васильева полна удивления, восторга, внутреннего волнения: лирическая тональность картин природы подчеркивает значительность образа “Земля русская”. Отметим: многие лирические картины взяты из книги того же названия, органично вписываются в нее.

Наименее известный, но очень важный источник для понимания личности Ивана Афанасьевича Васильева – его эпистолярное наследие. Знакомство с ним необходимо: возникает духовное соприкосновение с личностью человека, оставившего в письмах часть своей жизни. Благодаря письмам писатель становится ближе и понятнее читателю, молодому и взрослому.

В повести “Земля русская” мы находим такое признание: “Любовь женщины держит нас на нравственной высоте”. Это признание – не просто красивая фраза. Мы убедимся в этом, когда прочитаем его письма жене. Они составили содержание его “потаянного дневника”. Часть этих писем И.А. Васильев включил в книгу “Земля русская”. Полностью они были опубликованы после его кончины в сборнике псковских писателей “Скобари” (Псков, 1999, с. 201-211). Публикацию и предисловие к ней подготовил критик Валентин Курбатов.

Письма Ивана Афанасьевича Васильева, окрашенные чистотой нравственного чувства, убеждают, что он был человеком тонкой душевной организации, нежным в проявлении эмоций. Память у него светлая. Палитра красок, раскрывающая душевный мир писателя, богата и разнообразна.

Евгений Павлович Нечаев

Евгений Павлович Нечаев (1915 – 1999)

Евгений Павлович Нечаев – автор романов, повестей и рассказов: “О тех, кто защищал Родину” (1960), “Под горой Метелихой”, “На земле опаленной” (60-е годы), “Батарейцы” (1977), “Огнем и колесами. Фронтовые были” (1985), “Поют ли аисты” Сб. рассказов. (1990), “Люди нашего города” (1995).

Евгений Павлович Нечаев родился в 1915 году в Башкирии, в многодетной семье. В 1919 году отец и четверо детей умерли от тифа. Осталась мать с тремя детьми. В юности Е.П. Нечаев прошел свои “университеты” жизни: был грузчиком, землекопом, плотником. Окончив педагогический техникум, работал учителем русского языка и литературы в татарской деревне. Получил военное образование, окончил Ленинградское артиллерийское училище, одно из лучших училищ в стране. Участник Великой Отечественной войны. Офицер довоенного выпуска, он прошел в составе артиллерийского полка боевой путь от Севастополя до Берлина. Командовал дальнебойной батареей, дивизионом гаубиц. Заслужил шесть боевых орденов и девять медалей. Среди боевых орденов – орден Александра Невского (редкий даже на фронте), которым награждались за личное мужество и умелое командование. В книгах Е.П. Нечаева отразилась судьба его поколения, нашел отражение и личный опыт писателя.

Самому писателю была особенно дорога его книга **“Батарейцы”**. Можно сказать, что она была выстрадана всей его жизнью. На вопрос корреспондента: “Какие события были самыми яркими и значительными в вашей творческой биографии?”, Е.П. Нечаев ответил:

“Самым радостным для меня был день выхода в свет **“Батарейцев”**. Эта книга была в работе 33 года”. Роман **“Батарейцы”** был опубликован в 1977 году.

“Когда вы начали свою литературную деятельность, и что послужило для этого поводом?»

«На фронт я попал в декабре 41-го года в Крыму, командовал батареей тяжелых гаубиц. Первым импульсом к написанию книги послужили страшные впечатления от первых людских потерь, которые я увидел вокруг. У меня была батарея из 120 человек, все – гвардейцы: красивые парни под два метра ростом. Все они погибли. Тогда я дал себе слово, что, если выживу, обязательно расскажу о них людям. О том, как эти солдаты, сержанты и офицеры выполнили свой воинский долг, где и как погибли. Впервые я начал сводить воедино свои военные записи в Берлине в мае 45-го. Потом начались мытарства с изданием книги».

Роман-хроника – так обозначил автор жанр своего произведения. Хроникальный характер повествования подчеркнут и названием частей романа, и их расположением: “Испытание огнем”, “Кавказ”, “Кубань”, “Снова Крым”, “По ходу войны” – так можно обозначить сюжет романа. Следует подчеркнуть: он строится на воспоминаниях автора о пережитом. Причастность автора к событиям 1941-1945 годов подчеркнута и посвящением: на странице, предваряющей текст, читаем:

“Товарищам по оружию, ветеранам Второго Ленинградского Краснознаменного артиллерийского училища с горячей признательностью посвящаю”.

Е.П. Нечаев до конца своих дней помнил своих учителей. Многие из них были офицерами старой русской армии, прошли две-три войны. И готовили они новых русских офицеров отменно – в этом немцы убедились на собственном горьком опыте.

“Товарищи по оружию ...” Многих из них Е.П. Нечаев вспомнил поименно: комбат Дубовик, бывший студент Харьковского университета Лирник, старшина Петр Бутырский, генерал Даренин, старший разведчик Ревякин, полковник Сафонов, пулеметчик Ильин, телефонист Хасанов, связист Щеглов, политрук Иван Матвеевич Городецкий, лейтенант Александр Белов, Федор Данилович Буц (дядя Федя), радист

Петрусенко и многие другие. Одни пройдут по всей книге, другие проявятся в одном эпизоде. Но каждый из них откроет нечто новое в многоликом образе “батарейцев”. Проследивая судьбы своих героев, автор знакомит читателей не только с их военной биографией, но и показывает: всей жизнью они были подготовлены к любым испытаниям, чтобы защитить Отечество.

В композиции романа «Батарейцы» большое место занимают батальные картины. Они нарисованы, как правило, обобщенно-жестко:

–«А сверху уже нарастал шепелявый, стонущий свист. Секунда-другая – и глухие разрывы реактивных мин вздыбили землю, разворотили, раздробили прибрежные камни. И так до темна – вдоль и поперек, справа налево, вперед и назад в лютой ненависти рвали, кромсали немецкие артиллеристы несчастный клочок земли, бывший рыбацкий поселок. На карте это совсем небольшой залив – бухта Опасная».

–«Над проливом надсадно гудят бомбардировщики. По ту сторону пролива у причалов рвутся фугаски. Горит Тамань. Справа и слева соседей нет».

–«К полудню по дороге от прибрежного поселка Еникане к бухте Опасная вытянулось прерывистое пыльное облако.

«Танки! – прокричал в ухо комбату наводчик Халилов.- Танки слева!» - такими словами начинается еще одна зарисовка. Каждая из них говорит о мастерстве Нечаева - баталиста.

«Батарейцы» - трагедийное повествование. Трагический мотив подчеркнут эпиграфом к первой части книги:

Над костями павших не расти бурьянам,
Не развеять прах их ветрам-ураганам...

Из песни тридцатых годов

Евгений Нечаев многократно воспроизводит ситуацию смертельного боя с его большими потерями. Со слова «убитые» начинается роман «Батарейцы»: «Убитых подбирали после заката солнца, переносили к землянке комбата, укладывали в ряд». «Нас откопали ночью разведчики шестой батареи. Четверо из моих управленцев были убиты...», - вспоминает Е.Нечаев. (Этот эпизод взят из его книги «Огнем и колесами»).

О напряженности борьбы за Крым свидетельствует такая запись комбата Дубовика, сделанная в командирском блокноте мелким убористым подчерком: «Осталось одно орудие, 12 снарядов. За спиной три километра суши. Прямая наводка... 17.05.42 Д.» Дубовик сидел на корме. «На просмоленном полу баржи лежали его батарейцы. Немногих в то утро видел рядом с собой комбат. Батареи нет. Позади оставался Крым. – Ак-Манайские позиции, Султановка, бухта Опасная. И могилы. Много их на опаленной крымской земле». «Могилы»... Это значимая деталь в «пейзаже» войны.

«Батарейцы» многоэпизодное произведение. Евгений Нечаев – мастер короткого эпизода. Многие из них сохранились в памяти автора «Батарейцев» со времен войны. Так, например, вспоминая о боях за Крым в 1942 году, Е. Нечаев пишет о беспорядочном отступлении наших частей. Эта картина дана крупным планом. Мы видим, как «по песчаной отмели, в дыму разрывов, в разные стороны бежали люди, метались в поисках малейшего укрытия». Вот так же, вместе со всеми, бежал по какому-то склону и командир батареи Нечаев. Немцы непрерывно бомбили, стреляли по бегущим из пулеметов. Головы было не поднять. Но Нечаев заметил про себя опрокинутый штабной автобус. Ночью, в темноте, разведчики батареи сумели подобраться к этому автобусу и спасли находившееся там знамя части и раненого офицера штаба. Он непослушными пальцами рвал секретные документы. Это был капитан Волошин. Этот эпизод автор включает в роман «Батарейцы».

Показывая бойцов, которые каждый день живут ожиданием боя, писатель замечает: «На войне ждать войну тяжело». Это ощущение не книжного характера: оно могло родиться только у человека, который сам не раз пережил это состояние. Ситуация смертельного боя требует предельного напряжения сил. Обычно в центре эпизода находится какое-либо лицо. Внимание на нем фокусируется в силу каких-то причин. Приведем в качестве примера такой эпизод: сибиряка Ревякина

вынесли из-под обстрела на плащ-палатке. «Он медленно обвел взглядом стоявших возле него людей, остановился на Лирнике и спросил неожиданно:

-Послушай, числитель, когда это ты успел поседеть?..

Видя, что все повернулись к нему, Лирник недоуменно снял пилотку, из - под которой обычно топорщились завитки смоляно-черных волос. Вся голова у этого парня была седая...»

О многом говорит эта портретная деталь.

Как рождаются сюжеты в книгах Евгения Нечаева?

Одна из газетных статей, посвященных Е.П. Нечаеву называлась так: «Быль, боль, память». Сам писатель подзаголовок книги «Огнем и колесами» обозначил: «Фронтовые были». Сопряжение трех ключевых слов позволяет найти ответ на вопрос, как рождаются сюжеты в книгах писателя- фронтовика. Ветерану всегда есть что вспомнить о войне. Вот один из рассказов писателя.

«Немцы встречали наши части шквальным огнем, стреляли и снайперы.

Нечаев шел с наступающими частями. Сопровождающий его связист был ранен, и Нечаев, услышав позади себя крик бойца, обернулся. Обернулся в тот самый миг, когда нажал на курок немецкий снайпер, целивший ему в голову. И пуля только ранила Нечаева в лицо, оставив на всю жизнь шрам на щеке».

Всем нам памятни кадры кинохроники: май 1945-го. Берлин. Город разрушен. На одной из улиц стоит гаубица, и наши бойцы с радостными лицами (Победа! Дошли!), сноровисто поднося снаряды, бьют прямой наводкой по домам, где засели отстреливающиеся немцы. Позже мы узнали, что в те дни в Берлине воевал и дивизион тяжелых гаубиц майора Евгения Павловича Нечаева. Свои впечатления о том времени он выразил в книге **«В стане поверженных»**.

После войны, закончив службу в армии в звании подполковника, Е.П. Нечаев приехал в Псков. Таким он увидел город в 1949 году:

«Опрокинутый навзничь и распластанный трехлетней оккупацией, истерзанный и сожженный, город с трудом поднимался, чтобы с каменистого берега, обрамленного древней стеной, склониться к реке и увидеть свое отражение, сосчитать и припомнить старые боевые шрамы на суровом лице».

После демобилизации Е.П.Нечаев свою литературную деятельность начал с работы журналистом в газете «Псковская правда». В этой газете в течение десяти лет публиковались его военные очерки и рассказы. Словом журналиста, пером писателя Е.П.Нечаев внес немалый вклад в послевоенное возрождение Пскова. Эта деятельность получила высокую оценку. В 1996 году постановлением местного самоуправления города Пскова по представлению Псковской писательской организации Евгению Павловичу Нечаеву присвоено звание «Почетный гражданин Пскова».

Постановление городской Думы от 11.07.1996 г. № 15

«О присвоении звания «Почетный гражданин Пскова».

1. За выдающиеся заслуги в развитии города, получившие широкое общественное признание в Пскове и за его пределами, присвоить звание «Почетный гражданин Пскова» Нечаеву Евгению Павловичу, псковскому писателю-фронтовику.

2. Вручить Нечаеву Е.П. диплом, памятную медаль, удостоверение «Почетный гражданин города Пскова», ленту Почета и единовременную денежную премию в сумме 10 минимальных размеров оплаты труда.

3. Вручение произвести в День города».

(На фотографии Евгений Павлович Нечаев снят в офицерском мундире со всеми регалиями: на груди 7 орденов, 15 медалей, лента Почета).

Литературная деятельность Е.П.Нечаева была плодотворной. Он сформировался не только как журналист, но и как писатель-прозаик. По существу все самое важное из созданного Е.П.Нечаевым было написано в Пскове.

«На земле опаленной» - так назвал писатель свой первый роман об освобожденном от оккупантов древнем городе.

Второй частью дилогии стал последний роман писателя – **«Люди нашего города»** (1995). Он получил высокую оценку читателей. Как отмечал критик Валентин Курбатов, писатель мастерски запечатлел 50-е годы, атмосферу бытия, послевоенный энтузиазм. «Казалось, слой культуры, истории бесследно канул в прошлое. И заслуга Е.П.Нечаева в том, что он увековечил те годы, людей той поры». За последний роман писатель был удостоен специальной премии Администрации Псковской области.

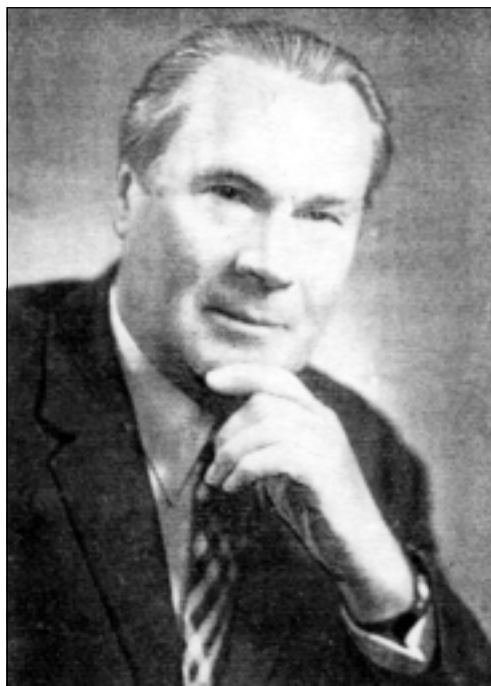
Персонажи последнего романа Е.П.Нечаева – глубоко чтимые в Пскове люди: учителя С.О.Давтян и Н.Н.Колиберский, редактор газеты М.А.Ракитин, поэтому впечатление от книги отличается особой эмоциональностью и теплотой. Писателя вдохновляли высшие идеалы его любимых героев. Вот что писал о романе «Люди нашего города» Саркис Оганезович Давтян, который является прототипом одного из героев – учителя Гургена Вартановича Ялояна:

«Новая книга Е.П.Нечаева - о большой любви к родной Отчизне и честному трудолюбивому человеку, о его светлом нравственном подвиге. Я внимательно и с большим интересом читал роман Евгения Павловича, ставший логическим продолжением его первой книги «На земле опаленной». Оба эти произведения объединены убеждением автора, которое я глубоко разделяю: что главное мерило красоты человека заключается в его духовной, моральной чистоте, честности, сознательной активной жизни. Евгений Павлович подарил мне не только счастливую возможность побывать в моем прошлом, вновь оказаться молодым, но и по-особому остро ощутить горечь утраты прежних гуманных принципов современными людьми. Почему столько людей стали равнодушными наблюдателями жизни, ушли в тень? Почему они утратили чувства долга, ответственности перед страной? Почему для них нет уже ни родины, ни прошлого, ни настоящего? Почему люди стали жить в злобе и ненависти друг к другу?.. Эти вопросы невольно родились после прочтения книги о прежних псковичах, бесконечно влюбленных в свой город.

Среди героев книги «Люди нашего города» мне особенно понравился образ коренного псковича, журналиста газеты «Псковская правда» Михаила Александровича Ракитина. Он участвовал в героической обороне Ленинграда... Михаил Александрович Ракитин никогда не оказывался в состоянии душевного хаоса даже в дни войны. Он убеждал себя действовать при любых обстоятельствах разумно и спокойно, считал гнев плохим помощником. Эти качества помогли Ракитину мудро решать и сложные проблемы в семье.

Меня радуют страницы книги, где Е.П.Нечаев правдиво рассказывает о самоотверженном труде псковичей на послевоенных стройках».

Трудно переоценить свидетельства С.О.Давтяна, который был непосредственным участником событий, описанных в романе Е.П.Нечаева – драгоценном свидетельстве прошлого, которое не должно забыться в настоящем.

Иван Васильевич Виноградов

Иван Васильевич Виноградов (1918 – 1995)

Иван Васильевич Виноградов - профессиональный журналист, прозаик и поэт. Участник Великой Отечественной войны на Псковской и Ленинградской земле, что определило содержание и патриотический пафос книг И.В. Виноградова: «На берегах Шелони» (Очерк о Ленинградском партизанском крае) М., 1963; «Дорога через фронт. Записки партизана» М., 1976. (Книга выдержала три издания); «Тревожные дни марта»: Ленинградский край в марте 1942 г. Л., 1984; «Легендарный обоз»: О продовольственной помощи Второй партизанской бригады осажденному Ленинграду весной 1942 г. Воронеж, 1987; «Герои и судьбы: Партизанское движение в Великой Отечественной войне» Л., 1998.

И.В. Виноградов – автор нескольких поэтических сборников: «Костры и версты»: Стихи и песни. М., 1969; «Не расстанусь с тобой»: Стихи. 1976; «Строки, пропахшие порохом». Л., 1981; «Душа у памяти в плену»: Стихи и проза. В 2-х тт. Псков, 1996.

Генеральный секретариат Международной организации журналистов в 1985 году наградил И.В. Виноградова Памятной медалью имени Юлиуса Фучика.

Особый интерес журналистской работе И.В. Виноградова придает ее строгая документальность: все тексты военных лет, приведенные в книгах писателя, были опубликованы в партизанских газетах и листовках. Почти все фотоснимки сделаны на оккупированной фашистами земле, рисунки взяты из листовок и газет военного времени. Все это - документы той эпохи.

Александр Федорович Майоров, бывший начальник политотдела 2-й Ленинградской партизанской бригады, писал в предисловии к книге И.В. Виноградова «Строки, пропахшие порохом»: «Автор этой книги И.В. Виноградов - опытный журналист, отдавший газетному делу более сорока пяти лет своей жизни. Редактировал районную газету, был редактором

«Псковской правды», в течение 25 лет был собственным корреспондентом «Правды»...

В первые же дни оккупации Ленинградской области гитлеровскими захватчиками И. Виноградов стал партизаном. Он начинал войну бойцом маленького отряда: участвовал в боях, разведках, диверсиях, месил ногами болотную грязь, голодал в лесу - словом, на себе испытал все то, что выпало тогда на долю каждого воевавшего во вражеском тылу.... Выпускал листовки, редактировал партизанские газеты.... Помимо всего прочего он писал стихи...

Я не поэт и не критик, судить о художественных достоинствах стихов не могу, но то, что они были взяты нами на вооружение, укрепляли в нас веру в победу, звали на бой, вдохновляли партизан на подвиги, - это я утверждаю без всякого преувеличения...

Осенью 1942 года каратели заняли почти всю территорию Партизанского края. В нашем распоряжении оставались только болота, поросшие чахлыми соснами и карельскими березками. Обстановка, казалось, была безвыходной. Мы были окружены, враг праздновал победу и считал нашу гибель неминуемой. А Виноградов каждый день писал и читал нам стихи: бодрые, оптимистические, проникнутые неколебимой верой в торжество правого дела. И эта вера передавалась каждому...»

Это свидетельство дорогого стоит.

Важным, на наш взгляд, является и такое суждение А.Ф. Майорова:

«Эти строки нельзя читать равнодушно. Тот, кто сам участвовал в грозной схватке с врагом, снова вспомнит суровое прошлое, тот же, кого в годы войны еще не было на свете, сможет еще раз увидеть, какой дорогой ценой добывалась наша победа, сколько она стоила усилий и жертв»

Многие годы лежали в личном архиве писателя И.В.Виноградова материалы, публиковавшиеся им в годы Великой Отечественной войны в партизанских газетах и листовках. Среди этих материалов были очерки, зарисовки,

стихи, а также множество редких снимков. Включенные в книгу и сопровождаемые авторским комментарием, они составили впечатляющую картину партизанской жизни и борьбы.

Тринадцать партизанских бригад громили вражеские тылы на подступах к Ленинграду.

Первый в стране Партизанский край...

Знаменитый партизанский обоз с продовольствием для голодавших ленинградцев.

В передовой статье газеты «Правда» за 16 марта 1942 года говорилось:

«Навсегда останется в памяти волнующая картина этих 200 подвод, которые по глухим дорогам, с величайшей опасностью для жизни возчиков, безвестных колхозников, везут продовольствие для братьев Ленинграда».

О том, как готовился обоз, как собранное тайком от немцев доставляли в деревню Нивки, где была организована партизанская база, И.В.Виноградов рассказал в своей книге «**Легендарный обоз**». А в «**Дороге через фронт**» журналист назвал всех, кто представлял Партизанский край.

В книге «**Строки, пропахшие порохом**» много фотографий 1942 года: под одной из них подпись: «И стыло горе по дорогам». На этом снимке мы видим измученных, обездоленных женщин с детьми, жителей деревни Броды, сожженной фашистами. Они покидают родные места и уходят в лес. А за спиной горящая изба. Много фотографий тех, кто воевал в партизанском отряде: пулеметчик, Герой Советского Союза Михаил Харченко, редактор газеты «Дновец» Иван Антонович Шматов, заместитель начальника партизанского отдела Северо-Западного фронта А.А.Тужиков. Партизаны спасли детей из детского дома в деревне Нежадово. Спасенных детей разобрали крестьяне, а после освобождения в поселке Ляды открыли интернат. Эти и другие факты, свидетельствующие о разносторонней деятельности псковских партизан, взяты из статьи И.В.Виноградова «Твердо верили: мы победим!» (Псковская правда, 1985, 2 мая).

«Газетный материал, - отмечает И.В.Виноградов рассказывает не о журналисте, а о людях, с которыми журналист встречается. О людях, с которыми свела меня война, пойдет речь в этой книге». Это замечание автора можно отнести ко всем книгам писателя-журналиста. Недаром он называет одну из своих последних книг так: **«Герои и судьбы»**. В центре ее герои «лесной республики». В очерке «И только белая папаха» перед нами предстает человек удивительной храбрости и воли, партизанский командир И.А.Рачков. Очерк «До последнего дыхания» посвящен другому командиру – Л.В.Цинченко. Неповторимой была судьба А.И.Шабанова, журналиста, поэта, смелого и находчивого подпольщика. Вместе со своей помощницей А.М.Павловой он проводил нелегкую и опасную работу на оккупированной фашистами территории (рассказ «Батя и Танька»). В очерке «Партизанский комиссар» рассказывается о политической работе, которую проводил среди партизан А.Ф.Майоров.

1995 году вышел в свет двухтомник произведений И.Виноградова. **«Душа у памяти в плену»** - так автор назвал собрание своих сочинений; в первом томе представлена его поэзия, во втором – проза. Эту книгу готовил к печати сам автор, находясь в больнице. Внезапная смерть любимого сына Александра в середине октября 1994 года ухудшила и без того тяжелое состояние Ивана Васильевича. Этому печальному событию больной поэт посвятил стихотворение, которое прочитал над гробом сына. В письме Н.П.Корнееву, главному редактору «Книги Памяти», которое было послано из госпиталя ветеранов войны 4 декабря 1994 года, он писал:

«Вы слышали, что некоторое время назад врачи приговорили меня к смерти. Но я не сдаюсь... Я делаю сборник. Он получается... Я делаю такой же том по объему, какими были его предшественники... Жанры тоже будут самые различные. Повторов по сравнению с вышедшими томами не будет.

Вы знаете, чего стоит для меня эта последняя в жизни работа. Вы всегда помогали мне. Не откажите в помощи и в последний раз...

Я благодарю Вас за внимание, за все хорошее.

С искренним уважением –

Иван Виноградов».

От издательства добавлено: «То, что представлено в этом посмертном издании писателя и журналиста, – его лебединая песня».

«**Совершенно откровенно**» - так писатель назвал первый том, в котором помещены стихи разных лет. Открывает первый том *последнее* стихотворение Ивана Васильевича Виноградова, под текстом которого обозначены время и место его написания: 8.02.95 г. г. Псков.

Областная больница.

«ДРУЗЬЯМ – ВЕТЕРАНАМ»

В стихотворении воссоздается духовный, нравственный портрет ветеранов войны, вместе с которыми И.Виноградов пережил военное лихолетье, с которыми поддерживал теплые товарищеские отношения. Обращаясь памятью к дням войны, поэт утверждает:

Но мы остались, как тогда, сильны,
Богаты духом.

Это и дало поэту право говорить от лица ветеранов:

Когда пришла военная гроза,
Позвало сердце в бой,
Мы бились по его велению,
И нам не стыдно посмотреть в глаза
Родившемуся после битвы поколению.
В день юбилея вспомним

всех друзей,

Что в мир иной ушли от нас
И не дождались срока.
Сегодня в долгожданный юбилей
Без них нам сиротливо,

горько, одиноко.

Но верьте все: они сейчас

среди нас,

Мы слышим голоса их,

видим лица,

Во все века, какой бы ни был час,
Мы будем мужеством и подвигом
своих друзей гордиться.

Стихотворение «Друзьям-ветеранам» - это и поздравление с днем Великой Победы, и доброе напутствие остающимся жить друзьям, и прощание с ними... Посвящая свое стихотворение ветеранам Великой Отечественной, говоря от их имени, Иван Васильевич Виноградов утверждает: им было чем гордиться, они достойно прожили свою жизнь.

Поэтический раздел книги **«У партизанского костра»** открывает стихотворение 1941 года:

Когда над Родиной военный гром
Прогрохотал со стороны заката,
Я не расстался в эти дни с пером
И подружился с грозным автоматом.

В этом четверостишии открыто прозвучали автобиографические мотивы, которые получают свое развитие в таких стихотворениях, как **«Мы-бойцы второй бригады»**, **«Когда мне было тяжело...»**, **«Выход из госпиталя»**. Лейтмотив всего поэтического творчества Ивана Виноградова выражается в строках из стихотворения **«На привале»**:

Я не могу забыть войну,
Она во сне ко мне приходит.
Душа – у памяти в плену,
А память - все еще в походе.

В первой книге двухтомника значительное место занимают стихотворения, датированные 1941-м и последующими военными годами. Среди них центральное место занимает стихотворение «Клятва», которое было написано в декабре 1941 года. Песня- клятва ленинградских партизан проявила главную идею военной публицистики поэта, который утверждал: «Твердо верим: мы победим!». В стихотворении «Клятва» эта мысль выражена в афористической форме, она усилена дважды повторенным припевом:

Родная мать! Мы все полны стремлений
Громить врага как ночью, так и днем.
Скорей умрем, чем станем на колени,
Но победим скорее, чем умрем.

Поэт уделял внимание и песенному жанру: кроме «Клятвы», можно назвать **«Песню ленинградских партизан»**, **«Ой, леса вы лужские»**, зазвучавшие так естественно «у партизанского костра».

Одним из лучших стихотворений Ивана Васильевича Виноградова является стихотворение **«На привале»**. Оно открывает второй раздел книги «Не могу забыть войну...» Это стихотворение-воспоминание. Ярким светом память озарила поэтическую картину: «русоволосый партизан» читает Пушкина:

Любви и мужества полна
Звучала лира в дни ненастья:
«Товарищ, верь, взойдет она,
Звезда пленительного счастья!»
Товарищ, верь... Товарищ, верь...
От этих слов теплей нам было.
Словно в распахнутую дверь,
В сердца к нам мужество входило.
.....

Шел бой. Враги несли урон.
Но на войне - не на охоте.
Нас обошли со всех сторон,
Зажали в клещи на болоте.
Был утомителен поход
.....
Где силы взять? Кто даст взаймы?
Без сна, без отдыха, без хлеба...
Враг ликовал, давно считал, что мы
Давно отправились на небо.

Но нет, не на таких напал!
Нас не сразила смерть лихая.
К своим нас вывела тропа –
И вновь костры запылали.

Ложились искры на росу.
И кто-то вспомнил вдруг: «Братишки!
А помните – стихи в лесу?..
Как жаль, лишились доброй книжки!»

Русоволосый паренек –
О нем на время мы забыли –
Бежать пустился со всех ног
Туда, где наши вещи были.

Поспешно расстегнул планшет, -
Он сам похож был на поэта:
«Кто вам сказал, что книги нет?»
И вынул томик из планшета.

.....
И полились стихи в тот вечер.
И в голосе звенел металл,
Глаза отвагою сияли.
И всем казалось: на привале
Сам Пушкин нам стихи читал!

Это стихотворение о волшебной силе искусства. На наших глазах оживает сцена в лесу, на привале, в ее основе лирический сюжет. В центре стихотворения «русоволосый паренек», он читал стихи перед боем.

Пушкинские стихи звучат как заклинание:

Товарищ, верь... Товарищ, верь...
От этих слов теплей нам было.
Словно в распахнутую дверь,
В сердца к нам мужество входило.

Автор романтизирует образ «русоволосого партизана»: «Он сам похож был на поэта», в его «голосе звенел металл», «глаза отвагою сияли». Примечательна концовка стихотворения «На привале»:

И всем казалось: на привале
Сам Пушкин нам стихи читал.

Выделим еще несколько стихотворений, включенных автором в раздел **«Не могу забыть войну»**: **«Портрет»**, **«Отголоски фронта»**, **«Живое сердце встречи ждет»**, **«Войну забыть нельзя»**. Некоторые стихотворения этого цикла автор посвящает тем, кто остался жить в его памяти: так, стихотворение **«Подвиг никогда не умирает»** посвящено «жителям бывшего Партизанского края», стихотворение **«Газеты партизан»** - К.П.Обжигалину, вместе с которым Иван Виноградов выпускал партизанские газеты. **«Живое сердце встречи ждет»** имеет посвящение: «Памяти И.А.Костарева», **«Партизанскому комбригу»** посвящено «командиру Второй Ленинградской партизанской бригады Н.А.Рачкову».

В цикле **«Не могу забыть войну...»** можно выделить стихотворения 1945 года, в которых воспроизведена ситуация конкретного исторического момента: **«Москва идет на Берлин»**, **«По Берлину – огонь!»**, **«День Победы»**. В этих стихотворениях преобладают укрупненные образы: «в кровь окрасились снега», «гром потряс седые горы», «весь фронт в огне», «как молнии, блещут орудий зарницы» и тому подобные образы. Поражает и энергия стиха. В последнем стихотворении цикла **«Войну забыть нельзя»**, напротив, преобладают элегические мотивы.

Новый раздел книги: **«Тот уголок земли...»** посвящен Псковскому краю. Стихотворения 1944 –1945 гг. **«Здравствуй, Псков»**, **«Я вижу будущее Пскова»**, **«Песня о моем городе»** звучат как признание в любви к родному городу. Одно из стихотворений этого цикла так и называется: **«Не разлюблю!»** Но радость не единственное чувство, которое испытывает поэт, вернувшийся после войны домой. Радость с печалью пополам - так точнее можно охарактеризовать эмоциональный план

стихотворения **«Здравствуй, Псков»** Его первая строфа воспроизводит картину разрушенного войной города. Подробности псковского пейзажа «о страшных днях вещают молчаливо».

Тебя, мой Псков, враги убить хотели.
 Любимый город! Как ты не похож,
 Как много ран на непокорном теле!
 Не стало прежней города красы, -
 Все взорвано, все в крайнем беспорядке...
 И над рекой Великой вздыблен мост,
 Как будто в ужасе застыл от взрыва,
 Печные трубы вытянулись в рост,
 О страшных днях вещают молчаливо.

Эта картина рождает восклицание:

О, Псков! Многострадальный Псков!

Прослеживая внутренний сюжет стихотворения, отметим: захваченный желанием «строить и творить», поэт рисует картину вставшего из руин, «обновленного» Пскова:

Заиграла красками
 Гладь озерных вод,
 Зорями обласканный,
 Город мой встает

Я иду по улице
 Утренней порой,
 Все тобой любят, любуются,
 Здравствуй, город мой!

Эти мотивы получают свое развитие в стихотворениях: **«Поклонись»**, **«Не расстанусь с тобой»**, в стихотворениях пушкинского цикла: **«Михайловское»**, **«Лето в Михайловском»**, **«Поляна»**, **«Товарищ Пушкин»**, **«На могиле поэта»**.

«И где же таланту родиться?» - с этого вопроса начинается стихотворение **«Колыбель композитора»**. Ответ на этот вопрос поэт дает в короткой справке, предваряющей лирический текст: **«На берегу Жижицкого озера в псковской деревне Карево**

родился великий русский композитор М.П.Мусоргский». По такому же принципу построена публикация стихотворения **«Озеро Песно»**. Вслед за заглавием «Озеро Песно» идет строка «На Псковщине, у озера Песно Н.А.Римский-Корсаков написал пять опер». Музыкальная тема зазвучала с первых строчек стихотворения:

Озеро Песно,
Озеро Песно...
Мыслям просторно,
А чувствам тесно.
.....
Все музыкально...
Это не Русь ли
Взяла, как бывало,
Звонкие гусли?

Как богата Псковская земля! В этой мысли читатель утверждает в процессе знакомства с такими стихотворениями И.В.Виноградова, как **«Озеро Чудское»**, **«Себеж»**, **«Ночь в Опочке»**, **«Поедем в Печоры»**, **«Алоль»**.

Среди стихотворений, составивших цикл **«Я жизнь люблю»**, значительностью своего содержания отличаются такие: **«Орденские планки»**, **«Раздумье»**.

В стихотворении «Орденские планки» И.В.Виноградов высветил главную внутреннюю тему минувшей войны - «Трагедия победителей». Коллизия «воины-ветераны» и «хулители Победы» получила откровенно публицистическое звучание. В основе стихотворения тема Памяти. Своими боевыми наградами каждый ветеран должен гордиться:

Ведь в каждой планке –
Жизнь и смерть,
Походы и атаки.

«Беспамятство катастрофично», - утверждает поэт. Оно приводит к отказу от всех моральных ценностей, к отказу от правды Истории. И.Виноградов называет носителей «новой правды» о войне «клеветниками», «злопыхателями»,

«хулиателями Победы», а их стремление к переоценке исторических событий – «злобным визгом», «баснями лживыми», «вздором».

«Взгляд сквозь годы» - так назвал И.В.Виноградов вторую часть своего двухтомника. Здесь представлены документально-художественные повести «Дорога через фронт», «Строки, пропахшие порохом», «Тревожные дни марта», «Легендарный обоз», «Герои и судьбы». Это партизанский эпос, основанный на ярких и достоверных фактах, реальных биографиях людей, которые стали героями книг И.В.Виноградова.

Игорь Николаевич Григорьев

Игорь Николаевич Григорьев (1923 – 1996)

Игорь Николаевич Григорьев – псковский поэт. Автор поэтических сборников: «Зори да версты». Стихотворения. М., 1962; «Листобой». Стихи и поэмы. М., 1962; «Забота». Поэма. Л., 1970; «Не разлюблю». Стихи. Поэмы. Л., 1972; «Красуха». Поэма. М., 1973; «Целую руки твои». Лирика. Л., 1975; «Стезя». Новые стихи. Л., 1982; «Жить будем». Стихотворения. М., 1984; «Уйти в зарю». Стихи и поэмы. Л., 1985; «Дорогая цена». Стихи. М., 1984; «Кого люблю: Посвященные стихотворения». СПб 1994; «Крутая дорога: Стихи о судьбе и Родине»- Псков, 1994; «Любимая - любимой остается». Избранные стихи. Псков, 1998; «Набат: Стихи о войне и Победе». СПб., 1995.

Впечатляюще - выразителен духовный и поэтический портрет Игоря Николаевича Григорьева, который оставила Елена Николаевна Морозкина, жена поэта, талантливый человек, искусствовед, занимавшийся изучением памятников псковской культуры, поэтесса и художница:

«А по земле прошел поэт,
Перекрестив, оставил землю.
Оставил Боль и долгий Свет,
И я стихам, как птицам, внемлю.

Игорь Григорьев- уникал, поэт Божьей милостью. Это прежде всего и на все времена.

Стихи его останутся жить с нами, а в них - его душа.

И вместе с тем Игорь - подпольщик (а было ему 18 лет), Игорь – партизан. А после войны Игорь – охотник, Игорь – каменщик. Игорь – фотограф (в том числе – участник археологической экспедиции в Забайкалье). Игорь – студент филфака Ленинградского университета, который он окончил. (А чтобы зарабатывать, позировал в Академии художеств – не даром он был красив). Игорь – создатель Псковской писательской организации и ее руководитель в течение многих лет.

Игорь Григорьев – яркая личность и яркий поэт. Глубинный талант, глубинно-чистая душа, предельно искренняя,

неспособная лгать. Предельно (или даже запредельно) самоотверженная. Даже незнакомому человеку он мог отдать последнее. Вспоминается такой случай. Женщина, лишившаяся рук, строила для себя дом, но ей не хватило денег на кровлю. Она попросила помощи через газету. Игорь Николаевич получил пенсию и послал ей деньги. Кровлю возвели, но ее сорвало вихрем. Он послал ей еще. В прошлом году эта женщина, выступая по радио, сказала, что Игорь помог ей «из своих сбережений». Никаких сбережений у него не было. Он отдал последнее.

Любовь к Родине была для него главным в жизни, а стихи – его сутью. Подпольщик, партизан, он был весь изранен, изрезан хирургами. Больницы. Больницы. Больницы.... До конца дней к нему приходили письма с обращением «товарищ командир!» Он был инвалидом Великой Отечественной войны» («Псковская правда». 1998. 28 октября.)

Игорь Николаевич Григорьев родился в 1923 году в глухой псковской деревне Ситовичи Порховского района. Размышляя о сложности жизни и о превратностях своей судьбы, он в одном из своих интервью («Псковская правда», 1992, 14 мая) сказал:

«Жизнь сложна. Отец мой четыре Георгиевских креста получил в царской армии, дослужился до штабс-капитана, был любимцем Брусилова, а в 18-м стал начальником Порховской ЧК...

Я по-немецки читать и писать научился раньше, чем по-русски. Учила меня немка, которая жила в нашем хуторе. Потом наши ее с небрежностью расстреляли за то, что людям помогала. И в подполье нашем, кстати сказать, один паренек тоже был немец. Так что я против того, чтобы из-за национальности ярлыки клеить».

Великую Отечественную войну И.Н.Григорьев провел на захваченной врагом Псковщине. Воевал в спецгруппе и в бригадной разведке Шестой партизанской бригады. Эта пора давала будущему поэту поводы для размышления о формах проявления патриотического чувства: «...Помню, когда я по заданию подполья стал работать переводчиком в немецкой комендатуре в Плюссе (мне было тогда 19 лет), моя помощница

Люба Смирнова как-то и говорит: «Жизни бы за Родину не пожалела...» Хмыкнул я тогда, дескать, красивые слова. А ее через несколько дней немцы взяли – не успела в картотеку положить карточки агентов немецкой школы диверсантов, задержалась у партизан. У нее сразу сделали обыск, арестовали. Каждый день ждал ареста и я. Стоило ей произнести мое имя, и все. Немцы ведь не дураки, понимали, что она, молоденькая, хромая девушка не может быть фигурой в этом деле. Ее держали месяц. Она ничего им не сказала, хотя знала очень много. Потом ее расстреляли вместе с теткой и двоюродной сестрой. Такие люди, я верю, всегда будут, пока будет Россия». Игорь Григорьев посвятил Любе Смирновой три стихотворения.

Тяжело была пережита им гибель 15-летнего брата-партизана. «Светлой памяти Льва Григорьева» поэт посвятил стихотворение «Забота» и стихотворение «Брат».

Псковский писатель Лев Маляков в своих воспоминаниях об Игоре Григорьеве «Уйдя, он остался с нами» («Псковская правда», 14 октября 1998 года) писал:

«Свела нас партизанская тропа в суровом 1943 году. Псковщина горела в пожарище войны, горела в буквальном смысле этого слова. Фашисты, отступая, сжигали все подряд – города, села, деревни, даже одиночные сенные сараи, чтобы лишить партизан пристанища. Меня с Игорем послали в Псков за секретными документами. С ним я тогда встретился впервые, и он тогда произвел неизгладимое впечатление, примерно таким оно осталось на все годы нашей дружбы.

Он был говорлив, энергичен, порывист и непредсказуем. Пока шли до Пскова, он прочитал мне массу стихов, в том числе и своих, написанных во время оккупации.

До сих пор во мне звучат его набатные стихи:

Обозы, обозы, обозы...

Такое, как в дни старины.

Искромсаны в щепки березы

Нещадной секирой войны...

Тогда меня поразили не только их смысл, потому что война была рядом, мы нагляделись на нее, сколько чувство, вызванное всеобщей бедой. Слова, как пули, пробивали меня насквозь, приводили в восторг, с ними легко шагалось. Игорь читал стихи с напором, в его исполнении каждое слово гудело колоколом».

Перу Игоря Григорьева принадлежат двадцать две книги, издававшиеся в Москве, Ленинграде, Пскове. И в каждой есть стихи о войне. В них боль, любовь, горе, ненависть - все то, чем жили псковичи долгие четыре года. Вот восприятие того времени поэтом:

Неволя, неволя, чужбина –
 Ни слова, ни зги, ни следа.
 Да русская ль это ложбина,
 Да жива ли в речке вода?

В отдельных случаях автор включает в поэтический контекст даты: одни выносит в заглавие (например, «22 июня 1941 года», «Май 1945 года»), другие дает в конце стихотворения, под его текстом. Так, указано, где и когда написано стихотворение «Набат»: 13 июля 1941, Тушиново (Псковщина), стихотворение «В который раз одно и то ж...» - 1942, Псковщина. Стихотворение «Поединок» написано в феврале 1943, в Плюссе. Дата - значимая деталь в поэтическом контексте: она позволяет соотнести содержание стихотворения с той обстановкой и тем временем, в которое оно создавалось.

«Лихое и страшное время, никогда не перестану думать о тебе!» - говорит поэт, встретивший войну восемнадцатилетним юношей. Война показана глазами человека, потрясенного ее ужасами. Навсегда остались в его памяти трагические картины:

И мне мерещится
 Доныне
 Ребенок, втоптаный в песок,
 Забитый трупами лесок,
 Как Бог распят старик на тыне.

Поэт помнит, как враги гнали навстречу пулеметам «две тысячи страстей, надежд, печалей – две тысячи живых людских сердец».

В сборнике «Красуха» рядом стоят стихотворения «Скорбящая псковитянка», «22 июня 1941 года», «Заклиняло радио...», «Набат», «Сгоревшее-несожженное», «Лихо», «Непокорство», «Песни из неволи», «На пепелище». Трудно сказать, какое из них сильнее по глубине постижения народного горя. Каждое из них – о трагическом. Трагедийность ситуации обнажена в названии стихотворений, в их образной системе.

«22 июня 1941 года»

Жребий брошен,
Переполнилась чаша –
Двенадцатый час бьет.
Растерянно,
Неистово,
Страшно,
Неслыханно

кричал льнозавод:

«Война!»

.....

Что в ненависти – любовь,
В отмщенье – спасенье,
Мы – все –
Не сегодня пойдем.
Но уже

безбожное воскресенье

Заполыхало нещадным огнем:

«Война!»

Своеобразна стилистика стихотворения, рисующего первый день войны. Каждая из десяти строф заканчивается словом «война». Выделенное в отдельную строку, оно звучит по-разному: «Война!», « - Война!», « - Война!», «Война-а!» Получив разное эмоциональное наполнение, оно передает настроение массовых сцен:

Растерянно,
Неистово,
Страшно,

Неслыханно

кричал льнозавод:

«Война!»

Гудит льнозавод.

Все гудит,

Гудит,

Гудит...

Слышатся призывы, возгласы. Прямая речь драматизирует стихотворную строфу. Трагизм ситуации передается по-разному. В одном случае – нагнетением глаголов:

Белым полднем

Рушился, рушился, рушился,

Рушился

белый свет...

Поражает внутренняя энергия стиха. Обрамление: «Белым полднем...» - «Белый свет» возвращает нас к метафоре: «Безбожное воскресенье заполыхало нещадным огнем». Эмоциональным контрастом является музыкальный мотив хорошо знакомой всем довоенной песни «Если завтра война...»

И над площадью, как избавление от смятения,

Рвался отчаянный,

Рвался уверенный

Уже вчерашний напев:

«Если завтра

война...»

Трагизм момента подчеркнут предощущением огромных потерь, которые потребует война.

Пели,

как перед войной,

Чтобы шагнуть на дорогу

Длиною

в четыре години

И в двадцать миллионов жизней

ценой:

Двадцать миллионов жизней –

Тысяча раз
По двадцать тысяч смертей, -
Война!

Сборник **«Красуха»** открывает стихотворение **«Скорбящая псковитянка»**. Перед глазами поэта памятник псковитянке (на внутренней обложке книги представлена фотография памятника), и с его описания начинается стихотворение.

Ты взошла на холм,
Скорбна и грозовита.
Ты устала,
Босы ноженьки болят.
Ты – из камня,
Ты из мертвого гранита,
Ты – немая.
Но душа твоя – набат.

От описания к обобщению – таково движение поэтического сюжета. По мере его развития заметно меняется и лексика стихотворения. Если в первой строфе отмечены бытовые детали в портрете «скорбящей псковитянки»: «Ты устала», «босы ноженьки болят», то в двух последних преобладает возвышенная лексика, определенная темой памяти: «бездонная тревога», «забвенье», «мир», «путь кремнистый», «путь тернистый в белый свет», «вечный сон», «печаль и воля», «жизни власть». Так поэт готовит читателя к восприятию патетической концовки стихотворения.

Здесь – Красуха,
Здесь Красуха умирала
И – воскреснув –
До бессмертья вознеслась.

Мы не можем не заметить сходство поэтических мотивов и трагических образов, которые являются главными в стихотворениях **«Скорбящая псковитянка»** и **«На пепелище»**. Последнее завершается такими строками:

Мать скорбящая
из ночи

Окаянной,
Не сжигай святыя очи
Над поляной.

В этой грусти беспечальной
Дышит вечность,
За тропой
первоначальной –
Бесконечность.

В основе всех стихотворений Игоря Григорьева о войне лежат его личные впечатления и воспоминания. Неслучайно с них начинается одно из сильнейших стихотворений поэта - **«Сгоревшее - несожженное».**

Я помню горестную ночь,
Третила адскую работу,
Вконец измотанную роту,
Невластную
Земле помочь.

.....
Я вижу,
Вижу, как сейчас,
В дымище бурую лавину,
Чужого рыжего детину,
Его налитый кровью глаз,

Метались люди,
Как в бреду.....

В стихотворение органично входит пейзаж войны:

Рыдало солнце в низком небе,
Плясал огонь в созревшем хлебе,
Рубили яблоню в саду.
Цвели поля – все прах и тлен,
Был тихий кров – торчат лишь трубы,
Любило сердце,

Пели губы –
Теперь кругом тоска и плен.

Использование метафорических образов, поэтических контрастов делает нарисованную здесь картину предельно выразительной, а заложенную в стихи авторскую мысль – убеждающе-призывной:

Чтоб смерч не отнял тишины,
Пусть видят люди,
Помнят,
Знают,
Да никогда не забывают
Они об ужасах войны.

Можно утверждать: о чем бы впоследствии Игорь Григорьев ни писал, война для него оставалась основой жизненного опыта, источником его раздумий и воспоминаний. Сквозь призму военных лет он воспринимал все последующие годы, определявшие судьбу России.

«Игорь Григорьев – поэт традиционный, – писал критик Аркадий Эльяшкевич еще в 60-е годы, – и свою традиционность он от читателей не скрывает. Она сквозит явственно в каждом образе его стихотворений, в каждой интонации, в каждой строчке. Но эта традиционность – не от ограниченности жизненного опыта поэта, не от книжности восприятия действительности. Он редко бывает банальным. Традиционность И.Григорьева – во взгляде на мир, в постоянном обращении к вечной теме русской поэзии – теме Родины. Россия для него – глухие псковские деревеньки, неширокая и невеликая собой река Великая, короткое северное лето, работающие псковские мужики. Это героическое ратное прошлое, которое живет в псковских летописях. В старинных хрониках и преданиях И.Григорьев черпал материал для своих поэм «Песня о колоколе» и «Слово нерушимо». Первая была написана, очевидно, под свежим впечатлением от знакомства с книгой Ольги Берггольц «Дневные звезды», опубликованной в журнале «Новый мир» в 1959 году. Она послужила отправным

толчком для создания оригинального сюжета поэмы о расправе стольной Москвы с псковской вольницей и о казни псковского колокола».

История казненного колокола и валдайской дуги неожиданно сплетаются И. Григорьевым в одну поэтическую легенду: по приказу великого князя Руси псковский колокол по дороге был разбит на мелкие части и развеян в дремучих валдайских лесах. Но местные жители собрали куски разбитого колокола, и в золотых руках кузнецов ожила и зазвенела на чародейном языке старинная бронза.

И вот с тех пор звенят валдайские волшебные колокольчики, и под этот звон

Припомнятся были,
И сказки,
Припевки веселой Псковы,
Мечей забубенные ласки
И плач неутешной вдовы,
Тягучие вопли набата –
Забывтого
Вольного брата!

Зальется,
По-русски бескраен,
Душе переполнена вся:
Заходит,
Как в хату хозяин,
И кровь горячит
Не спрося!
В нем – ласка,
Укор
И тревога,
Дорога,
Дорога,
Дорога!..

«Поэма о колоколе» невелика по объему. Она начинается описанием схватки псковичей с ливонскими рыцарями, описанием колоритным, стремительным, уже самим ритмом передающим тревогу и напряженность битвы:

У стен стон,
Звон
Со всех сторон,
Ключьями чад:
Котлы со смолой кипят –
Кромешный ад!
И над ночью –
Набат!
Набат!
Набат!

Вслед за этим описывается расправа над колоколом, прощание с ним народа, путь колокола через леса, болота, «старорусскую непролазь» в Москву и, наконец, его смерть и воскресенье в руках валдайских умельцев. Игорь Григорьев предстает здесь мастером эпического повествования. Герои поэмы – люди широкой и чистой души. В какой-то мере автор дает слепок своего мироощущения.

Жизненную конкретность поэзии Игоря Григорьева придает его привязанность к родному Псковскому краю, привязанность сердечная, неизбывная: «Нам с тобой одна непогода и веселье одно на роду», - признается поэт. В его стихах звучит сокровенная, очень личная мелодия любви к русской земле, к псковской деревне. О своей «малой родине» И.Григорьев никогда не забывал. Память сердца и явилась источником сердечности, исповедальности, красочной яркости, глубинного трепетного слова: «Земля», «В снегопад», «На озере», «Хорошо тишайшим днем...». В стихотворении «Возвращение» передаются чувства вернувшегося с войны солдата:

Поклонился деревне
Победитель Берлина,

Небо, крыши, деревья
Приветствуют сына.
Лай веселой дворняжки,
Робкий щебет касатки...
Крест, кровавый и тяжкий,
Сын пронес без оглядки.

«Дома, дома, ты, дома!...»
Бьет в груди у солдата,
Дорогая солома,
Потемневшая хата.

Тропка,
Тын у дороги.
Палисадничек в маках...
Подгибаются ноги,
Стальные в атаках.

Непритязательный сельский пейзаж становится здесь основой глубокого лирического переживания. Два стихотворения Игоря Григорьева - **«Ситовичи»** и **«Я в русской глухомани рос...»** могли бы составить поэтическую дилогию: они о родной деревне поэта. Первая начинается с лирического признания:

Мое родимое селенье,
Тебя уж нет,
Да все ты есть, -
Волненье, тяга, повеленье,
Моей души беда и честь.

Вон там, за сонным косогором,
Вдали от зла и суеты,
Окружено былинным бором,
Дышало ты,
Стояло ты.
Всего житья-бытья основа...

Стихотворение «Я в русской глухомани рос» завершается глубокой по мысли и своей философичности строфой:

Нас в люди выводила Русь
 Всей строгостью земли и неба;
 Пусть хлеб ее был черным, пусть,
 Но никогда он горьким не был.

По своей чисто человеческой натуре И. Григорьев принадлежал только деревне. Его городская жизнь воспринималась им как временное пристанище. Дома он себя чувствовал только в деревне. Он был растворен в деревенском быту, сельской природе. Вот почему он с такой болью писал о разорении русской деревни после войны. В стихотворении «Горькие яблоки» поэт рисует такую картину:

На доброй пашне, в широкополье,
 Олешник вымахал да лоза,
 В саду крушиновое раздолье
 Глумится в горестные глаза...
 Пылает полдень, а мне морозно,
 Как в суд с поличным привели.
 Не надо, сердце! Еще не поздно
 Просить прощения у земли.

Пахарю горько наблюдать такую картину. В стихотворении «Поздняя осень» рисуется такой пейзаж:

До чего же невеселая картина:
 Глухо чавкает расквашенная глина,
 Кажут ребра отошальные ракиты,
 И не поле – а всего большое сито...
 Вместо золота пожухлая рогожа,
 А пойдй найди роднее и дороже!

Восклицание, венчающее стихотворение, замечательно! Оказывается, безысходность не исключает патриотизма, любви сыновей к родному краю. Сильнее всего это чувство выразится в пейзажной лирике Игоря Григорьева. Это яркая страница в творчестве поэта. Она питалась его пристрастиями, увлечениями, о чем писала в своих воспоминаниях Елена

Морозкина: «Без родной природы Игорь Григорьев не мог. Он знал ее таинства, подобные чудесам. Он был страстный рыболов, это было для него слиянием с природой. Он всегда был готов помочь братьям нашим меньшим. Однажды, когда Игорь был в деревне, снег выпал в мае. Выросли сугробы. Мертвые птицы лежали кучами. Соловьи, ища спасенья, бросались к людям, забивались им в карманы, за шиворот...

Игорь отправился на рыбную ловлю, погрузив снасти на саночки. Вдруг видит: между сугробами – аист. Игорь решил его спасти. Тот отбивался, больно клевал ему руки. Но, в конце концов, Игорь поймал его, положил на саночки, привязал к ним и повез обратно в деревню. Тут появился другой аист – супруга или супруг первого. И мирно пошел за саночками. Их обоих поселили в курятнике, они обжились и стали наводить там порядок: коли петушки задерутся, аисты их легонько разведут клювами. Когда снег растаял, аистам положили колесо на дереве и они свили там гнездо». Приведенные здесь воспоминания жены поэта – штрихи к его портрету. В стихах Григорьева, отмечал один из литературоведов, «такая отдача во власть вдохновения, такое молитвенное благодарение земле и небесам за дарованную жизнь и возможность стать человеком, что диву даешься: в наше безродное время – такой русский поэт!»

В поэзии Игоря Григорьева дает о себе знать лирическая открытость души. Голос поэта звучит то сдержанно-сурово, то с печалью, то с гневом, с иронией, осуждением. Не принимая легковесного отношения людей к жизни, он пишет:

А я не верю, я не верю

Что все на свете – все равно.

«Покойны желтые озера».

Не шутит время, -

Устал, не жди, не пощадит:

Собьет, сомнет – ему не бремя –

Оно везде. Оно глядит!

«Листобой».

Словно в назидание нам, написаны эти стихи:

Когда мы жизнью наиграемся,
Натешимся,
Намаемся до дна,
Тогда мы жить засобираемся.
Как будто нам вторая жизнь дана.

«Когда мы жизнью наиграемся...».

Горечь, которая чувствуется в голосе поэта, оправдана: она связана с думой о судьбе Отечества: «Я свято верю в Родину... Если Россия погибнет, погибнет и мир. Так я думаю. Много раз она переживала трудные времена, но ведь жива».

Права Светлана Молева, которая в своей статье об Игоре Григорьеве «Жестокая дорога – поэзия» («Псковская правда», 1996, 24 февраля) писала:

«Сколько бы теперь ни написали о нем, нам и всем миром не собрать малой доли стремительного, яркого, разрываемого противоречиями образа. Скорее всего, не удастся даже последовательно выстроить биографию, разбросанную по всей стране».

Тема «Жизнь и творчество Игоря Николаевича Григорьева» не закрыта.

Лев Иванович Маляков

Лев Иванович Маляков (1927 – 2002)

Лев Иванович Маляков родился на Псковщине, в небольшой деревеньке Калашниково, что стояла на краю обширных гдовских болот. Тут прошло его детство. Тут начались партизанские тропы «нештатного» разведчика Льва Малякова. С фашистами он начал воевать рано, четырнадцатилетним подростком. В 1943 году Л.Маляков стал партизаном 4-го отряда 2-й партизанской бригады. О том, как это произошло, рассказывает Игорь Николаевич Григорьев, поэт, участник партизанского движения на Псковщине. В своем «Слове о друге» он писал:

«Нашей спецгруппе приказали проникнуть в гарнизон врага. Нужен был проводник. Мы запросили штаб Второй партизанской бригады.

- Ладно! – сказал начальник партизанской разведки. – Подсобим...

А через час у нашего костра осадил взмыленного коня коренастый парнишка:

- Товарищ командир, разведчик Маляков выполнять задание готов!

Мы удивленно переглянулись.

- Ничего, - усмехнулся замполит. - Вы у нас люди новые, Льва Ивановича не знаете, а я ручаюсь: не подведет, ему не впервой.

На пятые сутки Лев Маляков докладывал:

- Вот разведданные. А это – сумка с планами ихними. Пришлось не спрося прихватить.

Возвращаясь к своим, мы разговорились.

- Сам я псковский, есть такая деревня – Калашниково, у Чудского озера. 1927 года рождения. Семилетку окончил, а дальше война помешала. Сначала по крестьянству ходил, а когда отца расстреляли фрицы, в партизаны подался...»

В 1944 году Лев Маляков добровольцем ушел на флот. На торпедных катерах брал Кенигсберг, добивал Курляндскую группировку врага. Довелось ему и ледяной воды хлебнуть, когда разбитый катер пошел ко дну. Воспоминание об этом случае отразилось в таких стихах:

Я с морем бывал,
Будто с полем:
На ты.

Я принял соленой его доброты...

В 1950 году Лев Маляков демобилизовался. Поступил на отделение журналистики Ленинградского университета. После его окончания в 1955 году приехал в Псков.

Лев Иванович Маляков - прозаик и поэт. Он автор романов «Доверие», «Люди добрые», «Родник - не талая вода», «Затяжная весна», «Страдальцы». «Псковская правда» публиковала рассказы Малякова: «Боль через годы», «Диверсия», «Разведчик».

Лев Иванович Маляков автор семи поэтических сборников, в том числе таких, как «Страда», «Заколдованное счастье», «Милосердие весны», «Заряна-печальница», «Сберегите цветы полевые». Обычно поэт включал в свои книги лучшие стихотворения, написанные в разные годы.

«О поэзии Льва Малякова» - так назвал Д.С.Лихачев свое предисловие к стихотворному сборнику «Сберегите цветы полевые». В нем определены особенности таланта псковского поэта. Д.С.Лихачев пишет: «Коренные свойства поэтического таланта связаны, прежде всего, с тем краем, где началась «почва и судьба» автора. Для Льва Малякова такой край – Псковщина, ее не очень плодородная, но бесконечно добрая и красивая земля, освещенная гением Пушкина и Мусоргского, ее свободолюбивые люди, дела которых испокон веков были тесно связаны с исторической судьбой России».

«В стихах Льва Малякова – пишет Д.С.Лихачев, - трудовая, крестьянская нива и нива историческая, ратная неразделимы в своем существовании. Одна из причин тому – глубокое

понимание поэтом народной жизни, из недр которой рождались и рождаются труженики, точнее – герои-труженики, в чьих сиюминутных и не всегда приметных делах пульсирует и забота о неизбывности России. Другая причина – автобиографическая: уже в детстве Лев Маляков успел вдоволь поработать, прочувствовать кровную связь с отчей землей и познать всю радость и горечь, высокое и порой трагическое значение защитника Родины.

...Бегут года -
А я все на войне.
Я от того остался поколенья,
Которое горело на огне.

Касаясь прозаических произведений Льва Малякова, его романов «Доверие» и «Люди добрые», Д.С.Лихачев замечает: «... в прозе он умеет оставаться поэтом, то есть в мгновенном, эфемерном заметить и выделить драгоценные частицы вечного, важного всегда для всех... Лев Маляков... стремится взять под охрану художественного слова все, что не должно кануть в вечность, - будь то духовность крестьянской трудовой жизни, лучшие стороны традиционного сельского быта, память о ратных подвигах народа и даже полевые цветы».

Обращение к литературному опыту псковского поэта позволило Д.С.Лихачеву завершить свое слово «О поэзии Льва Малякова» на высокой, патетической ноте:

*«Как хорошо, что столько родных русских городов
расцветают сейчас своей поэзией, обретают свой поэтический
голос».*

Тематический диапазон поэзии Льва Ивановича Малякова достаточно широк: можно выделить цикл стихов о родной деревне и ее людях: «Иваны России», «Ивану Малякову, отцу моему», «Псковские мастера», «Километрах в ста от Пскова...», «В гостях у деда», «Из моей родословной», «Родина». В лирических пейзажах представлена природа родного края: «Покоят клены в мягких лапах...», «Скворцы на родину летят», «Тетеревиная поляна», «Отголосок ноября», «Листопад», «На

моей ромашковой стороне...», «Березовый край», «Какие высокие травы...».

В стихах об отчём крае, его природе, его людях звучит не только любовное отношение к тому, что видит взор поэта. Лев Маляков с тревогой пишет о потерях, прежде всего нравственных, которые несёт сейчас русская деревня («Тревоги малых деревень», «Потери»).

Самое сильное жизненное переживание Льва Ивановича Малякова было связано с Великой Отечественной войной. Как уже говорилось выше, он был её участником и поэтому не мог не отразить её в своих стихах. По-разному называются включённые в сборники Л.Малякова стихотворные циклы о войне: «Присяга», «Один за всех», «Впереди - высота». Пафос этих стихотворных циклов можно определить словами самого поэта: «Война живет во мне».

Навсегда останется в душе Льва Малякова памятный день: 22 июня 1941 года. Ему поэт посвятил свое стихотворение «Первый день войны». Оно начинается с лирического пейзажа:

Сияло солнце,
Зеленели травы,
Взялась кукушка
 свой урок зубрить.
Прохладой созвала ребят река
Со всей деревни
На песок прибрежный.
Земля плыла куда-то безмятежно...

Само движение стихотворной строки передает настроение раннего утра 22 июня 1941 года. Хочется рядом с этими строчками поставить начало стихотворения А.Твардовского «22 июня 1941 года»:

Стояло юное, в цвету,
Едва с весной расставшись, лето.

Стояла утренняя тишь,
Был смешан с медом воздух сочный...

И рог пастуший в этот час,
И первый ранний запах сена –
Все, все на памяти у нас,
Все до подробности бесценно...

У Льва Малякова свои подробности первого дня войны:

И доносился гул издалека.
В мальчишеской наивности святой
На самолеты

с желтыми крестами

Глазели мы
С разинутыми ртами.
И вдруг нас придавил
зловещий вой.

Песок рванулся,
Смертью перевит,
Перемешалось солнце,
травы,
дети...

И пятерых –
Как не было на свете.
А Мишка-несмысленыш – инвалид.

Тот первый день войны -
Мой черный день –
Живет во мне,
И нет ему забвенья,
Я не ищу от памяти спасенья-
Он навсегда со мною,
Словно тень.
Я вижу,
Как бегут на речку дети,
Как юнкеры,
взревев,
в пике идут...

Тот давний день
Я отдаю на суд,
На суд людской –
На высший суд на свете!

Оправданы здесь и лирический подтекст стихотворения, и его гражданский пафос: тот и другой были определены глубиной переживания поэта. В стихотворных сборниках Льва Малякова поэтический цикл о войне представлен такими названиями: **«Война живет во мне»** или **«Один за всех»**. Назовем стихотворения этого цикла, каждое из них достойно пристального внимания читателя: **«Война живет во мне»**, **«Память о друге»**, **«Один за всех»**, **«Через тридцать лет»**, **«Память»**, **«У костра»**, **«Артисты»**, **«День свадьбы»**, **«Тебя представить я могу...»**, **«Давным-давно я с ней знаком...»**, **«Первый день войны»**, **«Цветет молодая пшеница...»**, **«Детская игра»**, **«К детям»**, **«Осень»**, **«Верность»**, **«Грома ударят в барабаны туч...»**.

Для нас бесценны свидетельства о Великой Отечественной войне, которые принадлежат ветерану Великой Отечественной, Льву Ивановичу Малякову. Облеченные в поэтическую форму, они несут в себе не только фактическую информацию, но и, что особенно важно для нас, пробуждают в читателе чувства добрые, высокие. Это особенно важно для читателя-школьника, у которого формируются чувство Родины, представления об исторической судьбе России.

Семен Степанович Гейченко

Евгений Александрович Маймин

ДВА ВОИНА

**Семен Степанович
Гейченко
(1903 – 1993)**

**Евгений Александрович
Маймин
(1921 – 1997)**

Два воина – именно так можно назвать их – Семена Степановича Гейченко и Евгения Александровича Маймина, ибо самой сокровенной, самой решительной стороной их жизни явились участие в войне и тяжелые ранения, в результате которых оба солдата Великой Отечественной войны стали инвалидами.

Война как бы связала двух этих известных деятелей культуры в одно поколение – защитников Родины. Она отозвалась на их судьбах двояко: и окунув в кровь и муки, и заставив увидеть примеры высокого человеческого духа, благородства и самоотверженности. Война научила их любить жизнь, живая память о ней помогла сконцентрировать силы и определиться на главном жизненном пути: одному – сказать свое слово в музейном деле, другому – в литературоведении и педагогике.

Решительный выбор дороги – в пору юношества и молодости (оба окончили Ленинградский университет) – свидетельствовал о природном начале, о соответствии решения – личности, натуре, убеждениям.... (Имеются, впрочем, и иные примеры, когда выбор приходит со странным опозданием. Свидетельство этому, в частности, приход в литературоведение любимого Е.А. Майминым учителя, профессора Б.В. Томашевского, по образованию инженера, математика).

Профессиональная деятельность С.С. Гейченко и Е.А. Маймина была, как говорят, вызвана жизнью: и тот и другой чувствовали, что на главном их поприще чего-то недостает, «что-то не полно». Потому и посвятил свою жизнь Евгений

Александрович «приближению» науки о литературе к студентам – будущим учителям, а через них – к ученикам школ; а Семен Степанович – «наложению недостающих черт» на мемориальную землю Пушкинского заповедника.

Биографии их внешне очень просты, особенно послевоенные, когда, поселившись на Псковской земле, солдаты Великой Отечественной уже не покидали ее до конца жизни.

С.С. Гейченко, член Союза писателей СССР, родился в Старом Петергофе. По окончании литературно-художественного отделения университета работал хранителем Петергофских дворцов-музеев и парков, научным сотрудником Русского музея, музея Пушкинского дома Академии наук СССР. Воевал на фронтах войны 1941 - 1945 гг., был тяжело ранен. С 1945 года - директор музея - заповедника А.С. Пушкина на Псковщине.

С.С. Гейченко были присвоены звания заслуженного работника культуры РСФСР и Героя Социалистического Труда; он был награжден высшими наградами страны – орденами Ленина, Октябрьской революции, Великой Отечественной войны, Дружбы народов.

Е.А. Маймин, член Союза писателей СССР, доктор филологических наук, профессор, родился в Воронеже. С 1924 года жил в Ленинграде. В 1939 году окончил среднюю школу и поступил в университет, но вскоре был призван в армию, прошел финскую и Отечественную войны морским пехотинцем, разведчиком, командиром орудия. Незадолго до окончания войны был тяжело ранен.

В 1950 году окончил филологический факультет университета, работал преподавателем русского языка и литературы в Ломоносовском мореходном училище ВМС. С 1957 года до конца жизни преподавал на кафедре литературы в Псковском педагогическом институте.

Е.А. Маймину было присвоено звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации, он был награжден орденом Отечественной войны I степени и многими медалями.

И С.С. Гейченко, и Е.А. Маймин написали много работ, издали немало книг, большинство которых были, естественно, посвящены основному делу этих известных деятелей русской культуры.

Широко известны издания Семена Степановича Гейченко **«Большой дворец в Петергофе»**, **«Последние Романовы в Петергофе»**, **«А.С. Пушкин в Михайловском»**, **«Приют, сиянием муз одетый»**, **«Пушкиногорье»**, **«В стране, где Сороть голубая»** и др. Все они посвящены, в основном, музейному делу. Но Гейченко был и великолепным беллетристом, о чем свидетельствует много раз переизданная книга его новелл **«У Лукоморья»**.

Чем же интересна эта книга, что отличает художественные сочинения Гейченко от других работ подобного рода. Само название сборника уже говорит о том, что сюжеты его так или иначе будут связаны с Пушкинской заповедной землей, с ее историей и именем поэта.

Знаменателен подзаголовок книги – **«Рассказывает хранитель Пушкинского заповедника»**. Хранитель – человек, сберегающий нечто важное, дорогое. Автор словно постоянно обходит духовные владения Поэта; но обходит не посторонне, а как хозяин, совладелец и места, и той духовной энергии, что разлита вокруг Михайловского и Тригорского, по берегам запечатленных Поэтом в его литературном наследии озера Кучане и легкоструйной речки Сороти, среди лесов и холмов. Близкое, хозяйское «присутствие» автора ощущается во многих очерках книги, выросшей к последнему изданию чуть ли не до пятисот страниц. Это укрупнение издания само по себе говорит о неисчерпаемости темы **«А.С. Пушкин»**.

В рассказах С.С. Гейченко повествуется о многих сторонах жизни поэта в Михайловском, о его родных и друзьях, о дворовых людях имения, о народной памяти о Пушкине, о военном лихолетье, пережитом заповедником, о его природе – лесах, парках, растительном и животном мире.

Манера повествования у Гейченко своеобразна и вместе с тем естественна: перевоплощение автора из стороннего наблюдателя в действующее лицо порой просто не замечается, и читатель, безусловно, верит писателю, вдруг заговорившему языком Пушкина, когда тот выговаривает брату Льву в Михайловском: «Я прошу тебя запомнить раз и навсегда. Преображение мое свершилось, и я воскрес душой. Между мною и всеми вами теперь легла великая пропасть...» («Жизненко»). Читатель верит и «проникновению» автора новелл в мысли поэта: «Он долго привыкал к Михайловскому дому. Беседовал сам с собой: а зачем ему, в сущности, все эти хоромы?.. Еще в лицее он понял великое таинство уединения, «жития в пещере». Все другие годы, где бы он ни был, он провел в «скромной келье», в одной комнате, - в Петербурге ли, Кишиневе, Одессе, гостинице или трактире.» («Пушкин устраивает свой кабинет»).

Много в книге С.Гейченко героев – простых людей Михайловского и его окрестностей - и Пушкинской поры, и нашего времени. Сюжеты рассказов хранителя Пушкиногорья порой неожиданны, любопытны для всякого, кто прикоснулся душой к гению Пушкина. В деревушке близ Вороница «несколько веков... жили одни Егоровы. Все они были в родстве друг с другом... Живут Егоровы и сейчас, но теперь у всех у них фамилии разные, притом все пушкинские... В юбилейном 1937 году выдавали жителям деревни паспорта. Паспортисты... стали в тупик – одни Егоровы!.. Паспортисты посоветовались с колхозниками и предложили им взять каждому новую фамилию. Какую кто хочет. Все стали просить дать фамилию Пушкин. Кое-кому посчастливилось. Но всем Пушкина не дали. Тогда Егоровы стали брать себе фамилии друзей, лицейских братьев, товарищей Пушкина, имена которых в тот год были у всех на сердце и на уме. Так появились Пуцины, Назимовы, Рылеевы» («У Лукоморья»). Одна из старух взяла «хоть и не совсем пушкинскую, но весьма выразительную и благозвучную – Дуэльская».

Хранитель заповедника помогает читателю познать пушкинские места не только снаружи, как музейную реликвию, но и проникнуться духом к этой, священной для каждого русского человека земли. Бытовые сцены прошлого, воссозданного подкрепленным фактами воображением писателя, чередуются с историческими картинами тяжелых лет войны, стихийных бедствий и восстановления мемориала.

Много места в книге уделено природе Михайловского и его окрестностей. В очерке «Цветы Михайловского» читаем о растительном море полей и о Поэте, который «всегда любил цветы. В Михайловском полюбил их особенно». Всем сердцем он «стремился к жизни полевой, в деревню, к бедным поселянам, к своим цветам».

«Цветочное царство Михайловского, - пишет С.С. Гейченко, - поистине сказочно. Чего-чего тут только нет! Есть цветы, которые пришли сюда неведомыми путями еще сотни тысяч лет назад – из сибирской тайги, с альпийских лугов; есть цветы с востока, с южнорусских степей... Местное народное поверье угадывало в цветах разные символы... Считалось, например, что изображение цветов шиповника и гвоздики означает пылкую любовь, желтой розы – любовь без измены навеки, лилии – чистоту верного сердца, подснежника – утешение в печали, фиалки - скромность, тюльпана - объяснение в любви... В Пушкинское время барометр был редкостью. Ему была исстари замена – цветок под названием ванька мокрый – сорт бальзамина. Ежели ожидается хорошая погода – ведро, сочный стебель ваньки сух, а ежели непогода - с ваньки каплет вода... Как память о своем отце, дети А.С.Пушкина, приехавшие в Михайловское в 1841 году, составили и увезли с собой гербарий здешних цветов и трав».

Прекрасен очерк хранителя Пушкинского заповедника «Птицы Михайловского», в котором мы как бы слышим голоса всего пернатого царства этих мест и - словно вторящий им голос великого поэта. Многие поколения птиц живут в наследственном месте, в том числе и перелетные, улетающие

на зиму в теплые края, и - как говорит С.С.Гейченко – «Живя в Михайловском анахоретом, Пушкин не мог не видеть и не слышать того, что видим и слышим мы, обретающиеся здесь сегодня. А мы видим и слышим, как живут, поют, наблюдают за нами горлица, дрозд, скворец, зорянка, ласточка, славка...»

В гармонии соперник мой

Был шум лесов, иль вихорь буйный,

Иль иволги напев живой...-

писал Пушкин под впечатлением о пребывании в своей родной вотчине.

Внимательный наблюдатель, хорошо изучивший своих, соседей по Михайловскому, С.С.Гейченко говорит нам: «Птичий хор – одно из величайших наслаждений, какие доставляет природа человеку весной и летом. Скворец, зорянка, дрозд, горихвостка - запевалы этого хора. За ними начинают заливаться зяблики, славки, синицы, мухоловки, пеночки-теньковки. К восходу солнца весь птичий хор в сборе. Особенно умилительна пеночка. Она обычно поет, неустанно порхая и прыгая с сука на сук, с дерева на дерево. Она первая прилетает сюда с юга, первая пробуждает дремлющий лес. Она мастер тонкой трели и очень высоких нот. А есть птичка, которая выпевает свои громкие переливчатые трели в Михайловском и зимой, когда сидит в снегу, почти зарываясь в нем, или на заснеженной ветви ели. Это птичка-малютка, у нее хвостик, как вымпел, всегда поднят к небу. Эта чудо-птичка - крапивник.

Есть птицы, которые поют в Михайловском и по ночам. Кроме соловья, это камышовка, козодой, сова...»

Евгений Александрович Маймин – автор многих широко известных литературоведческих и искусствоведческих книг. Примечательно, что книги его в течение тридцати лет выходили, в основном, в двух издательствах – «Просвещение» и «Наука», что определенно подчеркивает характер его творчества, ориентированного на научное просвещение.

Конечно же, главной, самой значительной стороной всей жизни и деятельности Е.А.Маймина является его

преподавательская работа, однако при все при том он писатель, не только исследователь литературы, но и художник.

Аналитические книги его о литературном процессе, о жизни и творчестве отдельных классиков русской литературы - это **«Опыты литературного анализа»**, **«Русская философская поэзия»**, **«Искусство мыслит образами»**, **«Лев Толстой. Путь писателя»**, **«Пушкин. Жизнь и творчество»**, **«Афанасий Афанасьевич Фет»**... И если в этих работах представлен как бы общий принцип анализа литературных произведений или общий взгляд на жизнь, личность и творчество каждого из названных выше писателей, в повести, рассказах и очерках, опубликованных в книге **«Я их помню»**, Е.А.Маймин предстает перед читателем в иной роли.

Формально, повесть и рассказы вроде бы документальны, это своего рода воспоминания, воскрешение в памяти событий, встреч с людьми, с которыми сводили автора дороги войны или недавнего времени. Даже в эпиграфе к повести: **«Моим товарищам по Великой Отечественной войне...»**

Рассказы Е.А.Маймина отличаются особой доверительностью, близостью рассказчика к читателю и мягкостью обрисовки характеров, положений, обстановки. Герои его – в основном, люди военные, невысокого звания, чернорабочие войны – большей частью положительные, совестливые, чистые. Они, если и неопытны, то не трусливы и добры, крепки в товариществе и долге.

У писателя особая симпатия к своим героям, - очевидно, потому, что они не выдуманы, а встречены в жизни; с ними сам автор перенес тревоги и зло войны, разведки и атаки, ранения и потери. Вместе со своими героями он познал цену дружбы и сострадания, терпения и мужества. И он не обращает особого внимания на подробности, детали – описывает ли фронтовой уклад разведчиков и артиллеристов, рисует ли драматическую картину отражения танковой атаки немцев горсткою людей в повести **«За рекою - белые домики»**. В центре внимания его – нравственный мир человека, его отношение к службе и долгу, к судьбе своей, к такому же, как он, солдату на войне.

«Горбунов и Пронин склонились над мертвым Васей. Феша не склонилась – точно замерла на месте. Она стоит будто каменная, без кровинки в лице, какая-то сразу вытянувшаяся. Вдруг она начинает шептать. Ее шепот едва слышен:

- Вася! Боже ж ты мой! Бедный Вася!

- ... Плачешь, доктор? Обязательно поплачь. Он любил тебя. Первый раз в своей молодой жизни».

Этому моменту предшествовала вылазка солдат с гранатами в руках навстречу немецким танкам. Автору важно не описание смертельного боя, а самосознание человека в такой ситуации, его живое чувство.

Е.А. Маймину как беллетристу, может быть, свойственна некоторая однотонность повествования, графичность изображения. В его стиливой манере – лапидарность, сгущение информации. Это наблюдается и в авторской речи, и в речи героев... «Лезет на нижние нары сестра. В глубину нар. Долго ее не видно ... Трогается поезд. Громко, на весь вагон, скрежещет зубами усач. Снова стоны, разговоры, ругань». («В санитарном поезде». Авторская речь.) «Приняли боевую изготовку. А тут «мессеры» налетели... Вот мы и держались. До самой ночи. А ночью все совсем стихло». («В санитарном поезде». Прямая речь.).

Однако «эмоциональная» сторона и описательных моментов, и диалогов в рассказах и очерках в первую очередь определяет творческую манеру писателя. Характерна в этом отношении «Сорокапятка» - вещь, более похожая по жанру на очерк, нежели на рассказ. « У меня своя жизнь, свои заботы и неприятности, свои болезни. И все-таки я человек благополучный... А он человек явно неблагополучный...» - так начинается рассказ о двух бывших солдатах-артиллеристах, нашедших главную общую линию сближения в своей военной судьбе. Оба «сорокапятчика», они знали и знают, чем было это их маленькое орудие в далекой войне. Вот фрагмент их разговора при знакомстве.

« - ... Большим начальником был?

-... Командиром сорокапятки был, в противотанковой артиллерии.

- Что? - как-то восторженно спросил он, весь сразу переменявшись. – Что ты сказал?

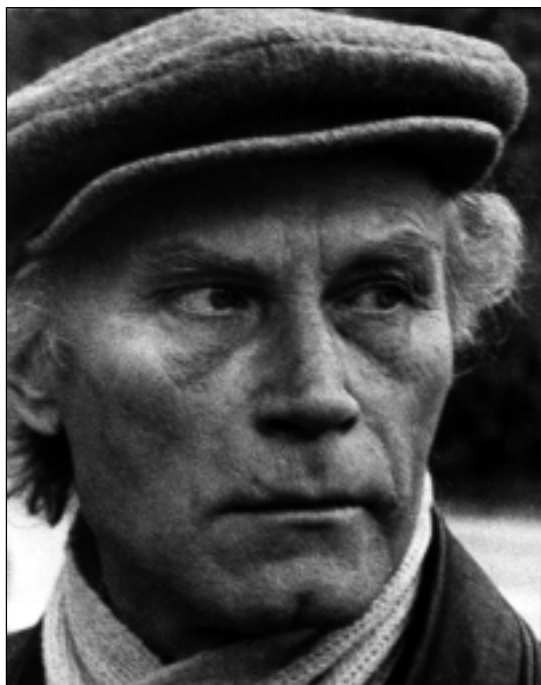
Сразу переменялось его лицо. Из сурового оно стало мягким, совсем размягченным. Оно точно потекло, повисло. Помягчели и повисли глаза его, щеки, губы.

- ... Что же ты сразу не сказал? Друг ты мой дорогой! Да ты же ... Да ведь это же смерть! Р-россия! Да ведь сорокапятка – верная смерть!

Он заплакал. Плача, он все время повторял:

- Сорокапятка – это смерть. Знаю, хорошо знаю. Смерть и гибель...»

В рассказах и повести Е.А. Маймина нет обобщенных картин боев, сражений; внимание писателя сосредоточено на отдельных примерах фронтовой (да и мирной, к примеру, в рассказе «Возвращение») жизни, на вроде бы мелких фактах. Но именно из них, как из мазков, творится живописное полотно, составляется общая панорама судьбы человека и общества. Можно сказать, что Е.А. Маймин – по существу лирический, а не эпический писатель, в его единственной книге беллетристики главное содержание – душевные переживания героев.

Александр Иванович Гусев

Александр Иванович Гусев (1939-2002)

Александр Иванович Гусев – псковский поэт, родился в деревне Шемякино Порховского района.

Я оттуда, где речка Пскова
Ткет туманов шелка над водою,
И луна – золотою скобою,
И в скобарских глазах – синева;

Где березы под звон тишины,
Подобрав осторожно подолы,
Словно в синие, вольные волны,
Входят робко в глубокие льны;

Где земля и доныне хранит
Голоса позабытых преданий
И на месте отчаянных браней
Чей-то меч, и кольчугу, и щит.

.....

Этим краем горжусь:
- Я оттуда!
И люблю это древнее чудо –
Величавую скромную Русь.

Так, представляя себя читателю, начинал свою первую книгу стихов *«Пожелай мне удачи»* (1971) молодой поэт Александр Гусев.

А.И.Гусев получил техническое образование, работал инженером на заводе радиодеталей в Пскове, пока не нашел свою стезю – литературное творчество. Для него много значило поступление в прославленный Литературный институт им. А.М.Горького. Окончив его, стал членом Союза писателей.

В том, что автор обладает замечательным лирическим дарованием, убеждал каждый новый его сборник: «**Земле кланяюсь**» (1974), «**При свете памяти**» (1984), «**Измерения**» (1990) «**Если приду**» (1996), «**Колесо бытия**» (1999). Циклы стихов «*Небесный свет*», «*До последнего дня*» включены в стихотворные сборники «**У родника**» (1997), «**Звучание свирели**» (1998).

В одном из своих интервью («Псковская правда», 21 декабря 1996 г.) А.И.Гусев, уже зрелый мастер, так ответил на вопросы журналиста:

-Первые опыты в поэзии?

-Помню, как мальчишкой выступал перед проходящими через нашу деревню нашими военными частями. Сцена, солдаты в зале, а я читаю – громко – «Песнь о вещем Олеге».

Еще воспоминание: *«Мы возвращаемся из леса, где скрывались от фашистов, в сожженную деревню. Где дом был – пепел, обуглившиеся руины, почему-то сверху лежит мой ранец. В нем несколько книг: стихотворения Пушкина, повести Гоголя, но мне казалось жутко несправедливым, что они написаны прозой». Эти слова убеждают: приверженность поэзии у Александра Гусева была определена с детства.*

Первые свои стихи он послал в газету, когда был солдатом срочной службы. К факту газетной публикации, вспоминает автор, отнесся равнодушно: опубликованные стихи назвал «упраздненными стихами»; они были не о главном. О главном стихи публиковать было нельзя: Байконур, Капустин Яр, смертельная доля радиации... И позже А.И.Гусеву не сразу удалось пробиться к читателю: не публиковали.

Несмотря на все превратности судьбы, выстоял поэт Александр Гусев, сохранив свое достоинство, остался верен своему призванию. В стихотворении «Благодарность» он писал:

Я жизни благодарен за добро:

Не обошла,

Ничем не обделила –

Держать и серп, и молот

Научила,

И это немудреное перо.

Согревало знакомство с Анастасией Ивановной Цветаевой и Ариадной Эфрон, дочерью Цветаевой. Родился цикл стихов о Марине Цветаевой. Он пишет стихотворение, посвященное Анне Ахматовой. Поэзия стала профессией Александра Гусева, его судьбой.

Александр Иванович Гусев не участвовал и не мог участвовать в Великой Отечественной войне: был слишком мал в 1941-1945 гг. Но война оставила свой горький след в его душе и памяти, нашла отражение во многих стихотворениях: **«Поле памяти»**, **«Бабий яр»**, **«Мой старший брат, твой старший сын...»**, **«Ждите нас»**, **«Страна моих воспоминаний»**, **«У памяти – вечной тревоги...»**, **«Отец»**, **«Кувекушка»**, **«Мемориальные слова»**. Перекликающиеся в них образы и мотивы позволяют рассматривать эти стихотворения как единое целое.

Из военного детства -
 Не пойму я:
 Начинается действие,
 Вырывается чибиса стон...
 Крику этому вторя,
 В черном пламени горьких дорог,
 Обезумев от горя,
 Кто-то кличет и кличет
 -Сынок!..

(«Кувекушка»).

Все прошло, все пролетело, все забылось.
 Только где-то, на бездонной глубине,
 Затаилось и во мне остановилось,
 И живет, и не дает покоя мне:
Рядом – до сих пор –
 В том далеком задыхающемся поле
 Бьют снаряды, неминуемо в упор!
 Я кричал, я изо всех силенок
 Заклинал и умолял...

(«Поле памяти»)

В сборнике «Земле кланяюсь» рядом два стихотворения: «Мой старший брат...» и «Ждите нас». Это своего рода поэтическая диалогия. Первое стихотворение имеет посвящение: «Матери моей, Акулине Федоровне», второе посвящено «Светлой памяти брата Николая», погибшего на войне.

«Ждите нас!», - так павшие обращаются к живым. Это обращение, не раз повторенное в стихотворении, определяет его эмоциональный план. Благодаря повтору напряжение чувств к концу стихотворения не спадает, а, напротив, усиливается.

Ждите нас на рассвете,
Мы вернуться должны.
Ждите нас...
Ждите нас...

В книги Александра Гусева включаются стихотворения «Страна моих воспоминаний» и «Мемориальные слова». Близкие по своему пафосу, они обращены к нам, к потомкам, пережившим войну: «Помните!»

У стихотворения «Мемориальные слова» есть своя жизненная основа. Приведем начало этого стихотворения:

Их даже годы не сумели
С последней памятной войны
Стереть, забыть:
«При артобстреле
Держитесь этой стороны».
Держитесь!
Верьте!
Как мы верили,
Что будет мир и будет свет,
И будет краткое:
«Проверено.
Мин нет».

Автор этих стихов, часто бывая в Ленинграде, наверняка видел эту надпись на одном из домов в начале Невского проспекта. Она сохранилась со времен войны. «Мемориальные слова» - это знаковый образ, имеющий обобщающую силу, рождающий великие чувства:

О эти надписи настенные,
 Великой жизни письмена!
 Необходимые, нетленные,
 В них даты,
 Клятвы,
 Имена.

.....

Они – душа и дух народа,
 Мемориальные слова!

Интенсивностью переживаний отмечено стихотворение **«Отец»**. Оно о драматической судьбе ветерана, получившего на войне тяжелое увечье, пережившего контузию.

Он в беспросветный мороз – на свет
 Смотрел, сам, казалось, не свой, -
 Дышал на пальцы, которых нет,
 Дослушивал прерванный бой.

Война давно кончилась, а отец продолжал пребывать в ней, не мог забыть того, что там происходило – таков внутренний сюжет этого стихотворения.

Самой яркой страницей поэзии Александра Гусева является лирика природы. Она наиболее совершенна у поэта. Основную тональность лирических пейзажей передают такие слова:

В лесу зима – не внове вроде,
 Но только сердце все полней
 И благодарностью к природе,
 И преклонением перед ней.

Чувством благодарности и преклонения проникнуты многие стихотворения поэта – художника: **«О чем вы шепчетесь, березы...»**, **«Пылит вразвалочку попутка»**, **«Цветут поля размашисто по-русски...»**, **«Есть все – и молний четкие мазки...»**, **«Осень»**, **«Осени меня, осень!..»**, **«В забытом поле, в дальнем далеке...»**, **«В лесу зима»**, **«Что печален ты, мой листопад?..»**.

Уже эти стихотворения, так щедро представленные в первом поэтическом сборнике Александра Гусева **«Пожелай мне удачи»**, убедили, что в литературу пришел яркий художник – пейзажист.

Своим художническим пристрастиям поэт останется верен: появятся новые книги, основу которых составит пейзажная лирика. К ее лучшим образцам можно отнести стихотворения «Земля», «На миг отбрось головоломки...», «Прощание с летом», «Уже октябрь», «Ливень», «И было столько света и печали...».

Лирика природы представлена во всех его поэтических сборниках. Они составляют основу книги «Земле кланяюсь», которая открывается стихотворением «Опять к родимым берегам...» Его заключительная строфа звучит как эпитафия ко всей книге:

Будь нерушимой и высокой,
К священной родине любовь!
Земля – работница – ключевой образ книги:
Под вечер неистовым небом
Работает вечно земля.
И трудно ведет,
И неспешно
Большое хозяйство свое.

(«Земля»)

- Июнь работающ и проворен...

(«Страна тишины и покоя...»)

Александр Гусев – живописец. Он умеет рисовать природу приглушенными красками. Этим отличаются стихотворения, выполненные в элегической тональности. «Родина. Тихий уют», «О чем вы шепчетесь, березы...», «А мимо нивы, нивы, нивы...», «В минуты рождения зерен...», «Затихли под вечер поля...». В них заметен оттенок исповедальности.

Страна тишины и покоя,
Деревня с названием Слезы,
Да где еще встретишь такое!
Старинные в поле березы...

Достоинство лирики А.Гусева состоит в его способности увидеть природу, ее жизнь в безграничном вечном содержании:

И поле –
Нарядно,
Бескрайне –
В минуту рождения зерен
Стоит в неразгаданной тайне.

(«В минуту рождения зерен»).

Александр Гусев – пейзажист... Какой он разный! Здесь и тихая лирика, и стихи, которые начинаются с всплеска эмоций. Обращают на себя внимание неожиданные начала его стихотворений.

Цветут поля
Размашисто
По- русски, -

так начинается одно из них («Цветут поля»). Необычно начало стихотворения «Осень»:

Сумасшедшая!
Что вытворяешь,
Осень?
О эта пляска цвета!

Еще одна «лирическая дерзость» – начало стихотворения «Возвращение на родину»

Еще студентом был апрель...

Александр Гусев не утратил способности удивляться. Это дорогое чувство поэтической личности сказалось на особенностях его поэтического восприятия природы. В его стихах много неожиданных сравнений, олицетворений, метафорических образов:

«И взапуски, как маленькие дети, бегут ручьи...»; «И ель, / помолодевшая старуха, / Ласкала перепуганных ельчат»; «Поля, поля... / Как волны у причала, / Поля родные ластятся у ног»;

«Рассвет по-хозяйски / Туманы / Скосил голубую косой»; «И повинуюсь силе притяженья, / Огромной птицей падаешь в траву».

Не только восторг и удивление вызывают открывшиеся взору поэта картины природы. Тема «человек и природа» - предмет глубоких размышлений поэта. Как серьезное предупреждение звучат стихи:

Природа всепрощающа, и все же
Не терпит вседозволенности, ей
Смирение и простота дороже
Любых посулов наших и затей.

А жертвой Духа что-либо добиться
Смертельное греха, наверно, нет:
Как жить потом и видеть ваши лица
И слышать ропот вечности вослед.

Отметим философичность этих стихов. Она рождена глубоким раздумьем поэта над судьбой русской природы. Его одинаково ранит «вмятая в грязь верба», сорванная рукой равнодушного человека роза, убитые безжалостной рукой белые лебеди. С душевной болью пишет поэт об этих утратах.

Роза цветет,
Ива струится.
Кто-то придет
К речке напиться,-

Розу сорвет,
Иву ломает.
Так и живет.
Жизни не знает.

«Роза»

Характеристика того, кто губит Красоту, укладывается в несколько слов: «придет», «сорвет», «ломает». Печать бездуховности лежит на этих действиях.

Стихотворение «**Лебеди**», как и «**Роза**», – о гибели Прекрасного. Здесь слово, ритм, синтаксис помогают услышать

живой человеческий голос, передающий подробности трагедии, разыгравшейся в «белоснежном январе». Память сохранила эти подробности:

Я видел в белоснежном январе
 Пять лебедей. Они не улетели
 Из мест родных...И малая вода
 Хранила их...Не докучали люди.
 Не повторится это никогда!
 Один из них ударом сильной груди
 Освобождал протоку ото льда.

Они погибли прошлой зимой.
 Четыре лебедя от пуль, а пятый,
 Оставшийся тогда в живых,
 Живой
 Ушел под лед...
 И в белизне – распятой –
 Неповторимой стала тишина.
 Иные наступили времена.

Контрастны по смыслу внешне схожие эпитеты: «в белоснежном январе» – и «в белизне – распятой». Второй эпитет, как и «непоправимой тишине», носит оценочный характер. Выразительна концовка стихотворения: «Иные наступили времена». При всей своей лаконичности, она принимает на себя всю силу авторского обобщения, для которого необходима инверсия. Это почувствовал автор, поэтическое чутье подсказало ему такое завершение трагического сюжета.

Рядом со стихотворениями «Роза», «Лебеди» можно и нужно поставить стихотворение «Выстрел».

Три стихотворения внутренне связаны между собой. У них одна Тема, это лирика трагедийного склада. Стихотворения сопоставимы по своему подтексту. Он может быть выражен словами самого поэта: «Коль будет земля бездуховной, то как же прикажете жить?» В этих словах боль, страсть, мысль. Тема не дает автору покоя. Он вновь и вновь возвращается к ней:

-Кто мы? Зачем в этом облаке пыли? Где нам начало?

- Мы все задумываемся когда-то:

Зачем живем?

Куда идем?

Мы опускаем виновато

Глаза перед минувшим днем.

Этот момент в жизни поэт называет часом «святого откровения». – «И хорошо, что час тот есть». Поэт критичен по отношению к себе:

Я очищаюсь,

Очищаю

Убогий дом, что я воздвиг:

В тот час, быть может, превращаю

Правдивый шепот в правды крик.

Вот чем объясняется наличие публицистических мотивов во многих стихотворениях Александра Гусева, в том числе «Роза», «Лебеди», «Выстрел». Каждое из них завершается публицистической концовкой, в стихотворении «Выстрел» она получила особую остроту. Это «Правды крик».

Стихотворение «Сыны России» поэт завершает такой строфой:

И, равнодушный к суесловью,

Я ничего не говорю,

Лишь с уважением и любовью

В глаза Истории смотрю.

Свой интерес к истории А. Гусев утоляет, работая над псковскими сюжетами: поэма «Колокола», циклы стихов «Псковские фрески XIV века», «Довмонтов меч», «При свете памяти», «Стихи о России», «У вечного огня».

От лирических миниатюр – к циклам стихов, от стихов о русской березе – к библейским образам и сюжетам, от событийного – к Бытийному – так можно обозначить творческий путь, который прошел Александр Гусев. Обратим внимание на названия его последних книг: «Земле кланяюсь», «Измерения», «Колесо Бытия».

Валентин Яковлевич Курбатов

Валентин Яковлевич Курбатов

(род. в 1939 г.)

В предисловии к книге «День недели» (Псков, Самиздат, 1999) В.Я. Курбатов пишет:

«Не знаю, почему, я все время стеснялся, когда меня представляли «критиком». Все казалось, что занят чем-то другим, менее прикладным и сиюминутным. Ну, а теперь перечитал эти несколько статей и вижу, что «диагноз» был верен.

Как все критики я не доверял слову, рожденному одним чувством, одной интуицией, и потому не был поэтом.

Как все критики, я не доверял чистой мысли, жалея приносить ей в жертву сопротивляющееся сердце, и потому не был философом.

Как все критики, я торопился договорить предложения до точки, не оставляя ничего на догадку и сердечное сотворчество читателей, и потому не был прозаиком...»

Литературная критика стала главным делом жизни В.Я.Курбатова, члена Союза писателей РСФСР, с 1998 г. члена Академии Русской современной словесности.

Бывший моряк – родом он из г.Салават Ульяновской области – В.Я. Курбатов приехал в Псков с севера в начале 60-х годов, так что и по срокам, и по взглядам на жизнь, в частности на культуру, его смело можно отнести к шестидесятникам XX-века, бунтующим против устоявшихся норм в искусстве и литературе, против шаблона и идеологичности, прямого служения догме. В Пскове В.Я.Курбатов сначала работал в районной, затем в областной молодежной газете. Заочно окончил Государственный институт кинематографии (ВГИК). Первые же его статьи показали, что их автор - новый человек в ряду местных журналистов. Началом серьезной работы стала книжка об Александре Агине – нашем земляке, первом иллюстраторе гоголевских «Мертвых душ». По словам В.Я.Курбатова, с рисунков Агина ведет «свою историю русская реалистическая иллюстрация». Именно В.Я.Курбатову

издательство «Художник РСФСР» заказало работу о значительном мастере книжной графики, с которого «русская иллюстрация стала не служанкой, но союзницей литературы».

Продолжением исследований в этой области можно считать его превосходную работу «Ю.Селиверстов – русский художник-график», посвященную автору известной серии великих сынов России «Русская душа». В очерке о своем современнике живописце Евгении Широкове критик пишет: «Настоящая свобода и настоящая простота даются ценою святого недовольства собой, ценой постоянного и не всегда утешающего труда». Рассуждая о творчестве В.Распутина, В.Я.Курбатов завершил свою мысль: «Единение со всеми людьми – может быть, самое дорогое, что человек выносит из книг Распутина».

В серии «**Пушкинский урок**» в 1996 году вышла книжка Валентина Курбатова «**Домовой**». Ее жанровые особенности обозначены в подзаголовке: «**Семен Степанович Гейченко: письма и разговоры**». В коротком предисловии автор книжки представляет читателям своего главного героя:

«Семен Степанович Гейченко с 1945 по 1993 год бессменный директор Пушкинского заповедника в Михайловском, первый среди музейных работников Герой Социалистического Труда, автор несколько раз переиздаваемой и все не могущей утолить спроса книги «У Лукоморья», драгоценного альбома «Пушкиногорье» и доброй учительной книги «Завет внуку», инициатор Всесоюзных, а потом Всероссийских Пушкинских праздников, настоящая музейная легенда, гордость русской культуры, душа Пушкинского Михайловского, добрый «Домовой», который подлинно без двух лет полстолетия хранил «селенье, лес, и дикий садик поэта», сделав Пушкинский Заповедник одним из лучших, чтоб не сказать лучшим музеем страны.

Остальное – в этой книжке...».

Отметим еще одно замечание В.Курбатова:

«Михайловское было домом Пушкина именно потому, что оно было домом и Гейченко, своим домом, жильем, а не мемориалом, и хранитель был не слугой, а товарищем поэта,

его «домовым», ангелом-хранителем)... Гейченко нужна была не консервация, «а живая усадьба с длящейся, естественно скрепляющей два времени жизнью... И каждая встреча с михайловским хранителем побуждала зорче глядеть на Пушкина и отчетливее видеть его сердце».

Стремясь осмыслить такое великое явление, как Гейченко, Валентин Курбатов на такой ноте завершает свое предисловие к книжке «Домовой»: «Семен Степанович... только жил и пел, учась у Пушкина с дружеской свободой с братским равенством... Мне хотелось в этих отрывках воскресить на мгновение чудо этой радостной свободы и хоть таким образом напомнить о несомненно великом человеке, которого щедрая судьба подарила России в напоминание о нерастраченной полноте и силе таящейся в ней жизни, а Пушкину – в братский отклик и утешение».

Раздел «Письма» Валентин Курбатов начинает с обращения к читателю, который знаком с пушкинской перепиской: «Пушкинские-то деревенские письма помните?» и заметит: «... непременно где-нибудь в уголке погода мелькнет. Это в городе ее можно просмотреть, домами загородить, а в деревне никуда не денешься, и Пушкин, как сядет за письмо, так в окно и поглядит». Эта «мизансцена» повторится через несколько строк:

«В другие окна на те же пейзажи глядит через полтора столетия другой человек, и как эхо отзываются пушкинские «метеорологические» примечания. С них мы и уйдем в письма Семена Степановича, уж очень они в этом с Пушкиным переглядываются».

Валентин Курбатов объясняет, почему он, цитируя пушкинские письма, не отмечает их даты: «Мне хотелось не научной публикации – тут законы иные, - а скорее «повести о жизни», чтобы все росло для читателя, как один длящийся день». Письма Гейченко писались с 1968 по 1990-й год, но в книжке В.Курбатова они стоят «не по хронологии, а по сюжету жизни»... «Как Семен Степанович за письмо сядет, так следом за Пушкиным – глаза в окно».

И напишет: «...Пятый день подряд в Михайловском « буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то как зверь она завоет,

то заплачет как дитя!..» Боже мой, боже мой, до чего же фотографичен Пушкин в этом своем стихотворении!!! Действительно, в Михайловском все так, как в этих стихах! Ветер дует отовсюду: то с севера, то с запада, а то вдруг и с востока. Деревья трясутся как в лихорадке. Кругом вся заснеженная земля покрылась кружевами из сучьев-паданцев, ветвей и целых малых деревушек! Иной раз ветер так дунет, что на крыльце срывается железо и начинает греметь, как турецкий барабан в современной поп-музыке».

На смену этой образной экспрессии в другом письме мы услышим другие интонации, по-другому предстанет перед нами и сам хранитель Лукоморья.

«Сейчас Новогодье. Пока живем по-старому. В центре усадьбы поставил я «новогоднюю елочку-кокетку». Украсил, чем мог. Повесил на нее пряники, бублики, конфетки, кусочки колбасы... Птички этому очень рады. Ведь зимой, особенно этой, у них с продуктами питания плохо! Вот и кружатся они вокруг мой елочки – все эти воробьи, синицы, гаечки, свистистели и даже дятлы».

В письмах много говорится о делах и днях Пушкинского заповедника, его хранителя, собирателя, домового.

«Извещаю Вас, что в Михайловском возрождена фамильная часовня Пушкиных. Она прекрасно вписалась в «Поклонную горку», в еловую аллею, в перспективу, открывающуюся с крыльца дома Пушкина».

«Я по-прежнему весь в хлопотах. Кую. Тешу. Вбиваю. Собираю. Крашу. Жгу. Вывожу. Печатаю. Монтирую. Экспонирую. Пишу. Принимаю. Угощаю. Встречаю. Провожая...»

«Только что закончил восстановление грота, ремонт разных домов, домишек, заборов, скамеек. Сделал несколько садовых седалищ, каких раньше не мог удумать. Напечатал новые памятки по музеям. Недавно приобрел в Питере хорошую пушкинского времени лампу. Около Палкино нашел карету. Хочу купить. Буду возить гг. писателей, художников и малых сих. На сем ломаю перо и впадаю в безмолвие».

«Только что возвратился из поездки в Москву и Ленинград, где самосильно трудился над решением различных ганнибаловских дел. Все вожусь с книгой, в обложке которой нашлось почти тридцать писем Ибрагима!».

«...Хворал-то хворал, а дело свое делал – готовил Заповедник к Празднику поэзии... Все было благо».

Болезнь подкосила С.С.Гейченко тотчас после Праздника поэзии. Письма приходили все реже и реже. Умерла его жена, «терпеливая спутница и великий неслышный помощник Любовь Джалаловна, и одиночество обступило больного хранителя еще плотнее».

Валентин Курбатов не захотел кончать разговор о Семене Степановиче Гейченко на печальной ноте. Он завершает раздел «Письма» словами, не лишенными патетики:

«Нам такой жизнью уж не жить и таких писем уже не получать, потому, что это была, кажется, последняя ветвь старинной коренной пушкинской переписки и жизни. Теперь из мертвого летоисчисления остается только благодарить судьбу за счастливый дар и, перебирая скоро стареющие листы, вспоминать, вспоминать ушедшую радость».

И писатель Валентин Курбатов вспоминает, вспоминает, вспоминает...

Как передать в записи «вольный поток воспоминаний С.С.Гейченко? Зачем вспыхивали в беседе фразы вроде: «Вы, конечно, помните, как...» «А вы знаете, что...» Зачем-то просился порой и пейзаж? Подобные вопросы неизбежны в процессе работы над портретом истинного пушкиниста. Приходили и ответы: «и просится сейчас, может быть, для того, чтобы осветить каждое слово хранителя живым светом минувшего дня и заставить поверить, что чудо возможно и *день этот может вернуться весь как был*». Из первых своих записей В.Курбатов отдает предпочтение «биографическим»: «в них есть какая-то особенная яркость и чудная живость и любовь, с которыми обыкновенно вспоминается невозвратно ушедшее». Записи разговоров с С.С.Гейченко отличаются особой

доверительностью тона, они дорисовывают портрет Хранителя Лукоморья. Пересказать их невозможно. Их нужно читать и перечитывать, чтобы услышать живой голос С.С.Гейченко, его слова, его интонации. Именно об этом пишет Валентин Яковлевич Курбатов, завершая свою книжку «Домовой»: «Почему-то мне кажется, что не только знавшие Семена Степановича люди, но и читатели вот этих страниц не будут задаваться вопросами о соответствии, если только они любят Пушкина и разделяют с Блоком убеждение, что это «веселое имя». В радости и свободе нельзя убеждать, ими надо жить. И все записанные здесь истории и воспоминания при всей «далековатости» есть все-таки заметки на Михайловских полях и полны именно здешними небесами и здешним светом. Теперь, когда его нет, особенно видно, как много здесь было от него самого и как это было по-пушкински верно и живо».

Особая заслуга Валентина Яковлевича Курбатова - подготовленная им **публикация дневников и писем Ивана Афанасьевича Васильева**. Предисловие и комментарии к ним убеждают: нет, не бесстрастным повествователем предстает критик в своих размышлениях о дневниковой прозе писателя, о его письмах «небесному другу» (Иван Васильев. Три страницы. (Из дневников разных лет) // «Наш современник». 1998. № 1; Курбатов Валентин. Последний дневник// «Псковская правда» 1997. 29 августа).

Как воспринимал В.Я.Курбатов дневниковые записи И.А. Васильева? В своем предисловии к ним он пишет: «Эти же «Три страницы», кажется мне, как нечаянные фотографии старого альбома, напоминают,каково русскому человеку дается его собственная история и как он умеет устоять в ней и преодолеть ее своим светом народного дара и преображающей силой совестливого, любящего Родину сердца».

Комментарии к дневникам писателя В.Курбатова стилистически выразительны, не бесстрастны. Приведем примеры:

«Дневник кипит народом» - «первые / так привычно назывались секретарь обкомов/, председатели, газетчики,

ученые, мужики и *со всеми на пределе, «на всю катушку»*, так что каждый, уезжая, только головой качал: *вот энергия, вот сила, вот убеждения! Дневник громок и резок, как сам Иван Афанасьевич*. (Подчеркнуто нами. - И.Ч.).

«Когда дневники будут напечатаны полностью, этот сжигающий полет будет очевиден». (Обратим внимание на высокий повествовательный слог). «Сжигающий полет!» Как много вмещает в себя этот метафорический образ!

Письма Ивана Афанасьевича Васильева умершей жене, своему «небесному другу», В.Я.Курбатов назвал «потаенным дневником» писателя. Часть этих писем И.А.Васильев включил в книгу «Земля русская». Полностью они были опубликованы после его кончины в сборнике псковских писателей «Скобари» / Псков. 1999. с. 201-211, комментарии В.Я.Курбатова /. Представляя письма Ивана Афанасьевича умершей жене, Валентин Яковлевич Курбатов пишет:

«Мы по его прозе, по детским рассказам знаем, как он мог быть поэтически нежен и бережен к миру и человеку. Но только сейчас, вот по этому потаенному дневнику, который двадцать лет хранился в его архиве, по этим «письмам на небеса», по этой страстной тоске осиротевшего человека мы увидим, какая любовь пересекла это сердце, какое покойное счастье животворило его творчество, какая светлая муза озаряла его труд, его беспокойные журналистские будни.

Он начал писать эти письма умершей жене, когда самая страшная боль после ее кончины в ноябре 1976 года отошла и явилась ровная, теперь уже не оставляющая его до последних дней печаль не заживающего одиночества». «Мы читаем уже не частные письма, а горькую и высокую повесть о любви». Письма Ивана Афанасьевича Васильева, окрашенные высотой нравственного чувства, убеждают, что он был человеком тонкой душевной организации, нежным в проявлении эмоций. Память у него светлая. Палитра красок, раскрывающая душевный мир писателя, богата и разнообразна. Такие мысли рождают и сами письма, и комментарии к ним В.Я.Курбатова.

Александр Александрович Бологов

Александр Александрович Бологов
(род. в 1932 г.)

Имя прозаика Александра Александровича Бологова относится к числу неизменно уважаемых, всегда оправдывающих ожидания, «светлых имен» современной русской литературы. Сказать об этом необходимо сразу же, потому что, как и во все эпохи, и сегодня писатели тяготеют к двум равноправным категориям: одни отдают свой талант сиюминутным, насущным проблемам времени, идут за ними след в след, - другие раз и навсегда самоутверждаются посреди любых перемен и твердо следуют, руководствуясь внутренними нравственными целями, «дорогою свободной», как некогда сказал А.С.Пушкин. Уже первыми произведениями писатель заявил о своей принадлежности ко второй из двух названных категорий.

Изменения социально-психологического характера в облике быстротекущего времени не находят в его сочинениях легковесного и буквального, как будто «подневольного», отклика. Вступив в литературу в конце 1960-х годов (стихи и очерки в мурманской газете «Полярная правда», журналах «Литература в школе», «Молодой коммунист», рассказ «**Не судьба**» в журнале «Наш современник»), А.А.Бологов прошел сквозь периоды советской государственности, перестройки и постперестроечного времени, сохранив одни и те же нравственные ориентиры: среди них безусловным и главным является чувство родины.

Именно поэтому критика, благодарно принимающая каждое новое произведение А.А.Бологова, затрудняется применить к нему какое-то одно определение: писателя псковского, провинциального или всероссийского, национального. Напрасно было бы противопоставлять их друг другу, потому что органика творчества писателя противится этому и нацеливает на восприятие его в неразложимой целостности, неделимости. Как отмечает один из критиков, согласно «краткой аннотации», перед нами «псковский

писатель»: «Обычно такая характеристика наводит на мысль о некоем «краеведческом» уклоне. Однако это писатель не просто псковский, но, прежде всего российский, и традиции русской и советской литературы зримо проступают в его произведениях».

Чувство родины в широком и узком понимании является всепроникающим для произведений А.А.Бологова, в которых преломилась, творчески преобразясь, его биография: с каким бы местом он ни был связан за долгие годы жизни, писатель всегда ощущал его как самое родное, близкое в данный момент времени и вместе с тем как родственное России в целом, биографически и творчески запавшее в глубины памяти. Сидя на самодельных «длинных и крепких лапах» около такого же «сколоченного из толстых досок стола» в церковной колокольне, где помещается художественная мастерская, герои, внутренне близкие автору, повторяют слова: «Как на коленях у земли родимой...», выражая общее чувство большой и малой радости. Героев двух повестей: **«Облака тех лет»** и **«Ветры дуют не так»** - Валентина Гаврутова, Владимира Агапова, Константина Савельева – жизнь разбрасывает в разные уголки земли, сводя и разводя (от Мурманска до Москвы, от Рабочего городка, где детьми застала их война, до «старинного районного городишки» Хопрова и дальних деревень), но они везде ощущают себя хозяевами-жизнестроителями, вступая в непримиримую борьбу с хозяевами-потребителями, формалистами-рутинерами, чиновниками, которым безразлично все, что определяет живую суть бытия. Их судьба – это судьба поколения, трудное взросление которого пришлось на послевоенные годы, зрелость – на эпоху мирного созидательного труда. Это и судьба самого автора, остро переживающего все, что пережила Россия: «...сердце кровью обливается, оттого что наше богатство из-за чьей-то тупости, бесхозяйственности, какого-то всевластия некоторых чиновников летит в трубу...». «Ветры дуют не так».

А.А.Бологов родился в городе Орле и девятилетним мальчиком узнал войну. Он сам был одним из тех ребят, на которых уже в первые дни войны «повеяло» ее ужасом: Костькой

Савельевым и Рыжохой, наблюдающими, как горит городской маслозавод (**«Как повеяло войной»**). Это и у его семьи, как у семьи подростка Костыки сгорел родной дом в Рабочем городке.

Потом самыми близкими и дорогими для А.А.Бологова становятся жизненные впечатления, связанные с пребыванием на флоте: 1949 г. он закончил школу юнг Балтийского флота в Риге, плавал мотористом на морском буксире. Это о себе и о близком себе восемнадцатилетнем Лобове, герое первой повести **«Если звезды зажигают»** он заметит с точностью дневниковой записи: «Лобов незаметно встал в судовую жизнь, жизнь, где отношения людей друг к другу исключают многие условности берегового быта, где люди всегда на виду, со всеми углами своей души, своими возможностями и слабостями, и где постоянное общение побуждают их к более тесным связям между собой».

С 1950 г. А.А.Бологов – курсант механического факультета Мореходного училища в г. Ломоносове под Ленинградом (об этом периоде он «со страстной нежностью», по выражению критика В.Я.Курбатова, напишет в повести **«Курсанты»**). Здесь произойдет встреча с преподавателем, влияние которого в значительной степени предопределяет дальнейшую его судьбу писателя и человека, - ученым-филологом Е.А.Майминым. Любовь к литературе придает привязанности к морю одухотворенность, создает постоянные переходы из бытового плана жизни в художественно-творческий, рождая «поэзию прозы». В повести «Если звезды зажигают» вдруг увиденная Логовым «первая звезда» выступает как знак познающей себя, растущей юной души, первой любви. Органично возникает образный ряд, восходящий к немеркнущим строкам раннего Маяковского. Лобов читает Зойке стихи:

Послушайте!

Ведь если звезды зажигают –

Значит - это кому-нибудь нужно?

Значит – кто-то хочет, чтобы они были?

Поэзия входит в прозу А.А.Бологова стихами вынужденного персонажа - курсанта Везенина (**«Товарищи курсанты»**). Его песня словно бы несет в себе морскую качку, ее

ритмы, ощущение необратимости движения по «морю жизни», не раз пережитое самим писателем:

А жизнь бежит – качается.

А жизнь спешит – кончается,

И мы не успеваем обернуться.

Ничто не возвращается,

А только обещается,

А только обещается вернуться...

Окончив мореходное училище, А.А.Бологов плавал в северных водах на вспомогательных судах, преподавал в Мурманской мореходной школе, но литература еще больше срослась с жизнью: в 1961 г. он заочно окончил филологический факультет ЛГУ. С 1963 г. А.А.Бологов живет в нашем городе. Преподает черчение и литературу в средней школе № 8, создает и собственную филологическую школу, буквально взрывая стилем своего преподавания схематизм педагогических директив того времени. Под его началом действуют литературное объединение «Молодо-зелено», Школьный театр опусов (ШТО). Он сам – активный участник и душа этих объединений, к нему тянутся свежие и молодые силы, все, кто верит в то, что звезды действительно «зажигают», что это – «необходимо». Впечатления тех лет войдут в повесть **«Ветры дуют не так»**, в рассказ **«Один день солнца»**.

В этих и других произведениях писателя проявилось главное, определяющее качество его художественного видения и стиля: параллелизм бытового и эстетического рядов, социальной конкретности и поэтической символики, «голового» факта и мифотворческой его проекции – что придает особому миру, созданному А.А.Бологовым в искусстве, многомерность и объемность, характерные для лучших созданий отечественной словесности. Бытовое явление, эпизод, рассказанный во всех подробностях с беспощадной протокольной скрупулезностью, наполняется общим смыслом, проявляющим себя именно через частное, житейское, конкретное. Чем ближе «к земле», тем больше потребность «в небе» - в этом А.Бологов по-своему

следует пушкинской традиции («...в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля», - отмечал В.Г.Белинский). Именно вечное в житейском определяет поэтику заглавий сочинений А.А.Бологова, составляющих своеобразную поэтическую антологию: **«Последний запах сосны»**, **«Как далекое сердце»**, **«Облака тех лет»**, **«Слепые крылья мельницы»**. Облака, звезды, запахи родной земли, «тайные звуки» леса, «общие кровь и небо» создают движение философской мысли, которая не существует, однако, без плотского, материального претворения в реальных людях, фактах, ситуациях, - просто в каждой реальности постигнут её сущностный, глубинный смысл.

Одно немыслимо без другого, о чем, страстно споря с кем-то, заявлял писатель в монологе родственного себе духовно Снегирева из романа **«Слепые крылья мельницы»**: «Да, надо осознать, что земля – наш общий дом. Я думаю, в здравом смысле человек понял это уже тогда, когда сообразил, что общий дом наш – и вселенная. Но когда мне ставят в упрек мой, как названо в статье, квасной патриотизм, то есть боль о старом минувшем или погибающем, при том, что забот просит сегодняшнее – людям негде жить, негде лечиться... Когда ставят в упрек, что я называю наш город и землю вокруг единственной в стране сутью памяти для меня и для тех, кто здесь родился и связан с местом глубоко и далеко – родными могилами, кровью, родовой историей...

Что тут сказать... Я тут родился, и другой родины у меня нет. Никакой, сказал бы я кому-нибудь, - ни в Европе, ни в Азии, ни даже, допустим, в Костроме. И во мне, да и в каждом, кто здесь с корнями, - ее погоды и ее запахи, дух ее земли и цвет неба, даже, может быть, голос и характер, и конечно, еще что-то, о чем не расскажешь, потому что и сам не знаешь, что это такое... Как душа есть, а не измеришь и не покажешь, а вот что сидит она в тебе – чувствуешь... Как воздух в легких...».

В этом зрелом произведении А.А.Бологова особенно проявился его дар прозаика-лирика: внешнее и внутреннее уравнено в значении, находясь в необъяснимой разумом, но внятной сердцу близости друг с другом:

- Не каждый умеет петь, не каждому дано яблоком падать к чужим ногам... - проговорил Снегирев, когда они оба услышали, как гулко стукнуло о землю яблоко.

Они сидели на скамейке возле дома. Ночь была тихая и темная, луна запаздывала, и звезды мерцали чисто и близко.

- А знаешь, я до сих пор не могу понять этих строчек: «не каждому дано яблоком падать к чужим ногам», - сказала Вера.

-Запретный плод?

-Думаешь, это?

-Вообще-то не задумывался. Мне хватает просто их странной силы. О некоторых вещах вообще нельзя задумываться - нужно принимать, и все. Те же стихи.... Вот, например:

Обратясь лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе...

Зачем тут что-то объяснять?»

Привлекает писателя и необъяснимое, но внятное душе чудо мастерства, искусства – в чем бы оно ни заключалось и ни проявлялось. Дед Кирилл из повести **«Облака тех лет»** - хороший кузнец, но не творец, не мастер, и сам понимает это. Зато в подрастающем Костьке, вопреки всем тяготам военного лихолетья, уже заявляет о себе талант художника, узнаваемый безошибочно и верно: «Дед Кирилл, когда думал о себе, считал, что главную тайну своей профессии он все же не постиг. В чем она кроется, это, конечно, никому не известно, в тонкости ли работы, в размахе ли, неохватном для простого кузнеца, еще в чем?...

Может, поэтому так смутили его внуковы рисунки – как предвестники избираемой задачи, позволяющие как бы из грядущего времени ясно увидеть главную основу дела?»

Метафорический язык непереводим, концентрирует в себе жизнь в ее по-пушкински «странных сближениях», бытийных формулах соединяющих поэзию и прозу. Даже война в произведениях А.Бологова – это не только бесконечные тяготы, которые описывает художник, не скупясь на бытовые

подробности. Война – это и особое состояние мира, философия жизни, исходя из которой жизнь теперь «переломилась» надвое: «Словно чудовищным лезвием рассекли ее на две части - довоенную и сушую». Однако «неправдоподобный теплый свет», который остался в довоенной жизни с ее «высоким звонким небом, с неторопливым бегом облаков», - не меркнет совсем, загубленный «правдоподобием» повседневности. «Облака» из рассказа **«Как повеяло войной»** символизируют бытие «во всех, неисчислимых... проявлениях» его (Л.Н.Толстой): «В синем, с редкими облаками небе кружилось несколько самолетов... Всякий раз, как с высоты, от самых облаков, долетал отрывистый треск очередей, Ксения вздрагивала и ждала, что какой-то из самолетов вспыхнет и взорвется».

Буквальный и переносный смыслы «накладываются» друг на друга. Грань между ними становится проницаемой, неуловимой. Так, глядя на маленькую дочь, Ксения - олицетворение материнского начала, тепла в бесприютные сиротские дни войны - видит в ее крошечном личике образ всего самого сокровенного, родного – вокруг и внутри себя: «Она склонилась над чистым, уже обретшим заметную смуглость, лицом дочери и почувствовала, что сейчас уронит на него слезы, - они закапают с похолодевших век и разобьются об это сладкое, родное до последней кровиночки лицо – как о собственное сердце, вынутое из нее и оказавшееся в ее теряющих силу руках...».

В повести **«Последний запах сосны»** умирающий Николка, юноша-подросток, подстреленный на самом взлете жизни, включается в общежизненный контекст тем, что одновременно оказывается принадлежащим разным бытийным сферам: «Тра, та-та... Тра, та-та... Откуда это? Что это такое? Может быть, так стучит его остывающее сердце? Или этот drobный перестук – эхо автоматных очередей, прогремевших вслед огненной вспышке перед глазами? Или - бег Любки, лошади объездчика, торопливо несущей его, Николку, к водопою?»

«Странно сближаются» полицей и предатель Никола Лапин и «светлый» юноша Николка (невольно приходит сравнение с героем повести позднего Л.Н.Толстого «Божеское и человеческое» юношей Светлогубом, загубленным враждебными жизни силами, но успевшим разрешить для себя ее главный вопрос «сознанием той истинной жизни, которая была в нем»). Параллелизм имен: «- Николка!.. Боже мой милостивый... Услышав первое слово старухи, Лапин вскинул голову. Но нет, она обращалась не к нему, а к внуку – тоже, оказывается, Кольке» - символизирует реальную неисчерпаемость жизни, присущий ей полифонизм. Николка умирает поддерживаемый воспоминаниями, впечатлениями детства, среди которых «терпкий хвойный дух», вытесняющий «все другие запахи»: «... Хвойный дух – разом и сладкий и горький – был так же близок и понятен, как серая роса на тихой траве или голос ветра тягучей осенью. Он вошел в Николкину жизнь с тех самых пор, как тот себя помнил, - маленьким, босым, долго не решавшимся самостоятельно преодолеть широкую деревенскую улицу. В этой деревне он и увидел белый свет и первым же вдохом, расправившим легкие, втянул в себя смолистый воздух соснового бора».

Этот запах, связывающий Николку с земным миром, с самыми счастливыми мгновеньями пребывания в нем, провожает его и в мир иной. Никола Лапин умирает одиноким, отторгнутым родной землей, «последняя искра» его жизни отравлена ужасом перед заслуженной карой и острой завистью к казненному немцами лесничему Ложкареву – для того «морозный воздух» был целительной и взбадривающей силой, которая позволила ему достойно встретить смерть и даже кого-то приветить в застывшей вокруг толпе. Поистине «последний запах сосны» - это награда тому, кто живет по общим с миром законам, не поддаваясь низменному чувству самосохранения, сопряженному с унижительным страхом, убийством ближнего, предательством, корыстолюбием.

«Привязывание» к одной детали (прием, которым А.А.Бологов по-своему продолжает толстовскую традицию) в этом произведении выражает сокровенную близость, привязанность человека к жизни во взаимопроникновении ее духовных и материальных начал. Деталь вызывает в душе читателя мгновенный, пронзительный отклик, направленный на сопереживание раненому Николке и смешанный с надеждой на чудо – на его спасение и воскрешение вопреки жестокой действительности. Читатель неотрывно следит за одной «болевой» точкой: за «желтыми крупинками» у рта умирающего юноши, из которого «выходит» последнее дыхание жизни. Заключительная фраза повести пресекает все надежды, придавая детали скорбную безысходность: «Желтые крупинки около рта больше не шевелились».

Чувство родины – это и чувство совести, верности самому себе, способность сохранить бессмертную веру в живую душу, в продолжение жизни. Нравственная мера в произведениях А.А.Бологова не дидактична, потому что эта мера природной поступи жизни, ее подлинной сущности. Поэтому и оказываются по разным сторонам Ася и Лиля – обычные девушки, продавщицы в овощном магазине (**«Бесплатные ананасы»**), моторист Шило и вся остальная команда буксира «Сто тринадцатый» (**«Если звезды зажигают»**), Ксения и Личиха (**«Облака тех лет»**), Ольга с ее выстраданной на войне человечностью, не иссякшей и в мирное время, и стыдящийся пережитых на войне унижений и стремящийся к их забвению (а в действительности - к забвению долга перед жизнью) ее сын, благополучный инженер, «гордость семьи» Михаил (**«Билет в прицепной вагон»**).

Более всего А.А.Бологов ценит жизнь – он готов ловить ее мгновения и преклониться перед ней, сознавая, как нелегка ее ноша и как велика ответственность перед ней. Автор одной из самых трогательно-щемящих в современной литературе повестей «Билет в прицепной вагон» воспринимает многоликую жизнь через своих героев, которые также неисчислимо

многообразны: это и дети, и женщины-вдовы, и молодые девушки и юноши, и солдаты на войне, а также животные и птицы, душу которых писатель постигает столь же глубоко, как и душу человеческую.

Вот одно из «остановленных мгновений», уловленное женщиной Ольгой, матерью взрослых детей, сбереженных ею в войне: «На одной из веток возился грач. Он уцепился клювом за тонкий побег и, оттопырив крыло, круто поворачивая голову, пытался его надломить. Грач был молод, - у него был светлый, не осветлившийся клюв и плотное глянцевое оперенье. Сучок не поддавался. Грач оставил его и переступил лапами, устроился на ветке поудобнее. Затем коротко, на всякий случай, огляделся и решительно ухватился за облюбованный отросток. Ольга словно бы услышала, как хрустнула веточка; грач рывком оторвал ее и взмахнул крыльями. Но то ли слишком тяжелой оказалась ноша, то ли неловко подцепила ее птица и на взлете выбила своим крылом, но хворостинка вдруг выпала из клюва, скользнула по пустым веткам вниз, и грач, описав крутую дугу, взмыл над крышей. «Ай, незадача, - огорчилась Ольга. – Ветвь-то еще живая, а он ее выбрал, глупый».

Незамысловатая зарисовка оборачивается притчей и, как всегда у А.А.Бологова, жизнь объявляется высшей и всемогущей ценностью. Именно поэтому так яростно сопротивляются смерти герои военных новелл, объединенных в цикл под общим названием **«Как далекое сердце»**. Дружба, любовь, бесценное чувство товарищества определенно оказываются сильнее самой Судьбы. Лишь яростная несмирительность Осокина по отношению к гибели нечаянно утонувшего Жилова, породненного с ним жизнью и смертью друга, буквально вырывает Жилова из могильного плена – смерть должна отступить перед пробивающейся несмотря ни на что волей к жизни, перед прочностью человеческих связей, скрепленных силой любви (**«Не судьба»**).

Форма произведений А.А.Бологова художественно соответствует фазам процесса жизни, его характеру и

протяженности: это могут быть роман, повесть, новелла, рассказ. Но какой бы ни был избран жанр, судьба человека и народа – опять в соответствии с пушкинской традицией – раскрывается в полной мере, во всех сложных соответствиях и перебивах во времени, которые делают жизнь не разорванной, а, напротив, целостной, сводящей воедино все разрозненные фрагменты.

«Живое слово исходит из души легко, как дыхание...», - читаем в повести **«Ветры дуют не так»**. На одном дыхании написаны все произведения Александра Бологова - крупного русского прозаика, с которым сжилась, срослась корнями Псковская земля.

Юрий Николаевич Куранов

Юрий Николаевич Куранов (1931 – 2001)

Юрий Николаевич Куранов родился в Ленинграде. Во время войны работал в колхозе, на лесозаготовках в Сибири. Учился на историческом факультете МГУ. Первая книга – «Лето на севере» - вышла в 1961 году в Костромском издательстве. Долгие годы писатель жил и работал в Пскове.

Ю.Н.Куранов по своей биографии и писательскому складу принадлежит к той литературной генерации, которая целиком сформировалась в 50-е годы. Он много путешествовал по Кавказу, Крыму, Украине, был в Заполярье, на Саянах, в Туве и Казахстане. Куранов рассказывает о том, как в «темной тишине лесов замирают и чему-то прислушиваются не уснувшие на ночь цветы», он описывает те места России, где бытовой склад жизни еще сохраняет в своей повседневности исконно национальные привычки и навыки.

Писателю известен как автор повестей и крохотных рассказов, по форме и по содержанию напоминающих стихотворения в прозе.

Изобразительные средства Куранова внешне скромны. Он умело использует исторические реминисценции, возникающие у него главным образом из пейзажа. Это придает лирической пейзажной живописи неожиданную объемность и глубину. В свои лирические миниатюры он нередко вводит конкретные и деловые, граждански страстные рассуждения о трудных и нерешенных проблемах деревни.

Ю.Н.Куранов – мастер законченного точного рисунка, емкой детали. Благодаря точным сравнениям, за которыми нередко прячется не только разгадка маленькой тайны природы, но и тайны человеческого характера, в таких миниатюрах подчас олицетворяются явления действительности, означающие нечто большее, нежели июльский ливень или майская гроза. Возведение частного факта в символ способствует превращению пейзажных зарисовок в психологические, что позволяет

читателю сквозь незатейливую ткань короткого повествования разглядеть глубинные течения жизни.

В лучших новеллах лирический герой Ю.Н.Куранова - творец и хозяин. Он знает цену будничного труда, в результатах которого видит залог грядущего. Например, в рассказе **«Ветер в еловых стенах»** писатель с большим знанием дела, чем плотник-профессионал, сообщает о свойствах «темного» дерева. Попутно он объясняет случаи делового применения ели, а заодно и планировку домов, построенных из еловых бревен, рассказывает, как ель отзывается на различные звуки. Подано это поэтично, с доверительной задушевностью. Читатель представляет и далекое прошлое народа, когда он в глубоких лесах рубил еловые дома, и характер русского человека, которого и трудно разозлить, но неожиданно легко обидеть каким-нибудь случайным взглядом или словом.

В **«Колыбельных руках»**, в повестях из цикла **«Звучность леса»** писатель бережно и сочувственно касался сокровенной жизни человеческой души. Ю.Н.Куранов верит, что пространство родной земли, полет облаков, падение снега, гул ветра способны многое и непредвиденное внушить человеку, очаровать его и опечалить, вырвать из суеты.

В повести **«Облачный ветер»** ощутимо влияние А.Платонова. Оно благотворно сказалось не только на стиле, но и на самих принципах изображения народной жизни.

Изданная в 1977 году книга Ю.Куранова **«Среди ключей»** посвящена Псковщине. С присущими ему лиризмом и своеобразной изобразительностью автор пишет о жизни древнего края, соединяя настоящее с прошлым. В предисловии к книге он заметил: «Писать о землях древних, о землях, с которыми связаны кровью и делом, бедами и надеждами своими судьбы народов или целых государств, - дело не только увлекательное, но и поучительное. На таких землях старина украшена величием, а молодость – неповторимостью. Такова Псковщина со своим славным и гордым городом на реке Великой... Ключи нашего сердца, чистые струи нашего

прошлого и нашей будущей жизни не только там, где нам на них укажут, но повсюду, где мы сами увидим их, услышим, и где припадем к ним благодарными и верными устами».

Своеобразие взгляда Ю.Н.Куранова на жизнь и душу города, о котором он пишет, заключено в его умении чувствовать и воссоздавать историю. И это не только «25 лет назад прошедшая по этим краям Великая Отечественная война», солдатам которой в книге Куранова посвящены, может быть, лучшие страницы. Ассоциативное видение писателя словно лучом пронзает века, высвечивая предания и легенды о древнем Пскове, озвучивая фрагменты летописи.

Эпиграфом к очерку **«Город и рассвет»** служит цитата из книги И.Д. Вундерера, побывавшего в Пскове в 1592 году: «Псков по величине, как полагают некоторые, равен Риму, почти также могуществен и населен». Проецируя это высказывание на современную жизнь города, Куранов создает своеобразную структуру повествования, в которой он использует смещение временных пластов. «Придешь в город среди начала зимы и под высокой снежной тишиной остановишься, замрешь... Стоишь оглушенный гулом десяти веков беспокойного дыхания этого города. Поется оттуда, когда впервые кривичи поставили деревянное поселение над скалой, вокруг которой плескалась спокойная красавица Великая и город когда еще только получил имя свое Плесков. Поется оттуда, когда трансильванский князь, избранный королем, вышел к стенам Пскова и замер со всей своей армией, пораженный величием и блеском богатого города. С каменными объемистыми башнями под высокими тесовыми шатрами, с лебедиными стаями звонниц, с куполами поливной черепицы, луженого железа, с теремами и звоном колоколов.

Любуемся Псковом. Господи,
какой большой город! Точно
Париж! Помоги нам, Боже,
с ним справиться... Город

чрезвычайно большой, какого
нет во всей Польше.

24 августа 1581 г.

Ксендз Пиотровский,
секретарь Стефана Батория.

...Не солжешь, если скажешь, что для всей земли Русской псковичи были знаменем честности и смелости неистовой. Псковский полк сражался на поле Куликовом в труднейший для Родины час. В тяжкое, смутное для Руси время подошел под стены шведский король Густав–Адольф, искусный полководец, взявший уже Новгород, Тихвин, Порхов, Старую Руссу, Гдов... Два страшных штурма выдержали стены. И шведы отступили.

... они в защите своих
городов не думают о жизни..
хладнокровно становятся на
место убитых или взорванных
действием подкопа, загромождая
проломы грудью; умирают от голода,
но не сдаются,
сами жены мужествуют с ними, или
гася огонь, или с высоты стен
опуская бревна и камни на неприятеля.

Стефан Баторий.

...Придешь в город ранней осенью. Когда уже осыпались клены вдоль Октябрьского проспекта, когда в садах алеют яблоки, когда стоит ясная пора и неглубокая Пскова ребрится по камням под стенами Крома...

Подходишь к Солодяжне. Могучие ступени крыльца, приземистые каменные столбы. А в окнах сушатся нарезанные пластинами яблоки, нанизанные на нитку и суховато-ароматные. На подоконнике девочка...»

Из частных примет, окружающих реалий Ю.Н.Куранов выстраивает ассоциативные ряды, ведущие в глубь веков: «Это солдатом пахнет осень. И серебро ковша так и студит губы. Губы. Серебро. Это серебряный ветер стелится с Великой». Великая, люди вдоль стен Довмонтова города создают следующий ассоциативный ряд: «Я пошел бы к Довмонту, я хотел бы заглянуть ему в очи...». Этот прием подготавливает исторический экскурс.

Псковская земля питала творчество Ю.Н. Куранова, и это проявилось в изображении «души» полюбившегося края. История, архитектура Пушкиногорья становятся объектом внимания и любви писателя. Но самые проникновенные и поэтические слова сказаны им о людях, которые родились на Псковщине, чьим трудом стоит она: «Я буду тебя приветствовать и тебе завидовать, потому что ты родился здесь», - написал Ю.Н.Куранов о псковиче. Очерк **«Когда ты станешь ветром»** посвящен семье Масленниковых, учительствовавших на Псковщине. В необычной форме выражает свою любовь к этим людям писатель: «Сегодня я хочу тебе сказать, что ты должен сделать, когда станешь ветром. Когда ты станешь ветром, то почувствуешь, какое легкое у тебя дыхание, какие просторные крылья несут тебя по свету...

Ты должен подняться до рассвета, пролететь над холмистой озерной равниной, над ее лесами и деревнями, и там, где лежит глубокое озеро между взгористых берегов под соснами и елями, тебе надо снизиться...

Не нужно лететь в глубину парка, где раскинулись величественные лиственницы, нужно свернуть южнее, снизиться над каменной трехэтажной школой, подкрасться к деревянному дому на окраине поселка...

Здесь под окнами цветут розы, красные и белые розы с их юным и ароматным дыханием. Вот это дыхание надо подхватить и унести в раскрытые окна вместе с утренней чистотой и прохладой. Там, за раскрытым окном, в тишине деревянного дома, спит старая женщина с добрым и красивым лицом... Пока она спит, ты должен дышать ей в лицо этими розами, их таинственной глубиной лепестков.

Пусть ей не вспоминается, не видится во сне то горькое, что выпало за восемь десяткой лет ее жизни...».

Ю.Н.Куранов повествует о трудовой жизни Масленниковых в годы разрухи, о немецком концлагере под Локней, куда попала учительница Татьяна Александровна, о единственном выжившем ее сыне Володе, который в атаке под Ригой нарвался на мину: «Чуть пришел в себя – весь в крови. Левая нога вроде есть, и вроде ее нет... висит на коже. Развязал походный мешок, достал нож и несколькими ударами отрезал ногу. Как все это случилось, до сих пор не помнит. Только потрясенные бойцы рассказали ему, что все это он сделал сам...»

Выжил Володя, закончил институт в Ленинграде, учил детей в селе Глубоком, построил школу в три этажа, преподавал литературу, историю, физику и более всего – высокую нравственность человека. И в дождь, и в снег шел читать лекции для односельчан, возглавлял движение «Никто не забыт, ничто не забыто». И зовет писатель ветер: «Спустись у того небольшого дома с яблоневым садом, с кустами красной смородины и опусти на деревянное крыльцо этого дома ворох осенних листьев».

Ю.Н.Куранов в очерке «Обещание» писал о своем желании «петь Псковскую землю». И сегодня мы можем сказать, что значительная часть его лучших произведений создавалась именно в период жизни на Псковщине, которая стала его второй родиной.

Олег Владимирович Тиммерман

Олег Владимирович Тиммерман (1928-1994)

Олег Тиммерман родился в Пскове. Когда к Пскову подошли немецкие дивизии, семья с одним из последних эшелонов эвакуировалась в Горьковскую область, но после войны возвратилась в родные края. Окончив школу, юноша пошел служить в армию, попал в авиацию Военно-Морского флота. Именно там оказались востребованными его первые поэтические опыты.

По возвращении после службы в Псков О. Тиммерман поступает на исторический факультет педагогического института.

На псковском поэтическом горизонте О. Тиммерман «проявился» в 70-е годы: начинают публиковаться его стихи в областных газетах. Его стихи – певучие, легкие по форме, насыщенные гражданской тематикой - сразу привлекли внимание читателей. Он много писал о тружениках – горожанах и сельчанах. Однако это не были шаблонные рифмованные «агитки»: его добрая, мягкая душа вкладывала в строки искреннее уважение к труженику, восхищение его мастерством:

Камень – демон.
Мастер – гений
По отделке твердых плит.
В долгой схватке двух терпений
Самый стойкий победит.

И стучит творец упорный
По граниту молотком.
Он сидит на глыбе черной,
Как на лошади,
Верхом.

И сдается камень хмурый –
 Сын далеких ледников:
 Быть ему архитектурой
 Термоядерных веков.

А умелец удалится:
 Дело сделано – и ша!
 Да накрошит хлеба птицам, -
 Очень мягкая душа.

(«Камнетес»)

В оттачивании мастерства поэту пригодилось все: опыт армейской службы и труд простого рабочего (пришлось после армии поработать электромонтером); широта кругозора, заложенная учебой в институте, позднее закрепленная работой научным сотрудником музея-заповедника; легкость слога, выработанного журналистской практикой, а также рутинным, на первый взгляд, но в действительности очень важным трудом – написанием сценариев массовых мероприятий, в пору работы поэта клубником, а в последние годы – в областном центре народного творчества.

Именно в эти годы растет слава О. Тиммермана как поэта. Его стихи помещаются в коллективных сборниках псковских поэтов («Вече», 1974), его начинают печатать центральные журналы: «Наш современник», «Нева», «Аврора». Выходят с разрывом в несколько лет два поэтических сборника «Удивление» и «На земле обелисков».

Всего каких-то двадцать лет звучал над псковской землей голос поэта Олега Тиммермана. В ту пору не все коллеги по перу принимали его творчество всерьез – слишком легко, слишком звонко, по-молодецки, по-псковски задорно звучал голос поэта, и это было непривычно, несерьезно... Он так и не стал членом Союза писателей, хотя к этому страстно стремился. Быть может, случись такое, его судьба была бы иной. К сожалению, смерть пришла слишком рано, застав поэта в самом расцвете творческих сил.

Время меняет оценки, расставляет свои «точки над і».

Сегодня имя Олега Тиммермана – в ряду тех, кто оставил свой неизгладимый след в псковской литературе, чьи произведения охотно берут составители современных поэтических антологий. Его стихи пережили и автора и поэтому вошли вместе с нами в новый век. Отражая свое время, они не старятся, они и сегодня звучат пронзительно и вдохновенно, поднимая исстрадавшиеся от неверия и невзгод наши души к осознанию трагизма и высоты судьбы нашего народа – и каждой личности в отдельности:

В ораторы не был зачислен,
От блеска наград не ослеп.
Мне в разные годы отчизна
Вручала то молот, то серп.

Припудрясь цементною пылью,
Украсясь мазутным мазком,
Хотел я, чтоб сделалась былью
Легенда о счастье людском.

Порой оступался в болото,
Где гнил обывательский хлам,
Но вновь от соленого пота
Рубашка моя – пополам.

Вставал, с пустозвонами ссорясь,
Ложился, бахвальство кляня...
Я верил в обычную совесть,
С которой родили меня.

Простым рядовым пятилеток
Лелеял цветы на золе,
Чтоб тихо сказать напоследок:
«Я тоже ходил по земле».

Ирена Язеповна Панченко

Ирена Язеповна Панченко (род. в 1938 г.)

Ирена Язеповна Панченко родилась в городе Краслава в Латвии. Окончила филологический факультет Великолукского педагогического института и Высшие театральные курсы при Гитисе в Москве. В Пскове живет более тридцати лет, с 1968 года. Вся её деятельность проходила и проходит в сфере культуры, и творческий вклад её в эту область жизни Псковщины значителен. Она работала журналистом в областной газете, где коллеги вскоре рекомендовали её в Союз журналистов; директором городского Дома культуры, завлитом Псковского драматического театра, возглавляла вместе с С.С. Гейченко областное отделение Всероссийского фонда культуры, уже не первый год руководит Объединением псковских писателей, региональным отделением Союза писателей России.

Псковскому – и не только псковскому – читателю И. Панченко известна как поэт и детский писатель. Но в 1992 году в Союз писателей её принимали как драматурга. На момент вступления на её счету было девять пьес – как для взрослого, так и для детского театра. Её пьесы-сказки ставили театры в Саратове и Орле, Калинин и Магнитогорске, Рязани и Томске. Шли пьесы и в Псковском театре кукол, пользуясь неизменным успехом у юного зрителя. Уже о первой из этих постановок по пьесе **«Отважное сердце»** (1981), написанной по заказу театра, критик А. Некрылова писала как о творческой удаче. Особенно удался образ Михейки, главного героя, на глазах зрителя прошедшего путь от отроческих наивности и озорства к опередившей возраст душевной зрелости, позволившей победить страх, совершить поступок, достойный взрослого мужчины. Вслед за автором театр ведет серьезный разговор со зрителем-ровесником героя пьесы о таких понятиях, как Родина и свобода. И эти высокие понятия становятся особенно близкими псковскому зрителю оттого, что пьеса написана на местном материале, подсказанном автору одной из газетных публикаций.

Творческими достижениями Псковского театра кукол стали и последующие обращения к пьесам И. Панченко – **«Теплый хлеб»** и, в особенности, **«Поди туда – неведомо куда...»**. Эта пьеса, написанная по мотивам известной русской народной сказки, является, тем не менее, самостоятельным художественным произведением, отразившим авторскую индивидуальность.

Среди произведений для детского театра особое место занимает пьеса **«Солнечный цветок»**, изданная десять лет назад Министерством культуры в серии сборников пьес для театров, а в 1998 году опубликованная в одноименном сборнике, выпущенном Объединением псковских писателей.

Появление этой пьесы совпало со временем творческого кризиса, охватившего российские театры в годы перестройки. И сегодня поднятая в ней тема звучит актуально: в иносказательной форме утверждается мысль о равенстве всех народов и рас, живущих на земле.

Среди пьес И. Панченко едва ли не самая интересная и значимая – **«Звезды падают в августе»**. Впервые она была опубликована в сборнике **«Завещанное»**, изданном Псковским отделением Фонда культуры в издательстве **«Советский писатель»**, позднее – в Москве в издательстве **«Страстной бульвар»**. В основу пьесы легли авторские впечатления от журналистских встреч в годы работы корреспондентом областной газеты.

Образ главного героя – Павла Метлова – скорее собирательный. В нем переплелось много судеб непризнанных свое временно или забытых героев войны. В преддверии 60-летия Победы пьеса вновь актуальна.

И все же псковскому читателю И. Панченко больше известна как поэт, хотя её перу принадлежат рассказы, сказки, очерки. Автор продолжает начатую много лет назад работу над произведениями для детей и юношества как в стихах, так и в прозе. Одна за другой выходят ее детские книжки: **«Заячья елка»**, **«Царское имя»**, **«Кто подмел в лесу дорожки»**, **«Березовый сок»**.

В 1998 году появляется сборник для детей «Летний снег». Последние три книги впервые оформлены самим автором, к тому времени уже известным в городе живописцем. В целом, за последнее пятилетие ею проиллюстрировано более пятнадцати авторских книг и коллективных сборников. А книга для детей – стихи А.С. Пушкина о природе «Времена года» - стала дипломантом Всероссийского конкурса на лучшую детскую книгу «Отчий дом» (1997) за оригинальное оформление.

Вот что писала Ирина Токмакова о книгах для детей И. Панченко:

«О чем пишет Ирена Панченко? О своем, родном, самом дорогом: о лесе, о лете, о птицах, про щенка, про белочку. Поэт создает свой мир, мир, в котором светит теплое солнышко, зреют хлебные колоски, грибы весело прыгают в кузовок».

Критик отмечает, что Ирена Панченко «пользуется разной техникой стихосложения». Порой это традиционные рифмованные строчки, порой – белый стих:

...А когда наступит вечер,
Мы затопим в доме печку,
На крыльцо мы в полночь выйдем
Звезды на небе считать.

Всюду шорохи ночные,
Шелест, шепот, бормотанье –
Целый мир, большой и тайный,
Возле темного крыльца...

О художественном оформлении книг И. Панченко тот же критик пишет: «... создавая свой поэтический мир, автор стихов создает и свой пластический мир – тоже своими руками. Какая необычная, я бы сказала, к сожалению, редко используемая в иллюстрации детской книги техника! Дыхание родной природы поэт-художник прямо переносит на страницы книги, комбинируя возможности художника-флориста, акварелиста и рисовальщика».

На всех уровнях автор способна ощущать радость от близости с природой: ей радостно полоть грядки, кормить птиц и другую живность, собирать урожай.

И. Панченко пишет для детей без назидания, ведет разговор уважительно, искренне и просто. Эта простота, доступность детскому восприятию не нарочиты, они – от самой человеческой сути автора, от ее жизненной установки, от способности найти с юным читателем «общий язык».

В последние годы один за другим выходят поэтические сборники – **«Притяжение высокой луны»**, **«Река жизни»**, **«Рыжее солнце»**, у которых другой адресат – взрослый читатель. В каждом запечатлено состояние души поэта – изменчивое, притягательное, подкупающее внутренней свободой.

В стихах И. Панченко – не просто открытость, а неумное желание исповедальности. В них – жгучее чувство вины перед родителями, столь близкое каждому читателю, переживания, связанные с взрослением дочери и боль за всех ошибающихся в жизни молодых (**«Я дочку замуж выдала вчера»**, **«Я жду прихода твоего...»**, **«С солдатом девушкам не нравится встречаться»**, **«Девочка на обочине дороги»** и др.). Не случайно её сборники так востребованы на встречах в молодежных аудиториях – в них ненавязчивая мудрость зрелого человека, способного понять и предостеречь молодых. Впрочем, и пожилых людей не оставляют равнодушными произведения И. Панченко.

В предъюбилейный для города Пскова год у И. Панченко вышел сборник стихотворений **«Рыжее солнце»**, куда вошли лучшие стихи прошлых лет. Но большую его часть составляет написанное в последний год. Сборник открывается теплыми стихами о городе, в котором **«... нашла я утешенье, / В чем жизнь моя, любовь, мое спасенье...»**. Любовно выписаны городские и деревенские пейзажи, неотделимые от размышлений о нравственных и социальных бедах современности. Боль и грусть в стихах о деревне: **«Не пойму и не приемлю вороватую деревню - / Ту, в которой вишня зацвела. / Что ни день – то стон и слезы, / Крики, ругань и угрозы: / Там и сям воруют – вот дела!..»** (**«Вороватая деревня»**).

Но самая болевая точка для И. Панченко – это проблема «родители-дети», столь остро и болезненно поставленная нашим временем. Не раз обращаясь к ней, И. Панченко написала одно из лучших своих поэтических произведений – **«Сыны и дочери, любите матерей...»**, в котором сила убежденности столь велика, что читатель не может не проникнуться тем же чувством, не испытать волнения:

... Я вас молю: любите матерей,
Чтоб сердце не разорвалось однажды
От боли, что с собою носит каждый,
Прозрев от тяжести вины своей...

Достоинство этого и других произведений, независимо от образного языка, избранного автором, - это любовь ко всему живому, способность «заразить» ею тех, кто с полным доверием войдёт в многообразный мир творческих поисков Ирины Панченко.

Говорят, поэзия – удел молодых. Но разве дело в возрасте? Молодость души, ее открытость для мира, наконец, талант – вот главные движители любого творца. У Ирины Панченко все это имеется.

Евгений Михайлович Афанасьев

Евгений Михайлович Афанасьев (1926-2002)

Евгений Михайлович Афанасьев родился 22 февраля 1926 года в деревне Машутино, ныне Стругокрасненский район Псковской области, в семье служащего. Едва закончил восемь классов, грянула война. Затем – оккупация. В 1944 году был угнан в Германию. После освобождения в 1945-м завербовался на стройки Урала. Трудился в городах Кыштым, Карабаш, Коркино. В 1949-м из-за болезни вернулся на родину. Закончил Ленинградскую школу киномехаников. «Крутил» фильмы, доучивался в вечерней школе.

С этого времени он начинает сотрудничать в газетах: пишет басни, эпиграммы, пародии, стихотворные фельетоны. Первые же его басни: **«Бык и ярмо»**, **«Удав и мартышка»**, **«Барсучья мозоль»** коротки и хлестки, точно направлены в цель. Но у Афанасьева возникает потребность в совершенствовании слова, и в 1963 году он поступает на заочное отделение Литературного института им. Горького в Москве, который заканчивает в 1969 году. Работает в семинаре известного поэта, лауреата Ленинской премии Егора Исаева.

С 1974 по 1995 гг. Е.М. Афанасьев – сотрудник районной газеты. Вот здесь-то по-настоящему и раскрылся талант Афанасьева-сатирика, человека особого склада, со своим взглядом на мир, со своим литературным стилем:

Наши власти взяли моду
Брать за землю и за воду.
Не дошло до их ума:
Мы же дышим задарма!

Или:

Хапуги стали боссами,
Мы голыми и босыми.

Или:

Обо всем у нас печать,
Только... нечего читать.

Его басни бичуют, высмеивают, вытаскивают на свет божий всё то, что человек старается спрятать от стороннего глаза. От обывателя скроешь, от сатирика – нет!

Какой у Волка замысел,
Коль он Барану в замы сел?

Или:

Баран доволен был судьбой:
Его кормили на убой.

Или:

Мы по Марксу жизнь листали.
И застряли... в «Капитале».

Более тридцати лет Евгений Афанасьев посвятил творчеству, оттачивая перо сатирика. От автора кратких и метких, граничащих с афоризмами басен досталось разного рода бюрократам, ловкачам, хапугам, лодырям и обманщикам всех мастей – словом, всему «презренному и ничтожному» (Н.В. Гоголь), мешающему жить достойно и в советское, и в перестроечное, и в настоящее время.

В трудовом стаже Е. Афанасьева насчитывается всего две профессии – киномеханика и журналиста районной газеты. Но его главное призвание – быть поэтом-сатириком. Его басни печатались в центральных и местных газетах и журналах, в литературных сборниках.

Вышло в свет три отдельных издания басен: «**Прошу обижаться**», «**Барсучья мозоль**» и сборник под названием «**Басни**» в 1996 году. Сборник показал, что произведения Е.Афанасьева – это своеобразная летопись эпохи, реестр её «проб и ошибок», обозначившихся на исходе XX века:

Городской петух
Квартиру городскую обживает
Доверию назло,
Лишь кукарекать выезжает
На село.

Или:

Ищущая душа
О, сколько дерзких мыслей в нем,
И как мечты его крылаты:
Едва себе отгрохал дом,
А на уме уже – палаты!

Или:

Кроткий волк
С чего стал Волк так тих и светел?
Он к овцам в депутаты метил.

Или:

Субъективная причина
Не достроился Объект –
Рядом строился Субъект.

В 1999 году в сборнике «**Капли времени**» вышла большая подборка новых басен Е. Афанасьева. Она ещё раз подтвердила, что не притупилось от времени перо поэта-гражданина, публициста-сатирика, что он по-прежнему равняется на время:

Дело за малым

Всё есть у новых русских:
И вина, и закуски,
Особняки и даже
Есть острова и пляжи.
Одна у них беда:
Ни капли нет стыда!

Главе

Той чести удостоен если,
Не перепутай в горячах:
Глава – это не что-то в кресле,
А то, что носим на плечах.

Цена импорта

В пользу импортной «конфетки»
Убедились мы сполна.
Хороши их этикетки,
Содержанью – грош цена!

День пенсионера

Бесплатно в баню я иду
И еду я бесплатно!
Внимание – хоть раз в году,
Но все же как приятно!

Во все эпохи поприще сатирика требовало особого мужества, оправданного благородной целью. Поэтому и «смех» Евгения Афанасьева «светел»: он «заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без проникающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека» (Н.В. Гоголь).

Иван Егорович Калинин

Иван Егорович Калинин

(род. в 1940 г.)

Иван Егорович Калинин родился в Калужской области. С отличием окончил Воронежское культурно-просветительное училище, работал заведующим сельским клубом в селе Орловка Тамбовской области, затем в райкоме комсомола. Три года служил рядовым в Советской Армии, после чего поступил в Ленинградский институт культуры им. Н.К. Крупской. В дальнейшем судьба привела его в Псков, и вот уже более 30 лет его жизнь неразрывно связана с культурой города, где он начинал директором областного Дома народного творчества, затем работал заведующим отделом культуры Псковского горисполкома, директором научно-методического центра народного творчества. С 1983 года по настоящее время – заместитель председателя горисполкома, теперь – мэра Пскова. Многие прекрасные традиции в культурной жизни города связаны с именем и инициативой И.Е. Калинина: фестивали «Псковская весна», театрализованные городские праздники, зонг-митинги, карнавалы...

Довольно редко сотрудники управления, занимающие руководящие посты, становятся писателями. Иван Егорович – член Союза писателей России. Ему принадлежат более 140 публикаций в газетах и журналах, а также шесть книг, посвященных клубной работе.

Хорошо ли мы знаем, что такое клуб? Думается, у большинства представление об этом весьма ограниченное.

Рассказать о многогранных функциях учреждений культуры, об их месте в жизни человека, семьи, общества, помочь работающим в сфере культуры людям осознать значимость их деятельности – такие непростые задачи поставил перед собою автор этих книг.

Первая книга клубной серии **«Клуб – это творчество»** вышла в московском издательстве «Советская Россия» в 1980 году. Затем одна за другой выходят: **«Записки клубника»** (1995), **«Клубные встречи»** (1996), **«Клубок»** (1998), **«Беспокойно-застойные»** (2000), **«Уголок души твоей»** (2002).

Но было бы неверным считать книги И.Е. Калинина автобиографией, изложенной посредством дневниковых записей в хронологическом порядке. Все книги – полноценные публицистические произведения, размышления автора о духовной жизни человека на житейских изломах, в будни и праздники. Это – философское осмысление пути «от себя к себе». Это, наконец, плод долголетних наблюдений, охватывающих огромные пласты жизни вчерашней и сегодняшней, исследование человеческой души.

Несомненно, эти книги интересно читать не только работникам культуры, но и каждому, кто пытается осмыслить жизнь, свое внутреннее «Я» и свое предназначение.

В поэтическом зачине книги **«Клубок»** автор обращается к людям, к своему многострадальному народу с любовью и великим уважением:

- Россияне! Рос-сиянье! Поклон вам от землян всей планеты. Хорошо, что вы есть, что вы такие! Растите и сияйте и ныне, и присно, и вовеки веков!

Немало псковичей бывало и бывает у И.Е. Калинина по разным деловым и личным вопросам. В главе «Исповедь бюрократа» автор с предельной откровенностью рассказывает о том, как в течение более 35 лет работы в органах управления «где-то в пути терялся «мальчик» и все больше вырастал бюрократ». И тут же восклицает:

- Как хочется кричать во весь голос: я не бюрократ! Я все отдавал людям...

Поясняя, зачем он написал эту главу, обжигающую своей откровенностью, автор заключает: «Сотни и тысячи людей ежедневно приступают к исполнению своих обязанностей. Они должны знать все болезни бюрократической машины, чтобы как-то избавиться от них и не стать новыми жертвами».

В каждой книге И.Е. Калинина имеются две составляющие, два плана. Первый - это разговор собственно о клубе и клубной работе. Второй - размышления о жизни, аналитический взгляд на прошлое и настоящее, попытка исследовать истоки бед, которые обрушились на наш народ вчера, сегодня.

Ясно, что без учета политической, социальной, экономической, духовной среды, в которой живет народ, нельзя правильно строить клубную работу. Поэтому оба эти плана в книгах тесно связаны. Автор вторгается в такую потаенную среду жизни человека, как любовь, отношения двоих в супружестве, воспитание детей.

Что же такое клуб? По определению И.Е. Калинина, клуб – это родник духовной жизни людей. Главное его назначение – организовывать общение людей, объединять их по взглядам, интересам.

При этом общение должно происходить «на уровне искусства, на планке высочайшей культуры». Клубный работник, чтобы все хорошо получалось, по мнению автора, должен жить жизнью людей, с которыми общается (глава «Клубное общение»). Бесценны для работников культуры разработки вечеров, сценарии праздников (например, праздника Победы, Дня города и других, проводившихся в г. Пскове). Для клубного работника и того, кто собирается им стать, здесь содержится ценный методический материал.

Основная мысль, лежащая в основе записок И.Е. Калинина о клубной работе, состоит в том, что в наше время, когда преобладают разобщенность людей, их замкнутость в кругу бытовых проблем, клубное общение в любой его форме способно помочь укрепить силу духа, помочь познавать жизнь и находить маленькие радости бытия.

Книги «**Клубные встречи**» и «**Клубок**» - несколько иные, чем две первые, а заглавие «Клубные встречи», как говорит автор, «лишь форма для подачи материала». Достаточно заглянуть в оглавления книг, как сразу обратят на себя внимание названия глав, отражающие необычный стиль повествования: «Бесовство», «Да здравствует Абсурд», «Усталость», «Грязь», «Клубоверть», «Дебри» и другие. Каждая глава (автор называет их *Встречами*) распадается на отдельные зарисовки, эссе, полемические заметки, воспоминания о событиях с неременной их оценкой. Они сугубо личностные, эти оценки, быть может, в

чем-то максималистские, в чем-то беспощадные, но, несомненно, выстраданные. Своеобразна по строю мыслей, остро полемична глава «Бесовство». Что это за явление? Где его корни? Каково его влияние на жизнь людей? Автор приходит к выводу, что любые идеи, действия, доведенные до крайности, превращаются в абсурд. В этом он видит истоки «бесовства», которое появляется в действиях, поведении как отдельного человека, так и целых групп людей. Как правило, считает автор, в «бесовство» впадают люди никчемные, страдающие комплексом неполноценности. Порождение перестройки - люди «со стеклянными глазами», - замечает автор. В условиях нестабильности общества эти люди в «бесовстве» стремятся самоутвердиться, взять реванш за прошлую «неприметную» жизнь. Примеров в книгах И.Е. Калинина достаточно. Автор делает вывод, что «бесовство» разрушительно, оно - враг созидания. В результате «бесовства», противостояния произошли события августа 1991 года, распад Союза, октябрь 1993 года.

А что народ? В книге «Клубные встречи» автором дается ответ:

«Он ждет перемен. Он устал от противоборств, обещаний и напряжения...» И.Е. Калинин не скрывает своей душевной тревоги за будущее нации.

В главе «Усталость» исследуется природа усталости души, «выгорания», потери человеком представления о ценностях жизни. Люди устали:

- устали политики от некомпетентности;
- устали народы от противостояния верхов;
- устали старики ждать плодов труда всей прожитой жизни;
- устали люди от несправедливости;
- устали низы от нерешительности верхов, а верхи от воплей низов.

Неправда ли, точно увиденная автором картина нашей жизни? Однако у читателя не должно сложиться впечатление, что в книгах И.Е. Калинина преобладает пессимизм. Автор считает, что каждый человек, политик, коллектив, семья, страна могут добиться в жизни успеха, если выстроят для себя цепи

конкретных целей-побед от маленьких до больших и сумеют настроиться на эти победы. Учиться искусству побеждать призывает он читателя.

Совсем по-особому интересна книга «Клубок», заглавие которой символично: «Через «Клубок» я освобождаюсь из плена прошлого, дорожу настоящим и бесстрашно принимаю будущее».

Есть в книге «Клубок» глава под названием «Перекресток» (лирические этюды), посвященная теме любви. Это уже не публицистика, а художественное произведение, написанное добротным, точным языком. У героев нет имен - это просто Он и Она. Они проживают сложную историю отношений мужчины и женщины, историю без конца, без разрешения. Каждый эпизод, каждая встреча чередуются с авторскими размышлениями о природе и зарождении чувства, о красоте, долге, совести, разуме.

«Разные разности» - так называется глава, в которой публикуются записи разных лет и по разным поводам. Эти записи, очевидно, делались спонтанно, мысли ложились на бумагу даже в пригородном поезде по пути на дачу. Здесь размышления о цивилизации, о путях формирования личности, о духовности, о церкви - всего не перечислить. Многие из заметок могут претендовать на статус научного анализа, например, оригинальное исследование этимологии слов. С авторским толкованием слов можно соглашаться или нет. Это его восприятие. Но читать и думать над этим интересно.

Часто стиль произведений И.Е. Калинина афористичен:

- Жизнь - это вечный задачник, где каждая задача - со многими неизвестными.

- Жизнь - вечная игра наперегонки Порока и Добродетели. Побеждает в гонках Добродетель - становится скучно, побеждает Порок - становится страшно.

Стоит обратить внимание на заглавие шестой книги из серии «Клуб». Оно звучит как обращение к читателю: «Уголок души твоей...». И многозначительное авторское многоточие, которым предопределены психологизм и аналитический

характер в исследовании многосторонних явлений жизни, главным образом, в сфере духовной, нравственной. Чтобы понять это, достаточно вдуматься в названия глав: «Будем достойны нашего праздника», «Лицо истины», «Истина лица», «От себя к себе», «Уголок души твоей...».

Личность становится центром авторских размышлений: бывший директор Псковского музея-заповедника, Почетный гражданин города Иван Николаевич Ларионов, бывший директор Театра кукол Александр Неласый и другие, уже ушедшие из жизни, но оставившие в истории города свой заметный след.

И.Е. Калинин пишет и о тех, кто и сейчас самозабвенно и творчески служит развитию духовной культуры: Н.М. Мишуков, В.И. Радун, А. Роор...

Мысль о сохранении народных традиций в той или иной форме пронизывает всю книгу. «... Замелькали названия – презентация, вернисаж, бенефис, шоу... Никого уже не смущает, что фуршет – западная традиция...». И.Е. Калинин рассматривает праздники как способ сохранения народной культуры, обогащающей душу человека.

Автор видит и любит природу и умеет передать эту любовь:

«А видели ли вы ранней весной или осенью, когда деревья и кустарники стоят без листьев, а их ветки покрывают мириады капель? Точно изумрудные бусинки, висят они на всех предметах. Висят и не обрываются, висят, искрятся на солнце...». Поэтично описание гроздьев красной смородины с каплями росы на каждой ягоде. Эта глава так и называется – «Капля», хотя автор размышляет в ней не только о красотах природы, но и осмысливает жизнь, в которой «капля любви, капля веры в успех, капля терпения питают каплю надежды...».

Нельзя не отметить лиричное, созвучное повествованию оформление книги (художник И. Панченко).

Книги И.Е. Калинина – необычное явление в нашей литературной жизни. Не случайно, прочитав книгу «Клубок», петербургский профессор Ю.Б. Зильбер, племянник В. Каверина,

написал автору: «... в книге нет подчеркнутой нравоучительности, хотя она содержит очень много полезных рассуждений и даже конкретных советов. Кроме того, меня совершенно потрясли ваша искренность и глубокая любовь к Пскову и Вашей работе, которые чувствуются во всей книге...

Спасибо Вам за такую книгу».

С такой оценкой нельзя не согласиться.

Станислав Александрович Золотцев

Станислав Александрович Золотцев (род. в 1947 г.)

Станислав Александрович Золотцев родился в 1947 году в деревне Крестки, которая давно уже поглощена городом, - на месте одноэтажных деревянных домиков высятся многоэтажные псковские массивы.

Он рос в семье учителей, и поэтому, может быть, пристрастие к русскому языку, литературе проявилось очень рано, хотя был он в ту пору обыкновенным деревенским парнишкой, хоть и способным, но не усидчивым учеником, даже десятилетку заканчивал в вечерней школе. Служил в армии, в морской авиации на Севере.

А потом была успешная учеба в Ленинградском государственном университете, захватившая его целиком. Он получил диплом преподавателя и переводчика английского языка. Преподавал в вузе, работал переводчиком за рубежом, постоянно совершенствуя знания иностранных языков, особенно народов Средней Азии, с культурой которых близко познакомился во время службы и творческих командировок.

Позднее окончил аспирантуру в МГУ, защитил кандидатскую диссертацию. Но литература – в первую очередь, поэзия – возобладала над наукой, хотя литературоведение время от времени заставляет его взяться за очередную тему или задумать новую книгу.

В 1975 году по первой книжке стихов Ст. Золотцев был принят в Союз писателей. Рекомендации Ст. Золотцеву дали К. Симонов, А. Сурков и Н. Старшинов. Поэт-фронтовик М. Львов написал к его книге восторженное предисловие, а другой замечательный русский поэт, Е. Винокуров, писал в «Литературной газете»: «Стихи Золотцева отмечены глубокой культурой слова».

Блистательный дебют Ст. Золотцева (большая подборка стихов в журнале «Новый мир») стал началом его долгого и непростого пути в литературе. Его гражданская позиция и

творческая активность оставались неизменными как в годы «застоя», так и в «перестроечное» время.

В 80-е годы, во время всё более частых и длительных приездов поэта на родину, им была написана основная часть самой «псковской» книги – «**Сыновней поэмы**», где сочетание стихов и прозы должно было способствовать созданию многогранного образа Псковщины в её истории и современности.

В 2001 году увидела свет шестнадцатая книга писателя. Вообще, последние два года были для него «урожайными» - одно за другим в роман-газете выходят прозаические произведения Ст. Золотцева, печатаются критико-литературоведческие эссе, публикуется сборник стихотворений «Летописец любви». Возможно, сказался уход от дел, от службы, ведь все годы он был в гуще событий на писательском Олимпе – сопредседатель Московского Литературного фонда, член Приемной комиссии Союза писателей, секретарь правления, с 1995 года – председатель Псковской областной организации, с 1997 по 2001 – Объединения псковских писателей. Такая напряженная работа требовала времени и энергии, которые теперь полностью отданы творчеству.

Оглядываясь на путь Ст. Золотцева в литературе, в первую очередь хочется говорить о нем как о *поэте*. Лейтмотив всех его поэтических сборников – земная любовь. В самом широком её значении: к многострадальной Отчизне, к родителям, к женщине, к природе.... Подчеркивая личностный характер своих стихов, Ст. Золотцев называет их «дневниковыми страницами», заявляет, что его стихам «в веках не сохраниться», но если –

Я брошу сей неблагодарный труд –
Не ошутит, не разглядит потомок,
Кем были мы, чем жили в эти дни,
Какие обжигали нас огни,
Кто созидатель был, а кто – подонок.

Лирический герой Ст. Золотцева обладает обостренным чувством справедливости. Он не боится давать жесткие оценки происходящему в обществе. Он откровенен и резок:

Разругались меж собою демократы,
 Разругались меж собою патриоты...
 Разругались – у кого ума палата –
 И, конечно, записные идиоты.
 А за пылью митинговой и кровавой,
 За Кремлевской и парламентскою пеной
 Затерялась жизнь земли моей корявой,
 Просто жизнь. Она осталась неизменной.

Отдельные стихи посвящены событиям, сыгравшим трагическую роль в судьбе России («Август-сентябрь 1991 года», «Осень-93», «После расстрела» и др.), о которых он знает не понаслышке, сам являлся их участником:

С октября во мне – два главных ощущения.
 В каждом – эхо залпов пушечных звучит.
 От того, что жив остался – удивление.
 От того, что жив остался – жгучий стыд.

Там, где накал обличения и боли особенно высок, автор прибегает к жанру политического памфлета, его слово разит и обличает. Но сатира в творчестве поэта все же редкая гостья. Его стихам присуща лирическая тональность, жизнеутверждающая любовь ко всему русскому: природе, облику Пскова, православию, русской душе. В чем видит поэт спасение России? В славном прошлом, в неразрывности связи поколений и их любви к родной земле, в загадочности русской души:

Опять источник своего бессмертья
 Раскрыть не хочет русская душа!
 Который век она не поддается

Разъятию огнем моим на рай и ад.
Который век она собою остается,
И не берут ее разгадка и распад.

В его стихах – трезвое осознание происходящего, а отнюдь не возвышенно-беспочвенное обещание прекрасного будущего. Свою нравственную силу он черпает в родовых корнях, и стихи об отце и матери, стихи о Пскове – едва ли не самые проникновенные и пронзительно-лирические. Солдатская красная звезда и крест на могиле отца – символы, ставшие святыми для поэта:

Спи, отец – созидатель и воин страны,
Что была и пребудет Святою,
Под крестом православным из красной сосны
И под русской высокой звездой.

Среди стихов, посвященных родовым корням, стихотворения «Не умирают отец и мать», «Вслух и про себя слезно повторяю...», «Смородиновый трилистник» - своеобразный поэтический триптих необыкновенной силы, рождающий в душе читателя трепет сопереживания.

На стихи Ст. Золотцева написаны песни, ставшие любимыми у псковичей: «Целовались мы с тобой у Гремячей башни», «Псковский приворот» и др.

Лирический герой поэтического сборника **«Все пройдет, а Россия останется»** - не юноша, но человек, размышляющий о наступающей осени жизни. Однако чувства его становятся лишь ярче, полнее, умудреннее. В стихах – благодарная память о счастье, подаренном женщиной в прошлом и согревающим жизнь сегодня:

На тобой подаренных крылах
Над хлябями безверья и злословья,
Превозмогая суету и страх,
Вся жизнь моя становится любовью.

Философские рассуждения о жизни, о судьбоносных для Родины событиях, о любви и природе, помогающих выжить в трудную минуту, – все вместилось в шесть тематических глав последнего сборника, не случайно озаглавленного **«Летописи любви»**. Как заклинание, звучит одна из строф первой главы: «Так хватит плакать, хватит, будет.../ Пускай услышит белый свет: / Мы есть, мы - русские, мы – люди / тысячелетий, а не лет».

Внимательный читатель обязательно заметит, что стихи в книге расположены не по тематике, не по времени написания – по авторскому наитию. Строки как будто рвутся из израненной души поэта, автор спешит выплеснуть их, поделиться своим мироощущением. Читаешь его стихи о любви к родной земле, о боли от разлуки, что он сказал не все: где-то в глубине его сотрясает буря чувств, а вылейся они все разом – взорвется сердце поэта.

Изданные в 2000-2001 годах романы **«Камышовый кот Иван Иванович»** (об удивительной истории из жизни деревенской семьи в псковской глубинке) и **«У подножья Синичьей горы»**, (посвященный А.С. Пушкину, его обители в селе Михайловском), - оригинальны по замыслу, поэтичны по сути.

Ст. Золотцев вступил в пору творческой зрелости. Без сомнения, впредь у него новые художественные открытия, преодоление новых творческих рубежей.

Борис Тимофеевич Ильин

Борис Тимофеевич Ильин

(род. в 1940 г.)

Борис Тимофеевич Ильин родился в ленинградской деревне Красный бор.

Окончив школу, поступил в Мурманское мореходное училище, служил подводником на Северном флоте, был штурманом дальнего плавания. После службы приехал к родителям в Псковский район Псковской области. С 1963 года – учитель английского языка в Пожеревицкой школе Дновского района. Увлечение журналистикой и успехи в творческой работе были закреплены учебой в Москве в Литературном институте имени М. Горького, который он закончил в 1974 году. С 1982 года Б.Т. Ильин – редактор Палкинской районной газеты «Льновод». На этой должности трудился до выхода на пенсию. Среди районной общественности его авторитет был неоспорим.

Все годы после окончания Литинститута Б.Т. Ильин занимался литературной работой. Псковичам его имя известно уже более двадцати лет. В московском издательстве «Современник» под рубрикой «Первая книга в столице» вышел сборник его рассказов **«В стороне от больших дорог»**. Событие это было радостным не только для автора, человека удивительной скромности, но и для всех псковских писателей – молодым авторам в ту пору пробиться, а тем более в Москве, было чрезвычайно трудно.

Название книги символично, а в её содержании сфокусирована многолетняя душевная боль селянина, наблюдавшего, как на его глазах рушилась вековая связь крестьянина с землей-кормилицей.

Деревня – единственная и горькая тема всех последующих произведений Б.Т. Ильина: рассказов и повестей **«Боль»**, **«Матица»**, **«Дорогами памяти»**. С 1991 года Б.Т. Ильин- член Союза писателей России.

В последующие годы произведения писателя не раз издавались в псковских коллективных сборниках. Один за

другим выходят и его авторские сборники – «**Звезда приветная**», «**На росстанях**», читая которые, можно видеть, как развивается талант автора, оттачивается слово. Но главной темой по-прежнему остается до мелочей знакомая ему жизнь современной деревни со всеми её сложными, доходящими порой до трагизма, духовно-нравственными проблемами.

Эти проблемы в годы перестройки и последующее десятилетие подступили к сельскому жителю вплотную, заставили задуматься о дальнейшем житье-бытье, поставили пред выбором своего пути.

Вот фрагмент описания деревенской сходки, перед которой держит речь главный герой рассказа «**Прекраса**» (сборник «**На росстанях**»):

– Так вот, уважаемые господа иль товарищи, - не знаю, как ныне вас прозвать, - надо нам далее идти скопом, единой шеренгой. Иначе задавят нас всех по одному.... Разогнали по единоличным дворам зарабатывать на богатство. Да, с пяток семей в округе разбогатели, разъелись, но как? На разоре и нищете других. Стало быть, в таком богатестве нет праведности.... Вот почему быть нам вместе в трудах на поле и тут в жизни в Речицах. В этом наша сила!

Сюжеты для своих рассказов Б.Т. Ильин берет из родной среды, сознательно не обходя острых углов. И потому писателю веришь и всей душой сочувствуешь его персонажам. Закономерно, что имя писателя вошло в изданную в 2001 году антологию псковской литературы «Вчера и сегодня. XX век».

Говоря о творчестве Б.Т. Ильина, нельзя обойти вниманием еще одну тему в его творчестве: тему окружающей нас живой природы, прозвучавшую в произведениях, опубликованных в последних сборниках Объединения псковских писателей.

В 2002 году писатель Б. Ильин удивил и порадовал обращением к далекой истории земли Русской, к теме зарождения Пскова, написав в преддверии юбилея города произведение исторического жанра. Книга «**Княгиня Ольга**» - это эпическое произведение, вобравшее в себя историю не одного

десятилетия становления русской государственности. Автору удалось вжиться в образы исторических лиц, в судьбы героев, отдаленных от нас огромной временной дистанцией.

Писатель не считает, что завершил главный труд своей жизни. Уже пишется «продолжение», новое историческое произведение о героях «Княгини Ольги».

Валерий Михайлович Мухин

Валерий Михайлович Мухин
(род. в 1942 г.)

Валерий Михайлович Мухин родился в селе Кесьма Калининской области. В Пскове живет с 1957 года. Здесь закончил индустриальный техникум, Псковское музыкальное училище, позднее - Псковское отделение Ленинградского Северо-Западного политехнического института. Работал чертежником, музыкантом в оркестре, преподавателем в вузе, ведущим инженером-конструктором на Псковском заводе ТЭСО. Член Союза писателей России.

Все поэты пишут о любви. Каждый по-своему. Псковский поэт Валерий Мухин уверенно заявил себя лириком, поющим любовь по-особому трепетно и проникновенно. Это не значит, однако, что в его поэзии нет других тем. Есть темы гражданские, остро современные. Но любовь в самом широком значении этого слова пронизывает все стихи Валерия Мухина, чему бы они ни посвящались: женщине, природе, родному краю, отчизне.

Псковским писателям знакомы поэтические сборники В. Мухина **«Иду на ваши голоса»**, **«Доверчивая Русь»**, **«Песни на ветру»**. Его стихи широко представлены в сборниках псковских авторов: **«Звенья»**, **«Завещанное»**, **«Скобари»**, **«У родника»**, **«Звучание свирели»**, **«Солнечный цветок»**, **«О любви? И только!»**. Осенью 1998 года вышла авторская книга **«Зеленоглазый ангел»**. Стихи, включенные в эти сборники, дают основание говорить о Валерии Мухине как о поэте зрелом, обладающем яркой творческой индивидуальностью. Его своеобразие проявляется в отборе материала, видении жизни, поэтическом языке, эмоциональной окрашенности каждого стихотворения, в обнажении тайников души.

Стихотворному строю произведений В. Мухина присущи музыкальность и изящество, интеллигентность (к сожалению, редко употребляемое ныне слово). Используя строчку самого поэта из стихотворения **«Убедите меня, убедите»**, с полным основанием можно сказать, что в его стихах «утонченное слово парит».

Любимый писатель Валерия Михайловича – В. Шекспир. Сонеты Шекспира, как говорит В. Мухин, его настольная книга. Совершенно очевидно, что эта любовь, как и благоговейное отношение к поэзии Пушкина, немало способствовали формированию лирического дарования поэта-псковича. В стихотворениях **«Свирель»**, **«Пушкин»**, **«Есть имена, дошедшие до нас...»** он благодарно вспоминает Пушкина и других великих (Чайковского, Есенина), перед которыми, пишет он, «преклоняю я колени». Возможно, под влиянием пушкинского шедевра **«Я вас любил»** родились проникновенные и нежные строки стихотворения В. Мухина **«Я от жизни прошу немного»**, которое завершается словами: «...чтоб улыбка всегда играла на любимом моем лице».

Поэту свойственно философское осмысление вечного чувства любви, его места и значения в жизни человека. Любовь как благо, как источник радости, душевного подъема и обретения сил, как дар и спасение:

Ты мне дана за все мученья,
За все терпенье и труды,
Ты мне дана для облегченья
Сердечной боли и беды.

(«Зеленоглазый ангел»)

В стихотворении **«Час души»** поэт так определяет место любви в жизни человека: «...Любовь ничем не заменить, спасем себя мы или сгубим». Даже память о любви помогает человеку –

Исполнить самого себя:
Свое прочесть, свое пропеть,
Прошелестеть, проговорить;
Своей дорогой пролететь;
Свою вселенную открыть...

(«Кумир»)

Эти строчки полны веры в созидательную силу любви; и даже если любовь ушла –

Иногда для меня довольно,
Что я слышу тебя во сне...

(«Ноша»)

Следуя традиции классиков, В. Мухин воспевает любовь возвышенную, благодарную, бескорыстную. Это не может не импонировать современному читателю, искушенному приземленностью, а иногда и грубым физиологизмом в изображении любви в литературе и на экране.

Колдовской силой любви пронизана вся любовная лирика В. Мухина. Бережное, восторженное, всепрощающее и благодарное отношение к женщине определяют пафос лирической поэзии Мухина:

Нежную, невинную, святую,
Я тебя в молитве помяну.

Таков лейтмотив стихов поэта о любви. Женское начало в них выражено как источник добра и мудрости. Возвеличивая женщину, окружая ее лучезарным ореолом, поэт, однако, подчеркивает, что «каждый час и каждый день он любит женщину земную», любит ее «спелые губы», ее руки, любит «милую таежную дикарку – дочь реки, сестру речным ветрам» («Русалка»).

Одно из лучших лирических стихотворений – «Мадонна». Живой и яркий образ любимой женщины, матери, кормящей ребенка, вызывает в авторе желание написать свою икону: «Прекрасную полубогиню мгновенья, / Спокойно творящую чудо кормления».

В сборнике «О любви? И только!», адресованном юношеству, В. Мухин, как и другие авторы, ведет доверительную беседу с юным читателем, не поучая и ничего не навязывая. В стихотворении «Было время – был я молод...» лирический герой приглашает задуматься над хрупкостью любви, счастья, которые нужно беречь и ценить; не спугнуть, не истратить душевные силы попусту:

Было время – всю-то душу
Раскидал не по уму.
Никого почти не слушал –
Всё хотелось самому.

Это и горькая самооценка, и тактичный совет юным, потому что счастье было и – «испарилось как назло». Нежностью и добротой наполнены строки стихотворения из этого сборника **«Веснушки»**; рассказ **«Очарование»** - элегия в прозе об ушедшей любви.

Образ России, Отчизны овеян в поэзии Валерия Мухина неизбывной сыновней любовью. Гражданская лирика его глубоко личностна и во многом автобиографична. Поэт не понаслышке знает деревню, любит её, вспоминая, как

Брал на плечо стариковскую косу,
Брал стариковский в карман оселок...

(«С Богом»).

В стихотворениях, посвященных родному краю, России, выражен широкий диапазон чувств: от живой радости общения с природой до горечи и боли за положение народа сегодня.

В стихотворении **«Весеннее»**, используя прием олицетворения, автор придает наступлению весны торжественность, поёт ей гимн под колокольный звон псковского Кремля. Этот звон он называет эхом эпох. Всё торжественно, величаво: расступается глубина небес, повеял теплом ветер вечности; в дом, в поле и в лес «повадились весенние песни», и «юностью бродит земля».

Что бы ни затронуло душу поэта: зимняя выюга, зарождение реки, колосющееся поле или запахи трав - он описывает это не как созерцатель. Не случайно в одном из стихотворений В. Мухин говорит о себе, что живет по законам природы. Не

созерцание, а ощущение природы и всего, что с ней связано (смена времен года, щебет птиц), так или иначе влияет на состояние души. Именно поэтому стихи Мухина так многозвучны. В них и ликование, и грусть, и отчаяние, и мольба – вся полнота бытия.

К числу «знаковых» для поэзии В. Мухина стихотворений относится **«Зов земли»**. В нем – и ностальгия по земле, по клочку земли, «где я навек в себе крестьянина открыл». В нем и радость, умиротворение от любования плодами трудов своих – бесхитростная радость от того, что силы не оскудели. Оживает безмятежная душа, сильнее слышится зов земли, которая «как человек, надеется... И ждет!»

Понятие Родины сливается у В. Мухина с природой и историей Псковщины. В стихах часто упоминаются лесной край, где «хорошо, спокойно так и тихо», равнины, где «каждый тополь, каждый клён казались таинством былинным... где воздух травами пропах...». Дороги сердцу поэта колокольный звон псковского Кремля, силуэты старинных башен, ратные подвиги предков.

Создавая символический образ России, поэт следует классической поэтической традиции:

Узнаю бесшабашный твой норов,
Бесшабашный размах узнаю...

Уж не гоголевская ли тройка навевала поэту впечатляющий образ колесницы, которой правит «то ли бог, то ли царь, то ли враг, то ль заморская диво-царица, то ли сказочный Ванька-дурак»? В этом и других стихотворениях, где ясно выражена гражданская позиция поэта (**«Довела неслыханная чушь»**, **«Нам нынче новых русских не понять»**, **«Мне ли ругать невеселую Родину»**, **«Забытый дом»**, **«Сколько знаю – живем на пределе, на стыке»**), простой разговорной речью, но сильно и с искренней болью, с горечью звучат тревога, страданье за свой народ. Нельзя не почувствовать возмущения поэта тем, что кому-то в угоду

отдаются русские «богатства, и совесть, и честь». Больно ранит его душу вид умирающей деревни, забытого дома («**Старанья**», «**Забытый дом**»). Тяжело поэту оттого, что русские яблоки и сливы вытеснены заморскими плодами. Но страшнее всего другое:

Больно то, что русскую душу
Отравили песней нездешней...

(«Все умрем, но не в этом дело»).

Сквозь боль и гнев в стихах о России, о народе звучит вера в её будущее. Пожалуй, самое сильное по гражданскому звучанию, образности языка стихотворение «**России**». Оно заключается знаменательными строчками:

Я к ней склонюсь с сыновним поцелуем
И с верою в великий мой народ...
Расцвет России так же неминуем,
Как неизбежен солнечный восход.

В таких стихах В. Мухина лексика, форма стиха соответствуют настрою души: отточенное слово, жесткий ритм, гражданская патетика.

В поэтический сборник Валерия Мухина «Зеленоглазый ангел» (1998) вошли лучшие, наиболее зрелые и, если можно так сказать, выстраданные стихотворения.

Идешь по жизни слепо, наугад...
И что-то покупаешь... чем-то платишь;
И каждая душа – бесценный клад.
И весь вопрос – на что его потратишь.

В лирической миниатюре всего четыре строчки, и в каждой из них – емкая законченная мысль. Другое стихотворение – «**Удивительно и просто...**» - дополняет, продолжает мысль приведенного выше. Простенький пейзаж за окном – грустный,

кладбищенский, напоминающий о скоротечности жизни. А в душе уверенность:

Мне ещё встречать рассветы,
Мчаться с песней по ветру...

Интересная особенность поэзии В. Мухина: даже самые грустные его стихи замешаны на жизнелюбии, ощущении силы человеческого духа. В первой главе сборника есть притча о человеке-черепахе, который прячется от жизненных бурь в каменном доме. Аллегория достаточно узнаваемая. Много бед в жизни человека, народа от людей-черепах, и эта притча-басня нам в назидание, весьма тревожное.

В стихотворении «**Звездная соната**» подмечено свойство человеческой натуры: мы все стремимся к чему-то, а достигнув, ощущаем неудовлетворенность. И поэт резюмирует:

Ведь суть не в утоленьи – в ожиданье,
В желанье вечном счастья и любви.

И потому самое главное в жизни – Путь. Воспоминанием о юности, когда

Жилистый, сильный, упрямый, простой –
И в озорной сокружительной злобе,
Словно игрушкой, играл я косой,-

завершается первая глава, разнообразная по тематике, языку и тональности стихотворений, объединенных глубиной проникновения в духовную суть человека.

Вторая глава начинается стихотворением «**Нам нынче новых русских не понять...**», и сами названия стихотворений определяют тематическую особенность главы: «**Мне ли ругать невеселую Родину...**», «**Сколько знаю – живем на пределе, на стыке...**» и др. Есть во второй главе стихотворение, посвященное памяти известного псковского поэта, писателя, журналиста Ивана Афанасьевича Васильева.

Третья глава включает стихотворения очень личностные. В них – тоска по ласковому слову, нежности, которые меняют жизнь («Ласковое слово», «Немного нежности, немного ласки...»). Надо полагать, что в третью главу включены наиболее поздние стихи, написанные в результате летних размышлений и пережитого. Такие, как, например, «Внучкино счастье», «Ложка звякнула по чашке...», «Так вот к чему, мечтою уязвимы...», «Всё горю, не сгораю...» - всего не перечесать. Но одно из стихотворений, включенных в третью главу, заслуживает пристального внимания и вдумчивого чтения. Это стихотворение «Вы отдали – и этим вы богаты». Представляется, что оно ключевое к пониманию всей поэзии В. Мухина и его позиции не только в творчестве, но и в жизни. Отсюда – доброта, человечность, искренность его стихов и щедрость его души. Вся мудрость поэта воплотилась в строчках, простых и точных, как сама правда:

... Однажды убоявшись переплаты
За принятую свыше благодать...
Вы отдали – и этим вы богаты,
Но вы рабы всего, что жаль отдать.

Если бы эта священная заповедь, заключенная в стихотворные строки, стала нормой жизни каждого человека, сколько бед миновало бы нас!

Авторский сборник «Зеленоглазый ангел», включивший в себя всё лучшее, значимое, что создано поэтом, - своеобразный отчет В. Мухина за довольно большой период его творчества. Главное в поэзии В. Мухина – размышление, яркость чувств, точное ощущение времени, окружающей жизни. Звучат в его поэзии и фольклорные мотивы: «силушка нечистая», «испокон по Россиюшке мчится...»; встречаются песенные, частушечные ритмы («Старушка-говоруха», «Ласковое слово», «Свиристели», «Завирушка» в сборнике для детей).

Восьмой авторский сборник В. Мухина посвящен 1100-летию первого упоминания Пскова в летописи и называется «Солнце над Псковом». Первая глава новой книжки поэта озаглавлена «Здесь русский дух» и включает много стихов, навеянных предстоящим событием. В стихотворениях «**Пскову**», «**Праздник Пскова**», «**Река Великая**» и других в этой главе – не простое любование неповторимым обликом города. Стихи Мухина наполнены чувством сопричастности, единения со всеми проявлениями жизни и тонким пониманием красоты. Интересно выстроено стихотворение «**Троицкий собор**». В нем старина органично соприкасается с современностью. Так, собор, одиноко стоящий на холме, напоминает поэту космический корабль, и такая аналогия представляется вполне оправданной.

Вторая глава приглашает читателя на просторы Псковского края (она называется «Моя Псковщина»). В. Мухин умеет видеть и понимать природу, и это одна из сильных сторон его творчества. Стихотворения второй главы сборника – этому свидетельство. Надо заметить, что Валерий Мухин – в постоянном поиске: он тщательно работает над стихом, над словом, ищет новые сравнения, ритмы. Вот, например, строчки из стихотворений второй главы: «Глаза в реке Черёхе полошу», «Богатырский сок веков», «Сижу над говорливою водой», «Сивая лошадка слушает весну», «Где летний город люди строят новый», «Где руки с топором срослись мои», «Я сошлю себя в деревню Глушь» и другие.... И непривычно, и метко.

А в третьей главе, которая называется «В загородном царстве», – буйство природы и царство земли, которую так любит и не устает воспевать В. Мухин.

В четвертой главе – любовная лирика. Поэт остаётся верен себе: пишет о любви целомудренно и вдохновенно. «Прекрасна чистая любовь» - так называется глава, в которой очень важная мысль звучит как призыв: «Люби в природе всё и всех». Эта мысль, столь нужная в наше жестокое время взывает к добру, к человечности.

Особое место занимает в сборнике глава пятая, озаглавленная «Через ветер судьбы». Эта глава – размышление о жизни страны, народа. В ней звучат тревога, боль и вопрос, обращенный и к себе, и к читателю: что же происходит с нами? Почему «хлещет кровь на тротуары» в городах? Лирический герой «еле жив от разочарований. От взлётов, от вершин... и пропастей».

Очень важная, большая тема затронута в этой главе – о засоренности русского языка.

Не было у нас печальней новости:
Нанесён стране урон словесный,
И слова без смысла и без совести
Взяли в плен язык наш повсеместно.

Однако в конце главы звучит оптимистическое утверждение поэта: «Расцвет России так же неминуем, как неизбежен солнечный восход».

В шестой главе «Музыка души», - поэт обращается к размышлению о Жизни, Красоте, Слове... И вся глава – о поэзии, которая и есть музыка души, когда поэт правдив и умеет любить.

Последнее стихотворение заключительной шестой главы «**К Солнцу**» перекликается с названием сборника:

Но правда жизни, что ни говори,
Вся к Солнцу, к Свету, к Радости стремится!

В изданном осенью 2002 г. сборнике «**На крыльях юности**», адресованном детям и юношеству, В. Мухин выступает не только как один из авторов, но и как составитель. В последней (четвертой) главе, озаглавленной «Голубой апрель. Голоса юных», опубликовано 27 стихотворений школьников из разных городов и районов Псковской области.

Влюбленный в жизнь, в Красоту, в Природу и родной край Валерий Мухин, по его словам, не может «расколдоваться». И в добрый час! Пусть дарит нам и дальше свои звучные, добрые, красивые стихи.

Валентин Павлович Краснопевцев

Валентин Павлович Краснопевцев
(род. в 1933 г.)

Валентин Павлович Краснопевцев родился в Великих Луках. Автор более 20 книг, член Союза писателей России, он с детства особенно любит русский язык. Его школьные сочинения ставились в пример, звучали по великолукскому радио. «Он знает русский язык лучше, чем я», - говорила его учительница. Любовь к родной речи привела Краснопевцева в Ленинградский государственный университет, где он окончил в 1956 году отделение журналистики филологического факультета. После университета работал в газетах («Великолукская правда», «Псковская правда», «Молодой ленинец»); был редактором псковского отделения Лениздата.

Писать начал как фельетонист, но основным импульсом писательского творчества является служение русскому языку. Например, книга **«Золотое наследство: Рассказы о столицах мира»** (1998) посвящена происхождению названий столиц мира. Другое произведение **«Варвары-берберы и загадочная Русь»** (2001) предлагает читателю совершить путешествие по странам и континентам, чтобы мы узнали, «почему, собственно, русские называются русскими, немцы – немцами, а финны – финнами?». В своих филологических исследованиях Валентин Павлович «неленив и любопытен»: он включает в повествование исторические экскурсы, научные теории и излагает свой взгляд на возникновение названий народов. Причем это он делает эмоционально, стараясь и увлечь читателя, и даже немного посмешить его. Его книги - для семейного чтения: дети откроют для себя неведомый мир этнонимов; взрослые почувствуют вкус к открытиям и романтике дальних странствий. Чуткость к слову сказывается в **«Королях и хулиганах»**, где изложены забавные и поучительные истории превращения собственных имен людей в нарицательные.

В 2002 году вышли книги **«Поговорим по-русски»** и **«Словечки от волка и овечки»**. Последняя является

продолжением **«Человека и его соседей по планете»**. Таким подзаголовком объединены **«Как животные служат людям»** (1971), **«Чайки на пьедестале»** (1975), **«Человек дарует имя»** (1988), **«Братья меньшие вчера и сегодня»** (1991).

«Поговорим по-русски» – это не учебник; книга обращена к разновозрастной читательской аудитории. В ней автор призывает нас обратить внимание на речь – свою и окружающих. Он наглядно и доходчиво показывает, за счет каких изобразительных средств обеспечивается незаурядная мощь, богатство и музыкальность русского языка. Красоту его Валентин Павлович отстаивает в каждом своем произведении, стараясь передать читателям интерес и сознательное уважение к родной речи.

Свою дань любви к Пскову писатель отдал книгой **«Улицы Пскова: история в названиях»**, изданной дважды – в 1972 и в 1994 годах. В справочник вошли сведения более чем о пятистах улицах, переулках, проездах и набережных Пскова.

«Прутковиана» (1998) возвращает к памяти о незабвенном Козьме Пруткове, не случайно сам Краснопевцев называет себя «литературным хулиганом». Он наследует афористичность стиля авторов Пруткова: «торопись добром, а не дорогою», «свобода – лишь разновидность бремени», «его любят все, но не все говорят об этом вслух».

Интерес к языку неразрывно связан с любовью к русской классической поэзии, ведь высшая сила поэта – его язык, единственный свидетель и летописец жизни человечества, его коллективная память, истинная мудрость и свобода. В 2000 году вышел сборник стихов Краснопевцева – **«Безвремя»**. Смысл жизни его автора – в самопостижении, в способности к нравственному очищению:

Ошибок много за спиной.

Припомнишь все – не до улыбки.

Они во мне, живут со мной

Те стародавние ошибки.

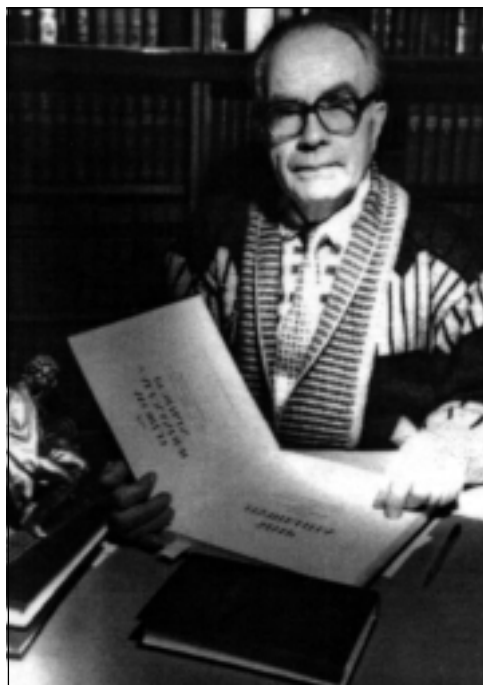
Поэтический цикл «Времена года» - о том, что человек проживает свою жизнь, с ее взлетами и падениями, как природа проходит свой цикл во временах года. Стихи продолжают мотивы русской классической поэзии; они проникнуты верой в то, «что добро всегда неизмеримо долговечнее зла»:

И все, что ни вижу, - приемлю
Я радостно и до конца.

Пройдут затяжные дожди,
И нового жаждешь набега:
Вздыхай и с надеждою жди
Явление первого снега.

Одна из последних книг – «Двое» - состоит из прозы и поэзии, в нее (как и в «Калейдоскоп») включены коротенькие рассказы о жизни, любви и смерти; о приобретениях и потерях; о способности прощать.

В.П. Краснопевцев стал литературным редактором «Псковского биографического словаря». Сейчас в его «авторском портфеле» книга «Память и блокнот (Опыт биографии)», где рассказывается о встречах с разными известными и интересными людьми.

Виктор Михайлович Русаков

Виктор Михайлович Русаков

(род. в 1927 г.)

Виктор Михайлович Русаков родился 8 мая 1927 года в деревне Авдеево Опочецкого района. Родители были практически неграмотными, им приходилось работать денно и нощно, поднимая на ноги большую семью. Дети были привычны к крестьянскому труду, но у Виктора уже в школьные годы появилась тяга к сочинительству – ребята даже называли мальчишку Стихомиром, и прозвище это казалось обидным.

С 1944 года он служил в армии, после демобилизации продолжил обучение в школе рабочей молодежи. В 1954 г. медалист Русаков успешно сдал экзамены в Ленинградский университет, осуществляя, таким образом, свою мечту стать литератором.

После окончания университета в течение двух десятков лет был он научным сотрудником музея, преподавателем литературы, русского и немецкого языков, журналистом-газетчиком.

Однако еще в университетские годы начался научный поиск, в котором для него слились «и жизнь, и слезы, и любовь». С напутствия университетского профессора Б.В. Томашевского, крупнейшего пушкиниста, В.М.Русаков занялся исследованием судеб потомков Пушкина. Эта тема стала определяющей для всей его творческой биографии.

За почти сорокалетний период работы над пушкинской темой автору удалось сделать много находок и открытий. Результаты его изысканий частично воплотились в первых **четырёх книгах о потомках А.С. Пушкина**, которые выходили в Лениздате многотысячными тиражами в 1974, 1978, 1982 годах и в 1987 – в издательстве «Советская Россия» в Москве. Книги эти продолжают пользоваться огромной популярностью у широкого читателя и авторитетом среди специалистов в области пушкинистики, чему способствует выбранный автором художественно-публицистический жанр.

В предисловии к «Рассказам о потомках А.С. Пушкина» академик М.П. Алексеев, председатель Пушкинской комиссии Академии наук СССР, писал, что новая книга «имеет не только универсально-историческое, но и энциклопедическое значение» и что «на неё будут ссылаться, над её страницами будут размышлять и ученые других специальностей, и просто читатели, зорко следящие за всем, что появляется в печати о великом поэте».

Это предсказание сбылось. В печати не раз отмечалось, что книги о предках и потомках Пушкина, став самостоятельной отраслью современного пушкиноведения, значительно повысили интерес отечественного читателя к истории страны и её культуры, вызвали отклики за рубежом.

Именно В.М. Русакова потомки А.С. Пушкина признали истинным собирателем и хранителем ценнейших документальных источников, они не случайно делились с ним реликвиями из семейного архива, которые теперь бескорыстно переданы автором на хранение в Академию наук РАН (Пушкинский Дом), в Псковский музей-заповедник.

Всего перу В.М. Русакова принадлежит около 240 публикаций. В последние десятилетия XX века, наряду с продолжением никогда не прерываемой работы над пушкинской темой, В.М. Русаков писал автобиографическую повесть **«Под небом детства»** (1990), которая выдержала два издания.

В 1999 году члены Объединения псковских писателей единогласно рекомендовали В.М. Русакова в Союз писателей России.

Свое 75-летие в 2002 году писатель отметил выходом еще одного издания – **«О лжепотомках А. С. Пушкина. И не только о них...»**. Журналист Т. Карнаухова, побывавшая на юбилее писателя, отметила «не только творческое, но и человеческое мужество» автора, осмелившегося противостоять несостоятельным претендентам на принадлежность к пушкинскому родословному древу. Её статья заканчивается словами: «Древо жизни Виктора Михайловича Русакова цветёт

и плодоносит: он сажал сады в своём Авдееве, восстанавливал после войны Великие Луки, был музейным работником и журналистом, вырастил сыновей Вячеслава с Владимиром. У него много внуков и недавно появился правнук Максим. А у нас с вами скоро появится его двенадцатая книга».

Псковский читатель ждёт её с нетерпением.

Новые публикации псковских литераторов

Мы начинаем привыкать к сборникам, подготовленным псковскими писателями. «Скобари»- так называются эти сборники. Первый вышел в 1995 году, второй - в 1999, третий - в 2002 году. В 2001 году вышла книга «*Вчера и сегодня. XX век*». Все эти издания построены по принципу антологии: в них содержатся произведения разных авторов, прозаиков и поэтов. Антологический принцип построения книги делает её обзор достаточно широким. Сошлёмся на сборник «Скобари» 1999 года издания.

Место действия большинства рассказов, включенных в книгу, - псковская деревня. Качаново, Блясино, Пузырёвка, река Синяя упоминаются в рассказе **Татьяны Дубровской** «*Мальчик на одеяле*». Заносы - в рассказе **Александра Бологова** «*Когда я проезжаю мимо*». Мы погружаемся в мир повседневных забот и естественных поступков (**Олег Калкин**. «*Другая свадьба*»; **Елена Родченкова**. «*Скачет ли свадьба...*»). Но авторы, каждый по – своему, драматизируют повседневность, приподымают героев над обыденностью. Они ставят перед собой и читателями вопросы, связанные с философией бытия: «*Не быть или не быть, а казаться или быть, - вот в чём вопрос...*» (**Владимир Курносенко**. «*Парвеню*»).

Повествование о народном характере – ключевая тема произведений псковских литераторов. Она заявлена в самом названии сборника – «Скобари». В рассказах, включенных в сборник, есть герои, которые значимы сами по себе: Степан и Александра («*Вдова*» **Виленина Алёшина**), Дед («*В гостях у ветерана*» **Натали Лаврецовой**), Нинка и Саня («*Скачет ли свадьба...*» **Елены Родченковой**), Кузьма («*Кузьма*» **Евгения Нечаева**). Каждый из них в отдельности своей живописной колоритностью и своим внутренним значением объясняет смысл названия книги – «Скобари». Характеры, воссозданные в рассказе **Виленина Алёшина** «*Вдова*», судьбы героев – Степана и Александры – соотнесены со временем.

«Шёл 1936 год. Атмосфера среди районного партхозактива была беспокойной, тревожной. Работники ОГПУ рыскали по всем уголкам в поисках шпионов. Пошли аресты троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других оппозиционеров. В газетах всё чаще стали говорить о врагах народа. Степан и Александра не понимали происходящего, но сомнения и страх зарождались в их сознании. Обоих беспокоило холодное обращение секретаря райкома со Степаном при встрече. Ничего хорошего оно не предвещало». Воссоздавая трагизм обстоятельств, автор четко обозначает приметы времени.

Рассказ «Вдова» - трагедийное повествование. В крестьянский дом пришла беда. Степана незаслуженно обвинили в порче совхозного зерна, ему угрожали судом. «Всё оборачивалось против Степана. Круг замкнулся». Степан не мог стерпеть такой обиды и оскорбления, страх обуял его. Тёмной ночью он повесился в колхозной риге. Современный писатель прикоснулся ещё к одной трагедии 30-х годов. Эту трагическую тему он решил на основе сложившейся традиции, но самобытно. Автор пишет о большой вине Степана вине перед семьёй, перед женой и детьми.

Как пережила эту трагедию Александра? За долгую бессонную ночь, описанную в рассказе, перед нами проходит жизнь Александры. Эта ночь – одна из кульминаций в рассказе «Вдова», она объясняет душевное состояние героини. За ночь она стала похожа на почерневшую старуху. «Сердце обожгла обида» на мужа: «Как он мог так поступить?.. Почему решил оставить их, её, детей? Почему не подумал, как они будут жить без него?.. Была горькая обида».

В рассказе «Вдова» основной конфликт не внешний, а внутренний, психологический. Напряжение рассказа не снижается по мере развития сюжета, напротив, к финалу оно достигает своей эмоциональной силы. «На восемнадцать лет пережила Александра своего единственного мужа... Степана она так и не простила, ни разу не побывала на его могиле, а может, и не знала, где она. Похоронены они в разных местах далеко

друг от друга. Дай Бог, чтобы их души встретились и помирились».

В большинстве рассказов, включенных в сборник «Скобари», говорится не столько о событиях внешней жизни, сколько о событиях, оставивших след в сознании и душе одного человека. Памятью сердца псковские литераторы вновь возвращаются в родные места. И читатель не остаётся безучастным к этим дорогим для автора воспоминаниям.

От первого лица строится рассказ **Александра Бологова** «*Когда я проезжаю мимо*». Звучит он как внутренний монолог автора – рассказчика. Вот его начало:

«Всякий раз, когда я проезжаю мимо этого места, моё дыхание меняется. Оно становится коротким и частым – что то в груди моей начинает преграждать ему путь...

Я успеваю поймать глазами две старые ивы на повороте дороги, бегущей к деревне, крутой склон оврага, желтое поле сурепки по правую сторону, крайние избы деревни, полускрытые зеленью кустов... И жду, когда кончатся посадки и откроется вид на уже далёкие, облепившие голый холм Заносы – деревню моей матери, моего детства».

Нет в рассказе ничего более поэтичного, чем этот внутренний монолог, навеянный воспоминаниями о тех, кто был автору дорог. Воскрешение в памяти эпизодов детства, юности помогает рассказчику осознать себя, осмыслить историю своей жизни. Воспоминания также становятся серьёзными уроками жизни.

Лиризм повествования, очень сильно выраженный в начале рассказа, достигает в финале горькой интонацией: «В разрыве кустов стала видна наша деревня – серая, притиснутая тучами к подошве холма, на вершине которого раньше всегда золотилось поле. В тот раз я его не увидел, издали макушка холма выглядела брошенным местом без единого следа жизни – людей, тракторов. Не разглядел я и дядькин дом в поредевшем порядке. Мне даже показалось, что его уже нет на месте».

Жизнь природы и способность человека откликнуться на её красоту, способность жить в природе – все это служит для

псковских писателей мерой внутренней значительности личности. Хочется отметить лирические миниатюры **Владимира Клевцова** «*Пора ледоходов*», «*Град небесный*», «*Голуби, летите!*», «*Наводнение*», «*Яблочные дни*». В них по-своему продолжается некрасовская тема: «Нет безобразья в природе».

Отдел прозы завершается рассказом **Михаила Устинова** «*Я вернусь!*». Он вписывается в эмоционально – психологический контекст всей книги.

Отдел лирики в книге псковских писателей не занимает много места. Тем не менее он даёт представление о творчестве поэтов, их пристрастиях и поисках. Среди поэтических произведений, включённых в сборник, хочется выделить прежде всего стихи **Владимира Половникова**. В них заметно стремление осмыслить современную жизнь с точки зрения исторического опыта: «*Страда*», «*Ритм марта*», «*За высокой осокой*». Сильное впечатление производят два стихотворения, посвященные памяти Ивана Афанасьевича Васильева: «*Как бы ни были годы горьки...*», «*Висит мемориальная доска...*».

Тематически стихи, включённые в книгу, разнообразны. Естественно звучат псковские мотивы, тема отчего края: «*Ольгин град*», «*Вечевой колокол*» Евгения Борисова, «*Поклон*» Елены Ермак, «*Деревенька в снегах, еле видятся избы...*» Ларины Федотовой, «*Псковские вирши*» Евгения Шелонина. Пейзажная лирика представлена стихами Игоря Исаева, Натальи Капустиной, Мирослава Андреева. В стихотворении иеромонаха Романа «*А что не по плечу – не понести*», как и во всей его поэзии, ставятся нравственные проблемы, осмысляется духовное начало человека:

И наша жизнь не стоит ни гроша,
Коль нету кровоточин в жизни нашей.
Чем тоньше, благороднее душа,
Тем большую она приемлет Чашу.

Пушкинская тема по-своему представлена в стихотворном цикле **Надин Лиллиан Глинской**, живущей в Америке. Наша соотечественница руководит музеем Александра Пушкина, который находится в Нью-Йорке.

Содержателен раздел книги «Публицистика». Он открывается очерком **Владимира Винка** «Скобарь – это звучит гордо!». Он написан живо и интересно, с юмором раскрывается смысл слова «скобарь». Рубрика «Из дневника писателя» представлена очерками **Владимира Воробьёва** «Псковские берега». Много нового мы узнаём из очерка **Валентина Курбатова** «Почему Лев Толстой не был на открытии памятника Пушкину?». О тайнах и загадках Пушкинского заповедника пишет **Николай Новиков** в статье «Летопись Тригорского без легенд». В основе этого документального материала – рукописи священнослужителей и обитателей усадьбы. С большим интересом читается очерк **Сергея Панкрата** «Ненависть». В нём рассказывается о поездке на остров Залита, совершённой с одной целью – «увидеть и услышать отца Николая», который учит свою паству «ненавидеть порок».

Последний раздел книги – «Писательский архив»-представлен именами **И.А. Васильева, С.С. Гейченко, Е.П. Шелонина**. Глубоко трогают приведённые здесь письма И.А. Васильева «Печаль моя полна тобою». Пушкинскую тему обогащают новые страницы из записей С.С. Гейченко: «Однажды в замке Тригорском», «Фамильная легенда Пушкиных».

Книга хорошо оформлена художником **А.Г. Стройло**.

Все это дает основание говорить, что новый сборник псковских писателей «Скобари» - значительное явление в культурной жизни Псковского края.

Большим событием в жизни псковской писательской организации является выход в 2001 году «Антологии псковской литературы». В названии этой книги: «Вчера и сегодня. XX век» - заложен большой смысл. Оно объединяет писателей разных поколений, сыгравших серьезную роль в духовной жизни общества: и тех, о ком говорят: «Иных уж нет...», и тех, кто является нашими современниками, и начинающих литераторов. Такая полнота охвата писательских имен, богатого литературного материала, его жанрового разнообразия

свидетельствует о большом творческом потенциале псковских литераторов. Читателям дается возможность самим определить свои предпочтения в суждениях о прочитанном: построение книги демократично – по алфавиту.

Разнообразные жизненные впечатления питали стихи псковских поэтов, определили их творческие интересы, тематическую направленность. О военной поре напоминают нам стихи Ивана Виноградова. Его не зря называют летописцем партизанского движения на Псковщине. Многое скажет об этом поэте его лирическое признание:

Но я входил, душою чист,
В судьбой распахнутые двери.

Счастлив поэт, который может так сказать о себе.

Поэтическую антологию невозможно представить себе без лирики **Игоря Григорьева, Александра Гусева**. В стихах Игоря Григорьева по-своему отразилось время, в которое он жил. Память сердца возвращала его в военные годы и рождала такие глубокие и бесстрашные стихи, как «Сгоревшее-несожженное», «Россия», «Песня», «От деревенщины моей...», «Я в русской глухомани рос», «Перед Россией». В них органично слились лирика и публицистика.

В стихах **Александра Гусева** всегда привлекает скрытая теплота человечности. Это главное и органичное свойство и самой личности автора, и его поэзии. В этом убеждают и стихи, включенные в настоящий сборник: «Скажи мне, дед. Что наша жизнь бела...», «Когда поток неудержимый...», «Только бы выдержать, выжить! И снова...», «Лодка колыхнется, слышится, слышится...», «Все было, и меня не миновало...».

Выделим еще одно имя, автора только одной, вышедшей посмертно, книги стихов, - имя **Михаила Федорова**. «Возвращение» - так была она названа. В послесловии к ней Александр Бологов писал: «Как мы не замечаем иногда в суете

жизни ее достойных явлений. Переживаем, казним себя за слепоту, за равнодушие, за слабость воли, а поздно посыпать голову пеплом: живое, истинное, самобытное – ушло, покинуло Божий свет, и только следы его остаются нам – как требующее ответа напоминание.

Так, к сожалению, получилось с Михаилом Федоровым – одаренным поэтом, глубоко чувствовавшим свою связь с землей, на которой родился и рос человеком чуткой души и чистой совести.

Остается радоваться, что не затерялись, не истлели втуне его прекрасные, пронзительные стихи: на родине поэта, в Новоржеве, издали книгу его стихотворений. Не сомневаюсь, что всякий, кто возьмет ее в руки и прочитает, переживет немало отрадных, поистине высоких минут...».

Интерес читателей, безусловно, вызовет поэзия **О. Алексеева, Э. Жемлиханова, Е. Глибиной, Е. Борисова, В. Половникова**. У каждого из них свой голос, голос сильный. Особенный. Он, несомненно, будет услышан, найдет отклик в душе читателей.

По-своему интересна и значительна проза псковских писателей. Судя по изданным книгам, сборникам, журнальным публикациям, они отдают предпочтение жанру рассказа, лирической новеллы. Включенные в книгу «Вчера и сегодня. XX век» произведения дают читателю возможность убедиться, что это не только и не столько «чистая» лирика. Рассказы проблемны. Художественно исследуемая псковскими прозаиками тема «Человек и природа» имеет глубокий нравственный подтекст. Их рассказы – о прекрасном. Сбереечь красоту, сохранить гармонию внешнего мира! – таков побудительный мотив рассказов **Никандра Алексеева «Лебеди»**, **Александра Бологова «Чистая»**, **Семена Гейченко «Пушкин и птицы Михайловского»**, **Ю. Куранова «Пора одуванчиков»**.

Лучшим рассказом, включенным в антологию псковской литературы, является, на наш взгляд, **рассказ Ивана Васильева «Матери наши крестьянки»**. Его героиня – мать писателя Аксинья Васильевна Васильева. Но заглавие рассказа имеет обобщающее

значение: это повествование о русской женщине, её жизни и судьбе. В нашей литературе 60-70-х годов были героини со сходной судьбой: Анна Пряслина Ф. Абрамова, Катерина В. Белова, Матрена А. Солженицына, тетка Дарья А. Твардовского, «распутинские старухи» Анна, Дарья, Агафья... Всем им низкий поклон, «последний поклон». В таком литературном контексте можно рассматривать образ, созданный писателем Иваном Васильевым. Он по-своему открывает этот характер, соотносит его со временем, в котором родился и жил. А читатель посредством таких характеров постигает и само время.

Не могут не привлечь к себе рассказы **Е. Маймина, Т. Дубровской, В. Илина, В. Клевцова, Е. Нечаева.**

Книга *«Вчера и сегодня. XX век»* состоялась как хрестоматия, которая будет интересной и взрослому читателю, и школьникам. Она дает представление о литературном процессе ушедшего века, о том, насколько богата литература Псковского края.

С 1997 года в активную издательскую деятельность включается «Объединение псковских писателей». Уже первые два тематических сборника, изданных на пороге 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина и посвященных этой дате, привлекли внимание читателей тематической выдержанностью и литературно-краеведческой направленностью публикаций, это – сборники *«У родника»* и *«Звучание свирели»*.

Вскоре были определены три главных направления в работе над новыми книгами: литература, обращенная к молодым – детям и юношеству, поиск новых имен, издание сборников в цикле «Новые голоса» и выпуск тематических сборников профессиональных писателей и подающих надежду молодых литераторов.

В 1998 году выходит двухтомное издание *«Солнечный цветок»* и *«О любви? И только!»* – своеобразная антология псковской литературы для детей и юношества, охватившая широкий круг как профессиональных авторов, в разные годы трудившихся на литературной ниве нашего края, так и впервые заявивших о себе литераторов.

Разговор о жизни, о родимом крае, об окружающем ребенка мире в сборнике *«Солнечный цветок»* начинают известные псковские поэты Иван Виноградов, Игорь Григорьев, Евгений Изюмов, Елена Морозкина, Олег Тиммерман – люди с богатым жизненным опытом, умеющие этот опыт перелить в Слово, направляющее юного читателя на познание мира. У каждого автора – своя интонация, своя манера общения. Озорные стихотворения – у Елены Морозкиной, проникновенно-лиричные – у Олега Тиммермана, раздумчивые – у Ивана Виноградова.

Начатый этими поэтами разговор продолжают другие авторы: Валентин Краснопевцев, Николай Мишуков.

Редкий жанр в современной книге – драматургия, а уж тем более в книге для детей, и этим обусловлен интерес, который вызвала пьеса-сказка **Ирены Панченко**, дав ему название – *«Солнечный цветок»*. От сказок **Станислава Золотцева** и **Геннадия Моисеенко** ребенок переходит к восприятию более серьезных лирических зарисовок о природе **Ивана Васильева** и очерка **Семена Гейченко** *«Гербарий детей Пушкина»*, а через них – к философским размышлениям о смысле жизни на земле, представленным в стихах поэта **Александра Гусева**.

Сборник *«О любви? И только!»* не случайно предваряет стихотворение А.С. Пушкина *«Я вас любил...»*, ставшее эпиграфом к сборнику. Книга логически выстроена, цепочка авторских раздумий о высоком назначении любви, начавшись историческим очерком Миры Яковлевой о псковской девушке Ольге и киевском князе Игоре, продолжается в стихотворении **Елены Морозкиной** *«Петр Великий. Екатерина Первая»* и её же стихами о светлом чувстве, помогавшем выстоять в годы лихолетья. Эту тему развил в стихотворении *«Любови Смуровой»* и поэт **Игорь Григорьев**. Сомнения, раздумья, волнения и взрывная сила любви сегодняшних мальчишек и девчонок – вот что стало особенно притягательно в сборнике, вот что сумели передать в своих произведениях **Игорь Плохов**, **Виталий Цаценко**, **Тамара Карнаухова**, **Валентина Игнатьева** и др.

Впервые именно в этом сборнике появилась рубрика «Голоса юных», куда вошли стихотворения сверстников читателей сборника, и это стало несомненной удачей, ибо трогательность, искренность строк, написанных **Еленой Павловой, Еленой Максаковой, Анной Купцовой, Анной Арсеньевой, Ириной Тихоновой**, придали содержанию сборника особую достоверность.

В последующие годы в той же серии вышли книги *«По дороге из Детства в Юность»*, *«Березы, не покидайте Россию»* (1999), *«На ладонях небес»* - сборник духовной поэзии, *«Аист на крыше»* (2001), *«На крыльях Юности»* (2002).

Отдельно следует остановиться на сборнике *«Аист на крыше»*, который посвящен природе, живому миру, людям Псковского края, наполнен его красками, ароматами, населен удивительными людьми и «братьями нашими меньшими», живущими рядом с человеком или обитающими в лесах и лугах нашей области. Что особенно ценно: как в стихах, так и в прозе авторы бережно сохранили своеобычность местности, её флоры и фауны, своеобразие людских характеров. Все это создает особую атмосферу живой, постоянно меняющейся и развивающейся жизни нашего края.

Дорога к даче вдоль речки Кебь дает сюжет для удивительно трогательного рассказа *«Наши аисты»* **Валерия Мухина**; описание маленьких событий в жизни городского мальчика, летом живущего в Корлах – деревне на берегу Псковского озера, создает неповторимый колорит в рассказе *«Деревня в радость»* **Ирины Панченко**, а рассказ о своевольной буренке Розе и её неутомимой хозяйке в *«Любопытной Розе»* **Миры Яковлевой** становится гимном труду и терпению сельских тружеников Псковщины. Особое место в книге занимают воспоминания детства прозаика **Павла Осокина**. Хотя они непосредственно не связаны с псковской темой, но переживания мальчишки из далекой приволжской деревеньки так точны, написаны таким мастерским пером, так похожи на впечатления далеких лет сотен жителей нашей области, что не отметить литературные достоинства произведения автора нельзя.

Впервые в книге представлена «Игровая комната», которая дает ребятам возможность проверить свои знания природы края, псковских писателей, проявить эрудицию.

Сборник 2002 года – *«На крыльях Юности»* - посвящен школьной жизни. Книга как бы «ведет» ребенка по жизни от первых встреч с учителем, школой (стихи поэтов **Виктора Фокина, Николая Иванова, Валентина Краснопевцева, Евгения Борисова, Веры Романенко, Любви Федуковой**) к первым столкновениям, неудачам, осознанию себя личностью, к первой и самой чистой встрече с любовью (стихотворения **Владимира Алексеева, Валерия Мухина, Александра Казакова, Евгения Самуйлова**).

Полновесно представлена в этом сборнике проза: это и рассказы **Валентины Алексеевой** *«Балерун»* и *««А» и «Б» сидели на трубе»*, **Александра Бологова** *«Один день солнца»*, **Миры Яковлевой** *«Лиса на снегу»*, **Ирены Панченко** *«Воспоминаний вальс»*, а также очерк **Изабеллы Журавлевой** *«Воспоминания»*.

Интересны публикации в разделе *«Литературное краеведение»*, вызванные особой востребованностью краеведческого аспекта в школьном преподавании. Следует отметить публикацию **Виктором Русаковым** своих воспоминаний о Семене Степановиче Гейченко, а ленинградцем **Владиславом Шошиным**, известным поэтом, - о фронтовом друге **Игоре Григорьеве**. Впервые свои заметки о псковских писателях опубликовали **Елена Киселева** и **Юлия Соколова**.

По традиции сборник завершает большая подборка стихотворных произведений молодых поэтов.

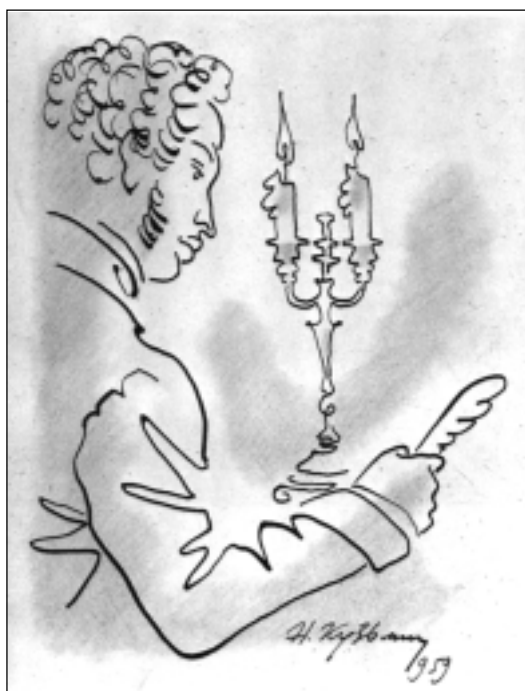
Необходимо обратить внимание читателя и на книги серии «Новые голоса» - их вышло две: *«Полотна судеб»* (1998) и *«Капли времени»* (1999), которые представляют авторов, наиболее ярко заявивших себя на литературной ниве последних лет. Достаточно сказать о единственном в области поэте-баснописце **Евгении Афанасьеве**, для которого публикация в сборнике стала особенно важной в преддверии вступления в Союз писателей. Хочется

назвать еще одно имя – **Любовь Федукowa**. Она впервые заявила о себе в сборнике «На ладонях небес», опубликовав большую подборку стихотворений-молитв, стихотворений-притч, тепло встреченных читателями. Среди авторов этих сборников – уже сложившиеся поэты **Виктор Фокин, Николай Мишуков, Тамара Карнаухова, Игорь Плохов, Виталий Цаценко, Иван Иванов**.

На наш взгляд, именно в последе пятилетие псковские писатели сделали определенный «прорыв», пополнив книжную полку читателя нее изданиями, которые развивают лучшие традиции национальной литературы; псковские писатели вносят свой вклад в создание портрета нашего современника, неустанно трудятся во имя будущего.

ГЛАВА VIII

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ

Пушкин с золотой рыбкой.

А.Г. Тышлер. 1940-е гг.

Н.Л. Вершинина

О значении регионального компонента в преподавании литературы

Вопрос о роли регионального компонента в преподавании литературы имеет сравнительно долгую и прочную традицию. Развитие литературного краеведения шло в двух направлениях, наметившихся в начале XX века: научно-исследовательском (Н.К. Пиксанов) и учебном (В. Глуздовский). Выделилась и содержательность *регионального* компонента, отличная от содержательности компонента основного. Новейший исследователь, автор ряда работ по методике литературного краеведения А.Г. Прокофьева включает в региональный компонент «знания о местном фольклоре, о литературной жизни родного края, о связях с ним писателей, о земляках-писателях, о книгах, о родном крае» (1,10 – 11). При этом *основной и региональный* компоненты оказываются чётко разграниченными: первый включает в себя «всё связанное с писателями-классиками»(1,24), второй – так называемый «местный материал». Одна из задач, подчёркивает А.Г. Прокофьева, состоит в выявлении подходов, позволяющих «увидеть произведения разного художественного уровня, сравнить художественные вершины и общий литературный фон, соотнести общенациональные и региональные проблемы культуры...» (1,11).

При многочисленных находках А.Г. Прокофьевой в исследовании столь сложного и актуального вопроса данный её тезис представляется не вполне убедительным, во многих отношениях всерьёз уязвимым. Анализ конкретных фактов и специфики литературного краеведения подводит к выводу:

интегрированность этой области (в ней – и исторические, и географические, и этические, и этнографические, и культурные реалии) вообще снимает вопрос о «первостепенной» и «второстепенной» продукции – по сути он относится только к художественному и по самой своей природе самоценному творчеству. Что касается «местной», «провинциальной» литературы, - у неё свои точки отсчёта и своя шкала ценностей, которая подлежит изучению.

Совершенно бессмысленно, к примеру, сопоставлять (с позиции литературных достоинств) стихотворения Н.А. Некрасова, с одной стороны, и поэтов его школы, Н.Л. Пушкарёва и А.Н. Яхонтова, с другой. Очевидно, Н.А. Некрасов и А.Н. Яхонтов, коренной пскович, отдавший много лет просвещению родной земли, или Н.Л. Пушкарёв, родившийся на Псковщине, могут быть сопоставляемы лишь так, как сделал это Н.Н. Скотов: как «современники» и «продолжатели». Но вне сопоставления, в своём литературном «ряду» (этот термин предлагает сохранить – как наиболее «деликатный» в оценочном отношении – С.И. Кормилов) они значительны, так как талант их всецело посвящен самому сокровенному - родному краю. Для псковича (а большинство учащихся – земляки Н.Л. Пушкарёва и А.Н. Яхонтова) объективное несовершенство их стихов «выкупается» особой интимностью, которая возникает между поэтом и читателем. Даже если Н.Л. Пушкарёв имел в виду «общенациональные» цели, когда писал:

Пусть принцип благ людских – *идея тунейдства*,
 Пусть принцип их труда – *неволя и тюрьма*,
 Пусть принцип веры их – *религия богатства*
 И принцип знания – *невежество и тьма*;
 Ты, пошлых мнений их ни в чём не разделяя,
 Иди иным путём: борися и страдай,
 И благо личное разумно благам края
 На жертву отдавай!

(2,1), -

отдалённый от него потомок, знающий о псковских корнях поэта, прочитавший его поэму «Сны и грёзы» и стихотворение «От Дерпта до Пскова», всё равно воспримет данные строки в интегрированном, преимущественно *региональном* контексте.

Верной кажется сама мысль поэта и критика Ст. Золотцева, усмотревшего и в современной литературе аналогичные закономерности и давшего им определение: «Ведь подлинная, истинная, действительно народная русская литература – едина настолько, что горные её вершины не затеяют собой тихие рощи, а бурные реки не заглушают журчание родников... Главное тут в ином: и крошка, и лепёшка – всё хлеб, и крупинка золота состоит из того же драгоценного вещества, что и самый большой самородок...». Ст. Золотцев хорошо понимает, что значит читать литературное произведение «глазами земляка»: «Слово становится не просто единицей языка, но – знаком того или иного жизненного явления, причём явления и моей жизни, а не только бытия... героев». Для него как для читателя это возможность «не то чтобы по-новому взглянуть на целый ряд картин бытия, событий, фактов, лиц, пейзажей, знакомых ... издавна, - они помогли интуитивно прочувствовать их внутреннюю, первозданную сущность – ту, что, может быть, была некогда увидена глазами ребенка и юноши, да подзабылась в суете и круговерти лет» (3,143).

Вполне ощутить правомерность синтетического подхода к творчеству писателей, причастных родному краю, можно лишь предпринимая *реконструкцию* забытых или не оцененных явлений, на что нацеливает Ю.М. Лотман. В этом случае ученики приобщаются не только к собственно архивным разысканиям, к азам научного поиска в историко-литературном смысле. Они, главным образом, оказываются приобщёнными к этическому «сотворению» духовной истории родного края во всех её составляющих, крупных и малых. Конкретным проявлением активной «сотворческой» деятельности учеников и педагогов были и есть уроки литературного краеведения, факультативные занятия, работа в кружках, конференции, посвящённые этапам

литературного развития или отдельным людям. Только тогда «археология культуры» принесёт плоды: «...биограф становится реконструктором. Он встаёт на трудный и опасный путь воссоздания утраченного целого...» (4,11).

1. Прокофьева А.Г. Краеведение как основной и региональный компонент литературного образования. Автореф.... докт. пед. наук. Спб.,1997
2. Стихотворения Н. Пушкарёва. Спб., 1869.
3. Золотцев Станислав. Жизнь всерьёз: Читая книги Александра Бологова // Север. 1991. №3
4. Лотман Ю.Н. Карамзин. Спб.,1997.

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕГО ПСКОВА

Вопросы и задания.

1. Когда возникло псковское летописание? В чем тематическое и стилевое своеобразие псковских летописей? Назовите основные псковские летописные своды XV-XVI вв. Чем они отличаются друг от друга? Кто из известных псковских исторических деятелей и писателей был причастен к созданию летописей? Приведите примеры того, как меняется стиль псковских летописей в XV-XVI вв.

2. Расскажите о композиции «Повести о Довмонте», перечислите основные ее эпизоды. На какие литературные образцы ориентировался автор «Повести о Довмонте»? Докажите, что автор «Повести о Довмонте» хорошо знал литературный этикет своего времени. Какие этикетные ситуации, детали, мотивы и как воспроизведены в «Повести о Довмонте»? В чем отличие жизнеописания псковского князя от других жизнеописаний XIII-XVI в.? Как меняется повествование о псковском князе в Распространенной редакции XVII в.? Что можно сказать об авторе этой редакции и его литературных вкусах?

3. Назовите жития псковских подвижников, кратко охарактеризуйте литературную историю текста одного из них.

4. Назовите имена писателей, связанных с Елеазаровским монастырем. Какие из произведений елеазаровских книжников вам более всего запомнились?

5. Что нового вы узнали о праздновании дня Иоанна Предтечи из «Послания игумена Памфила»?

6. В чем смысл теории «Москва-Третий Рим» старца Филофея? Почему она так поразила современников и потомков? Попытайтесь доказать, что послания Филофея - художественный текст.

7. Докажите, что жизнь и творчество Ермолая-Еразма связаны с Псковом. Перечислите основные произведения Ермолая-Еразма. Почему ученые называют Ермолая-Еразма писателем-гуманистом? Каким вопросам были посвящены его

публицистические произведения? Прочитайте «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и найдите в ней сказочные мотивы. Почему это произведение приобрело такое признание у древнерусских читателей?

8. Расскажите о творчестве псковского агиографа Василия-Варлаама. Почему произведения Василия-Варлаама получили официальное признание? Что вы можете сказать о нем как писателе? Какими принципами руководствовался Василий-Варлаам, создавая жизнеописания псковских святых? В чем видел задачи жития?

9. Охарактеризуйте известные вам источники (легенды, предания, летописные тексты и др.) о княгине Ольге. Чем отличаются «Жития княгини Ольги» по содержанию и стилю? Расскажите, как в известных вам «Житиях княгини Ольги» изложены наиболее значительные факты ее жизни.

10. Что вы знаете о судьбе, о политической и литературной деятельности игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия?

11. В чем состоит своеобразие «Жития Никандра», почему его относят к народным редакциям житий?

12. Какие произведения псковской литературы посвящены псковским чудотворным иконам?

13. О каких исторических событиях рассказывается в «Повести о псковском взятии»? Каково отношение автора к изображаемым событиям? Какой эпизод в «Повести о псковском взятии» становится кульминационным? Как, в каких образах передает автор чувства и настроения псковичей?

14. Кто был автором «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков» и какими идеями он вдохновлялся? В чем особенности изображения осады Пскова Стефаном Баторием? Какие эпизоды «Повести» произвели на вас наиболее сильное впечатление? Почему стиль автора «Повести» называют «многословным», «пышным», «риторическим»?

15. Традициям какого произведения следовал автор «Повести о прихождении шведского короля Густава Адольфа на

град Псков»? В чем они проявляются? В чем особенности рассказа о событиях 1615 г.?

16. Какие из произведений литературы Древнего Пскова получили общерусское признание? Кто из авторов-псковичей оказал глубокое воздействие на духовную жизнь Древней Руси?

Тексты.

Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских, Повесть о рязанском епископе Василии; Правительница (Подготовка текстов и комментарии Р.П. Дмитриевой, переводы Л.А. Дмитриева и А.А. Алексеева) // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV- первая половина XVI века М., 1984. С.626—663, 763-768.; Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. С.452-485; 561-564.

Житие княгини Ольги из «Степенной книги» (Подгот. Текста, перевод и комментарии О.П. Лихачевой // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. С.248-287, 595-599.

Житие княгини Ольги Псковской редакции // Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 8-12.

Житие князя Всеволода-Гавриила и Слово на обретение его мощей / Подготовка текста и перевод с древнерусского В.И. Охотниковой. Псков, 1992.

Летопись Псково-Печерского монастыря или исторические сказания о Свято-Успенской Псково-Печерской обители и ее святых / Составил Ю.Г. Малков. М., 1993.

Повесть о Довмонте (Подгот. Текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой // Памятники литературы Древней Руси: XIV-середина XV века. - М., 1981.С.50-57; Библиотека литературы Древней Руси: XIV-середина XV века. СПб., 1999. С.56-63; Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С.136-145.

Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков / Подготовка текста и статьи В.И. Малышева. М.-Л., 1952;

Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков (Перевод и комментарии Н.И. Тотубалина) // Русские повести XV-XVI веков. М.-Л., 1958. С. 124-166; Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков (Подготовка текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой) // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI в. М., 1986. С.400-477, 617-622; Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С.298-391.

Повесть о Псковском взятии (Подготовка текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой) // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV- первая половина XVI в. М., 1984. С.364-375, 713-716; Литература Древней Руси: Хрестоматия. М., 1990, с.196-209; Библиотека литературы Древней Руси: Конец XV - начало XVI в. СПб., 1999. Т. 9. С. 222-233, 526-528.

Повесть о святогорских иконах // Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни... Приложения. С.552-561; Кириллин В.М. Новые материалы для истории книжно-литературных традиций средневекового Пскова: Святогорская повесть // Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С.140-162;

Повесть об аллилуйе // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1909. Т.173. С.1-88.

Послание игумена Памфила (Подг. текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой) // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV - первая половина XVI века. М., 1984. С. 318-321, 701-702; Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т.9. С. 160-163, 516-517.

Псковская летописная Повесть о Смутном времени (Подготовка текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой) // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI-начало XVII в. М., 1987. С. 146-161; 566-569.

Псковские летописи. М.-Л., 1941. - Вып 1. (Псковская Первая летопись); М, 1955 - Вып 2. (Псковские Вторая и Третья летописи).

Филофей. Послание о неблагоприятных днях и часах, Послание к великому князю Василию (Подготовка текстов, перевод

и комментарии В.В. Колесова) // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV - первая половина XVI века. М., 1984. С.437- 455, 732-739; Библиотека литературы Древней Руси: Конец XV-первая половина XVI века. СПб., 2000. Т.9. С. 290- 305, 539-542.

Литература.

Дмитриева Р.П. Василий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI в. Л., 1988. Вып. 2. Ч.1. С.112-116.

Дмитриева Р.П. Псковские связи в творчестве Ермолая-Еразма // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1989. Т.42. С.280-286. См. также: Повесть о Петре и Февронии / Подготовка текстов и исследование Р.П. Дмитриевой. Л., 1979.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.

Лебедев А.Е. Историко-статистический очерк Псковоградской Варлаамской церкви. Псков, 1895.

Ляпустин А. Тексты сказаний о псковских чудотворных иконах Божией матери // Псковская старина / Труды Псковского церковного историко-археологического комитета. Псков, 1910. Т.1. С. 82-108;

Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901.

Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л., 1955.

Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. М., 1946. Т.18. С.255-294.

Охотникова В. И. Повесть о Довмонте: Исследования и тексты. Л, 1985.

Охотникова В.И. История Мирожской иконы Богоматери и литературных текстов о ней // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т.50. С.739-746..

Охотникова В.И. Корнилий - игумен Псково-Печерского монастыря / / Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV-XVI в. Л., 1988. Часть 1. С.480-484.

Охотникова В.И. Краткая редакция Жития Евфросина Псковского по рукописи из собрания Овчинникова (РГБ) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2001. Т. 52. С.293-347.

Охотникова В.И. Некоторые проблемы биографии и творчества псковского агиографа XVI в. Василия-Варлаама. // Псков, 1999, № 10. С.3-16.

- Охотникова В.И. Новые материалы по литературной истории Повести о явлении икон на Синичьей горе // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. 49. С.376-387.
- Охотникова В.И. Повесть о Псково-Печерском монастыре // Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV-XVI в. Л., 1989. Часть 2. С. 269-271.
- Охотникова В.И. Повесть о Псково-Печерском монастыре: Редакции XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т.48.С.258-263.
- Охотникова В.И. Псковские летописи // Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV-XVI в.Л., 1989. Часть 2. С.27-30; то же // Литература Древней Руси: Биобиблиографический словарь. М., 1996. С.106-108.
- Охотникова В.И. Реалии пушкинского времени в монастырском списке Повести о явлении икон на Синичьей горе // Русский язык от Пушкина до наших дней. Псков. 2000. С. 408-414; Охотникова В.И. Два юродивых: «Борис Годунов» А.С. Пушкина и Повесть о явлении икон на Синичьей горе // Псков, 2000, № 13. С.3-10.
- Охотникова В.И. Рукописная традиция Жития Саввы Крыпецкого // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2001. Т. 52. С.293-347.
- Попков В.И. Повесть об осаде Пскова шведами в 1615 году // Традиции и новаторство в русской литературе: Сб. трудов Московского областного педагогического института. М., 1973. С. 3-31.
- Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908.
- Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.
- Якушкин П.И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб, 1860. С.155-156.
- Grabmuller H.Ju. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.-15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975.

ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

Вопросы и задания.

1. Как и почему возникла «провинциальная литература» - явление русской культурной жизни XVIII века? Каков вклад Пскова в ее развитие?

2. Опишите исторически сложившиеся качества человека провинции. Подготовьте «портрет» одного из связанных с Псковом писателей этого времени.

Литература.

1. Козляков Вячеслав. «Золотой век» русской провинции // Волга. 1995. № 5-6. С. 4-14.
2. Псковский край в истории России. Псков. 1996.

Феофан Прокопович

Задание.

Дайте характеристику Феофану Прокоповичу как литературному деятелю петровской эпохи. Определите значение «псковского эпизода» в его биографии.

Литература.

1. Изюмов Е. Сподвижник Петра I // Ленинская искра. 1980. 6 июня.
2. Титлинов Б. Феофан Прокопович // Русский биографический словарь. Т. «Яблоновский-Фомин». Спб., 1913 (Репринтное воспроизведение: М., 1999).
3. Чистович И. Феофан Прокопович и его время. Спб., 1868.

Яков Борисович Княжнин

Вопросы и задания.

1. Почему трагедия Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский» вызвала гнев Екатерины II? Какой идеал человека утверждается в этом произведении?

2. Проследите тему вольности в творчестве драматурга и ее связь с Псковским краем.

Литература.

Пиккиев И. Яков Княжнин и его пьесы // Псковская правда. 1956. 7 апреля.

Денис Иванович Фонвизин**Вопросы и задания.**

1. Почему В.О. Ключевский считал, что Д.И. Фонвизин вывел на сцену своих героев, «в чем застал, без всяких культурных покрытий»? Определите особенности художественного метода писателя, исходя из представлений о связи литературы и жизни в XVIII веке.

2. Как переплетаются подлинные факты и вымысел в творческом сознании Д.И. Фонвизина? Какую роль в его судьбе сыграла «псковская глава»?

Литература.

1. Букчин С. Судебное дело Дениса Фонвизина // Призыв. 1980. 15, 18, 20 ноября.
2. Букчин С. Последний год Дениса Фонвизина. М., 1981.
3. Ключевский В.О. «Недоросль» Фонвизина: Опыт исторического объяснения учебной пьесы // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 341-363.

Гавриил Романович Державин**Задание.**

Подготовьте сообщение на тему «Г.Р. Державин в 1812 году», исходя из своего представления о Державине как поэте и человеке. Используйте краеведческий материал.

Литература.

1. Егоров Г. Гавриил Державин – Гавриилу Псковскому: Имя в истории края //Новости Пскова. 1996. 12 ноября.
2. Самойлов Н. Под Псковом в 1812 году //Псковская правда. 1981. 9 марта.
3. Ходасевич В.Ф. Державин. М., 1978. С. 239-242.

Андрей Тимофеевич Болотов

Вопросы и задания.

1. Чем интересна и привлекательна для вас личность Болотова? Почему для русской культуры начала XIX века Болотов – «самое памятное... и любезное лицо...» (В.А. Жуковский)?

2. Расскажите об А.Т. Болотове как просветителе. Как заботился он о распространении знаний, осуществлял задачу – потрудиться на благо отечества?

3. Почему «Записки» Болотова мы называем литературным памятником эпохи?

4. Какую роль сыграл Псковский край в формировании личности ученого-энциклопедиста?

Литература.

1. Блок А.А. Болотов и Новиков//Блок А.А. Собрание сочинений. Л., 1934. Т.11.
2. Новиков С. Болотов: Документально-историческая повесть. М., 1983.
3. Некрасов С. Апостол добра: Повествование о Новикове Н.И. (О Болотове – с. 103) М., 1994.
4. Изюмов Е. Он любил Псковщину//Их имена забыться не должны. Л., 1983.

Евфимий Алексеевич Болховитинов

Задание.

Расскажите о роли, которую сыграл Евгений Болховитинов в изучении истории Псковского края.

Литература.

Жервэ Н.Н. Русский Миллер // Вестник Псковского Вольного университета. 1994. Т.1. №1. С. 104-117.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Вопросы и задания.

1. Составьте рассказ о литераторах – старших современниках Пушкина.
2. Как соотносится творчество литераторов, связанных с Псковщиной, с русской литературой I половины XIX века?
3. Напишите рефераты на темы: «Пушкин и Креницын», «Пушкин и Висковатов», «Писатели первой половины XIX века о Псковском крае».

Петр Александрович Корсаков

Вопросы и задания.

1. Каково участие П.А. Корсакова в литературной жизни пушкинского времени?
2. Как указывает в примечаниях к письмам П.А. Корсакова И.А. Бычков, он «в 1823-1826 гг. служил по выборам дворянства, уездным судьей в Порхове». Сам Корсаков писал об избрании его «собратиями... Порховской округи в судьи целого уезда с 45000 жителей...». Используя эти и другие факты жизни и деятельности Петра Александровича в Псковском крае, подготовьте на эту тему связный рассказ.
3. Напишите реферат на тему «П.А. Корсаков и А.С. Пушкин».

Литература.

1. Гастфрейнд Николай. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицезу: Материалы для словаря лицезистов первого курса. 1811-1817. Т.1. СПб., 1912.
2. Грот Я. Пушкин, его лицезские товарищи и наставники. СПб., 1887.
3. Корсаков П.А. // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т.3. М., 1994. С. 88-90.

Степан Иванович Висковатов**Вопросы и задания.**

1. Расскажите о жизни и творчестве С.И. Висковатова.
2. Какие традиции литературы XVIII в. свойственны литератору Висковатову? Аргументируйте свой ответ, опираясь на текст статьи об этом авторе.

Литература.

1. Висковатов С.И. //Русские писатели. 1800-1917. Т.1., М., 1989. С.446.
2. Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором //Пушкин и его современники. СПб., 1999. С.67-129.

Александр Николаевич Креницын**Вопросы и задания.**

1. Расскажите о жизни А.Н. Креницына.
2. В чем поэзия Креницына близка декабристской?
3. Сравните стихи на смерть Пушкина Лермонтова и Креницына.

Литература.

1. Пушкинский праздник, 1971. С.7
2. Изюмов Е. Из пушкинской плеяды// Сельская новь. 1993, 6 октября.
3. Петров С. Забытый поэт (А.Н. Креницын)// Не забудь их, Россия! Исторические очерки. Великие Луки, 1997. С.45-53.
4. Попов А.А. Декабристы-псковичи. Л., 1980. С.184-198.
5. Степанов Е. Памятник Александру Креницыну// Псковская правда. 1980, 17 июня.

Андрей Андреевич Ивановский**Вопросы и задания.**

1. Приготовьте рассказ о жизни А.А. Ивановского.
2. Каково значение этого человека в истории русской литературы I половины XIX в.?

Литература.

1. Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь “умственные плотины”. М., 1986. С.9-20.
2. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1975. С.159-160.

Иван Ермолаевич Великопольский**Вопросы и задания.**

1. Подготовьте рассказ о жизни и деятельности И.Е. Великопольского.
2. Познакомьтесь со стихами Великопольского, написанными на Псковщине, определите их жанры, составьте рассказ о них.

Литература.

1. Модзалевский Б.Л. И.Е. Великопольский (1767-1868)// Пушкин и его современники. Спб., 1999. С.339-435.
2. Добровольский Я.М. Запрещенная книга в России. М., 1962. С.37-38.
3. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1975. С.59-60.

Пушкин в Псковском крае**Вопросы и задания.**

1. Какова роль Михайловского в жизни и творчестве А.С. Пушкина?
2. Кто из современников Пушкина прославил дорогие ему места? Назовите их имена, их произведения.
3. Напишите рефераты на темы:
“Пушкин в Михайловском”,
“Поэт Языков в гостях у Пушкина”,
“Пушкин и Пущин”,
“Пушкин и Дельвиг”.
4. Какие стихи написаны Пушкиным в Михайловском в 1817г.? Выучите одно из них наизусть.
5. Прочитайте стихотворение «Деревня». Расскажите о нем,

обращая внимание на его форму, композицию, особенности языка.

6. Над какими произведениями работал Пушкин летом 1819г.?

7. Расскажите о семье соседей Пушкина Осиповых-Вульф. Какие произведения поэта посвящены им?

8. Как меняется метод Пушкина-художника в творчестве периода Михайловской ссылки по сравнению с предыдущим?

9. Каковы темы лирики Пушкина в 1824 – 1826 гг.? Расскажите подробно о стихах Пушкина на тему поэта и поэзии. Выучите стихотворение «Пророк» наизусть.

10. Напишите сочинение на тему «Любовная лирика Пушкина периода Михайловской ссылки».

11. Расскажите о влиянии фольклора на творчество Пушкина этого периода.

12. Объясните, в чем заключается новаторство трагедии Пушкина «Борис Годунов».

13. Какое значение имеет Дельвиг в жизни Пушкина?

14. В сборнике стихотворений Дельвига найдите стихи, написанные в стиле русских песен, прочитайте их, выучите одно из них наизусть.

15. Расскажите о главных темах переписки Пушкина и Вяземского в годы Михайловской ссылки.

16. Какие стихи посвятил Пушкин Вяземскому? Вяземский - Пушкину?

17. В чем особенность человеческих и поэтических отношений Пушкина и Языкова?

18. Сравните стихи Языкова, обращенные к няне Пушкина, с пушкинскими стихами «Няне» (1826). В чем особенность образа няни у Языкова? у Пушкина?

19. Какое значение имеет в жизни и творчестве Пушкина няня Арина Родионовна?

20. Выучите отрывки из стихотворения Языкова «Тригорское» наизусть.

21. Определите главные особенности незавершенного романа Пушкина «Арап Петра Великого».

22. Расскажите о последней встрече Пушкина и Кюхельбекера.

23. Какие изменения произошли в жизни Пушкина к 1835 г.? Что изменилось в Михайловском и Тригорском к этому времени?

24. В чем заключается философский смысл стихотворения «Вновь я посетил...»?

25. Прочитайте статью псковского краеведа Н.Ф. Левина «Вдохновенные гением Пушкина» (Псков, 1998, № 9. С. 224-229), опираясь на её материалы, подготовьте рассказ о псковском пушкенисте-краеведе А.М. Гордине.

Литература.

1. Басина М. Там, где шумят михайловские рощи. (Любое изд.)
2. Гордин А. Пушкин в Псковском крае. Л., 1970.
3. Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Л., 1989.
4. Гейченко С.С. У лукоморья. (Любое изд.)
5. Кошелев В.А. Четыре портрета из пушкинской плеяды. Псков, 1996. С. 85-117.
6. А.С. Пушкин //Псковские хроники. Псков, 2000. С. 113 –127.
7. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. (Любое изд.)
8. Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. М., 1982.
9. Матвеев Е.П. Пушкин в Пскове. //Псковский край. Псков, 2000, С. 105 – 123.
10. Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. (Любое изд.)
11. Рассадин Ст. Спутники. М., 1983.
12. Скотов Н. Пушкин. Л., 1990.
13. Томашевский Б. Пушкин. Т. II. М., 1990.
14. Черейский Л.А. Современники Пушкина. Л., 1981. С. 50-51.

Рафаил Михайлович Зотов

Вопросы и задания.

1. Как изображает войну 1812 года Р.М. Зотов в своих «Рассказах о походах 1812 года...»?

2. Прочитайте один из романов Р.М. Зотова в его книге: «Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I» и др. (М., 1993) Перескажите сюжет. Объясните, какими вы

представляете себе исторических личностей, изображенных писателем.

Литература.

1. Изюмов Е. Внук хана // Псковская правда, 1988, 24 июля. С.4
2. Беляев Ю.А. Война 1812 года в творчестве писателей-очевидцев// Беляев Ю.А. Свидания через века. М., 1988. С.6-40.
3. Сенчуrow Ю.Н. Русский Дюма// Зотов Р.М. Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I/ Два брата, или Москва в 1812 году. Рассказы о походах 1812 года. М., 1993. С.7-20.
4. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 156.

Фаддей Венедиктович Булгарин

Вопросы и задания.

1. В чем выражалась особенность взглядов и литературной позиции Булгарина по сравнению с литераторами пушкинского времени?
2. Что можно сказать о сочинениях Булгарина, о характерных чертах его писательской манеры?
3. Каким предстает Псковский край из «Путевых заметок» Булгарина 1835 года?
4. Найдите биографический и литературный материал о связях Булгарина с Пушкиным, Гоголем, Грибоедовым. Подготовьте об этом сообщения.

Литература.

1. Егоров Г. Фаддей Булгарин путешествует... //Печорская правда. 1996. 13 сентября.
2. Булгарин Ф.В. //Русские писатели. Биографический словарь. 1800-1917. Т.1. М., 1989. С. 347-351.
3. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1976. С. 49-50.

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Вопросы и задания.

1. Расскажите о взаимодействии двух типов культурного пространства- «столицы» и «провинции» - во второй половине XIX века.

2. Что представляет из себя образ «провинциального человека» в литературе и жизни этого времени? Используйте при ответе материалы, связанные с Псковским краем.

3. Расскажите о пребывании на Псковщине писателя Д.В.Григорovichа. Подготовьте сообщение на тему «А.В.Дружинин и Д.В.Григорovich в Марьинском».

4. Какую роль в творческой и личной судьбе поэта В.С.Курочкина сыграло его пребывание в Порхове и Старой Руссе в 1850-1852 годах? Составьте рассказ о Курочкине - поэте и переводчике.

5. Какие черты придают яркость и неповторимость личностям А.В.Корвин-Круковской (Жаклар) и С.В.Ковалевской? Подумайте о роли, которую в жизни сестер сыграло Полибино.

6. Сравните особенности изображения Пскова и его окрестностей в «путевых заметках» разных авторов: Н.Л.Пушкарева, К.К.Случевского, М.П.Погодина, П.И.Якушкина. Как в этом жанре проявляется их писательская индивидуальность? С каких точек зрения - благодаря их запискам - предстает Псковский край?

7. Самостоятельно ознакомьтесь с «Путевыми письмами из Новгородской и Псковской губерний Павла Якушкина» (СПб.,1860). Подготовьте сообщение об этой книге.

8. Какую роль в литературно-педагогической деятельности Л.Н.Толстого сыграл псковский фольклор? Определите место и значение сказки «Судома» в составе «Азбуки» Л.Н.Толстого.

9. Подготовьте инсценировку «Литературная Псковщина в лицах», используя краеведческий материал по русской литературе второй половины XIX века.

Литература.

1. Александров В.: Загадочная Судомы // Молодой ленинец. 1991 №22 с.1.
2. Виноградов В. «Из Псковской губернии...» // Псковская правда. 1986. 5 октября. /О П.И.Якушкине/.
3. Изюмов Е. Борец с самодержавием Василий Степанович Курочкин// Коммунистический труд. 1985. 24 августа.
4. Изюмов Е.Издатель //Ленинская искра. 1987. 20 ноября. /О Н.Л.Пушкареве/.
5. Кох О.Б. Герой своего времени: Штрихи к портрету М.И.Семевского // Псков. 2001. № 14. С. 50-51.
6. Ласунский О.Г. Похвальное слово провинции. Культура российской глубинки ждет своих добросовестных летописцев и толкователей // Встреча: Культурно-просветительная работа. 1991. № 2.
7. Петров С. В то лето... // Наш путь. 1995. 4 апреля. /О П.Ф.Якубовиче /.
8. Попова О. Провожая Тургенева // Ленинская искра. 1978. 4 января.
9. Русская провинция и мировая культура: Тезисы II межвузовской научной конференции. Ярославль, 1998.
10. Самойлов Н. Прощание с Тургеневым // Псковская правда. 1989. 25 июня.
11. Семевский М.И. Путевые очерки, заметки и наброски: Поездка по России в 1890 году //Русская старина. 1890. Т. LXVI. № 11-12. С.713-745.

Михаил Александрович Назимов

Вопросы и задания.

1. Расскажите о судьбе декабриста-псковича М.А.Назимова, используя биографические материалы.
2. Остановитесь на отношениях М.А.Назимова с литераторами-современниками: А.И.Одоевским, М.Ю.Лермонтовым, Н.А.Некрасовым.
3. Каковы задачи изучения литературного наследия М.А.Назимова сегодня?

Литература.

1. Иванов С.А. Декабрист Назимов М.А. и его участие в реформах 60-70-х гг. XIX в.в Псковской губернии // Псковский край: Культура, образование, история. Псков, 2000. С. 62-80.

2. Иеропольский К.А. М.А. Назимов // Познай свой край. Вып. 1. Псков, 1924. С. 41-44.
3. Назимов М.А. Письма. Статьи. Иркутск, 1985. (Изд. подг. О.В.Поповым).
4. Розен Е.А. Записки декабриста. Иркутск, 1984.

Александр Дюма

Вопросы и задания.

1. Как подлинные факты и литературный вымысел, связанные с Псковским краем, переплетаются в произведениях А. Дюма?
2. Чем примечателен в его творчестве жанр «путешествия»?
3. Подготовьте сообщение о романе А. Дюма «Учитель фехтования».

Литература.

1. Гейченко С. Об источниках популярности Дюма и его романе «Последний платеж» // Пушкинский край. 1990. 20 ноября.
2. Головачева А. Два Дантеса // Время и текст: Историко-литературный сборник. СПб., 2002. С. 338-348.
3. Дурылин С. А. Дюма-отец в России // Литературное наследство. Т. 31-32. М., 1937. С. 491-562.
4. Изюмов Е. А. Дюма и Псковщина // Псковская правда. 1984. 30 декабря.
5. Орлов В. Дюма и Великие Луки // Псковская правда. 1989. 12 марта.
6. Рассказы Прасковьи Егоровны Анненковой, рожденной Гебль // Русская старина. 1888. Т. LVII, январь, с. 169-198; февраль, с. 433-456; март, с. 567-604; Т. LVIII, апрель, с. 1-30; май, с. 367-377.

Николай Алексеевич Некрасов

Вопросы и задания.

1. Каков образ Пскова в сатирических произведениях Некрасова? Что делает Псков символом русского провинциального захолустья?

2. Раскройте содержательность комической маски Феоклита Онуфрича Боба, псковского подьячего, в сочинениях Некрасова.

3. Какие еще факты говорят о том, что Псков не был безразличен Некрасову – человеку и поэту?

4. Подготовьте сообщение на тему «Некрасов, Тургенев и Дружинин в Псковском крае».

5. Какие отношения связывали Некрасова с декабристом М.А. Назимовым? Какую роль они сыграли в формировании творческих замыслов поэта?

Литература.

1. Библиотека Некрасова /Предисл. и публикация Н. Ашукина // Литературное наследство. Т.53-54. Изд-во АН СССР, 1949. С. 375.
2. Дружинин А.В. Повести. Дневник. М.: Наука, 1986. С. 308.
3. Изюмов Е. «Мы, посетив тебя, Дружинин...» //Псковская правда. 1985. 9 июля.
4. Мельгунов Б.В. «Декабристские» замыслы Некрасова после «Княгини Волконской» //Русская литература. 1981. № 3. С. 147-150.

Александр Васильевич Дружинин

Вопросы и задания.

1. Что вы знаете о Дружинине – писателе, критике, человеке?
2. Как в его произведениях проявились живой интерес и сочувствие людям и природе родного края?
3. Подготовьте сообщение по теме «А.В. Дружинин на Псковщине».

Сочинения. Литература.

1. Дружинин А.В. Повести. Дневник. М.: Наука, 1986.
2. Изюмов Е. «Мы, посетив тебя, Дружинин...» //Псковская правда. 1985. 9 июля.

Александр Николаевич Яхонтов**Вопросы и задания.**

1. Как связаны с Псковом жизнь и литературная судьба А.Н. Яхонтова?
2. Как сочетались в личности А.Н. Яхонтова поэт и общественный деятель в служении родному краю?
3. Какую роль в жизни А.Н. Яхонтова сыграл А.С. Пушкин?
4. Расскажите о литературной и просветительской деятельности А.Н. Яхонтова – поэта и переводчика. Остановитесь более подробно на стихотворной повести «Горькая ошибка».
5. Как проявилась в «Горькой ошибке» пушкинская традиция? Сравните строфику повести (терцины) со строфической организацией пушкинского «романа в стихах».
6. Проанализируйте стихотворения А.Н. Яхонтова с точки зрения художественных особенностей. Отметьте в них следование литературным традициям (Пушкин, Некрасов, Тютчев, А. Майков, А.К. Толстой и др.) и черты своеобразие, присущие творческой индивидуальности поэта.

Сочинения. Литература.

1. Яхонтов А.Н. «Горькая ошибка» /Подготовка текста, вступительная статья и комментарии Н.Л. Вершининой //Псков. 1995. № 3. С. 140-161; 1996. № 4. С. 133-151.
2. Гербель Н.В. Русские поэты в биографиях и образцах. Изд. 3-е. СПб., 1888 (об А.Н. Яхонтове – с. 433-435).
3. Русский биографический словарь. Т. 25. СПб., 1913 (об А.Н. Яхонтове – с. 203-206).
4. Русская старина. 1890. № 12 (об А.Н. Яхонтове – с. 691-702).

Александр Сергеевич Зеленой**Вопросы и задания.**

1. Какой вклад внес А.С. Зеленой в развитие просвещения Псковской губернии? Подготовьте об этом сообщение.
2. Что подразумевал писатель, когда заявлял в «Земледельческой газете»: «Мы хлопочем о том, как бы

улучшить нравственный и материальный быт крестьян наших...»? Почему преобразования нравственные он ставил на первое место?

Сочинения. Литература.

1. Зеленой А.С. Не с чего другого, а с грамотности надобно начинать образование крестьянина// Земледельческая газета. 1857 г. №9. с.65-69.
2. Зеленой А.С. Опыт книги для грамотного простонародья. СПб., 1860.
3. Котов В.В. Холм на Ловати и его земля. Псков. 2000.
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. (Репринтное воспроизведение 1890 г.) М., 1990. Т.23. С.386-387.

Лев Александрович Мей

Вопросы и задания.

1. Расскажите о формировании взглядов Л.А. Мей на историю русского народа.
2. Какие исторические события легли в основу драмы «Псковитянка»?
3. Проанализируйте соотношение исторической правды и художественного вымысла в драме.
4. Перескажите сюжетную основу драмы. Назовите основные драматические конфликты пьесы.
5. Как Л. Мей изображает псковскую «вольницу»?
6. Как создается образ Ивана Грозного?

Сочинения. Литература.

- 1 Мей Л.А. Стихотворения и драмы /Вст ст. С.А. Рейсера. М., 1947.
2. Бухмейер К. Л.А. Мей //Мей Л.А. Избранные произведения. «Б-ка поэта». Б.с. Л., 1972.
3. Добролюбов Н.А. Стихотворения Л. Мей. СПб. 1857// Его же. Собр. соч. В 9 т. Т.2. М.; Л., 1962.
4. Прохоров Е.И. Драмы Л.А. Мей // Мей Л. Драмы. Майков А. Драматические поэмы. М., 1961.

5. Фридлендер Г.М. Л.А. Мей //Мей Л.А. Избранные произведения. «Б-ка поэта». М.с. М.; Л., 1962.

Михаил Петрович Погодин

Вопросы и задания.

1. Что нового внес очерк М.П. Погодина о Пскове в ваше представление о жанре очерка?
2. Как проявляются любовь и уважение М.П. Погодина к национальным святыням? Приведите примеры из текста очерка.

Сочинения. Литература.

1. Погодин М.П. Псков: Из дорожных заметок М.П. Погодина. Псков, 1881.
2. Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. Июль 1864-1867. М., 1987. С. 176-184 (о заграничном путешествии М.П. Погодина в 1865 году).

Александр Михайлович Жемчужников

Вопросы и задания.

1. Прочитайте басни в собрании К.Пруткива и сравните их с баснями И.А.Крылова.
2. Попробуйте определить тему стихотворений А.Жемчужникова и пересказать эпизоды, лежащие в их основе. Знаете ли вы еще стихи, написанные на таком материале?

Сочинения.

Сочинения Козьмы Пруткива. М., 1986. (Вступит. ст. В.Сквозникова, комм. А. Бабореко).

Николай Семенович Лесков

Вопросы и задания.

1. Пользуясь материалами статьи, расскажите, в чем проявляется демократизм Лескова?

2. Постарайтесь описать взгляды Лескова на брак, на воспитание детей, на просвещение.

3. Как вы поняли, почему Лесков обратился к изучению раскола?

4. Чем вызван интерес Лескова к различным религиозным течениям, популярным в народе?

Сочинения.

Лесков Н.С. С людьми древнего благочестия. (Гл. «Псков»)// Лесков Н.С. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т.3. М., 1996.

Константин Константинович Случевский

Вопросы и задания.

1. Что сближает Случевского-поэта и Случевского-очеркиста?

2. Расскажите об отношении Случевского к истории.

3. Как использовал Случевский возможности жанра путевых заметок?

Сочинения

1. Случевский К.К. По Северу России: Путешествие Их императорских Высочеств Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 г. Т.1. С картою пути и 65 рисунками. СПб. Типография Эдуарда Голпе. 1886.

2. Случевский К.К. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1989. (Составитель Е.В.Ермилов).

Анна Григорьевна Достоевская

Вопросы и задания.

1. Какой литературный прием позволяет автору наивно и бесхитростно описать нравы губернского города?

2. Какие популярные темы, идеи, литературные традиции использованы А.Г.Достоевской в ее «Воспоминаниях»?

3. Какие автобиографические произведения о детстве вы знаете?

4. Как вы думаете, что может заставить человека писать мемуары? Чем отличаются «Воспоминания» А.Г.Достоевской от других произведений этого жанра?

Сочинения.

Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1987. (Вступ. ст. и прим. С.В.Белова и В.А.Туниманова).

К.Р. (К.К. Романов)

Вопросы и задания.

1. Расскажите об эстетических пристрастиях К.Р., опираясь на сведения об адресатах его переписки.

2. Какие чувства выражает К.Р. в своих стихах?

3. Какие особенности биографии К.Р. отражаются в его творчестве?

4. Расскажите об общественной деятельности К.Р.

Сочинения. Литература.

1. К.Р. Времена года. Избранное. СПб., 1994. (Вступ. ст., сост. и комм. А.Б.Муратова).

2. «Вестник света» и «бесы» русской литературы. М., 1991.

3. И.А.Гончаров и К.К.Романов: Неизданная переписка К.Р. Стихотворения. Драма. /Сост., вступ., под. текста, коммент. Е.К.Демиховской, О.А.Демиховской. Псков, 1993.

4. «Загадка К.Р.» : Из дневников Великого Князя К.К.Романова. Публ., вступ. ст. и прим. О.Матюниной // Москва. 1994. №1 (Январь).

ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Вопросы и задания.

1. Расскажите, какой предстает псковская провинция в литературе конца XIX – начале XX века.
2. Прочитайте рассказ В. Вересаева «Лизар». Какова в нем, по-вашему, функция пейзажа?
3. Самостоятельно ознакомьтесь с произведениями В. Муйжеля псковского периода, подготовьте о них сообщение.
4. Прочитайте и охарактеризуйте повесть Л. Зурова «Отчина», выявите черты его таланта.
5. Подготовьте сообщение на тему «Каким предстает Псковский край в творчестве поэтов и писателей эмиграции?»

Литература.

1. Алтаев Ал. Памятные встречи. ГИХЛ, 1957.
2. Блюмин Г. «...В красе заплаканной и древней» (Блок и Псков). Псков, 1980.
3. Левин Н. А.И. Куприн в Пскове //Псков. 1995. № 3.
4. Мудров Ю. Певец народной жизни (о В. Муйжеле) //Литературная Россия. 1981. 25 сентября.
5. Климов Е. Встречи (о И. Шмелеве) //Московский журнал: История государства Российского. 1995. № 3.
6. Курбатов В. «Во Пскове я бывал в детстве и юности» (о Л. Зурове) //Русская провинция. 1996. № 4.
7. Изюмов Е. «И я пою на путевой лире...» (о А. Ладинском) // Заветы Ильича. 1989. 21, 24 января.

Федор Сологуб

Вопросы и задания.

1. Прочитайте стихи Ф.Сологуба великолукского периода (См.: Неизданный Федор Сологуб. Под ред. М.М.Павловой и А.В.Лаврова. М.: Новое литературное обозрение.-1997) и выявите основные мотивы лирики поэта и черты его поэтики.

2. Какие тематические, сюжетные, образные переклички вы находите в поэзии и прозе великолукского периода?

3. Подготовьте сообщение на тему «Образ провинциального города в романе Ф.Сологуба «Тяжелые сны». Особое внимание обратите на описание старой крепости, реки, острова Воробьинка, в изображении которых угадываются Великие Луки.

4. Исходя из знания философии и эстетики символизма, попытайтесь объяснить «сгущение красок» при изображении русского быта в романах Ф.Сологуба «Тяжелые сны» и «Мелкий бес». Сравните высказывание автора: «Русский быт, далекий от идеалов истины, добра и красоты, впадает в безумие, ужас и хаос, и реальная жизнь на наших глазах претворяется в образы бреда, безобразия и кошмара».

Литература.

1. Улановская Б. О прототипах романа Ф. Сологуба «Мелкий бес»// Русская литература. 1969. № 3.

Ян Райнис

Вопросы и задания.

1. В центре Риги, на площади, Райнису воздвигнут памятник – Великий Странник после дальних дорог в задумчивости отдыхает у дуба. Какой памятник, по-вашему, мог бы стоять поэту в Пскове? Опишите его.

2. Сравните стихотворение Райниса «Королевна» с его стихотворением «Былое». К каким фольклорным мотивам обращается поэт, в чём разница использования этих мотивов?

3. Сравните стихотворение Райниса «Королевна» со стихотворением А.Блока «Королевна». В чем разница изображения и осмысления главного образа в каждом из этих одноимённых стихотворений?

4. Почитайте стихотворения из цикла «Далёкие отзвуки в синем вечере». Какие из них близки по чувству, по мыслям стихотворениям псковского периода?

5. Если вас заинтересовал латышский поэт, выберите тему исследования: «Фольклорные мотивы и образы в цикле «Далёкие отзвуки в синем вечере», «Образ солнца в поэзии Райниса», «Личность Пушкина в восприятии Байрона (по статье Райниса «Александр Пушкин»).

Литература.

1. История латышской литературы: В 2-х т. Т.1. Рига, 1971.
2. Калнинь Я. Райнис: Биографический роман. М., 1982.
3. Левин Н. Псковские адреса Райниса //Псковская правда. 1985. 16 октября.
4. Новиков В. Ян Райнис в Пскове //Псковская правда. 1970. 24 сентября.
5. Трофимов Р.Я. Лирика Я.Райниса. М. 1982.

Поэты «блоковского круга»

Вильгельм Александрович Зоргенфрей

Вопросы и задания.

1. Прочитайте воспоминания В. Зоргенфрея о Блоке (в книге: Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2-х т. Т.2. М., 1980. С. 7-39.). Какие основные черты облика и личности поэта в них раскрываются?

2. Сопоставьте воспоминания со стихотворением В. Зоргенфрея, посвященном А. Блоку:

Вдохновенно преклонив колени,
Кто предстал в тиши, у алтаря?

Литература.

1. Левин Н. Псковские страницы биографии В. Зоргенфрея // Крестьянская жизнь. 1997. 21, 28 октября, 4 ноября.

Надежда Александровна Павлович

Вопросы и задания.

1. Прочитайте очерк Н. Павлович «Из воспоминаний об Александре Блоке» (в книге: Александр Блок в воспоминаниях

современников: В 2-х т. Т. 2. М., 1980. С. 395-400). Что нового в личности А. Блока открылось вам благодаря этим воспоминаниям?

2. Напишите сочинение на тему «Образ Пскова в лирике Н. Павлович». Используйте для анализа, помимо приведенных здесь, стихи «В родном Пскове» («Псковская правда», 1981, 13 марта), «Псков» («Псковская правда», 1963, 14 июля) и др.

Литература.

1. Горцев М. Друг А. Блока //Псковская правда. 1963. 31 марта.
2. Павлович Н. Детство Ядан //Даугава. 1978. № 1.

Мария Михайловна Шкапская

Вопросы и задания.

1. Проведите сопоставительный анализ стихотворений о Пскове М. Шкапской и Н. Павлович, выявите черты сходства и художественную специфику.

Литература.

1. Сапогов В. «Город ласковый, старинный...» (М.М. Шкапская в Пскове) //Русская провинция. 1993. № 2.
2. Точеный О. На новом пути //Литературная Россия. 1988. № 24.

Саша Черный

Вопросы и задания.

1. Выстройте хронологию жизни и творчества Саши Черного по городам, в которых он жил, начиная с города, где родился. Какое значение в его жизненной и творческой судьбе занимает город Псков?

2. Выучите одно из стихотворений поэта, посвященных Пскову, наизусть.

3. Прочитайте поэму «Дом над Великой» и главы из поэмы «Дом над Великой». В чем смысл эпитета «пестрый» Псков, употребленного в поэме «Дом над Великой»?

4. Напишите реферат на тему «Образ Пскова в творчестве Саши Черного».

5. Подготовьте одно из сообщений: «Природа Пскова в поэзии Саши Черного», «Быт псковичей в поэзии Саши Черного», «Образ времени в поэзии Саши Черного».

6. Напишите одно из сочинений: «Образ реки Великой в творчестве Саши Черного», «Шесть стихотворений и поэма.... Любил ли Саша Черный Псков?».

7. Подготовьте поэтический текст экскурсии «По достопримечательным местам города Пскова словами Саши Черного».

Сочинения.

1. Черный Саша // Русская поэзия детям /Вступ. ст., сост., подг. текста, биограф. справки и примеч. Е.О. Путиловой /Л., 1989. С. 611-636.

2. Черный Саша. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1.: Сатиры и лирика. Стихотворения 1905-1916. /Сост., подгот., текста и ком-мент. А.С. Иванова. М. 1996.

3. Черный Саша. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. Детский остров: Стихи, сказки, рассказы для маленьких. / Сост., подгот., текста и ком-мент. А.С. Иванова. М. 1996.

4. Черный Саша. Что кому нравится: Стихи, сказки, рассказы, повести. М., 1993.

Литература.

1. Ефимова И. «На Пскове, где рыбный ряд, барки грузные скрипят». //Новости Пскова. 1993. 27 мая.

2. Магомедова Д.М. Черный Саша //Русские писатели: Биобиблиографический словарь: В 2-х ч. Ч.2. /Под ред. П.А. Николаева. М. 1990. С. 369-370.

3. Минералова И.Г. Черный Саша //Русские детские писатели 20 века: Биобиблиографический словарь. М., 1997. С. 477-480.

Иван Алексеевич Бунин

Вопросы и задания.

1. Известный филолог В.А. Сапогов писал о Бунине: «Бунин стремится в своей лирике воскресить, говоря словами Пушкина,

«прелесть нагой простоты», ищет в мире «сочетанья прекрасного и вечного», декларирует свой уход от проблем повседневности...». Докажите эту мысль исследователя примерами из стихов, написанных в Клеевке.

2. Сопоставьте мотивы и образы стихотворения «Два голоса» и русской народной песни «Ночь темна да не месячна...». Сравните бунинскую интерпретацию песни с некрасовской («Кому на Руси жить хорошо», глава «Крестьянка»).

3. Подготовьте исследование на тему «Соприсутствие Пушкина» в творчестве Бунина», в которое включите как один из компонентов сопоставительный анализ стихотворений «Псковский бор» и «Вновь я посетил...». Опирайтесь при этом на следующие вопросы:

а) Известно, что оба стихотворения написаны по свежим впечатлениям: «Вновь я посетил...» 26 сентября 1835 года в Михайловском, куда Пушкин приехал после восьмилетнего перерыва; «Псковский бор» - 12 августа 1912 года. Появлению стихотворений предшествовали прозаические записи. Пушкин в письме Н.Н.Пушкиной от 25 сентября писал: «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; все кругом меня говорит, что я старею...». Бунинская дневниковая запись приведена выше. Какие авторские впечатления выражены в записях? В чем их отличие от стихотворений?

б) Что, по-вашему, объединяет пушкинский и бунинский поэтические тексты?

в) Чем, на ваш взгляд, отличается возвращение лирических героев в «мир позабытый, но родной»?

Литература.

1. Бабореко А. И.А. Бунин: Материалы для биографии с 1970 по 1917. Изд-е 2-е. М., 1983.
2. Изюмов Е. Себежское лето: Из писательских биографий // Литературная Россия. 1989. 6 января.

Холомковский «узел культуры»

Вопросы и задания.

1. Подготовьте сообщение об одном из художников, живших в Холомках, - М. Добужинском, Н.Радлове, В. Милашевском. Используйте литературу:

а) Юрьев М. Псковский период в творчестве художника (о М. Добужинском) //Псковская правда. 1983. 21 мая.

б) Галицкий В. Дорога на Холомки (О Н.Радлове) // Псковская правда. 1994. 2 сентября.

в) Галицкий В. В поисках линии: наброски к портрету художника В. Милашевского // Псковская правда. 1992. 14 октября.

2. Напишите сочинение на тему «Псковская провинция в литературном творчестве обитателей Холомков».

Литература.

1. Добужинский Мст. Воспоминания. М., 1987.
2. Милашевский В. Вчера, позавчера... М., 1989.
3. Потресов В. Холомки //Наше наследие. 1998. № 46.
4. Ходасевич В. Письмо к Диатроптовым от 16 августа 1921 г. //Наше наследие. 1988. № 3.
5. Ходасевич В. Поездка в Порхов //Литературное обозрение. 1989. № 11.
6. Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989.
7. Чуковский К. Дневник (1918-1923) // Новый мир. 1990. № 8.
8. Чукоккала. Рукописный альманах К. Чуковского. М., 1979.

Михаил Михайлович Бахтин

Вопросы и задания.

1. Расскажите о жизни М.М.Бахтина в Невеле.

Литература.

1. Лапун В.И. Хронограф жизни и деятельности М.М.Бахтина // Бахтин М.М. Pro et contra. СПб., 2001. С.522-523.
2. Махлин В.Л. Невельская школа. Круг Бахтина // Бахтин М.М. Pro et contra. СПб., 2001. 550с. С.122-136.

3. Максимовская Л. Диалог столицы и провинции // Невельский вестник. 24 июня 2000.
4. Невельская К. М.М. Бахтин и М.И. Каган: По материалам семейного архива // Память. Вып. 4. Париж, 1981. С. 266.

Александр Степанович Грин

Литература.

1. Воспоминания об А. Грине / Сост. Вл. Сандлер. Л., 1972. С.196.
2. Грин Н. Воспоминания об А. Грине. Симферополь, 2000. С. 3, 52-53.
3. Изюмов Е. «Алые паруса» согревали его душу»: А. С. Грин на Псковщине // Молодой ленинец. 1982. 21.августа.
4. Куковякин В. 10 лет для Ассоль // Литературная Россия. 1994. №14.
5. Логвинов И. «Его душа томила в поисках любви» // Семья. 1995. №7.
6. Петров С. Ассоль родилась... в Великих Луках? // Великолукская старина. Историко-краеведческая мозаика. Великие Луки, 1999. С.147-149.
7. Царькова Ю. В. Дорога к алым парусам // Литература. 2002. № 31 (16 – 22 августа 2002 г.). С. 2 – 3.

Юрий Николаевич Тынянов

Вопросы и задания.

1. Охарактеризуйте круг общения Ю. Тынянова – гимназиста.
2. Какие дополнительные штрихи образа провинциального Пскова 10-х годов добавляют воспоминания Ю. Тынянова (ср. со стихотворениями Н. Павлович, М. Шкапской и др.)?

Литература.

1. Тынянов Ю. Писатель и ученый: Воспоминания. Размышления. Встречи. М., 1966.
2. Вересова Т. Юрий Тынянов в Пскове: Поиски и находки. Псков, 1990.

Ал. Алтаев

Вопросы и задания.

1. Подготовьте анализ романа Ал. Алтаева «К вершинам искусства», посвященного одарённому графику, первому

иллюстратору поэмы Гоголя «Мертвые души», крестному отцу писателя, Агину. Как, по-вашему, проявился здесь талант исторического романиста?

Литература.

1. Ал. Алтаев. Памятные встречи. ГИХЛ, 1957.
2. Ал. Алтаев и Псковский край./ Сост. М.А. Кузьменко. Псков, 1985.
3. Переписка Ал. Алтаева с Н.Я. Берковским / Вступит. ст., публикация и комментарий М.А. Кузьменко. Псков, 1991.
4. Курбатов В. В Логу, на Псковщине //Литературная Россия. 1972. 8 декабря.
5. Литвинов В. Ал. Алтаев. Очерк жизни и творчества. М., 1973.

Вениамин Александрович Каверин

Вопросы и задания.

1. Проследите по содержанию романа, как связана жизнь Сани Григорьева с Энском, в какие моменты своей жизни он оказывается здесь. С каким чувством вспоминает герой свой город?

2. Судьбы каких героев романа объединены этим городом?

3. Выберите и прочитайте пейзажные описания Энска. В какие моменты развития сюжета даются эти описания? Какие черты города вам кажутся узнаваемыми?

4. Какова сюжетно-композиционная роль Энска в романе «Два капитана»?

5. Нарисуйте карту «Энск Сани Григорьева», отметьте в ней места, памятные герою, названные им.

6.Подготовьте сообщение на одну из тем:

- а) Образ старого города на страницах произведений В.А. Каверина.
- б) «Псковское детство» героев каверинских книг.
- в) Энск-Лопухин-Псков в их общих, узнаваемых чертах.
- г) Образ Пскова в автобиографическом романе В.А. Каверина «Освещенные окна».

Сочинения.

1. Каверин В. Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1980-1983.
2. Каверин В. Собеседник: Воспоминания и портреты. М., 1973.
3. Каверин В. Освещенные окна. М., 1978.

Литература.

1. Вересова Т. С любовью к Пскову: Встречи с нашим земляком, писателем В.А. Кавериним // Псковская правда. 1988. 19 июня.
2. Левин Н.Ф. Вениамин Каверин и Демократическое общество учащихся // Псков. 1997. № 6. С.135-139.
3. Михеева А.А. История одной дружбы // Псков. 1996. № 4. С.112-118.
4. Новикова О.И., Новиков В.И. Каверин: Критический очерк. М., 1986.
5. Руммель Д. Семья Зильбер // Псковская правда. 1989. 17 октября.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПСКОВЩИНЫ в 1940-е-1960-е гг.

Вопросы и задания.

1. Назовите псковских писателей, которые принадлежат фронтовому поколению. Что вы о них знаете?
2. Подготовьте реферат на тему: «Судьба фронтового поколения глазами псковских писателей (Е.П. Нечаева, И.В. Виноградова, И.Н. Григорьева, Л.И. Малякова, Е.А. Маймина)».
3. Напишите сочинение на тему: «Тема Родины в лирических произведениях псковских поэтов».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПСКОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Псковская писательская организация: вчера, сегодня, завтра

Вопросы и задания.

1. Расскажите об истории создания псковской писательской организации, используя указанные в статье имена и даты.
2. Проведите самостоятельную литературно-краеведческую работу и подготовьте сообщение об одном из писателей: Е.Н. Морозкиной, С.В. Молевой, Э.М. Жемлиханове, Т.В. Дубровской, О.В. Тиммермане.
3. Кого еще из современных псковских литераторов вы знаете и любите? Расскажите о них.

Сочинения.

1. Вече. Литературный сб. Л., 1972.
2. Встречи: Книга литераторов Псковщины. Л., 1974.
3. Вчера и сегодня. XX век: Антология псковской литературы. Псков, 2001.
4. Завещанное: Художественно-публицистический сборник псковских литераторов. Л., 1989.
5. Скобари: Сборник произведений псковских писателей. Псков, 1995.
6. Скобари: Сборник произведений псковских писателей. Вып. 2. Псков, 2000.
7. Звучание свирели: Сборник произведений псковских писателей. Псков, 1998.
8. Солнечный цветок: Сборник произведений псковских писателей для детей. Псков, 1998.
9. О любви? И только! Сборник произведений псковских писателей для юношества. Псков, 1998.
10. Березы, не покидайте Россию: Сборник стихотворений и прозы. Псков, 2000.
11. Аист на крыше: Сборник произведений псковских писателей. Псков, 2001.
12. На крыльях Юности: Сборник произведений псковских писателей. Псков, 2002.

Иван Афанасьевич Васильев

Вопросы и задания.

1. Как в повести «Земля русская» прослеживается судьба русской деревни?
2. Какие персонажи повести «Судьбой дарованные встречи» даны крупным планом? Как они соотносятся с ее общим замыслом и подзаголовком?
3. По материалам одной из книг подготовьте выступление на тему: «Особенности публицистики И.А. Васильева».

Литература.

1. «И не надо ничего придумывать...»: Интервью с И.А. Васильевым, лауреатом Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького // Наш современник. 1981. № 4.
2. Иван Васильев. Три страницы (из дневников разных лет) // Наш современник. 1998. №1.
3. «Умение выслушать исповедь...» (По материалам бесед с И.А. Васильевым) // Журналист. 1989. № 10.
4. Курбатов В. Последний дневник // Псковская правда. 1997. 29 августа.
5. Бологов А. В доме на краю деревни // Псковская правда. 1994. 21 июня.
6. Трофимов А. Васильевские чтения // Слово. 1997. № 9 – 10.

Евгений Павлович Нечаев

Вопросы и задания.

1. Подготовьте «Слово о Евгении Павловиче Нечаеве»
2. Прочитайте рассказ «Рядовой третьей сотни». Определите время и место действия. Почему на роль центрального героя выбран инвалид, дорожный мастер Никанор Иванович Санин? Расскажите о нем.
3. Как проявлен в книге «Батарейцы» хроникальный характер повествования?
4. Найдите в романе «Отовсюду видна война» описания, раскрывающие облик войны.
5. «Солдатами не рождаются». Как раскрывается в романе Е. Нечаева этот аспект военной прозы?
6. Воспроизведите нарисованные в романе «Люди нашего города» картины послевоенного возрождения Пскова.

Литература.

1. Клевцов В. Солдат и писатель // Вечерний Псков. 1997. 9 декабря.
2. Золотцев Ст. Быль, боль и радость // Псковская правда. 1995. 10 октября.
3. Бологов А. Честь имею... (К 80-летию Е. Нечаева) // Псковская правда. 1995. 4 марта.
4. Давтян С. Слово о «Людах нашего города» // Новости Пскова. 1995. 15 ноября.

Иван Васильевич Виноградов

Вопросы и задания.

1. Какие страницы партизанской жизни И.В.Виноградова вы считаете наиболее впечатляющими? В каких произведениях писателя они нашли свое яркое отражение? Как вы можете охарактеризовать их?
2. Подготовьте выразительное чтение нескольких стихотворений поэта И.В. Виноградова (по выбору).

Литература.

1. Бологов А. «Душа у памяти в плену» // Псковская правда. 1993. 28 августа.
2. Боровиков В. Строки любви и мужества: Стихи и проза И.В. Виноградова // Псковская правда. 1996. 10 октября.
3. Борисов И. Герои и судьбы: О новой книге псковского писателя И.В. Виноградова «Герои и судьбы» // Псковская правда. 1998. 6 июля.

Игорь Николаевич Григорьев

Вопросы и задания.

1. Восстановите подробности военной биографии И.Н. Григорьева.
2. Чем вы объясните пристрастие поэта к деревенской теме? В каких стихотворениях она отражена ярче всего?
3. Подготовьте по материалам одного из сборников поэта сообщение на тему: «Своеобразие лирики Игоря Григорьева».

Литература.

1. Мухин В. Вечные ценности // Псковская правда 1998. 28 октября.
2. Маляков Л. Уйдя, он остался с нами: Воспоминания об Игоре Григорьеве // Псковская правда. 1998. 14 октября.

Лев Иванович Маляков**Вопросы и задания.**

1. Как отражается в прозе Л.И. Малякова его поэтический дар?
2. Как взаимосвязаны деревенская и патриотическая темы в произведениях Л.И. Малякова?

Литература.

1. Маляков Л. Забыть не могу // Ветеран. Л., 1984. С. 356 – 360.
2. Маляков Л. Навечно в памяти: Воспоминания о детстве, опаленном войной // Псковская правда. 1984. 23 апреля.
3. Маляков Л. Великая Отечественная война – извечная наша боль и гордость: Раздумья о Великой Отечественной войне // Новости Пскова. 1996. 9 мая.

**Семен Степанович Гейченко,
Евгений Александрович Маймин****Вопросы и задания.**

1. Что общего в судьбах С.С. Гейченко и Е.А. Маймина?
2. Расскажите о деятельности С.С. Гейченко как «хранителя» пушкинских мест, «духовных владений Поэта». Какие из книг С.С. Гейченко вам знакомы?
3. Что вы знаете о научно-просветительских трудах Е.А. Маймина? Какие из книг ученого помогли вам при изучении русской литературы?
4. Прочтите книгу Е.А. Маймина «Я их помню». Объясните смысл заглавия; на примерах из текста покажите своеобразие авторского подхода к военной теме, проанализируйте особенности ее художественного выражения. Какие из произведений, вошедших в книгу «Я их помню», произвели на вас более сильное впечатление? Почему?

Литература.

1. Агеева Л., Лавров В. Хранитель: Документальное повествование о жизни, делах и днях директора Пушкинского заповедника С.С. Гейченко. Л., 1990.
2. Ларионов А. Заповеди блаженства: Михайловские встречи с С.С. Гейченко. Документально-художественная повесть. М., 1999.
3. Слово и образ: К 75-летию Е.А. Маймина. Псков, 1996.
4. Вторые Майминские чтения. Сб. статей. Псков, 1998.
5. Третьи Майминские чтения. Сб. статей. Псков, 2000.

Александр Иванович Гусев

Вопросы и задания.

1. Подготовьте выразительное чтение нескольких стихотворений А. Гусева. Объясните, чем продиктован ваш выбор.
2. Подготовьте развернутый ответ: Каковы особенности лирики природы в творчестве поэта?
3. Какие события псковской истории отражены в поэмах и стихотворных циклах А. Гусева?

Литература.

1. «Душа моя, ты верить не устала». (Интервью с псковским поэтом А.И. Гусевым о его творческих замыслах. Записала С. Андреева) // Псковская правда. 1992. 15 октября.
2. Матвеева Н. «Я жизни благодарен»: Заметки о творчестве псковского поэта А. Гусева // Молодой ленинец. 1976. 29 июля.
3. Ефимова И. Александр Гусев: «Коль будет земля бездуховной, то как же прикажете жить?» // Новости Пскова. 1996. 25 декабря.

Валентин Яковлевич Курбатов

Вопросы и задания.

1. Подготовьте обзор литературно-критического творчества В.Я. Курбатова.
2. Какие из его статей и книг привлекались вами при изучении отечественной литературы и культуры?

3. Что нового внесли наблюдения В.Я. Курбатова в ваше представление о С.С. Гейченко и И.А. Васильеве, сложившееся по статьям, уже прочитанным вами в этой книге: «И.А. Васильев», «Два воина»?

Сочинения.

1. Курбатов В.Я. Виктор Астафьев. Новосибирск, 1977.
2. Курбатов В.Я. Михаил Пришвин. М., 1986.
3. Курбатов В.Я. Домовой: Семен Степанович Гейченко. Письма и разговоры. Псков, 1997.
4. Курбатов В.Я. В тебе и вокруг // Распутин В. Уроки французского. М., 1987. С. 3-12.
5. Курбатов В.Я. Сны пробуждения // Российская провинция. 1995. № 4. С. 124 – 132.
6. Курбатов В.Я. Возвращение победителя: О В.П.Астафьеве и его повести «Веселый солдат» // Роман-газета. 1999. №6. С. 92-94.

Литература.

1. Плоды путей своих: К 60-летию со дня рождения В.Я. Курбатова. Рекомендательный список литературы. Чусовой, 1999.
2. Настоящее прошедшее (Послесловие и размышление после Пушкинского праздника поэзии) // Роман–журнал XXI век. 2000. №7. С. 49.
3. Валентин Курбатов – лауреат еженедельника Литературная Россия за 1997 год.// Литературная Россия. 1997. №52. С.1.
4. Огрызко В Сейчас время критики // Литературная Россия. 1997. №24. С. 10-11.
5. Аннинский Л. Заговор художников: По поводу статьи В. Курбатова «По образу и подобию» // Москва. 1994. №3. С. 143.
6. Лаврентьев В. Лауреат двух изданий // Псковская правда. 1993. 26 января.

Александр Александрович Бологов

Вопросы и задания.

1. Подумайте над тем, какие нравственные проблемы поставлены в произведениях А.А. Бологова, как они связаны с современностью, с проблемами вашей жизни.
2. Отметьте характерные черты художественной манеры писателя, покажите их на примерах двух-трех произведений.

3. Как отразилась в повестях и рассказах А.А. Бологова судьба военного и послевоенного поколений русских людей? Какие образы произвели на вас наибольшее впечатление, почему?

4. Подготовьте доклад об одном произведении писателя – запомнившимся и полюбившемся вам в большей степени.

5. Что вы знаете о деятельности Псковской писательской организации, которой много лет руководит А.А. Бологов?

Сочинения.

1. Бологов А. Если звезды зажигают... Повесть. Л., 1972.
2. Бологов А. Билет в прицепной вагон: Повести и рассказы. Л., 1977.
3. Бологов А. Один день солнца: Повести и рассказы. М., 1983.
4. Бологов А. Как далекое сердце: Повести и рассказы. М., 1987.
5. Бологов А. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1991.
6. Бологов А. Окна чужого дома: Рассказы и повести. Псков, 2001. (Вступит. статья Н.Л. Вершининой).

Литература.

1. Золотцев Ст. Жизнь всерьез // Бологов А.А. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 1. М., 1991. С. 3 – 18.
2. Курбатов В. На этом трудном пороге. // Родники: Альманах. М., 1974. С. 189- 197.
3. Писатели Орловского края: Биобиблиографический словарь / Под ред. К.Д.Муратовой и Г.М. Шевелевой. Орел, 1981. С. 219 – 221.
4. Турков А. Прямой разговор // Юность. 1977. № 8. С. 82.

Юрий Николаевич Куранов

Вопросы и задания.

1. Как отразилась в произведениях Ю. Куранова судьба военного поколения. Какие образы произвели на вас наибольшее впечатление, почему?

2. Приведите примеры исторических реминисценций в произведениях Ю. Куранова. Объясните, какова их художественная функция.

3. Прочтите повесть «Облачный ветер» и определите, в чем проявляется влияние на это произведение творчества А. Платонова.

Литература.

1. Далада М. Весенний ветер. М., 1968. С. 260 – 264.
2. Дедков И. Возвращение к себе. М., 1978. С. 247 – 268.
3. Мы – молодые. М., 1969. С. 190.

Олег Владимирович Тиммерман**Вопросы и задания.**

1. Подготовьте сообщение на тему: «За что я люблю стихи Олега Тиммермана».

Сочинения.

1. Тиммерман О. На земле обелисков. М., 1981.
2. Тиммерман О. Удивление. М., 1980.

Ирина Язеповна Панченко**Вопросы и задания.**

1. Охарактеризуйте творчество И. Панченко, определите его пафос, проанализируйте жанровую систему.
2. Выделите псковскую тему в литературных произведениях и живописи И. Панченко, отметьте особенности ее художественного выражения.

Литература.

1. Золотцев Ст. Искрометная душа // Встреча: Культурно-просветительная работа. 1998. №6.
2. Золотцев Ст. Поэзия добра и света // Панченко И. Притяжение высокой луны. Псков, 1998.
3. «Ирина Панченко» // На пороге XXI века: Российский автобиографический ежегодник. М., 1998. Т.2.
4. Некрылова А. Ради Победы // Театральная жизнь. 1981. №10.
5. Никитина Н. Полет души Ирины Панченко // На рубеже тысячелетий: Книга о людях культуры и искусства: В 2-х т. Т.2. Псков, 2002.
6. Токмакова И. Мир светлый и теплый // Литературная Россия. 1996. 29 января (№48).

Евгений Михайлович Афанасьев**Вопросы и задания.**

1. Каковы были «жизненные университеты» поэта-баснописца Е.Афанасьева? Как наблюдения над окружающим преломились в его творчестве?

2. Назовите имена писателей-сатириков Псковщины, используя сборники псковских литераторов.

Литература.

1. Маляков Л. Басня – жанр особый // «Капли времени». Псков, 1999.
2. Маляков Л. Рыцарь и прекрасная дама // Новости Пскова. 2001. 15 марта.
3. Смирнов С. Предисловие // Афанасьев Е. Прошу обижаться. Л., 1971.

Иван Егорович Калинин**Вопросы и задания.**

1. Проанализируйте, к каким литературным жанрам и стилям тяготеет творчество И. Калинина. Приведите примеры из текстов его произведений.

2. Дайте определение публицистического стиля, назовите жанры публицистики. Кого еще из псковских писателей-публицистов вы знаете?

3. Какие события из культурной жизни Пскова вы вспоминаете, читая книги И. Калинина? Сопоставьте их со своими впечатлениями, сделайте вывод о том, достоверно ли авторское изложение.

Литература.

1. Куликов Ю. Русской сметкой и силой духа // Встреча: Культурно-просветительная работа. 1998. №6.
2. Журавлева И. Об авторе и его книгах // Калинин И. Непокойно застойные. Псков, 2000.
3. Свои слова о времени своем (от ред.) // Встреча: Культурно-просветительная работа. 1997. № 7.
4. Трижды знаменательный (от ред.) // Встреча: Культурно-просветительная работа. 2000. №7.

Станислав Александрович Золотцев**Вопросы и задания.**

1. Назовите основные темы лирики Ст. Золотцева.
2. Какие произведения поэта посвящены Псковскому краю, родовым корням?
3. Сформулируйте ваши впечатления от романа «У подножия горы Синичьей». Охарактеризуйте особенности творческой манеры автора романа.

Литература.

1. Винокуров Е. В ожидании надежд // Литературная газета. 1975. 14 ноября.
2. Симонов К. Культура слова – культура души // Новый мир. 1976. № 2
3. Львов М. Окрыленный // Литературная Россия. 1978. 20 апреля.
4. Шевелева И. Счастливцев // Завтра. 1995. № 28.
5. Шевелева И., Ефимова И. Судьба «московского псковича» // На рубеже тысячелетий: Книга о людях культуры и искусства: В 2-х т. Т.2. Псков, 2002.

Борис Тимофеевич Ильин**Вопросы и задания.**

1. Назовите произведения писателя Б.Т. Ильина. Определите их тематику; проанализируйте ее связь с современной жизнью деревни.
2. Какое произведение писатель посвятил 1100-летию города Пскова? Назовите героев, судьба которых связана с историей нашего города.

Литература.

1. «Борис Ильин» // На пороге XXI века: Российский автобиографический ежегодник. М., 1998. Т.1.
2. Груднев И. Вступ. ст. // Ильин Борис. В стороне от больших дорог. М., 1991.
3. Золотцев Ст. В полях земных и духовных // Льновод. 2000. 28 апреля.

Валерий Михайлович Мухин**Вопросы и задания.**

1. Проанализируйте основные мотивы лирики В.М. Мухина.
2. Подготовьте сообщение о гражданской лирике поэта.
3. Выберите несколько стихотворений В.М. Мухина о любви для выразительного чтения. Объясните свой выбор.

Литература.

1. Ефимова И. Немного трогательных слов // Новости Пскова. 1997. 2 июля.
2. Журавлева И. Колдовская сила любви // Березы, не покидайте Россию. Сб. стихотворений и прозы. Псков, 2000.
3. Золотцев Ст. Там деревня Даль да Тишь // Встреча: Культурно-просветительная работа. 2001. №2.
4. Кирсанов А. Вблизи увидеть небо // Русские лики. 1998. Август.
5. Кирсанов А. Прости, доверчивая Русь // Псковская правда. 1994. 13 июля.
6. Токарева Л. Тихий поэт // Псковская правда. 1997. 1 июля.

Валентин Павлович Краснопевцев**Вопросы и задания.**

1. Назовите тематические циклы произведений В. Краснопевцева.
2. Выделите главную тему его поэтического творчества.

Литература.

1. Курбатов В. Как животные служат людям (рец.) // Детская литература. 1971. № 10.
2. Яковлева Н. Предисловие // Краснопевцев В. Поговорим по-русски. Псков, 2002.

Виктор Михайлович Русаков

Вопросы и задания.

1. Что отличает серию книг В.М. Русакова «Потомки Пушкина» среди многочисленных художественно-документальных изданий, посвященных родословной поэта?

2. Чем привлекает читателя автобиографическая повесть «Под небом детства»? Прочитайте вслух полюбившиеся места.

Сочинения.

1. Русаков В.М. Рассказы о потомках А.С. Пушкина. Л., 1992.
2. Русаков В.М. А.С. Пушкин и его потомки: Иллюстрированная родословная роспись. Псков, 1997.
3. Русаков В.М. О лжепотомках А.С. Пушкина и не только о них. Псков, 2002.
4. Русаков В.М. Под небом детства: Автобиографическая повесть. М., 1990.

Литература.

1. Желнина А. Встречи на пушкинской тропе. (Рец. на кн. В. Русакова «Рассказы о потомках А.С. Пушкина» Л., 1982) // Огонек. 1983. № 2.
2. Занделов И. Рец. на кн. В. Русакова «Рассказы о потомках А.С. Пушкина» Л., 1982) // Новый мир. 1983. № 5.
3. Жадрицкая Л. Как были написаны «Потомки Пушкина» // Молодой ленинец. 1974, 28 мая.
4. Карнаухова Т. Духовный сын поэта // Новости Пскова. 2002. 17 мая.

Новые публикации псковских литераторов

Вопросы и задания.

1. Расскажите о современной литературе Пскова, основываясь на публикациях в коллективных сборниках псковских писателей.

2. Как в этих изданиях выражен принцип преемственности поколений псковичей-литераторов?

3. Дополните рассказ о псковской литературной жизни последних лет новыми фактами и собственными наблюдениями.

ЛИРИКА XIX В. И ПСКОВСКИЙ КРАЙ
(Материалы к литературному вечеру.
Поэтические тексты)

И.Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ

РОМАНС

Певец любви! Крепясь от слез,
Ты ль молишь дружбы сострадания!
Кто мрак и скорбь к тебе занес,
Кто сердца обманул желанья?
Давно ль еще в кругу друзей
Ты беззаботную пел радость?
Кто потушил огонь очей
И жизни пламенную младость?
Несчастный друг! В борьбе души
Я тайне вял сердечной боли;
Ты пел любовь, не зная любви,
В свободе чувств искал неволи.
Поклонник муз и красоты,
Беспечно радости ты верил,
Но опыт снял покров мечты
И сердце в счастье разуверил.
Узнав любовь, познал ты в ней
Один обман очарований,
Ничтожность клятв и ложь очей,
И яд пленительных лобзаний.
И дружбою ль минувших дней
Ты возрастишь часы крылаты?
Увы, певец! Сердца друзей
Не заменят любви утраты!

16 сентября 1824 года, дорогою из Динабурга в Великие Луки.

Не все мы в горе станем жить,
 Промчится время, может быть,
 Туманны тучи разойдутся,
 В душах угаснувших проснутся
 Опять бывалые мечты;
 В шумящем вихре наслаждений, -
 Как сердцу страшные черты
 Сна беспокойного видений, -
 Для нас прошедшее мелькнет;
 Тогда и друг ваш отдохнет,
 Тогда, весельем вдохновенный,
 В беседе муз уединенной
 И он о счастье запоет!

12 октября 1824 года, деревня Подберезье под Псковом

КНЯЗЮ ФЕД. ИВ. ЦИЦИАНОВУ

(подписано под стихами им начатыми в честь Элизы)

Ага! и князь с обновой!
 И в княжескую кровь
 Элизы взор суровой
 Вдохнул изменницу-любовь,
 И очарованная сила
 Очей пленительных и слов
 И князя нашего вместила
 В число вздыхателей-певцов!
 Так при стихий волнение бурном
 Восставший света великан,
 На своде вспыхнувши лазурном,
 С земли лучом своим пурпурным
 Сгоняет ссевшийся туман.

12 января 1825 года, Псков

МУЗЫ

Соскучив шумом суеты,
 В мои часы уединенья
 Зову обман я вдохновенья
 И заблуждения мечты.

Не знаю, любят ли Камены
Цевницу тихую мою,
Но я - их искренно люблю
И часто, думой увлеченный,
Миролюбивый домосед,
Мой призывая добрый Гений
На пир отрадных песнопений,
Живую радость их бесед
Я чту всех выше наслаждений!
И как могу их не любить?
То было время - я не верил
Их божеству, и, может быть,
Никто б души не разуверил
И не возжег бы в ней огня.
Но, ах, забыть могу ли я
Те годы, тяжкие гоненьем?
Оне, единые оне,
Тогда, с их тайным утешеньем,
Сходили добрые ко мне;
Толпою легкою летали,
Меня манили и пленяли
И по мелькающим цветам
И мысль, и сердце увлекали
К недоступным небесам!
Тогда каратель Прометея
И неподвижный, и живой,
С крылом опущенным, с главой
Полуподъятою, не смея
Нарушить Тартара покой,
При звуках сладостных Орфея,
При взоре их, свирепый вран
Моих не рвал живучих ран.
С тех самых пор, благоговая,
Усердным стал я их жрецом. –
Так на святой помост чертога,
Увидев чудо, в прах лицом
Язычник пал пред олтарем
Им вдруг уведанного Бога!

18 февраля 1826 г. Псков

Н.М. ЯЗЫКОВ**ТРИГОРСКОЕ***Посвящается П.А. Осиновой*

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала веча;
В стране, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Где побеждающий Стефан
В один могущественный стан
Уже сдвигал толпы густыя,
Да уничтожит псковитян,
Да ниспровергнется Россия!
Но ты, к отечеству любовь,
Ты, чем гордились наши деды,
Ты ополчилась... Кровь за кровь...
И он не праздновал победы!
В стране, где славной старины
Не все следы истреблены,
Где сердцу русскому донине
Красноречиво говорят:
То стен полуразбитый ряд
И вал на каменной вершине,
То одинокий древний храм
Среди беспажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам.

В стране, где Сороть голубая,
Подруга зеркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой, -
Там, у раздолья, горделиво
Гора трихолмная стоит;
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные картины,
Село и пажити кругом.
Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой!
Благоговею пред тобой, -
И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь и слава –
Мои стихи - тебе привет!

Как сна отрадные виденья,
Как утро пышное весны,
Волшебны, свежи наслажденья
На верном лоне тишины,
Когда душе, не утомленной
Житейских бременем трудов,
Доступен жертвенник священный
Богинь кастальских берегов;
Когда родимая природа
Ее лелеет и хранит
И ей, роскошная, дарит
Все, чем возвышена свобода.

Душе пленительна моей
Такая райская година:
Камены пламенного сына
Она утешила; об ней
Воспоминание живое
И ныне радует меня.
Бывало, в царственном покое,
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит огневым
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют
Озер живые зеркала;
Поля, холмы благоухают;
С них белой скатертью слетают
И сон и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Дерев одежда убрана;
Пернатых песнью голосистой
Звучит лесная глубина.

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот,
Я озираю сей неба свод,
Великолепный и безмолвный,
Сии круги и ленты вод,
Сии ликующие нивы,
Где серп мелькал трудолюбивый
По золотистым полосам;
Скирды желтели, там и там
Жнецы к товарищам зывали,
И на дороге, вдалеке,
С холмов бегущие к реке
Стада пылили и блеяли.

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара,
Тяжелый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная тень;
На поле жатвы, меж скирдами,
Невольная почует лень,
И кони спутанные бродят,
И псы валяются; молчат
Село и холмы; душен сад,
И птицы песен не заводят...
Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зеленый,
Где дремлют Сороти студеной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она
По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной серебристым.
Одежду прочь! Перед челом
Протянем руки удалые
И бух! - блистательным дождем
Взлетают брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!
Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая наяда!
Дышу вольнее, светел взор,
В холодной неге оживаю,
И бодр и весел выбегаю
Травы на бархатный ковер.

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства,
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!
Как быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужных крылах,
Они летают по вселенной
В былых и будущих веках!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смелые кипят,
И грудь трепещет молодая,
И гордый вспыхивает взгляд!

Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера
Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых;
Или в тиши благословленной
Жилища граций, где цветут
Каменами хранимый труд
И ум, изящно просвещенный;
В часы, как сладостные там
Дары Эвтерпы нас пленяли,
Как персты легкие мелькали
По очарованным ладам, -

С них звуки стройно подымались,
И в трелях чистых и густых
Они свивались, развивались –
И сердце чувствовало их!

Вот за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
От сеней леса над водами
Волнообразными рядами
Длиннеет трепетная тень;
В реке сверкает блеск зарницы,
Пустеют холмы, дол и берег;
В село въезжают вереницы
Поля покинувших телег;
Где-где залает пес домовый,
Иль ветерок зашелестит
В листьях темнеющей дубровы,
Иль птица робко пролетит,
Иль воз тяжелый и скрипучий,
Усталым движимый конем,
Считая бревна колесом,
Переступает мост плавучий;
И вдруг отрывной и глухой
Промчится грохот над рекой,
Уже спокойной и дремучей, -
И вдруг замолкнет... Но вдали,
На крае неба, месяц полный
Со всех сторон заволокли
Большие облачные волны;
Вон расступились, вон сошлись,
Вон, грозно-тихие, слились
В одну громаду непогоды –

И на лазоревые своды,
Молниеносна и черна,
С востока крадется она.

Уже безмолвие лесное
Налетом ветра смущено;
Уже не мирно и темно
Реки течение ночное;
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,
Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,
Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиною растянет.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнует,
Взрывает воды и леса,
Гремит, и блещет, и бушует.
Мгновенья дивные! Когда
С конца в конец по тучам бурным
Зубчатой молнии бразда
Огнем рассыплется пурпурным, -
Все видно: цепь далеких гор
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,
Села, и берега, и долины!
Вдруг тьма угрюмей и черней,
Удары громче громовые,
Шумнее, гуще и быстрее
Дождя потоки проливные.

Но завтра, в пышной тишине,
На небо ярко-голубое
Светило явится дневное
Восставить утро золотое
Грозой омытой стороне.

Придут ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священных памятников Пскова?
Твои родные красоты
Во имя муз благословляю
И верным счастьем называю
Все, чем меня ласкала ты.

Как сладко узнику младому,
Покинув тьму и груз цепей,
Взглянуть на день, на блеск зыбей,
Пройти по берегу луговому,
Упитья воздухом полей!
Как утешительно поэту
От мира холодной суеты,
Где многочисленные в Лету
Бегут надежды и мечты,
Где в сердце, музою любимом,
Порой, как пламени струя,
Густым задавленная дымом,
Страстей при шуме нестерпимом,
Слабеют силы бытия, -
В прекрасный мир, в сады природы
Себя, свободного, укрыть
И вдруг и гордо позабыть
Свои потерянные годы!

Осень 1826

К НЯНЕ А.С. ПУШКИНА

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки,
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре камены, -
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство;
С каким радушием - красою древних лет -
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас - добра и весела -
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе - и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летали беззаботно!

17 мая 1827

В.С. КУРОЧКИН

Мы рано стали жить, игривыми мечтами
Действительную жизнь наивно заменив;
Наш вкус, взлелеянный волшебными плодами,
Отбросил зрелые плоды, едва вкусив.
Мы с ранней юности взлелеяли опасный
Людей и общества тщеславный идеал;
Мы сжились сердцем с ним, как с женщиной прекрасной;
Он жажду подвигов и славы в нас всеял.
Он выкинул вдали обманчивое знамя,
Он ложным светом нам сулил счастливый день;
Как мошки мелкие, мы бросились на пламя,
Как дети глупые, свою ловили тень...
Слезами и тоской мы жизни заплатили
За светлые мечты, за вдохновенный взгляд,
За все, в чем прежде мы смысл жизни находили,
В чем нынче видим мы сомнений грустный ряд...
Жизнь сбросила для нас воскресные наряды,
Мечты о счастии заботами сменя...
Так блеск задумчивый и трепетный лампы
Бледнеет перед светом дня.

(1850)

А.Н. ЯХОНТОВ**ИЗ ГЕЙНЕ**

Задумчиво из лона вод
Всплывает белая лилея
И видит: месяц, пламенея,
В луче привет любви ей шлет.

Стыдась, она головкой бедной
Склонилась к трепетным водам
И видит: тот же месяц бледный
Упал, дрожа, к ее ногам.

(1884)

СТАРЫЙ ДОМ

(Посвящено памяти В.П.П.)

Не так уже младое поколение
Живет теперь и мыслит, как они:
Уже не те обычаи простые,
Все новое: и склад иной речей,
И смысл и направление иные
Наукою взлелеянных идей...
Но времени, в стремленье самовластном,
Разрушить, смыть всего не удалось:
Понятия о добром и прекрасном,
Радующие, как искони велось,
Прямая честь без страха и упрёка,
Горячее сочувствие к всему,
Что только носит образ человека,
Умение - в беде помочь ему
И все, чем так достойно украшалось
Былое поколение, все - осталось!
Здесь царствует наследственный *покой*
И чудно с ним *успеха* сочетание!
Здесь жизнь течет кипящею волной,
А в глубине – завет отцов святой,
Сокровище - семейное преданье.
Как пепел, жар священного огня
Оно хранит; не умерла в нем сила;
Оно - закат безоблачный светила –
Сулит зарю прекраснейшего дня.
Не случай здесь поступком руководит,

Не ищут здесь мимолетящих благ,
 Здесь юноша, ступая первый шаг,
 Пример себе в предании находит.
 Напутствуем заветом старины
 В потоке современного движенья,
 Свеж, выйдет он из жизненной волны
 На подвиги добра и просвещения.

(1880)

ГОЛОС ПРИРОДЫ

Что за раздолье широкое летом!
 Все, что таилось неведомо где,
 Вызвано к солнцу живительным светом.
 Радость, движенье и звуки везде.
 Сколько и жизнью, и песен родится:
 Всякая мошка - туда же поет;
 Всякий червяк незаметный - и тот
 День весь хлопочет: ползет, шевелится.
 Глаз не охватит широких равнин,
 Где золотой наливается колос;
 Звонкий кузнечик, земли гражданин,
 Тоже свободный имеет там голос.
 Песнями полон нескошенный луг,
 Роща поет, наклоняясь гибко!
 Ветви с чем-то зашепчутся вдруг...
 Там на воде расширяется крут –
 Весело плещется резвая рыбка.
 Слышите? Скачет лесной водопад;
 Ласточки с радостным криком несутся;
 Ржанье коня и блеяние стад
 Вечером в звучной дали раздаются.
 Все голоса точно свились в один;
 Радостный мир так глубоко спокоен
 И от земли до небесных вершин,
 Словно небесная арфа, настроен.
 Голос природы, немолчно в тебе

Слышится чувство всей твари свободной:
Как же таить человеку в себе
Праведный голос любви благородной?
В сердце природой любовь вложена:
Радость ли песнь вдохновенную сложит,
С воплями ль рвется наружу она –
Смертный в груди ее спрятать не может!
(1856)

СИЛА

Мощью ли разума, воли и слова,
Силою ль творчества, веры, любви,
Знанием, свободой ее назови –
Сила - венец совершенства земного.
Что-то влечет бессознательно к ней;
Есть что-то в ней благодушно прямое,
Схожее с чистой природой детей,
Мелкому злу и коварству чужое.
Сила - начало, ступень божества,
В силе - спокойствие, в силе терпенье,
Духа веселие, нерв естества,
Вечно здоровый родник наслаждения.
(1856)

х х х
Пока в душе, темно и смутно,
Я воскрешал твои черты
И в ней, по прихоти мечты,
Ты воцарялася минутно, -
Я пред тобой не открывал
Ни мимолетных впечатлений,
Ни легких сердца вдохновений:
Я сам себя не понимал!
Мне стыдно было дар мой бедный,
Как цвет без запаха и бледный,

С мольбой к ногам твоим принести!
 Что - пышно цветшее когда-то -
 Грозою скошено и смято,
 Тому, я думал, не расцвести.
 Но если, выстрадав забвенье,
 Страхнув прошедшее, как сон,
 Почувств силы возрожденья,
 Я новым чувством обновлен ?..
 Но если бьющееся снова
 Тебе я сердце принесу,
 И, трепеща, произнесу
 Святой любви святое слово?..
 Не мучь меня! Не опускай
 Стыдливо-девственного взора,
 Не заводи, не начинай
 Со мной пустого разговора!
 Пускай правдивый твой ответ
 Мне бездну счастья укажет,
 Или тоской на сердце ляжет –
 Одно из двух: середины нет!
 (1856)

Н.Л. ПУШКАРЕВ

ОТ ДЕРПТА ДО ПСКОВА

(Отрывок)

12

... Вперед!

Простимся с гордыми мечтами.
 Сырое утро. Снег клоками
 Валит и падает на лед.
 Кругом все тот же Пейпус дикий,
 Но уж вдали, как греза сна,
 Встают два мутные пятна,

То берега реки Великой,
То берега одной из рек,
Которых повесть, молвь родная,
Из рода в род, из века в век,
Передаёт, как гордость края.
Была пора, когда над ней
Цвел город вольного народа,
Где свято чтилася свобода
И презирався звон цепей.

13

Напрасно разные невзгоды,
Борьба князей, вражда бояр,
Наплыв монголов и татар
И Лях, и Жмудь, в былые годы
Не раз пытались разгромить
Вконец тот город величавый
И прах погибшего почтить
Своею тризною кровавой.
Он устоял. В его стенах
Росли и гибли поколения.
Река времен в своем теченье,
Всенизвергающем во прах,
Неумолимо, без пощады,
Топила пышные посадки,
Крушила царства, города,
Ломала здания свободы
И даже целые народы
С земли стирала без следа.
А он? Как прежде, величавый,
Высокостенный, многоглавый,
Он все стоял, и с вышины,
Как прежде, в глубь родной волны
Глядел и в пламени денницы,
И в синем сумраке ночей;
Глядел, то в узкие бойницы
Старинной крепости своей,

То колокольнями церквей
С их золочеными крестами,
То яркой зеленью садов,
То разноцветными рядами
Высоковерхих теремов.

14

Но на земле ничто не вечно!
Пришла пора, упал и он,
Что вы и знаете, конечно,
Из исторических писем.
То было пасмурное время!
И не один свободный Псков
Тогда познал неволи бремя
И свыкся с жизнью рабов:
Сибирь, Ливония, великий
Брат Пскова - Новгород, Казань –
Все заплатили ту же дань
Мечу московского владыки.
Суров и зол был царь Иван!
Он не любил давать пощады,
Не знал преград и без досады
Не мог смотреть на псковитян
И новгородцев. Все тираны,
Все - и Нероны, и Иваны –
Большие трусы. Им всегда
Во всем мерещатся обманы,
Измена, козни и вражда.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Таков же был и царь Иван,
Когда крушительный таран
Громил псковские палисады.
Упали стены псковичей,
Недвижной грудой камней
Легли их каменные своды.
Псков присмирел и замолчал,
И звучный колокол свободы
Сзывать на вече перестал,
И вече грустно опустело...

.....
.....

Везде немая тишина,
И только буйная волна
Реки великого - Великой –
Как прежде, стонет и гудет,
Уныло вторя непогоде,
И память вечную свободе
Неумолкаемо поет.

*(Стихотворения Н. Пушкарёва. СПб., 1869.
С.142-145)*

Л.Н. МОДЗАЛЕВСКИЙ

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ ВЕСНОЮ

Слети к нам, тихий вечер,
На мирные поля.
Тебе поем мы песню,
Вечерняя заря.

Темнеет уж в долине,
И ночи близок час.
На маковке березы
Последний луч угас.

Как тихо всюду стало,
Как воздух охладел!
И в сонной роще громко
Уж соловей запел.

Слети ж к нам, тихий вечер,
На мирные поля.
Тебе поем мы песню,
Вечерняя заря.

Дети! В школу собирайтесь, -
Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь, -
Смотрит солнышко в окно!
Человек, и зверь, и пташка –
Все берутся за дела;
С ношей тащится букашка,
За медком летит пчела.
Ясно поле, весел луг,
Лес проснулся и шумит,
Дятел носом тук да тук!
Звонко иволга кричит.
Рыбаки уж тянут сети,
На лугу коса звенит...
Помолясь, за книгу, дети!
Бог лениться не велит.

(1864)

П.Ф. ЯКУБОВИЧ

По лазури, чуть белея,
Вьются стаи облаков;
Речка мшистая, синяя,
Тонет в зелени лугов.
Незабудок мирных глазки
С берегов ее глядят,
И кругом, как в царстве сказки,
Тишина и аромат.
С умиленной душою,
С окрыленной мечтой
Я стою, открытый зною,
Над уснувшей волной.
Сильных плеч ярмо бессилья
Малодушно не гнетет;
Юность гордая, как крылья,
Смело мчит меня вперед!
В дикий сумрак лет далеких
Дерзко хочет заглянуть, -
И яснее вод широких
Перед нею жизни путь!

(«1883. Речка Кунья»)

*Подготовка текстов к публикации
Н.В. Цветковой, Н.Л. Вершининой*

СЕЛЬСКИЙ МИР ПСКОВЩИНЫ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПРОЗАИКОВ

(Материалы к литературному вечеру.
Художественно-публицистические тексты)

Л.Н.ТОЛСТОЙ

СУДОМА

сказка

В Псковской губернии, в Порховском уезде, есть речка Судома, и на берегах этой речки есть две горы, друг против дружки.

На одной горе был прежде городок Вышгород, на другой горе в прежние времена судились славяне. Старики рассказывают, что на этой горе в старину с неба висела цепь и что кто был прав, тот до цепи доставал рукой, а кто был виноват, тот не мог достать. Один человек занял у другого деньги и отперся. Привели их обоих на гору Судому и велели доставать до цепи. Тот, кто давал деньги, поднял руку и сразу достал. Пришел черед виноватому доставать. Он не отпирался, а только отдал свой костыль подержать тому, с кем судился, чтобы ловчее было руками достать до цепи; протянул руки и достал. Тогда народ удивился: как, оба правы? А у виноватого костыль был пустой, и в костыле были запрятаны те самые деньги, в каких он отпирался. Когда он отдал в руки костыль с деньгами подержать тому, кому он должен был, он с костылем отдал и деньги, и потому достал цепь.

Так он обманул всех. Но с тех пор цепь поднялась на небо и больше не спускалась. Так рассказывают старики.

(Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т.21. М., 1957. С.154)

А.С. ЗЕЛЕНОЙ**НЕ С ЧЕГО ДРУГОГО, А С ГРАМОТНОСТИ НАДОБНО
НАЧИНАТЬ ОБРАЗОВАНИЕ КРЕСТЬЯНИНА**

(Земледельческая газета. 1857 год. №9.с.65-69.)

Мы хлопочем о том: как бы улучшить нравственный и материальный быт крестьян наших... Первый шаг к радикальному улучшению быта крестьян...- образование. И эта истина - неоспоримая. Всякие другие меры могут помочь злу только временно, частно, случайно, непрочны.

Крестьянина надуют, обирают, обвешивают и обмеривают, - спросите вы его: зачем он поддается? Он вам ответит: “ Где ж нам, батюшка! Нам - кто в синем, тот и барин. Мы люди темные”.

- Зачем ты недавно возил в город какого-то пьяного писаря? - спрашиваете вы его.

- А как же не везти, батюшка? Въехал в деревню: «Давай,- кричит, - подводу скорее!» И бумагу показывает: “Приказ,- говорит,- из суда с вашей деревни подводу взять”. И печать приложена; а об том ли приказ - кто его ведаёт! Наше дело темное. К вашей милости - 10 верст - бежать далеко, а он торопит. Пока телегу ладил, да лошаденку запрягал, не один подзатыльник от него, проклятого, съел. “Дело, вишь,- говорит, - спешное, а ты, каналья, копаешься. Десятских, - говорит,- кликну, связать тебя велю, коли будешь разговаривать. Там тебе, - говорит, - такую баню за ослушку зададут, что не опомнишься!”

- Прогоня дал?

- Какие прогоны, батюшка. Этого мы никогда не видим! Треухов-то много дорогой давал: вези, вишь, скорее! Да уж бог с ним! А вот лошаденку - пусто б ему было - измучил совсем; чай в месяц не оправится! Держи ее теперь на стойле, а пора рабочая!

- Что ж ты в городе не пожаловался на него?

- В суд-то идти? На него жаловаться? Не, барин, спасибо!

Ну, оно, барин, всяко случается; на кого наскочишь. Вон, намерен, Никита рассказывал: потребовали его к допросу. Приходит:

- Ты почему, - спрашивают его там,- не везешь овса мещанину, что запродавал и задаток взял?

- Батюшка, будьте милосливы, - Никитка-то говорит,- запродавал я ему овес по 2 рубля 40 копеек серебром за четверть, точно, и задатку получил полтинник, а он теперь мне говорит, вези за 2 рубля ровно; я и задаток отдаю ему: “Нет, - говорит,- задатку назад не возьму, а доставь мне овса три четверти по 2 рубля, как покладались, не то пожалею; мне не тебе, до суда близко; заставят отвезти по 2 рубля”. А покладались-то мы по 2 рубля 40 копеек.

- Были свидетели? - спрашивает его набольший.

- Не, - говорит Никитка,- чужих никого не было, а был с мещанином сынишка его, мальчик.

- Ну вот видишь, - говорит набольший, - мальчик тоже сказывает, что по 2 рубля ты продавал; мы его спрашивали. Признавайся!

- Не на чем признаваться, ваше высочорodie, по 2 рубля 40 копеек продавал я, а задаток - пусть возьмет.

- Признавайся, - говорит,- скажи виноват! А не то хуже будет!” Сробел Никитка: “Забьет, - думает,- до смерти!” Что станешь делать! Повалился в ноги:

- Виноват, - говорит, - помилуй! А он, наибольший-то, пах двери:

- Войдите, - говорит, - господа, сознался! Запишите. Их надо, - говорит, - умеючи допрашивать...

Записали, дали Никитке 3 дня сроку:

- Доставь, - дескать, - в эти дня овес мещанину по 2 рубля. Делать нечего, доставил, а нам всем ведомо, что Никитка парень честной, да и цен на овес таких тогда не было - все продавали по 2.40. Да оно там нашему брату всё так: как допрос, так уж и держи ухо востро. Ну, иной крепок; что больше мошенник, то крепче. Бей его, не бей, а он всё своё: знать не знаю, ведать не

ведаю! Ну, а что честнее, то слабей; особливо коли приведут издалека - людей не видывал, в лесу живет, ну а тут город, суд - тот час и сробеет! Так и валится в ноги: виноват, значит, тут тотчас свидетели и запишут. Где нам, барин, с судами знаться! Не приведи господи! Наше дело темное!

Будь же крестьянин образован, знай он твердо свои обязанности и свои отношения к начальству, - с ним бы подобных случаев не было...А образование начинается грамотностью.

Крестьянин берет подряды, заключает контракты, - не словесные, а письменные, - если он безграмотен, плати и за написание, и за подписание вместо него, и, пожалуй, за прочтение. Крестьянин несет на почту какой-нибудь потом добытый целковый послать его сыну, брату или иному сроднику. В получении почтовой квитанции ему надобно расписаться - плати он 3,5, а иногда и больше копеек серебром за расписку, если он безграмотный, а ему и одна копейка дорога.

Приходит крестьянин в казначейство платить подати.

- Ты что?- спрашивает его вышедший из канцелярии приказный.

- Подушину принес заплатить, батюшка, за вотчину.

- Сколько у тебя?

- Столько-то, батюшка! Сделайте божескую милость, не задержите, примите!

- Хорошо, - говорит приказный, - подай объявление.

Крестьянину и в голову не приходит, что закон не обязывает его, а только позволяет представлять подати при объявлении.

- Мы люди темные, батюшка, уж коли что написать надо, так будьте милосливы, напишите.

- Хорошо, - отвечает деловым тоном приказный, - давай целковый!

- Не дорогонько ли будет, ваше высокородие?- осмеливается заметить крестьянин, переминаясь.

Приказный скрывается. Проходит немало времени. Мужик стоит, вздыхая.

- Любезный, служба, - наконец говорит он, обращаясь к присяжному, - доложи, бога ради, тому, что был тут: долго ль мне маяться! Пусть целковый возьмет, скажи, мол, глупостью повладали.

Является приказный, берет от мужика целковый и ведет его к казначею. Мужик отсчитывает деньги, низко кланяется и возвращается в прихожую ждать квитанции...Жди, пожди, проходит еще немало времени - является тот же приказный.

- Что стоишь?- спрашивает он у своей жертвы.

- Квитанции дожидаясь, батюшка!

- Приходи завтра.

- Батюшка, будь батька родной, отпусти сегодня! Фатера, прокорм лошади, за 100 верст приехал...Я бы уж вашей милости еще полтинником поклонился...

- Дурак, за сколько душ платил, а хочешь полтинником отделаться...Ну, да уж куда не шло - давай!

Мужик отдает полтинник с низким поклоном. Проходит еще несколько времени. Приказной снова является.

- Готова квитанция, - говорит он, - ступай, распишись в получении.

- Да я неграмотный, батюшка! Уж будьте милосливы.

- Дурак! Разве за тебя обязан писать кто-нибудь даром?

- Сколько же надо, батюшка?

- Двугривенник, - отрывисто отвечает приказный, - дешевле не возьмут.

Мужик отдает двугривенник и получает, наконец, квитанцию.

-Слава - те, Господи!- думает он, - в один день развязался!...

Приезжает мужик домой, является к барину.

- Заплатил подушину?

- Заплатил, батюшка.

- Покажи квитанцию.

Мужик подает.

- Отчего недоимка?- спрашивает помещик.

- Не ведаю, батюшка, я все заплатил.

- Как не ведаешь? Пять целковых с копейками в недоимке показано...Сколько-то денег внес?

- Казначею отдал столько-то, да приказному столько-то...

- Как столько-то? В квитанции показано пятью целковыми меньше того, что ты говоришь казначею отдал. Ты украл? Пропил?

- Дай, Господи, мне с места этого не сойти, детей моих не обзреть,- начинает клясться мужик, творя крестные знамения, - коли я хоть грошь себе взял! Как перед богом говорю Вашей милости - все отдал! Что они там в квитанции пишут - бог их ведает! Наше дело темное!...

И точно тут дело темное. Если и мужик смошенничал, то как вы уличите его? А отговорки “темнотою” не было бы, если бы он был грамотный...Подобных случаев и обстоятельств в быту крестьянина можно бы представить целые сотни...но довольно и этих, чтобы показать, что грамота нужна крестьянину не только в нравственном, но и в материальном отношении, и что с нее, а не с чего другого надобно начинать его образование.

К.К. СЛУЧЕВСКИЙ

Святогорский монастырь.

Его история. Ярмарка. Поход иконы. Могила Пушкина. Панихида над нею. Воспоминания о Пушкине. Письмо его к Чаадаеву. Ночлег в селе Михайловском.

В Новгородке, как сказано, путники оставили шоссе. Только 2 июня, то есть после семидневного путешествия на лошадях, они снова приблизятся к железной дороге; нет сомнения, что подобные длинные переезды по почтовым и проселочным путям в наши дни по Европейской России, - большая редкость.

Часам к шести вечера поверх густой зелени поросших лесом холмов показались купол и колокольня Святогорского монастыря, где похоронен Пушкин. До монастыря оставалось еще восемь верст¹. Они сделали 22 версты за полтора часа; в распутицу пришлось бы проехать семь часов. Наш поэт, как известно, родился 26 мая 1799 года², и путники поклонились его праху в самый день его рождения.

Святогорский монастырь, находящийся в 108 верстах от Пскова, возник только во второй половине XVI века, на, так называемых, Синичьих горах, и известен всей России потому, что приютил останки Пушкина. В 1547 году Тимофей юродивый имел тут видение иконы Пречистой Богородицы, и неизвестно откуда шедший голос призывал его на это же самое место по прошествии почти шести лет. Юродивый, действительно, явился и увидел другую икону Одигитрии. Об этом пошла молва, появились странники и страннички; псковский наместник³, князь Токмаков, донес государю; присланы были следователи и повелено было построить монастырь. Дальнейших сведений о судьбах монастыря нет; в 1780 году он истреблен пожаром. Соборная церковь Успения поставлена, вероятно, в XVII

столетии. Монастырская ограда имеет 400 сажень⁴ длины. Статьями монастырского дохода являются две местные ярмарки. Ежегодно из монастыря совершается крестный ход. Икона поднимается, как здесь привыкли говорить, «в поход» в первое воскресенье после девятой пятницы⁵; ее несут во весь путь на руках, но прежде это было картиннее: ее несли только до реки Сороти; по ней и по реке Великой она следовала на судах до Выбутских порогов, затем ее поднимали снова на руки и шествовали на Спасо-Мирожский монастырь, в Псков.

Путники прибыли в монастырь к началу «похода» иконы. Обычная, многолюдная на этот раз ярмарка была на исходе; тысячи народа, расположившегося по крутым скатам святогорских холмов, обильно поросших листвою высоких деревьев, вдоль крыш и крылец лежащей у подножья монастыря слободы Тоболенец, ожидали начала торжества; колокола гудели неумолчно. Готовая к походу, обставленная блестящими хоругвями⁶, стояла на носилках икона Одигитрии и пред нею, в полном облачении, окруженный монахами, архимандрит⁷ Николай. Яркое солнце горело на золоте иконы и ризах⁸ духовенства. Прослушав краткое приветственное слово, приложившись к иконе и осеняя себя крестным знаменiem, путники, по обычаю народному, прошли под нею и направились в монастырь.

Подъем по лестнице к церкви крут и высок; он идет все время под навесом и, так сказать, направляет идущего прямо в церковь. Отслужив молебен⁹, они посетили могилу Пушкина, находящуюся снаружи церкви со стороны алтаря, подле самой кручи монастырского холма. С одной стороны ее – три апсиды¹⁰ церковные, с другой – три высокие липы, и широко кругом, и далеко внизу – один из типичнейших и красивейших сельских видов наших. Панихида¹¹ по рабе Божиим Александре, пропетая всем собором в присутствии многих тысяч непокрытых голов людских в самый день рождения бессмертного поэта, была величественна.

Пушкин, как известно, за год до своей смерти приготовил себе могилу в монастыре. Когда-то заказывал он в этом монастыре обедню¹² и панихиду по боярине Георгии – это значило по лорде Байроне¹³! Инокам, конечно, и в ум не приходило, что они молятся за упокой души человека, не особенно-то их доллюбливавшего; но тот, кто объяснит себе эту панихиду кощунством со стороны Пушкина, будет далек от истины. Пушкин, несомненно, искренно молился, как молился искренно и Байрон, потому что в конце концов человеку без молитвы все-таки жить нельзя.

Делать какую-либо характеристику Пушкину в путевом очерке не имело бы значения. Основательные труды новейших исследователей хорошо известны; всем еще более известен Пушкин сам. Но нельзя было не вспомнить, присутствуя при только что описанной панихиде, одного чрезвычайно характерного письма Пушкина, замеченного читающей публикою менее, чем бы следовало. Оно было писано к П.Я. Чаадаеву в 1836 году по поводу его «Философских писем» и помещено в 1884 году в «Русском архиве». Письмо это – пароль и лозунг, оставленные Пушкиным русскому человеку.

«Вы говорите, - пишет между прочим Пушкин, - что мы, то есть русские, черпали христианство из нечистого источника, что Византия была достойна презрения и презираема и т.п. Но, друг мой, разве сам Христос не родился иудеем, и Иерусалим разве не был притчею во языцех? Разве Евангелие от этого менее дивно?.. Русское духовенство... никогда не оскверняло себя мерзостями папства». «Что же касается нашего исторического ничтожества, - говорит Пушкин, - я положительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные войны, ведь эта же жизнь кипучей отваги и бесцельной и недозрелой деятельности, которая характеризует молодость всех народов. Вторжение татар есть печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ход к единству (к русскому, конечно, единству), оба Ивана, величественная

драма, начавшаяся в Угличе и окончившаяся в Ипатьевском монастыре, как, неужели это не история, а только бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один – целая всемирная история? А Екатерина Вторая, поместившая Россию на порог Европы? А Александр, который привел нас в Париж, и (положа руку на сердце) разве вы не находите чего-то величественного в настоящем положении России, чего-то такого, что должно поразить будущего историка?.. Клянусь вам честью, что ни за что на свете я не захотел бы переменить отечества, ни иметь другой истории, как история наших предков, как нам Бог послал».

У нас много людей, которые не захотят понять, что могло быть «величественного» в положении России в 1836 году, при Николае I, и почему именно оно могло показаться таковым Пушкину. Но выписки, только что сделанные, это такие перлы в славе Пушкина, которых именно недоставало для уразумения в нем некоторых не совсем ясных сторон. Человек, написавший это письмо, несомненно, стал чужим для многих несогласных с ним людей, но зато он передался всею силою своего великого гения, своего горячего сердца подавляющему большинству людей великорусского пошиба, того пошиба, который сделал и делает всю нашу историю.

Письмо относится по времени написания к 1836 году, к периоду полной зрелости нашего поэта, к периоду, наставшему для него со времени прибытия его из Бессарабии в деревню Михайловскую. Но не одно Михайловское, а также и соседнее с ним Тригорское с милым семейством Осиповых, посещения Языкова и Дельвига, и эта бесподобная няня Арина Родионовна, и природа, и народ, - все это вместе взятое - вот что подняло и утвердило дух нашего поэта. «Деревня поставила его на ноги, - говорит новейший исследователь, Незеленов, - в деревне прошел он последнюю школу – школу Шекспира, памятников русской истории и народной поэзии; в деревне создал он «Бориса Годунова», и последние строки, писанные им к Осиповой в 1836

году, гласят не напрасно: «Мне мило только Тригорское». Подъезжая к монастырю, влево от дороги, видно это Тригорское.

Вечер этого полного впечатлений дня проведен был в Михайловском, у Григория Александровича Пушкина. В любезной беседе хозяина и хозяйки время к ночи подошло очень быстро; воспоминаниям о Пушкине отведено было, конечно, первое место. Необходимо заметить, что на меню обеда было изображено Михайловское времен Пушкина; хотя дом, приютивший путников на ночлег, построен только в шестидесятых годах, но некоторое сходство в общем расположении усадьбы сохранилось: длинный, одноэтажный дом посредине, с обеих сторон его - два небольшие флигеля. Перед домом круглая куртина¹⁴. Из вещей Пушкина остались: кресло, ятаган, подаренный ему на Кавказе графом Паскевичем, и четыре бильярдные шара.

Ночь была чрезвычайно ясная, как и минувший день; на следующее утро перед отъездом из Михайловского, последовавшим в 9 часов утра 27 мая, путники более часу сидели на балконе. Вид с балкона в ясный день очарователен. От дома вниз идет ступенями терраса; широкая долина разворачивается перед глазами верст на шестнадцать, ее обрамляют далекие, поросшие лесом холмы; глубоко внизу течет по зеленому лугу синяя река Сороть; вправо и влево совсем близко блещет по одному озеру. Говорят, что простой народ села Михайловского не знает, а называет его Зуево.

Примечания:

¹ Верста – русская мера длины, равная 1,06 км, применявшаяся до введения метрической системы.

² Дата рождения А.С. Пушкина по старому стилю.

³ Наместник – должностное лицо в древней Руси, возглавлявшее местное управление.

⁴ Сажень - русская мера длины, равная 2,134 м, применявшаяся до введения метрической системы.

⁵ Счет недель шел от Пасхи.

⁶ Хоругвь – полотнище с изображением Христа или святых, укрепленное на длинном древке.

⁷ Архимандрит – титул настоятеля большого или особо древнего монастыря; высшее звание монашеского лица.

⁸ Ризы – верхнее облачение священника при богослужении.

⁹ Молебен – краткое богослужение.

¹⁰ Апсида – архитектурный термин: полукруглый выступ в стене христианских церковных зданий.

¹¹ Панихида – церковная служба по умершему.

¹² Обедня – главное христианское богослужение, на котором совершается таинство причащения (евхаристии).

¹³ Пушкин узнал о гибели Байрона, будучи в ссылке в Михайловском.

¹⁴ Куртина – клумба.

Ал. АЛТАЕВ**ГДОВЩИНА
(ОТРЫВОК)**

Лето 1895 года, чудесное жаркое лето. К станции Белая, между Лугой и Псковом, из погоста Лосицы за нами должны были выслать лошадей.

Раннее утро. Еще не обсохла роса, и капельки ее на уже запыленных лопухах горели радугой. В железнодорожном расписании, возле названия «Белая», была изображена чарочка, что значило: «вокзал имеет буфет». Но ни на минуту не хотелось задерживаться, чтобы перекусить или выпить хотя бы чаю. Тянуло скорее добраться до места. Два-три сонные железнодорожные сторожа, - они же и носильщики, - толкались около поезда, стоявшего здесь целых четверть часа. Они помогли нам высадиться и вытащить вещи.

Один из них, добродушно осклабясь, предложил почему-то с украинским акцентом:

- А то бы шо спросили? Або шо найдется у буфете... трошки погодьте.

А так как мы не только «трошки годить» не собирались, а даже в комнату для ожидания пройти отказались, он неторопливой развалкой пошел искать заказанных нам лошадей. А вернулся, улыбаясь еще приветливее:

- Оце добри кони! – сказал он, поднимая с земли наш багаж. И пока усаживал меня с двухлетней дочкой и старушкой няней в тарантас, всё посмеивался, что с такой «толстой бабусей» нам, пожалуй, и не уместиться втроем. Потом снимал несколько раз картуз, усиленно благодарил за плату и просил не забывать, что он здесь постоянный служащий. А живет на Лесной улице, и фамилия его – «Молочный», а родом из самой Подольской губернии.

Пока мы усаживались, я радостно прислушивалась к перезвону бубенцов на шее коренника, наблюдала, как побледневшая за долгое сидение в городских стенах дочка смотрела широко раскрытыми глазами на зелень вокруг унылых железнодорожных построек, выкрашенных охрой, и жадно вдыхала свежий воздух.

- Но-о, ми-ла-а-ые! – крикнул, наконец, приехавший за нами крестьянин и дернул возжи.

Тряская мостовая сразу же заставила старую Аннушку громко охнуть. На переезде через рельсы она хваталась за меня, боясь вывалиться.

А мне было хорошо и радостно от лучей солнца, от запаха земли, от смолистых побегов молодых сосенок придорожного леска, от жужжания шмелей, немудреного пения каких-то невидимых птиц в зарослях ольхи, от легкого тумана, поднимавшегося ввысь и тающего в голубизне ясного неба.

Ехать предстояло сорок пять верст по шоссе. Шоссе давно не чинилось. И если возница не свернет порой в объезд, по глубокому придорожному песку, а поедет напрямик, то кажется, что тарантас сейчас опрокинется, а в лучшем случае, только окончательно вытряхнет душу...

Мелькают верстовые столбы, придорожные кусты, зеленые всходы полей и смешные названия поселков.

- «Щир»... - объявляет возница. – Здесь господа живут и дачники... А дальше «Выборова», потом «Сковородка»...

- Сковородка? – переспрашиваю я.

- Она самая. А там пойдут близко одно к другому... у нас так и говорят, коли оттелева едут: «Ждать милости на сковородку». Ждани, значит, Милажи и Сковородка. Да, эва она – Сковородка!

И указал кнутом на силуэт колодезного журавля.

Сколько их по дороге, этих журавлей и колодцев, и лесков с перелесками, и хмурых приземистых изб, и огородов с пугалами, и березок. Но дальше, дальше... Туман начисто рассеялся, ярко светит солнце, дорога пылит, уходя в даль, оставляя позади деревни с забавными названиями, поля и овражки, пасущиеся стада, встречные телеги, дразня бубенцами собак и вызывая переполох среди разбегающихся во все стороны кур...

.....
- Здесь? Где же здесь? Мне нужно в новый домик Лосицкого священника. А тут – кладбище...

- Оно тут самое и есть. А вона и они – батюшка, отец Вениамин, - услышали, зная, что едем, и вышли сами.

Это было целое шествие. Впереди – еще нестарый священник, с короткими волосами и мягкими чертами лица, с близорукими голубыми глазами, смотревшими из-под очков, в холстинковом подряснике. За ним попевала худенькая плоскогрудая некрасивая «матушка» – попадья, а позади родителей бежала маленькая смуглолицая девочка. Группу замыкала коротконогая, лохматая, весьма, однако, симпатичного вида, серая дворняжка.

Девочка громко звала:

- Барбик! Барбик!

Но сконфузившись своего громкого окрика, спряталась за мать.

Процессия невольно напомнила популярный в то время рисунок – силуэт Елизаветы Бем к сказке «Репка». Возница уже вносил вещи в маленький, только что, видимо, отстроенный дом.

Торопясь и стараясь быть как можно бодрее, священник заговорил:

- Чем богаты, - тем и рады. Располагайтесь, пожалуйста, а что не так и что можем, всегда, пожалуйста... не стесняйтесь...

Попадья, показывая в приветливой улыбке десны с выкрошившимися зубами, приветливо подхватила:

- Это так! Всегда рады. А только сейчас милости просим к нам закусить. Уж не отказывайтесь. С дороги хлопотать легко ли? Дорога-то у нас тяжеловата, при том же – жара. Лошадей слепни заели. А вас пыль замучила. Уж к нам, пожалуйста. А Ниночка с вашей дочкой поиграет. Хоть и постарше немного она, а ничего. Ниночка, стыдно так, - куда прячешься, глупенькая?

Четырехлетняя девочка закрывалась полкой материнской кофты и тоненьким голосом звала:

- Барбик! Барбик!

Собачонка, ожидая, очевидно, обычной беготни взапуски, в восторге прыгала и громко визжала.

Не распаковывая вещей, только умывшись у рукомойника, мы заперли на замок дверь и отправились с попадьею наискосок, к старому церковному дому, где жила семья отца Вениамина.

В уютной столовой пили чай с топленым молоком и ели что-то удивительно вкусное и сдобное, ели яичницу-глазунью и молочный кисель. Угощала и жена, и мать отца Вениамина, согбенная старушка в черном кружевном головном уборе, рассказывавшая, что здесь вблизи нет никакого доктора, и она пользует всю семью гомеопатической аптекой. За разговорами мы и не заметили, как две девочки, хозяйская и моя, успели подружиться и вместе с Барбиком забрались в кухню на высокие палати.

Вещи, наконец, развязаны, разобраны, разложены. Аннушка, сияя улыбкой, не устает хвалить:

- Сразу видно, что попали под видимое благостное начало. Все в доме, как надоть... и чистота... и все на месте. Только жить и жить!

Дочка тоже довольна: ее несмолкаемая болтовня слышится из священнического огорода чрез дорогу. До сих пор ей не часто приходилось общаться с подружками, да еще с такой веселой девочкой, как Нина Вещезерова.

Представленный нам домик поражает хозяйственностью. «Дешево и сердито», - смеясь, говорю я. И действительно, за двадцать рублей в лето, - живи хоть до снега, - я получила две комнаты с кухней, балконом, с полной обстановкой и даже с посудой. В висячей лампе налит уже керосин, и постели нам всем готовы, а для дочки – детская кроватка с сеткой.

Домик стоит на берегу узенькой говоруньи-речонки Дряжны, с каменистым дном и чистой прозрачной водою, где из омутка берут воду для хозяйственной потребности. Возле домика, вместо сада – заросли сирени да одинокая клумба с будущей настурцией. Зеленый лужок круто спускается к речке. А по другую сторону дороги, за каменной кладкой ограды и кустов густой жимолости виднеются замшелые кресты старого кладбища...

*Подготовка текстов к публикации
В.Н. Финаевой, С.Е. Митрофановой,
И.В. Мотейунайте, М.А. Кузьменко*

Содержание

От редакции	3

ГЛАВА I ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕГО ПСКОВА

Литература древнего Пскова (В.И. Охотникова)	5

ГЛАВА II ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

Литература XVIII века (Н.Л. Вершинина)	79
Феофан Прокопович (Т.Е. Автухович)	84
Яков Борисович Княжнин (Л.А. Казакова)	90
Денис Иванович Фонвизин (Н.Л. Вершинина)	95
Гавриил Романович Державин (Н.Л. Вершинина)	101
Андрей Тимофеевич Болотов (Н.Г. Лапина)	107
Евфимий Алексеевич Болховитинов (Л.А. Казакова)	118

ГЛАВА III ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Литература первой половины XIX века (Н.В. Цветкова)	123
Петр Александрович Корсаков (Н.Л. Вершинина)	126
Степан Иванович Висковатов (Н.В. Цветкова, Л.А. Казакова)	141
Александр Николаевич Креницын (Н.В. Цветкова)	145
Андрей Андреевич Ивановский (Н.В. Цветкова)	155
Иван Ермолаевич Великопольский (Н.В. Цветкова)	160
Пушкин в Псковском крае (Н.В. Цветкова)	171
Петр Андреевич Вяземский (Н.В. Цветкова)	220
Антон Антонович Дельвиг (Н.В. Цветкова)	231

Николай Михайлович Языков (Н.В. Цветкова)	241
Рафаил Михайлович Зотов (Н.В. Цветкова, Л.А. Казакова)	252
Фаддей Венедиктович Булгарин (Н.Л. Вершинина)	257

ГЛАВА IV ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Литература второй половины XIX века (Н.Л. Вершинина)	267
Михаил Александрович Назимов (Б.В. Мельгунов)	294
Александр Дюма (Н.И. Вершинина)	306
Николай Алексеевич Некрасов (Н.Л. Вершинина)	311
Александр Васильевич Дружинин (Л.В. Грекова)	320
Александр Николаевич Яхонтов (Н.Л. Вершинина)	327
Михаил Петрович Погодин (Н.Л. Вершинина)	339
Александр Сергеевич Зеленой (С.Е. Митрофанова)	345
Лев Александрович Мей (В.Г. Степанов)	349
Александр Михайлович Жемчужников (И.В. Мотеюнайте)	362
Николай Семенович Лесков (И.В. Мотеюнайте)	367
Константин Константинович Случевский (И.В. Мотеюнайте)	377
Анна Григорьевна Достоевская (И.В. Мотеюнайте)	387
Константин Константинович Романов - поэт К.Р. (И.В. Мотеюнайте)	393

ГЛАВА V ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX -ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Литература конца XIX – первой половины XX века (А.Г. Разумовская)	399
Федор Сологуб (А.Г. Разумовская)	412
Ян Райнис (И.В. Полковникова)	420
Поэты «блоковского круга» (А.Г. Разумовская)	427
Вильгельм Александрович Зоргенфрей	427
Надежда Александровна Павлович	429
Мария Михайловна Шкапская	431
Саша Черный (В.Н. Бредихина)	437
Иван Алексеевич Бунин (А.Г. Разумовская)	456
Холомковский «узел культуры» (А.Г. Разумовская)	461
Михаил Михайлович Бахтин (И.В. Мотеюнайте)	475
Александр Степанович Грин (Е.А. Козлова)	484

Юрий Николаевич Тынянов (А.Г. Разумовская)	491
Ал. Алтаев (А.Г. Разумовская)	500
Вениамин Александрович Каверин (И.В. Полковникова)	506

ГЛАВА VI

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПСКОВЩИНЫ в 1940-е-1960-е гг.

Литературная жизнь псковщины в 1940-е-1960-е гг. (А.В. Филимонов)	524

ГЛАВА VII

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПСКОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Псковская писательская организация:	
Вчера, сегодня, завтра (О.А. Калкин, И.Я. Панченко)	535
Иван Афанасьевич Васильев (И.И. Петрова)	539
Евгений Павлович Нечаев (И.И. Петрова)	556
Иван Васильевич Виноградов (И.И. Петрова)	565
Игорь Николаевич Григорьев (И.И. Петрова)	578
Лев Иванович Маляков (И.И. Петрова)	594
Два воина. Семен Степанович Гейченко,	
Евгений Александрович Маймин (А.А. Бологов)	602
Александр Иванович Гусев (И.И. Петрова)	612
Валентин Яковлевич Курбатов (И.И. Петрова)	623
Александр Александрович Бологов (Н.Л. Вершинина)	631
Юрий Николаевич Куранов (М.Р. Михайлова)	643
Олег Владимирович Тиммерман (И.Я. Панченко)	650
Ирена Язеповна Панченко (И.Д. Журавлёва)	654
Евгений Михайлович Афанасьев (В.М. Мухин)	660
Иван Егорович Калинин (И.Д. Журавлёва)	665
Станислав Александрович Золотцев (И.Д. Журавлёва)	673
Борис Тимофеевич Ильин (В.П. Краснопевцев, И.Я. Панченко) ...	679
Валерий Михайлович Мухин (И.Д. Журавлёва)	683
Валентин Павлович Краснопевцев (Е.Г. Киселёва)	694
Виктор Михайлович Русаков (И.Я. Панченко)	698
Новые публикации псковских литераторов (И.И. Петрова, И.Я. Панченко)	701

ГЛАВА VIII ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ

О значении регионального компонента в преподавании литературы (Н.Л. Вершинина)	717

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ. БИБЛИОГРАФИЯ.

Литература древнего Пскова (В.И. Охотникова)	721
Литература XVIII века. (Н.Л. Вершинина, Л.А. Казакова, Н.Г. Лапина)	727
Литература первой половины XIX века (Н.В. Цветкова, Н.Л. Вершинина, Л.А. Казакова)	730
Литература второй половины XIX века (Н.Л. Вершинина, И.В. Мотеюнайте, В.Г. Степанов, Н.И. Вершинина)	736
Литература конца XIX – первой половины XX века (А.Г. Разумовская, И.В. Полковникова, И.В. Мотеюнайте, Е.А. Козлова, В.Н. Бредихина)	745
Поэты фронтового поколения (Н.Л. Вершинина)	
Литературный Псков и современность (И.И. Петрова, Н.Л. Вершинина, И.Я. Панченко, М.Р. Михайлова)	755
Материалы к литературному вечеру	765

П 868

ПСКОВСКИЙ КРАЙ В ЛИТЕРАТУРЕ

Технический редактор: **А.А. Кирсанов**

Издательская лицензия **ИД №06024** от 09.10.2001 года.

Подписано в печать 23.12.2002 г. Формат 60х90/16.

Объем издания в усл.печ.л. 50,5. Тираж 3000 экз. Заказ .

Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова,
180760, г. Псков, пл. Ленина, 2.

Редакционно-издательский отдел ПГПИ им. С.М.Кирова,
180760, г. Псков, ул. Советская, 21, телефон (811-22) 2-86-18.

ГУП «Великолукская городская типография»
Комитета по средствам массовой информации Псковской области.
182100, Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12.

Тел./факс: (811-53) 3-62-95.

E-mail: VTL@MART.RU

ISBN 5-87854-236-6

9 785878 154236 4